

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ

ЦЕЙЛОНА И ИНДИИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна за двѣ части 2 р. 50 к.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1878.

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ
ЦЕЙЛОНА И ИНДИИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣва.

1878.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго м., д. № 93. :

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«It is well said, in every sense, that a man's religion is the chief fact with regard to him. A man's or a nation of men's».

Carlyle.

Авторъ настоящей книги провелъ въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ около двухъ лѣтъ, объѣхалъ почти весь островъ и значительную часть сѣверной Индіи, отъ Калькутты до Лагора. Онъ побывалъ въ Бихарѣ, Непалѣ, Камаонѣ, въ части Пенджаба и Раджпутаны, и закончилъ свое индійское путешествіе въ Бомбеѣ. Часть собранныхъ во время путешествія замѣтокъ уже была напечатана въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и вошла въ настоящую книгу въ нѣсколько переработанномъ видѣ; нѣкоторыя же главы являются здѣсь впервые.

Озаглавивъ свою книгу „Очерками Цейлона и Индіи“, авторъ полагаетъ, что этимъ самымъ онъ уже достаточно выяснилъ, какъ слѣдуетъ относиться къ его книгѣ, иными словами опредѣлилъ, чего не слѣдуетъ искать въ ней. Настоящая книга не есть изложеніе долговременнаго путешествія, а потому далека отъ притязанія представить

читателю полное описаніе Цейлона и Индіи. Авторъ имѣлъ въ виду пересказать только о томъ изъ видѣннаго имъ, къ уразумѣнію чего, онъ считалъ себя наиболѣе подготовленнымъ. Предпринявъ путешествіе въ Индію съ спеціальною научною цѣлью, авторъ по роду своихъ занятій и въ слѣдствіи кратковременнаго пребыванія въ странѣ, не могъ обратить должнаго вниманія на многое изъ того, что безъ сомнѣнія заинтересовало бы читателя болѣе нежели содержаніе настоящихъ очерковъ. Несмотря однакоже на отрывочность собранныхъ въ книгѣ свѣдѣній, на нѣкоторую односторонность настоящихъ очерковъ, авторъ, глубоко убѣжденный, что въ Россіи всестороннее изученіе древней и новой Индіи есть одна изъ настоятельныхъ потребностей, позволяетъ себѣ думать, что появленіе его книги очерковъ, хотя и касающихся главнымъ образомъ одной стороны индійской жизни, именно религіозной, не совершенно бесполезно.

Большинству читателей, конечно, хорошо извѣстно то сильное вліяніе, какое оказали на современную Европу начавшіяся въ XIX ст. изслѣдованія древне-индійской литературы и языка; непосредственнымъ слѣдствіемъ розысканій въ этихъ областяхъ было появленіе новыхъ отраслей научнаго знанія. Открытія въ такой скромной и для громаднаго большинства у насъ такой скучной и безплодной области научныхъ изслѣдованій, какъ сравнительная грамматика, не только расширили предѣлы нашихъ свѣдѣній о челоувѣкѣ, отодвинули начало нашей исторіи въ глубь вѣковъ, но они же дали результаты непосредственной важности для практической дѣятельности. Идеи пле-

меннаго родства, такъ настойчиво и такъ ясно доказанныя сравнительною мнѣологіею и сравнительною грамматикою, переставъ быть отвлеченными истинами, перешли въ жизнь, и въ сильной зависимости отъ изученія древняго слова, мнѣа и стародавняго права развился національный принципъ современной политики.

Но какъ не важны были по своимъ результатамъ эти отрасли нашего вѣдѣнія, какъ не плодотворно было для современной Европы знакомство съ древне-индійской литературою и съ санскритомъ, всестороннее знаніе Индіи далеко не исчерпывается однимъ таковымъ только изученіемъ. Столь-же полно высокаго научнаго интереса изученіе современной Индіи, той Индіи которая не нашла себѣ выраженія въ древней литературѣ или той которая все болѣе и болѣе отрывается отъ своего прошлаго роднаго, и не уяснивъ себѣ вполнѣ новыхъ задачъ, какъ бы находится въ тревожномъ недоумѣніи. Индія, прежде всего, страна обширная, полная разнообразія и оригинальности; тамъ рядомъ съ явленіями первобытной культуры есть слои общества, зараженные болѣзнями другой болѣе прогрессивной ступени развитія: на одной и той же почвѣ процвѣтаетъ суевѣрный слугитель фетиша, и растутъ и зрѣютъ юные скептики, все отрицающіе, ни во что невѣрующіе и во всемъ сомнѣвающіеся. По различнымъ закоулкамъ Индіи до сихъ поръ наблюдатель можетъ еще найти вполнѣ сохранившимся стародавній строй жизни; на его глазахъ могутъ пародиться новыя общественныя группы, трибы и кланы, люди амальгамироваться въ еще болѣе крупныя общественныя группы, подѣ

вліяніемъ новой религіи, и онъ воочію узритъ такія общественныя движенія и такое душевное настроеніе отдѣльной личности, словомъ все то, съ чѣмъ современному европейцу приходится знакомиться лишь на страницахъ старо-давнихъ хроникъ или изъ полупонятныхъ легендъ. Въ большихъ городахъ Индіи передъ тѣмъ же наблюдателемъ предстаеъ совершенно иная по своему характеру жизнь: въ той же Индіи, онъ увидитъ новую эпоху, почуветъ вѣяніе новаго времени съ его вопросами и сомнѣніями. И если отъ первыхъ наблюденій несомнѣнно должна выиграть наука сравнительнаго правовѣдѣнія и ихъ результаты должны привести къ правильнымъ выводамъ о генезисѣ и развитіи намъ близкаго и роднаго общества, то изученіе явленій второго рода имѣютъ непосредственную важность для „злости дня“.

Кто видѣлъ на мѣстѣ въ Индіи англійское управленіе и, не увлекаясь ложнопонятымъ патриотизмомъ, не закрывалъ глаза на все добро, сдѣланное англичанами тамъ, тотъ конечно будетъ далеко отъ всякой мысли о возможности новой иноземной гегемоніи надъ индійцами. Стимуломъ къ изученію Индіи въ Россіи должны быть не антипатріотическіе, мечтательные планы грандіозныхъ завоеваній. Намъ нужно знать богатѣйшія и первенствующія владѣнія Англии, уже потому, что Англія въ Азій наша сосѣдка и всюду соперница. Въ сильной зависимости отъ знанія британскихъ порядковъ дома, въ Англіи и въ заморскихъ ея колоніяхъ и владѣніяхъ находится успѣшный исходъ нашего соперничества; чѣмъ лучше, всестороннѣе и безпристрастнѣе мы оцѣнимъ созданное ею, тѣмъ вѣрнѣе пашь собственныи усиліяхъ.

Не нужно думать, однакоже, чтобы возможно было изучение английскихъ порядковъ въ Индіи безъ знанія древней Индіи или Индіи, не зараженной еще западною цивилизаціею; правильная оцѣнка созданнаго англичанами возможна только при знакомствѣ съ національною, чисто-индіеюскою точкою зрѣнія; для этого же, необходимо знаніе старой Индіи, включемъ въ уразумѣнію которой должна быть и ея странная и разнообразная религія.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ интересъ связанный съ изученіемъ Индіи, авторъ спѣшитъ предувѣдомить читателя и повторить уже вышесказанное, что въ его книгѣ очерковъ Индія, какъ старая такъ и новая, является лишь въ блѣдныхъ и не полныхъ контурахъ; для болѣе широкой задачи онъ чувствуетъ себя неподготовленнымъ и почитать для себя высшею наградою, если его книга пробудитъ въ русскомъ читателѣ интересъ къ предмету и желаніе узнать страну древней міровой цивилизаціи.

НА ЦЕЙЛОНЪ.

НА ЦЕЙЛОНѢ.

I.

Отъ Галле до Гамбантоты.

Цейлонъ въ переводѣ значитъ „Львиный“. но на „Львиномъ островѣ“ львовъ нѣтъ: онъ славится слонами, на немъ водятся леопарды, медвѣди, шакалы, обезьяны, крокодилы и много другихъ звѣрей и птицъ; но львовъ нѣтъ, и врядъ-ли они были когда-либо здѣсь. А между тѣмъ туземцы называютъ свой островъ Синхала-двипа, т. е. островъ или страна львовъ; арабы передѣляли это имя въ Серендибъ, португальцы въ Zeilan, голландцы въ Ceilan, англичане въ Ceylon, откуда и наше — Цейлонъ. Если вы обратитесь за объясненіемъ имени къ туземцу, или станете искать его въ туземныхъ книгахъ, и тамъ, и тутъ найдете одно и то же объясненіе; и вѣрующій туземецъ буддистъ и мѣстные хроники расскажутъ одно и то же: первый царь Цейлона Вижая былъ львиного рода и прибылъ на островъ изъ Индіи; его отецъ звался Сихабаху (Львинорукій), а дѣдъ былъ левъ, потому и самъ онъ прозывался „львинымъ“. Изгнанный отцемъ за непослушаніе, царевичъ львиного рода послѣ долгаго плаванія съ толпою бродягъ присталъ къ острову, въ то время населенному демонами; здѣсь какъ Улиссъ онъ попалъ въ руки Цирцеи; но

цейлонская волшебница, прекрасная и разряженная как подруга Мары (демона), не выпустила изъ своихъ рукъ пришепца. Вижая, первый аріецъ изъ Индіи, плѣненный красавицею, женился на ней и остался жить на островѣ; покоривъ туземное, вѣроятно, не-арійское населеніе, онъ воцарился на островѣ; въ продолженіи многихъ лѣтъ, его потомки мирно владѣли островомъ, въ честь его получившимъ названіе также львиного. Очевидно, что легенда нисколько не объясняетъ происхожденія названія; она имѣетъ всѣ признаки народной этимологіи, и конечно обязана своимъ происхожденіемъ имени страны, сдѣлавшемуся непонятнымъ задолго до созданія легенды. Вопросъ о томъ, почему островъ, на которомъ нѣтъ львовъ, зовется львинымъ, занималъ также умы туземцевъ. Но не только островъ звался львинымъ, царствовавшая династія, по старому индійскому обычаю, могла также именоваться — львиною, т. е. „синхала“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначало царя, въ другихъ подвластную ему страну. Первобытный умъ, настроенный видѣть всюду чудесное и усматривать въ имени или описаніе сущности предмета, или исторію его происхожденія, ухватился за имя царя, а наивная вѣра во все чудесное помогла созданію легенды. Явилось объясненіе очевидной странности, и никому оно не казалось невѣроятнымъ: не царь звался именемъ страны, а страна приняла царское имя, а царь звался львинымъ, потому что происходилъ отъ льва.

Возможно и другое объясненіе этого имени; оно не приходило въ умы туземцевъ, и, конечно, какъ не согласное съ тѣмъ, что гласятъ ихъ книги, будетъ ими отвергнуто. Весьма рано островъ былъ обращенъ въ буддизмъ; его цари и народъ были ревностные читатели ученія „вѣщаго“. Существующія развалины на островѣ свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ усердіемъ воздвигались здѣсь монастыри, храмы и т. д., и въ

каждомъ храмѣ непременно найдешь изображеніе льва. Не звался-ли „Вѣщій“ львомъ изъ рода Сакъевъ? Не въ память-ли его на громаднхъ гранитныхъ столбахъ до сихъ поръ стоятъ фигуры львовъ? Отъ этихъ не сгнувшихъ львовъ и идетъ свое начало названіе острова: оно явилось по водвореніи буддизма. и въ названіи острова „львинымъ“ есть прямое указаніе на то, что ученіе льва изъ рода Сакъевъ пустило на островѣ глубокіе корни и имѣло тысячи поклонниковъ. Островъ имѣлъ и другія названія: онъ звался по цвѣту своей почвы „мѣдно-краснымъ“: изъ этого туземнаго имени греки сдѣлали Тапробане.

Слава о благодатномъ роскошномъ островѣ давно гремитъ на Западѣ. Въ глубокой древности сюда являлись западные люди въ своихъ поискахъ за восточною роскошью. Быть можетъ, уже купцы Тира. эти „славные князи земли“, посылали свои большія суда на Цейлонъ за драгоценными камнями и слоновою костью. и отсюда Соломону привозили тѣ восточные товары, которые въ библіи названы индійскими именами. Но въ Европу извѣстія о Тапробане дошли гораздо позднѣе; здѣсь первыя подробности объ островѣ получены были за восемнадцать столѣтій до водворенія на немъ новыхъ европейцевъ; отъ полководцевъ Македонскаго завоевателя европейцы услышали рассказы о слонахъ, слоновой кости, о драгоценныхъ камняхъ и водяныхъ чудовищахъ острова. По покореніи Египта Августомъ и вслѣдъ за открытіемъ муссоновъ, торговля съ Востокомъ получила значительное развитіе: по свидѣтельству Плинія Римъ покупалъ индійскихъ товаровъ на пятьсотъ пятьдесятъ милліоновъ сестерцій; изъ Индіи и съ Цейлона везлись брилліанты, жемчугъ, пряности, шелкъ, — предметы роскоши и необходимые для богослуженія, для сжиганія мертвыхъ тѣлъ и для изысканныхъ нарядовъ богатыхъ римскихъ матронъ. Чѣмъ сильнѣе развивалась на Западѣ по-

требность въ этихъ предметахъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ торговое значеніе Цейлона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣнія о немъ дѣлаются болѣе точными. Плиній зналъ, сколько городовъ и сколько жителей на островѣ. Ему извѣстны были рѣки и минеральныя богатства острова. Свѣдѣнія Птолема объ островѣ еще болѣе опредѣленны и полны. Отъ купцовъ, отъ случайныхъ посольствъ въ Римъ, на Западѣ узнавали кое-что о внутреннемъ бытѣ страны; на примѣръ Бардезанъ описалъ съ вѣшной стороны буддійскихъ монаховъ совершенно такими же, какими они по нынѣ представляются глазамъ путешественника. Тотъ, кто рассказывалъ ему о трапезахъ срамановъ (подвижниковъ) долженъ былъ самъ слышать и этотъ призывный колоколь и своими глазами видѣть, какъ собирались монахи за общій столъ, и какъ они возносили предобѣденныя моленія. Множество другихъ мелочныхъ подробностей, сообщаемыхъ древними писателями, могутъ быть въ настоящее время подтверждены очевидцемъ. Но индійскіе товары и извѣстія о странѣ доходили на Западъ не однимъ этимъ путемъ. Въ слѣдъ за разрушеніемъ Пароянскаго могущества персы стали принимать дѣятельное участіе въ міровой торговлѣ. Черезъ ихъ посредство доставлялись въ Византію дорогія произведенія Индіи и добытыя на Цейлонѣ китайскія шелковыя матеріи. Съ VI по XI ст. по Р. Х., вмѣстѣ съ персами, арабы овладѣли совершенно торговлею съ Цейлономъ; послѣ того какъ торговое значеніе Багдада и Бассоры возросло на счетъ значенія Александріи, ихъ суда встрѣчались въ Галле (Point-de-Galle) съ судами китайцевъ. Къ этому времени относится извѣстіе о христіанахъ манехеяхъ и евреяхъ на островѣ Цейлонѣ. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ отъ Космы Индикоплевста и арабскаго путешественника Абу-Зеида. Цейлонъ, лежащій на половинѣ пути между Аравіей и Китаемъ, долженъ былъ сдѣлаться значительнымъ мѣстомъ склада. Здѣсь былъ центръ

мировой торговли. и кунцы отдаленнѣйшихъ странъ встрѣчались на Цейлонѣ. Сюда приходили китайцы съ своими шелками. Отсюда арабы вывозили тѣ предметы восточной роскоши, на которые и старая и новая Европа такъ надба. Такое положеніе дѣлъ продолжалось долгое время, и только во времена новѣйшія, вслѣдъ за торговлею венеціанцевъ, мирныя отношенія запада къ востоку смѣнились враждебными. Въ 1517 г., на Цейлонѣ услышали первый выстрѣлъ. Въ обмѣнъ за естественныя богатства португальцы принесли туземцамъ „ученіе мира“ и мечъ. Они владѣли частью острова полтора-ста лѣтъ. и во все это время война не прекращалась. Съ фанатизмомъ истребляя старую вѣру и безуспѣшно водворяя христіанство, португальцы оставили на островѣ кровавый слѣдъ. Вовлеченные въ громадныя издержки, они принуждены были наконецъ оставить островъ. Ихъ смѣнили голландцы, и въ концѣ прошлаго столѣтія англичане. Разсматривая развитіе нашихъ свѣдѣній о Цейлонѣ, убѣждаемся, что съ этимъ именемъ связаны самыя фантастическія представленія о Востокѣ; распространенію этихъ свѣдѣній во многомъ способствовало пресловутое путешествіе Синдбада. усердно читавшееся въ Европѣ въ средніе вѣка. и вообще арабскіе писатели, для которыхъ Цейлонъ, кромѣ торговаго значенія, имѣлъ и религіозное. Сюда, на поклоненіе Адамовой горѣ и слѣду, начиная съ X ст. по Р. X., стекались благочестивые странники. Съ этой горой мусульмане связали поэтическое преданіе о падшемъ прародителѣ. Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая и низверженъ съ седьмого неба, съ этой горы бросилъ онъ послѣдній взоръ на потерянный рай; здѣсь. въ слезахъ и полный раскаянія, онъ искупалъ свой грѣхъ подвижничествомъ; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ простоялъ на одной ногѣ. Его слѣдъ видимъ до сихъ поръ. Этотъ quasi слѣдъ буддисты называютъ слѣдомъ вѣщаго. христіане — св. Фомы. Словомъ,

на островѣ Цейлонѣ, начиная съ древнихъ временъ, сталкивался востокъ съ западомъ. Разказы о тропической роскоши его природы, о минеральныхъ богатствахъ, воспламеняли фантазію восточныхъ и западныхъ авантюристовъ. За богатствомъ сюда плыли китайцы съ востока, съ запада греки, затѣмъ персы, арабы, венеціанцы и т. д., кончая англичанами.

Суда „Peninsular & Oriental Steam Navigation Company“ обыкновенно пристають къ Point-de-Galle, на зарѣ, рано утромъ, и предъ глазами путешественника предстаетъ островъ во всей своей роскошной красѣ. Самый путь, которымъ идутъ эти суда, способствуетъ усиленію перваго впечатлѣнія. Они идутъ путемъ англійскимъ, тѣмъ путемъ, на которомъ англичане построили ворота въ Индію, и ключи отъ этихъ воротъ они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ. Въ Гибралтарѣ путешественникъ видитъ послѣднюю картину европейской природы. Затѣмъ пароходъ останавливается въ Мальтѣ, Александріи и, наконецъ, въ Аденѣ. Печальнѣе Адена или острова Сокотора (у котораго пароходъ не останавливается) нельзя ничего себѣ представить: голыя скалы, казармы, укрѣпленія и невыносимый зной. Лѣтомъ, въ іюнѣ, переѣздъ отъ Александріи до Индіи едва-ли можетъ считаться нетягостнымъ. Жара въ Красномъ морѣ, муссоны въ океанѣ утомляютъ большинство путешественниковъ. И врядъ-ли путешественникамъ, томимымъ жарою въ Красномъ морѣ, среди современныхъ удобствъ и при современной скорости передвиженія, когда-либо приходится вспоминать о томъ, какъ въ древности везлись товары изъ Индіи по Красному морю. Какъ медленно они плыли по морю, и какъ еще медленнѣе двигались въ песчаной степи навьюченные ими верблюды, сколько ночей проводили караваны въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь желѣзная дорога.

отъ Александріи къ Суэцу въ одну ночь переносить отъ береговъ Средиземнаго моря къ пристани на Красномъ. Но, Александрія сохранила свой характеръ: здѣсь нѣтъ, конечно, теперь христіанскихъ сектантовъ, греческихъ философовъ, египетскихъ жрецовъ и восточныхъ волхвовъ, никто не интересуется здѣсь теософіей, но по прежнему городъ стоитъ на перепутьи между Европою и Азією, и весьма естественно остался полувосточнымъ полузападнымъ. И вотъ, наконецъ, послѣ восьмидневнаго переѣзда отъ Адена до Point-de-Galle, пароходъ останавливается у Цейлона. Пестрая картина, развернувшаяся передъ вашими глазами, отчасти уже знакома вамъ по описаніямъ различныхъ путешествій: двойныя лодки сингалезцевъ, торгаша мавры съ драгоценными камнями, эти потомки арабовъ или персовъ, когда-то торговавшихъ въ Цейлонѣ; сингалезцы съ чудными длинными волосами, распущенными совершенно также по-женски, какъ это описалъ Птолемей, ихъ простой и нельзя сказать, чтобы удобный костюмъ, описанный китайцами въ VII вѣкѣ по Р. Х., — всѣ эти мелочи и детали сообщены и изображены въ любомъ путешествіи по Цейлону. Едва пароходъ успѣлъ стать на якорь, какъ со всѣхъ сторонъ на него налетѣли лодки, лодочки; на палубѣ показались разнообразныя народности, населяющія Галле; все это двигалось, кричало, шумѣло, а кругомъ —

...цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слѣзъ!

Я вышелъ на берегъ однимъ изъ первыхъ, переѣхавъ съ парохода въ просторной лодкѣ плута мавра. Въ узенькую, двойную лодку сингалезцевъ, хотя описанную уже классическими авторами, я не хотѣлъ садиться; со мною былъ багажъ, да къ тому же лодка не внушала къ себѣ довѣрія. Я сторговался съ мавромъ за двѣ рупи (4 шил.); но, когда мы при-

стали къ берегу, я увидѣлъ, что не отдѣлаюсь двумя рупи. По словамъ мавра, каждый джентльменъ прибавляетъ что-либо на гребцовъ; а гребцовъ было четверо. Поспѣшивъ отдѣлаться отъ гребцовъ и мавра, я прошелъ крытою галлереею въ таможеню, гдѣ моего чемодана и не раскрывали даже. Въ отелѣ (Oriental Hôtel), куда я отправился затѣмъ, мнѣ отвели просторную комнату во второмъ этажѣ, съ окнами, выходящими на морѣ. Галле — полу-европейскій городъ, и представляетъ мало примѣчательнаго. Но для новичка на Востока и здѣсь найдется кое-что любопытное.

Какъ только приходитъ пароходъ и пассажиры соберутся въ отелѣ, кто въ ожиданіи парохода, отправляющагося въ Европу, либо въ Китай, или Австралію, кто посидѣть только нѣсколько часовъ на сушѣ и затѣмъ плыть дальше, въ Мадрасъ, Калькутту, словомъ, какъ только на просторной, крытой террасѣ отеля завидятся пріѣзжіе, чутьемъ почуютъ это мѣстные торгаша и набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, каждый съ своимъ товаромъ. Опять мавры съ драгоценными камнями, или часто со стекломъ и мѣдью вмѣсто перла и золота. Мнѣ рассказывали анекдотъ объ одномъ мѣстномъ высокопоставленномъ лицѣ. Особа, пользующаяся большою популярностью между туземнымъ населеніемъ, и особенно между буддійскимъ духовенствомъ, имѣетъ нѣкоторую слабость къ драгоценнымъ камнямъ и считаетъ себя знатокомъ. Случилось разъ особѣ ѣхать на пароходѣ изъ Галле въ Коломбо. На томъ же пароходѣ ѣхалъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, изукрашенный перстнями, запонками и т. п. различными драгоценностями. Особенно выдавался одинъ перстень, бросавшійся прямо въ глаза любителю драгоценныхъ камней. Владѣлецъ перстня снялъ его и обязательно предложилъ осмотрѣть; зная, что особа считаетъ себя и считается знатокомъ драгоценныхъ камней, онъ при этомъ лукаво попросилъ оцѣнить камень.

— Я заплатилъ за камень меньшей величины сто фунтовъ — отвѣчалъ знатокъ: — вашъ больше и, конечно, стоитъ дороже.

— Ваше высокопр—ство ошибается—отвѣчалъ владѣлецъ перстня.—я заплатилъ за него всего рупи (2 шил.); когда же по приѣздѣ въ Лондонъ показалъ камень знакомому ювелиру, онъ сказалъ мнѣ, что я передалъ шиллингъ.

Но большинству приѣзжихъ и проѣзжихъ этотъ случай, конечно, неизвѣстенъ, и мавры бойко торгуютъ на террасѣ. Правда, приходится слышать, какъ, вмѣсто трехъ фунтовъ, покупатель предлагаетъ три рупи. Мавръ саркастически улыбается, отходитъ на время, возвращается сызнава, и называя себя *N^o first*, т. е. я лучший, первый ювелиръ, предлагаетъ вновь поторговаться. За маврами идутъ другія національности: сингалезцы съ палками изъ различныхъ мѣстныхъ деревьевъ, съ фигурами слоновъ изъ слоновой кости; персы изъ Бомбея съ произведениями Кашемира. Внезапно, среди глухого говора на террасѣ, доносится съ улицы какой-то пискливый визгъ. То очарователь змѣй; и онъ явился заработать деньги. Я видѣлъ пляску змѣй въ первый же день своего приѣзда въ Галле. Потомъ въ Коломбо я видѣлъ двухъ мальчиковъ, очарователей змѣй. Одному изъ нихъ было не болѣе десяти лѣтъ. Оба были совершенно голы, съ препоясанными чреслами, и обращались съ змѣею очень безцеремонно; обвивали змѣею шею, таскали ее въ рукахъ. А змѣй былъ *Corba de Capello*. Змѣю, одну или нѣсколькихъ, сохраняютъ въ круглой плетенкѣ. Волшебникъ садится на корточки передъ плетенкою и, наигрывая свою свирѣль, слегка шевелитъ и подталкиваетъ плетенку. Тихо и какъ будто не охотно поднимаетъ голову змѣя; мало-по-малу она раздражается, поднимается вертикально и быстро, съ шипѣніемъ протягиваетъ голову къ голой колѣнкѣ очарователя, который также быстро

отстраняетъ свою колѣнку. И въ этомъ состоитъ обыкновенно пляска змѣй.

Отель въ Галле, хотя выстроенный и принадлежащій европейской компаніи, представляетъ нѣкоторыя любопытныя, мѣстныя черты. Онъ считается по справедливости однимъ изъ лучшихъ во всей Азіи. Комнаты просторны, прохладны и содержатся въ чистотѣ; двери и окна плотно притворяются; прислуга, вся изъ мѣстнаго населенія, внимательна и расторопна; большинство слугъ сингалезцы, и всѣ безъ исключенія въ своемъ національномъ костюмѣ: босоноги и, вмѣсто панталонъ, ноги плотно обвиваются юбкою; но сверху надѣвается или коротенькая куртка, или жакетка англійскаго покроя; длинные волосы заплетены въ пучокъ на затылкѣ. Каждаго европейца слуга зоветъ „master“, что почти равносильно нашему „баринъ“, какъ звался въ Россіи всякій въ нѣмецкомъ одѣяніи. Туземецъ очень услужливъ, но лѣнивъ, трусливъ, подобоострастенъ и страшно любопытенъ. Сдѣлайте только видъ, что не прочь отвѣчать на его вопросы, и слуга, принесшій утромъ чашку чаю, закидаетъ васъ вопросами. Ему какъ будто необходимо знать все, что до васъ касается; онъ не прочь освѣдомиться, любите-ли и часто-ли ѣдите, и уже, конечно, спроситъ васъ, когда вы ѣдете, куда ѣдете и откуда пріѣхали. Оставьте книги на столѣ, и будьте увѣрены — ваши книги, особенно если то туземныя, восточныя, подвергнутся тщательному осмотру; но слуга не ограничится однимъ этимъ: при первомъ удобномъ случаѣ, мягко улыбаясь, онъ начнетъ васъ допрашивать, зачѣмъ вамъ, европейцамъ, такія книги, ваше-ли дѣло читать ихъ? Звонковъ въ отелѣ нѣтъ; нѣтъ ихъ и въ частныхъ домахъ. Слугу зовутъ, или хлопая въ ладони, или же, всего чаще, покрикивая „boy!“ Утромъ, въ отелѣ, вы услышите протяжные крики: „boy!“ раздающіеся изъ разныхъ комнатъ. И какъ, бывало, на Руси на кличъ: „малый“,

отзывался сѣдовласый, сторбленный старецъ, такъ и здѣсь: крикните „bou“, и въ вашу дверь просунется сѣдая, беззубая голова. Слово „bou“ испорченное индустанское бхай (братъ); но, въ настоящее время, въ устахъ англичанъ, оно значитъ не болѣе какъ французское „garçon“ и, крича „bou“, никто не думаетъ о происхожденіи слова и не соединяетъ съ нимъ другого значенія. Хотя въ вашей комнатѣ вывѣшено объявленіе, что слугамъ не слѣдуетъ давать денегъ, что плата за всякую услугу будетъ прописана въ вашемъ счетѣ, и объявленіе, конечно, извѣстно слугамъ, но тѣмъ не менѣе получить „подарочекъ“, видѣть „ваше вниманіе къ себѣ“, слуга не прочь, и не прочь въ нѣкоторыхъ случаяхъ заявить о томъ, конечно весьма робко, выражая слабую надежду на такое благополучіе. Дадите достаточно или много, онъ приложитъ руку ко лбу, въ знакъ благодарности, дадите мало — онъ все-таки приметъ вашу монету, въ обѣ руки, но благодарности при этомъ не увидите, руки ко лбу онъ не приложитъ. Въ мѣстахъ, какъ Галле, гдѣ бываетъ наплывъ всякаго рода иностранцевъ, эта привычка „видѣть къ себѣ вниманіе“ развита довольно сильно.

На другой день моего пребыванія въ Галле, рано утромъ, часовъ въ шесть я вышелъ прогуляться. Въ этотъ часъ, въ воздухѣ, около моря чувствуется освѣжительная прохлада; съ моря несется пріятный вѣтерокъ. Миновавъ форть и солнцемъ спаленный, огромный дугъ, лежащій между тою частью города, гдѣ живутъ европейцы, и предместьями, я углубился въ одну изъ улицъ. Я шелъ по ровному какъ полъ шоссе, подъ тѣнью громадныхъ кокосовъ и банановъ. Красно-мѣдный цвѣтъ дороги (откуда ведетъ начало греческое названіе острова), тропическая растительность кругомъ и издали ясно слышимый шумъ волнъ, ударяющихъ о-берегъ, вся эта обстановка, для непривычнаго глаза сѣверянина, имѣла видъ театральности:

не вѣрилось, что все это дѣйствительность, что это природа, а не дѣла рукъ человѣческихъ, не громадная оранжерея или зимній садъ съ таинственнымъ каскадомъ. Туземный городъ просыпался; я могъ видѣть и еще лучше обонять это; всюду чувствовался невыносимый запахъ кокосоваго масла. Кое-гдѣ, праздно сидя у пороговъ своихъ мазанокъ, на меня глядѣли сингалезцы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я могъ видѣть, какъ свершался женскій туалетъ, или вѣрнѣе, наблюдать охоту за чужездными звѣрями, гнѣздящимися въ дѣбрихъ, на благородной части человѣческаго тѣла — занятіе, любимое въ Италиі и не безъизвѣстное на Руси. На встрѣчу мнѣ попадались совершенно голые кулі (рабочіе), двуколески, тащимыя быкомъ или нарою быковъ; все это двигалось, съ провизіею, въ европейскій городъ. Попадались монахи, молча стоявшіе около какой-либо лавочки: въ знакъ того, что святой отецъ желаетъ получить подаваніе: просить объ этомъ ему запрещалъ канонъ. Мимо меня проходили благочестивые сингалезки съ завтракомъ на банановыхъ листьяхъ; они спѣшили въ монастыри кормить отцовъ. Кое-гдѣ нѣжная мать, захвативъ въ грязную горсть грязную воду, терла черное личико совершенно голаго мальчика. Наблюдая эти мелочи окружавшей меня картины, я незамѣтно прошелъ около трехъ миль, и уже хотѣлъ возвращаться домой, какъ вдругъ за моей спиной раздался дѣтскій голосъ: *Sir! bud temple!* Мальчишка, лѣтъ двѣнадцати, вызывался показать буддійскій храмъ. Онъ затвердилъ эти три англійскія слова, зналъ въ придачу „three pence“, и былъ мѣстнымъ гидомъ. Отъ нечего дѣлать я пошелъ за нимъ. Мы свернули въ сторону, въ чащу, и стали подниматься по узенькой тропинкѣ, въ гору. Растительность, не стѣсняемая мазанками, вытянувшимися въ одну линію, вдоль дороги, была здѣсь еще роскошнѣе и разнообразнѣе. Хотя уже было около восьми часовъ, но въ тѣни чувствовалась пріятная прохлада.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ въ гору, какъ увидаль, что за мною тянется цѣлая стая голыхъ, грязныхъ, въ полномъ смыслѣ слова, черномазыхъ ребятъ. Одинъ мальчуганъ тащилъ громадный кокосъ и, макая грязные пальцы въ прорѣзанное отверстіе, предлагалъ мнѣ попить соку. Я отказался. „Sir! no three pence coco-nut“, т. е. вѣдь это даромъ! упрашивалъ меня мой гидъ. На вершинѣ холма я нашель маленькій храмъ и рядомъ побольше келью. Храмъ не представлялъ ничего любопытнаго. Незатѣйливая архитектура, деревянные статуи Будды, цвѣты передъ статуями и т. д.; все, что потомъ мнѣ случалось видѣть во множествѣ другихъ новыхъ храмахъ. На фронтонѣ, прямо надъ дверью, намалеваны были корона и англійскій гербъ; подъ этимъ украшеніемъ были прописаны латинскою азбукою годъ построенія, имя монастыря и главнаго монаха; послѣдній титуловалъ себя Rev^d. Осмотрѣвъ храмъ, я повернулся къ выходу и хотѣлъ уходить, но увидаль, что у выхода стоитъ послушникъ, лѣтъ четырнадцати, и протягивая ко мнѣ блюдо, выказываетъ намѣреніе не пропустить меня къ выходу; очевидно, онъ собиралъ деньги за посмотри. Я зналъ, что такой поборъ противенъ буддійскимъ уложеніямъ. Двѣ тысячи лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ, подобный поступокъ подалъ поводъ къ расколу въ буддійской общинѣ. Въ сѣверной Индіи, въ городѣ Вайшали, монахи вздумали по окончаніи утреннихъ молитвъ собирать деньги съ мірянъ. Они выставили по срединѣ храма блюдо; и приглашали благочестивыхъ дѣлать вклады. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась между буддистами; произошелъ скандалъ, и на соборѣ, вскорѣ послѣ того созванномъ, еретики были отлучены отъ буддійской общины. Но то было давно. Тогда на храмахъ не рисовались короны и англійскій государственный гербъ, англичане не ѣзжали осматривать храмовъ, и монахи не называли себя „реверендами“. Несмотря на всѣ эти

смягчающія вину обстоятельства, я отказался сдѣлать вкладъ. Монахи приняли мой отказъ очень добродушно; извѣстили о моей скупости тотчасъ же главнаго старца, и это не помѣшало установиться добрымъ отношеніямъ между мною и старѣйшимъ монахомъ, плутоватимъ старикомъ. Я осмотрѣлъ его книги, получилъ на другой день полный списокъ заглавій его рукописей. Мы разстались добрыми пріятелями. Когда я достягъ опять улицы и, прощаясь съ моимъ путеводителемъ, далъ ему мелочь, я увидаль, что на мою благодарность предъявляетъ право вся моя непрошенная и незванная свита. Десятки рукъ протягивались ко мнѣ, со словами: Sir! give! Sir! give! Sir! three pence! и т. д. Я оставался глухъ къ жалобнымъ просьбамъ; а толпа между тѣмъ прибывала. Просили и тѣ, которые не знали даже, гдѣ я былъ, и за какую услугу просятъ другіе; но сорвать что бы то ни было съ сэра такое любезное дѣло, какъ не позаняться имъ! Разогнать толпу было однакоже очень легко, и я очень скоро отдѣлался отъ ребятъ. Взрослые молча смотрѣли на эту потѣху, и при другомъ случаѣ охотно попытались бы тѣмъ же способомъ поживиться европейскимъ карманомъ.

Я вернулся въ отель къ завтраку. Ыдятъ на Цейлонѣ много и часто. Англичане ѣдятъ по-европейски, и свою кухню завели также въ здѣшнихъ отеляхъ, принявъ отчасти нѣкоторыя мелкія подробности изъ мѣстной обстановки: такъ. фрукты всѣ мѣстные: ананасы, манго, платаны, апельсины и т. д., все это не привозное. Совершенно мѣстное блюдо также карри; сингалезцы ѣли его до Р. X.; объ этомъ говорится въ ихъ хроникахъ. Карри готовится изъ рису съ различными горячительными приправами: кромѣ того, къ нему подаютъ рыбу, цыплятъ, говядину, какіе-то фрукты, какую-то икру. Все это смѣшивается и сначала кажется вкуснымъ; но очень скоро карри надоѣдаетъ: его подаютъ еже-

дневно, за завтракомъ, полдникомъ и обѣдомъ. Все остальное — привозное изъ Европы или Австраліи: говядина изъ Австраліи; пиво изъ Англіи; вина изъ Европы и Австраліи; даже сливочное масло и соль часто привозныя изъ Европы. А соли на Цейлонѣ много; это давно извѣстно и вскорѣ, погнѣ моего прибытія сюда, я могъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами. Но не даромъ англійскіе военные оркестры такъ часто разыгрываютъ на чужбинѣ: „There is no place like home“. Бродя по всему свѣту, англичанинъ нигдѣ не можетъ забыть милой родины, которую онъ такъ поэтически называлъ: „home“. Какъ воздухъ, ему необходимы различныя мелочи, составляющія англійскій комфортъ и напоминающія любезную сердцу родину. Есть и другая причина, почему всюду, гдѣ заведутся англичане, тамъ является большой спросъ на всякія англійскія вещи. Мнѣ случилось разъ говорить объ охотѣ въ Индіи, съ англичаниномъ, долго тамъ жившимъ и очень образованнымъ человѣкомъ; мой собесѣдникъ, страшный спортсменъ, жаловался на то, что англійскія собаки не выносятъ дѣйствіа климата. На мой вопросъ, нельзя ли ихъ замѣнить туземными, онъ отвѣчалъ, что хотя туземныя собаки вообще очень плохи, однакоже между ними попадаются иногда очень хорошіе экземпляры: но, прибавилъ онъ, не принято находить что-либо туземное хорошимъ или равнымъ по достоинству съ англійскимъ. Такой отзывъ мнѣ показался характернымъ. Мой англичанинъ проговорился, и ненарокомъ высказалъ много правды. Мнѣ случалось сообщать этотъ отзывъ другимъ англичанамъ: нѣкоторые смѣялись, другіе положительно отрицали справедливость словъ охотника; въ его словахъ, однакоже, есть правда; быть можетъ, онъ преувеличилъ, и рѣзко выразилъ то, что дѣйствительно существуетъ, хотя и въ не столь значительной степени, и въ чемъ можно убѣдиться каждый день, на каждомъ шагу, садясь за обѣдъ,

входя въ домъ англичанина, прислушиваясь къ его отзыву о туземцахъ; не-англичанахъ.

Въ Галле я прожилъ нѣсколько дней. Развезя рекоменда-
тельные письма и поѣздивъ по городу, я поспѣшилъ отпра-
виться на востокъ, по южному берегу острова. Мой путь ле-
жалъ чрезъ Матара. Тангалле — въ Гамбантота. Ежедневно,
кромя воскресенья, изъ Галле въ Матара отправляется кры-
тая коляска. Европейецъ платитъ за мѣсто шесть рупи; бюр-
геры, т. е. лица смѣшаннаго происхожденія, мудаляры (чи-
новники-туземцы) половину; остальные туземцы платятъ еще
меньше. Европейецъ платитъ больше, но для него устроена
коляска, и онъ полный господинъ въ ней. Если онъ является
позднѣе, когда переднее мѣсто уже занято, туземецъ или ту-
земка, бюргеръ или бюргерша должны уступить ему свое мѣ-
сто. Для европейца всегда есть мѣсто, онъ имѣетъ право со-
гнать съ мѣста туземца или бюргера, заставить ихъ дож-
даться слѣдующей коляски. Такія преимущества оплачивают-
ся двойною цѣною. Наканунѣ моего отъѣзда, мнѣ сказали въ
отель, что коляска заѣдетъ за мною. Я всталъ задолго до
шести часовъ, позавтракалъ и сталъ ожидать пріѣзда коляски.
Пробило семь, а коляски не было; мною овладѣло безпокой-
ство, не уѣхала ли коляска безъ меня, и я обратился за разъяс-
неніемъ къ управляющему отелю. Онъ успокоилъ меня,
сказавъ, что хотя коляска должна выѣхать въ 6¹/₂, но обы-
кновенно отъѣздъ замедляется, и обязательно послалъ слугу
узнать, когда наконецъ выѣдетъ коляска. Слуга вернулся съ
извѣстіемъ, что коляска выѣдетъ черезъ десять минутъ, но
заѣхать въ отель не можетъ, такъ какъ лошади молодыя и
останавливать ихъ трудно. Я отправился въ Office и, придя
туда, къ удивленію моему, нашелъ, что лошадей не запря-
гали. Пассажиры были въ сборѣ. Двѣ бюргерши занимали пе-
реднія мѣста и, при моемъ приходѣ, стали видимо недоумѣ-

Вать о томъ, что имъ дѣлать: уступить ли мѣсто добровольно, или ждать заявленія правъ европейца. Какой-то служитель оффиса предлѣжилъ мнѣ очистить переднее мѣсто. Наконецъ, въ восемь лошади тронулись и борзо понеслись вскачь, не смотря на то, что въ коляскѣ сидѣло человѣкъ восемь. Я сидѣлъ на козлахъ, и могъ отлично видѣть все кругомъ. Мы ѣхали берегомъ моря, во всю дорогу подъ тѣнью кокосовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волны прибывали не болѣе какъ саженьяхъ въ трехъ отъ дороги. Шоссе отъ Галле до Матары великолѣпное, но стоить оно громаднхъ издержекъ, и плата, взимаемая съ проѣзжихъ, также очень высока. Птолемей называетъ всю страну около Матары, къ востоку и западу, страшною слоновъ; слоны водились здѣсь еще въ началѣ настоящаго столѣтїя, теперь ихъ нѣтъ здѣсь, они встрѣчаются далѣе къ востоку, около Гамбаноты. Черезъ каждыя пять миль мѣнялись лошади въ нашей коляскѣ; мы ѣхали быстро, среди довольно оживленнаго движенія. Приходилось обгонять множество пилигримовъ, отправлявшихся или въ Катрагамъ, или въ Потараганга; нѣкоторые шли пѣшкомъ, другіе ѣхали въ двуколкахъ, запряженныхъ однимъ быкомъ. Кое-гдѣ, по дорогѣ, въ деревняхъ стояли разукрашенныя колесницы, имѣвшія также отправиться въ Катрагамъ, гдѣ въ 20-хъ числахъ іюля должно было быть великое празднество. Пассажиры мѣнялись на каждой станціи. Иногда, не доѣзжая станціи, кто-нибудь выходилъ или садился; хотя внутреннихъ мѣстъ было всего четыре, но по временамъ въ полдень сидѣло человѣкъ пять или шесть. Въ Беллегамѣ, на половинѣ дороги, мы простояли около часу; я успѣлъ осмотрѣть здѣсь одну достопримѣчательность: Беллегамъ—мѣстечко рыбацье; кругомъ лѣсъ кокосовъ, хлѣбныхъ деревъ, ареки, яка и многихъ другихъ деревъ; страна очень плодородна и изобилуетъ воздѣланными полями. Не доѣзжая полмили до мѣстечка, въ сторонѣ отъ

дороги и въ кущѣ кокосовыхъ деревь стоитъ громадная гранитная скала; въ ней вдѣлана, или можетъ быть высѣчена изъ самой скалы гигантская фигура въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи. Въ народѣ фигура зовется „прокаженнымъ царемъ“: объ этомъ царѣ разсказывается такая легенда. Ни на южномъ берегу, ни въ Коломбо, никто не могъ указать мнѣ литературный источникъ легенды. Всѣ, къ кому я обращался, повторяли одно и то же. Въ глубокой древности, въ центральной части острова, былъ нѣкій благочестивый царь; внезапно онъ былъ пораженъ сильнѣйшею проказою. Опечаленный и огорченный народъ сталъ молиться демонамъ и приносить жертвы. Не принимая участія ни въ томъ, ни въ другомъ, царь, почтивъ „вѣщаго“ приношеніемъ цвѣтовъ и поручивъ себя его защитѣ, впалъ въ глубокое забытѣе, продолжавшееся очень долго. И было царю видѣніе: великое водное пространство открылось передъ нимъ: оно было зелено вблизи и голубаго цвѣта издали. По берегамъ воднаго пространства высились деревья; такихъ деревь не видывалъ царь на яву; высоки, стройны, безъ сучьевъ и вѣтвей, съ обиліемъ перовидныхъ листьевъ на верхушкѣ. Проснулся царь и недоумѣвалъ, что значитъ этотъ сонъ; свершилъ опять приношенія и молился усерднѣе прежняго. Было ему другое знаменіе. Огромный змѣй (*Cobra de capello*) предсталъ передъ нимъ. И поднявъ голову, змѣй упорно смотрѣлъ на царя. Затѣмъ, трижды поклонившись царю, змѣй испилъ воды изъ сосуда, стоявшаго передъ царемъ, и удалился. Потрясенный видѣніемъ и появленіемъ змѣя, царь отправился подъ тѣнь священнаго дерева (*ficus religiosa*), гдѣ и заснулъ. Опять предстало ему то же видѣніе, и видитъ онъ: подъ тѣнью громаднаго дерева стоитъ Суддходана, отецъ „Вѣщаго“, и указывая на югъ, говоритъ: „иди на югъ; тамъ увидишь такія же деревья, на яву; ихъ

плодь исцѣлить тебя; воспламени дерево, и плодь упадетъ на землю. За грѣхъ въ первомъ перерожденіи ты пораженъ проказою. Но змѣй, испивъ отъ твоей воды, искупилъ твой грѣхъ“. Проснулся царь, созвалъ свою свиту и отправился на югъ, который въ то время былъ не заселенъ. Здѣсь увидалъ царь безбрежное водное пространство и кокосовыя пальмы. Видя въ царя и его спутники высокія деревья съ перовидными листьями и громадными плодами, и не зная, какъ достать плодь; взобраться на дерево имъ казалось невозможнымъ. Тутъ царь вспомнилъ завѣтъ Суддходаны, и приказалъ поджечь дерево. Съ трескомъ повалился великанъ. Три мѣсяца питался царь кокосами, и по истеченіи этого времени исцѣлился совершенно. Въ память своего избавленія царь воздвигъ въ скалѣ свою статую.

Отсюда до Матары одиннадцать миль; мы перемѣнили еще разъ лошадей, и въ 12 часовъ я былъ въ Матарѣ въ Rest-haus. Rest-haus — постоялый дворъ, устроенный правительствомъ. Въ Матарѣ постоялый дворъ прекрасно устроенъ и прекрасно содержится. Всюду чистота и опрятность. Домъ состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ на планѣ; срединная — пріемная, по бокамъ двѣ спальни. Полъ каменный, покрытъ циновками. Въ спальняхъ покойныя постели и умывальники. Передній фасадъ окруженъ верандою. Изъ срединной комнаты крытый ходъ ведетъ въ столовую, откуда открывается видъ на море. Въ Rest-haus можно имѣть завтракъ, обѣдъ и даже нѣкоторые предметы роскоши: сливочное масло изъ Европы и французскія вина. Обѣдъ и завтракъ, впрочемъ, болѣе длинны, нежели вкусны. Матара, какъ всѣ почти города Цейлона любопытенъ только своими окрестностями. Отсюда на востокъ начиналось древнее царство *Роуна*; здѣсь процвѣталъ буддизмъ въ началѣ нашей эры, и въ послѣднее время между буддистами южнаго берега стало замѣтно осо-

бенное развитіе благочестивыхъ стремленій: монастыри возобновляются, книги собираются, и въ этомъ отношеніи югъ перещеголялъ центръ и сѣверъ острова, гдѣ, напротивъ, упадокъ вѣры очевиденъ. Черезъ часъ по пріѣздѣ въ Матару я вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы начать осмотръ того, что меня интересовало здѣсь. На улицѣ я недолго оставался въ недоумѣніи, съ чего начать и куда идти. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ въ сильно поношенномъ европейскомъ костюмѣ; типъ лица его былъ восточный, хотя цвѣтъ кожи и не такъ темень, какъ у кровнаго сингалезца. На довольно правильномъ англійскомъ языкѣ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги. Тогда я очень удивился его произношенію и знанію англійскаго языка; но, побывавъ впоследствии въ разныхъ мѣстахъ, и видѣвъ въ Коломбо даже буддійскихъ монаховъ, говорившихъ по-англійски, я привыкъ къ этому распространенію англійской рѣчи на островѣ. Всюду говорятъ по-англійски, т. е. въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ вы можете найти одного или нѣсколькихъ человѣкъ, говорящихъ бойко по-англійски. Языкъ правителей распространяется помимо вліянія или требованія самого правительства. Правительство какъ будто совершенно не добивается распространенія англійскаго языка. Въ Коломбо, напримѣръ, я видѣлъ полицейскихъ служителей, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, ни слова не знавшихъ по-англійски. Правительство отпускаетъ деньги одинаково на школы англійскія и на Government Vernacular Schools, т. е. на школы, въ которыхъ не учатъ англійскому языку. И въ послѣднемъ отчетѣ о народномъ образованіи стоятъ такія цифры: въ 1869 г. число Vernacular Schools было 69, въ 1872 оно возросло до 152; въ 1869 въ нихъ было 2661 ученикъ, въ 1872 г. 6344. Въ томъ же отчетѣ я нахожу слѣдующее: The number of the English and Anglo-vernacular schools has been almost stationary; be-

cause, as the English-speaking population increased, missionary and private enterprise helped to supply the educational wants of the communities at large station. Англійскій языкъ распространяется отчасти чрезъ школы миссіонеровъ. Въ эти школы идутъ дѣти и христіанъ, и буддистовъ. Буддисты читаютъ здѣсь Евангеліе и біблію, и если не всегда выходятъ христіанами, то всегда пріобрѣтаютъ знаніе англійскаго языка. Одинъ очень свѣдущій чиновникъ, англичанинъ, на южномъ берегу, сообщилъ мнѣ, что при повышеніи или при выборѣ лицъ довѣренныхъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на знаніе англійскаго языка, и всегда предпочитаетъ лицъ, пользующихся уваженіемъ между своими; лица, отрешившіяся отъ своей національности, въ большей части случаевъ не заслуживаютъ никакого довѣрія. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ сообщили, что англичане въ послѣднее время стали даже тяготиться распространеніемъ своего языка. Туземецъ, выучившись языку своихъ правителей, стремится выдти изъ своей среды, хлопочетъ объ официальномъ положеніи, хочетъ быть чѣмъ-нибудь въ администраціи. И масса предложенія превышаетъ спросъ. Не навязывая свой языкъ чрезъ школы, англичане счумѣли добиться его распространенія. Англичанинъ, какъ бы онъ хорошо ни говорилъ по-сингалезски, въ официальныхъ сношеніяхъ, письменно или *устно*, знаетъ одну рѣчь, англійскую и, вслѣдствіе этого, сила вещей такова, что англійскій языкъ, англійскіе нравы сильно распространяются здѣсь, и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ распространяться еще долго. Вліяніе англійской культуры сказывается въ великихъ и малыхъ вещахъ. Оно замѣтно даже въ современномъ буддизмѣ. Въ Коломбо я имѣлъ честь принимать у себя одного буддійскаго монаха; онъ явился съ визитомъ, точно какой-нибудь епископъ, и этотъ столпъ буддизма оставилъ мнѣ карточку, на которой значилось: Revd N. Sumangala. High Priest of

Adam's Peak. Онъ говорилъ, по-санскритски и по-пáли, и охотно бесѣдовалъ по-англійски, не гнушался пожатія руки невѣрнаго и при прощаніи, *живая головою*, произносилъ: good bye! А кланяться мірянину запрещалъ законъ! Сингалезцы англичанятся безсознательно; многіе, сохраняя свою юбку, вмѣсто панталонъ, думаютъ, что остаются вѣрны своей національности.

Мой гидъ оказался бюргеромъ, и за 1 шил. въ день согласился показать все примѣчательное въ Матарѣ. Но, кромѣ буддійскихъ храмовъ, здѣсь ничего не было примѣчательнаго; а потому мы и начали съ храмовъ. Но въ первомъ же храмѣ мы встрѣтили совершенно нелюбезный пріемъ. Я пожелалъ осмотрѣть храмъ. Монахи заупрямились и потребовали денегъ за посмотри; получивъ, конечно, отказъ, отцы поставили мнѣ другое условіе: я долженъ былъ разуться при входѣ въ храмъ; я на это не согласился. Тогда, испытавъ всѣ эти средства, монахи покончили тѣмъ, что пустили меня въ храмъ безъ всякихъ условий. Множество храмовъ осмотрѣлъ я около Матары; много любопытнаго видѣлъ въ нихъ, но еще болѣе курьезнаго.

Самый замѣчательный храмъ расположенъ въ трехъ миляхъ отъ Матары; онъ любопытенъ по немногимъ остаткамъ древности и по историческимъ воспоминаніямъ. Храмъ Дондера, о которомъ я говорю, въ глазахъ буддистовъ былъ когда-то также священенъ, какъ Адамова гора или развалины Анурадхапуры. Разрушенный въ XVI столѣтіи португальцами, въ настоящее время онъ представляетъ не много любопытнаго: кое-гдѣ виднѣются старыя столбы, да главныя ворота; вотъ и все, что осталось отъ древности; даже столбы съ средневѣковыми надписями вывезены отсюда въ послѣднее время англичанами. И о быломъ величіи, когда многочисленныя колонны спускались почти къ самому морю, едва можно соста-

вить приблизительно вѣрное представленіе, смотря на кое-гдѣ разбросанныя колонны и обломки колоннъ. Настоящее зданіе храма ничѣмъ незамѣчательно; совершенно подобныхъ храмовъ много на островѣ; но въ самомъ храмѣ, внутри необыкновенно много живописи: исторія Будды, исторія его перерожденій наглядно разсказаны по стѣнамъ, и рядомъ съ буддійскою святынею встрѣчаешь здѣсь статую индійскихъ боговъ; Васудева изображенъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ему посвящена небольшая часовня. Отъ Матары до храма Дондера, не болѣе трехъ миль; во всю дорогу ѣдешь тѣнистою рощей, а послѣднюю милю берегомъ моря. Ни храмъ, ни остатки древностей, очень, впрочемъ, малочисленные, не видны издали. Храмъ существовалъ во всемъ блескѣ до XVI ст., когда онъ былъ разрушенъ португальцами. Неизвѣстно когда и кто выстроилъ его впервые; но несомнѣнно, что Деванувера или Дондера (т. е. городъ боговъ), мѣсто древнее и пользовалось большою извѣстностью. Уже Птолемей называетъ это мѣсто (Dagana), а португальцы описывая разрушеніе храма, говорятъ, что онъ былъ такъ великъ, что съ моря казался цѣлымъ городомъ. Громадная добыча досталась португальцамъ по взятіи храма; они забрали множество золота и всякихъ драгоценностей; частью разрушили, частью сожгли храмъ. И съ тѣхъ поръ храмъ не оправился; и въ настоящее время въ немъ, мало по малу, исчезаютъ остатки древностей.

...Осмотрѣвъ храмъ Дондера, я выѣхалъ изъ Матары въ Тангалле. Тангалле, какъ Матара, и далѣе Гамбангота, самъ по себѣ не представляетъ никакого интереса. Здѣсь былъ нѣкогда голландскій фортъ: въ настоящее время тамъ тюрьма. Тутъ голландцы ожесточенно воевали съ туземцами изъ-за соли. Но въ десяти миляхъ отъ Тангалле, къ сѣверу, стоитъ знаменитый храмъ Мулагири-галле; на него ѣздить смотрѣть даже тѣ, кого буддизмъ совершенно не интересуесть. Моя по-

ѣздка туда была довольно оригинальна; я ѣхалъ въ сопрсвожденіи мудліара. Около семи миль дорога торная, большая; затѣмъ, мы вышли изъ кабриолета и должны были идти около трехъ миль тропинкою, среди частью оставленныхъ рисовыхъ полей и очень дикаго пейзажа. Кругомъ была необыкновенная тишина, и нашъ небольшой караванъ двигался среди совершенно пустынной мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ, какъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди огромная Собга переполза намъ черезъ дорогу; нѣсколько дальше тропинка терялась въ болотѣ; два здоровыхъ кули, составлявшихъ нашу свиту, скрестивъ руки, изобразили стулъ, и на немъ перетаскивали насъ черезъ болото. По дорогѣ мудліаръ разставилъ своихъ кули; чрезъ каждую милю мы находили подъ тѣнистыми пальмами: стулья для отдохновенія, прислугу съ водою (очень грязною), молодыми кокосами, виномъ и какою-нибудь закускою. Пройти три мили можно было весьма легко, не утомившись. Въ монастырѣ насъ ожидали; въ Дхармасала т. е. зданіи, гдѣ произносится проповѣдь, накрытъ былъ столъ и готовъ былъ завтракъ. На террасѣ стояли стулья, покрытые бѣлымъ. Этимъ выражалось особое уваженіе къ гостямъ. Въ самомъ зданіи, прямо передъ нашимъ столомъ, стояли два громадныхъ сундука съ книгами. Посидѣвъ нѣсколько и обмѣнявшись привѣтствіями съ монахами, мы пошли осматривать горные храмы. Они выстроены въ скалѣ, имѣющей видъ куба; съ двухъ сторонъ скала совершенно перпендикулярна. На вершину ведутъ ступени (545), высѣченныя изъ твердаго камня. Поднявшись ступень пятьдесятъ, входишь на первую террасу; здѣсь въ скалѣ сдѣланы два храма; въ одномъ изъ нихъ, правомъ, множество фресковъ, и нѣкоторые очень древни. Тутъ же, въ скалѣ, на довольно значительной высотѣ, вырѣзана надпись древнѣйшею азбукою. Въ храмѣ налѣво особенно любопытны изображенія на наружной стѣнѣ: фигуры

птицъ и львовъ. Поднявшись еще сто ступеней, входишь на вторую террасу; здѣсь опять два храма и передъ ними резервуаръ чистой воды, окруженный каменною оградой. На третьей террасѣ, еще выше, стоитъ священное древо *Ficus religiosa*. Подъ его тѣнью выстроены небольшой храмъ. Мы поднимались при страшномъ солнепекѣ, по раскаленнымъ ступенямъ. Нигдѣ не было тѣни. Около двадцати ступеней, выстроенныхъ въ перпендикулярной стѣнѣ, вели на самую вершину. По бокамъ висѣли желѣзные цѣпи. Цѣпляясь за нихъ, мы взобрались на вершину. Видъ отсюда дѣйствительно грандіозенъ. На югъ видѣется море; въ купцѣ деревъ показываются съ одной стороны Тангалле, съ другой — Матара и даже Беллигамъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда мы начали спускаться. Нестерпимая жара стояла въ воздухѣ и не легко было сходить по раскаленнымъ ступенямъ...

Преданіе говоритъ, что монастырь выстроенъ въ 83 г. до Р. Х., царемъ Валагамбагу. Конечно, отъ того времени осталось немного, развѣ та надпись, о которой я упомянулъ, да каменные ступени. Фигуры Будды (18 ф. длины) принесены были сюда въ III в. по Р. Х. Къ этому же времени относится сооруженіе резервуаровъ. Въ XVI в. португальцы разрушили храмы и разогнали монаховъ, въ XVIII в. храмы и монастырь были возобновлены кандійскимъ царемъ Киртисри.

Изъ Тангалле, черезъ Хамбантотту, я отправился къ замѣчательнымъ развалинамъ Тиссамахараммы. Лошадей или даже лошадь въ Тангалле достать невозможно; нужно было нанять быковъ и ѣхать въ мѣстной, крытой двуколкѣ. Дорога не отличается красотою или удобствомъ; она смѣло можетъ быть уподоблена нашимъ проселочнымъ, и будетъ памятна даже ѣзжавшему по нимъ. Кругомъ разстилается мелкій лѣсъ, всюду видъ запустѣнія. Днемъ, въ томительную жару, быки, подгоняемые нестройными выкрикиваніями погонщика, едва

передвигаютъ ноги. Безпрестанные толчки мѣшаютъ заснуть и не позволяютъ также читать; а кругомъ смотрѣть не на что. Какъ только переѣдешь рѣку Велаве, то исчезаютъ послѣднія рисовыя поля и кокосы. Начинается страна песку и мелколѣсы; нѣтъ ничего печальнѣе этой страны; точно, какъ будто жившіе здѣсь когда-то люди бѣжали выгнанные нездоровымъ климатомъ.

До Хамбантоты (26 м.) я ѣхалъ цѣлые сутки.

Тиссамахарама или великій монастырь царя Тиссы, дорога оттуда въ Киринде, и самое мѣстечко Киринде, все мѣста святыя и хорошо памятна сѣнгалезцамъ. Здѣсь нужно искать Махагаму (Maagammon metropolis), древнюю столицу цѣлой области или южно-цейлонскаго царства; народная героическая эпопея приурочена къ этимъ мѣстамъ. Старинныя преданія, отчасти сохранившіяся въ мѣстныхъ хроникахъ, рисуютъ намъ всю эту страну цвѣтущей въ древности, но не таковою является она теперь передъ глазами путешественника. Постоянный недостатокъ дождя мѣшаетъ успѣшному воздѣлыванію риса; не болѣе 30-ти дюймовъ выпадаетъ дождя въ этихъ мѣстахъ; песчаные холмы приближаются съ востока къ самому городу Хамбантоту; въ 1872 году у подошвы этихъ холмовъ былъ водруженъ столбъ и чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ найдено, что уровень песку поднялся на 1 футъ и 10^{1/2} дюймовъ. Среди такихъ естественныхъ условій и при отсутствіи искусственной ирригации страна не можетъ процвѣтать и дѣйствительно она производитъ томительное впечатлѣніе забытаго, запущеннаго мѣста. А между тѣмъ округъ доставляетъ изрядный доходъ съ соли; въ 1872 г., по официальному отчету онъ восходилъ до осмнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Самый городъ Хамбантота лежитъ на берегу моря; два три англійскихъ чиновника постоянно живутъ здѣсь; между

туземнымъ населеніемъ очень много масульманъ и въ городѣ кромѣ двухъ мечетей нѣтъ ни индускихъ, ни буддійскихъ храмовъ.

Стояла такая томящая жара, что продолжать путешествіе днемъ было весьма затруднительно; нужно было выѣзжать ночью, для того, чтобы хоть часть пути сдѣлать холодкомъ и не слишкомъ утомлять быковъ. Привычный къ жарѣ и трусливый по природѣ сингалезецъ не охотно соглашается на поѣздки въ этотъ неурочный для него часъ. Сопровождавшій меня слуга, услыжавъ о часѣ отъѣзда, очень много толковалъ о леопардахъ и слонахъ, во множествѣ водящихся въ здѣшнемъ мелколѣсѣ (жангалѣ).

Но мы все-таки выѣхали изъ Хамбантота къ вечеру и на разсвѣтѣ благополучно добрались до Magilagastota. Здѣсь имѣлъ временное пребываніе англійскій инженеръ, наблюдавшій за построеніемъ канала между р. Магамъ и древнимъ прудомъ около Тиссамахарамы.

Мѣсто глухое, нездоровое и очень печальное. Хозяйина, радостно пріютившаго меня подъ кровъ своей небогатой хаты, была лихорадка. Онъ жилъ здѣсь самымъ незатѣйливымъ образомъ: его домъ походилъ скорѣе на шалашъ, нежели на всякую другую постройку; въ окнахъ не было стеколъ и они, также какъ и двери, притворялись соломенными плетенками. Кругомъ въ лѣсу обиліе всякой дичи, особенно же много леопардовъ; а въ самомъ домѣ по столу, въ углахъ его кишели и сутились бѣлые и черные муравьи, а по стѣнамъ ползали ящерицы.

Худой, измученный лихорадкою слуга подаль намъ къ завтраку курицу и въ одно мгновеніе она покрылась муравьями; они плавали въ нашихъ чашкахъ съ чаемъ и бойко бѣгали по тарелкамъ.

Ко всѣмъ этимъ мелкимъ неудобствамъ съ осьми часовъ

присоединился тропическій зной; какая-то мелкая мошкара стала наполнять комнату, ерзать по лицу и лѣзть въ ротъ и носъ. Дальнѣйшее пребываніе на берегахъ исторической рѣки Магамъ становилось излишнимъ и далеко неприятнымъ.

Путь отсюда къ развалинамъ также мало привлекателенъ; та же глушь, песокъ и мелколѣсье тянутся вплоть до Тиссамахарамы; дорога усьлнная камнями очень утомляетъ быковъ; они еле-еле передвигали ноги и безпрестанно останавливались. Четыре мили мы ѣхали болѣе двухъ часовъ.

Тиссамахарама, нѣкогда обширный и многолюдный монастырь, былъ выстроенъ еще до Р. Х.; въ настоящее время, послѣ долгаго запустѣнія, продолжавшагося столѣтія, онъ возобновляется. Въ немъ есть нѣсколько обрушившихся ступъ, кое-какія остатки древностей, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ великолѣпнн въ старыя годы, временныя, очень не хитростныя помѣщенія для богомольцевъ и монаховъ; послѣднихъ здѣсь немного; я видѣлъ только одного монаха; онъ явился мнѣ на встрѣчу, какъ только я подѣхалъ къ развалинамъ и преподнесъ зеленый апельсинъ.

Эти запустѣлыя мѣста, полуразвалившіяся ступы имѣютъ свою блестящую исторію и когда-то пользовались извѣстностью далеко за предѣлами острова. Въ пристань Магамъ (т. е. Махагама или „великое селеніе“) захаживали европейскіе корабли и весьма вѣроятно европейскіе купцы посѣщали и самый великій монастырь царя Тиссы. Въ эти отдаленныя времена Рохуна процвѣтала и была густо заселена; и тамъ, гдѣ теперь тянется мелколѣсье было столько жилья, что, говорятъ, бѣлка, перепрыгивая съ крыши на крышу, могла, не ступая на землю, добраться отъ Махагамы до Анурадхапуры.

Туземцы увѣряютъ также, что расчистивъ развалины, разрывъ и откопавъ ихъ, найдешь полное подтвержденіе этимъ сказаніямъ о далекомъ прошломъ; и что ихъ повѣствованія

о роскоши и блескѣ въ далекомъ прошломъ не покажутся тогда преувеличенными; но даже смотря на то небольшое, что теперь открыто у развалинъ „великаго монастыря“, нельзя усумниться въ справедливости сказанія о роскошной жизни древнихъ цейлонскихъ царей и ихъ щедротахъ монахамъ. Эти громадныя постройки могли воздвигаться только въ обществѣ сильно вѣрующемъ, тогда, когда дѣйствительно въ „великомъ монастырѣ“ жили сотни монаховъ, и тысячи богомольцевъ являлись сюда, когда по цѣлымъ днямъ передъ ступами воспѣвались гимны, возжигались куренія и раздавалась разнообразная музыка.

Въ цейлонскихъ хроникахъ Махагама упоминается въ первый разъ въ III ст. до Р. Х., когда сюда выселилась боковая отрасль царскаго дома въ Анарудхапурѣ. Построеніе же монастырей и ступъ началось нѣсколько позднѣе, при его третьемъ преемникѣ Какаванна - Тиссѣ. При сынѣ послѣдняго Гамини-Абхаѣ, изгнавшимъ дамилъцевъ изъ Анурадхапуры и бывшимъ единодержавнымъ владыкою Цейлона, великій монастырь особенно процвѣталъ.

Разказы о подвигахъ этого царя, о его храбрости и объ его щедротахъ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ мѣстной хроники. Нѣтъ сомнѣнія, въ этихъ разказахъ мы имѣемъ отрывки національнаго эпоса объ излюбленномъ народномъ царѣ и его сподвижникахъ въ дѣлѣ освобожденія народа отъ владычества иноземнаго, дамилъскаго. Но авторъ или авторы хроники, буддійскіе монахи, сумѣли придать своему разказу особенный монашескій характеръ; по ихъ пересказу война съ дамилъцами была предпринята во славу ученія Будды и говоря о царѣ, они съ особенною подробностью повѣствуютъ объ его щедротахъ монахамъ и о стараніяхъ вѣншимъ образомъ возвеличить правое ученіе Будды.

Когда по истребленіи и изгнаніи дамилъцевъ, царя стало

мучить раскаяніе и сожалѣніе о множествѣ избѣенныхъ и погибшихъ людяхъ, услужливые монахи увѣрили его, что погибли не люди, а *скоты*, т. е. грѣшники, послѣдователи лжеученія, а потому грѣхъ его не великъ и можетъ быть искуплеңъ милостынею. Руководствуясь этимъ совѣтомъ, царь сталъ обстраивать монастыри, воздвигать ступы; во время праздника кругомъ ступъ, на его счетъ возжигались тысячи свѣтильниковъ; монахи не забывались также при этомъ: они получали угощенія, одѣянія (чивары); къ больнымъ посылались врачи и цѣлебная пища; но его особенными милостынями пользовались проповѣдники; заботясь о духовномъ просвѣщеніи народа, царь награждалъ ихъ предпочтительно предъ другими. Они получали угощенія и даровъ болѣе нежели другіе монахи.

Всѣ существующія нынѣ развалины относятся ко времени этого царя: не онъ заложилъ основанія этимъ ступамъ и самому монастырю; но онъ строилъ ихъ и украсилъ. При немъ они процвѣтали и намъ неизвѣстно, когда они стали разрушаться и пришли въ настоящее положеніе.

Въ этихъ развалинахъ главный интересъ невольно сосредоточивается на ступахъ; ихъ четыре здѣсь и всѣ четыре развалились. Ступа или чаитья (четія на языкѣ Пали) есть могильный памятникъ, воздвигнутый надъ зарытымъ пепломъ отъ сожженнаго тѣла Будды, святаго (архана) или міродержавнаго царя. Таково было первоначальное назначеніе ступы; въ современномъ буддизмѣ ступа есть предметъ культа, воздвигается кромѣ того надъ всякими святыми, т. е. надъ вещами, принадлежавшими Буддѣ или его святымъ, или въ мѣстахъ освященныхъ ихъ пребываніемъ. Ступы бываютъ различной величины и различной формы; основной типъ, изъ котораго развились эти формы всегда почти ясенъ: ступа была первоначально могильною насыпью, обложенною кирпичами.

Не смотря на то, что въ Тиссамахарамѣ всѣ четыре ступы разрушены и изъ нихъ одна только возобновляется, видъ ихъ и особенно „великой ступы“, нынѣ возобновляющейся, даетъ хорошее понятіе о томъ, что такое ступа и въ какихъ размѣрахъ они воздвигались въ древности.

Представьте себѣ громадный куполь, имѣющій въ окружности болѣе тысячи футовъ и 104 футовъ въ высоту поставленъ на землю и предъ вашими глазами будетъ великая ступа Тиссамахарамы. Ступа выстроена изъ кирпичу и первоначально была еще выше, ибо вершина ея обвалилась и всѣ верхнія украшенія исчезли, такъ же какъ всѣ внѣшнія украшенія и пристройки.

Кругомъ почва вымощена гранитными плитами и первоначально ступу окружали ряды гранитныхъ столбовъ; изъ нихъ очень не многіе остались на мѣстѣ, въ настоящее время; большинство исчезло и замѣнено новыми деревянными; на нѣкоторыхъ изъ нихъ висятъ бумажные фонари китайской работы. Съ четырехъ сторонъ ступы примыкаютъ четыре алтаря новой работы. Кругомъ ступы въ безпорядкѣ лежали упавшія гранитныя ея украшенія: головы слововъ, статуи, плита съ надписью, гранитное громадное корыто (16 ф. въ длину, 1½ въ ширину и 1 ф. въ глубину) и т. п.

Остальныя ступы „великаго монастыря“ носятъ слѣдующія названія: Сандхагири, Ята-ала и Мани; онѣ не одинаковой высоты и всѣ безъ исключенія на столько обрушились, что взбираться на ихъ вершину не представляетъ никакой трудности; въ ступѣ Ята-алѣ прорытъ даже ходъ внутрь, туда гдѣ хранились мощи. Самая значительная ступа изъ трехъ послѣднихъ Сандхагири имѣетъ 75 футовъ въ высоту и 450 футовъ въ окружности; за ней слѣдуетъ Ята-ала 60 ф. въ высоту и 420 ф. въ окружности; самая маленькая Мани возвышается только на 40 ф. имѣетъ 220 ф. въ окружности.

Въ недалекомъ разстояніи, между двумя ступами: Ята-ала и Мани находятся развалины царскаго дворца: семьдесятъ столбовъ расположены въ десять рядовъ. Столбы эти, тридцати футовъ въ вышину и осми футовъ въ окружности, образовали въ древности открытый „залъ“ м. б. суда; на перекинутыхъ черезъ ихъ вершины массивныхъ перекладинахъ покоился верхній этажъ дворца. Тутъ же въ недалекомъ разстояніи находится гранитный столбъ въ 12 ф. въ вышину и 8 ф. въ окружности. Преданіе говоритъ, что къ нему привязывался царскій слонъ. О множествѣ другихъ остатковъ древности я не буду говорить; они состоятъ главнымъ образомъ изъ различныхъ по рисунку и выполнению и по размѣрамъ столбовъ; изъ статуй я видѣлъ только двѣ; обѣ изображаютъ Будду и очень изуродованы, т. е. головы, руки и ноги отколоты и затеряны. У „великой ступы“ находятся очень древніе алтари или квадратные столы (4 ф. × 4 ф.) изъ бѣлаго камня съ рѣзбою; на одномъ такомъ алтарѣ, находящемся у ступы Ята-алы вырѣзаны два слѣда Будды. На алтаряхъ этихъ благочестивые богомольцы раскладываютъ цвѣты, приношеніе ступѣ.

Въ настоящее время „великая ступа“ возобновляется; когда я былъ тамъ, уже были воздвигнуты новыя столбы и четыре алтаря; самая ступа была обложена новыми кирпичами по крайней мѣрѣ на сто футовъ въ вышину. Монахъ увѣрялъ меня, что на возобновленіе было затрачено около девяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Деньги эти собирались въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, частью по подпискѣ, частью съ богомольцевъ.

Дорога отсюда въ Киринде лежитъ чрезъ песчаную мѣстность; въ полутора миляхъ отъ Киринди, около Дуравы проѣзжаешь мимо фантастическихъ скалъ; онѣ громоздятся другъ на другѣ и видны далеко изъ дали, какъ грозная баррикада

титановъ. Переправившись въ бродъ черезъ болото, образуемое морскимъ приливомъ, мы достигли Киринди. Въ Кириндѣ и въ Махагамѣ нѣтъ ничего любопытнаго; отсюда дорога въ Хамбантогъ идетъ вдоль морскаго берега; она не такъ уютельна, ибо въ близости моря даже среди дня не чувствуется зной, но видъ окружной мѣстности безконечно скученъ и однообразенъ. По дорогѣ хотя и есть Resthaus'ы, но въ нихъ нѣтъ никакой мебели и нельзя ничего достать. Въ Кириндѣ даже не было чистой воды; но въ замѣнъ этого какою-то school boy, явившійся ко мнѣ въ Resthaus, рассказалъ мнѣ мѣстную легенду, впрочемъ давно извѣстную изъ мѣстныхъ хроникъ, и имъ вычитанную въ какомъ нибудь англійскомъ путешествіи. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, около теперешняго Коломбо царствовалъ царь Кальяна Тисса; младшій братъ царя, по имени Утія полюбилъ его жену. Узнавъ объ этомъ царь и приказалъ его казнить, но Утія во время убѣжалъ. Живя вдали отъ любимой царицы, и тоскуя по ней, Утія вздумалъ написать ей письмо; выискался молодой монахъ, который взялся передать письмо царицѣ.

У царя Кальяна Тиссы былъ обычай кормить ежедневно всѣхъ монаховъ; на этотъ обѣдъ и явился посланникъ съ любовнымъ письмомъ; но письмо не достигло своего назначенія и было перехвачено самимъ царемъ. И заподозрилъ царь въ написаніи этого письма одного стараго святаго монаха. Въ неудержимомъ гнѣвѣ онъ отдалъ приказъ изжарить въ маслѣ святаго. Приказъ былъ исполненъ, старецъ былъ казненъ.

Разгнѣвались боги и, мстя за невиннаго, грозилась затопить всю страну: море хлынуло на землю и стало уже наступать ко дворцу царскому. Тогда царь рѣшился принести въ жертву гнѣвному океану свою собственную дочь.

Нарядили, разукрасили молодую царевну и посадили въ

ладью; положили туда же золотой листъ съ надписью: „дочь такого-то царя!„ и пустили ладью въ море.

Смирились волны и отошли отъ берега. Ладья же, обогнувъ Цейлонъ, пристала къ мѣсту, нынѣ называемому Киринда. Здѣсь царевну нашель и женился на ней царь Какаванна Тисса, отецъ царя Гамини-абхая, обстроившаго „великій монастырь“ и изгнавшаго Дамильцевъ изъ Анурадхапуры.

II.

Коломбо и буддйскіе монахи.

1.

Изъ Гамбопотоы я вернулся въ Галле, но прожилъ тамъ не долго; дня черезъ два я взялъ мѣсто въ общественной коляскѣ и отправился въ Коломбо.

Коломбо административный центръ острова; новая, англійская столица; здѣсь живетъ губернаторъ, всѣ высшіе чиновники и кромѣ того очень много англичанъ купцевъ.

Дорога изъ Галле въ Коломбо извивается по берегу моря и очень похожа на дорогу по южному берегу острова, отъ Галле до Тангалле. На протяженіи семидесяти слишкомъ миль тянется тѣнистая аллея громаднхъ кокосовъ. Деревни и городки очень часты и очень похожи другъ на друга. Близость моря и роскошь растительнаго царства придаетъ окружному пейзажу необыкновенную прелесть; нѣкоторое однообразіе въ смѣняющихся картинахъ не ослабляетъ перваго впечатлѣнія: совершенно напротивъ, чѣмъ дальше ѣдешь, и чѣмъ больше смотришь на дива тропическаго міра, тѣмъ сильнѣе растетъ восторгъ.

Движеніе по дорогѣ между двумя торговыми пунктами, Галле и Коломбо очень сильное. Мы обгоняли безпрестанно банди, запряженные однимъ или парюу воловъ; банди съ кладью и банди съ путешественниками. Пѣшеходовъ во всю

дорогу было множество, и еще болѣе нищихъ, попрошаекъ; при каждой стоянкѣ, при каждой перемѣнѣ лошадей, толпы грязныхъ, болѣзнью изуродованныхъ нищихъ осаждали нашу коляску.

Быль день будничный, но большинство туземцевъ сидѣло совершенно праздно, на корточкахъ у пороговъ своихъ небольшихъ не очень чистыхъ хатъ; у каждой лавочки стояли толпы праздныхъ зѣвакъ. Кое-гдѣ только рыболовы были заняты починкою своихъ старыхъ сѣтей или вязаньемъ новыхъ, да въ школахъ раздавалось жужжаніе молодыхъ голосовъ. Почти въ каждой деревнѣ есть школа; ученики посѣщаютъ ихъ прилежно и твердятъ уроки такъ громко, что, не входя въ школу, на большой дорогѣ можно узнать предметъ урока.

Въ Бентотѣ мы остановились завтракать и чрезъ часъ пустились опять въ дорогу. Становилось жарче и движеніе по дорогѣ какъ будто нѣсколько пріутихло, хотя далеко не прекратилось, намъ попадались даже банди, разукрашенные флагами, т. е. со свадебнымъ поѣздомъ.

Наконецъ около шести часовъ вечера сильный запахъ косового масла далъ знать, что мы приближаемся къ большому жилому мѣсту и скоро дѣйствительно мы въѣхали въ предмѣстье Коломбо, Колпетти. Миновавъ узенькія улицы и переулки предмѣстья, коляска остановилась у Galle Face Hôtel и были въ центрѣ Коломбо.

На лѣво бурлило и шумѣло море, прямо растилалось на цѣлую милю лишенное всякой растительности и со всѣхъ сторонъ обнаженное пространство. Далѣе виднѣлись фортъ, казармы и еще кое-какія зданія.

Galle Face Hôtel доживалъ въ мое время послѣдніе дни и представлялъ совершенную противоположность Orientale Hôtel въ Галле. Тамъ чистота, порядокъ, просторъ и тишина; здѣсь все это отсутствовало. Комнаты тѣсны, неудобны, грязны. Ни

одна дверь не притворялась, ни одно окно не затворялось, а между тѣмъ облака песчаной пыли ежеминутно нагонялись въ комнату морскимъ вѣтромъ. Праздная прислуга суетилась видимо безъ всякаго дѣла и безъ всякаго надзора. На призывные вопли путешественниковъ никто не откликался. Не смотря на неряшливость и безобразія всего учрежденія цѣны въ немъ были очень высокія даже на предметы первой потребности, какъ напр. на ванны или ледъ. Все, начиная отъ воды и кончая обломанными тарелками, свидѣтельствовало о запустѣннѣи и упадкѣ. Таковъ былъ лучший отель въ Коломбо.

Въ Коломбо, какъ городъ большомъ, населеніе очень разнообразное: кромѣ англичанъ-европейцевъ и туземцевъ, т. е. Сингалезцевъ, есть еще много бюргеровъ. Бюргеры встрѣчаются всюду на Цейлонѣ, но особенно ихъ много въ Коломбо, гдѣ они занимаютъ всѣ нисшія правительственныя мѣста. Англичане живутъ совершенно отдѣльно отъ туземцевъ и сносятся съ ними или оффиціально, или по частнымъ дѣламъ; другаго рода сношенія между двумя населеніями нѣтъ, ибо британская исключительность, сказывающаяся всюду рѣзко, на Цейлонѣ, среди народа мирнаго и пугливаго, достигла крайняго предѣла. Здѣсь англичанинъ не только владыка, но человѣкъ избранной, высшей расы и между нимъ и чернокожимъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. На Цейлонѣ, правда въ старыя годы, возможны были между англичанами и туземцами серьезныя и долгія пререканія по поводу чулокъ и балмаковъ: дѣло это происходило давно, въ тѣ времена, когда европейскія моды достигали тропическихъ странъ не такъ-то быстро какъ нынѣ, но хотя и медленно онѣ тѣмъ не менѣе заходили на Цейлонъ и добродушные островитяне не прочь были слѣдовать этимъ модамъ. Какому-то юному Сингалезцу, состоявшему на британской службѣ въ качествѣ переводчика, понравилась очень европейская обувь и вотъ онъ, сохраняя

свою національную прическу, съ пучкомъ и гребнемъ, т. е. не покрывая шляпою голову, но въ чулкахъ и башмакахъ предъстаетъ предъ лицомъ своего начальника; начальникъ британскій чиновникъ нашель, что *ниггеръ* не имѣеть никакого права безъ его разрѣшенія носить башмаки и чулки, пользоваться этими европейскими удобствами; словомъ онъ почель себя оскорбленнымъ поведеніемъ своего подчиненнаго и позорно выгналъ отъ себя ниггера. По поводу чулокъ и башмаковъ возникаль очень затруднительный вопросъ: ниггеръ являлся предъ лице начальника и не свидѣтельствоваль ему вѣшнимъ образомъ своего почтенія: онъ не могъ свидѣтельствовать почтенія по европейски, такъ какъ на головѣ у него не было шляпы и значить нечего было и снять съ головы, не могъ онъ быть вѣжливымъ по азіатски, т. е. явиться босымъ, ибо, какъ извѣстно, для снятія чулокъ требуется нѣкоторое время, и процедура вообще не легкая. Между тѣмъ Ниггеръ тоже оскорбился нецеремоннымъ изгнаніемъ изъ присутственнаго мѣста и волновался; онъ настаиваль, что какъ британскій подданный имѣеть несомнѣнное право подражать лицамъ европейскаго происхожденія и носить чулки и башмаки. Дѣло дошло до губернатора и его превосходительство предложило юному франту на выборъ: сохранить пучокъ и гребень или отказаться отъ чулокъ и башмаковъ, но *допустить сочетаніе двухъ удобнѣйшихъ частей* европейскаго и туземнаго костюма, его превосходительство нашло вполне невозможнымъ. Ниггеръ не покорился таковому рѣшенію власти и вышелъ въ отставку. Это дѣло давно минувшихъ временъ; теперь всѣ достаточные Цейлонцы обуты и въ дома англичанъ вступаютъ въ чулкахъ и башмакахъ. Юное поколѣніе сингалезцевъ даже носить перчатки; противъ чего иной англичанинъ способенъ возроптать. Я зналь одного недавно пріѣхавшаго на островъ англичанина, онъ долженъ

былъ учиться одному изъ мѣстныхъ языковъ и для этой цѣли пригласилъ давать себѣ уроки молодого Сингалезца. Учителю вздумалось являться на уроки въ желтыхъ перчаткахъ; украшеніе дѣйствительно нѣсколько странное на Цейлонѣ и пожалуй даже излишнее при температурѣ, доходящей до 90° по Ф. Англичанина коробило отъ желтыхъ перчатокъ на черныхъ рукахъ. „The boy is very conseited!“ рѣшилъ онъ и прогналъ учителя. Но прогналъ его безъ скандала, тихо и скромно, даже не намекая на продерзость съ перчатками.

Въ настоящее время наступаютъ новые порядки: англичане остаются тою-же исключительною горделивою расою, но они вынуждены дѣлать уступки. Во время моего пребыванія на островѣ, двухъ туземцевъ пожаловали въ баронеты: одного бюргера и одного томильца, неизвѣстно почему называющаго себя арійцемъ. Пожалованіе перваго въ баронеты принято было довольно равнодушно англійскимъ обществомъ на островѣ; по угламъ кое-кто шипѣлъ злостно на неразумный либерализмъ правительства *дома*, но заслуги бюргера были несомнѣнны и общепризнаны; громко, публично никто не рискнулъ выразить своего неудовольствія или досады на свершившійся фактъ. Въ газетахъ даже была объявлена подписка на балъ новому баронету; и балъ состоялся при участіи и англичанъ, и туземцевъ. Собрались массы гостей: британцы во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, туземцы въ праздничныхъ юбкахъ. Толпа была пестрая и отмѣнно оригинальная. Англичане держались въ сторонѣ и отводили душу зубоскаленіемъ. Одинъ говорилъ во всеуслышаніе: „My goodnen me! Что за общество!“ кричишь: „boy! brandy and soda!“ а boy оказывается гостемъ! Другой подошелъ къ новому баронету, почтенному старику, но, къ сожалѣнію, нѣсколько черноватому и раскачиваясь, и усмѣхаясь, сказалъ ему:— „I say, Sir R.! Не нахо-

дите-ли вы, что дома они стали очень щедры на баронства. Раздаютъ ихъ всѣмъ!“

И сколькихъ джентльменовъ и леди эта плоскость привела въ восторгъ! Объ ней пушукались во весь вечеръ по разнымъ угламъ, и долго спустя надъ ней хихикали во время различныхъ *dinning parties*. „Слышали вы, что молодой В. сказалъ Сэру Р. на балѣ?“ спрашивалось не разъ и не на одномъ обѣдѣ.

Но вдругъ, вскорѣ послѣ этого бала телеграфъ принесъ поразительную новость: М. К. С. черный изъ черныхъ, сынъ продавца кокосоваго масла, въ то время проживавшій въ Лондонѣ, пожалованъ въ баронеты.

— „Да! М. К. С. сталъ теперь сэръ М. Какъ вы думаете, спрашивалъ одинъ туземецъ, станутъ англичане ему пожимать руку! Думаю, что станутъ; говорятъ онъ женился на лэди изъ высокой касты и какъ разбогатѣлъ!... И англичане начнутъ къ нему теперь ѣздить; будутъ его звать: сэръ М.; а прежде его не принимали!“

Такъ размышлялъ туземецъ, но вѣсть поразила англичанъ. Злоба, накипавшая въ ихъ сердцахъ со временъ пожалованія бюргера въ баронеты, теперь разомъ хлынула наружу. Всѣ негодовали, въ газетахъ печатались ругательства, словомъ произошелъ скандалъ. Я увѣренъ, до сихъ поръ на Цейлонѣ многіе англичане не примирились съ мыслью, о томъ, что эта проклятая *черная кожа* пожалована въ баронеты и М. К. С. сталъ сэромъ К., т. е. *pobleman*’омъ или такимъ существомъ, предъ которымъ всякій англичанинъ не *pobleman* считаетъ своимъ долгомъ гнуть шею; извѣстно, что передъ не титулованными англичане не преклоняютъ головъ.

2.

У меня были спеціальныя цѣли во время пребыванія въ Коломбо. Въ самомъ городѣ любопытнаго или древняго совер-

шенно нѣтъ; даже знаменитый Cinnamon garden не интересъ и не красивъ.

Еще менѣе красивъ или любопытенъ старый фортъ, гдѣ находится Queen's-haus жилище губернатора. Гораздо интереснѣе и красивѣе другія части города, преимущественно заселенныя туземцами: въ нѣкоторыхъ мнѣ приходилось бывать часто, такъ какъ я водилъ знакомство со многими монахами и любилъ бывать у нихъ. Отъ нихъ я узналъ многое такое, чего не могъ-бы узнать другимъ путемъ или отъ другихъ лицъ. Да не покажется читателю страннымъ, что громадное большинство англичанъ, живя по долгу на островѣ, не выучиваются языку туземному и конечно не знаютъ о такомъ крупномъ мѣстномъ явленіи какъ буддизмъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Коломбо мнѣ пришлось отыскивать Government's Oriental library. Объ этой библиотекѣ мнѣ много толковали въ Лондонѣ; объ ней писалось даже въ европейскихъ газетахъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время библиотека дѣйствительно существуетъ; но о томъ какою она была въ 1874 г., можно судить по слѣдующему факту: эту библиотеку знали въ Лондонѣ и ближе: въ Матарѣ и въ Тангаллѣ, люди небывавшіе въ Коломбо; въ самомъ же Коломбо никто не подозрѣвалъ ея существованія. На вопросы о библиотекѣ давались сбивчивыя указанія; одни положительно отрицали ея существованіе, другіе утверждали, что библиотека будетъ собрана, когда музей отстроится, а музей Богъ вѣсть когда отстроится. Но самый любопытный отвѣтъ дало лицо въ вѣдѣніи котораго состояла библиотека. Почтенный старикъ, проживъ тридцать слишкомъ лѣтъ на островѣ не говорилъ ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ, самъ распоряжался собираніемъ сингалезскихъ рукописей и недоумѣвалъ при вопросѣ о библиотекѣ: — Oriental library?! говорилъ онъ, Well sir! Вы увѣрены что она здѣсь“. Позванъ былъ мудліаръ для наведенія справокъ. Онъ оказался состоя-

щимъ въ должности бібліотекаря, а самая бібліотека помѣщалась въ залѣ рядомъ съ тою, гдѣ мы бесѣдовали. Рукописей въ бібліотекѣ было не много; мнѣ показали одинъ шкафъ; онъ былъ запертъ на ключъ и самый ключъ затерянъ. Его отыскали впрочемъ дня черезъ два. Таковъ просвѣщенный интересъ англичанъ къ туземной литературѣ.

Старикъ, о которомъ сейчасъ упомянуто, человѣкъ очень просвѣщенный и не глупый; но онъ, прежде всего, англичанинъ и этимъ объясняется, почему проживъ тридцать лѣтъ на островѣ и принадлежа къ британской администраціи, учрежденной ко благу администрируемыхъ туземцевъ, онъ кромѣ рутинны дѣла не захотѣлъ и не могъ по своимъ воззрѣніямъ узнать ближе туземца. Это не русскій человѣкъ нѣсколько беззаботный на счетъ всякой литературы, беззаботный въ силу того, что учился на мѣдные гроши; въ равнодушій къ туземной литературѣ зауряднаго просвѣщеннаго британскаго чиновника сказывается иное: онъ не хочетъ этого знать не потому чтобы не понималъ цѣны и значенія такого знанія, но ему неприятно, его отталкиваетъ все, что, хотя бы отдаленно, напоминаетъ „*черную кожу*“, состоящую въ его опекѣ. Туземцы это чувствуютъ и, конечно, такое отношеніе большинства правителей къ ихъ родинѣ и старинѣ не можетъ возбудить въ нихъ особой симпатіи.

3.

Не только въ Коломбо, но и вообще путешествуя по Цейлону, я часто сходилъ съ буддійскими монахами. Они очень доступны: не сторонятся отъ европейца, не прячутъ отъ него, ни своихъ святынъ, ни своихъ книгъ, очень любезны и услужливы; охотно и даже съ удовольствіемъ и съ нѣкоторою гордостью показываютъ все примѣчательное въ своихъ монастыряхъ. Люди, жившіе по долгу на островѣ, зачастую не

имѣютъ высокаго мнѣнія о нравственности и учености буддійскихъ монаховъ; увѣряютъ, что неженатое, буддійское духовенство порочно и невѣжественно; и дѣйствительно легко убѣдиться, что послѣднее, т. е. невѣжество монаховъ, ни сколько не преувеличивается старожилками и не отрицается даже благоразумными туземцами-буддистами. Конечно, между монахами есть ученые, т. е. люди, начитанные въ своей священной литературѣ, владѣющіе языками: Пали и Санскритомъ, но таковыхъ очень немного; большинство отличается крайнею скудостью всякаго рода познаній. Не рѣдко встрѣчаются монахи, едва умѣющіе читать и незнакомые не только съ самыми крупными фактами изъ жизни Будды, но и затрудняющіеся объяснить напр., что такое древо Бо (ficus religiosa), иными словами они ничего не знаютъ о такой святыньѣ, которая находится при каждомъ храмѣ и которой они молятся также, какъ и мы, христіане кресту. На югѣ около Матары въ одномъ монастырѣ старикъ монахъ рассказывалъ мнѣ, что ихъ *святое древо* очень древне и вывезено изъ Бенареса.

— Почему-же изъ Бенареса? спросилъ я его.

— Тамъ Будда родился! незадумываясь отвѣчалъ онъ. Еще рѣже встрѣчаются міряне, знающіе свою религію и изучавшіе свою священную литературу. Невѣжество мірянъ бываетъ иногда очень комично. Сингалезицъ-буддистъ, простого званія весьма часто не знаетъ на какомъ языкѣ написаны его молитвы и, читая, конечно весьма рѣдко понимаетъ смыслъ этихъ молитвъ.

Я выѣхалъ на нѣсколько дней изъ Коломбо и жилъ въ мѣстечкѣ Галкисса. Rest-haus здѣсь носитъ поэтическое названіе Mount Lavinia; онъ выстроенъ на мысу; и изъ каждаго окна открывается видъ на безконечное море. Мѣстность кругомъ очаровательна. Въ уединеніи этомъ живетъ очень

пріятно; въ просторныхъ высокихъ комнатахъ Rest-haus'a всегда необыкновенно прохладно.

Однажды вечеромъ я узналъ, что неподалеку въ одномъ храмѣ; по случаю болѣзней въ сосѣднихъ деревняхъ читается *пиритъ*, т. е. совершается молебствіе.

Быль девятый часъ, когда въ сопровожденіи одного туземца-будиста отправился слушать *пиритъ*.

Нашъ путь лежалъ чрезъ густую рощу кокосовъ и банановъ. Широкая дорога ярко освѣщалась луною. Безпрестанно насъ обгоняли богомольцы; нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ рукахъ зажженные факелы. Безобразные звуки *шометомы* слышались издали.

На дворѣ храмовъ мы нашли густую толпу, но болѣе богомолковъ, нежели богомольцевъ. Мужья стояли на дворѣ, глухо разговаривая и казалось, непринимая никакого участія въ томъ, что дѣлалось внутри Дхарма салы, т. е. въ *зданіи втры*.

„*Зданіе втры*“ возвышалось посреди двора; то была временная постройка, нѣчто въ родѣ открытаго павильона на столбахъ и увѣшаннаго плохими изображеніями англійскихъ лэди.

Высокая кѣедря, оклеенная цвѣтною бумагою была воздвигнута по среди павильона. Кругомъ ея висѣли бумажные фонарики. Два монаха, прикрываясь вѣерами, гнуся и на распѣвъ тянули „*святое слово*“. Читали они лѣниво, съ остановками и безпрестанно озираясь по сторонамъ. А кругомъ почти исключительно сидѣли богомолки, мужскія фигуры виднѣлись кое-гдѣ, въ сторонѣ и въ тѣни. Женщины конечно ни слова не понимали изъ того, что читалось; молча и тупо внимая чтенію, онѣ сидѣли, не спуская глазъ съ бритыхъ головъ святыхъ проповѣдниковъ. Но не только женщины, рѣдкій изъ мужчинъ понималъ, что читалось.

— Что они читаютъ? спросилъ я своего спутника, а читали монахи начало извѣстной молитвы на языкѣ Пали: „иду подъ защиту Будды!“

— Чтутъ Будду! отвѣчалъ онъ мнѣ подумавъ!

— На какомъ языкѣ эта молитва? спросилъ я его опять.

— На старинномъ нашемъ!

Я выразилъ сомнѣніе.

— На языкѣ Санскрита выкарана (*санскритская грамматика*), поправился мой путеводитель.

Вѣра и знаніе буддистовъ начали оскудѣвать уже давно, гораздо ранѣе прихода европейцевъ, распространенія англійскаго языка и дѣятельности миссіонеровъ. Индифферентизмъ въ вѣрѣ и пониженіе уровня знаній родной литературы начались со временъ малабарскихъ царей. Усиленіе европейскаго элемента на островѣ и попытки миссіонеровъ распространить христіанство вызвали здѣсь совершенно оригинальныя явленія: то и другое расшевелило нѣсколько монаховъ и буддійское общество; нельзя отрицать, что въ послѣдніе годы между монахами пробудилась дѣятельность, конечно, мѣстами, и болѣе тревожная нежели сильная; защищая себя отъ нападковъ миссіонеровъ и слыша, что въ Европѣ ихъ литературу изучаютъ, они взялись за свои книги, стали ихъ собирать, выписывать новыя списки изъ Бирмы и Сіама и кое-какъ нѣкоторые, до сихъ поръ незначительное меньшинство, начали изучать св. писаніе. Особенно примѣтно это движеніе и новый разцвѣтъ буддизма на югѣ острова, гдѣ нерѣдко въ монастыряхъ находятся богатыя библіотеки, собранныя въ послѣдніе годы главнымъ образомъ въ Бирмѣ; но и тамъ знающіе монахи попадаются не часто.

Въ Коломбо я имѣлъ случай близко познакомиться съ одной буддійской школой; въ то время эта школа была единственная въ своемъ родѣ; она заведена на пожертвованія

частныхъ лицъ и имѣеть своею цѣлью распространеніе знаній палійской литературы, какъ между монахами, такъ равно и въ средѣ мірянъ. Школа, нѣчто въ родѣ начинающагося буддійскаго университета, называется „восходъ знанія“ (Видьодая); она не помѣщается при храмѣ, но въ отдѣльномъ домѣ, занимаемомъ монахомъ Сумангала. Сумангала, одинъ изъ ученѣйшихъ сингалезцевъ въ наше время, устроилъ эту школу; онъ ея главный начальникъ и пока единственный учитель. Учениковъ немного: сорокъ пять монаховъ и двѣнадцать мірянъ. Благодаря его стараніямъ и усердію преподаваніе идетъ успѣшно; конечно, оно ограничивается исключительно изученіемъ св. писанія на языкѣ Пали и чтеніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ на санскритскомъ языкѣ, напримѣръ избранныхъ произведеній поэта Калидасы и грамматики Вопадевы. Учатся по тому же методу, которому слѣдуютъ и въ Индіи: ученикъ затверживаетъ наизусть, что говоритъ учитель и самъ не работаетъ: то, что было объяснено, то ученики знаютъ твердо, но становятся въ тупикъ и совершенно безпомощны какъ скоро вопросъ касается какого либо мѣста, не прочитаннаго вмѣстѣ съ учителемъ, хотя бы такое мѣсто было и очень легко. Письменныхъ работъ ученики не дѣлаютъ: затверживаніе разбираемаго памятника есть главная цѣль ученія. Учитель, прочитавъ нѣсколько строкъ, дѣлаетъ ихъ перифразъ, и переводъ на сингалезскій языкъ, затѣмъ разбираетъ этимологически каждое слово и подбираетъ синонимы; во всемъ этомъ онъ рабски слѣдуетъ древнимъ образцамъ комментаторовъ. Ученики прилежно записываютъ за нимъ и должны выучивать это къ мѣсячнымъ и годичнымъ экзаменамъ. Къ этому времени изговлняется рядъ вопросовъ по предметамъ прочитаннымъ; вопросы главнымъ образомъ относятся или къ грамматикѣ, или къ буддійскому каноническому праву; вопросы могутъ быть задаваемы и лицами посторон-

ними. На одномъ изъ мѣсячныхъ экзаменовъ монахамъ были предложены слѣдующія вопросы по каноническому праву. 1) Отъ нецѣломудрія бываютъ ли проступки. Въ какія впадаютъ?—2) Какія слѣдствія нецѣломудрія? Эти вопросы они должны были разрѣшить цитатами изъ св. писанія.

Въ декабрѣ, по окончаніи годичныхъ экзаменовъ, бываетъ торжественный актъ въ школѣ. Въ декабрѣ 1875 года мнѣ удалось быть на этомъ торжествѣ; въ этомъ году годичный актъ собирались отпраздновать съ особою торжественностью, ибо ожидали посѣщенія губернатора; но оно не состоялось и всѣ приготовления: арка изъ зелени, и уборка дома зеленью и т. п., почти что пропали даромъ; собралось хотя много публики, но одни сингалезцы; такъ какъ школѣ сочувствуютъ въ туземномъ обществѣ, какъ дѣлу доброму и патріотическому, то на актѣ было много монаховъ; они сидѣли отдѣльно отъ мірянъ, на возвышеніи нарочно для нихъ устроенномъ. На актѣ произносились рѣчи, читались стихи, раздавались награды; все происходило также, какъ на актахъ въ англійскихъ школахъ. По окончаніи акта явился приглашенный фотографъ и снялъ портретную группу со всѣхъ монаховъ. На этомъ собраніи были лучшіе и ученѣйшіе представители цейлонскаго монашества. Но, по ученымъ представителямъ монашества, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, что такое большинство цейлонскихъ монаховъ.

Въ томъ же городѣ Коломбо мнѣ пришлось узнать другаго замѣчательнаго монаха, не ученаго, но практическаго дѣятеля; онъ пользуется большою извѣстностью на островѣ, любимъ народомъ невѣжественнымъ и весьма мало уважаемъ людьми свѣдущими и порядочными. Гунананда, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, живетъ въ монастырѣ выстроенномъ на частныя пожертвованія по его инициативѣ. Монастырь этотъ находится въ отдаленной части города, въ Ко-

тахенѣ, и по его словамъ построение одного храма стоитъ около пяти тысячъ фунтовъ; кромѣ того здѣсь же есть просторное помѣщеніе для монаховъ. Монастырь носитъ названіе „двипадоттама вихара, или монастырь высочайшаго между людьми (т. е. Будды)“. Молва о настоятелѣ богатаго монастыря не красива: говорятъ, что онъ имѣетъ двухъ женъ, множество дѣтей, занимается подѣ чужимъ именемъ торговлею, словомъ ведетъ жизнь неприличную для монаха. Но ему нельзя отказать въ природномъ умѣ, а особенно въ смѣлости; благодаря этой смѣлости и дару слова, дѣйствительно необычайному, онъ сумѣлъ составить себѣ репутацію проповѣдника; слушать его сходятся толпы, онъ умѣетъ нравиться народу и увлекать его своимъ словомъ; знаній у него нѣтъ большихъ и то, что онъ знаетъ, то добыто имъ по наслышкѣ отъ другихъ, болѣе ученыхъ; но малыми свѣдѣніями онъ отлично владѣетъ; толкуетъ просто и вразумительно для толпы. Между своими собратами онъ славится также, какъ знатокъ Библии; Библію; или слѣдуя его произношенію Байбль, онъ дѣйствительно читалъ, но знать ее не зналъ, и толковалъ совершенно превратно. Гунананда создалъ цѣлую теорію о происхожденіи евреевъ и разъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

— За три тысячи лѣтъ, говорилъ онъ, на нашемъ островѣ жило племя Хабара (т. е. Ебрю, Еврей). Племя это чтило и молилось яккхамъ. Родился между ними одинъ великій человекъ, Адамъ по имени. Этотъ человекъ былъ весьма искусенъ, ибо много жертвъ принесъ яккхамъ. Вступилъ онъ въ сожителство съ родною сестрою; это узнали и онъ долженъ былъ оставить родную страну. Оставилъ онъ островъ и переплылъ въ Аравію. Тамъ онъ написалъ книгу (т. е. Библію), взялъ онъ ее и сталъ странствовать; такъ прошло много времени. Родились у него два сына: одного звали Баянбалъ. Дру-

гой же женился на дѣвушкѣ изъ Аравіи, отъ него и произошли всѣ Хебрю.

— Какъ это, Адамъ жилъ на Цейлонѣ?

— А развѣ на Цейлонѣ нѣтъ мѣста Хабарагамъ? развѣ гора Самантакута, гдѣ слѣдъ Господа Будды, не называется Adam's peak? Если бы Адамъ не родился на островѣ, откуда бы взятыя этимъ названіямъ?

Грѣхопаденіе онъ также толковалъ своеобразно:

— Сатана, говорилъ онъ, это значитъ желаніе; запретный плодъ—плотскія наслажденія. Вкусить отъ запретнаго плода, не могло ничего другаго значить!

Онъ освѣдомился у меня, женатое ли наше духовенство, и не выразилъ своего одобренія по поводу того, что узналъ. Гунананда, имѣя на сторонѣ двухъ женъ, стоялъ за целибатъ. Своимъ храмомъ, постройка котораго такъ дорого обошлась, онъ любилъ похвастать, ему очень хотѣлось, чтобы губернаторъ пріѣхалъ посмотреть на храмъ. Храмъ дѣйствительно былъ украшенъ изрядною живописью. Особенно поразила меня картина надъ входною дверью. Когда англичане, во время войны съ Бирмою, овладѣли Рангуномъ, они взорвали тамъ ступу. Этотъ моментъ воспроизведенъ на картинѣ въ верху, надъ входною дверью. Ступа изображена летящей по воздуху и рука съ неба хватаетъ ее. Внизу подпись по-англійски: „посвящается директорамъ ость-индской компаніи“.

Когда въ 1872 году, въ августѣ мѣсяцѣ, миссіонеры вызвали буддійскихъ монаховъ на словесное состязаніе и оно дѣйствительно состоялось въ Пантурѣ, Гунананда явился представителемъ со стороны буддистовъ и вышелъ благодаря своей ловкости и смѣлости, побѣдителемъ изъ диспута, который продолжался три дня. Миссіонеры съ своей стороны выставили двухъ ораторовъ; оба они туземцы по происхожденію, и знали

буддйское св. писаніе въ такой же степени, въ какой Библія была извѣстна Гунанандѣ, но ни у того, ни у другаго не было ни ловкости, ни смѣлости буддйскаго апологета; ихъ нападки касались главнымъ образомъ буддйской метафизики, т. е. предмета мало или совсѣмъ недоступнаго толпѣ, и къ тому же первый изъ ораторовъ съ христіанской стороны говорилъ не ясно, пересыпая свою рѣчь цитатами на пали, непонятными народу.

Онъ задалъ буддистамъ вопросъ не легкій для разрѣшенія; но Гунананда, наученный болѣе свѣдущими, съумѣлъ вывернуться изъ неловкаго положенія и съ разу бросить невыгодную тѣнь на знанія своего противника. „Немного нужно проницательности, говорилъ онъ, для того, чтобы сдѣлать правильную оцѣнку рѣчи досточтимаго г-на де-Силва. Никто не понялъ этой безсвязной рѣчи; не понятны были толкованія текстовъ св. писанія. Тотъ, кто хочетъ заняться этимъ вопросомъ, долженъ знать и языкъ св. писанія и самыя книги... Я покажу вамъ, въ какой степени досточтимый господинъ изучалъ то и другое; по счастью, у меня въ рукахъ небольшое изданіе, которое облегчитъ мнѣ значительно, мой трудъ“. Сказавъ это, онъ взялъ небольшое изданіе, сдѣланное его противникомъ и сталъ разбирать переводъ на Пали молитвы „Отче нашъ“. „Вотъ, говорилъ онъ, слово, котораго не существуетъ въ языкѣ Пали, а вотъ другое, средняго рода сочетается съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ въ мужескомъ родѣ“; всѣ эти и другіе промахи безжалостный критикъ отыскалъ на первыхъ двухъ строкахъ. „Если, продолжалъ онъ, досточтимый г. де-Силва не умѣетъ сочетать двухъ словъ на Пали, согласно съ грамматическими правилами, если въ немногихъ строкахъ онъ надѣлалъ столько промаховъ, то его слушатели могутъ сами теперь судить, по силамъ ли ему объясненіе туманной метафизики великаго Будды“.

Пренія открылись, какъ я сказалъ, христіанами; натискъ сдѣланъ былъ сильный; сущность нападковъ состояла въ слѣдующемъ: вы, буддисты, отрицаете существованіе души и въ тоже время учите и вѣруете въ перерожденіе. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что существо дѣйствующее, свершающее добрые и злые дѣла, и пожинающее плоды этихъ дѣлъ не одно и тоже; одно существо грѣшитъ, а за его грѣхи наказуется иное, совершенно не тождественное съ нимъ существо, и наоборотъ, одно существо добродѣтельно, а награда за добродѣтель выпадаетъ на долю существа отличнаго. Если же награда и наказанія выпадаютъ на долю совершенно неповинныхъ въ дѣлахъ, за которыя они награждаются или наказуются, не слѣдуетъ ли изъ этого, что ваше ученіе безнравственно, ваша религія побуждаетъ къ безнравственнымъ поступкамъ, и не предотвращаетъ ихъ. Отчего человѣку не сдѣлаться убійцею, воромъ, любострастнымъ? Зачѣмъ ему заботиться о томъ, что дѣла его грѣшны? Въ слѣдующемъ существованіи развѣ онъ будетъ наказанъ? Наказано будетъ иное, съ нимъ ни чѣмъ не связанное, отъ него безусловно отличное существо?

Задѣтый этимъ враждебнымъ истолкованіемъ святаго слова Будды, Гунананда выступилъ въ бой также стремительно и начавъ личными нападками на оратора противной стороны, осмѣявъ его и погубивъ предъ своими слушателями его ученую репутацію, онъ перешелъ къ самозащитѣ: мы, буддисты, признаемъ пять элементовъ въ живомъ существѣ: органическое тѣло (или форму), ощущеніе, познавательную способность, умственные движенія и сознаніе. Умираетъ человѣкъ, его *тѣло* кладется въ гробъ, и вмѣстѣ съ этимъ прекращается *ощущеніе*. И такимъ образомъ вы можете быть увѣрены, ни одна изъ этихъ частей никогда не переходила въ тотъ міръ блаженствовать или страдать отъ наказаній. Точно также и

остальные три части со смертью человѣка переставали существовать; ни одна изъ нихъ не страдала въ послѣдующемъ существованіи отъ дѣлъ, свершенныхъ въ этой жизни; но, однакоже, существо, произведенное одновременно съ уничтоженіемъ пяти *составныхъ частей*, не было инымъ, отличнымъ отъ исчезнушаго. Для поясненія этого ученія Гуна-нанда обратился къ слѣдующему примѣру: многочтимая Библия христіанъ не есть оригинальная Библия, написанная Моисеемъ и другими и бывшая въ употребленіи между первыми послѣдователями Христа; но мы не можемъ сказать, чтобы то была другая Библия; хотя обѣ книги и не тождественны, но сущность обѣихъ одна и таже. Тоже самое нужно разумѣть объ атма (т. е. о душѣ). Хотя, когда кто-либо умираетъ, всѣ составныя части, образующія человѣка, исчезаютъ здѣсь, ни единая доля ихъ не переносится въ тотъ міръ, но, однако же, существо являющееся какъ слѣдствіе, не есть *иное*, а потому неправильно говорить, что иное существо страдаетъ за добро и зло, свершенное здѣсь, и одинаково неправильно утверждать, что одно и тоже существо такимъ образомъ страдаетъ. Къ этому далѣе онъ нашель нужнымъ прибавить: еслибы человѣческая душа въ будущемъ бытіи могла вкушать плодъ дѣлъ, свершенныхъ въ этой жизни, то существа, живущія въ небесахъ, были бы людьми. Человѣческія существа, говорилъ онъ далѣе, подвержены двумъ смертямъ; одна—это ежеминутно свершающееся полное измѣненіе ощущеній, своимъ слѣдствіемъ имѣющее произведеніе новыхъ, другая есть та смерть, которую всякій подразумѣваетъ въ словахъ: идти въ тотъ міръ. Ощущенія, какъ всякій хорошо знаетъ, ежеминутно измѣняются; желанія, сила мышленія, страсти, мнѣнія, измѣняются ежеминутно. Тому же, хотя и незамѣтно, подвергается и тѣло, состоящее по мнѣнію буддистовъ изъ тридцати двухъ частей; напримѣръ волосы, одна изъ этихъ тридцати двухъ

составныхъ частей, растутъ ежедневно и если ихъ не стричь, то достиженіе ими необыкновенной длины предотвращается только случайнымъ отпаденіемъ ихъ концовъ; такимъ образомъ волосы, что у насъ теперь на головѣ, не тѣ же самыя которые были у насъ въ дѣтствѣ. Это измѣненіе не ограничивается только волосами; остальные составныя части тѣла раздѣляютъ ту же участь; онѣ ежеминутно производятся и исчезаютъ. И кромѣ того различныя части органическаго тѣла (т. е. внѣшнія формы) подвержены той моментальной смерти, о которой говорилось выше.

Перейдя затѣмъ къ описанію второй смерти, Гунананда пояснилъ то, что связываетъ существо умершее съ новонародившимся: умираетъ человѣкъ, и одновременно происходитъ измѣненіе существованія: и новому существу явившемуся въ слѣдствіе этой причины переносится сущность (квинтъ эссенція) вождельній умершаго человѣка. Не новое существо появилось, ибо вождельніе, произведшее это существо не есть новое, но только результатъ предшествовавшихъ вождельній. Начало одно у этихъ вождельній, и между ними есть непрерывность; сущность ихъ облекалась въ форму при смерти. Христіане принимаютъ, что душа отправляется въ *тотъ міръ* и есть безсмертна; буддисты же утверждаютъ, что есть только *привязанность къ существованію*. Ихъ ученіе объ этомъ выражается въ формулѣ *па са со, па са анно*, т. е. существо являющееся одновременно со смертію и не тождественно съ умершимъ (па са со) и не отлично отъ него (па са анно).

Сорвите, говорилъ онъ далѣе, пальмовый листъ и положите его на солнце, и вотъ мало-по-малу, постепенно исчезаетъ зеленый цвѣтъ и листъ становится бѣлымъ, такъ и существо, умирая, мало-по-малу утрачиваетъ свои чувства; въ мукахъ смерти оно лишается зрѣнія и слуха, но къ сердцу остаются привязанными опущенія, пониманіе и чувство жи-

зни; первое помогает воспринимать предметы, прикасающіеся къ тѣлу, второе различать предметы и третье чувство жизни есть безсмертное бытіе. И когда наступитъ часъ смерти, существо, имѣя въ сердцѣ ощущеніе, пониманіе и чувство жизни, видитъ какъ бы во снѣ, что оно передѣлываетъ всѣ дѣла, грѣшныя или добрыя, которымъ предавался въ жизни. Напримѣръ, если человѣкъ былъ убійцею или свершалъ въ своей жизни другія ненавистныя преступленія, въ послѣднее мгновеніе жизни онъ какъ бы чувствуетъ, что съизнова повторяетъ ихъ.— Но, если его жизнь на землѣ была добродѣтельна, если онъ свершалъ добрыя дѣла, раздавалъ милостыню, соблюдалъ заповѣди, умирая, онъ какъ бы прозрѣваетъ, что начинаетъ переживать ту же святую жизнь; и если въ послѣднія мгновенія смерти человѣку представится такая картина, его будущее бытіе несомнѣнно должно быть блаженнымъ. Одинаково несомнѣнно, что существо, воображающее себя при смерти свершающимъ безнравственныя дѣла переродится въ юдоли печали. Это предчувствіе будущей жизни похоже на сонъ; человѣкъ какъ бы во снѣ видитъ то состояніе, въ которое онъ долженъ переродиться. Такъ какъ это состояніе, блаженное или горестное, всегда является человѣку въ чарующемъ видѣ, онъ полный вожделѣнія привязывается къ нему и вслѣдствіе этого одновременно со смертію происходитъ зарожденіе въ томъ состояніи, которое человѣкъ предчувствовалъ.

Такимъ образомъ очевидно, что смерть и зарожденіе въ иномъ бытіи одновременны. Словомъ, здѣшнія дѣйствія и здѣшнія желанія человѣка обуславливаютъ его будущую судьбу, и эта привязанность къ существованію (во что вѣруютъ буддисты), совершенно сообразна съ тѣми вожделѣніями, кои человѣкъ имѣетъ во время своего существованія на землѣ. Ни одна часть человѣка не отправляется въ тотъ міръ съ

тѣмъ, чтобы съизнова родиться, но сообразно съ тѣми же вожделѣніями, которыя существовали у него, является при смерти привязанность къ существованію; а потому безразсудно утверждать, что иное существо страдаетъ за дѣла, свершенные въ этомъ мірѣ. Буддійскій апологетъ пошелъ еще дальше; онъ сталъ утверждать, что въ сущности буддійское ученіе не противорѣчитъ христіанамъ. Буддизмъ учитъ, что человѣкъ безначаленъ и безконеченъ, и возрѣніе это подкрѣпляется христіанскою бібліею. Въ книгѣ Бытія II, 7, читаемъ: „и вдуну въ лице его дыханіе жизни“. По этому разсказу не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что *дыханіе* полученное Адамомъ было частью *дыханія* Бога превѣчнаго; такимъ образомъ Адамъ сталъ вѣчнымъ; но если справедливо, что Адамъ праотець всѣхъ людей, то и всѣ люди вѣчны, а именно это и есть ученіе буддистовъ, т. е. что человѣкъ безначаленъ и безконеченъ. Выдти изъ этого превѣчнаго существованія можно только вступивъ въ *Нирвану*. Выходъ этотъ исключительный, потому что общее правило: существовать вѣчно, вращаться въ нерожденномъ безконечномъ мірѣ перерожденія; спасется, т. е. перестанетъ перерождаться только тотъ, кто приметъ на себя тяжелый подвигъ идти по путямъ святости, предписаннымъ Буддою.

Христіанами былъ поднятъ еще одинъ важный вопросъ; потерпѣвъ нѣкоторую неудачу съ однимъ ораторомъ, миссіонеры выставили другаго, не ученаго, но мастера толково говорить и человѣка смѣлаго. Въ первое же свое выступленіе онъ поставилъ такой вопросъ: буддисты молятся, ищутъ защиты или убѣжища у Будды, закона (дхарма) и собранія духовныхъ (сангха). Но зачѣмъ они ищутъ убѣжища въ одномъ изъ этихъ трехъ? И какою защитой они могутъ получить отъ нихъ? Нѣтъ тамъ солнечнаго свѣта гдѣ нѣтъ солнца, такъ и нѣтъ защиты отъ лица не существующаго. Будда вступилъ

въ Нирвану, достигъ уничтоженія, какое же убѣжище можно найти у него или какую защиту? Такимъ образомъ первая защита не имѣетъ никакого значенія. Не лучше вторая защита отъ закона, или отъ книгъ проповѣди. И какъ можетъ человѣкъ искать убѣжища или защиты у книгъ? Не вѣрнѣ ли предполагать, что человѣкъ долженъ заботиться о книгахъ и оберегать ихъ. Не ясно ли что и вторая защита не имѣетъ никакого значенія. Не много можно сказать о третьей защитѣ или о собраніи духовныхъ. Извѣстно, что на Цейлонѣ двѣ секты: амарапурская и сіамская, и каждая изъ этихъ сектъ утверждаетъ о другой, что она не имѣетъ надлежащаго *посвященія* или правилъ нравственности, что ея члены не суть монахи. А потому прежде, нежели искать защиты у *собранія духовныхъ*, нужно рѣшить, гдѣ эти духовные? И если бы даже вопросъ объ этомъ былъ рѣшенъ, къ чему это послужило бы? Безнравственность монаховъ достаточно извѣстна: не увидали ли бы мы какъ слѣпецъ слѣпца ведетъ? Буддѣйскимъ ли монахамъ, людямъ исполненнымъ страсти, зависти, невѣжества руководить народомъ?

И на это отвѣчала Гуананда и по своему совершенно разбилъ противника: если бы, началъ онъ, мой противникъ понималъ написанное, то не сталъ бы говорить такихъ несообразностей. Написано, что смерть Будды имѣла три фазиса: 1) смерть страстей, когда Гаутама сталъ Буддою, сидя въ Гаѣ, подъ дровомъ Бодхи (*figus religiosa*); 2) смерть составныхъ элементовъ его существа, въ Кусинарѣ, и третья смерть: 3) смерть его мощей; она настанетъ чрезъ пять тысячъ лѣтъ послѣ второй или чрезъ двѣ тысячи пять сотъ лѣтъ, считая отъ нашего времени. Тогда всѣ мощи соберутся около сятаго древа въ Гаѣ, примутъ форму живого Будды и послѣ краткой проповѣди богамъ перестанутъ существовать. До этихъ поръ достиженіе Буддою Нирваны не полное, и съ вѣрою

молиться мощамъ или дѣлать имъ приношенія, такое же святое дѣло, какъ молитва или приношеніе живому Буддѣ. А потому въ высшей степени несправедливо утверждать, что вліяніе Будды не существуетъ въ настоящее время. Защита отъ закона не значитъ исканіе убѣжища въ книгахъ проповѣди, но и въ ихъ ученіи; кто правильно увѣровалъ въ это, тотъ будетъ спасенъ. Что касается до третьей защиты, то, конечно, при этомъ рѣчь идетъ не о грѣшныхъ монахахъ, а о тѣхъ, которые безгрѣшны и безстрастны. Относительно споровъ между двумя сектами, Гуананда замѣтилъ, что достойные монахи не принимаютъ въ нихъ участія.

Этимъ вопросомъ покончился диспутъ между христіанами и буддистами. Обѣ стороны разошлись, не убѣдивъ другъ друга и взаимно питая большую противъ прежняго ненависть.

Отчетъ объ этомъ диспутѣ напечатанъ на сингалезскомъ и англійскомъ языкахъ, изъ него можно видѣть, съ какою изворотливостью Гуананда выходилъ изъ затруднительныхъ положеній; онъ не старался убѣдить своихъ противниковъ, или разъяснить истину, ему нужно было подорвать въ народѣ довѣріе къ миссіонерамъ и этого онъ достигъ вполне. Нападая на своихъ противниковъ, онъ перестроилъ по своему все ихъ ученіе и выдвинулъ цѣлый рядъ дикихъ вопросовъ, которые, вслѣдствіе своей нелѣпости, поставляли миссіонеровъ въ затрудненіе. И чего только онъ не говорилъ по поводу библейской исторіи?! Онъ утверждалъ напимѣръ, что христіане всюду стараются обмануть тотъ народъ, которому они проповѣдуютъ. Они, придя куда либо, и начавъ проповѣдь, даютъ своему богу то имя, которое уже передъ тѣмъ чтилось народомъ.

Такъ, въ Калькуттѣ, они называютъ своего бога именемъ Исвара, на Цейлонѣ именемъ Девіанвахансе. И это дѣлается не по необходимости, а съ цѣлью обмануть народъ. Весьма

часто христіане выпускають отдѣльныя части Библіи, такъ на примѣръ въ послѣднемъ сингалезскомъ изданіи выпущенъ стихъ Лев. XVII. 6. „Христіане, вѣроятно, устыдились того, что станетъ извѣстно, какъ они приносили жертвы чертямъ и вотъ они выпускають это мѣсто изъ новаго изданія... Впрочемъ, прибавилъ онъ затѣмъ, таковыя выпуски или прибавки дѣлають только протестанты, католики не дѣлають этого и потому заслуживають великихъ похвалъ“. Ему замѣчали, что стихъ, о которомъ онъ говорилъ, не выпущенъ, а перестановленъ, и въ новомъ изданіи онъ также находится. Но, Гуна-нанда не унимался и перешелъ къ толкованію стиха Бытія VI. 6. Кто свершаетъ, спрашивалъ онъ, такія дѣла, раскаи-ваться въ которыхъ есть основаніе?... Если вашъ Богъ все-вѣдущъ, онъ долженъ былъ предвидѣть послѣдствія своего творчества“... Разбитый и на этомъ пунктѣ, онъ не останав-ливался, отыскивалъ новыя нападки, придирался къ словамъ, разбиралъ легенды, не понимая ни духа богодухновенной книги, ни высокой нравственности Евангелія. Въ послѣдней своей рѣчи, защищая буддійскую космологію, онъ усумнился въ теоріи Ньютона, обозвалъ ее скороспѣлою. Такого оратора выставили буддисты и онъ имѣлъ успѣхъ.

Гунананда очень дѣятеленъ, онъ постоянно путешествуетъ и проповѣдуетъ народу. Къ европейцамъ онъ не чувствуетъ никакой ненависти, но не такъ къ миссіонерамъ. Въ 1874 г. явился случай выступить ему публично, съ новымъ блескомъ; въ этомъ году на Цейлонѣ началась агитація о секуляризаціи храмовыхъ земель. На Цейлонѣ, почти въ каждомъ монастырѣ, кромѣ буддійскаго храма, есть непременно храмъ, посвящен-ный какому либо индусскому богу; къ большинству этихъ послѣднихъ храмовъ приписаны значительныя земли, сдан-ныя въ арендное содержаніе различнымъ лицамъ; нѣкоторые изъ арендаторовъ имѣють земли въ потомственномъ арен-

дованіи, другіе только срочные арендаторы. Среди этихъ лицъ и началась агитація; о ближайшей причинѣ къ тому между буддистами ходило много различныхъ слуховъ. Какъ бы то ни было, въ августѣ 1874 года губернатору и законодательному совѣту была подана слѣдующая записка: „Memorial to the governor and legislative Council of the Demon Temple Tenats of Sabaragamuwa“. Въ этой запискѣ потомственные арендаторы говорятъ между прочимъ, что они буддисты по вѣроисповѣданію и не считаютъ себя обязанными отправлять службу для храмовъ индусскихъ боговъ, ибо это противорѣчитъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Затѣмъ они указываютъ, что, не смотря на большіе доходы, храмы въ упадкѣ, частью потому, что деньги присвоиваются управителями храмовыхъ имуществъ, главнымъ же образомъ потому, что буддисты не заботятся объ индусскихъ храмахъ, не считаютъ ихъ мѣстами молитвы, а увеселительными учрежденіями. Требуя своей эмансипаціи, они предложили правительству доходы съ храмовыхъ земель обратить на учрежденія высшей школы.

Исторію свою въ поданной правительству запискѣ они излагаютъ такимъ образомъ: Малабарскіе цари Кандіи были только номинально буддисты, на самомъ же дѣлѣ они держались хиндуизма, строили въ буддійскихъ монастыряхъ храмы своимъ любимымъ богамъ, дарили храмамъ богатія, обширныя и населенныя земли. Населеніе этихъ земель обязано было отправлять службы, свершать обряды и церемоніи, большею частью не согласныя съ принципами Буддизма.

Ежегодно Кандійскій царь избиралъ и назначалъ къ каждому храму Баснаяка-ниламе т. е. главнаго свѣтскаго чиновника храма; онъ былъ однакоже не безконтрольный управитель храмовыхъ земель; для того чтобы ограничить его скупость и самоуправство, и съ цѣлью наблюденія за правиль-

нымъ употребленіемъ доходовъ областнымъ начальникомъ назначался къ каждому храму Мохотгала; сей послѣдній чиновникъ выбирался между населеніемъ приписанныхъ къ храму земель и былъ также какъ и первый подчиненъ областному начальнику.

Когда англичане овладѣли островомъ, эта система наблюденія за храмовымъ имуществомъ была ими только частью принята. Правительство назначало только Баснаяка-ниламе, и при томъ не на одинъ годъ, а сдѣлало это назначеніе пожизненнымъ и самую должность не подчинило вѣдѣнію своихъ *gouvernement agent*'овъ. Такой порядокъ продолжался до 1852 г. Въ этомъ году миссіонеры подняли крикъ противъ правительства; ихъ оскорбляло то, что христіанское правительство заботится объ языческихъ храмахъ. Агитація вызвала новое законоположеніе; правительство отказалось назначать управителей храмовыми землями, предоставило самому населенію выбирать Баснаяка-ниламе. Но выборная должность осталась по прежнему пожизненною; законоположеніе не предусматрѣло очень возможныхъ случаевъ: Баснаяка могъ оказаться человѣкомъ корыстнымъ или нерадивымъ, и не было возможности законно смѣнить его. Неполнота и не достаточность закона оказались очень скоро: Баснаяка-ниламе всюду пеклись только о своемъ карманѣ, предоставляя самимъ богамъ заботиться о своихъ нуждахъ; храмы разваливались, службы не отправлялись, но управители храмовыми землями богатѣли.

Управители весьма мало радѣя о храмахъ, тѣмъ самымъ были очень любезны арендаторамъ храмовыхъ земель; съ каждымъ годомъ съ этихъ послѣднихъ требовалось все менѣе и менѣе обязательныхъ службъ. И еслибы такой порядокъ продолжался еще нѣсколько лѣтъ, несомнѣнно храмы развалились бы и арендаторы стали бы совершенно свободны отъ

всякой обязательной службы. Но правительство нашло нужным опять вмѣшаться въ дѣла храмоваго имущества и въ 1871 г. издано было новое законоположеніе, противъ котораго началось движеніе упомянутое выше.

Въ запискѣ, поданной по этому поводу, правительству выставляется нѣсколько несовершенствъ новаго закона—главнымъ образомъ же поставляется на видъ и совершенно убѣдительно доказывается, что старое зло, т. е. злоупотребленія управителей, не превращается новымъ закономъ. Но, арендаторы требовали не болѣе точнаго опредѣленія своихъ обязанностей—или обязанностей Васнайка-ниламе, они желали полной эмансипаціи и говорили, что правительство обязавшееся покровительствовать буддизму, не можетъ легально принуждать ихъ къ отправленію службы индусскимъ богамъ.

Вслѣдствіе какихъ бы причинъ ни началось это движеніе, нельзя не признать, что подписавшіеся подъ запискою желали сдѣлать доброе дѣло: притѣсненія, которымъ подвергаются арендаторы, ни для кого не тайна на островѣ; всѣмъ извѣстно также, что доходы съ храмовыхъ земель рѣдко обращаются на нужды храма. Но, добиваясь добраго указаженія, агитаторы стали на совершенно ложную точку зрѣнія. Доказать, что служеніе богамъ, противно буддизму—нѣтъ возможности: боги рисуются, и иначе изображаются во всѣхъ буддійскихъ храмахъ.

Ввели-ли малабарскіе цари этотъ культъ, или онъ явился на Цейлонъ вслѣдствіе другихъ причинъ,—но онъ существуетъ теперь на островѣ, и нѣтъ возможности выдѣлить его изъ буддизма. Рѣдкій буддистъ не молится богамъ, правда, тотъ кто по умнѣ, говоритъ: „я не богу молюсь, а прошу о его заступничествѣ передъ Буддою“. Агитаторы требовали такой реформы, вслѣдствіе которой непремѣнно уменьшатся доходы многихъ вліятельныхъ монаховъ, и всѣ, кому грозило

оскуденіе финансовъ, были противъ реформы, а такихъ было не мало. Партія, противная реформѣ, агитировала точно также какъ и реформаторы; писали въ газетахъ, собирали митинги, составлялся адресъ, въ духѣ враждебномъ реформѣ.

Гунананда былъ однимъ изъ дѣятельныхъ противниковъ реформы, онъ разъѣзжалъ по острову, говорилъ рѣчи къ народу, писалъ въ туземныхъ газетахъ и наконецъ, незадолго до моего отъѣзда съ острова, я узналъ изъ газетъ, что на одномъ большомъ митингѣ въ Пелмадуллѣ онъ сказалъ рѣчь, произведшую сильную сенсацію въ народѣ. Реформаторы говорили, что культъ боговъ противорѣчитъ основнымъ принципамъ буддизма, и что буддисты не держатся его, Гунананда же возвѣстилъ народу, что эти злонамѣренные люди подкапываются подъ основанія буддизма, что боги есть, о нихъ говорится въ трехъ питакахъ (въ св. писаніи), чтить ихъ нужно, ибо это предписывается въ буддійскихъ св. книгахъ. Доказать это ему было не трудно, но онъ пошелъ еще далѣе: свою рѣчь онъ закончилъ, нарисовавъ картину ужасовъ, постигающихъ тѣхъ, кто отвергаетъ боговъ. Онъ зналъ въ какой суевѣрной толпѣ онъ говорилъ и его слово попало въ цѣль: народъ сдѣлалъ ему восторженную овацію. Его сторонники не скрывали, что въ своей рѣчи онъ позволилъ себѣ искажать св. слово Будды; онъ не былъ человѣкомъ, останавливающимся передъ такими мелочами. Билъ на проломъ и добился своего, адресъ, противный реформѣ, состоялся въ Пелмадуллѣ.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ съ Цейлона и, странствуя по Индіи, не имѣлъ возможности узнать, чѣмъ кончилась вся эта агитація.

III.

Курунегала и серебряный монастырь.

1.

Я приѣзжалъ нѣсколько разъ въ Курунегалу, но ни разу не провелъ тамъ болѣе двухъ недѣль. Курунегала или въ переводѣ „городъ Слоновой скалы“ есть главный городъ цѣлой области; лежитъ онъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, связывающей Коломбо и Канди. Попасть туда очень легко и даже удобно. Отъ станціи Полгахавела два раза въ день отправляется въ городъ Слоновой скалы общественный экипажъ; за недорогую плату, не сѣша, на хромыхъ лошадяхъ, но по прекрасной дорогѣ путешественникъ доѣзжаетъ до маленькаго городка, расположеннаго у подошвъ гранитныхъ холмовъ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ. Каждому холму, каждой скалѣ народъ далъ особую и иногда очень мѣткую кличку; такъ одну скалу онъ назвалъ „слономъ“. Когда подъѣзжаешь къ городу, скала эта бросается въ глаза прежде всего; ея гладкая сѣрая поверхность, рельефно выдающаяся среди окружающей зелени, дѣйствительно можетъ напомнить гигантскаго слона на стражѣ у дороги. Скала дала имя и самому городу.

Кромѣ этой главной скалы, есть и другія: „черепаха“, „слоновый бивень“ и т. д. Кругомъ города много буддійскихъ монастырей; они расположены по вершинамъ, у подошвъ окре-

стных холмовъ; гнѣзятся по уступамъ скалъ въ сторонѣ отъ бойкихъ мѣстъ, въ лѣсной чащѣ, среди гигантскихъ кокосовыхъ пальмъ. Монастыри большею частью не богатые, не большіе; одинъ храмъ, пять-шесть монаховъ, а иногда и того менѣе; но въ каждомъ есть однако же что нибудь любопытное: или богатая библіотека, или какой нибудь остатокъ глубокой древности, какая нибудь надпись, высѣченная на скалѣ и т. д.

Въ XIV ст. городъ Слоновой скалы былъ столицею; здѣсь былъ царскій дворецъ и хранилась высшая буддійская святыня: „зубъ Будды“; но монастыри и остатки древностей, находимые въ провинціи, принадлежатъ къ болѣе ранней эпохѣ и до сихъ поръ, на десятки миль кругомъ города, во всѣ стороны, по уступамъ гранитныхъ холмовъ, доживаютъ послѣдніе дни нынѣ заброшенные архитектурные памятники глубокой древности. Самый городъ не оригиналенъ и некрасивъ, какъ и большинство маленькихъ городовъ Цейлона. Онъ не видѣнъ изъ дали, домики совершенно исчезаютъ въ густой зелени; одно обиліе кокосовыхъ деревъ, да весьма непріятный запахъ кокосоваго масла даютъ знать, что приближаешься къ жилому мѣсту. И только когда проѣдешь главную улицу и станешь приближаться къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда стоялъ царскій дворецъ и храмъ „зуба Будды“, а теперь среди роскошнаго сада въ европейскомъ вкусѣ бѣлѣтся домъ областного начальника (governement agent), догадаешься, что въѣхалъ въ городъ.

Прямо за домомъ областного начальника, въ близкомъ разстояніи отъ города начинается крутой подъемъ по скользкой гранитной поверхности на холмъ, прозванный „Черепашою“. Взбираться на вершину не легко; туда, однакоже, не боится идти даже и тотъ, кто совершенно равнодушенъ ко всякимъ древностямъ. И люди зоркіе чего только не ви-

дять оттуда! Говорятъ, что въ ясное утро (а на Цейлонѣ такое утро, почти что каждый день) съ вершины холма видѣнъ въ далекѣ Адамсъ-Пикъ, т. е. святая гора, на которой, какъ извѣстно, показываютъ „слѣдъ Будды“. Такой же слѣдъ, но меньшихъ размѣровъ, высѣченъ и здѣсь на холмѣ „Черепиха“. Слѣдъ этотъ по своей величинѣ и формѣ весьма мало напоминаетъ человѣческой.

Разсказываютъ, что какал-то благочестивая царица пожелала почтить „слѣдъ Будды“; по физической слабости она не могла предпринять труднаго восхожденія на крутую гору, а потому для нея было сдѣлано вѣрное изображеніе святыни, поближе и въ мѣстѣ болѣе удобномъ.

Слѣдъ окруженъ каменною оградой, но доступъ къ святынѣ совершенно свободенъ. Слѣду дѣлають приношенія изъ цвѣтовъ, кругомъ его ходятъ, бормоча молитвы, какія кому въ голову взбредуть.

Я взбирался на этотъ холмъ въ одинъ изъ первыхъ дней своего приѣзда въ Курунегалу. Хотя то было рано утромъ, вскорѣ послѣ шести часовъ, но когда я взошелъ на вершину, монахи уже ушли изъ монастыря; обыкновенно, въ этотъ часъ они, забравъ свои *чаши*, иногда очень вмѣстительныя плетенки, и препоясавъ свои желтыя чивары, пускаются собирать милостыню. Одинъ только старецъ съ больною ногою оставался въ монастырѣ; по болѣзни и старости онъ не могъ бродить за милостынею. Добродушно, и какъ то глупо улыбаясь во весь ротъ, старецъ объявилъ мнѣ, что онъ неученый, книгъ не держитъ и вообще не читаетъ ихъ. Онъ водилъ меня по вершинѣ, показывалъ слѣдъ „вѣщаго“, кое какіе остатки древности, водоемъ. Толковалъ, гдѣ стояла Малигава, или храмъ съ мощами Будды, т. е. его зубомъ. На вершинѣ, раннимъ утромъ и въ кельяхъ, и на небольшомъ дворикѣ, въ тѣни, очень прохладно; но, среди дня, жара здѣсь,

отъ раскаленнаго гранита дѣлается нестерпимою. Пока я сидѣлъ на вершинѣ, въ монастырь стали являться богомольцы; ихъ было не много. Пришелъ какой-то старикъ; долго и систематически раскладывалъ онъ цвѣты предъ слѣдомъ, все время бормоча себѣ что-то подъ носъ. Прибѣжалъ какой-то мальчишка, и онъ тамъ же пребойко отрапортовалъ какую-то молитву, выпуская изъ нея отдѣльныя слова и перевирая другія. Спустился я оттуда другою дорогою, почему-то оставленною; приходилось пробираться среди высокой травы, но все время въ тѣни лѣсной чащи. Мнѣ говорили, что, не смотря на близость города, здѣсь не рѣдко попадаются маленькіе цейлонскіе тигры. За нѣсколько дней до моего прихода, одного изъ нихъ убили у самого монастыря.

Городъ, какъ я сказалъ, не красивъ и самъ по себѣ ничѣмъ не былъ любопытенъ; но побывать въ немъ стоитъ ради окрестностей. Было время, и еще очень недавнее, когда въ Курунегальскую провинцію ѣзжали охотиться на слоновъ; слоны тамъ есть и до сихъ поръ, но далеко не въ томъ обилии, о какомъ мы знаемъ изъ рассказовъ путешественниковъ и цейлонскихъ старожиловъ. Быть можетъ и древностямъ грозитъ таже участь; ихъ еще много до сихъ поръ, но не щадимыя и не охраняемыя даже тѣми, въ глазахъ кого онѣ, казалось, должны были бы быть священными памятники древняго искусства, исчезаютъ мало по малу. Случалось видѣть обломки великолѣпныхъ гранитныхъ колоннъ, карнизы, куски карнизовъ разбросанными кругомъ какого нибудь монастыря, въ лѣсу, — безъ всякаго призора. Мало кто изъ туземцевъ интересуется и цѣнитъ древности; большинство даже какъ то презрительно относится къ памятникамъ прошлаго величія и родной исчезнувшей цивилизаци; не рѣдко бываетъ, что ихъ подбираютъ изъ глуши не для того чтобы сохранить, а для новыхъ безобразныхъ построекъ: изъ кусковъ массив-

наго карниза сложать лѣсенку въ кельѣ, или же употребить древность на что либо такое, отъ чего она въ нѣсколько лѣтъ сгинеть.

На Цейлонѣ въ народѣ еще не пробудился интересъ къ его прошедшему. Если кто здѣсь изучаетъ старину, такъ это англичане; да и тѣхъ не много. Большинство же англійскихъ высокообразованныхъ чиновниковъ смотритъ на всякую древность, будь то рукописи, или развалины, какъ на „gubbish“. — „Сколько же здѣсь чуши написано!“ говорилъ при мнѣ одинъ англичанинъ, перелистывая древнюю рукопись, которую онъ не умѣлъ читать. Дурной примѣръ заразителенъ. И хотя сингалезцы далеко ни дикари, особенно тѣ изъ нихъ, которые находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англичанами, но они стараются подражать англичанамъ, и какъ тѣ свысока смотрятъ на все мѣстное, такъ и англизированные сингалезцы пренебрегаютъ тѣмъ, что должно бы составлять ихъ гордость. Типъ оевропеившагося сингалезца, одѣтаго въ полу-европейскій костюмъ, говорящаго по-англійски, читающаго англійскія книжонки и газеты очень любопытенъ и назидателенъ. Съ однимъ изъ такихъ туземцевъ мнѣ пришлось познакомиться въ Курунегалѣ. Сингалезецъ, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо, состоялъ на англійской службѣ; занималъ онъ мѣсто, какъ и всѣ туземцы на Цейлонѣ, очень неважное, но это не мѣшало ему называть себя „вышимъ изъ туземцевъ въ городѣ и цѣлой провинціи“. Человѣкъ уже не молодой, онъ былъ очень типичнымъ представителемъ Цейлона подъ гегемонією англо-саксонцевъ. Его рѣчь, нарядъ, складъ убѣжденій, полуобразование, все въ немъ бросалось въ глаза и было курьезно. Говорилъ онъ по-англійски бойко, но съ туземнымъ акцентомъ. Одѣвался франтовски, но очень оригинально; весь костюмъ, начиная отъ шляпы и кончая башмаками, былъ европейскій. Коротенькій фартучекъ едва

напоминалъ національную юбку (камбой) *). Съ сингалезскимъ пучкомъ и гребнемъ онъ совершенно разстался; и *камбой* онъ носилъ только для того, чтобы не сочли его за „*бюргера*“, или человѣка смѣшаннаго происхожденія, всѣми презираемаго члена общества. Подражая англичанамъ, своимъ господамъ, онъ охотно толковалъ объ европейской политикѣ; но, о географіи Европы имѣлъ очень смутныя понятія и постоянно смѣшивалъ Россію съ Турціею. Семья его была не менѣ оригинальна: онъ самъ былъ христіаниномъ, жена строгою буддисткою, хаживала по богомольямъ и вѣровала, что устройство плясокъ въ честь чертей (*yakkho*) излечиваетъ отъ трудныхъ болѣзней; дочери исповѣдывали христіанскую религію, старшій сынъ былъ буддистомъ, воспитывался въ англійской школѣ, и увѣрялъ, что не знаетъ сингалезской азбуки.

Разъ мой знакомецъ пригласилъ меня къ себѣ; жилъ онъ въ сторонѣ отъ главной улицы, около католической церкви, въ собственномъ домѣ; роскошный цвѣточный садъ окружалъ его жилище; садомъ онъ занимался съ любовью и знаніемъ дѣла. Цвѣтовъ было множество и разсажены они были съ большимъ вкусомъ. Такъ какъ я пришелъ къ нему рано утромъ, то вся семья была въ сборѣ. Хозяинъ и хозяйка гуляли по саду и оба были безъ банниковъ и чулокъ. Хозяйка кромѣ того была одѣта въ національный, сингалезскій костюмъ, безъ всякихъ европейскихъ затѣй.

— Могу я васъ представить m-rs Ж.?“ развизно познакомили меня хозяинъ съ супругою. M-rs протянула черную руку съ растопыренными пальцами.

— „Will you take something? A glass of cherry?“ допрашивалъ меня хозяинъ, зная по наслышкѣ, что англичане уго-

*) Камбой—юбка, которую на Цейлонѣ носятъ и мужчины и женщины. Чѣмъ цивилизованнѣе сингалезецъ, тѣмъ короче его юбка.

пцають иногда хересомъ, только конечно не въ шесть часовъ утра, какъ то было у m-г Ж. Въ домѣ, куда мы затѣмъ отправились, и откуда неслись звуки фортепьяно (одна изъ миссъ упражнялась) все было устроено по англійскому образцу. Та же мебель и тѣ же украшенія, какъ въ любой drawing room небогатыхъ англичанъ. Хозяинъ хвастался плохими литографіями и дешевыми издѣліями англійской мануфактуры. Съ женою онъ разговаривалъ на родномъ языкѣ, такъ какъ m-гs другаго не знала; но съ миссъ и мистеромъ Ж. перекидывался англійскими словами. Младшій мистеръ, разодѣтый по туземному, иными словами совершенно голый, бѣгалъ тутъ же. Мальчикъ упрямылся и не хотѣлъ брать ванны, не смотря на увѣщанія няньки.

— „Go, Sir! Take your bath!“ уговаривалъ отецъ голыша.

Вся сцена, особенно же англійская рѣчь отца къ голышу, сингалезскому мальчику, несмотря на свой комизмъ, напомнили мнѣ подобныя же явленія на далекой родинѣ. Люди, подобные Ж., воспитанные въ англійскихъ школахъ, гдѣ ихъ выучивали европейской исторіи и географіи и совсѣмъ не учили родной исторіи и географіи, конечно не могутъ правильно оцѣнить родной старины, на которую они смотрять чужими глазами.

2.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Коломбо въ Курунегалу, мнѣ много говорили о Серебряномъ монастырѣ (Ridivihāre), особенно же объ его богатой библіотекѣ. Проживъ нѣсколько дней въ Курунегалѣ, и осмотрѣвъ ближайшія окрестности, я собрался ѣхать въ Серебряный монастырь. Ѣхать приходилось на быкахъ, въ туземной телегѣ, или *банди*, по очень дурной дорогѣ, съ холма на холмъ. За цѣлую милю до монастыря нужно было выйти изъ банди и идти въ гору пѣшкомъ. Кру-

гомъ виднѣлись громадныя глыбы гранита среди роскошнѣйшей растительности. Мы шли лѣсомъ, по узенькой тропинкѣ; но и въ тѣни жара была невыносима; ни малѣйшаго вѣтерка не было въ воздухѣ; невозмутимая тишь стояла кругомъ; не шелестилъ листь, и звѣрь и птицы присмирѣли въ лѣсу. Молча двигался и нашъ небольшой караванъ. Наконецъ мы достигли подошвы горы, на уступахъ которой выстроены монастырь. Искусственная лѣстница вела на вершину, по довольно крутому склону горы, вся гранитная поверхность котораго была изсѣчена въ ступени, кое-гдѣ совершенно правильно обтесанная. Взбираясь по нимъ, мы достигли того уступа, на которомъ выстроены храмы и зданія келій. Это-то и былъ „Серебряный монастырь“. Разсказываютъ различно о томъ, когда и кто его построилъ; въ его древности однакоже нельзя сомнѣваться; всѣ скалы кругомъ изсѣчены очень древними надписями; къ сожалѣнію въ нихъ не встрѣчается ни одного историческаго имени. Говорятъ, что царь, который заложилъ ему основаніе, почему-то не имѣлъ денегъ докончить постройки. Благочестивый царь помолился Буддѣ и молитва его была услышана; изъ трещины одной скалы потекло серебро, на которое онъ и достроилъ монастырь, названный вслѣдствіе этого чуда „Серебрянымъ“.

Ни храмы, ни зданія келій здѣсь не поражаютъ грандіозностью и обширностью. На Цейлонѣ большинство храмовъ выстроены по одному образцу и рѣдко бываютъ велики, такъ какъ общественныхъ богослуженій цейлонскіе буддисты не имѣютъ. Утромъ богомольцы сходятся не съ разу; каждый сдѣлавъ изображенію Будды приношеніе цвѣтовъ и прочтя молитву, уходитъ; ему на смѣну является новый, за нимъ приходитъ третій и т. д. Понятно, что просторныхъ помѣщеній для такого рода молитвъ не требуется. Наиболѣе распостраненный планъ по которому воздвигаются буддійскіе

храмы на Цейлонѣ, очень просты: всего чаще храмы квадратны въ основаніи, безъ оконъ и съ внѣшней стороны ничѣмъ неукрашены. Входная дверь, большею частью обращена на востокъ, какъ-бы для того, чтобы первые лучи восходящаго солнца освѣщали изображеніе „великаго Учителя“; обыкновенно это изображеніе помѣщается прямо передъ дверями. Передъ святымъ изображеніемъ стоитъ алтарь, весь усыпанный свѣтами, непремѣнно благоухающими; тутъ же, на алтарѣ, или съ боку на полу стоятъ свѣтильники и весьма часто масса такихъ приношеній, смыслъ которыхъ до крайности загадоченъ. Чего только не приносятъ благочестивый буддисты въ свой храмъ, чѣмъ только не старается изукрасить его. Листки англійской иллюстраціи, ярлыки съ бутылокъ, плохія литографіи приклеиваются въ видѣ украшеній къ стѣнамъ храма. Но въ болѣе богатыхъ храмахъ стѣны покрыты живописью; чаще всего изображаются различныя перерожденія Будды, или его ученики. Иногда вмѣсто одного большаго изображенія Будды, ихъ нѣсколько въ храмѣ, въ различныхъ видахъ; или Будда изображенъ лежащимъ на одномъ боку, моментъ его вступленія въ нирвану, или стоящимъ съ приподнятою правою рукою, какъ проповѣдникъ, или онъ изображенъ созерцающимъ, въ сидящемъ положеніи. Всѣ три изображенія дѣлаются по образцамъ разъ на всегда установленнымъ, и уклоняться отъ которыхъ не приходится въ голову мѣстнымъ художникамъ. Въ этихъ мраморныхъ, деревянныхъ, бронзовыхъ, гранитныхъ воспроизведеніяхъ лица великаго учителя, не подмѣтишь не только мысли, но весьма часто подобія человѣческаго образа. На дворѣ храма есть непремѣнно ступа и дерево Боди (*ficus religiosa*). Подъ ступою непремѣнно хранится частица какихъ нибудь мощей, Богъ знаетъ откуда взятыхъ и какимъ образомъ зашедшихъ въ монастырь. Дерево Боди непремѣнно происходитъ отъ того дерева, что

до сихъ поръ стоитъ въ Гаѣ и, сидя подь которымъ, мудрецъ изъ рода Сакьевъ прозрѣлъ и урузумѣлъ четыре святыя истины. Предъ тою и другою святынею благочестивые буддисты молятся и совершаютъ приношенія. Въ сторонѣ, но не въ далекомъ разстояніи отъ храма, стоитъ зданіе, гдѣ живутъ монахи. Маленькія, полутемныя комнатки почти всегда очень опрятны. Убранство ихъ очень просто: постель, небольшая скамейка, циновка на полу, мѣдная ваза, вмѣсто плевальницы, вотъ и все, что найдется въ кельѣ небогатаго монастыря. Монахъ, обыкновенно принимаетъ, сидя на постелѣ; вѣрующіе помѣщаются по ниже его, на циновкѣ, или низенькихъ скамейкахъ у его ногъ. Таково правило: монахъ лице священное, онъ не разговариваетъ, а поучаетъ. А потому и садится всегда выше мірянина; когда для него нѣтъ высокаго сѣдалища, онъ взлѣзаетъ на столъ. Для европейца, пришедшаго въ келью къ монаху, впрочемъ дѣлается исключеніе; ему обыкновенно находится стулъ, иногда покрываемый бѣлою тканью, въ знакъ уваженія къ дорогому гостю. Таковъ общій характеръ монастырскихъ построекъ на Цейлонѣ. Въ богатыхъ монастыряхъ, напр., около Галле или Ратнапура все съ большою роскошью; тамъ и храмы больше, разукрашеннѣе; въ болѣе просторныхъ кельяхъ мебель разнообразна и болѣе удобна; широкія крытыя галереи окружаютъ зданія. Въ особыхъ зданіяхъ монахи обѣдаютъ; у нихъ есть просторныя купальни, сады въ монастырѣ; бібліотека помѣщается въ особомъ зданіи. На дворѣ стоитъ крытый, просторный павильонъ, въ которомъ съ кафедръ произносится проповѣдь. Въ „Серебряномъ монастырѣ“, лежащемъ въ захолустѣ не было ни какой роскоши и никакихъ нововведеній. Все здѣсь было по старинному, и два храма хотя на видъ и не очень старыя, выстроены были такъ, какъ храмы строились въ глубокую старину. Строитель воспользовался для задней, противополож-

ной входу стѣны полунаклонною скалою и къ ней придѣлалъ три стѣны изъ кирпича. Въ храмѣ по меньше скала образуетъ заднюю стѣну и потолокъ. Подъ сводомъ поставлена сидящая фигура Будды и стѣны украшены образами буддійскихъ святыхъ. Монахи увѣряли, что храмъ выстроенъ еще до Р. Х., царемъ Дуттагамини; но это извѣстіе, болѣе нежели сомнительно. При входѣ въ этотъ храмъ, на лѣво стоитъ небольшое корытцо съ водою. Вѣрующимъ предоставляется омыть руки, передъ приношеніемъ цвѣтовъ. На лѣво отъ храма стоялъ другой неотстроенный. Большой храмъ выстроенъ также, какъ и храмъ по меньше. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, скала склоняется подъ большимъ угломъ, и это обстоятельство дало возможность воздвигнуть двухъ-этажное зданіе. Нижний этажъ подходитъ подъ самую скалу, которая образуетъ въ этомъ мѣстѣ сводъ. Верхній выступаетъ изъ подъ навѣса скалы и имѣетъ крышу. Часть скалы непосредственно возвышающаяся надъ нижнимъ этажемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она не застроена верхнимъ, покрыта фресками; краски и очертанія фигуръ, сильно пострадали отъ времени и погоды. Въ большомъ храмѣ всѣ стѣны покрыты фресками, изображающими перерожденія Будды. О громадной статуѣ Будды проповѣдника рассказываютъ, что она была привезена изъ Сіама; но относятъ это къ такой отдаленной эпохѣ, когда по всей вѣроятности въ Сіамѣ и не знали буддизма. Передъ статуей лежатъ два громадныхъ слоновыхъ бивня, подарокъ Кандійскаго царя Киртишири. Кандійскіе цари любили посѣщать этотъ монастырь. До сихъ поръ сохранилась память объ ихъ благочестіи и щедротахъ. Для нихъ была устроена опочивальня въ самомъ храмѣ. Дверь, ведущая въ этотъ покой, можетъ дать очень хорошее понятіе о роскоши и процвѣтаніи искусства въ ихъ время. Она разукрашена тонкою и разнообразною рѣзьбою изъ слоновой кости; простота и изящество

работы выдѣляются среди другихъ новѣйшихъ украшеній, разложенныхъ по храму и невольно бросается въ глаза. Внѣшняя сторона втораго этажа покрыта грубо сдѣланными изображеніями птицъ (*kokila Cuculus indicus*); и среди ихъ, для вящей красы, поставлена гипсовая кошка китайской работы. Нѣсколько повыше того мѣста, гдѣ стоятъ храмы, на вершинѣ одной изъ скалъ, показываютъ два слѣда святаго Индагутта; предъ ними стоялъ каменный алтарь съ цвѣтами. Слѣды ни формою, ни величиною нисколько не напоминаютъ человѣческихъ. Святцы въ этомъ монастырѣ множество. Въ одномъ мѣстѣ, на гладкой скалѣ вытѣплено изъ глины изображеніе змѣя *), которому также молятся. Гостепріимные монахи охотно показываютъ не только свои святыни, древности, но и всѣ прелести своего мѣстопребыванія. Послѣ осмотра надписей они потащили меня на вершину выдающагося пика, съ отвѣсными боками; кругомъ вились какія то ползущія растенія. Мы стали карабкаться на верхъ, цѣпляясь за ихъ вѣтви и корни, и наконецъ добрались до довольно просторной площадки, гдѣ нашли очень древнюю, но совершенно вытертую надпись. Дождь, а можетъ быть и подошвы любителей широкихъ видовъ, не пощадилъ отдѣльныхъ буквъ въ надписи. Мы простояли у надписи съ четверть часа. Начинались южные сумерки, короткія, но, по своей прокладѣ, необыкновенно пріятныя послѣ дневнаго зноя. Было однако же еще на столько свѣтло, что въ низу, среди лѣснаго пейзажа ясно различались зеленѣющія рисовыя поля, изрѣзанныя канавками въ правильныя квадратики. Пронесся вѣтерокъ, все зашумѣло и заколыхалось кругомъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, мы спустились внизъ и пошли въ келью. Всѣ кельи этого монастыря помѣщались въ одномъ

*) Змѣй этотъ называется Мучалинда.

зданіи, въ срединѣ котораго находился небольшой открытый дворъ; раскидистыя вѣтви дерева Mál, растущаго по срединѣ двора, днемъ заслоняли отъ вертикальныхъ лучей солнца, какъ кельи, такъ и узенькую крытую террасу, шедшую кругомъ двора. На террасу открывались двери изъ темныхъ низенькихъ каморокъ, въ которыхъ жили монахи. Монахи, придя домой, стали совершать вечернее моленіе; человѣкъ шесть собралось въ кельѣ по просторнѣе и разсѣлись на полу, на циновкахъ. Одинъ изъ нихъ, по старшѣ и побойчѣе другихъ, читалъ на распѣвъ извѣстный буддійскій молитвенникъ (pigit). Какъ во всѣхъ древнѣйшихъ буддійскихъ памятникахъ, такъ и въ этомъ молитвенникѣ, въ каждой главѣ сказывается необыкновенно широкая любовь ко всему существу. И какъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтически, изливалось молитвенное настроеніе.

Безыскусственныя слова, ясно и не спѣшно распѣваемая получали какую-то особую прелесть среди настоящей обстановки. Это настроеніе, эти слова любви, казалось были внушены и вызваны тою роскошною картиною тропическаго міра, которая сейчасъ была у насъ передъ глазами. — Въ началѣ говорилось: „видимыя и невидимыя существа, что близъ меня, и тѣ кто въ дали, да будутъ всѣ счастливы. Да будетъ радостно все сущее!

— „Не вредите одинъ другому; ни гдѣ, никого не презирайте. И одинъ другому не пожелайте зла.

— Какъ мать, жертвуя жизнью, охраняетъ свое дитя, такъ и ты безгранично возлюби все сущее!“

Закончивая свое моленіе, буддистъ говорить:

— „Въ лѣсу-ли, подъ тѣнью древа, въ пустынь-ли, о братья, помните Вѣщаго, и не будетъ вамъ страха!“

Этотъ, „въшій“ училъ въ другомъ мѣстѣ молитвенника:

— „Я возлюбилъ змѣя и птицу. И звѣря и насѣкомаго я возлюбилъ.

— „Ни звѣрь, ни птица не обидѣли меня; ни звѣрь, ни насѣкомое не обидѣли меня!“

Долго съ вечера мнѣ слышалось меланхолическое, однообразное полупѣніе монаховъ. А снаружи доносились разнообразные звуки ночной жизни въ лѣсу; шелестъ, жужжаніе какихъ-то насѣкомыхъ и громкіе крики звѣрей.

Наконецъ я отправился къ себѣ въ келью. Гостепріимные монахи приготовили мнѣ ночлегъ съ роскошью. Всѣ стѣны коморки были обиты разными бумажными тканями, а на кровати пуховиковъ и подушекъ было болѣе нежели необходимо.

3.

Не могу не упомянуть, хотя бы въ не многихъ словахъ, о двухъ примѣчательныхъ мѣстахъ въ Курунегальской области (N. W. province).

Оба мѣста любопытны въ археологическомъ отношеніи и лежатъ въ недалекомъ разстояніи отъ Курунегалу. Первое носитъ названіе Кандалува, и лежитъ на сѣверо-востокъ отъ главнаго города, второе называется Парамagamпитія и находится въ противоположной сторонѣ, на С.-З. по дорогѣ въ Путламъ.

12-го Августа на разсвѣтѣ я выѣхалъ на быкахъ по тринкомалійской дорогѣ. Быки попались свѣжіе и сильные; въ какіе нибудь три часа мы сдѣлали около семи миль и остановились завтракать въ деревенькѣ Дахаль-гамувѣ. Тутъ не было казеннаго Rest-house'a и пришлось пользоваться радушнымъ гостепріимствомъ арачи, т. е. волостнаго головы.

Домъ сельскаго чиновника внутри и снаружи, обличалъ хозяйство человѣка зажиточнаго и распорядительнаго. На дворѣ, въ комнатахъ была необыкновенная чистота и порядокъ. Крытая галлерей, не очень широкая пла вокругъ всего двора: на нее выходило нѣсколько дверей, ведущихъ въ раз-

личные покои. Стѣны хозяйской опочивальни были обиты бумажными тканями, а по полу разостланы были чистыя циновки; на постель бѣлѣло чистѣйшее бѣлье. Въ другихъ комнатахъ небыло такой-же роскоши: глиняныя стѣны и полы оставались ничѣмъ не покрытыми, но опрятность и порядокъ замѣчался и въ нихъ.

На дворѣ было людно; у хозяина большая семья и много рабочихъ. Не мало сошло также сельчанъ посмотреть на рѣдкаго въ этихъ мѣстахъ европейца.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, среди густаго мелколѣся у деревеньки Баталгодавева находятся остатки какой-то древней и громадной постройки. Здѣсь въ расщелинѣ двухъ холмовъ — лежитъ масса гранитныхъ столбовъ и колонъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть вырѣзанныя надписи, впрочемъ очень не древнія, новѣйшею сингалезскою азбукою. Тутъ показываютъ мѣсто, гдѣ когда-то былъ очень обширный прудъ.

Монастырь Кандалува находится въ близкомъ разстояніи отсюда. Также какъ и Серебряный монастырь онъ расположенъ на вершинѣ холма, куда взбираешься по ступенямъ высѣченнымъ изъ гранита. Онъ не такъ богатъ святынями какъ Серебряный, и не пользуются большою извѣстностью на островѣ, но судя по надписямъ Кандалува должно быть мѣсто очень древнее.

Здѣсь есть очень много храмовъ. Главный окруженъ крытою галлереею, на деревянныхъ столбахъ которой пападаются изображенія двуглавой птицы.

Древнія надписи находятся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ монастыря въ Медиріавихарѣ. Переночевавъ въ монастырѣ, и отправился въ Аранкалѣ, гдѣ находится одна изъ любопытнѣйшихъ развалинъ острова. Дорога туда идетъ лѣсомъ и очень дурна, лѣсъ такъ разросся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быки отказывались пробираться черезъ него и нужно

было расчищать дорогу. По счастью переѣздъ былъ не великъ и мы скоро достигли развалинъ. Онѣ очень обширны и загадочны: трудно опредѣлить, былъ-ли то обширный монастырь или-же царскій дворецъ?

Тутъ есть остатки храма, два водоема, обширная терраса вдоль холма, гроты и великолѣпная лѣстница на террасу. Все это высѣчено изъ гранита и сдѣлано было не кое-какъ, а очень отчетливо, но безъ всякихъ украшеній и безъ всякой рѣзбы. Въ народѣ это мѣсто называется Макул-гал-лена. Я не видѣлъ здѣсь ни надписей, ни какихъ либо святыхъ изображеній и до сихъ поръ не могу себѣ опредѣлить, какъ это мѣсто называлось въ древности, или что тутъ было?

Второе мѣсто, о которомъ я упоминалъ выше, лежитъ на С.-З. отъ Курунегалы, по большой Путламской дорогѣ, и называется Парамаканда. Здѣсь есть нѣсколько развалинъ и старыхъ прудовъ, около которыхъ сохранились очень древнія надписи, хотя и безъ датъ.

Въ надписи которая высѣчена надъ храмомъ ясно читается: *paramaka-abayaruta paramaka tisaha lene agata-anagata catu disasagasa*, т. е. гротъ Тиссы (званіемъ?) *paramaka* (?) сына Абая (вм. Абхая) (званіемъ?) *paramaka* (?) (назначенный для) настоящей и будущей санги четырехъ странъ свѣта.

Надпись высѣченная около пруда (*Galwewa*) гораздо длиннѣе, но и въ ней встрѣчаются тѣже имена. Она тянется на десять футовъ вдоль берега и также очень ясна. Форма буквъ та же, но самыя буквы значительно крупнѣе.

IV.

Анурадхапура и окрестности.

1.

Я ѣхалъ въ Анурадхапуру не тою обычною торною дорогою, которая почти всегда выбирается путешественниками; и хотя видѣлъ не много любопытнаго во время моего странствія, но вообще остался доволенъ своимъ выборомъ, ибо посмотрѣвъ на Цейлонъ не съ казowego конца.

Часть пути я сдѣлалъ на лошадахъ вмѣстѣ съ однимъ англійскимъ чиновникомъ. 14-го Сентября часовъ около пяти по полудни мы выѣхали изъ Курунегалы по Путталамской дорогѣ въ Варіанпола, гдѣ моему спутнику былъ приготовленъ торжественный приемъ; мѣстныя власти изъ туземцевъ ждали приѣзда начальника и встрѣтили его за цѣлую милю до Rest-house'a.

Густая толпа двигалась намъ на встрѣчу съ факелами (ибо уже начинало темнѣть), бубнами, барабанами, плясунами и пѣвцами. Высокая торжественная арка, увитая зеленью, стояла передъ Rest-house'омъ.

Здѣсь мы ночевали и отправились далѣе въ Баллалу. Черезъ двѣ мили мы свернули съ большой дороги на малую и поѣхали среди заброшенныхъ рисовыхъ полей. По словамъ моего спутника въ сѣверозападной провинціи до пятидесяти тысячъ акровъ заброшенныхъ полей. Лѣса рубятся, искусст-

венное орошеніе сильно запущено, и какъ слѣдствіе этого является ежегодный неурожай рису, и оставленіе полей необработанными.

Въ Баллаллѣ насъ ожидалъ такой-же торжественный приѣмъ. Здѣсь мы разстались, ибо я поѣхалъ на востокъ, къ развалинамъ *Япаху*, мой же спутникъ повернулъ въ противоположную сторону.—Отъ Баллаллы до Япаху нѣтъ даже и малой дороги; приходится ѣхать чуть-ли не цѣликомъ среди мелколѣся.

Быки на которыхъ я ѣхалъ, начиная съ Баллаллы, едва тащили ноги и дѣлали не болѣе мили въ часъ.

Япаху развалины столицы XIV вѣка. Цейлонскія хроники сообщаютъ объ этомъ мѣстѣ очень скудными подробностями; известно только, что въ началѣ XIV в. здѣсь была резиденція цари Бхуванекабаху и св. Зубъ (моги Будды) хранился здѣсь. Самые развалины были открыты недавно, до сихъ поръ плохо изслѣдованы, хотя уже многое вывезено отсюда въ Курунегалу.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ Япаху нѣтъ селенія, но среди самыхъ развалинъ уцѣлѣлъ небольшой монастырь.

Онъ лѣпится у подошвы совершенно отвѣсной скалы среди высокихъ, тѣнистыхъ пальмъ. Я нашелъ въ немъ одного только престарѣлаго монаха. Онъ былъ очень гостеприименъ и отвелъ мнѣ помѣщеніе въ Дхармасалѣ, т. е. въ зданіи предназначенномъ для проповѣди. Но такъ какъ монахъ проповѣдей не произносилъ, да и некому было ихъ слушать, то зданіе стояло заброшеннымъ; кромѣ крикливаго пѣтуха въ немъ не было другихъ обитателей.

Въ Япаху вѣроятно можно отыскать много древняго, если хорошенько разчистить лѣсъ кругомъ и произвести раскопки. Можетъ быть даже отыщутся и надписи. Нѣсколько буквъ очень древней надписи я видѣлъ вырѣзанными на скалѣ за храмомъ.

Важнѣйшіе остатки древностей въ Япаху расположены на вершинѣ той скалы, у которой стоитъ новый монастырь.

Монахъ называетъ эти развалины Даладамалигава, т. е. храмъ св. Зуба. Поднялись къ нимъ по остаткамъ гранитной лѣстницы, которая приводитъ на верхнюю террасу, гдѣ вполнѣ сохранились притолги входной двери и балконъ. Колонны, гранитное изображеніе льва, карнизы лежатъ по лѣстницѣ, поднимающейся по склону скалы.

Гора эта по словамъ монаха называется Сундарагири парвата, т. е. красивая гора.

Въ сторонѣ отъ этихъ развалинъ, есть еще остатки древняго храма. Онъ выстроенъ изъ тесаннаго гранита и былъ въ основаніи квадратнымъ. Три стѣны вполнѣ сохранились.

У самаго новаго храма монахъ показываетъ *galgi*. Онъ утверждаетъ, что эта естественная пещера была когда-то храмомъ, но вѣрише предположить, что это неболѣе какъ одно изъ первоначальныхъ жилищъ монаховъ.

Изъ Япаху я вернулся опять на малую дорогу и поѣхалъ прямо на сѣверъ въ Анурадхапуру. Отсюда на быкахъ до Анурадхапуры нельзя добраться ранѣе какъ въ три дня. Ѣдешь по песчаной дорогѣ, среди мѣлколѣся, нужно забирать съ собою всякую провизию, и даже если можно слѣдуетъ брать мебель, ибо по этому пути въ Rest-house'ахъ находишь только кровать и не всегда даже защиту отъ дождя. Ыды и мебели никакой. Хорошо если въ деревенькѣ найдется у какого нибудь зажиточнаго арачи лишняя кровать, въ такомъ случаѣ онъ ее уступить на ночь за малую плату, не то приходится спать въ банди. Но все это не такъ чувствительно, какъ невозможность достать на всемъ пути хорошей, а иногда и всякой воды. Пить воду безъ примѣси чего либо не возможно, она на видъ черна, и очень нездорова.

Не всюду находишь даже мѣсто, гдѣ остановиться. Дере-

веньки бѣдны и въ маленькихъ хижинахъ обыкновенно не бываетъ свободнаго мѣста. Мнѣ приходилось иногда останавливаться въ лавочкахъ и спать въ банди.

Но самый путь среди этой страны нѣкогда цвѣтущей, а теперь запущенной, очень интересенъ. Въ центральной провинціи, около Коломбо ничего подобнаго такому состоянію страны и населенія не увидишь.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ такъ или иначе виновато мѣстное управленіе — объ островѣ никто не заботится, говорятъ туземцы. Здѣсь всякій англичанинъ думаетъ только о наживѣ. Намъ назначаютъ въ губернаторы какого нибудь *irish member*, человѣка неспособнаго и т. д., кричатъ недовольные чиновники изъ англичанъ.

Всѣхъ жалобъ не перескажешь; но важно, что здѣсь ропщутъ не одни туземцы; плохое состояніе колоніальнаго управленія свидѣтельствуется и многими англійскими чиновниками. Особенно памятенъ мнѣ переѣздъ изъ Талавы въ Анурадхапуръ. Песчаная дорога въ сухую пору года мучительна для человѣка и скота. Быки дѣлали не болѣе полуторы мили въ часъ и еле дотащили банди до Анурадхапуры.

Я пріѣхалъ въ Анурадхапуръ поздно ночью. Городъ давно уже спалъ и отъ темноты ничего нельзя было разглядѣть. На другой день на разсвѣтѣ я вышелъ на террасу *Rest-house'a* и первые лучи восходившаго солнца освѣтили картину мертваго города. Кругомъ не было не души, вдали виднѣлись въ разныхъ сторонахъ, въ чащѣ деревъ полу-европейскія домики и рядъ незатѣйливыхъ хижинъ туземцевъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ постоялаго двора въ нѣсколькихъ шагахъ отъ террасы начинались развалины древней столицы; но эти развалины не поражали величіемъ, не увлекали фантазіи и не заставляли зрителя переносится въ отдаленное прошлое: тысячи полторы четырехгранныхъ столбовъ—остатки бывша-

го Мѣднаго дворца (о которомъ будетъ сказано ниже), полуобвалившіяся ворота, ведущія во дворъ, гдѣ стоитъ святое дерево (ficus religiosa), фундаменты какихъ-то построекъ, гранитныя крыльца, столбы съ роскошною рѣзбою — все это разбросанное на значительномъ пространствѣ развлекаетъ вниманіе и съ разу не производитъ впечатлѣнія остатковъ грандіознаго прошлаго. Для того, чтобы мертвое предстало въ другомъ свѣтѣ, и прошлое выяснилось, историческая жизнь даровитаго племени и блестящее бывшее нынѣ одряхлѣвшей и полумертвой религіи стали понятны и осмысленны, нужно побродить по теперешнему городу, поближе всмотрѣться въ попадающіяся на каждомъ шагу остатки древностей, по рѣзнымъ изображеніямъ на громадныхъ гранитныхъ плитахъ на колоннахъ, карнизахъ, — прочесть не лживыя свидѣтельства о томъ, чему вѣровалъ и молился народъ, какъ предки нынѣшнихъ сигнальцевъ были богаты и съ какимъ изяществомъ и вкусомъ они умѣли обставляли свою жизнь.

Когда на мѣстѣ здѣсь прочтешь мѣстныя хроники и прислушаешься къ тому, что помнитъ изъ старины народъ, тогда всѣ эти обломки и осколки изъ древнихъ временъ получаютъ новый смыслъ: они какъ будто рисуютъ и передаютъ, правда не полную, но живую картину прошлаго. Громадныя ступы, окруженныя дворами почти одинаковыхъ размѣровъ съ прежнею исакиевскою площадью, — темныя кельи съ древними надписями подъ навѣсами горныхъ скалъ перестаютъ быть непонятными остатками прошедшаго: по нимъ читаешь живую повѣсть умственной и сердечной жизни древняго народа.

Городъ Анурадха былъ столицею острова въ продолженіи двѣнадцати столѣтій и упоминается хрониками въ первый разъ въ V ст. до Р. Х.; городъ былъ резиденціею царя (Анурадха) именемъ котораго и сталъ называться: городъ Анурадхы или Анурадхапуръ. Имя города было извѣстно на запа-

дѣ и Птолемей упоминаетъ о немъ. Имя это производится также отъ имени созвѣздія Анурадхы. Пересказъ исторіи города въ связи съ описаніями дѣяностей извѣстныхъ нынѣ могъ бы наполнить цѣлый томъ. Я ограничусь бѣглымъ очеркомъ важнѣйшихъ развалинъ.

Нѣсколько разъ малабарцы разрушали городъ; разоряди святыя зданія, жгли дома, уводили жителей въ плѣнъ; но городъ опять воскресалъ, обновлялся и обстраивался. Неизвѣстно, когда онъ окончательно оставленъ; еще въ XII ст. въ Анурадхапурѣ короновались цейлонскіе цари и хотя уже жили въ Полланарруѣ, но обстроивали и поддерживали святыя зданія. Онъ исчезалъ съ лица земли мало по малу въ продолженіи бытъ можетъ цѣлыхъ столѣтій. Запущенные пруды высыхали; затѣмъ происходила засуха, развивались болѣзни и жители бѣжали изъ этого нѣкогда, цвѣтущаго мѣста; нынѣ городъ славится, какъ одно изъ самыхъ сухихъ и нездоровыхъ мѣстъ на цѣломъ островѣ. Сюда не заходили масульмане и не хозяйничали по своему въ городѣ чуждой религіи, не было здѣсь индузовъ, и никто не пользовался буддійскою святынею для украшенія своихъ храмовъ; не пользовались древностями даже англійскіе чиновники инженеры: такъ какъ дорогъ въ Анурадхапуръ англичане не строили, ирригаціонныхъ работъ не предпринимали; теперешніе владѣтели Цейлона забыли о древней столицѣ и совершенно напрасно дали погибнуть многому, что существовала при прежнихъ царяхъ; теперешній городъ не только не напоминаетъ прежней метрополи, но туземныя описанія, хотя даже подтвержденныя въ V ст. по Р. X. свидѣтельствомъ очевидца, кажутся вполнѣ невѣроятными. Туземцы говорятъ, что городъ былъ морю подобенъ: онъ сіялъ золотыми маковками своихъ ступъ и позолоченными кровлями дворцевъ; по улицамъ было постоянное движеніе; взадъ и впередъ двигались слоны, кони, тѣлеги и толпы

народа; стоялъ гулъ и шумъ отъ плясунувъ, фокусниковъ, пѣвцевъ и музыкантовъ разныхъ національностей, игравшихъ на раковинахъ и другихъ инструментахъ изукрашенныхъ золотомъ. Отъ сѣверныхъ воротъ до южныхъ считалось шестнадцать миль и столько же отъ восточныхъ до западныхъ. Главныя улицы носили названія: Лунной, Царской, Песочной и Рѣчной. Въ Лунной было одиннадцать тысячъ домовъ, и притомъ много двухъ-этажныхъ; безчисленныя малыя улицы и переулочки соединяли четыре главныхъ улицы. Ряды обширныхъ зданій, двухъ и трехъ-этажныхъ окружали царскій дворецъ, подземное помѣщеніе въ которомъ было также значительно. Улицы были усыпаны пескомъ: бѣлымъ въ серединѣ и чернымъ по краямъ. Во многихъ мѣстахъ были перекинуты арки, на которыхъ развѣвались золотомъ и серебромъ изукрашенные флаги. По сторонамъ улицъ стояли ниши; въ нишахъ же помѣщены были вазы съ цвѣтами, или же статуи съ свѣтильниками. Въ дни праздника предъ лицомъ царя, его царицы и его двора давались въ публичныхъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ драматическія представленія; сюжеты выбирались или изъ мифологіи или же изъ обыденной жизни. Приносились также жертвы якхамъ, сопровождаемая пѣніемъ и пляскою. Въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ были обширныя пруды; на базарахъ были лавки иностранныхъ купцевъ; путешественники находили у воротъ города брадобрѣевъ, продавцевъ одѣянія, а въ самомъ городѣ, купальни, постоянныя дворы, дома милостыни и подаенія помощи недужнымъ; здѣсь же были дома общественныхъ увеселеній и храмы различныхъ боговъ, хотя Анурадхапуръ и былъ буддійскою столицею. За порядкомъ въ городѣ смотрѣлъ нагаргуттиго—городской надзиратель; нѣсколько другихъ смотрителей были подчинены ему; пятьсотъ человекъ ежедневно чистили городъ, а двѣсти сторожили по ночамъ. Полтора ста че-

ловѣкъ занимались похоронами. Городъ былъ обнесенъ высокими стѣнами, внѣ которыхъ находились кладбище и различныя предмѣстья; въ этихъ предмѣстьяхъ жили люди низшихъ кастъ, различныхъ вѣрованій, подвижники различныхъ религій, царскіе охотники и т. д.

Таковую представляютъ себѣ Сингалезцы свою древнюю, святую столицу; отъ этого блеска въ настоящее время осталось сравнительно мало: число жителей въ теперешнемъ городѣ не превышаетъ семисотъ человѣкъ; тамъ гдѣ нѣкогда среди роскошной тропической растительности, тѣнистыхъ садовъ съ обширными прудами жилъ богатый, многолюдный городъ, тамъ теперь разстилается лѣсная поросль, мелкая и тощая отъ постоянного зноя и засухи, тамъ теперь всюду дичь и глушь, днемъ брешутъ и скачутъ обезьяны, а ночью воетъ шакаль; тамъ гдѣ нѣкогда вызвышались дворцы, окруженные башнями и садами, теперь непроходимая лѣсная чаща; человѣкъ бѣжалъ изъ этихъ мѣстъ не здоровыхъ и наполненныхъ дикими звѣрями и ядовитыми змѣями. Но не одни туземцы рассказываютъ о древнемъ блескѣ Анурадхапуры; городъ видѣлъ одинъ китайскій путешественникъ и его свидѣтельство во многомъ подтверждаетъ сказанія туземцевъ. Въ V вѣкѣ на Цейлонѣ зашелъ благочестивый буддистъ китайскій путешественникъ Фасянь. Фасянь передъ тѣмъ былъ въ Индіи и успѣлъ уже насмотрѣться на большіе города и грандіозныя постройки и при всемъ этомъ Цейлонская столица поразила его своимъ блескомъ и величіемъ; какъ будто удивляясь роскоши ея построекъ, ея многолюдству простодушный буддистъ нарисовалъ очень живую картину Анурадхапуры; какъ человѣка религіознаго его занимало главнымъ образомъ посѣщеніе и описаніе монастырей и другихъ святыхъ, но среди подробностей обо всемъ этомъ онъ точно цитировать своей воли проронилъ нѣсколько словъ о дѣлахъ шр-

скихъ. „Здѣсь, говоритъ онъ объ Анурадхапурѣ, живутъ многіе сановники и богачи. Дома купцовъ прекрасно изукрашены; улицы прямы и ровны. У начала четырехъ главныхъ улицъ находятся зданія проповѣди; въ 8-й, 14-й и 15-й день каждаго мѣсяца жители готовятъ высокія сѣдалища въ этихъ зданіяхъ; монахи и міряне собираются выслушать проповѣдь. Туземцы увѣряютъ, что въ этой странѣ около пятидесяти или шестидесяти монаховъ, всѣ они живутъ общинами. Кромѣ того царь доставляетъ пропитаніе пяти или шести тысячамъ чело-вѣкъ.... Въ половинѣ третьяго мѣсяца обыкновенно они выносятъ св. Зубъ Будды. За десять дней передъ тѣмъ царь роскошно изукрасивъ слона, посылаетъ какого нибудь чело-вѣка съ обращеніемъ къ народу; выбранный чело-вѣкъ обыкновенно бываетъ краснорѣчивъ и способенъ; облекшись въ царскія одѣянія, сѣвъ на слона онъ обращается къ народу, при звукахъ барабанныхъ. Напомнивъ въ краткихъ словахъ земную жизнь Будды и его подвиги чело-вѣколюбія, онъ заканчиваетъ свою рѣчь такъ: „черезъ десять дней св. Зубъ Будды вынесутъ и понесутъ въ монастырь Абхягири. Пусть монахи и міряне со всего царства, всякій, кто печется о добродѣтели приготовить и уравниетъ пути; изукрасятъ улицы и дороги, усыпятъ ихъ цвѣтами всякаго рода и да возгутся благовонія въ честь этихъ мощей!“ По окончаніи этого возванія, царь приказываетъ выставить по обѣимъ сторонамъ дороги изображенія тѣхъ пятисотъ образовъ, которыя принималъ бодхисатва въ своихъ перерожденіяхъ.

Всѣ эти изображенія раскрашены разными цвѣтами и представляются живыми. Наконецъ св. Зубъ выносится и не-сется по главной дорогѣ; по мѣрѣ слѣдованія по улицѣ ему дѣлаются приношенія. Когда они приходятъ въ монастырь Абхягири, то св. Зубъ поставляется въ особое зданіе, куда монахи и міряне собираются толпами; возжигаются благово-

нія и свѣтильники и непрерывно днемъ и ночью свершаются различные религіозные обряды. Черезъ девяносто дней св. Зубъ обратно переносится въ монастырь внутри города.

Въ Анурадхапурѣ, въ одномъ изъ зданій провѣди, о которыхъ онъ говоритъ, Фасянь слышалъ, какъ какой-то нищенствующій братъ изъ Индіи, сидя на высокомъ тронѣ читалъ св. книгу и проповѣдовалъ: Патра (чаша) Будды первоначально хранилась въ городѣ Вайсали, теперь она находится въ границахъ страны Гандары. Приблизительно черезъ сто лѣтъ (Фасянь слышалъ точное число лѣтъ, но забылъ его) она будетъ перенесена къ западнымъ Юе-чжи. Проповѣдникъ пророчилъ, что побывавъ во многихъ мѣстахъ чаша явится на Цейлонѣ, отсюда будетъ перенесена въ среднюю Индію и затѣмъ взята на небо. Фасянь, услышавъ это пророчество, хотѣлъ записать его, но монахъ сказалъ ему:— „это не св. писаніе, я говорю по памяти то, что слышалъ“! Фасянь прожилъ въ Анурадхапурѣ два года и здѣсь досталъ много драгоценныхъ книгъ.

2.

Къ юго-востоку отъ постоялаго двора находится древо Бо (*Ficus religiosa*). Я уже имѣлъ случай упоминать, что древо Бо считается священнымъ въ глазахъ всѣхъ буддистовъ; это символъ ихъ спасенія: сидя подъ такимъ деревомъ великій учитель прозрѣлъ путь спасенія, а потому почти въ каждомъ цейлонскомъ монастырѣ посажено древо Бо.—Ж. Мариньолли, рассказывая о цейлонскихъ монастыряхъ, упоминаетъ, что буддисты въ своихъ монастыряхъ имѣютъ деревья по листьямъ отличныя отъ прочихъ деревьевъ; они украшаютъ ихъ золотыми вѣнцами съ драгоценными камнями; ставятъ передъ ними свѣтильники и почитаютъ эти дѣрева. Они, про должаеть онъ дальше, выдають, что получили этотъ обрядъ

отъ Адама, увѣряють, что чтуть эти дерева потому, что Адамъ отъ дерева ожидалъ будущее спасеніе. И это, по мнѣнію навивнаго путешественника среднихъ вѣковъ, дѣйствительно согласо со стихомъ псалма *dicite in gentibus quia Dominus regnabit in ligno* и т. д. (см. Yule's Cathay II, 368).

На сѣверѣ Индіи были буддійскія секты, въ которыхъ монахъ, принимавшій обѣты посвященія или мірянинъ, обѣщавшійся исполнять заповѣди, прибавлялъ, что обѣтъ, долженъ былъ выполняться до тѣхъ поръ, пока принявшій его не возсядетъ подъ дерево Бо, иными словами не станетъ окончательно спасеннымъ. Словомъ дерево Бо для буддиста то же, что крестъ для христіанина. Но Бо въ Анурадхапурѣ имѣетъ еще большую святость; по преданію оно выросло отъ вѣтки того самага дерева, которое до сихъ поръ стоитъ въ Гаѣ, и подъ тѣнью котораго Гаутама прозрѣлъ путь спасенія, побѣдилъ дьявола и сталъ спасителемъ рода человѣческаго, вѣщимъ учителемъ, возвѣстившимъ людямъ истинный путь ко спасенію.

По извѣстіямъ цейлонскихъ хроникъ вѣтвь святаго древа была принесена изъ Индіи на Цейлонъ въ III столѣтіи до Р. X. и посажена въ саду, называвшемся Махамегха. Извѣстная цейлонская хроника Махавансо весьма подробно поименовываеъ всѣ тѣ зданія, которыя стояли около святаго дерева и отъ которыхъ теперь трудно найти какіе-бы то ни было остатки. По описанію хроники слѣдуетъ, что у южныхъ воротъ города былъ царскій увеселительный садъ Нандана; онъ былъ расположенъ у самыхъ воротъ; южнѣе сада Нанданы находится садъ Махамегха; здѣсь былъ царскій дворецъ, къ сѣверу отъ дворца находилось озеро съ монашескими кельями по берегу; къ югу находилось зданіе гдѣ свершались различные обряды. Положеніе другихъ построекъ не опредѣлено: около дворца стояло зданіе гдѣ свершался обрядъ Упочатха, было тутъ-же зданіе, гдѣ монахи трапезовали. и еще одно

зданіе, гдѣ они дѣлили дарованную имъ милостыню. Много другихъ зданій стояло также въ этомъ саду; множество келій и многочисленныя резервуары окружали дерево. Самое дерево было посажено прямо предъ главнымъ входомъ во дворецъ. По сказанію хроники всѣ эти зданія существовали уже въ III ст. до Р. Х. при царѣ Деванамъ-Шія-Тиссѣ. Въ то же царствованіе отростки отъ этого дерева были посажены въ четырехъ разныхъ мѣстахъ около Анурадхапуры и кое гдѣ еще на Цейлонѣ; но главная вѣтвь была, по словамъ хроники и слѣдуя мѣстному преданію, посажена именно тамъ, гдѣ теперь находится святое древо и гдѣ до сихъ поръ находится монастырь Махавихары. Древо укрѣпилось постепенно, въ продолженіи многихъ царствованій: кругомъ его послѣдующіе цари воздвигали зданія; въ 1-мъ столѣтіи по Р. Х. съ четырехъ сторонъ дерева были воздвигнуты четыре часовни съ четырьмя образами Будды; въ началѣ слѣдующаго столѣтія монастырь Махавихара былъ обнесенъ стѣною. Въ этомъ столѣтіи древо стояло уже на возвышенной платформѣ: ибо къ нему поднимались по лѣстницамъ и такихъ лѣстницъ было четыре съ четырехъ сторонъ. Въ третьемъ столѣтіи въ монастырѣ и на Ю.-В. отъ святаго древа были воздвигнуты еще двѣ часовни; въ нихъ стояли мѣдныя изображенія Будды; въ томъ-же столѣтіи платформа на которой стояло древо была обнесена каменнымъ карнизомъ; у сѣверныхъ вратъ была сдѣлана арка; по четыремъ угламъ были поставлены четыре шестигранные столба, а у трехъ остальныхъ вратъ три каменные изображенія и каменный алтарь у южныхъ вратъ.

Но въ этомъ же столѣтіи монастырь Махавихара постигли различныя невзгоды. Хроника рассказываетъ, что при царѣ Махасенѣ (царствовалъ съ 275 по Р. Х.) изъ южной Индіи, изъ страны Чола пришелъ нечистивый монахъ Сангхамитта;

онъ зналъ *демоническую* науку, иными словами былъ волхвомъ. Онъ наговорилъ царю на монаховъ Махавихара, оклеветалъ ихъ въ не соблюденіи правовѣрныхъ правилъ. Царь повѣрилъ ему и отдалъ приказъ: кто подастъ милостыню монаху изъ Махавихары, тотъ подвергнется пени. Братія, такъ тѣснямая, оставила монастырь и ушла на югъ острова. Въ продолженіи девяти лѣтъ ни кто не жилъ въ монастырѣ Махавихарѣ. Сангхамитта, невѣрующей убѣдилъ невѣрующаго царя, что вещь безъ хозяина, принадлежитъ царю. Нечестивецъ получилъ отъ царя позволеніе разрушить монастырь и дѣйствительно разрушилъ его. Совѣтникъ и любимецъ царскій Соно сильный сторонникъ нечестивца и многіе безстыдные монахи вмѣстѣ съ нимъ разрушили семи-этажный Мѣдный дворецъ, многія другія зданія и весь матерьялъ снесли въ монастырь Абхалгири. Царь приказалъ ввезти въ этотъ монастырь весь строительный матерьялъ изъ Махавихары. Туда было пересажено и древо Бо.

Это святотатство раздражило не только монаховъ, но и многихъ мірянъ. Противъ царя открыто возсталъ одинъ изъ его министровъ Мегхаваннабхаю. Устрашенный царь пошелъ на сдѣлку и обѣщался возстановить монастырь Махавихару. Собрали опять строительный матерьялъ и настроили множество келій: со всѣхъ сторонъ, послѣ того какъ невзгоды миновались, въ монастырѣ стали собираться монахи. Царь поставилъ въ часовнѣ около древа Бо два мѣдныхъ изображенія Будды.

Но затрудненія между царемъ и монахами не прекратились: въ милости у царя былъ нѣкій монахъ Тиссо; ему царь выстроилъ особый монастырь Жетавана—въ саду Жоти, принадлежащемъ къ монастырю Махавихара. Когда потребовалось опредѣлить границы двухъ монастырей, монахи старѣйшаго не поддавались ни на какія сдѣлки. Тѣсняемые царемъ они опять бѣжали изъ своего монастыря и онъ оставался

пустымъ до начала слѣдующаго царствованія (302 по Р. Х.). Сиримегхаванно сынъ Махасены возстановилъ все, что разрушено было отцемъ: онъ выстроилъ опять мѣдный дворецъ, настроилъ опять келіи, возвратилъ монастырю отобранныя отцомъ земли. Проникнувшись особымъ благоговѣніемъ въ Махиндѣ—сыну царя Асоки, первому апостолу Цейлона, царь устроилъ въ честь Махинды особое празднество и торжественный ходъ. Была сдѣлана изъ золота статуя Махинды; она помѣщалась въ Михинталѣ, въ особой часовнѣ. Въ извѣстный день (въ осьмой день мѣсяца Картикъ) она торжественно переносилась оттуда. Царь со свитою, всѣ жители столицы, много богомольцевъ и монаховъ со всего острова собирались въ этотъ день, въ Михинталѣ. Путь изъ Михинталлы въ Анурадхапуру разукрашался: на эту дорогу торжественно выносили статую Махинды; во главѣ процессіи шелъ самъ царь. Процессія двигалась до Анурадхапуры цѣлый день и только къ вечеру достигала восточныхъ воротъ города: здѣсь статую помѣщали въ храмы Соттхіалкара. Затѣмъ въ продолженіи двѣнадцати дней городъ разукрашался и по истеченіи этого времени статую опять поднимали и несли чрезъ весь городъ къ южнымъ воротамъ, въ монастырь Махавихару; ее помѣщали у древа Бо, гдѣ она и оставалась въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

Со временъ этого царя для монастыря Махавихары настали опять цвѣтущіе дни: въ половинѣ IV ст. здѣсь былъ выстроенъ дворецъ, извѣстный подъ именемъ Павлинаго и развалины котораго до сихъ поръ существуютъ. Монахи Махавихары славились въ это время ученостью: здѣсь Буддхагхоша писалъ свои знаменитые коментаріи на св. слова и сюда же приходилъ Фасянь въ своихъ поискахъ за будуйскими рукописями. Фасянь ни слова не упоминаетъ о священномъ деревѣ Бо; онъ видѣлъ его въ Анурадхапурѣ, но въ другомъ мѣстѣ: о самомъ-же монастырѣ онъ рассказываетъ, что Ма-

хавихара находилась въ семи ли (т. е. около трехъ верстъ) къ югу отъ столицы; въ его время здѣсь было три тысячи монаховъ. Фасянь былъ очевидцемъ того, какъ царь строилъ новый храмъ въ монастырѣ и дарилъ землю монастырю: въ началѣ царь устроилъ щедрое угощеніе монахамъ; затѣмъ онъ выбралъ двухъ сильныхъ быковъ; разукрасили ихъ рога золотомъ, серебромъ и всякими драгоценностями и запрягли въ позолоченный плугъ. Самъ царь провелъ границы дарованной земли и свои права на землю, дома, людей, на все находящееся въ обведенномъ пространствѣ онъ уступилъ монахамъ. Дарственная эта была вырѣзана на металлической доскѣ.

Въ VII ст. по Р. Х. по словамъ Сюанъ-цзана монахи Махавихары слѣдовали ученію Хинаяны и этимъ отличались отъ своихъ соперниковъ—монаховъ Абхаягири, которые изучали также и Махаяну. Дальнѣйшихъ извѣстій о монастырѣ и св. древѣ пока нѣтъ; въ слѣдующемъ столѣтіи Анурадхапура перестала быть столицею острова и затѣмъ впродолженіи тысячи слишкомъ лѣтъ, оставаясь мѣстомъ святымъ въ глазахъ буддистовъ, мало по малу она исчезаетъ съ лица земли.

Въ томъ, что древо Бо до сихъ поръ считается святымъ и чтится не только Цейлонцами, но и Бирманцами, и Сіамцами, я могъ убѣдиться въ первый же день своего пребыванія въ Анурадхапурѣ. Утромъ я видѣлъ, какъ молились одной изъ разрушенныхъ ступъ, вечеромъ часовъ около шести толпа тѣхъ-же пилигримовъ, частью изъ Коломбо, частью изъ Бирмы, предшествуемая музыкантами съ національнымъ барабаномъ (томе-томъ) собралась у святого дерева.

Древо Бо стоитъ въ центрѣ двора, обнесеннаго стѣною и имѣющаго въ длину около трехъ сотъ сорока пяти футовъ, а въ ширину около двухъ сотъ шестнадцати.

Приближаясь къ этому двору, послѣдовательно проходишь

чрезъ двое воротъ. Первые очевидно очень новой постройки и ничѣмъ не любопытны: они сложены изъ кирпича съ створчатыми деревянными дверями. По деревяннымъ притолкамъ можно кое гдѣ видѣть остатки не очень тонкой рѣзбы.

Между первыми и вторыми воротами тянется вымощенная гранитными плитами довольно широкая дорожка; судя по нѣкоторымъ признакамъ, съ двухъ сторонъ нѣкогда существовали стѣны. Какъ первые, такъ и вторые ворота крыты: это тотъ родъ построекъ, который у мѣстныхъ архитекторовъ называется: дварамандапа.

Поднявшись на пять ступеней вступаешь въ крытый входъ вторыхъ воротъ. Эти ступени высѣченныя изъ гранитныхъ плитъ, полукругъ находящійся передъ ними, и перилы, и два изображенія змѣй-юношей съ семью хоботами, необыкновенно тонкой работы. Особенно изящна работа на гранитномъ полукругѣ, находящемся передъ лѣстницею и замѣчательно, что тутъ прекрасно изображенъ конь; тогда какъ извѣстно, что въ настоящее время на Цейлонѣ всѣ лошади—привозныя.

Внутренняя сторона воротъ украшена также какъ и внѣшняя. На самомъ дворѣ множество мелкихъ остатковъ древности: колонны, три статуи Будды и т. п. Направо отъ входа находятся развалины небольшого храма: нѣсколько четырехгранныхъ столбовъ и фигура Будды, погруженнаго въ созерцаніе. На противоположной сторонѣ двора такая-же фигура, колонна и остатки фундамента. Отъ вторыхъ воротъ къ древу идетъ дорога вымощенная плитами не одинаковой величины. Святое древо стоитъ на квадратномъ искусственномъ возвышеніи: тринадцать ступеней ведутъ на первую террасу, гдѣ есть нѣсколько боковыхъ отростковъ отъ святого древа. На восточной сторонѣ первой террасы находится большая статуя Будды сидящаго; статуя была сдѣлана изъ кирпича и покрыта штукатуркою (chunnam). На южной сто-

ронѣ террассы, а также на дворѣ, съ второй стороны лежать нѣсколько колоннѣ. Двѣнадцать ступеней ведутъ на вторую террассу; входъ на вторую террассу съ запада; но былъ когда-то ходъ и съ восточной стороны къ сейчасъ упомянутой статуѣ. На второй террассѣ есть также отрасли святого дерева.

При входѣ-же стоитъ ящикъ значительныхъ размѣровъ для сбора подаваній; онъ покрытъ сверху рѣшеткою, куда и опускаются доброхотныя подаванія. Съ юга шесть ступеней по желѣзной лѣстницѣ ведутъ на третью террассу; она обнесена каменною оградою съ желѣзною рѣпоткою; тутъ находится одинъ стволъ святого дерева, которое на четвертой террассѣ раздѣляется на два ствола.

Въ ограду второй террассы входилишь черезъ особыя ворота, не всегда отпертыя: внизу съ двухъ сторонъ лѣстницы стоятъ два изображенія змѣй-юношей, а у самыхъ дверей изображенія хранителей дверей (Двара пала); вмѣсто верхней перекладины надъ дверьми изображены два морскихъ чудовища—макара; нѣсколько алтарей стоятъ по второй террассѣ. Здѣсь обыкновенно и дѣлаются приношенія. Въ первый же вечеръ своего пребыванія въ Апурадхапурѣ я видѣлъ какъ буддисты молятся святому дереву: часовъ въ шесть вечера, когда жара начинала спадать и при этомъ становилось уже темно я увидѣлъ по дорогѣ, ведущей отъ ступъ къ святому дереву значительную толпу: она двигалась медленно; многіе пилигримы были въ бѣлыхъ одѣянїяхъ; толпѣ предшествовали музыканты и факельщики, а въ хвостѣ какая-то несчастная худая собаченка. По временамъ барабанныя звуки умолкали и тогда проносились громкіе, но не стройные крики: *саду* (т. е. добро! хорошо!). Толпа взопла на дворъ святого дерева и поднялась на вторую террассу; музыканты остановились у дверей, а богомольцы расположились кругомъ по всей террассѣ, два монаха взобрались на третью террассу и оттуда стали чи-

тать молитвы: богомольцы повторяли за ними слова молитвы: сперва прочли: „я иду подъ защиту Будды, я иду подъ защиту закона, я иду подъ защиту Сангхи (т. е. общества духовныхъ). Эти слова повторили три раза. Затѣмъ монахи стали читать: „я приѣмлю заповѣдь: воздержусь отъ убіенія всего сущаго (1).

Я приѣмлю заповѣдь: воздержусь отъ присвоенія неданнаго (2).

Я приѣмлю заповѣдь: воздержусь отъ прелюбодѣйства (3).

Я приѣмлю заповѣдь: воздержусь отъ лжи (4).

Я приѣмлю заповѣдь: воздержусь отъ пьянства“.

Когда монахи вмѣстѣ съ богомольцами прочли эти молитвы, въ слѣдъ за тѣмъ раздался оглушительный гулъ; кричали повторительно:—саду; кричали что есть мочи всѣ, даже тѣ, которые во время произнесенія молитвъ занимались разговорами съ сосѣдами. Послѣ того—какъ только замолкли крики, на третью террасу внесли факелы и стали дѣлать приношенія древу. Въ это время нѣкоторые богомольцы стали обходить древо и раскладывать по алтарямъ цвѣты; одна сторбленная старушенка, вся въ бѣломъ еле-еле передвигавшая ноги обошла всѣ алтари, и кряхтя, и стоная начала подниматься на третью террасу, гдѣ свершались приношенія. На листахъ наложили различныхъ зеренъ и орѣшковъ, на одинъ изъ алтарей положили кусокъ дерева, и поливъ его различными маслянистыми веществами, за тѣмъ зажгли. Какой-то мірянинъ изъ Коломбо принесъ съ собою небольшую стекляночку, должно быть съ очень драгоцѣннымъ масломъ: онъ сильно суетился, обращаясь къ монахамъ и ко многимъ богомольцамъ съ предложеніемъ дорогой влаги; монахи и многіе богомольцы опускали въ пузырекъ маленькія палочки, и зажегши палочки они бросали ихъ на алтарь. Тотъ-же мірянинъ принесъ съ собою кусокъ какой-то бѣлой ткани; ее

туть же разрѣзали и разорвали на небольшіе куски; навязавъ эти куски въ видѣ знаменъ на длинныя палки, обставили ихъ кругомъ ограды. Многіе изъ богомольцевъ, припавъ лбомъ къ оградѣ читали въ полголоса молитвы; другіе молча лежали на землѣ, но большинство стояло, разговаривая другъ съ другомъ.

По окончаніи молитвъ знамена собрали, всѣ разошлись и монахи заперли дѣри, ведущія къ святому древу.

Съ святого древа не позволено срывать листовъ; ежедневно собираютъ опавшіе съ него листья и эти листья считаются также святыми.

3.

Къ сѣверу отъ Rest-house'a находятся развалины пяти ступъ: ближайшая отъ этого пункта и самая значительная по количеству окружающихъ ее построекъ *Золотая* или *Великая* ступа въ мою бытность въ Анурадхапурѣ реставрировалась. На востокъ отъ нея находится Абхаагири, а на сѣверъ: Тхупарамо, Ланкарамо и Жетаванарамо.

Построеніе Золотой или Великой ступы началось за сто шестьдесятъ лѣтъ до Р. X.; строилась она двадцать лѣтъ и затѣмъ въ продолженіи цѣлаго ряда столѣтій различныя цари обстраивали и украшали ступу. Въ XIII ст. Малабарцы разрушили ее (1215).

Когда въ 1874 году работы по реставраціи значительно подвинулись, кругомъ многое было разчищено, самый памятникъ былъ очищенъ и освобожденъ отъ сора и растительности тогда стало возможно съ приблизительною вѣрностью представить себѣ, какъ размѣры самой ступы, такъ и значительность окружающихъ построекъ и украшеній святаго памятника.

Главный входъ къ ступѣ былъ съ востока и для того чтобы достигъ первой вѣршной террасы, на которой подни-

мался куполь имѣвшій въ вышину около двухъ сотъ футовъ нужно было пройти черезъ двое воротъ.

Первые ворота вели на квадратный дворъ, стѣны коего еще сохранились кое-гдѣ напр. съ южной стороны, у воротъ.

Первые восточные ворота покрыты двумя крышами въ китайскомъ стилѣ: верхняя меньшая нѣсколько отступя поднимается надъ нижнею большою. Стѣны покрыты лѣпною работою очень грубою и новою: по обѣимъ сторонамъ изображены *хранители вратъ* (дварапала), а на верхней притолкѣ морское чудовище (макара). Лѣстница ведущая къ этимъ воротамъ украшена также, какъ украшались въ древней Апурадхапурѣ всѣ лѣстницы, т. е. при входѣ стояли два змѣяюноши, а на перилахъ были изображены морскія чудовища.

Пройдя нѣсколько дворомъ поднимаешься на семь ступеней къ вторымъ воротамъ; присутствіе колоннъ съ обѣихъ сторонъ воротъ заставляетъ предполагать, что отъ вторыхъ воротъ былъ крытый ходъ, съ права и съ лѣва были стѣны съ рѣзными изображеніями львовъ, а на право отъ входа стоитъ высѣченная изъ камня (paniyathali) большая чаша.

Далѣе одинадцать ступеней ведутъ на вѣшнюю террасу; кругомъ этой террасы была ограда, остатки которой видны здѣсь, на восточной сторонѣ, она выложена плитами и также какъ вѣшнія стѣны и весь дворъ была квадратною: прямо передъ вторыми воротами стояла небольшая квадратная часовня, имѣвшая около двадцати трехъ аршинъ въ длину и въ ширину. Посреди часовни, на возвышенной платформѣ, къ которой поднимаешься двумя ступенями, стояла статуя Будды. Стѣны этой часовни были покрыты живописью частью выцвѣтшею отъ времени, частью обвалившейся и безслѣдно уничтоженной.

Рядомъ съ этою часовнею, другая поменьше примыкаетъ къ ступѣ. Первая-же часовня стоитъ отступя отъ ступы; отъ

ступы въ эту сторону есть выступъ или алтарь; съ боку этого алтаря сохранилось нѣсколько ступеней, ведущихъ съ вѣшной квадратной террасы на первую террасу—или vedi; таковыя же ступени видны у южнаго входа, и сѣвернаго, за алтаремъ.

Восточные врата сохранившіеся лучше другихъ раздѣляли вѣшнюю террасу на двѣ половины.

Входовъ на вѣшнюю террасу было еще три: съ запада, съ сѣвера и съ юга; но врата съ этихъ сторонъ не сохранились; отъ ступы въ сторону къ вратамъ есть выступы съ нѣсколькими отдѣльно стоящими алтарями; на этихъ алтаряхъ или изображены головы слоновъ, или-же слѣды Будды.

Самая ступа имѣетъ форму купола съ діаметромъ въ 379 футовъ, куполь этотъ былъ поставленъ на трехъ террасахъ, не считая квадратной вѣшной. Какъ вѣшняя квадратная терраса, такъ и остальные концентрическія три были назначены для молитвеннаго обхожденія вокругъ ступы; выступы отъ ступы или алтари передъ ними для принесенія цвѣтовъ, свѣтильниковъ или возліанія благоуханій.

Вершина ступы совершенно обвалилась. О томъ, какъ она была въ древности украшена, въ 1874 г. можно было знать только изъ свидѣтельства хроники.

Самый куполь былъ сложенъ изъ кирпича, плотно выложенъ кирпичемъ, и покрытъ штукатуркою; три концентрическія террасы были покрыты фресками; фрески эти были открыты въ 1874 году при реставраціи памятника и черезъ нѣсколько же дней по открытіи уничтожены невѣжественными рабочими и зрителями за работами. Ступа реставрировалась не умѣло и несомнѣнно о первоначальномъ планѣ, по которому воздвигнуты были окружныя постройки, никто не думалъ; а потому назначеніе множества второстепенныхъ украшеній осталось неразгаданнымъ и этимъ въ высшей

степени роскошнымъ изящнымъ рѣзнымъ работамъ по гранитнымъ плитамъ вѣроятно суждено погибнуть.

А между тѣмъ для археолога именно эти украшения и имѣютъ необыкновенную цѣну; въ его глазахъ они цѣнны не только по тому, что дѣйствительно изящны, но и по тому также, что въ Индіи, кромѣ какъ на Цейлонѣ нѣтъ ничего подобнаго имъ, какъ по рисунку, такъ и по выполнению: таковыхъ камней много около всѣхъ ступъ въ Анурадхапурѣ, но особенно богата ими Золотая ступа и Абхаягирская. Последняя въ мое время еще не вполнѣ была разчищена и о реставраціи ея никто не думалъ.

Махавансо цейлонская хроника сохранила намъ весьма обстоятельное описаніе, какъ построена ступа, такъ плана, по которому она была воздвигнута. Она была воздвигнута внѣ города, къ югу, въ увеселительномъ саду Махамегха. Первоначально на этомъ мѣстѣ было небольшое озеро Какудха; по преданію первый апостоль Цейлона Махинда указалъ на находящейся около озера небольшой холмъ и разъяснилъ, что мѣсто это было посѣщено Буддою и что тутъ воздвигнута будетъ ступа. Царь Деванамъ Пія Тисса воздвигъ на этомъ мѣстѣ столбъ, а на самомъ столбѣ приказалъ вырѣзать пророчество Махинды. Преданіе о посѣщеніи этого мѣста Буддою зналъ и Фасянь, но онъ передаетъ его съ нѣкоторыми вариантами. Будда, говоритъ онъ, пришелъ въ эту страну (т. е. на Цейлонъ) съ желаніемъ обратить злостнаго змѣя. Чудотворно ставъ одною ногою къ сѣверу отъ столицы, другую же ногу опустилъ онъ на вершину горы; между двумя пунктами разстояніе — 15 южанъ. Надъ слѣдомъ къ сѣверу отъ столицы воздвигнута высокая башня, имѣющая въ вышину 470 ф. Она украшена золотомъ и серебромъ и т. д. Такъ какъ далѣе вблизи этой башни онъ помѣщаетъ монастырь Абхаягири, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ разу-

мѣлъ въ этомъ мѣстѣ описанія своего путешествія Золотую ступу. Остается непонятнымъ однако-же, какимъ образомъ онъ могъ описывать Золотую ступу, какъ находящуюся къ сѣверу отъ столицы и въ то же время монастырь Махавихара, находящійся отъ Золотой ступы къ югу, не болѣе какъ въ полуверстѣ, онъ-же помѣщается къ югу отъ столицы въ семи ли?

Во II столѣтїи до Р. Х. царь Гамини началъ построение ступы; на сто локтей въ глубину былъ заложенъ фундаментъ изъ громадныхъ валуновъ, затѣмъ ихъ покрыли слоемъ глины, выложили кирпичами, на которые послѣдовательно положили слой цемента, камни курувинда (?), желѣзные листы и кристаллы, обыкновенные камни, мѣдные листы и серебряные листы.

Въ этомъ описанїи фундамента ступы несомнѣнно есть доля преувеличенія, хотя все, что тотъ-часъ перечислено весьма вѣроятно и было положено въ основаніе: серебрянные, мѣдные и желѣзные листы быть можетъ были только небольшіе пластинки, и слой кристалловъ состоялъ весьма вѣроятно изъ одного куска кристалла, положеннаго въ центрѣ фундамента.

Закладка зданія сопровождалась празднествомъ: до сихъ поръ это повторяется на Цейлонѣ при построенїяхъ ступъ, все равно какъ въ Европѣ при построенїи храмовъ. На празднество сошлись монахи изъ разныхъ мѣстъ, изъ Индіи даже изъ греческаго города *Аласадда*.

Ступу предполагалось воздвигнуть въ формѣ пузыря, на поверхности воды.

Всѣ работы, какъ по перевозкѣ матерьяла, такъ и по постройкѣ должны были оплачены самимъ царемъ; не одна работа не должна была производиться даромъ. Таково было желаніе царя. Извѣстно, однакоже, что не только въ древности но и до 1832 года на Цейлонѣ существовала *царская служба* (ражакарія).

Требовать отправленія этой службы для себя или для пользы государства могъ не только царь, но и всѣ высшія чиновники всѣхъ степеней. Служба эта была народнымъ обычаемъ, освященнымъ вѣками. Царь считался безусловнымъ обладателемъ всей земельной собственности во всемъ царствѣ. Мужчины всякой семьи, владѣющіе землею, обязаны были пятнадцать дней въ году отправлять даромъ царскую службу. Служба эта была не одинакова для людей различныхъ общественныхъ положеній или различныхъ кастъ: землею оплачивался всякій трудъ; солдатъ владѣль землею и за это долженъ былъ служить. Адигарь (министръ), Диссава (областный начальникъ) не получали за свою службу жалованья, а помѣстья. Землею оплачивался также трудъ людей низшихъ кастъ: прачекъ, барабанщиковъ, носителей паланкиновъ, и т. д. На такихъ условіяхъ производились всѣ общественныя работы: за землю жители должны были строить каналы, мосты, проводить дороги и т. п. Отправивъ *царскую службу*, владѣвшій не платилъ затѣмъ никакихъ податей. Хотя по закону *царская служба* должна была продолжаться только пятнадцать дней въ году, но было въ обычаѣ добровольно служить добавочныхъ пятнадцать дней. Въ случаѣ когда правительство злоупотребляло своимъ правомъ на даровой трудъ за пользованіе землею, владѣвшій землею могъ отказаться отъ отправленія ражакарія и тогда онъ долженъ былъ отдать назадъ свою землю. Правомъ этимъ рѣдко пользовались, такъ какъ въ сущности оно равнялось праву умереть голодною смертью; рискъ былъ великъ, такъ какъ смѣльчакъ неминуемо долженъ былъ навлечь на себя гнѣвъ или царя или своего землевладѣтеля.

Гамини не окончили построеніе ступы: при немъ были положены въ особенномъ роскошномъ помѣщеніи мощи, завершенъ куполь, но верхнихъ украшеній, т. е. водрузить *chatti* или зонть онъ не успѣлъ. У восточныхъ воротъ двора ука-

зываютъ на то мѣсто, гдѣ царь Гамини, умирая, простался съ міромъ и каялся въ грѣхахъ передъ лицомъ собравшагося народа.

Черезъ дорогу прямо противъ восточныхъ вратъ находятся дѣйствительно нѣсколько любопытныхъ развалинъ: квадратный фундаментъ, нѣсколько четырехъ-гранныхъ столбовъ, лѣстница съ юга съ двумя изображеніями змѣй-юношей; посрединѣ этой постройки (вѣроятно часовни) стоитъ высѣченный изъ камня алтарь; именно этотъ алтарь и считается народомъ за предсмертное ложе Гамини.

Въ этомъ случаѣ преданіе расходится съ сказаніями мѣстной хроники. Маханансо рассказываетъ, что передъ смертью почувствовавъ упадокъ силъ, Гамини приказалъ принести себя къ южнымъ воротамъ ступы и здѣсь возлежъ: отсюда дѣйствительно онъ могъ видѣть многое изъ содѣяннаго имъ: съ одной стороны не оконченную ступу, съ другой къ югу Мѣдннй дворецъ и святое древо, окруженное монастыремъ. Бурно протекла его жизнь въ удачной борьбѣ съ чужеземными завоевателями; побѣдивъ и изгнавъ чужеземцевъ, онъ построилъ множество храмовъ и подъ конецъ жизни приобрѣлъ славу благочестиваго царя. Вокругъ него собрался народъ, считавшій царя избавителемъ отъ чужеземнаго ига, и пришли монахи; число ихъ должно было быть значительно, судя по оставшимся до нынѣ развалинамъ монастырей. Монахи запѣли сообща гимны. Обращаясь къ одному изъ монаховъ, своему бывшему боевому товарищу, царь сказалъ:

— Въ былое время вмѣстѣ съ тобою я воевалъ, а теперь одинъ на одинъ вступаю въ битву со смертью. И не одолѣть мнѣ врага!

Монахъ напомнилъ ему изрѣченіе Великаго учителя о невѣчности всего сущаго и закончилъ свою рѣчь такъ: „Вспомни о всемъ добрѣ содѣянномъ тобою, и да будетъ тебѣ благо!“

— Ты поддерживаешь меня и въ этой битвѣ со смертью! отвѣчалъ ему царь и приказалъ принести *книгу* своихъ *дѣланій*. Въ этой книгѣ были записаны всѣ дѣла царя; принесли книгу и стали ее читать, но царь вскорѣ прервалъ чтеніе и разсказалъ самъ всю свою жизнь.

Своему наслѣднику младшему брату Тиссѣ онъ завѣщалъ окончить все оставшееся не сдѣланнымъ въ Махаступѣ, утромъ и вечеромъ свершать приношеніе цвѣтовъ и трижды въ день обходить кругомъ ступы съ музыкою.

Какъ только царь окончилъ свою рѣчь, монахи запѣли гимнъ. Взирая на ступу царь умеръ, и духъ его, облекшись въ видимую форму, предъ глазами всего народа въ колесницѣ поднялся на небо.

Святая ступа и по смерти этого царя украшалась: его непосредственный наслѣдникъ воздвигъ на верхушкѣ зонтикъ и окружилъ ступу стѣною съ изображеніями слоновъ. Таковыя изображенія до сихъ поръ видны кругомъ внѣшней террасы.

Въ I столѣтіи до Р. Х. при его наслѣдникахъ кругомъ ступы были сдѣланы каменные алтари для приношенія цвѣтовъ, и вокругъ ступы стѣнами былъ обнесенъ квадратный дворъ. У южныхъ вратъ ступы до сихъ поръ показываютъ статую царя Бхатія. Говорятъ этотъ царь (царствовалъ около начала нашей эры) однажды принесъ въ жертву ступѣ столько цвѣтовъ, что весь памятникъ съ верхними украшеніями былъ покрытъ ими; въ то время когда свершалось это щедрое приношеніе до слуха царя донеслось пѣніе изъ того мѣста, гдѣ были зарыты святыя мощи. Бхатія пожелалъ проникнуть внутрь ступы, онъ отказался отъ пищи и постясь, лежалъ передъ святымъ памятникомъ. Монахи открыли ему тайный входъ и привели его къ тому мѣсту, гдѣ возлежали святыя мощи. Блескъ и великолѣпіе; видѣнное имъ царь при-

казаль изобразить на картинѣ, передъ которою онъ возжигаль свѣтильники и дѣлаль педрыя приношенія.

Послѣдующія цари украшали также Великую ступу. Фасянь видѣвший ее въ V ст. нашель, какъ самый памятникъ, такъ и зданія кругомъ въ полномъ процвѣтаніи. Позднѣйшая исторія всѣхъ памятниковъ въ Анурадхапурѣ пока еще неизвѣстна; мы знаемъ только, что въ XIII ст. Великая ступа была разрушена малабарцами.

4.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ Золотой ступы находятся два подобныхъ-же памятника: къ востоку оттуда Абхаягири, а на сѣверъ Тхупарама.

Абхаягирская ступа и монастырь были выстроены за 89 лѣтъ до Р. Х. или двѣсти семнадцать лѣтъ спустя по построеніи Великаго монастыря, или монастыря Святаго древа. Между монахами двухъ монастырей не было особеннаго ладу: выше было рассказано, о гоненіяхъ, которымъ подвергался Великій монастырь, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Абхаягирскій украсился на счетъ своего соперника. Фасянь, видѣвший Абхаягирскій монастырь въ блестящій періодъ его существованія говоритъ, что въ этомъ монастырѣ было пять тысячъ монаховъ. Сюанъ-цзанъ-же описываетъ ученость и высокую нравственность монастырской братіи. Онъ говоритъ о монахахъ: они изучали Хинаяну и Махаяну, много объясняли св. слово. Монахи и послушники вели жизнь высокой святости: тѣ и другіе отличались разумностью и просвѣщеніемъ. Ихъ прекрасное поведеніе могло быть поставлено въ примѣръ. Держали они себя важно и величественно.

Во время Фасяня около Абхаягирской ступы находилась часовня, въ которой стояла яшмовая статуя Будды, имѣвшая въ высоту около двадцати двухъ футовъ. Она была роскошно

украшена различными драгоценностями и въ ея правой рукѣ былъ вставленъ драгоценный камень высокой цѣны. Около же этой часовни находилось и св. дерево, вывезенное изъ Индии. По словамъ Фасяня оно имѣло двѣсти-двадцать футовъ въ вышину; подъ нимъ была построена часовня съ фигурою Будды созерцающаго. Монахи и міряне почитали и молились этой статуѣ безпрерывно.

Абхаягирскую ступу ясно можно видѣть стоя на внѣшней террасѣ Золотой ступы; она стоитъ на востокъ отъ послѣдней среди почти сплошнаго лѣса. По преданію эта ступа имѣла въ вышину четыреста пять футовъ. Въ настоящемъ видѣ она имѣетъ болѣе двухсотъ футовъ въ вышину; внѣшнія стѣны простираются на $1\frac{3}{4}$ мили. Какъ самая ступа, такъ и все кругомъ покрыто густою растительностью; деревья растутъ по террасамъ, по куполу и на самой верхушкѣ.

Отъ Золотой ступы по направленію къ Абхаягирской протоптана тропинка. Между двумя ступами, поближе къ Абхаягирской, когда то протекала рѣка, русло которой до сихъ поръ ясно видно.

Недоходя рѣки, отъ тропинки, идущей къ Абхаягирской ступѣ, отдѣляется боковая дорожка въ лѣво къ ступѣ Саялачетія, выстроенной одновременно съ Абхаягирской. Ступа очень невелика и совершенно разрушилась; невысокій памятникъ совершенно спрятанъ въ лѣсной чащѣ. Съ южной стороны сохранились однакоже ступеньки, ведшія на внѣшнюю террасу.

Судя по тому, что видимо въ настоящее время около Абхаягирской ступы, можно предположить, что она выстроена была по тому-же плану какъ и Золотая. Подходя къ ступѣ съ запада находишь нѣсколько ступеней; здѣсь вѣроятно были въ древности первые врата. Затѣмъ черезъ нѣкоторое пространство начинается лѣстница на внѣшнюю террасу; девятнадцать сту-

пеней вели сюда; лѣстница была выстроена съ уступомъ; присутствіе колоннъ на уступѣ заставляетъ предполагать, что она была по всей вѣроятности или крытою или же на первомъ уступѣ устроена была часовня.

Съ четырехъ сторонъ ступы есть также выступы и рядомъ другіе алтари.

Рѣзныя украшенія вокругъ ступы по рисунку отличаются нѣсколько отъ подобныхъ-же украшеній Золотой ступы; ихъ вообще не такъ много, какъ около послѣдней, но по всей вѣроятности много еще можно отыскать кругомъ въ лѣсу.

Слѣдовъ окружныхъ построекъ вокругъ ступы въ бытность мою въ Анурадхапурѣ не было отыскано, главнымъ образомъ потому что никто ихъ тутъ въ густомъ лѣсу не искалъ.

Тхупарама лежитъ на сѣверъ отъ Золотой ступы; тропинка ведущая отъ одной ступы къ другой пролегаетъ полемъ среди небольшихъ кустарниковъ и разнообразныхъ остатковъ, отъ нѣкогда стоявшихъ здѣсь зданій: здѣсь виднѣются низверженные колонны, гранитныя ступени съ рѣзбою, громадныя плиты и т. п.

Тхупарамская ступа нынѣ отдѣлана вновь; т. е. куполь возобновленъ, заново оштукатуренъ и на верхушкѣ красуется новый мѣдный шницъ; съ западной стороны верхушки, подъ шницомъ есть изображеніе солнца. Террасы, колонны и развалины кругомъ остались не тронутыми.

Развалинъ кругомъ очень много около ступы, главнымъ образомъ это остатки нѣкогда стоявшихъ здѣсь храмовъ, часовень, зданій проповѣди и т. д.

Главный входъ въ бывшій тхупарамскій монастырь былъ съ востока; монастырь стоялъ по свидѣтельству хроники за южными воротами древней столицы; дорога изъ города вѣроятно шла приблизительно по тому-же направленію, по которому въ настоящее время идетъ дорога отъ святаго древа въ

Метаванской ступѣ, т. е. между ступами Ланкарама, Тхупарама и Золотой съ западной стороны и абхадгирскимъ монастыремъ вмѣстѣ съ небольшою каменною ступою (Сайлачетія) съ восточной стороны; съ этой дороги сворачивали богомольцы на право и на лѣво къ главнымъ святынямъ, между которыми тянулись тѣнистые сады, съ часовнями, храмами второстепенной святости.

Входъ въ то пространство, гдѣ разсыяны развалины бывшаго тхупарамскаго монастыря отмѣченъ двумя пунктами: къ сѣверу указываютъ на могилу святой Сангхамитты, къ югу на развалины храма св. Зуба. Небольшая насыпь съ нѣсколькими поверженными колоннами. и разукрашенными рѣзбою ступенями не составляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ сѣверу отъ восточныхъ воротъ была какая-то постройка: можетъ быть ступа или-же часовня, такъ какъ колонны и ступени могди принадлежать, какъ тому, такъ и другому вооруженію.

Мѣстное преданіе, называя это мѣсто могилею Сангхамитты въ этомъ случаѣ расходится лишь въ второстепенныхъ подробностяхъ съ извѣстіями цейлонской хроники.

Махавансо рассказываетъ, что святая Сангхамитта сестра святаго Махинды умерла послѣ брата, въ 259 г. до Р. Х. Тѣло ея было принесено на востокъ отъ Тхупарамской ступы, въ то мѣсто гдѣ тогда стояло зданіе, называвшееся Читтасала или Пестрое зданіе и по близости къ святому дереву, находившемуся также около Тхупарамской ступы. Здѣсь въ близости святаго древа тѣло было предано сожженію, и царь Уттію надъ пепломъ воздвигъ ступу.

Разсматривая и взвѣсивая эти извѣстія, приходишь къ заключенію, что мѣстное преданіе о могилѣ Сангхамитты, имѣетъ за собою много вѣроятія; относительно втораго пункта, именно храма св. Зуба, оно сообщаетъ прямо противоположное извѣстіямъ цейлонскихъ хроникъ.

То что нынѣ называется храмомъ св. Зуба дѣйствительно есть остатки храма.

Храмъ этотъ былъ не великъ, судя по сохранившемуся фундаменту; на мѣстѣ удержалось отъ него немного: поднявшись на шесть ступень вступаешь въ предверье или въ внѣшнюю часть храма; отъ входа на право и на лѣво стоятъ два ряда колоннъ по шести въ каждой. На право отъ входа стоитъ raniyathali. Во второй половинѣ храма стоятъ такія-же ряды колоннъ. Кромѣ этихъ столбовъ разбросаны общія всѣмъ анурадхапурскимъ постройкамъ украшенія: рѣзною работою украшенныя ступени; перилы лѣстницы, съ изображеніями морскихъ чудовищъ, змѣи-юноши, стоявшіе у входа на лѣстницѣ и т. д.

Св. Зубъ былъ привезенъ въ Анурадхапуру изъ Индіи, въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. при царѣ Мегхаваннѣ, который по словамъ Махавансы помѣстилъ его въ зданіи выстроенномъ еще въ III ст. до Р. Х. и называвшемся Дхаммачакка. О томъ гдѣ стояло это зданіе хроника ничего не сообщаетъ. Тотъ-же царь, читаемъ въ ней, учредилъ празднество въ честь св. мощей и торжественный ходъ съ мощами въ Абхьягирскій монастырь. Спеціальная исторія св. Зуба рассказываетъ, что когда св. мощи были принесены въ Анурадхапуру, царь не зналъ куда ихъ помѣстить и собралъ на совѣтъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей. Монахи стали на перерывъ восхвалять свои монастыри. Царь не отвергъ ни одного предложенія и не принялъ ни одного; онъ рѣшилъ, что сами св. мощи выберутъ себѣ мѣсто пребыванія.

Отданъ былъ приказъ украсить городъ и дороги; вымели улицы, полили ихъ, усыпали пескомъ, воздвигли во многихъ мѣстахъ торжественныя арки, на домахъ развѣсили флаги; въ разныхъ мѣстахъ разставили временныя павильоны. Народъ собрался разряженный въ праздничныхъ одѣяніяхъ; многие

пришли съ цвѣтами; другіе принесли съ собою благоухающаго порошку; нѣкоторые несли въ рукахъ зонтики.

Поставили св. мощи на колесницу, запряженную бѣлыми конями. Двинулись кони никѣмъ не сдерживаемые и не управляемые. Городъ, по словамъ хроники, уподобился бушующему океану; въ воздухѣ носились крики необозримой толпы, ржаніе коней, барабанный бой и ревъ слоновъ. Женщины срывали съ себя золотыя украшенія и приносили ихъ въ жертву св. мощамъ, усыпали цвѣтами улицу и махали своими одѣянїями. Сопровождаемая такою толпою колесница приблизилась къ восточнымъ городскимъ воротамъ. Тутъ народъ сталъ опять чествовать св. мощи. За тѣмъ колесница обошла кругомъ всего города и окончательно остановилась у сѣверныхъ воротъ, т. е. въ такомъ мѣстѣ Анурадхапуры, которое еще не отыскано, такъ какъ намъ извѣстны пока южныя окрестности города. Хроника не говоритъ гдѣ именно, въ какомъ зданїи были помѣщены св. мощи; Фасянь видѣлъ часовню св. Зуба и рассказываетъ, что она была выстроена въ самой столицѣ; Сюанъ-цзанъ прибавляетъ къ этому, что часовня св. Зуба стояла около дворца; часовня имѣла въ вышину нѣсколько сотъ футовъ и была украшена различными драгоценностями; на ней былъ воздвигнутъ шпїцъ съ драгоценнымъ рубиномъ. Царь, говоритъ китайскій путешественникъ, три раза въ день омываетъ св. зубъ; онъ или орошаетъ его благоуханною водою, или возжигаетъ передъ нимъ благоуханный порошокъ. Всѣ эти свидѣтельства единогласно указываютъ, что храмъ св. Зуба не стоялъ въ четвертомъ, пятомъ и седьмомъ столѣтїи около Тхупарамской ступы; трудно предположить, чтобы этотъ храмъ былъ выстроенъ позднѣе, такъ какъ въ VIII вѣкѣ столицею Цейлона сталъ городъ Полланарра, гдѣ также есть развалины храма св. Зуба; а потому

нужно признать, что въ данномъ случаѣ мѣстное преданіе сомнительной вѣрности.

Около Тхупарамской ступы есть нѣсколько развалинъ очень схожихъ съ сейчасъ описанною; можетъ быть въ одной изъ нихъ нужно искать остатки *зданія* для принесенія исповѣди, каковое зданіе было воздвигнуто здѣсь около начала нашей эры.

Тхупарамская ступа была воздвигнута въ III ст. до Р. Х.; по общему плану она отличается какъ отъ абхазгирской, такъ и отъ Золотой ступы. Она имѣетъ видъ колокола и не высока: около семидесяти футовъ въ вышину и столько же футовъ въ діаметръ. Ступа была воздвигнута на возвышенной платформѣ и окружена тремя рядами колоннъ, расходящихся радіусами отъ купола, какъ отъ центра. Внутренній рядъ находится въ разстояніи двухъ футовъ отъ купола; между первымъ и вторымъ десять; между вторымъ и третьимъ столько же футовъ; въ вышину колонны имѣютъ двадцать шесть футовъ; при основаніи (9 ф.) онѣ четырехгранныя; выше до капители осьмигранныя. Капитель украшена роскошною рѣзбою.

На платформу поднимается по лѣстницѣ: 12 ступеней до первой площадки, за тѣмъ двѣ ступени и площадка; 6 послѣднихъ ступеней приводятъ на платформу гдѣ стоитъ ступа. Самый куполь ступы былъ поставленъ на террасѣ, имѣвшей около девяти футовъ въ вышину и предназначенной для молитвеннаго обхожденія вокругъ ступъ. Молитвенное обхожденіе по верхней террасѣ свершается богомольцами понынѣ. Платформа была выложена плитами; на одной изъ этихъ плитъ у самага восточнаго входа сохранились нѣсколько буквъ отъ древней (судя по очертанію литеръ) надписи. Слѣдуя по платформѣ на юго-западъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго входа можно различить остатки какой-то постройки; ибо здѣсь сохранились ступени, и лежитъ изображеніе морскаго чудовища, служившее вмѣсто перилъ для лѣстницы.

Ступа эта была воздвигнута надъ мощами Будды.

Она до нынѣ болѣе посѣщается нежели отдаленныя; на-примѣръ, Жетаванская, по этому вѣроятно она и была отчасти возобновлена, но за всѣмъ тѣмъ очень много древняго еще можно найти здѣсь, произведя правильно раскопки, и разчистивъ ближайшее къ платформѣ пространство; въ бытность мою въ Анурадхапурѣ высокія пальмиры росли у самой платформы; ползучія растенія, колючія кустарники виднѣлись всюду кругомъ, между развалинами, они росли въ трещинахъ плитъ, обвивали колонны. Эта тропическая роскошная растительность, придавая такую красоту окружающему пейзажу, во многомъ способствуетъ однакоже разрушенію старыхъ построекъ.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Тхупарамской находятся двѣ ступы: ближайшая возвышается на с.-з., въ лѣсной чащѣ и называется Ланкарама; она была выстроена гораздо позднѣе Тхупарамской и, очевидно, по образцу послѣдней; отличаясь отъ Тхупарама нѣсколько по своей формѣ, новѣйшая ступа поставлена гораздо ниже старѣйшей и хотя подобно Тхупарамской была окружена рядами колоннъ, но не производитъ того же впечатлѣнія красоты и нетяжеловѣсности, какъ древнѣйшая ступа Анурадхапуры. На верху ступы я замѣтилъ изображеніе солнечнаго диска. Съ запада и съ с.-з. куполь совершенно обвалился.

Жетаванская ступа есть крайняя ступа на сѣверъ отъ теперешняго города Анурадхапуры. Это самый отдаленный пунктъ въ окрестностяхъ Анурадхапуры. Далѣе лѣсъ въ 1874 году не былъ изслѣдованъ и туземцы увѣряли, что тамъ ничего нѣтъ. Жетаванская ступа дѣйствительно стоитъ въ самой глухой части окрестностей. Ступу выстроилъ царь Махасена (IV ст. по Р. Х.), тотъ самый который воздвигъ голеніе на монаховъ Махавихары; онъ выстроилъ этотъ гигантскій памятникъ въ

саду Жоти, принадлежавшемъ Махавихарѣ и имъ же отнятомъ отъ монастыря. Ступа имѣла четверо вратъ или двара мандапа. Ея внѣшняя терраса была выложена гранитными плитами. У вратъ стоятъ два рѣзныхъ изображенія Бхаиравы, каковыя изображенія не встрѣчаются около другихъ ступъ. По террасѣ разставлено нѣсколько алтарей разной формы, круглыхъ и квадратныхъ. Кругомъ въ лѣсу валяется нѣсколько осколковъ какихъ-то статуй: монахъ, сопутствовавшій мнѣ къ Жетаванской ступѣ, указывалъ *ноги* царя Махасены и станъ его царицы. Жетаванская ступа имѣетъ въ поперечникѣ триста шестьдесятъ футовъ, а въ вышину двѣсти сорокъ девять футовъ. По расчету сэра Е. Теннента, для того, чтобы сложить эту массу кирпичей, при современныхъ усовершенствованіяхъ строительнаго искусства, нужно имѣть пятьсотъ рабочихъ, въ продолженіи шести или семи лѣтъ и истратить около милліона фунтовъ стерлинговъ. Въ этой ступѣ собрано столько матерьялу, сколько потребовалось бы для построенія стѣны въ одинъ футъ толщины и десяти футовъ въ вышину, отъ Лондона до Эдинбурга.

Кромѣ тѣхъ святынь о которыхъ было говорено выше, въ разныхъ мѣстахъ анурадхапурскихъ окрестностей разсѣяны развалины особаго рода построекъ, различной величины, но сходныхъ какъ по плану, такъ и по орнаментациі. Назначеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ построекъ загадочно; другія, судя по окружнымъ развалинамъ, должны были быть мѣстами жилыми, можетъ быть дворцами, за таковыя ихъ считаетъ мѣстное преданіе. Самая значительная изъ таковыхъ развалинъ находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Жетаванской ступы, на юго-западъ.

Отъ озера Буланкуламъ къ этимъ развалинамъ ведетъ тропинка лѣсомъ, слѣдуя по ней въ сѣверо-восточномъ направленіи, проходишь мимо другихъ мелкихъ развалинъ: два грота

или пещеры монаховъ, фундаментъ какой-то постройки. Монахъ, шедшій со мною назвалъ пещеры: Намгуттхаванка паривена, т. е. кельями кривыми въ хвостѣ. Но дальнѣйшихъ объясненій этого страннаго названія онъ не могъ дать; вторую развалину онъ назвалъ домомъ Ратанапалы, неизвѣстно когда жившаго монаха.

Въ одномъ мѣстѣ по той же дорогѣ стоитъ громадная фигура Будды, еще далѣе проходишь мимо ряда столбовъ. Затѣмъ начинаются развалины, названныя монахомъ дворцемъ царя Махасены, того самого, который выстроилъ Жетаванскую ступу и разрушилъ Махавихарскій монастырь.

Развалины эти состоятъ изъ трехъ павильоновъ и *хаттхисала*, конюшни слоновъ. Изъ павильоновъ среднй самый большой; по обѣимъ сторонамъ находятся павильоны поменьше; всѣ три выстроены по одному образцу: восемь ступеней ведутъ на платформу, окруженную рядомъ колоннъ. Ступени покрыты изысканною рѣзною орнаментаціею; фигура карлика Кибиссо—раздѣляетъ каждую ступень на двѣ панели, края ступень украшены гирляндю листьевъ. Перила изукрашены рѣзными изображеніями львовъ и макара, т. е. морскаго чудовища. У входа съ обѣихъ сторонъ стоятъ два изображенія жадатхаровъ, т. е. фигуръ съ змѣиными хоботами на головѣ. Передъ лѣстницею лежитъ гранитный полукругъ, извѣстный у мѣстныхъ англичанъ подъ именемъ moon-stone. Такихъ полукруговъ въ Анурадхапурѣ многое множество, они попадаются въ Полланарурѣ и даже около Бинтенны; но самые изящныя по рисунку и выполненію полукруги сохранились въ Анурадхапурѣ; здѣсь безъ нихъ не обходилась ни одна лѣстница. Полукруги эти встрѣчаются различной величины; сообразно съ длиною ступень, передъ которыми они находятся. Рисунокъ вырѣзанный на нихъ очень красивъ: внутри полукольца разнообразной орнаментаціи изображены: слонъ, левъ, конь и

быкъ; слѣдующее полукольцо состоитъ изъ пестрой орнаментовки, затѣмъ рядъ птицъ, отдѣляющійся отъ центра полукольцемъ изъ цвѣтовъ лотуса. Въ центрѣ находится дискъ, окруженный листьями лотуса. Хатхисала состоитъ изъ нѣсколькихъ громадныхъ монолитовъ, къ которымъ привязывались слоны. Рядомъ съ этими столбами показываютъ два *нолла* или корыта выдобленные изъ гранита; большое изъ нихъ имѣетъ въ длину 63 фута, второе значительно меньше.

Подобныя же развалины сохранились по дорогѣ въ Ариппо, въ разстояніи около двухъ съ половиною миль отъ Resthous'a къ западу. Развалины эти также точно расположены въ глухомъ и малопосѣщаемомъ лѣсу, и сохранились гораздо лучше сейчасъ упомянутыхъ. Въ этомъ мѣстѣ павильонъ былъ обнесенъ кругомъ стѣнами, внутрь которыхъ вели ворота или двара-мандапа. Двара-мандапа состояла изъ осьми столбовъ, по четыре столба съ двухъ сторонъ; съ каждой стороны четыре столба размѣщены были въ квадратъ: каждые два соединены перекладиною, а на перекладинахъ лежали гранитныя плиты. Такимъ образомъ на дворъ были три входа, одинъ срединный, болѣе широкой, и два узкихъ входа по обѣимъ его сторонамъ между двухъ колоннъ справа и съ лѣва.

На дворѣ возвышался самый павильонъ, отъ котораго осталась теперь возвышенная платформа съ нѣсколькими колоннами. Павильонъ состоялъ изъ двухъ залъ одинаковой величины; между ними шелъ корридоръ, отмѣченный нынѣ двумя столбами; первоначально же ихъ было четыре, по два съ каждой стороны. Весь павильонъ и корридоръ былъ вымощенъ громадными гранитными плитами. Лѣстница, ведшая въ павильонъ, была построена и орнаментирована въ томъ же стилѣ, какъ и въ такъ называемомъ дворцѣ Махасены.

Въ оградѣ, кромѣ еще одного павильона меньшихъ размѣровъ, находился искусственный бассейнъ: сохранилась лѣст-

ница, по которой спускались къ уровню воды, а на одномъ уровнѣ съ павильономъ, въ наружной стѣнѣ, окружавшей дворъ сохранился искусственный гротъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ этихъ развалинъ въ окружномъ лѣсу разсѣяно нѣсколько совершенно подобныхъ павильоновъ или платформъ съ колонами; орнаментировка въ нихъ также роскошна и изобильна: тонкая же разнообразная рѣзьба на перилахъ, колоннахъ и карнизахъ; всюду, кругомъ, видѣются изящныя очертанія цвѣтовъ, коней, слоновъ, фламинговъ, и т. д. У каждаго павильона былъ искусственный прудъ.

По мѣстному преданію павильоны эти суть остатки дворцевъ. Рассказываютъ, что царь Гамини, построившій Золотую ступу, выстроилъ у четырехъ воротъ города, по дворцу для своего любимаго сына Сали. Принцъ Сали, также, какъ и его отецъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ цейлонскаго древняго эпоса.

Съ однимъ изъ его дворцовъ соединена легенда о такомъ происшествіи: однажды, на охотѣ царевичъ встрѣтилъ дѣвушку низшей касты. Она явилась ему среди самой поэтической обстановки, въ чащѣ деревъ, среди цвѣтовъ. Пораженный ея красотою, Сали остановился, недоумѣвая о томъ, кто это, видѣніе или живое существо? Звучными стихами воспѣлъ какой-то неизвѣстный поэтъ эту встрѣчу; царевичъ говоритъ: богиня ты? или смертная? Откуда ты явилась? и кто ты? И затѣмъ потокомъ полились восточныя метафоры, описывающія ея красоту. Дѣвушка, однакоже, знала, что видитъ предъ собою царевича, и въ отвѣтъ на его восторженную рѣчь скромно объявила, что она принадлежитъ къ кастѣ чандаловъ, къ одной изъ самыхъ низшихъ кастъ, которой въ городѣ былъ отведенъ отдѣльный кварталъ для жизни. Но обаяніе ея красоты было такъ сильно, что, несмотря на это признаніе, царевичъ тутъ же рѣшился жениться на ней. „Не покинетъ

человѣкъ,—говорить онъ,—дорогого перла, хотя бы и найденнаго въ грязи! Прекрасную дѣву, съ рѣчью пріятною, бери даже изъ низшей семьи!“ Но не такъ смотрѣлъ на это царь и весь городъ съ нимъ. Какъ только вѣсть о походе царевича пронеслась по городу и дошла до царя, произошла скандалъ. Ни увѣщанія, ни угрозы, ничто не помогло, царевичъ настоялъ на своемъ, женился на дочери чандала. Долго и счастливо онъ жилъ съ нею, владѣя дворцами и творя добрыя дѣла.

5.

Кромѣ монастыря св. Древа къ югу отъ Rest-hous'a находятся слѣдующія значительнѣйшія развалины: 1) мѣдный дворецъ, 2) монастырь Вессагири, 3) храмъ Иссараманако, 4) Маричхаваттійская ступа и 5) гробъ Елалы.

За исключеніемъ Мѣднаго дворца, находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ Rest-hous'a, остальные развалины лежатъ въ нѣкоторомъ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отсюда; вблизи же въ какую сторону не пойдешь, непременно найдешь какой нибудь остатокъ древняго города: высохшія бассейны, фундаменты загадочныхъ зданій, колонны, крыльца и т. д.

Мѣдный дворецъ былъ первоначально выстроенъ въ концѣ IV ст. до Р. X.; во II ст. до Р. X. царь Гамини расширилъ и увеличилъ его: описаніе его сохранилось въ Махавансѣ.

Зданіе это было одинаковыхъ размѣровъ въ длину, ширину и высоту; двѣсти двадцать пять футовъ считалось во всѣ стороны. Высота дѣлилась на десять этажей.

Въ каждомъ этажѣ было по сту покоевъ и во всемъ дворцѣ было до тысячи спаленъ. Въ срединѣ дворца находился павильонъ поддерживаемый золотыми колоннами съ изображеніями львовъ, другихъ звѣрей и боговъ; вокругъ колоннъ фестонами висѣли нитки жемчуга, а по срединѣ стоялъ тронъ изъ сло-

новой кости, украшенный золотыми и серебряными изображениями солнца, луны и звѣзд; на тронѣ положенъ былъ вѣрѣ изъ слоновой кости, а на подножной скамьѣ жемчужомъ расшитыя туфли. Бѣлый зонтикъ высился надъ трономъ. Въ покояхъ находились другія ложа и сѣдалища, по полу были разосланы драгоцѣнныя ткани.

Дворецъ былъ обитъ мѣдными листами, отчего и сталъ называться *мѣднымъ*. Выстроенъ онъ былъ для монаховъ Махавихары или монастыря св. Древа; монахи жили по всѣмъ этажамъ: въ нижнемъ помѣщались наименѣе святые и неученые; во второмъ этажѣ жили тѣ, которые изучили все св. писаніе; въ остальныхъ этажахъ отличавшіеся особенно святостью жизни, и при томъ въ четырехъ послѣднихъ могли жить только арханы, т. е. монахи достигшіе конечной степени святости. При слѣдующемъ царѣ зданіе превратилось въ семиэтажное; въ I столѣтіи до Р. Х. около Мѣднаго дворца по словамъ хроники были выстроены тридцать два различныхъ зданія. Въ III ст. по Р. Х. Мѣдный дворецъ былъ только пятиэтажей; но въ томъ же столѣтіи его перестроили и надстроили еще два этажа. Въ этомъ столѣтіи здѣсь во владѣніи у монаховъ находилась жемчужина необыкновенно высокой цѣны. Въ концѣ III ст. Мѣдный дворецъ былъ разрушенъ и хотя въ началѣ слѣдующаго столѣтія опять былъ возобновленъ, но уже въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшимъ блескомъ.

Отъ Мѣднаго дворца въ настоящее время сохранилось тысяча шестьсотъ столбовъ; они четырехгранные, выточены изъ гранита и имѣютъ въ вышину около 12 ф.; разстояніе между каждыми двумя столбами около 6 ф., они покрываютъ пространство имѣющее въ каждой изъ четырехъ сторонъ отъ 250 до 260 ф. Вся масса этихъ столбовъ вѣроятно имѣла назначеніе поддерживать многоэтажное зданіе.

Говорятъ, по сіе время иногда монахи Великаго монастыря свержаютъ здѣсь, среди столбовъ бывшаго Мѣднаго дворца, упошатху или обрядъ всеобщей исповѣди. Я этого не видѣлъ, такъ какъ въ мое время въ Великому монастырѣ было только два монаха.

Развалины монастыря Вессагири и храма Иссарасаманаго лежать къ Ю.-В. отъ Rest-hous'a въ сторонѣ отъ Курунегальской дорогѣ въ лѣсной чащѣ.

Монастырь Вессагири по словамъ цейлонской хроники былъ выстроенъ еще въ III ст. до Р. X. Объ его исторіи намъ ничего неизвѣстно и монастырь въ настоящее время любопытенъ по сохранившимся на скалахъ надписямъ. Всѣ надписи безъ датъ, но писаны древнѣйшею индійскою азбукою.

Пройдя нѣсколько болѣе мили по дорогѣ въ Курунегалу и свернувъ налѣво, подходилъ къ гранитнымъ скаламъ. Три громадныя скалы стоятъ рядомъ, четвертая нѣсколько выступа. Подъ каждую скалою, съ востока и запада находятся естественныя пещеры; скалы представляютъ нѣкоторый навѣсъ, подъ которымъ легко укрыться отъ дождя. Но естественныя пещеры вѣроятно были обращены въ искусственныя постройки. Теперь Вессагири—глухое мѣсто; кругомъ тянется мелкій лѣсъ. Дичь страшная, и подъ вечеръ здѣсь раздается неумолкаемый лай обезьянъ. Съ востока былъ главный ходъ, ибо тутъ видны, на землѣ, изъ гранита высѣченныя притолки двери, ступени, нѣсколько колоннъ и пр. Все это просто, безъ всякихъ рѣзныхъ украшеній, тогда какъ въ теперешнемъ городѣ, Анурадхапурѣ, на всѣхъ остаткахъ зданія видны украшенія въ изобиліи. Здѣсь около семи надписей, онѣ сохранили намъ имена строителей гротовъ. Естественный гротъ или былъ обращенъ въ домъ посредствомъ наружной кирпичной стѣны, нынѣ цогибшей, или же, что еще болѣе вѣроятно, гротъ не имѣлъ четвертой стѣны. Скромная келейка, съ тремя стѣнами и

крышею, укрывала монаха отъ дождя и вѣтра. Здѣсь онъ могъ предаваться изученію писанія или созерцанію. Не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ большей части случаевъ, изъ гротовъ открывается широкой видъ на окрестности кругомъ; а на Цейлонѣ, всюду мѣръ Божій прекрасенъ. У монаховъ, какъ будто, въ сильной степени было развито чувство красоты природы. Они выбирали для своихъ монастырей мѣста уединенныя, на горахъ, устраивали кельи подъ навѣсомъ скалъ; отсюда, въ тиши, предъ ними раскрывались во всей роскоши картины тропической природы. Укрытые отъ полуденнаго зноя въ прохладной внутренности пещеры, они могли видѣть на миля кругомъ во всѣ стороны разнообразныя пейзажи, одинъ прекраснѣе другого. Удивительно, что среди такой обстановки на Цейлонѣ не развилась описательная поэзія. Образцы здѣшней описательной поэзіи или не оригинальны, слабыя подражанія санскритскимъ произведеніямъ, или полны риторическихихъ, условныхъ, утомительныхъ и совершенно ложныхъ выраженій.

Иссарасаманако былъ выстроенъ одновременно съ монастыремъ Вессагири; его исторія и окончательное разрушеніе также неизвѣстны; храмъ этотъ особенно любопытенъ тѣми барельефами, которые покрываютъ стѣны ведущихъ къ нему террасъ. Храмъ высѣченъ въ скалъ. Главный фасадъ и входъ въ храмъ обращены на востокъ; съ противоположной стороны скалы эти совершенно голы.

Остатки значительныхъ построекъ видны кругомъ въ лѣсу и по обѣимъ сторонамъ дороги идущей къ храму. Самый храмъ былъ обнесенъ кирпичною стѣною.

Высокая, но пологая лѣстница вела къ храму: шесть ступеней къ первой террасѣ, пять ко второй и семь къ третьей и послѣдней, съ которой былъ входъ въ искусственную пещеру, гдѣ находится сидящая фигура Будды, погружен-

наго въ созерцаніе. Притолки двери орнаментированы; особенно любопытно надъ дверью, въ медальонѣ изображеніе Будды между двухъ слоновъ съ поднятыми хоботами. Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать легенды о крещеніи Будды. Передъ дверью сохранилось по четыре колонны съ двухъ сторонъ.

Весь наружный фасадъ былъ покрытъ барельефами довольно грубой работы. Содержаніемъ многихъ изъ этихъ барельефовъ послужили различные моменты жизни Будды, такъ напр. на второй террасѣ съ лѣва изображены пять фигуръ: одна мужеская и четыре женскихъ. Здѣсь быть можетъ артистъ желалъ представить царевича Сакьясинху, будущаго Будду, забавляющимся въ домѣ отца, съ своими женами. На право отъ двери въ храмъ изображенъ человекъ въ шлемѣ съ конемъ. Тутъ мы видимъ того же царевича, но уже собирающагося покинуть отчій домъ.

Всѣ три террасы были обнесены каменными оградами, на которыхъ также кое-гдѣ сохранились барельефы. На первой террасѣ, на право, былъ прудъ; остальные террасы были выложены гранитными плитами. Лѣстница была орнаментирована въ томъ же стилѣ, въ какомъ разукрашались всѣ мѣстности въ древнихъ памятникахъ Анурадхапуры: на ступеняхъ видны тѣ же карлики, на перилахъ морскія чудовища, по обѣимъ сторонамъ тѣже змѣи-юноши, а передъ входомъ лежитъ полукругъ или лунный камень, о которомъ говорено было выше. Рѣзьба на всемъ этомъ здѣсь однакоже не такъ отчетлива, какъ въ другихъ памятникахъ.

Маричхаватейская ступа и могила Елалы находятся къ югозападу отъ Rest-hous'a. Построеніе обоихъ памятниковъ относится ко времени царя Гамини, о которомъ уже было говорено нѣсколько разъ. На могилѣ Елалы ничего не осталось; это не болѣе какъ высокій курганъ, весь обросшій ку-

старниками. Быть можетъ первоначально на этомъ мѣстѣ стояла ступа; но теперь она обвалилась и разрушилась окончательно; взбираться на самую вершину не представляетъ никакой трудности. Въ недалекомъ разстояніи отсюда стоитъ высокая колонна, отмѣчающая то мѣсто, гдѣ палъ Елала.

Маричхаватійская ступа воздвигнута тѣмъ же царемъ по одержаніи побѣды надъ Малабарцами и по изгнаніи ихъ изъ Цейлона. Елала былъ морской завоеватель, но въ народѣ, не смотря на это и не смотря также на его войны съ популярнымъ царемъ Гамини, о немъ сохранилась самая лучшая память; въ цейлонской хроникѣ записаны рассказы объ его мудрости и великодушій.

Гамини воздвигъ падшему въ бою врагу памятникъ и отмѣтилъ колонною то мѣсто, гдѣ въ послѣдней битвѣ они оба сошлись на поединкѣ. Мимо этой могилы никто, въ старыя годы, не смѣлъ ѣздить верхомъ; всякій проѣзжающій мимо или долженъ былъ спѣшиваться или выходить изъ паланкина. Обычай твердо соблюдался до послѣдняго времени. Рассказываютъ, что въ 1818 г., по усмирении англичанами Кандійскаго возстанія, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ Шиламе-Талаве бѣжалъ въ Анурадхапуру и когда добрался до могилы Елалы, то вышелъ изъ паланкина и не смотря на усталость пошелъ пѣшкомъ. Въ Анурадхапурѣ Англичане его схватили и сослали на Илде-Франсъ.

Маричхаватійская ступа, въ настоящее время, совершенно разрушена и сидно поросла лѣсомъ. Она была обнесена стѣною, остатки которой видны на востокѣ; внутри этой ограды были какія-то зданія, судя по сохранившимся крыльцамъ; кругомъ совершенно обваливагося купола видны алтари и лежатъ колонны; куполь былъ обнесенъ террасою вымощенною плитами, которыя еще уцѣлѣли.

По дорогѣ къ ступѣ проходишь мимо искусственныхъ пе-

щери и другихъ остатковъ неизвѣстныхъ зданій, окруженныхъ небольшими, нынѣ совершенно высохшими бассейнами.

Не малую красу древней Анурадхапуры должны были составлять искусственныя озера; въ древности ихъ было гораздо больше—нежели теперь и тѣ, которыя сохранились до нашихъ дней нѣсколько запущены. Климатъ Анарадхапуры нездоровъ именно въ слѣдствіе недостатка воды; но нѣкоторыя озера, какъ напр. Тиссавева или Буланкуламъ, до сихъ поръ еще значительны и поражаютъ своею красотою. Оба озера также какъ и всѣ прочія, лежатъ въ сторонѣ отъ теперешняго новаго мѣстечка Анурадхапуры, которое само по себѣ можетъ считаться однимъ изъ скучнѣйшихъ и неопрятнѣйшихъ мѣстъ на землѣ.

6.

На востокъ отъ Анурадхапуры въ восьми миляхъ находится мѣстечко Мехинтале; оно расположено въ недалекомъ разстояніи отъ одинокаго холма имѣющаго въ высоту около тысячи футовъ.

Холмъ назывался въ древности Миссаканаббатто, т. е. городъ Миссака, или Четіюпаббатто, т. е. горою Четію. Здѣсь, на вершинѣ этого холма былъ обращенъ въ буддизмъ первый цейлонскій царь Деванамъ-Пія-Тисса и здѣсь-же жилъ и умеръ св. Махинда, возбудившій буддизмъ на Цейлонѣ. На вершинѣ холма были зарыты мощи и весь холмъ отъ подошвы до вершины былъ обращенъ въ одинъ храмъ.

Утромъ 6 октября 1874 года я пріѣхалъ въ Мехинтале Переѣздъ изъ Анурадхапуры сюда не дологъ, но и не особенно приятенъ; во всю дорогу ѣдешь сплошнымъ мелколѣсьемъ; сушь стояла въ этотъ годъ необыкновенная; недостатокъ воды, ощутительный уже въ Анурадхапурѣ, здѣсь въ осьми миляхъ на востокъ давалъ себя чувствовать пренеприятно. За водою

приходилось посылать куда-то мили за полторы, къ какому-то не совсѣмъ пересохшему источнику. И воду эту нельзя было пить, она была непріятна на вкусъ и черна цвѣтомъ. Приносили ее при томъ въ такомъ маломъ количествѣ, что о купаніи нельзя было помышлять.

Rest-house помѣщался въ грязной, полуразвалившейся хижинѣ, по стѣнамъ которой днемъ ползали ящерицы, а подѣ вечеръ порхали летучія мыши. Подѣ этимъ обвалившимся кровомъ—гостепрѣимномъ для ползущихъ и летающихъ—не было никакой мебели и никакой посуды; но за постой взималась изрядная плата, хотя и не такая высокая, какъ въ Анурадхадурѣ. Тамъ въ Rest-hous'ѣ взималась плата за постой, около пяти шиллинговъ въ день и какая-то малость за *bedding*, хотя въ Rest-hous'ѣ постелей не было и стояли полуразломанныя кровати съ дырявыми пологами для защиты отъ москитовъ, которые однакоже давно разгадали, что пологъ своего назначенія не исполняетъ, безпрепятственно влетали мириадами и во всю ночь жужжали и носились надъ головою утомленнаго путешественника, обреченнаго отдыхать на казенной кровати. Британскій чиновникъ, заведшій лондонскія цѣны въ цейлонской глуши, въ отвѣтъ на ропотъ обыкновенно указывалъ на дорогой обѣденный сервизъ, заведенный имъ въ анурадхадурскомъ Rest-hous'ѣ. Кромѣ куръ и рису здѣсь ничего нельзя было достать, но то и другое подавалось на великолѣпныхъ тарелкахъ и блюдахъ; грязную воду наливали въ граненые графины. Если вамъ не нравился цвѣтъ или запахъ воды вы могли перемѣнить воду на Бассовъ эль, заплативъ за бутылку такую цѣну, каковая даже въ С.-Петербурѣ показалось-бы нѣсколько высокою. Многихъ можетъ быть займетъ вопросъ, зачѣмъ эль, граненныя графины и роскошный сервизъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подѣ-часъ нечѣмъ

умыться?—Британскій чиновникъ заводившій упомянутые порядки не давалъ отвѣта на таковой вопросъ.

Въ Мехинталѣ не было даже и того, за что въ Анурадхапурѣ взимали дорогую цѣну: мѣстечко еще глуше, несчастнѣе и заброшеннѣе нежели Анурадхапура.

Сингалезцевъ здѣсь очень мало, и почти все населеніе состоитъ изъ Тамильцевъ.

Самое примѣчательное мѣсто въ окрестностяхъ мѣстечка есть та гора-храмъ, на вершинѣ которой стоитъ амбустелская ступа.

По цейлонскому преданію подъ этою ступою были зарыты часть костей Будды и его чаша. Весь сѣверный склонъ холма раздѣленъ на три террасы, обстроены кельями, часовнями, и такимъ образомъ обращенъ въ громадный храмъ вокругъ святыни.

Изъ гранита высѣченныя ступени начинаются отъ самой подошвы холма и ведутъ съ террасы на террасу до самой вершины. Первоначальное число ступень весьма трудно опредѣлить въ настоящее время; по словамъ монаховъ, живущихъ на вершинѣ горы, ихъ около двухъ тысячъ по нынѣ, онѣ были высѣчены изъ гранита и имѣютъ въ длину пятнадцать футовъ. Время и дожди совершенно разшатали ихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гора представляется какъ бы вымощенной гранитными плитами. Такова особенно часть между первою и срединною террасою, откуда на лѣво узенькая тропинка, на краю глубокаго обрыва, заросшаго густымъ лѣсомъ ведетъ къ ротамъ. Первая пещера принадлежала какому-то подвижнику Тиссѣ. Рядомъ еще двѣ пещеры, на которыхъ также сохранились надписи. Рядъ широкихъ ступеней ведетъ со второй террасы на третью; отсюда своротивъ налѣво и пройдя десятка два шаговъ, мимо большой надписи царя Гамини Абхаіа, вырѣзанной на гладкой поверхности гранитной скалы,

достигаешь мелкихъ ступеней, ведущихъ на площадку или дворъ, гдѣ стоитъ ступа Амбаттхала.

На дворъ ступы входишь чрезъ крытыя ворота или двара-мандапа). Ворота эти новой постройки и замѣнили болѣе древніе, отъ которыхъ въ недалекомъ разстояніи сохранилось нѣсколько колоннъ. Дворъ былъ обнесенъ каменною стѣною; нѣсколько высокихъ кокосовъ растутъ вокругъ ступы и по двору.

Самая ступа по формѣ и по расположенію колоннъ вокругъ нея напоминаетъ Тхупарамскую. Колонны расположены кругомъ купола въ два ряда, вмѣсто же третьяго ряда (какъ въ Тхупарамской), находится низенькая ограда.

На В. отъ ступы на небольшомъ дворикѣ находится нѣсколько новѣйшихъ келій, гдѣ живутъ человѣкъ пять-шесть монаховъ. За этимъ дворикомъ есть еще второй, съ котораго узенькая тропинка на В. ведетъ къ двумъ пещерамъ. Спустившись нѣсколько ниже, достигаешь небольшой пещеры, извѣстной у монаховъ подъ именемъ пещеры Махинды. По ихъ рассказамъ святой удалялся сюда во время дневного зноя. Небольшая пещера, образована нависшею скалою на краю обрыва; взбираться въ нее можно по лѣсенкѣ, приставленной къ совершенно отвѣсной скалѣ.

Съ того двора, гдѣ стоитъ амбустелская ступа рядъ мелкихъ ступеней, высѣченныхъ въ горѣ ведетъ къ ступѣ Махасаіа. На этой возвышенной площадкѣ находятся двѣ ступы: одна поменьше, совершенно разрушена, другая обнесенная кирпичною оградюю вполнѣ сохранилась и называется ступою Махасаіа. Ступа эта и находящаяся вблизи часовня не представляютъ ничего любопытнаго. Въ часовнѣ, кромѣ сидящей фигуры Будды есть статуи двухъ боговъ: Самана и Вишну; стѣны покрыты новою живописью: фигуры Будды смѣняются различными сценами изъ его перерожденій.

Видъ съ этой вершины одинъ изъ лучшихъ на всемъ Цейлонѣ: во всѣ стороны растилается необъятное пространство мелколѣсья, на западѣ виднѣются озера Мехинталевева, Нуваравева, колоссальныя ступы Анурадхапуры: особенно ясно выступаетъ на горизонтѣ Жетаванская ступа и озеро Буланкуламъ.

• Ширина открывающейся здѣсь перспективы и грандіозность развалинъ, видимыхъ отсюда, поразительны: на картину можно залюбоваться и засмотрѣться до забвенія зноя.

Южный склонъ горы обрывистъ и онъ какъ кажется никогда не былъ застроенъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время нигдѣ съ этой стороны не замѣтно остатковъ какихъ-либо построекъ. За то на сѣверной сторонѣ, на каждой террасѣ найдешь признаки когда-то бывшихъ здѣсь различныхъ зданій. Здѣсь были вырыты бассейны, какъ напр. Нагапокуна, съ головою змѣя, вырѣзаннаго на скалѣ, или бассейнъ извѣстный подъ именемъ ванны св. Махинды, куда вода была проведена изъ Нагапокуна; стояли различныя часовни, статуи, напр. царя Деванамъ-Пія-Тиссы, осколки которой—голова и туловище—лежатъ около ступы Амбаттхала; въ настоящее время отъ всего этого осталось впрочемъ не много; и это не многое не совершенно еще разгадано, не опредѣлено и хорошенько не приведено въ извѣстность.

Ко многимъ древностямъ и развалинамъ, разсѣяннымъ въ окружныхъ лѣсахъ никто изъ европейцевъ вѣроятно еще и не пробирался. И монахи, и всѣ вообще туземцы не понимаютъ всей цѣны этихъ развалинъ. Простой народъ боится пещеръ, которыхъ около Мехинтале довольно много; сохранившіяся на нихъ надписи ясно рассказываютъ, кто ихъ строилъ, и для кого они назначены были; то были кельи монаховъ. Но, за исключеніемъ двухъ-трехъ, на всемъ островѣ монахи не умѣютъ читать этихъ надписей и эти мрачныя

гроты, расположенные большею частью въ непроходимомъ лѣсу, въ глуши понимаются народомъ какъ обиталища демоновъ, которымъ и приносятся жертвы.

Слѣды этихъ жертвоприношеній я видѣлъ около Мехинтале, у горы Ражагири, гдѣ нѣсколько пещеръ, и гдѣ несомнѣнно существовалъ когда-то монастырь.

Въ одной изъ пещеръ стоялъ грубо сложенный изъ кирпичей алтарь, на немъ лежало нѣсколько разбитыхъ кокосовъ, а по стѣнамъ виднѣлась копоть; по этимъ признакамъ можно было догадаться, что здѣсь приносилась жертва какому-нибудь Якеху.

Около Мехинтале есть еще нѣсколько примѣчательныхъ мѣстъ и развалинъ (Кадилия покуна, сейчасъ упомянутыя пещеры и развалины у горы Ражагири); есть нѣсколько ступъ, какъ напр. Села-четія, Етвихаре; ступы не велики и послѣ Анурадхапурскихъ не покажутся оригинальными или чѣмъ либо любопытными.

Орнаментовка здѣсь была гораздо проще и не въ такомъ обилии какъ въ Анурадхапурѣ. Весьма часто, вмѣсто змѣйоношей, у дверей выставлены плиты, на которыхъ вырѣзаны изображенія вазъ съ цвѣтами.

7.

Побывавъ въ Дунамале-кандѣ и, осмотрѣвъ тамъ буддійскій храмъ въ пещерѣ, я отправился въ Полланарруа или древній Пуластипуръ.

Изъ Махинтале я выѣхалъ въ Мараденкадавала и оттуда черезъ Хабарана въ Минери. Во всю дорогу мы ѣхали лѣсомъ и за исключеніемъ рѣдкихъ прохожихъ никого не встрѣчали.

Дорога пролегла по мѣстамъ наиболѣе глухимъ на островѣ и была необыкновенно дурна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее трудно различить, особенно подвечеръ; весьма часто случалось,

что часовъ около шести вечера, утомленные дневнымъ переѣздомъ быки сбивались съ настоящей дороги; тогда погонщикъ зажигалъ фонарь и отправлялся самъ отыскивать въ лѣсу проѣздъ.

Къ озеру Минеріи мы подѣхали съ запада и отсюда видъ озера не поражаетъ особенною красотою. Здѣсь берега его покрыты высокою, но сухою травою, и по нимъ паслись многочисленные стада буйволовъ и быковъ. Озеро имѣетъ въ окружности около двадцати миль; оно было сооружено въ III ст. по Р. Х. царемъ Махасепою, память котораго очень ненавистна монахамъ Великаго монастыря въ Анурадхапурѣ, но около озера, Махасену чтутъ какъ бога или демона (яккхо). Ему воздвигнуть храмъ, гдѣ приносятся жертвы „Господину озера“. (Минеріа Свами).

Обогнувъ озеро съ запада мы направились отыскивать Rest-house, который долженъ былъ быть гдѣ-то въ недалекомъ разстояніи отсюда. Долго мы блуждали по берегу озера и наконецъ попали на тропинку, приведшую насъ въ дремучій лѣсъ.

Совершенно стемнѣло, начиналъ накрапывать дождь, вдали слышались раскаты грома и блистала молнія; мы двигались впередъ, въ надеждѣ наконецъ увидѣть Rest-house. Лѣсу казалось конца не будетъ и чѣмъ дальше тѣмъ глуше онъ становился, тропинка все болѣе и болѣе суживалась и шла какими-то кочками. Безпрестанно банди цѣплялась своимъ верхомъ за сучья и ежеминутно пыталась опрокинуться. По временамъ погонщикъ начиналъ выкрикивать, но кромѣ своего эхо онъ не слышалъ другаго отвѣта. Мы ѣхали очевидно пустынною странною и не къ жилью, а въ глушь и въ даль отъ всякаго обитаемаго мѣста.

Наконецъ быки дотащились до какой-то живой изгороди. Ѣхать дальше, не смотря ни на какое сильное желаніе не

было возможности. Погонщикъ очень хорошо это понималъ. Вѣроятно и прежде онъ уже зналъ, что рано или поздно мы должны будемъ дотащиться до какого нибудь подобнаго препятствія и пожалуй былъ не прочь переночевать въ лѣсу, у этой же самой изгороди. Тѣмъ не менѣе онъ слѣзъ и началъ кричать, давая знать о заблудившихся путешественникахъ.

Долго и неумолкаемо онъ кричалъ; отвѣту не было; и лѣсъ отзывался только эхомъ; ни единый звѣръ не подавалъ голоса и кромѣ жужжанія какихъ-то насѣкомыхъ ничего не было слышно.

Такъ прошло довольно продолжительное время. Погонщикъ не уставалъ кричать. Вдругъ, гдѣ-то очень далеко слышалось отвѣтное ауканіе; оно стало мало по малу приближаться и мы услышали шлепаніе человѣческихъ шаговъ. Спавсенеіе приблизилось и начались переговоры.

— Кто тутъ? спрашивалъ голосъ изъ-за-изгороди.

— Махатмья! (т. е. господинъ, то-же что въ Индіи-сахабъ; но буквально это слово значить: великодушный) отвѣчалъ мой погонщикъ.

— На конѣ? допрашивалъ голосъ.

— Нѣтъ, въ банди (иначе на быкахъ).

Голосъ услышавъ, что коня нѣтъ, почувствовалъ меньшее уваженіе къ Махатемѣ, но впрочемъ вскорѣ-же согласился добыть огня и проводить насъ до Rest-hous'a.

Прошло еще полчаса, и предъ нами предсталъ юный Кули съ факеломъ.

Мы повернули назадъ и при свѣтѣ факела добрались черезъ часъ времени до такъ называемаго Rest-hous'a въ Минери. То былъ не болѣе какъ шалашъ, въ которомъ нельзя было даже хорошо укрыться отъ дождя.

На другой день утромъ дождь пересталъ; побродивъ въ

окрестностяхъ и посмотрѣвъ на запертыя двери храма посвященнаго Демону Озера Минери, я отправился далѣе.

Дорога опять шла лѣсомъ и также дурна какъ и та, которую мы проѣхали наканунѣ; послѣ дождя, шедшаго всю ночь, всѣ рѣчонки наполнились водою и намъ безпрестанно приходилось проѣзжать въ бродѣ. Часа черезъ два мы проѣхали мимо озера Гиреталле; оно хотя меньше Минери, но гораздо красивѣе послѣдняго; послѣ ночнаго дождя холмы и луга вокругъ него зеленѣли; и при освѣщеніи полуденнымъ солнцемъ — видъ гладкой водяной поверхности производилъ сильное и очень пріятное впечатлѣніе.

До Топаре мы добрались въ этотъ день за-свѣтло. Здѣсь мы нашли Rest-house: такую же хижину, какъ и у озера Минери, только большихъ размѣровъ. Шалашь стоялъ на берегу озера Топавевы. Въ октябрѣ 1874 г. въ озерѣ не было ни капли воды. Мнѣ рассказывали, что въ этомъ мѣстѣ три года не было дождя.

Вмѣсто гладкой поверхности воды предъ глазами тянулось заросшее травой дно пруда; на западѣ виднѣлись зеленѣющіе холмы. Отсутствие воды въ прудѣ и полный недостатокъ дождя привели населеніе сосѣднихъ деревенекъ въ нищенство. Три года, какъ они не засѣваютъ своихъ полей.

Глушь здѣсь еще большая нежели въ Анурадхапурѣ. Около полуночи и предъ разсвѣтомъ окружный лѣсъ начинаетъ оживать и со всѣхъ сторонъ слышатся разнообразныя звѣриныя голоса; то вой шакала, то ревъ медвѣдя. Шакаловъ, обезьянъ и зайцевъ въ средневѣковой столицѣ Цейлона массы.

Развалины Полланарруы расположены вдоль берега нынѣ высохшаго озера Тупавевы: они начинаются въ не далекомъ разстояніи отъ Rest-hous'a и тянутся почти по прямой линіи съ юга на сѣверъ, мили на двѣ.

Стиль построекъ, характеръ и рисунокъ орнаментовки въ

въ Полланарруѣ совершенно отличны отъ анурадхапурскихъ. Полланарруа сдѣлалась столицею Цейлона въ VIII ст. по Р. Х. Съ этого столѣтія начали сооружать здѣсь пруды, строить дворцы, воздвигать ступы и храмы; самымъ блестящимъ періодомъ исторіи этой столицы было царствованіе Пракрамабаху (XII ст.); къ этому времени относится большинство извѣстныхъ нынѣ развалинъ. Онъ обстроилъ, увеличилъ и обнесъ стѣнами городъ.

Украшая свою столицу Пракрамабаху призвалъ изъ южной Индіи художниковъ. Этимъ обстоятельствомъ отчасти также объясняется почему развалины двухъ древнихъ столицъ такъ мало похожи другъ на друга.

Въ цейлонской хроникѣ перечисляется длинный списокъ сооруженийъ царя Пракрамабаху; кромѣ ступъ, храмовъ, часовень, дворцевъ, зданій для проповѣди, онъ строилъ — больницы для народа, школы, библіотеки; въ его время въ Полланарруѣ по озеру Тупавева были построены общественныя купальни; и на улицахъ стояли зданія общественныхъ увеселеній: залы пѣнія и танцевъ.

Въ настоящее время въ Полланарруѣ находится около двадцати мѣстъ съ развалинами. Такъ какъ кругомъ лѣсъ правильно не былъ изслѣдованъ ни однимъ европейцемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что значительное количество развалинъ не извѣстно намъ и по слуху.

Подѣвзая къ Топаре съ востока, на берегу озера, въ недалекомъ разстояніи отъ Rest-hous'a видишь нѣсколько столбовъ, частью низверженныхъ, частью стоящихъ на небольшомъ возвышеніи. Громадный левъ изъ гранита стоитъ въ этомъ мѣстѣ. По преданію здѣсь въ этомъ зданіи царь Пракрамабаху творилъ судъ и расправу. Нѣсколько южнѣе указываютъ на небольшой павильонъ, стѣны котораго были выштукатурены и окрашены въ голубой цвѣтъ. Назначеніе этого зданія очень загадочно.

Одинъ праздношатающійся сингалезецъ, сопутствовавшій мнѣ въ прогулкахъ по Полланарруѣ, увѣрялъ меня, что изъ этого павильона царь Пракрамабаху имѣлъ привычку любоваться на озеро Тупавеву. Неизвѣстно однако же откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія.

Отправляясь отсюда лѣсомъ на сѣверъ приходишь къ развалинамъ дворца: это квадратное зданіе было выстроено изъ кирпича и покрыто штукатуркою; всѣ стѣны за исключеніемъ западной цѣлы; западная же въ половину обвалилась. Внутри стѣнъ пробраться не было никакой возможности, до того все пространство за стѣнами и частью извнѣ съ внѣшней стороны стѣнъ поросло фиговыми деревьями.

Вблизи дворца разсѣяно нѣсколько разнообразныхъ развалинъ. *Царская купальня*—находится на востокъ отъ дворца. Входъ въ нее былъ съ сѣвера, гдѣ стоятъ нѣсколько восьмигранныхъ колоннъ, статуи львовъ и перилы съ изображеніемъ морскихъ чудовищъ. Купальня имѣла круглую форму и около шести футовъ въ глубину и была вымощена тесанными камнями.

Къ сѣверу же отъ дворца стоялъ храмъ св. Зуба. Онъ былъ выстроенъ изъ гранита и имѣлъ плоскую кровлю. Съ востока два входа вели въ открытый портикъ; восьмигранные колонны окружавшіе этотъ портикъ лежатъ кругомъ вполнѣ сохранившейся платформы. Изъ этого портика на югъ и на сѣверъ было два выхода, а прямо на западъ былъ входъ въ то отдѣленіе, гдѣ хранилась святыня. Какъ въ большинствѣ здѣшнихъ развалинъ внутри храма не было возможности пробраться. Весьма много различныхъ статуй разбросаны вокругъ храма.

Вблизи этого храма находятся развалины другого, съ громадной фигурой Будды и со скульптурными изображеніями различныхъ храмовъ по наружнымъ стѣнамъ. На мѣстѣ мнѣ называли этотъ храмъ Тхупорамою.

Въ той же мѣстности находятся еще двѣ примѣчательныя развалины: 1) Сатмахаль и 2) такъ называемый круглый домъ.

Сатмахаль или семи этажный храмъ, есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ на Цейлонѣ; снаружи онъ не очень высокъ и вполне сохранился; внутренняя же часть остается до сихъ поръ не изслѣдованною. Передъ храмомъ лежитъ монолитъ, имѣющій 26 ф. въ длину, 4 ф. въ ширину и 2 ф. въ толщину. Камень этотъ носитъ названіе Галпотъ (т. е. каменная книга), такъ какъ своею формою онъ напоминаетъ цейлонскую рукопись на пальмовыхъ листахъ; по краямъ монолита вырѣзаны священные фламинго или птица Ханса; исторія построенія памятника рассказана въ надписи вырѣзанной на камнѣ; камень этотъ привезенъ былъ въ Полланарруу за восемьдесятъ миль, изъ Мехинтале. Сатмахаль особенно замѣчателенъ тѣмъ, что видомъ своимъ напоминаетъ ассирійскія многоэтажныя постройки.

Такъ называемый круглый домъ имѣетъ видъ усѣченной и выдолбленной ступы. Онъ стоитъ на платформѣ, съ не широкою террасою для обхожденія кругомъ стѣнъ; терраса была обставлена рядомъ колоннъ, большая часть которыхъ до сихъ поръ или стоитъ, или низвержены вокругъ зданія. Четыре лѣстницы разукрашенныя въ анурадхапурскомъ стилѣ вели внутрь зданія; передъ ступенями лежитъ такъ называемый лунный камень, съ обѣихъ сторонъ входъ сторожатъ змѣионоши, а по периламъ вытянулись морскія чудовища. Самыя стѣны имѣютъ въ вышину около 20 ф.; внутри ихъ теперь ничего не находится.

Подвигаясь лѣсомъ далѣе къ сѣверу приходишь къ группѣ другихъ значительныхъ развалинъ, разбросанныхъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Тутъ находятся: Ранкотскал ступа, Жетаванскій храмъ, ступа по имени Кири и Галвихара или храмъ пещера.

Ранкотская ступа находится южнѣе прочихъ развалинъ. Она имѣеть въ диаметръ сто восемьдесятъ футовъ, а въ вышину около двухъ сотъ. Ступа возвышается на террасѣ, обнесенной кирпичною стѣною; отъ купола съ четырехъ сторонъ есть по одному выступу или алтарю; съ каждой стороны алтаря по двѣ часовни, такимъ образомъ ступа имѣеть четыре алтаря и восемь часовенъ. Потолокъ въ часовняхъ имѣеть форму усѣченной четырехъгранной пирамиды. Присутствіе часовенъ по обѣимъ сторонамъ алтарей отличаетъ эту ступу отъ всѣхъ ступъ Анурадхапуры.

Къ сѣверу отъ ступы находится небольшое собраніе столбовъ.

Еще далѣе къ сѣверу находятся храмъ Жетавана и ступа Кири. Храмъ Жетавана былъ построенъ царемъ Пракрамабаху. Отъ него сохранились только три стѣны; двѣ стѣны имѣють въ длину сто семдесятъ футовъ, третья западная семдесятъ футовъ, съ востока былъ входъ между двухъ полигоновъ около пятидесяти футовъ въ вышину. Прямо передъ входомъ на противоположномъ концѣ храма стоитъ полуразрушенная статуя Будды. Она была сложена изъ кирпича, оштукатурена и въ настоящемъ своемъ полуразрушенномъ видѣ имѣеть болѣе пятидесяти футовъ въ вышину.

Въ стѣнахъ были два ряда готическихкихъ оконъ; верхній рядъ однако же наглухо забить кирпичами; снаружи стѣны были оштукатурены и покрыты роскошною орнаментовкою.

Передъ входомъ въ Жетаванскій храмъ находится нѣсколько колоннъ, и гранитныя ступени; то и другое принадлежало нѣкогда къ храму.

Ступа Кири или молочная немного меньше Ранкотской и выстроена по одному плану съ ней. Она была въ древности бѣлаго цвѣта, (т. е. вѣроятно оштукатурена и выбѣлена), отчего и произошло ея теперешнее названіе. Въ недалекомъ

разстояніи отъ этой ступы находится еще одна маленькая, вполне разрушенная.

Галвихара находится еще далѣе къ сѣверу; это самый любопытный образецъ храма-пещеры на Цейлонѣ. Одинъ изъ подобныхъ храмовъ я имѣлъ случай видѣть передъ прїездомъ въ Полланарруу, именно храмъ въ Дунумалекандѣ; тамъ подъ навѣсъ громадной гранитной скалы подведена кирпичная стѣна и внутренность естественнаго грота обращена въ храмъ со статуей Будды погруженнаго въ Нирвану; на гладкой поверхности скалы надъ самою дверью въ кирпичной стѣнѣ вырѣзана надпись; на основаніи азбуки этой надписи можно предположить, что дунумалекандійскій храмъ гораздо древнѣе Галвихары.

Въ Галвихарѣ мы имѣемъ искусственный гротъ, выточенный въ скалѣ. Входъ въ эту небольшую пещеру съ востока между двухъ колоннъ, выточенныхъ въ самой скалѣ; между этихъ колоннъ вдѣлана кирпичная стѣна. Внутри пещеры стоитъ образъ Будды созерцающаго (т. е. въ сидящемъ положеніи); предъ образомъ поставленъ небольшой алтарь, и стѣны покрыты фресками новѣйшей работы.

Снаружи, у скалы направо и налѣво отъ входа во храмъ находятся три статуи Будды, въ трехъ различныхъ положеніяхъ: сидящемъ, стоящемъ и лежащемъ, или статуи Будды созерцающаго, учащаго и погруженнаго въ Нирвану. Фигура налѣво отъ входа во храмъ изображаетъ Будду созерцающаго. Будда представленъ возсѣдающимъ на тронѣ, роскошно разукрашенномъ. Фигура эта имѣетъ въ вышину шестнадцать футовъ. Направо отъ входа двѣ фигуры: первая, представляющая Будду стоящаго, т. е. въ моментъ произнесенія проповѣди, имѣетъ въ вышину двадцать пять футовъ, вторая, изображающая Будду погруженнаго въ Нирвану, имѣетъ въ длину сорокъ пять футовъ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ развалинъ въ Полланарруѣ есть много другихъ, которыхъ въ настоящее время на островѣ никто не знаетъ какъ и назвать. Немного извѣстно изъ древней исторіи острова, а средневѣковая его исторія еще менѣе прояснена, вслѣдствіи этого множество мѣстъ въ Полланарруѣ, не разчищено, не приведено въ извѣстность, и пока не останавливало на себѣ должнаго вниманія; но хотя эти столбы и развалины не напоминаютъ никакого историческаго факта, тѣмъ не менѣе они любопытны сами по себѣ, независимо отъ своего прошлаго. Все здѣсь оригинально и свидѣтельствуетъ о другой эпохѣ, когда цейлонцы вѣровали уже въ другое, молились нѣсколько иначе, и самое изящное понимали иначе. Въ Полланарруѣ не тѣ же колонны, что въ Анурадхапурѣ, не тотъ орнаментъ, что въ древней столицѣ; рѣзной работы здѣсь не такъ много какъ въ Анурадхапурѣ, въ большинствѣ случаевъ ее замѣнила лѣпная. Въ Полланарруѣ и культъ былъ иной: рядомъ со ступами здѣсь строились храмы индускимъ богамъ въ южно-индійскомъ стилѣ; образцемъ такихъ построекъ можетъ служить храмъ бога Вишну, находящійся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Галвихаре, къ югу.

V.

К а н д и.

1.

Канди, резиденція послѣднихъ цейлонскихъ царей и нынѣ главный городъ центральной провинціи, лежитъ въ долинѣ, на высотѣ 1400 ф. надъ уровнемъ моря. Къ этому центральному городу острова сходятся нѣсколько главныхъ дорогъ.

Во время моихъ поѣздокъ по острову мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ Канди и подъѣзжать къ городу съ различныхъ сторонъ. Въ первый разъ я увидѣлъ Канди въ августѣ 1877 г., во время *Перагары*.

Ежегодно, въ августѣ, въ различныхъ городахъ Цейлона празднуется „Перагара“, по улицамъ города проходитъ нѣсколько ночей къ ряду оригинальная процессія. Я добивался напрасно отвѣта на вопросъ, что это за процессія? Въ память чего устроенъ праздникъ? Оевропеившіеся сингалезцы говорили, что праздникъ нѣчто подобное нашимъ ярмаркамъ; другіе утверждали, что процессія была учреждена на потѣху кандійскихъ царей, въ память рожденія бога Вишну. Но были и такіе, которые рассказывали очень любопытную легенду въ объясненіе Перагары. Слушая различные толки о Перагарѣ, становится ясно, что смыслъ праздника забыть народомъ и его учеными; но изъ тѣхъ-же рассказовъ выяснялось, что праздникъ очень оригиналенъ и посмотреть на него стоитъ.

26-го августа, я отправился по желѣзной дорогѣ изъ Коломбо въ Канди.

Поѣздъ въ Канди пришелъ поздно, часовъ въ семь. Уже совсѣмъ стемнѣло и, отправляясь со станціи въ отель, я могъ только разглядѣть громадные холмы кругомъ города. „Queen's Hôtel, куда меня привезли, былъ полонъ прїѣзжими; Перара привлекла немногихъ, но на другой день члены атлетическаго клуба должны были прыгать, скакать, бѣгать, плавать и многими другими способами выказывать свою физическую силу; посмотрѣть на эту потѣху съѣхались англичане изъ разныхъ мѣстъ острова. Съ большими затрудненіями я добылъ комнату. Но мои усилія были вознаграждены: мнѣ досталась небольшая комната съ великолѣпнымъ видомъ на озеро. Направо, вдоль озера вилась дорога въ гору, къ монастырю Малвата;halbvo, я могъ видѣть знаменитый храмъ св. зуба Будды.

Едва окончился обѣдъ, и мы сидѣли еще за кофе, какъ издали стали доноситься нестройные звуки барабановъ и томе-тома. Томе-томъ тотъ же барабанъ, но покрытый кожей только съ одной стороны. Звуки становились все яснѣе и яснѣе. Я поспѣшилъ выдти на улицу. Пройдя лугъ, растилавшійся передъ отелемъ, я увидѣлъ, что процессія уже вышла изъ храма св. Зуба и направлялась обходить городъ. Первое впечатлѣніе и сильно, и смутно. Въ ясную, лунную ночь, какія только бываютъ на югѣ, вы видите передъ собою оригинальную процессію. Сперва несутся факелы, знамена, различные значки, на нѣкоторыхъ изображенія луны и солнца; затѣмъ идутъ плясуны съ барабанами и томе-томами; важно выступаетъ старшина, завѣдывающій хозяйствомъ и имуществомъ храма (св. Зуба), и вслѣдъ за нимъ еще съ большею важностью выступаетъ громадный слонъ съ святынями (но не св. зубомъ) изъ храма св. Зуба. Передъ большими слонами шли два маленькихъ слона, и далѣе опять знамена, факелы, плясуны,

люди на ходуляхъ, слоны изъ храмовъ боговъ: Вишну, Натха, Катрагама, Патани, слоны поменьше, на которыхъ сидѣли жрецы съ цвѣтами. Снова знамена, факелы, плясуны и, наконецъ, люди съ громадными ковчегами. Кругомъ стояла густая толпа, тихо и молча глазѣя на процессію. Кое-гдѣ виднѣлись полицейскіе, но они были совершенно липни.

Прошла процессія, и за нею я пошелъ бродить по улицамъ; было довольно поздно для Цейлона, часъ десятый въ исходѣ; на улицахъ замѣтно было особенное движеніе; кругомъ храма св. Зуба виднѣлись огоньки у временныхъ лавочекъ со сластями. Повсюду слышался какой-то гулъ разговаривающихъ голосовъ, и видны были многочисленныя кучки людей. Но все было тихо и добропорядочно: ни драки, ни брани, ни пьяныхъ я не видѣлъ. Въ 11 часовъ процессія вернулась къ храму Зуба; святыни отнесли въ храмъ; слоны и люди разошлись по храмамъ четырехъ боговъ. Такъ кончилась процессія въ первый день моего пребыванія въ Канди.

На другой день, часовъ въ пять вечера, задолго до начала процессіи, я пошелъ, осмотрѣть храмъ Зуба. Процессія снаряжалась и дворъ былъ полонъ народа. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ богамъ, совершалось служеніе: женщины на колѣняхъ совершали приношенія цвѣтовъ; въ другихъ, передъ густою толпою плясуны выдѣлывали различныя фигуры. На дворѣ укралпали слоновъ. Самый большой стоялъ у входа въ то зданіе, гдѣ хранится зубъ Будды. Въ тотъ вечеръ процессія, обойдя кругомъ города, должна была вернуться чрезъ губернаторскій садъ, въ храмъ Зуба. Губернаторъ въ тотъ день давалъ обѣдъ и созвалъ гостей посмотреть на процессію; ровно въ девять часовъ у главнаго подъѣзда собралось общество, исключительно англійское, мужчины во фракахъ, дамы разодѣтыя по бальному и въ цвѣтахъ. Вскорѣ послѣ девяти часовъ слышались рѣзкіе и ди-

кіе звуки; мало по-малу они становились все громче и не-пріятнѣе, и наконецъ справа показались факелы, за факель-щиками шли музыканты съ флейтами, барабанами, томе-то-мами. Далѣе въ стройномъ порядкѣ шли старшины, завѣды-вающіе дѣлами храма Зуба. Костюмъ этихъ старшинъ очень живописенъ; особенно красива шляпа, въ родѣ нашей тре-уголки, надѣтой поперегъ, и вся изукрашенная золотымъ шитьемъ. Проходя мимо губернатора, старшины останавлива-лись и отвѣшивали низкій, почтительный поклонъ. За стар-шинами шли два небольшихъ слона, на нихъ сидѣло по три человѣка съ цвѣтами. Крутомъ слоновъ тѣснились люди съ барабанами, флейтами и т. д. За двумя слонами двигались три слона, посреди ихъ былъ громадный слонъ, везшій въ золотой клѣткѣ какія-то мощи Будды изъ храма Зуба. Какъ только показались слоны, губернаторскіе слуги вынесли пу-ки сахарнаго тростника, и началось кормленіе слоновъ. Исключительное участіе въ этой потѣхѣ принимали дамы. Вдругъ одному изъ слоновъ, кажется наибольшему, съ мо-щами Будды, вздумалось зарычать. Произошла нѣкоторая су-матоха, дамы прыгнули назадъ, стулья попадали. У всѣхъ были свѣжи въ памяти шалости одного слона: нѣсколько дней тому назадъ онъ вздумалъ показать публикѣ, во время про-цессіи, свою силу—и три человѣка изъ толпы заплатились жизнью. На этотъ разъ слонъ выражалъ свое удовольствіе. За слонами, прыгая и присѣдая, неслись плясуны и музы-канты. Туземный балетъ не отличается граціей, и фигуры танцевъ не разнообразны. Плясуны становятся въ рядъ: при-сѣдаютъ, выбиваютъ дробь ногами, встаютъ, кружатся, подни-маютъ, ломаютъ руки и т. д. Ихъ костюмъ увѣшанъ коло-кольчиками, а потому каждое движеніе сопровождается не-обыкновеннымъ шумомъ. Въ числѣ плясуновъ были два чело-вѣка на ходуляхъ. За плясунами важно выступалъ Baspaуака-

пiлеме, т. е. главный старшина храма св. Зуба. Кругомъ него неслись вѣера, и шли знаменщики. Этимъ закончилось первое отдѣленіе процессіи. Было еще четыре отдѣленія: въ томъ же порядкѣ шли слоны изъ храма четырехъ боговъ. Передъ и за слонами въ томъ же порядкѣ шли факельщики, плясуны, старшины, каригале (жрецы). На слонахъ неслась святыня храмовъ, и вся процессія закончилась громадными ковчегами съ водою.

Болѣе часа двигалась процессія чрезъ садъ. Гулъ отъ барабановъ, томе-томовъ, колокольчиковъ, плясуновъ, стоялъ невообразимый; въ воздухѣ чувствовался сильный, неприятный запахъ кокосоваго масла отъ факеловъ. А картина была оригинальная и сильно напоминала сцену изъ какого-нибудь фантастическаго балета; кругомъ была такая декоративная обстановка: тихая, ясная ночь, роскошная растительность, и среди оглушительныхъ нестройныхъ звуковъ движется пестрая, оригинальная восточная процессія, не то религіозная, не то на потѣху какого-либо самодержавнаго властелина. У самой дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ проходящихъ громадныхъ слоновъ, стоятъ ряды стульевъ и разодѣтыя дамы въ цвѣтахъ и кружевахъ.

Въ пятницу, 28-го августа, была послѣдняя ночь Пергары; всю ночь ходила процессія; всю ночь на улицахъ слышался гулъ, нестройные крики различныхъ продавцовъ. Лавочекъ со сладями прибавилось. По улицамъ расхаживала громадная толпа; но при этомъ я долженъ опять замѣтить: сингапурская толпа—образецъ толпы. Ни драки, ни брани, ни даже особеннаго крика нельзя было замѣтить; пьяныхъ я не видѣлъ, а во многихъ лавочкахъ продавался аракъ, содовая вода и т. д. Въ четыре часа утра, въ тотъ же день, въ четырехъ миляхъ отъ города, на р. Махавелли-гангѣ свершился послѣдній актъ празднества. Къ сожалѣнію, я не видалъ его.

До разсвѣта, жрецы (karigale) изъ храмовъ четырехъ боговъ отправились на рѣку; здѣсь они садятся въ разукрашенную лодку, и главный жрецъ храма бога Вишну, разсѣкши золотымъ мечомъ волны, зачерпываетъ воду. Вода эта хранится до слѣдующаго года и во время процессіи выносится въ тѣхъ ковчеггахъ, о которыхъ было упомянуто выше. Такъ закончился оригинальный праздникъ; но процессію я видѣлъ еще разъ, 29-го августа. У старшинъ есть обычай, по окончаніи праздника благодарить мѣстнаго Governement Agent'a за содѣйствія различнаго рода, вѣрнѣе, благодарить правительство за терпимость. Въ два часа дня процессія въ томъ же составѣ и томъ же порядкѣ, какъ выше описано, подошла къ дому правительственнаго агента, бывшему дворцу кандійскихъ царей. М-г Р. созвалъ гостей полюбоваться на церемонію принесенія благодарности и послушать его краснорѣчіе. Все это было довольно оригинально. Подошла процессія къ дому; слоны выстроились въ рядъ передъ террасою; старшины явились на террасу, выстроились въ рядъ и долго говорили по-сингалезски; но смыслъ долгой рѣчи былъ кратокъ, хотя и очень утѣшителенъ: мы вами молъ довольны. М-г Р. отвѣчалъ по-англійски, что онъ также доволенъ благополучнымъ окончаніемъ праздника и старшинами, и въ заключеніе попросилъ старшинъ составить группу и дать снять съ себя фотографію. Старшины, улыбаясь, согласились. На террасу ввели громаднаго слона, и съ него и со старшинъ сняли фотографію.

Я уже сказалъ, что напрасно искалъ отвѣта на вопросы, что такое Церагара? Когда, гдѣ въ первый разъ прошла эта пестрая, оригинальная процессія? Одинъ монахъ изъ храма св. Зуба, на мой вопросъ о томъ же, отвѣтилъ изъ св. писанія буддистовъ: „взошла полная луна и начался праздникъ; слышался въ городѣ сильный гулъ!“ Глядя на террасу, я

понялъ мѣткость этой фразы, такъ часто встрѣчающейся въ буддѣйскихъ книгахъ. Кратче и вѣрнѣе нельзя описать мѣстнаго праздника: ясная ночь, гулъ туземной музыки и всюду праздничная, разряженная толпа. Въ такія тихія, свѣтлыя ночи завязывались тѣ фантастическіе романы, которые буддисты подобрали въ народѣ и записали въ свои священныя книги. Придѣлавъ душеспасительное начало и конецъ, наивные монахи воображали, что середина перестанетъ быть соблазнительной для читателя.

Перагара не есть буддѣйскій праздникъ; монахи не уважаютъ его и не принимаютъ въ немъ никакого участія; ни одного монаха не видать въ процессіи. Правда, выносятся святыня изъ храма св. Зуба; но и это началось только въ концѣ прошлаго столѣтія. Во дни царя Киртисри (1747—80) въ Канди пріѣхали сіамскіе монахи для положенія предѣла какимъ-то раздорамъ по поводу посвященія. Однажды ночью отцы были пробуждены необыкновеннымъ шумомъ. Что такое? Что за шумъ?—спрашивали отцы. Имъ отвѣтили, что городъ чествуетъ четырехъ боговъ, когда-то преклонившихся предъ господомъ Буддою. Какъ вѣрующіе буддисты, монахи не удовлетворились такимъ отвѣтомъ, они возроптали передъ самимъ царемъ на чествованія не буддѣйскихъ святынь. Царь былъ находчивъ; несмотря на ропотъ и выговоръ святыхъ отцовъ, Перагары онъ все-таки не уничтожилъ, а чтобы успокоить своихъ дорогихъ гостей, приказалъ выносить какія-нибудь мощи Будды; такимъ образомъ, Перагара стала полубуддѣйскимъ праздникомъ. Первоначально это былъ вѣроятно индѣйскій, браминскій праздникъ. На браминское индѣйское происхожденіе праздника намекаетъ одна легенда, слышанная мною въ Коломбо. Она была записана и въ книгахъ, и до сихъ поръ кое-гдѣ еще живетъ въ народѣ. Въ городѣ Анурадхапурѣ царствовалъ Гажабаху; онъ наслѣдовалъ царю Ва-

лагамбаху, въ царствованіе котораго на Цейлонъ напали малабарцы, разграбили храмы и ушли со множествомъ плѣнныхъ и унесли съ собою священные сосуды изъ храмовъ. Однажды ночью, Гажабаху, переряженный, прогуливался по городу. Въ одномъ домѣ царь увидѣлъ горько плачущую старуху; она плакала о своихъ сыновьяхъ, плѣненныхъ малабарцами. Ея безутѣшная скорбь сильно поразила царя; онъ рѣшился идти въ походъ, отнять у малабарцевъ плѣненныхъ. вмѣстѣ съ царемъ отправляется въ походъ нѣкій великанъ Нила. Какъ только войско дошло до берега океана, Нила сталъ выказывать свою могущественную силу: жезломъ ударилъ онъ по волнамъ, и воды разступились. По-суху прошла царская рать и предстала предъ стѣнами главнаго города малабарцевъ. Малабарскій царь не испугался враговъ и отказался выдать плѣнныхъ. Тутъ начинается рядъ чудесъ, творимыхъ великаномъ и цейлонскимъ царемъ. Нила схватываетъ двухъ слоновъ и, ударяя ихъ головами, убиваетъ. Гажабаху извлекаетъ воду изъ желѣзнаго посоха и пригоршни песку. Устрашенный чудесами и вѣря въ могущество своихъ враговъ, малабарскій царь выдаетъ все захваченное: людей и сосуды изъ храмовъ. И въ память удачнаго похода Гажабаху учредилъ Перагару (113 по Р. X.).

Такъ гласить о началѣ Перагары легенда. И какъ будто есть нѣкоторая связь между содержаніемъ легенды и праздникомъ. Люди на ходуляхъ, быть можетъ, изображаютъ великана Нилу, а послѣдній актъ праздника, у рѣки, его же чудо, когда онъ провелъ царскую рать по морю, яко по-суху.

2.

Передъ отъѣздомъ изъ Цейлона мнѣ пришлось ѣхать въ Канди изъ Матале, т. е. съ сѣвера. Передъ тѣмъ я провелъ нѣкоторое время, около двухъ мѣсяцевъ, въ глуши, среди

древнихъ столицъ, описанныхъ въ предыдущей главѣ; тамъ по необходимости нужно было странствовать пѣшкомъ, за быками, среди цейлонскаго мелколѣся. Около Хабараны я выбрался на торную дорогу и отсюда, далѣе къ югу, шли страны, которыя густо засѣлили европейскіе цивилизаторы, въ образѣ владѣтелей и управителей кофейныхъ плантацій. Переходъ отъ старой, запущенной, забытой жизни, къ жизни новой, въ полномъ разцвѣтѣ, начинается уже чувствоваться въ Хабаранѣ, гдѣ я напелъ Rest-house, правда, весьма скудно мебелированный, и отсюда къ югу, по направленію къ Канди, черезъ Дамбуль и Матале шла шоссезная, великолѣпная дорога. Шоссежныя дороги на Цейлонѣ не всюду проложены, но тамъ, гдѣ онѣ уже есть, дороги поддерживаются съ великимъ тщаніемъ и составляютъ не малую красоту острова. Въ Хабаранѣ я переночевалъ и на другой день (18-го октября) въ пять часовъ утра выѣхалъ въ Дамбуль, гдѣ и былъ въ 12-тъ часовъ.

Дамбуль, деревенька, расположенная у подошвы горы, на вершинѣ которой есть храмъ и монастырь. Храмъ носитъ названіе „пещеры золотой горы“, но ни въ горѣ, ни въ храмѣ нѣтъ золота. Золотая гора не очень высока, но подниматься по ней, особенно послѣ дождя, по скользкой гранитной поверхности не легко: ступени, весьма не отчетливо высѣченные въ гранитѣ, начинаются въ недалекомъ разстояніи отъ вершины и прямо приводятъ къ воротамъ (Dvaramandapa) сложеннымъ изъ кирпича; чрезъ нихъ вступаешь на дворъ, гдѣ растутъ роскошныя пальмы, и большое дерево Бо (ficus religiosa); здѣсь, подъ нависшей громадной гранитной глыбой, устроены храмы; и съ внѣшней стороны и внутри они очень безыскусственны. Внѣшняя стѣна воздвигнута изъ кирпичей и оштукатурена; въ ней сдѣлано восемь дверей, ведущихъ въ восемь отдѣльныхъ пещеръ. Вокругъ двери, въ одну изъ пе-

щерь, стѣна покрыта грубо сдѣланною лѣпною работою. Внутри храмовъ очень много фресковъ, но всѣ они новѣйшей работы и изображаютъ или сцены изъ жизни Будды: его бѣгство изъ родительскаго дома, пренія и состязанія съ Марою или чертомъ, смерть Будды и т. д., или святыхъ и различныхъ буддъ.

Статуй Будды очень много; по словамъ монаха, провожавшаго меня, въ храмахъ сто тридцать двѣ статуи Будды, но кромѣ того есть статуи различныхъ индусскихъ боговъ, и въ нѣкоторыхъ храмахъ стоятъ статуи царей, благодѣтельствовавшихъ монастырю. Храмъ существовалъ уже до Р. Х. Намъ ничего не извѣстно о томъ, кто его выстроилъ, или что было первоначально на мѣстѣ теперешнихъ построекъ. Монахи утверждаютъ, что храмы были воздвигнуты царемъ Валагамбаху; и показываютъ его статую въ одномъ храмѣ, а въ другомъ статую Будды, имъ же подаренную. Другое, болѣе достоверное извѣстiе сохранилось въ надписи, высѣченной на гранитной скалѣ, образующей естественную кровлю храмовъ, но здѣсь упоминается имя другаго строителя. Архаическiя письма этой надписи должны быть отнесены къ III—II вѣку до Р. Х. и содержанiе ея слѣдующее: „(сія) великая пещера (есть) даръ духовенству настоящаго и будущаго времени, четырехъ странъ свѣта, отъ великаго царя, богами возлюбленнаго Гамини Тиссы“. Къ сожалѣнiю, такого царя не знаютъ цейлонскiя хроники и вопросъ о томъ, когда именно онъ жилъ, гдѣ царствовалъ, нисколько не разъясняется надписью. Еще менѣе ясно, что именно построилъ онъ и какое было первоначальное назначенiе этихъ пещеръ: были ли онѣ въ началѣ только жилищами монаховъ и затѣмъ уже обращены въ храмы, или же съ самаго начала эти естественныя пещеры были обращены въ храмы? Несомнѣнно—все, что теперь показывается въ храмахъ, очень не старо; но, тѣмъ не менѣе, оно не лишено интереса для специалиста.

Я провель въ Дамбулѣ около двухъ дней и затѣмъ отправился далѣе къ югу. Около Матаде есть монастырь, по имени Алувихаре, здѣсь за сто лѣтъ до начала нашей эры было записано слово Будды, до тѣхъ поръ, хранившееся устною передачею. Преданіе объ этомъ важномъ происшествіи общепринято между южными буддистами, и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности самаго факта; современному человѣку, привыкшему все записывать для памяти, можетъ казаться невѣроятнымъ, чтобы какое бы то ни было ученіе сохранялось чрезъ устную передачу въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; хранимое при такихъ условіяхъ, оно необходимо должно было измѣняться какъ въ своемъ содержаніи, такъ и съ внѣшней стороны, со стороны языка, на которомъ оно было первоначально выражено: было бы смѣло и почти невозможно отрицать эти два слѣдствія устнаго способа храненія ученія; но, съ другой стороны, нужно признать, что и при устной передачѣ могло сохраниться очень много древняго и первоначальнаго; это послѣднее явленіе нисколько не изумительно тамъ, гдѣ туземное ученіе до сихъ поръ, главнымъ образомъ, направлено къ упражненію и развитію памяти. Напримѣръ, на Цейлонѣ ученый монахъ непременно обладаетъ громадною памятью. Ихъ знаніе св. писанія изумительно; оно не ограничивается одною какою-либо книгою; весьма часто монахъ изучилъ всѣ *трипитаки* (т. е. всѣ свои св. книги), укажетъ цитату, найдетъ параллельныя мѣста, не прибѣгая къ справкамъ въ указателяхъ, о которыхъ онъ не имѣетъ понятія. Онъ съ дѣтства училъ книги на память, для него изучить книгу, значитъ выучить ее на память. При такомъ способѣ изученія св. слова, не смотря на неблагопріятныя условія, въ немъ могло удержаться и дѣйствительно удержалось много древняго. Храмы въ Алувихарѣ выстроены по одинаковому образцу съ Дамбульскимъ; хотя пещеры здѣсь

гораздо меньше и почти совершенно лишены фресокъ; кое-гдѣ видны ихъ остатки, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на скалахъ, видны отдѣльныя буквы исчезнувшей надписи.

Монастырь лежитъ въ двухъ миляхъ, не доѣзжая до Матале, города, въ которомъ большіе склады кофе. Кругомъ множество кофейныхъ плантацій и обозы съ кофе тянутся во всю дорогу сюда и далѣе къ Канди. Небольшой городокъ, состоящій изъ одной длинной улицы и базара очень оживленъ; здѣсь живетъ много малайцевъ и малабарцевъ. Дорога отсюда въ Канди пролегаетъ по живописной и воздѣланной мѣстности; она извиается среди холмовъ и послѣ четвертой мили начинается подниматься въ гору; хотя отъ Матале до Канди ходитъ общественный экипажъ, обязанный совершать переѣздъ въ опредѣленное время, тѣмъ не менѣе, когда я ѣхалъ, по дорогѣ тянулось такое множество обозовъ съ кофе, что мы опоздали въ Канди.

Канди городъ небольшой, но очень красивый и лежитъ въ живописной долинѣ, у небольшого озера. Здѣсь далеко не такъ жарко, какъ въ Коломбо, а по ночамъ ощущаешь даже нѣкоторую прохладу, о чемъ въ Коломбо совершенно забываешь. Въ этомъ городѣ постоянно встрѣчается много европейцевъ, и всѣ дома выстроены по европейски; кое-гдѣ еще уцѣлѣли отертыя лавки, выстроенныя по мѣстному образцу. Туземное населеніе города очень разнообразно: здѣсь много малабарцевъ, малайцевъ.

Кандійскіе сингалезцы по физическому типу отличаются отъ сингалезцевъ другихъ мѣстъ; между ними не попадается рослыхъ, но большинство мужчинъ красивы и цвѣтъ кожи свѣтлѣе нежели у приморскихъ жителей. Я не жилъ тамъ на столько, чтобы составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе объ ихъ нравственномъ характерѣ. Они очень любезны и предупредительны; но тоже самое можно

сказать о большинствѣ туземнаго населенія на Цейлонѣ; къ англичанамъ они не чувствуютъ особой любви, но при этомъ сильно англичанятся. Случается весьма часто слышать неудовольствіе на гордость и исключительность англичанъ, при томъ отъ такихъ людей, которые безъ всякой нужды и пользы для себя, заискиваютъ во всякомъ англичанинѣ; и это заискиваніе весьма часто доходитъ до самоуничиженія. Англичане съ своей стороны, относятся къ туземному населенію на Цейлонѣ еще съ большимъ пренебреженіемъ, нежели въ Индіи. Сингалезецъ кротокъ по природѣ, и притомъ не имѣетъ въ настоящее время богатой и родовитой аристократіи; не помышляетъ объ отторженіи отъ Англии, а потому англичанинъ, чувствуя себя на Цейлонѣ вполне безопаснымъ, позволяетъ себѣ на островѣ то, что немыслимо на материкѣ Индіи. На англійскую официальную несправедливость мнѣ не случилось слышать жалобъ; предъ закономъ всѣ подданные ея величества равны; англійская несправедливость, принижаящая туземца, сказывается въ рядѣ мелкихъ общественныхъ явленій: я ни разу не видалъ сингалезца; путешествующаго по желѣзной дорогѣ въ 1-мъ классѣ; меня увѣрили, что хотя закономъ это и не запрещено, но сложился такой обычай и таково требованіе англійскаго населенія на островѣ, что ни одному сингалезцу не дадутъ у кассы билета перваго класса. Одинъ очень умный и ученый сингалезецъ говорилъ мнѣ объ англичанахъ: „каждый изъ нихъ гордъ и презираетъ насъ, по тому только, что мы *black-nigger's*. На аукціонѣ казенныхъ земель всякій солдатъ, рабочій бѣлой кожи сидитъ, а мы, которые вѣдь *gentry* этой страны, мы должны стоять и не смѣемъ сѣсть. Они намъ руки не подають, а если кто и подастъ, такъ тутъ-же, передъ глазами вынетъ платокъ и вытретъ свою руку!“ Дѣйствительно, англичане на островѣ не охотножимаютъ черную руку; одинъ англійскій судья приобрѣлъ популярность

между туземцами только тѣмъ, что не гнушался пожимать черную руку; и таковыхъ немного. Но и онъ скоро доходилъ до крайняго предѣла своего либерализма. Разъ, въ одну изъ продолжительныхъ прогулокъ съ этимъ англичаниномъ, мы зашли въ домъ сингалезца. Хозяинъ былъ очень любезенъ и предложилъ намъ завтракъ, отъ котораго мы не отказались, потому что были голодны. Завтракъ явился скоро и былъ очень обилень. Предъ вкушеніемъ его въ головѣ либеральнаго англичанина возникъ очень оригинальный вопросъ, который онъ мнѣ тутъ-же и предложилъ на обсужденіе: „слѣдуетъ ли намъ сажать съ собою за одинъ столъ хозяина?“. Вопросъ былъ рѣшенъ положительно и я видѣлъ картину, какъ гость, сѣвъ за столъ, упрашивалъ хозяина присѣсть вмѣстѣ съ нимъ и вкусить отъ своего-же щедраго завтрака. Нужно сказать, что хозяинъ былъ человѣкъ очень достаточный, принадлежалъ къ высшему туземному обществу и не былъ подчиненъ англичанину гостю. По поводу сидѣнія туземца за однимъ столомъ съ англичаниномъ, я слышалъ въ Канди рассказъ, за достоверность котораго, впрочемъ, не ручаюсь. На Цейлонѣ, въ мое время былъ одинъ *баронетъ* изъ бюргеровъ, т. е. смѣшанной расы, съ черною кровью въ жилахъ. Однажды онъ явился за табль-дотъ въ одной гостинницѣ и былъ выведенъ самимъ хозяиномъ, объявившемъ ему, что тамъ, гдѣ сидятъ бѣлые джентельмены, нѣтъ мѣста „черной кожѣ“. Можетъ быть этого и не случалось съ баронетомъ, но несомнѣнно, что ни одинъ человѣкъ съ черной кожей не является и не будетъ впущенъ въ гостинницу, гдѣ живутъ европейцы. Такіе порядки очень дурно отзываются на сингалезскомъ народномъ характерѣ; этотъ родъ порабощенія, исключеніе изъ европейскаго общества — развиваютъ многія дурныя наклонности въ туземцахъ. Жалобы англичанъ на лживость и фальшивость сингалезцевъ имѣютъ свои основанія, но отчасти эти стороны

народнаго характера объясняются тѣми оригинальными отношеніями, въ которыхъ стоятъ правящіе и управляемые.

Въ настоящее время въ Канди мало достопримѣчательнаго и стараго. Въ бывшемъ дворцѣ кандійскихъ царей живетъ Government agent: зданіе передѣлано и принаровлено къ европейскимъ вкусамъ и потребностямъ. Въ городѣ нѣтъ старыхъ домовъ и, бродя по улицамъ города, не видишь слѣдовъ прошлой жизни, временъ кандійскихъ царей, властвовавшихъ здѣсь до 1815 года. Объ ихъ щедрости и богатствѣ напоминаютъ отчасти религіозныя зданія, храмъ и два знаменитыхъ монастыря: Асгири и Малвате. Оба монастыря схожи между собою и расположены на холмахъ, въ противоположныхъ концахъ города. Въ обоихъ кельи и храмы разсыяны по уступамъ холма. Многія зданія выстроены еще при кандійскихъ царяхъ: кельи такъ многочисленны, что въ нихъ, съ разрѣшенія монаховъ, живутъ даромъ бѣдные сингалезцы, иногда даже христіане-туземцы; зданія окружены со всѣхъ сторонъ богатою, тѣнистою растительностію и жить въ нихъ можно съ великимъ удобствомъ. Я бывалъ въ обоихъ монастыряхъ очень часто и всякій разъ все болѣе и болѣе восхищался прелестями этихъ отшельническихъ пріютовъ. Монахи очень добродушный и любезный народъ, но, къ сожалѣнію, и очень неученый; въ кельяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть книги и рукописи; но чтеніемъ они не занимаются; ни разу я не заставалъ ни одного за книгою; утромъ онъ бродитъ, собирая милостыню, затѣмъ отдыхаетъ цѣлый день, сидитъ у двери своей кельи и жуетъ бетель; къ нѣкоторымъ по утрамъ собираются мальчики учиться чтенію и письму; таковой классъ располагается подъ открытымъ небомъ и издали даетъ о себѣ знать громкимъ распѣваніемъ; сингалезцы иначе не читаютъ, какъ на распѣвъ и громко. Впрочемъ занятія не бываютъ продолжительны, и часа черезъ два дѣти распускаются, затѣмъ начи-

наютъ приходить взрослые посѣтителы; разговоры при этомъ не всегда душеспасительны. Монахи, ведя совершенно праздную жизнь и будучи совершенно обезпечены матеріально, весьма охотно балагурятъ. Въ ноябрѣ они занимаются шитьемъ *чиваръ*, т. е. своихъ одѣяній; матерію желтаго цвѣта, изъ шелка и хлопка они обыкновенно получаютъ въ даръ, отъ какого нибудь доброхотнаго дателя. Кройкой-же и шитьемъ занимаются сами, собравшись всѣ вмѣстѣ въ келью по просторнѣе, или на монастырскомъ дворикѣ; на это время въ монастырь сходится много мірянъ и время проводится очень весело. Бываетъ-ли при этомъ душеспасительное чтеніе — не знаю; хотя таковое занятіе и предписывается уложеніями, но мнѣ не приходилось заставить монаховъ за книгами. Я видалъ шитье *чиваръ* во многихъ монастыряхъ, находилъ всегда при этомъ нѣкоторое веселье, слышалъ много смѣху и оживленные разговоры, книгъ же не видалъ.

Въ Канди находится храмъ „Зуба“ (Далада-Малигава). Онъ стоитъ на берегу озера и въ близкомъ разстояніи отъ бывшаго дворца. Все это мѣсто обнесено ровомъ и стѣною, въ которой продѣланы трехъугольныя отверстія; въ дни праздниковъ въ эти отверстія ставились свѣтильники. На одномъ углу стѣны, ближайшемъ къ озеру, возвышалась шестиугольная двухъ-этажная башня: отсюда, въ торжественныхъ случаяхъ, царь показывался своему народу, на другомъ находилось помѣщеніе его женъ. Въ промежуткѣ между двумя крайними оконечностями стѣны находится входъ во дворецъ и въ храмъ Зуба; мостъ черезъ ровъ ведетъ подъ арку, пройдя которую и поднявшись на нѣсколько ступеней, вступаешь въ другую арку; отсюда на лѣво ходъ во дворецъ, направо же къ храму и шестигранной башнѣ.

Храмъ, въ которомъ хранится буддійская святыня, выстроенъ по обыкновенному плану цейлонскихъ храмовъ, только

гораздо просторнѣе, окруженъ верандою и двухъ-этажный. Въ верхнемъ этажѣ, въ небольшой, совершенно темной комнатѣ хранится святой зубъ. Воздухъ здѣсь отъ жары и благоуханія цвѣтовъ удушливъ. Святыни не показываютъ; она заключена въ золотыхъ ступахъ, формою похожихъ на колоколь; ихъ шесть числомъ. Въ обыкновенное время можно видѣть только одну внѣшнюю; она пяти футовъ въ высоту, сдѣлана изъ вызолоченнаго серебра, обильно украшена различными драгоценными каменьями и увѣшана золотыми цѣпями, остальные пять ступъ имѣють ту же форму и постепенно уменьшаются въ размѣрахъ; подъ самой послѣдней, въ одинъ футъ, высоты находится золотой лотусовый листъ, на которомъ покоится зубъ. Святыня стоитъ на столѣ, обитомъ парчею; также украшены стѣны комнаты; на другомъ столѣ, стоящемъ впереди положены цвѣты и зажжены свѣтильники. Притолки двери, ведущей въ эту комнату выложены слоновою костью, съ очень изящною рѣзбою. Безъ главнаго настоятеля, до-ступъ сюда невозможенъ; у него находится ключъ отъ двери; добродушный старецъ, впрочемъ, очень охотно показываетъ святыню не вѣрующимъ глазамъ, и не требуетъ даже денегъ за посмотрѣнiе.

Зубъ, который здѣсь хранится, по твердому убѣжденiю, вѣрующихъ буддистовъ, принадлежалъ Буддѣ; изъ описанiй видѣвшихъ святыню извѣстно, что укрытая золотомъ кость довольно значительныхъ размѣровъ и вовсе не похожа на чей-либо зубъ: онъ двухъ вершковъ въ длину и вершокъ въ ширину, у основанiя. Но, такъ какъ по мнѣнiю буддистовъ Будда былъ гигантскаго роста, то ясно, что и зубы у него были большiе.

Почитанiе мощей между буддистами началось еще до Р. Х. и вѣроятно одновременно съ построенiемъ ступъ, которыя первоначально воздвигались надъ бранными останками Будды,

его учениковъ и святыхъ, затѣмъ ступы стали строиться и надъ другими святынями, и также въ мѣстахъ, ознаменованныхъ какимъ либо происшествіемъ. Въ настоящее время ступа воздвигается непременно надъ какою либо святынею, всего чаще надъ мощами, ибо добыть ихъ всего легче. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ съ Цейлона, около Галле, въ мѣстечкѣ Пареманда, я видѣлъ закладку новой ступы. Ступа закладывалась небольшая; я пришелъ въ монастырь, на другой или третій день торжества; мощей еще не клали, но уже фундаментъ ступы былъ воздвигнутъ и посрединѣ виднѣлось четвероугольное отверстіе, куда предполагалось поставить ящикъ съ мощами. Надъ фундаментомъ ступы былъ поставленъ наскоро сдѣланный павильонъ; рядомъ стоялъ другой подобный же, въ которомъ устроена была каѳедра; здѣсь два монаха читали св. книги (пирить). Оба павильона были весьма странно разукрашены,—дешевыми литографіями, картинами, вырѣзанными изъ англійской иллюстраціи, объявленіями о лучшихъ сухаряхъ, ярлыками съ бутылокъ и т. п. Рядомъ съ первымъ павильономъ, на большомъ и высокомъ столѣ помѣщался ящикъ съ мощами; кругомъ его стояли разныя статуэтки европейской работы, фигуры звѣрей и птицъ. По этой обстановкѣ нельзя было подозрѣвать, что въ стеклянномъ ящикѣ заключена святыня. Религіозное торжество имѣло видъ ярмарки. Народа было много; но, никто не молился и не внималъ словамъ св. писанія. Сами монахи, какъ то лѣнливо и, озираясь по сторонамъ, тянули въ носъ святые слова. Я спросилъ у одного монаха, чьи мощи они думаютъ положить въ ступу? — „Господа“ (т. е. Будды)! отвѣчалъ онъ мнѣ. — „Откуда вы ихъ достали?“ — „Изъ старой ступы!“ — „А въ старую ступу откуда они были принесены?“ Этого онъ не зналъ и не желалъ знать. Мелкія мощи не имѣютъ исторіи; объ ихъ происхожденіи знаютъ монахи, сотворившіе ихъ. Но святой

зубъ, какъ главная буддйская святыня, имѣеть длинную и несовершенно проясненную исторію. Онъ принесенъ былъ на Цейлонъ изъ Индіи въ IV вѣкѣ и первоначально хранился въ Анурадхапурѣ. Оттуда его перенесли въ Полланарруа; по разрушеніи этой столицы святыня была перенесена въ Дамбаденію. Говорятъ, онъ хранился одно время въ Япаху, затѣмъ въ Курунегалѣ и наконецъ въ XIII вѣкѣ былъ окончательнo помѣщенъ въ Канди. Весьма вѣроятно, что та же самая святыня хранится до сихъ поръ въ Канди; хотя и есть извѣстіе, не подлежащее никакому сомнѣнію, что въ XVI ст. (1560) португальцы, занявъ Жафну, овладѣли тамъ какимъ-то св. зубомъ. Пегуанскій царь, узнавъ объ этомъ несчастномъ для буддистовъ событіи, прислалъ къ Константину Браганцскому, португальскому вице-королю Индіи, посольство съ предложеніемъ большаго выкупа; переговоры по дѣлу о выкупѣ зуба были прерваны вмѣшательствомъ католическаго духовенства; по ихъ настоянію португальцы отказались отъ выкупа,— торжественно истолкли и сожгли св. зубъ въ Гоа. Самый фактъ сожженія португальцами какого-то зуба или кости, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но, затѣмъ возникаетъ вопросъ, какой это былъ зубъ? тотъ ли самый, что, побывавъ въ разныхъ столицахъ Цейлона съ XIII вѣка хранился въ Канди? Изъ мѣстныхъ хроникъ не извѣстно, чтобы въ Жафнѣ когда-либо хранился св. зубъ; Жафна никогда не была столицею Цейлона, и никогда буддизмъ тамъ не процвѣталъ; а потому совершенно необъяснимо, какимъ образомъ португальцы нашли святыню именно въ этомъ городѣ? На основаніи этихъ соображеній можно было бы признать, что португальцы сдѣлались жертвою обмана, и что древняя святыня до сихъ поръ хранится въ Канди цѣла и невредима. Но, съ другой стороны переговоры съ пегуанскимъ царемъ неопровержимо

доказываютъ, что имъ удалось въ Жафнѣ овладѣть какою-то святынею.

Цейлонскіе буддисты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что въ Канди хранится настоящій зубъ Будды и что португальцы никогда не владѣли имъ.

VI.

Поѣздка въ Алуть-Нувару и цейлонскіе черти.

1.

Къ востоку и юго-востоку отъ центральной провинціи острова тянется на десятки миль лѣсная страна, иногда называемая стариннымъ именемъ Ведда-ратъ, т. е. страна веддовъ. Ведды не многочисленный народецъ, посмотрѣть на который старается почти всякій попавшій на сказочный островъ, гдѣ столько различныхъ диковинъ. Но видѣть настоящіе образцы этого народа вовсе не такъ легко, и вѣроятно совершенно невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей. Въ города по своей волѣ ведды не заходятъ, они бродятъ и охотятся въ лѣсной глуши; коренной, первобытный ведда избѣгаетъ даже сосѣднихъ ему сингалезскихъ деревенекъ. Случается иногда, что, удовлетворяя любопытству какого-нибудь высокопоставленнаго лица, мѣстныя власти излавливаютъ нѣсколько веддовъ и приводятъ ихъ напоказъ или въ Канди, или въ Нувареліа. Такъ было въ пріѣздъ герцога Эдинбургскаго на Цейлонъ. Ему представили диковинныхъ стрѣлковъ въ Канди. То были, такъ сказать, казовые ведды: угрюмы на видъ, косматы, грязны; молча они продѣлаютъ нѣсколько своихъ штукъ предъ лицомъ важной особы и его свиты: пострѣляютъ, попляшутъ и т. д., и затѣмъ уйдутъ къ себѣ, унося Богъ знаетъ какое представленіе о бѣломъ человѣкѣ. Ведды

остались народомъ живимъ и почти первобытнымъ, по сосѣдству съ кофейными плантаціями, шоссейнными дорогами и всѣми успѣхами европейской цивилизаціи, занесенными англосаксонцами въ колонію. Народъ не далеко ушелъ отъ того состоянія, въ какомъ его застаесть исторія за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; веда и нынѣ такъ же напоминаетъ демона, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, когда болѣе культурный сингалезецъ прозвалъ его Яккхонъ (Yakkho—демонъ). Несмотря на всѣ старанія мѣстнаго правительства сдѣлать изъ веддовъ народъ осѣдлый и земледѣльческій, ведды до сихъ поръ главнымъ образомъ полубродячее или совсѣмъ бродячее племя; нѣкоторымъ успѣхомъ, впрочемъ, старанія правительства увѣнчались: ничтожное меньшинство веддовъ живетъ въ деревенькахъ и кое какъ обрабатываетъ свои поля; масса же народа осталась по прежнему бродячими стрѣлками; такихъ веддовъ, съ древесною корою у чресель, всего труднѣе увидеть, они скрываются въ лѣсной глуши и избѣгаютъ людей, имъ неподобныхъ.

На Цейлонѣ ходятъ разнообразнѣйшіе толки объ этомъ народѣ; всѣ почти согласны, что трудно и даже почти невозможно увидеть настоящихъ веддовъ, совершенно нетронутыхъ быстро распространяющеюся здѣсь европейскою цивилизаціей или сношеніемъ съ болѣе культурными сингалезцами; диковинныя вещи рассказываются о языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ веддовъ. Нѣкоторые писатели утверждали, что у веддовъ нѣтъ религіи, и сомнѣвались въ существованіи языка у нихъ. Объ ихъ обычаяхъ повѣтствуется много любопытнаго и много до крайности несообразнаго. Такими странными красками рисуется жизнь лѣсныхъ стрѣлковъ, что ведды легко могутъ представиться скорѣе звѣрьми, нежели людьми. Нѣтъ возможности давать вѣру всѣмъ толкамъ, и достовѣрная полная характеристика веддовъ поистинѣ должна считаться

благодарною проблемою для будущаго изслѣдователя; описаніе народа: его языка, религіи, обычаевъ, составитъ въ высшей степени важный вкладъ въ этнографію. По возможности полное описаніе веддовъ было бы любопытно въ двухъ отношеніяхъ: изъ этого описанія, какъ изъ характеристики всякаго народа дикаго, можно было бы извлечь факты, неоцѣненные для разрѣшенія великой задачи, какимъ путемъ шло развитіе человѣчества, гдѣ его приблизительное начало и какія фазы оно переходило. Но описаніе веддовъ важно и въ другомъ отношеніи. Они живутъ и долго жили на небольшомъ островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженные болѣе культурными сингалезцами, необходимо должны были быть и дѣйствительно были постоянно въ сношеніяхъ съ сосѣдями, буддистами, къ тому же негнушавшимися веддами и презиравшими ихъ. Въ продолженіи столѣтій жители острова приходили въ столкновение съ многими народами, сюда являлись и завоеватели, и купцы. Исторія, литература, архитектурные остатки свидѣтельствуютъ о высокомъ культурномъ развитіи сингалезцевъ, а также, что разнообразныя столкновенія съ другими народами не прошли безслѣдно для нихъ; они отразились и въ ихъ народномъ характерѣ, и въ памятникахъ умственной жизни. А между тѣмъ ведда все такъ же дикъ и такъ же страшень, какъ тѣ яккхи, о которыхъ говоритъ легенда. И, глядя на этотъ народъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, почему онъ такъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ впервые является на страницахъ мѣстныхъ хроникъ?...

Пріѣхавъ въ Бадулла, я сталъ въ тотъ же день хлопотать объ устройствѣ поѣздки въ страну веддовъ. Рекомендательныя письма къ мѣстнымъ властямъ помогли мнѣ, и черезъ два дня я былъ на пути въ Алуть-Нуvara. Я выѣхалъ изъ Бадулла въ одноколѣ, запряженной однимъ быкомъ; моимъ спутникомъ былъ одинъ полу-объевропешійся сингалезецъ, состоя-

щій на британской службѣ. Въ нашемъ неудобномъ экипажѣ мы должны были сдѣлать около десяти миль, до Талденія. Дорога отъ Бадулла до Талденія торная и пролегаетъ по очень красивой мѣстности; она вьется внизъ, по скату холмовъ, и хотя очень ровна, но узка и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже двумъ одноколкамъ было бы затруднительно развѣхаться. Но человекъ приложилъ свои руки къ этой мѣстности; внизу стелются кофейныя плантаціи, виднѣются домики европейцевъ; вокругъ холмовъ по отлогому склону вьется шоссе. Въ день нашего выѣзда изъ Бадулла шелъ сильный дождь; съ шумомъ каскадами стекали ручейки съ вершинъ холмовъ; въ одномъ мѣстѣ на самомъ шоссе образовалось нѣчто подобное очень бурной рѣчкѣ: не безъ затрудненій переправилась одноколка чрезъ потокъ. Бычокъ тащится далеко не борзо, и десять миль мы проѣхали въ шесть слишкомъ часовъ. Поздно вечеромъ мы добрались до *Rest-hous'a*, въ Талденія. На постояломъ дворѣ, въ такомъ глухомъ мѣстѣ, конечно нельзя было ожидать какихъ-либо удобствъ: никакой ѣды невозможно было добыть; стояли кровати, но постелей на нихъ не было. Помѣщеніе не отличалось также чистотою: бѣлые муравьи, москиты и обиліе другихъ насѣкомыхъ наполняли столовую. Здѣсь мы узнали неприємную новость: вслѣдствіе дождей, ѣхать прямою дорогою отсюда въ Алуть-Нуvara не было никакой возможности; рѣки разлились и переправляться чрезъ нихъ было невозможно; приходилось ѣхать до Бубуле и оттуда свернуть въ сторону, къ сѣверу въ Алуть-Нуvara. Перемѣна въ маршрутѣ составляла разницу на десять миль, и при этомъ приходилось слѣдовать по отвратительной дорогѣ. Дождь шелъ во всю ночь. На другой день, рано утромъ, мы сѣли на коней и пустились въ путь. Сначала мы ѣхали въ гору, по лѣсной тропинкѣ; кони безпрестанно спотыкались, путь былъ каменистый; громадныя глы-

бы, мелкіе камни покрывали тропинку; на рѣкахъ, рѣчонкахъ не было мостовъ. Приходилось переѣзжать ихъ въ бродъ. Тащились мы шагомъ. Казалось, лѣсу не будетъ конца, и только поздно вечеромъ, однако же до обѣда, добрались до Бубуле. Здѣсь мы переночевали и на другой день отправились въ Алуть-Нувара. Дорога шла лѣсомъ и хотя на картѣ она обозначена какъ малая, но была несравненно лучше той, по которой мы ѣхали вчера и которая считается большою. Въ другое время года шесть миль отъ Бубуле до Алуть-Нувара легко проѣхать часа въ полтора, мы употребили на этотъ переѣздъ четыре съ небольшимъ часа; при этомъ, въ одномъ мѣстѣ мы потеряли настоящую дорогу и сдѣлали мили двѣ лишнихъ. Наконецъ, часовъ въ десять, среди густой зелени завиднѣлась обвалившаяся вершина ступы Махіянганы, и мы были въ Алуть-Нувара.

На ряду съ другими святыми мѣстами, вся мѣстность кругомъ ступы считается буддистами святою. Ежедневно благочестивый буддистъ долженъ памятовать о Махіянганѣ; мысленно обращаться къ ней и въ молитвахъ чтить ее. Исторія ступы, конечно, легендарная, начинается за пять столѣтій до Р. Х. На первыхъ страницахъ туземныхъ хроникъ упоминается о живописной и пріятной мѣстности въ центрѣ острова, гдѣ жили во дни Будды демоны. И дѣйствительно, деревенька, около которой въ настоящее время высится святая ступа, расположена на плоскомъ берегу рѣки Махавелли и лежитъ среди очаровательной мѣстности. По ту сторону рѣки высятся значительные холмы; и холмы и вся мѣстность кругомъ покрыты роскошною зеленью; кругомъ обиліе разнообразной дичи. Здѣсь, говоритъ легенда, былъ когда-то, въ отдаленныя времена, за двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ, великолѣпный садъ, куда собирались демоны или тѣ первобытные обитатели острова, которые и въ настоящее время живутъ кругомъ Алуть-

Нуvara. Вся мѣстность кругомъ удивительно живописна; густой, сплошной лѣсъ стелется на мили во всѣ стороны. Въ декабрѣ, послѣ дождей, здѣсь все цвѣло и необыкновенно сильное и очень пріятное благоуханіе наполняло воздухъ. По преданію, ступа Махіянгана стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Будда явился и подчинилъ своей власти демоновъ. Онъ явился въ ихъ собраніи, и среди ливня, вихря и тьмы остановился въ воздухѣ, надъ ихъ головами. Демоны, въ испугѣ, стали молить Вѣщаго о пощадѣ. „Избавлю васъ отъ страха и скорби,—сказалъ милосердый,—дайте мнѣ мѣсто, среди васъ!“—„Даруй намъ безопасность, и мы отдадимъ тебѣ весь островъ!“ Разостлалъ Будда кожу, и какъ только сѣлъ на нее, края кожи воспламенились и стали распространяться во всѣ стороны. Демоны, побѣжденные зноемъ, должны были удалиться. На этомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ быть произошло первое столкновеніе культуры и первобытности, память о чемъ сохранилась въ оригинальной и нѣсколько уродливой легендѣ, стоитъ одна изъ древнѣйшихъ, а потому самому любопытныхъ ступъ; но она такъ часто разрушалась и возобновлялась, что въ настоящее время въ ней можно видѣть странную смѣсь древняго и новаго. Ступа имѣетъ видъ колокола и окружена была террасою; кругомъ видны во множествѣ гранитныя плиты и четырехгранные столбы; кое-гдѣ сохранились гранитныя ступени, покрытыя очень красивою рѣзбою. Эти ступени веди къ алтарямъ, примыкавшимъ къ ступѣ, съ четырехъ сторонъ. Ступа стояла среди квадратнаго двора, окруженнаго кирпичною стѣною. Главный входъ во дворъ былъ съ востока; съ сѣвера же примыкаетъ другой, меньшій дворъ, среди котораго стоитъ святое древо, *Ficus religiosa*. Предъ деревомъ возвышается алтарь и кое-гдѣ правильно расположенные столбы указываютъ на то, что здѣсь была какая-то постройка, можетъ быть капелла. Въ ограды двора, въ недалекомъ разстояніи, находится храмъ бога Самана.

Здѣсь, въ Алуть-Нувара, среди остатковъ глубокой древности, хотя и сильно подновленныхъ (ступа реставрируется въ настоящее время), я увидѣлъ первыхъ веддовъ. Какъ только я пріѣхалъ въ Rest-house, и пока наня прислуга хлопотала о завтракѣ, въ домъ явился первый образецъ веддовъ. То былъ, однакоже, цивилизовавшійся ведда: ребенкомъ былъ онъ взятъ въ сингалезскую семью, вскормленъ ею и женился на сингалезкѣ. Онъ почти забылъ въ настоящее время свой родной языкъ и какъ будто сталъ настоящимъ сингалезцемъ. Но дикій человекъ еще былъ видѣнъ въ немъ, хотя Пачча (такъ его звали) значительно цивилизовался: говорилъ мягкимъ голосомъ, улыбался во весь ротъ, кланялся, слагалъ руки въ знакъ почтенія. Онъ былъ малъ ростомъ, косматъ, грязенъ и чуть-чуть не совсѣмъ нагъ. Перевести нѣсколько сингалезскихъ словъ на родной языкъ онъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ. Онъ говорилъ по-сингалезски и, казалось, зналъ только сингалезскія слова. Черезъ нѣсколько часовъ, при помощи мѣстнаго сельскаго старшины, я увидалъ настоящихъ веддовъ. То были, однакоже, образцы той части народа, которая приходитъ въ сношеніе съ сингалезцами, живущими въ окружающихъ деревенькахъ: самыми дикими веддами ихъ нельзя было назвать. Они были малы ростомъ, косматы, угрюмы на видъ: носы имѣли плоскіе, губы толстыя и голыя тѣла ихъ были до крайности грязны. Сингалезцы увѣряютъ, что ведды никогда не моются, опасаясь ослабѣть отъ мытья. Говорили они крикливымъ, очень громкимъ голосомъ, какъ бы съ нѣкоторою грустью и гнѣвомъ. Пониже живота спускалась небольшая тряпочка, а не кусокъ древесной коры. Замѣна коры тряпочкою знаменовала прогрессъ, и въ этомъ состояло все ихъ одѣяніе. Въ рукахъ они держали топоры, луки и стрѣлы: желѣзныя оконечности стрѣлъ—работа сингалезская, и пріобрѣтаются веддами въ обмѣнъ на добычу охоты и дикій медъ.

Въ языкѣ этихъ веддовъ (насколько я могъ убѣдиться изъ записаннаго мною словарика), множество чисто сингалезскихъ словъ для самыхъ первоначальныхъ понятій; такъ: рука, нога, волосы, пальцы, ногти называются сингалезскими словами. Для ногтя эти ведды употребляютъ весьма любопытное сингалезское слово *kātu*, отъ санскритскаго корня *kart*—рѣзать: *katu*, острый. Слово „ноготь“, этимологически значущее не болѣе какъ рѣзакъ, остатокъ глубокой древности и, конечно, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то состояніе, въ которомъ находился человекъ, когда онъ впервые назвалъ ноготь „рѣзакомъ“. Тогда, конечно, у него не было ни топора, ни желѣзной оконечности стрѣлы. Для многихъ животныхъ они имѣютъ сингалезскія слова, для другихъ названія сходныя съ палійскими. Такъ, „рыбу“ они называли словомъ „*macchi*“ (на палійск. *maccha*, по скр. *matsya*), а курицу „*chāpi*“ (на палійск. *svara* значитъ птенецъ). Многихъ звѣрей они называли совершенно оригинальными именами, и для слона и лошади имѣютъ одно и то же названіе. „Сколько у тебя пальцевъ на рукѣ?“ спросили старѣйшаго изъ веддовъ. „*Tunai!*“—три! (сингалезское слово) отвѣчалъ онъ не задумавшись, хотя и не былъ безпальцемъ. Другой бойко пересчиталъ сингалезскими числительными пять пальцевъ на одной рукѣ, на второй сбился и упорно называлъ девятый палецъ десятымъ, а десятый девятымъ. Пропаясь съ ними, я далъ имъ нѣсколько мелочи. Пересчитать монеты никто изъ нихъ не могъ. И на вопросъ: „сколько?“, каждый отвѣчалъ: „*kati-ak*“, много, а монетъ было всего четыре. Насколько возможно было убѣдиться изъ разспросовъ, чрезъ переводчика, у веддовъ есть опредѣленные религіозныя представленія. Они имѣютъ и названія боговъ, и съ нѣкоторыми цвѣтами соединяютъ религіозныя представленія. Такъ они говорили, что цвѣтокъ *Dematu-mal* особенно любимъ ихъ богами. Въ заключеніе нашего перваго свиданія ведды пля-

сали. Подъ звуки заунывной однообразной пѣсни, ставъ въ кружокъ, они толклись на одномъ мѣстѣ. Лица оставались по прежнему суровы и неподвижны. Они пѣли; „плету цвѣточки Dematu-mal, плету цвѣточки Kadiran-val, разставляйте навѣсъ“, и т. д. Мало-по-полу темпъ пѣсни ускорялся, ведды какъ будто оживлялись и даже начинали приходиться въ какой-то дикій экстазъ: они потрясали головами и, кружась, высоко поднимали то ту, то другую ногу. За пляской слѣдовала стрѣльба изъ лука. Особеннаго искусства ни въ томъ, ни въ другомъ я не замѣтилъ.

Когда ведду что-либо не нравится, онъ произноситъ: „me-me!“ Такъ, при видѣ своего изображенія въ зеркалѣ онъ произноситъ тотъ же звукъ. Опытъ съ зеркаломъ повторялся нѣсколько разъ, многими лицами, и всегда получался тотъ же результатъ: посмотреть на себя ведда и тотчасъ же отвернется, произнося: „me! me!“

Изъ Алуть-Нуvara я долженъ былъ ѣхать въ Бубуле, гдѣ мнѣ обѣщали показать другихъ веддовъ. Дорога отсюда до Бубуле пролегаетъ также по лѣсу. Мѣстность во всю дорогу какъ и во всемъ центрѣ острова, необыкновенно живописна. Мы выѣхали въ свѣтлый день и всю дорогу ѣхали въ тѣни, подъ густымъ сводомъ деревъ. Лѣсъ, послѣ ночного дождя наканунѣ, сильно благоухалъ. Чѣмъ ближе мы были къ Бубуле, тѣмъ чаще попадались сингалезскія деревеньки. На половинѣ дороги мы сдѣлали привалъ у одного *ambalam* (постоялый дворъ, родъ павильона для иѣшекодовъ), вблизи котораго находится источникъ необыкновенно чистой и холодной воды.

Совершенно почти стемнѣло, когда мы достигли мѣстечка Бубуле. По дорогѣ стояла толпа народу, и нашъ караванъ двигался медленно, среди празднующаго народа. Нашихъ лошадей вели подъ уздцы, и по четыре человекъ несли два

кресла, на длинныхъ палкахъ. Утомленные долгимъ переѣздомъ, мы шли пѣшкомъ. Передъ Rest-hous'омъ была воздвигнута арка, въ изобилии увѣшанная зеленью, и сдѣлана была аллея также изъ зелени. Въ домѣ комнаты были увѣшаны нѣсколько грязноватыми, но бѣлыми тканями, словомъ, мѣстный старшина постарался сдѣлать намъ пріемъ любезный и торжественный. Неудобный Rest-house былъ превращенъ его стараніями въ очень приличный и уютный домикъ; на полахъ были разостланы циновки; не забыты были и спальни: на кроватяхъ были и мягкія постели, и сѣтки отъ москитовъ. Въ столовой горѣла свѣча, правда, единственная въ цѣломъ домѣ, но зато въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Но вмѣстѣ со всѣми этими удобствами, меня ждало горькое разочарованіе: старшина сообщилъ мнѣ, что за разливомъ рѣкъ увидать веддовъ очень трудно, они ушли въ глубь страны и приходъ ихъ въ Бубуле или мѣста окрестныя болѣе нежели сомнителенъ. На другой день, однакоже, часовъ въ двѣнадцать онъ досталъ откуда-то человекъ шесть дикарей. То были дѣйствительно ведды, хотя сначала я сомнѣвался въ томъ; но они были наименѣе любопытными образцами народа. Они пришли въ Rest-house подъ предводительствомъ сингалезца. Трое изъ нихъ были небольшого роста и такъ же раздѣты, какъ и тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алуть-Нуvara: но у одного въ ушахъ были мѣдныя серьги и у всѣхъ мѣшочки съ бетелемъ. Трое другихъ были повыше ростомъ; у одного изъ этихъ послѣднихъ волосы были заплетены въ пучокъ; онъ бойко взошелъ, улыбаясь, и тѣмъ сразу изобличилъ свою цивилизованность; дикій ведда, говорятъ, никогда не улыбается и не смѣется. Улыбавшійся ведда не имѣлъ лука и стрѣлъ, онъ былъ вооруженъ однимъ топоромъ, который держалъ на плечѣ. Говорили эти ведды скороговоркою, но голосомъ тихимъ и даже глухимъ. На видъ они были также грязны и косматы, какъ и въ Алуть-Ну-

вара. У тѣхъ и другихъ были усы и бороды, тѣло было покрыто волосами, но далеко не въ обилии. У самыхъ дикихъ веддовъ, тѣхъ, которыхъ называютъ Галведда, т. е. веддами пещерь, тѣло густо покрыто волосами. Такъ мнѣ сообщилъ, попавшійся по дорогѣ въ Бубулѣ, одинъ мавръ-торгащъ. Мавръ этотъ много бродилъ по лѣсамъ и постоянно вступалъ въ сношенія съ веддами, какъ съ живущими въ пещерахъ, такъ и съ тѣми, которые строятъ хижинны. Они строятъ эти хижинны или изъ древесной коры всякаго рода, или плетутъ ихъ изъ растенія *arang* и прикрываютъ травою *mona* или *luk*. Слова, слышанныя мною въ Бубуле, изъ устъ веддовъ, были или чисто сингалезскія, или близко сродныя съ сингалезскими, но считать и эти не умѣли. Нѣкоторые изъ нихъ знали названія сингалезскихъ числительныхъ, но, повидимому, не соединяли опредѣленныхъ представленій съ произносимымъ звукомъ. Другіе на всѣ вопросы: „сколько?“ упорно отмалчивались, хотя охотно отвѣчали на иные вопросы. У одного спросили, какъ на его языкѣ туча; онъ сказалъ нѣсколько синонимовъ, и всѣ были сингалезскаго происхожденія; огонь онъ называлъ сингалезскимъ словомъ и таковыми же словами выражалъ понятіе „варить“; хижину они называли словомъ *kuduai*, что по сингалезски значитъ и „кѣтка“, и „гнѣздо“. Слово „Богъ“ не умѣли перевести, и называли *kiri-атта* (бабка—по-сингалезски), великая вѣдьма, и *kiri-арраі* (дѣдъ—по-сингалезски), великій демонъ. Они вѣрятъ, что родители, отецъ и мать по смерти дѣлаются демонами, якхами. То же повѣрье я слышалъ въ Алуць-Нуvara. Трудно рѣшить, насколько это повѣрье оригинально у веддовъ, и не занесено ли оно къ нимъ изъ буддійскихъ книгъ сингалезцами. Такое же точно повѣрье извѣстно въ одной буддійской канонической книгѣ. Мертвыя тѣла зарываютъ въ ямы и при этомъ свершаютъ жертвы: приносятъ мертвому, ставшему чертомъ мясо обезьяны,

медь. Все это поѣдается присутствующими при погребеніи. Плясали эти ведды совершенно такъ же, какъ ведды въ Алуть-Нувара; сперва медленно и какъ-бы нехотя, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, кружась на одномъ мѣстѣ, подъ ускоренный темпъ заунывной пѣсни. Пѣли они здѣсь другую пѣсню; въ ней было множество припѣвовъ, смыслъ которыхъ ведды не умѣли объяснить. Ведда съ пучкомъ, умѣвший улыбаться, говорилъ, что это очень старая пѣсня; ихъ отцы пѣвали ее передъ кандійскими царями. Я отпустилъ ихъ, давъ имъ по шиллингу на человѣка; дикари попросили рису. Я прибавилъ еще шиллингъ, и приказалъ сторожу постоялаго двора дать имъ рису. Они ушли, но скоро вернулись съ просьбою дать имъ горшокъ. Эти мелочи рисуютъ, насколько ведды, видѣнные мною въ Бубуле, тронуты цивилизаціей черезъ сношенія съ болѣе культурными сингалезцами. Коренные ведды, даже тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алуть-Нувара, къ серебру относятся равнодушно и приняли отъ меня деньги даже нехотя, ибо не знали, что съ ними дѣлать. Они вообще не жадны, никогда не крадутъ, но въ то же время далеко не такой безобидный народъ, какимъ они иногда рисуются. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бинтенѣ, т. е. около Алуть-Нувара, произошло слѣдующее: въ одну изъ деревушекъ веддовъ зашелъ охотникъ, сингалезецъ; утомленный ли долгимъ путемъ, или вслѣдствіе другихъ причинъ, ему пришла несчастная мысль прилечь въ тѣни у одной изъ хижинъ. Хозяина хижины не было дома; но въ хижинѣ спала его жена, и это обстоятельство было поводомъ трагической развязки. Вернувшійся домой хозяинъ убилъ непрощеннаго гостя; онъ убилъ его, какъ самъ показывалъ на судѣ, внезапно: увидавъ странника у своей хижины, онъ быстро подошелъ къ невинно спавшему и однимъ взмахомъ топора лишилъ его жизни. Мертвое тѣло онъ бросилъ въ лѣсъ. Мать убитаго хватилась сына очень скоро; по горл-

чимъ слѣдамъ трупъ отыскали въ короткое время. При убитомъ нашлось нетронутымъ все его достояніе, въ томъ числѣ нѣкоторая сумма денегъ. Убійца не тронулъ ничего и добровольно, безъ всякихъ заперательствъ, сознался въ своемъ поступкѣ. Мотивовъ своего поступка онъ не сумѣлъ на судѣ объяснить съ ясностью; было, однакоже, очевидно, что имъ руководила ревность, какъ будто нѣкоторое сознаніе, что его домашній кровь оскверненъ. Присяжные оправдали его.

Бракъ существуетъ у веддовъ; нѣкоторые писатели утверждаютъ даже, что онъ сопровождается особыми обрядами; на мѣстѣ мнѣ этого не подтвердили, но этому не слѣдуетъ придавать особаго значенія, такъ какъ современные сингалезцы относятся къ веддамъ свысока и безпрестанно повторяютъ фразу: они подобны звѣрямъ. Тѣ же сингалезцы говорили мнѣ, что ведды женятся на младшихъ сестрахъ. Старшую сестру почитаютъ наравнѣ съ матерью. Случается, что отецъ женится на дочери. Многоженство между ними неизвѣстно. Я старался добиться отъ веддовъ названія различныхъ степеней родства, и успѣлъ записать названія: отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, жены. Тетку они называютъ однимъ именемъ съ матерью; и для дяди я не могъ добиться перевода, такъ точно, какъ для дальнѣйшихъ степеней родства. Но, можетъ быть, это слѣдуетъ объяснять неумѣніемъ моего переводчика ставить вопросы и его плохимъ знаніемъ говора народа. Въ Бубуле одинъ изъ веддовъ, тотъ самый, который улыбался и зазывалъ волосы въ пучокъ, говорилъ сравнительно бойко по-сингалезски, но тамъ и онъ, и другіе говорили мнѣ все сингалезскія слова. Ведды преимущественно охотники, и потому главнымъ образомъ питаются мясною пищею; ѣдятъ они также сѣмя *kukurang* и охотно лакомятся мясомъ обезьянъ и слоновъ. Къ земледѣлію они не склонны, несмотря на всѣ усилія правительства приучить ихъ къ тому. По прежнему

ведда, главнымъ образомъ, бродячій стрѣлокъ. Добываютъ они также дикій медъ и ведутъ имъ мѣновую торговлю, главнымъ образомъ, чрезъ посредство мавровъ, которые весьма часто попадаютъ въ этихъ лѣсныхъ мѣстахъ.

Собранные мною матеріалы далеко не достаточны для совершенно точнаго опредѣленія отношенія языка веддовъ къ языку сингалезскому. Несомнѣнно однакожь, что ихъ языкъ принадлежитъ къ числу индо-европейскихъ. Самое названіе этого народа: „ведда“ (вѣроятно, данное ему сосѣдами)—индо-европейскаго происхожденія; оно объясняется изъ сингалезскаго слова „bedi“ лѣсъ (лѣсъ ведды называли въ Алутъ-Нуvara словомъ veddai), которое въ свою очередь можно сблизить съ палийскимъ veddha (скр. vyaddha)—охотникъ, отъ корня vyadh—бить; лѣсъ понимался народомъ дикимъ, какъ мѣсто охоты, гдѣ онъ билъ звѣря и добывалъ себѣ пропитаніе. Первоначальное этимологическое значеніе мало по малу затѣмнилось, лѣсъ пересталъ считаться единственно какъ поприще для охоты, но старое слово, какъ прозвище народа, удержалось и въ смыслѣ „народа стрѣлковъ“ и „народа лѣсного, лѣсовиковъ“.

2.

Говоря сейчасъ о веддахъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ упоминать о яккхахъ. Яккхомъ на Цейлонѣ называютъ черта; вѣра въ чертей есть одинъ изъ любопытныхъ остатковъ древности на островѣ.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ какъ Цейлонъ считается странно буддійскою; и буддизмъ до сихъ поръ религія господствующая на островѣ; буддистовъ здѣсь болѣе нежели поклонниковъ всѣхъ другихъ религій, индуизмъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно на сѣверѣ острова; поклонниковъ его немного въ сравненіи съ буддистами; хри-

стіанъ и магометанъ еще меньше. Рядомъ съ этими религіями на островѣ распространена „вѣра въ чертей“—въ *яккховъ*, или *яксаевъ*; буддисты, поклонники индуизма, магометане и даже туземцы христіане вѣрують въ существованіе чертей и чтуть ихъ. Начало этой вѣры теряется въ глубокой древности и не связано съ именемъ историческаго лица; народъ ее создалъ и продолжаетъ творить и развивать отдѣльныя повѣрія, обряды и спасительныя заговоры, зачастую принимая совершенно готовые представленія изъ-внѣ. Масса повѣрій, составляющихъ эту религію, не представляетъ законченной системы и состоитъ изъ элементовъ, взаимно противорѣчащихъ другъ другу, но эта сторона вѣры не поражаетъ ума вѣрующихъ; вѣрующій не останавливается на противорѣчіяхъ, считая ихъ необъяснимыми или выше человѣческаго пониманія.

Цейлонскій демонъ (*яккхо*) существо особаго рода и есть созданіе народнаго ума, находящагося на самой младенческой ступени развитія. *Яккхо* не безконечно силенъ, но многое онъ можетъ сдѣлать: наслать болѣзнь и испѣлить ее; предохранить посѣвы, плодовыя дѣрева, поселить вражду въ семьѣ, помочь добиться женской любви, отыскать кладъ, уморить врага и т. д. Это существо безъ состраданія, справедливости и доброты, но не безначальное и не безконечное; большая часть *яккховъ* родились отъ людей и умирають, хотя иногда и черезъ большой промежутокъ времени. Имъ не молятся, а закупають ихъ милость приношеніями, и лъстивыми обращеніями, они не всевѣдущи, ибо ихъ можно обмануть. На видъ они страшны и отвратительны; они черны, съ глазами на выкатъ, съ отвислыми губами, съ огромными выдающимися зубами; они являются людямъ съ змѣями (*Совга*) кругомъ шеи. Въ древности они питались кровью и мясомъ человѣческимъ, теперь они живутъ тѣмъ, что ниспосылають болѣзни на человѣка; родные больнаго устраивають въ это время жертвоприноше-

нія яккху, а онъ поѣдаетъ приношеніе, считая его тѣломъ человѣческимъ.

Есть люди, особенно искусные въ служеніи яккхамъ; эти священники чертовой вѣры, называются якадура, или якдеса, капуа, каттадіа.

На Цейлонѣ, почти въ каждой деревнѣ есть такой знахарь: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ на югѣ острова, ихъ особенно много. Они изучаютъ заговоры, гѣсни, не-обходимыя для свершенія служенія демону, но при этомъ занимаются и другими дѣлами, тѣми же, что и остальные ихъ односельчане; съ виду они не отличаются отъ простыхъ смертныхъ, носятъ тотъ же костюмъ, что и остальные сингалезцы; не живутъ особнякомъ и не пользуются особымъ уваженіемъ въ своей средѣ. Доходы ихъ не одинаковы и зависятъ отъ количества вытверженныхъ заговоровъ. Иной знаетъ ихъ столько, что можетъ, начиная съ шести часовъ вечера, во всю ночь и до шести часовъ утра читать все различные заговоры и при этомъ безобразно и неистово плясать въ честь яккха. За такую церемонію съ иного богача онъ получаетъ рублей до ста на наши деньги. Заговоры частью состоятъ изъ бессмысленнаго набора словъ, частью занесены на Цейлонъ изъ Индіи и суть санскритскіе заговоры, сильно обезображенные непонимающими переписчиками и невѣжественными знахарями. Видѣть самую церемонію не легко для европейца, хотя за деньги всего можно добиться; церемонія, пляска, бормотаніе заговора не оригинальны и не любопытны. Характеръ ея рассчитанъ на то, чтобы запугать яккха неистовою пляскою и страшнымъ барабаннымъ шумомъ.

На югѣ острова, гдѣ нибудь въ захолустѣ, этотъ барабанный бой слышится чуть ли не каждую ночь: и повсюду на островѣ встрѣчаешь признаки служенія яккхамъ. Многіе изъ демоновъ обитаютъ на деревьяхъ, для другихъ выстроены

храмы; нѣкоторые изъ такихъ деревь пользуются большою извѣстностью не только въ ближайшей окрестности, но и далѣе. Такъ, около Коломбо, въ деревнѣ Ратмалана есть дерево Бо (*ficus religiosa*); живущій на немъ яккхо за всякаго рода приношенія испѣляетъ отъ болѣзни и даже облегчаетъ роды женщинамъ. Около Курунегала мнѣ случилось видѣть одно дерево на которомъ, говорятъ, жилъ демонъ; дерево стоитъ на дорогѣ, но не на бойкомъ мѣстѣ. Оно было обнесено оградой изъ грубо набросанныхъ камней; съ одной стороны, передъ самымъ деревомъ была наложена груда камней и на верхнемъ камнѣ лежали цвѣты, стояла чаша съ нѣсколькими мѣдными монетами и обыкновенная мѣстная лампа. Кругомъ ограды, на длинныхъ шестахъ, развѣвались знамена; на нѣкоторыхъ были изображенія солнца и луны. Встрѣчаются еще болѣе простыя формы культа, такъ напр. въ милѣ отъ Анурадхапуры, по дорогѣ въ Арешпо, стоитъ полузасохшее дерево; въ дуллѣ одного изъ его стволовъ зачастую бываетъ всаженъ пучекъ различныхъ сухихъ вѣтокъ, а у корня лежитъ безобразно сложенная груда камней, на которыхъ почти всегда можно видѣть два, три разбитыхъ кокоса. Меня увѣрили, что на этомъ деревѣ живетъ демонъ Пуліаре, о которомъ я не могъ узнать никакихъ подробностей. Бываютъ случаи, когда демонамъ приносятъ болѣе существенныя жертвы: имъ закалываютъ куръ, приносятъ въ жертву изображеніе человѣка, грубо сдѣланное изъ глины; нѣчто подобное я видѣлъ по дорогѣ изъ Нуварелія въ Бадуллу; на половинѣ пути, около Wilson's bungolow, есть небольшой буддійскій монастырь, Палугамъ-Пансалъ. Во дворѣ этого монастыря стоитъ часовня, посвященная яккху, по имени Меникъ-бандаръ. Яккхо изображенъ отвратительнымъ, со всѣми обыкновенными признаками цейлонскаго черта; онъ желтаго цвѣта и сзади него на стѣнѣ нарисованъ бѣлый слонъ; а по бокамъ два молящихся

сингалезца со сложенными почтительно руками. На алтарѣ, передъ идоломъ стояли чаши, наполненныя маленькими четвероугольными пластинками, на которыхъ были выбиты изображенія людей, коровъ, лошадей и т. д.; онѣ замѣняли собою существа, которыя предназначены въ жертву богу. Не только можно видѣть мѣстожителство яккховъ, но и ихъ самихъ можно повстрѣчать въ иную пору дня или ночи въ уединенномъ мѣстѣ. Они или показываются человѣку въ образѣ страшныхъ звѣрей, или же даютъ знать о своей близости возгласами, толчками, бросаніемъ камней, песку и т. п. штуками. Идетъ прохожій въ мѣстѣ уединенномъ, вдругъ услышитъ за собою крикъ: „ху-у-у!“ Испуганный, онъ оглядывается назадъ: ни тамъ, ни кругомъ, нѣтъ никого; нѣсколько успокоившись, прохожій продолжаетъ свой путь далѣе, тутъ яккхо выкидываетъ новую штуку, или ударитъ холодной ладонью по спинѣ прохожаго, или обдастъ его пескомъ, или броситъ въ него камнемъ.

Разказовъ о такихъ встрѣчахъ съ демонами на Цейлонѣ можно наслушаться вдоволь. Люди, имѣющія частыя сношенія съ рабочими, передаютъ, что вѣра въ чертей у этого люда развита до болѣзненности. Рабочіе очень часто видятъ чертей. Случается, что рабочій, выйдя ночью изъ своего жилища, обыкновенно очень убогой хаты, вдругъ жалобно вскрикиваетъ и падаетъ замертво. Въ безсознательномъ состояніи его приносятъ домой. По прошествіи нѣкотораго времени онъ приходитъ въ себя и съ ужасомъ разказываетъ, что видѣлъ демона; описанія видѣннаго обыкновенно бываютъ очень смутны; но его умъ зачастую такъ разстраивается и весь организмъ бываетъ такъ потрясенъ видѣннымъ, что онъ заболѣваетъ послѣ того, а иногда даже умираетъ. Болѣзнь эта носитъ названіе *Тоникама* (по сингалезски), что значитъ уединенность. Ей подвержены не одни рабочіе, но и люди

достаточныхъ классовъ; иногда человѣкъ заболѣваетъ ею не вслѣдствіе самаго появленія демона, а ему можетъ показаться, что онъ ощущалъ такъ или иначе близость демона, и на него нападаетъ страхъ, соединенный съ болѣзненными припадками. Родные въ такомъ случаѣ обыкновенно бросаются къ каттади и чтеніе заговоровъ излѣчиваетъ несчастнаго.

Яккховъ очень много, они до сихъ поръ нарождаются. Въ каждой мѣстности есть особыя яккхи и что не вѣрующій, то своеобразное представленіе о демонахъ. О томъ, каковы бываютъ цейлонскіе черти, можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Въ Коломбо, около Качхари, т. е. зданія, гдѣ засѣдаетъ Government Agent и собираются подати, есть небольшой переулокъ, по имени Pieris Laiba-lane. Въ этомъ переулкѣ стоитъ домъ, въ которомъ нѣкогда и еще очень недавно жилъ Pieris Laiba; онъ былъ мавръ и при жизни ни чѣмъ не заявилъ себя, по крайней мѣрѣ никто, ничего не помнитъ о немъ, но жилъ онъ долго, болѣе ста лѣтъ, а по смерти прослылъ чудотворящимъ яккхомъ. Онъ не видимъ теперь, хотя и живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ будто бы находится и его могила; сюда стекаются съ приношеніями и сингалезцы буддисты и мавры магометане. Покойникъ былъ магометаниномъ, но буддисты все-таки приносятъ жертвы на его гробницѣ, ибо вѣрятъ, что всякая подачка яккху предотвращаетъ смертность и облегчаетъ трудные роды. Въ двѣнадцати миляхъ отъ Коломбо, въ мѣстечкѣ Мороту, чтится особый демонъ; его называютъ просто Morotu-yako, т. е. моротуйскій демонъ. Мѣстная легенда повѣствуетъ о немъ, что онъ былъ разбойникъ, томилецъ съ Малабарскаго берега, грабилъ и угнеталъ при жизни, а по смерти сталъ „чтимымъ“, жертвы и ему приносятся. Исторія этого демона рассказывается и иначе; онъ называется также Rata-yako, т. е. иностранный демонъ. Прибыль онъ дѣйствительно съ Малабарскаго берега,

но не былъ разбойникомъ, а какимъ то колдуномъ, жилъ на деревѣ, мучилъ окрестныхъ жителей, особенно же дѣтей и беременныхъ женщинъ, насылая болѣзни; вся страна кругомъ страдала отъ него. Происходило это въ XV ст. во время царствованія въ Коттѣ Пракрама-баху VI; однажды заболѣла царица, ни одинъ врачъ не умѣлъ ей помочь, выискался какой-то каттадія, который объяснилъ, что царицына болѣзнь ниспослана демономъ изъ Мороту и нужно ему сдѣлать приношеніе, что и было исполнено по царскому приказу. Царица послѣ того выздоровѣла; и слава о демонѣ въ Мороту распространилась между народомъ и держится до сихъ поръ. Въ шестнадцати миляхъ отъ Галле, у мѣстечка Хиккадуве, на берегу моря есть гранитная скала, прозванная *Hinigama Déwala* т. е. Хинигамскій храмъ, здѣсь дѣлается приношеніе демону, прозванному *Devol-uaka*; выставляютъ на скалу разную пищу, выкладываютъ даже деньги; говорятъ, что при жизни *Devol-uako* былъ фокусникомъ, родомъ съ Малабарскаго берега; его потомки до сихъ поръ живутъ въ окрестностяхъ и исправно собираютъ жертвы, назначенныя предку.

Таковыхъ мѣстныхъ демоновъ очень много на Цейлонѣ, но есть яккхи, чтимые повсюду на островѣ и всюду извѣстные: о нихъ рассказываются легенды чудеснаго характера. Такъ есть демонъ по имени *Kalu-uaksayo*, „черный демонъ“, иные называютъ его такъ же *Kalu-kumago* „черный принцъ“ и говорятъ, что если онъ вселится въ женщину низшей касты, то просто называется чернымъ демономъ, если же въ женщину высшей касты, то именуется чернымъ принцемъ; другіе же, изъ двухъ именъ дѣлаютъ двухъ различныхъ демоновъ и о каждомъ рассказываютъ особыя легенды. О черномъ демонѣ, они повѣствуютъ, что при жизни онъ былъ великаномъ Нила, защитникомъ и сподвижникомъ царя Гажабаху (I в. по Р. X.). Разъ великанъ, вмѣстѣ съ царемъ,

отправились въ Istripura городъ, гдѣ жили однѣ женщины, которыя, какъ только увидѣли великана, такъ всѣ разомъ и влюбились въ него. Сотни ихъ бросились на него и разорвали его въ клочки. По смерти онъ сталъ демономъ и мститъ съ тѣхъ поръ всему женскому полу... О черномъ принцѣ рассказываютъ, что онъ былъ при жизни знатнаго происхожденія; отецъ его былъ царемъ, но онъ сдѣлался буддѣйскимъ монахомъ и святостью жизни приобрѣлъ способность летать по воздуху. Однажды двигаясь по воздуху, онъ увидалъ на землѣ какую-то царевну; пораженный ея красотою монахъ влюбился въ нее и тотчасъ же, утративъ свои сверхъестественныя способности, упалъ на землю и конечно разбился до смерти. По смерти онъ сталъ демономъ по имени Черный принцъ; всѣ преимущества знатнаго происхожденія остались за нимъ и по смерти. Приношенія, самыя изысканныя дѣлаются ему; для этого выбирается лучший рисъ, лучшія платаны, сахаръ, кокосовыя орѣхи, апельсины и т. д. Онъ темно-голубаго цвѣта и всегда облаченъ въ черное. Болѣзни, которыя онъ высылаетъ на женщинъ не опасны и не бываютъ смертельны. Самымъ страшнымъ мучителемъ женщинъ на Цейлонѣ считается демонъ Бахирава (тоже, что скр. Бхаирава), онъ живетъ на высокомъ холмѣ Бахирава-канда около Канди. Во времена кандійскихъ царей, т. е. до 1815 года, этому демону приносились въ жертву молодыя дѣвушки; на вершину холма врывался длинный шестъ, къ которому привязывалась несчастная, обреченная на смерть: тутъ же сооружался алтарь; на него ставили вареный рисъ и цвѣты; за тѣмъ каттадін, собиравшіеся на такую церемонію во множествѣ, читали заговоры, неистово плясали подъ оглушительныя звуки барабановъ. По окончаніи церемоніи всѣ, кто бы не былъ тутъ, уходили съ холма, и оставляли на всю ночь дѣвушку, привязанною къ шесту. На другое утро обыкновенно ее находили

мертвую, такъ сильно на нее дѣйствовали страхъ; каттадинъ объясняли конечно смерть иначе: говорили, что дѣвушку увелъ къ себѣ демонъ Бахирава. Обычай этотъ былъ введенъ капдѣйскими царями по тому же поводу, по которому другіе цари стали чтить моротуйскаго демона.

На Цейлонѣ весьма часто между простымъ народомъ являются женщины, одержимыя бѣсомъ. Припадки этой болѣзни не одинаковы у различныхъ субъектовъ: у иныхъ они повторяются ежедневно въ извѣстную часть дня или ночи, у другихъ по временамъ, иногда правильно черезъ определенное число дней, или же только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. во время чтенія св. писанія, въ ночи полнолунія, когда свершается обычное буддѣйское богослуженіе, о которомъ я имѣлъ случай говорить выше. Есть цѣлая сутра (атанатія сутта) особенно ненавистная бѣсноватымъ; какъ начать читать эту сутру такъ съ больной свершается что-то необычайное: она начинаетъ вѣть, стонать, порывается безобразно плясать, говорить разной вздоръ; иногда у скромной въ обыкновенномъ состояніи женщины вырываются ужасныя ругательства. Больная бьетъ себя и истязается всячески, рветъ на себѣ волосы и съ дикими воплями повергается на землю. Или же вдругъ она впадаетъ въ обморокъ и за тѣмъ цѣлыми часами недвижимо лежитъ, только по временамъ вздрагивая и трепеща всѣмъ тѣломъ. Случается, что во время припадка бѣснованія, больная убѣгаетъ изъ дому и по нѣсколькимъ днямъ скрывается отъ людей.

Вылѣчить отъ этой болѣзни можетъ только *жадура*, т. е. служитель черта. Только онъ можетъ отчитать больную заговоромъ, изгнать бѣса и пригвоздить его къ какому-нибудь дереву или въ какое-нибудь мѣсто. Случается часто, что больная неизлѣчивается послѣ отчитыванія, тогда ея роднымъ остается испытать послѣднее средство: свести бѣснующую въ

храмъ Гал-каппу-девале, находящійся въ 11-ти миляхъ отъ Канди, около Алуть-нувара. Храмъ этотъ посвященъ богу, прозванному дворцовымъ или царскимъ (Vahala-deviyo). О построеніи этаго храма разсказывается фантастическая легенда. Однажды, дворцовому богу захотѣлось жить въ храмѣ. Онъ выбралъ высокую скалу мѣстомъ, для построенія храма; созвалъ своихъ подчиненныхъ демоновъ и приказалъ имъ, вооружась только ползучимъ растеніемъ, называемымъ по сингалезски wau-well, безъ шума сточить скалу и не употребляя никакихъ молотовъ и орудій, воздвигнуть ему храмъ.

Въ одну ночь демоны снесли скалу и выстроили храмъ, потому самому прозванный „выточеннымъ изъ камня“. Храмъ этотъ пользуется извѣстностью на всемъ Цейлонѣ: тысячи странниковъ и особенно странницъ являются сюда, ища облегченія отъ болѣзней. Сюда-же приводятъ бѣсноватыхъ. Разсказываютъ, что какъ только больная начинаетъ приближаться къ храму бѣсъ овладѣваетъ ею; съ дикими воплями и быстро двигаясь, она подходитъ къ храму; никто не въ силахъ остановить ее или преградить ей входъ въ храмъ. Взойдя въ храмъ, она забивается въ уголъ и молча сидитъ тамъ, по временамъ страшно вздрагивая. Въ это время родные больной, сдѣлавъ сильное денежное приношеніе мѣстному „служителю черта“, приглашаютъ его отчитать бѣса и изгнать изъ больной.

Служитель, заручившись деньгами, начинаетъ церемонію изгнанія бѣса. Церемонія эта говорятъ бываетъ болѣе или менѣе продолжительна, или сложна, смотря по тому сколько денегъ дано было знахарю. Особенно любопытенъ діалогъ между служителемъ черта и самимъ чертомъ. Чертъ конечно говоритъ устами больной.

— Кто ты? какъ твое имя? спрашиваетъ знахарь черта.

— Я такой-то! отвѣчаетъ чертъ устами больной.

— Зачѣмъ ты вселился въ такую-то? спрашиваетъ опять знахарь.

— Потому что она самая хорошенькая изъ всей деревни! Откровенно отвѣчаетъ бѣсъ устами больной. Или же заявляетъ: „Не уйду пока мнѣ не принесутъ человѣческой жертвы“. Затѣмъ слугитель возвѣщаетъ бѣсу, что денежное приношеніе уже сдѣлано, что жертва и пляска будутъ свершены для бѣса, а потому и слѣдуетъ оставить такую-то (имя рекъ). При этомъ онъ кропитъ больную водою и тутъ-же или черезъ нѣсколько дней приносить въ жертву пѣтуха. Одержимыя бѣсомъ попадаютъ не рѣдко между сингалезскими католическаго вѣроисповѣданія; случается, что католическіе священники отчитываютъ бѣсноватыхъ, произнося при этомъ, кромѣ молитвъ, особенные заговоры. Если женщина не исцѣляется послѣ жертвы, то прибѣгаютъ къ церемоніи прибавленія демона гвоздемъ къ дереву. Гвоздь, надъ которымъ катая пробормоталъ нѣсколько заговоровъ, вколачивается въ какое-нибудь дерево; затѣмъ гвоздь обвязывается ниткою, окрашенной желтымъ шафраномъ и тѣмъ же способомъ какъ и гвоздь заговоренной. Такова вѣра въ могущество заговоровъ, что вслѣдъ за свершеніемъ всей церемоніи больная обыкновенно исцѣляется.

Всего этого я самъ не видѣлъ, хотя и былъ въ храмѣ дворцоваго бога.

Мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ Пераденіи, около знаменитаго ботаническаго сада, въ домѣ одного англійскаго чиновника. Отсюда мы ѣздили смотрѣть на извѣстный храмъ.

Мѣстный ратемахатмья (т. е. сельскій старшина) хотя и не подчиненный моему хозяину, но узнавъ о предполагаемой имъ поѣздкѣ въ сказанный храмъ, постарался устроить намъ на пол-пути торжественный приѣмъ. Насъ торжественно при-

несли на литерахъ въ храмъ. Таковъ уже современный Сингалезецъ; онъ ропщетъ въ тихомолку на англичанина, но гдѣ можно не преминеть подслужится тому-же англичанину. Такъ было и въ этотъ разъ.

Ничего не подозрѣвая, мы приѣхали по желѣзной дорогѣ изъ Пераденіи въ Кадуганнаву и отсюда пошли по старой дорогѣ въ Коломбо; до мѣста назначенія намъ нужно было пройти около пяти миль, но въ тѣни роскошной растительности, среди живописной мѣстности центрального Цейлона. При поворотѣ на малую дорогу, ведущую къ самому храму, мы совершенно неожиданно наткнулись на громадную толпу: тутъ были и ратемахатмья съ другими менѣе важными сельскими чинами, и слоны, и литеры, и плясуньи съ пѣсенниками, словомъ вся обстановка торжественнаго приѣма въ мѣстномъ вкусѣ. Издали насъ привѣтствовали громкимъ барабаннымъ боемъ и неистовою, неграціозною пляскою. По настоянію ратемахатмья мы сѣли въ литеры и двинулись на плечахъ дюжихъ, полуголыхъ кули, предшествуемые слонами и плясунами, и окруженные со всѣхъ сторонъ густою толпою, которая шумно толкалась и вопила. Гулъ, повторяемый тысячнымъ эхомъ окружающаго лѣса, стоялъ невообразимый. Отъ поворота до самаго храма едва-ли болѣе трехъ миль, но на пол-дорогѣ, въ домѣ зятя Ратемахатмья мы принуждены были сдѣлать привалъ и позавтракать. Домъ былъ убранъ зеленью; изъ пальмовыхъ листьевъ сдѣланы были изыщныя арки, чрезъ которыя насъ торжественно внесли на веранду.

Здѣсь-же послѣ обильнаго завтрака, насъ угощали зрѣлищемъ мѣстнаго балета: три мальчика и двое верзилъ плясали передъ нами, подъ крикливую пѣсню и нестройные звуки томъ-тома. Наѣвшись и насмотрѣвшись на балетъ мы двинулись далѣе въ храмъ, гдѣ къ сожалѣнію невидали ничего любопытнаго. Самый храмъ не любопытенъ; онъ новой постройки и

точно ожидая насъ, вынесли изъ него всѣ изображенія и украшенія. Кромѣ стѣнъ увѣшанныхъ тканями, намъ ничего не пришлось видѣть здѣсь. Кругомъ зданія крытая галлерей для перахары, буддѣйскій храмъ и т. д. были здѣсь полуразрушенные. По нѣкоторымъ признакамъ, по украшеніямъ надъ входною дверью, можно предполагать, что храмъ строилъ или окончательно отдѣлывалъ артистъ изъ южной Индіи, тамъ только умѣютъ рисовать такихъ чудовищъ (Макора) съ перовидными хвостами. Стѣны внутри были увѣшаны тканями съ изображеніями различныхъ индусскихъ боговъ. Ни богомолкъ, ни богомольцевъ небыло въ нашъ приходъ туда и мы побывавъ въ храмѣ ничего любопытнаго не видѣли тамъ.

ОЧЕРКИ ИНДИИ.

ОЧЕРКИ ИНДІИ.

I.

Въ Бихарѣ.

1.

Въ концѣ февраля 1875 г., отправляясь въ Непаль, я хотѣлъ побывать въ Бихарѣ или древней Магадѣ. Меня интересовала эта провинція своими разнообразными древностями, а также какъ мѣсто святое, имѣющее по нынѣ не малое значеніе въ жизни Индуса. Здѣсь стоитъ Гая, и правовѣрные Индусы говорятъ, счастливъ тотъ, кто въ Гангѣ купался, въ Праягѣ (то-есть, Аллахабадѣ) постригся, въ Бенаресѣ умеръ, и для кого въ Гаѣ свершилась сраддха или поминальная жертва. Ежегодно, во всякое время года тысячи пилигримовъ стекаются въ Гаю. Идутъ туда люди всѣхъ кастъ, изъ всѣхъ мѣстъ Индіи, люди достаточные и люди бѣдные. Всякому желательно свершить сраддху, то-есть, помянуть дѣдовъ въ мѣстѣ святомъ, тамъ, гдѣ показываютъ слѣдъ бога Вишну. Въ Бихарѣ, кромѣ того, родился буддизмъ; здѣсь онъ процвѣталъ въ продолженіи многихъ столѣтій, и здѣсь же до сихъ поръ существуетъ священное древо Бо (*Ficus religiosa*), главная святыня для буддистовъ всѣхъ странъ и всѣхъ сектъ. Понинѣ на поклоненіе этому дереву являются буддисты съ сѣвера изъ Тибета и Непала, съ юга и юговостока, изъ Цей-

лона, Бирмы и Сіама. Но Бихарь считаютъ святою землею не одни буддисты, изгнанные изъ Индіи; сюда стекаются на богомолье не только правовѣрные Индусы всѣхъ сектъ; здѣсь и Жайны имѣютъ свои храмы и святыни; даже у мусульманъ здѣсь есть свои священныя гробницы. Эта страна, гдѣ буддисты отыскали центръ земли, по справедливости славится картинностью мѣстоположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдностью земледѣльческаго населенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неплодородіемъ; кое гдѣ около города Бихара собирается одна только жатва, и годъ тому назадъ жители сильно пострадали отъ голода.

Я выѣхалъ изъ Калькутты по желѣзной дорогѣ и на другой день рано утромъ былъ на станціи Бактіарпуръ, откуда должно было начаться мое странствованіе по Бихару. Для дальнѣйшаго слѣдованія къ югу, въ глубь страны, нужно было замѣнить вагонъ паланкиномъ; въ городъ Бихарь иначе какъ этимъ способомъ нельзя было попасть. Мы двигались цѣлый день по мѣстности далеко не живописной, почти что по тому самому пути, которому слѣдовалъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ китайскій богомолецъ Фа-сянь; но голыя поляны далеко не напоминали собою его поэтическаго описанія Магадской страны. Первое впечатлѣніе въ странѣ, колыбели буддизма, было не въ ея пользу: жара, пыль, однообразная выжженная солнцемъ равнина, кое-гдѣ вдаль по горизонту тошія пальмы, бѣдность и грязь по изрѣдка попадавшимся деревенькамъ,—все это далеко было не то, что говорилось встарь о Магадѣ, о ея обилии, о многолюдныхъ ея городахъ и богатыхъ жителяхъ. Весь округъ Патны, за исключеніемъ южной холмистой части, состоитъ изъ большихъ равнинъ, кое-гдѣ усѣянныхъ небольшими группами деревъ; весною деревья и выжженные поляны имѣютъ очень печальный видъ; почва главнымъ образомъ алувіальная и страна по

берегамъ Ганга славится какъ особенно плодородная. Лишь поздно вечеромъ мы добрались до города Бихара. Въ городѣ въ то время не жило ни одного Европейца, и меня пріютилъ у себя во флигелѣ одинъ Бенгалець, занимавшій въ то время должность Deputy Magistrate. Одну изъ комнатъ, отведеннаго мнѣ помѣщенія, украшалъ столбъ, высѣченный изъ песчаника съ надписью царя Скандагупты; къ сожалѣнію, столбъ этотъ былъ врытъ въ землю въ обратномъ положеніи, и часть надписи неизвѣстно для чего сточена. Уже по одному этому столбу можно было подозрѣвать о томъ, чѣмъ богатъ городъ Бихаръ. Имя города (отъ skr. vihāga, монастырь), значащее собственно „монастырь-городъ“, указываетъ на то, что здѣсь когда-то были буддисты, стоялъ буддійскій городъ, и дѣйствительно, изъ мусульманскихъ источниковъ намъ извѣстно, что когда Мохамедъ-Бахтіаръ взялъ приступомъ городъ, онъ нашелъ въ немъ множество *бритыхъ* брахмановъ (то-есть, буддійскихъ монаховъ), храмы, полные идоловъ, и въ обширномъ медресѣ невѣрныхъ—великое множество книгъ. Всего этого не пощадилъ завоеватель: жестоко перерѣзавъ жителей, онъ разрушилъ храмы, сжегъ книги и истребилъ идоловъ. Но какъ ни старались мусульмане уничтожить все относящееся къ религіи невѣрныхъ, они не сумѣли однако же вполне стереть памяти о ней. Незвѣстно, какой именно городъ въ древности стоялъ на мѣстѣ теперешняго Бихара. Массы находимыхъ здѣсь остатковъ изъ отдаленной, до-мусульманской эпохи свидѣтельствуютъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ большой и блестящій городъ. Онъ былъ, вѣроятно, расположенъ на берегу рѣки Панчана, которая въ настоящее время въ жаркую весну совершенно высыхаетъ, и окруженъ толстыми стѣнами, до сихъ поръ въ иныхъ мѣстахъ хорошо сохранившимися. Многое изъ древнихъ буддійскихъ храмовъ мусульмане перенесли, какъ украшенія, въ

свои мечети и на свои гробницы. Въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ весьма часто находятъ столбы, карнизы и даже изуродованныхъ буддійскихъ идоловъ. Теперешній Бихаръ, какъ городъ, ни чѣмъ не замѣчательнъ и не любопытенъ; жителей въ немъ считается около сорока пяти тысячъ. Новый городъ выстроенъ за ровомъ, окружавшимъ старый и разросся на очень значительномъ пространствѣ. Между отдѣльными кварталами тянутся поля и сады; улицы однакоже не широки и не чисты; всѣ онѣ, не исключая и базара, плохо вымощены камнями и кирпичами. По обѣимъ сторонамъ базара рядомъ съ домами солидной постройки тянутся полуразвалившіяся хижины. Большинство мечетей, находящихся въ городѣ полуразвалились.

Говорятъ, что голодъ 1770 г., нападеніе Махратовъ, бывшее передъ тѣмъ, привели городъ въ настоящее его состояніе. Съ тѣхъ поръ онъ не оправлялся, хотя по сихъ поръ имѣетъ торговое значеніе; черезъ Бихаръ не лежащій на берегу судоходной рѣки, и отстоящій далеко отъ желѣзной дороги, производится значительная торговля между городами Патною, Гаею, Хазарибагомъ и Монгиромъ. Въ дождливое время и отчасти зимою по дорогамъ можно ѣздить только на быкахъ; на быкахъ же перевозятся товары. Торговцы имѣютъ обыкновение останавливаться въ Бихарѣ для распродажи части своихъ товаровъ. Одна четвертая бихарскихъ домовъ принадлежитъ хлѣботорговцамъ и продавцамъ бумажныхъ тканей. Въ этомъ городѣ, обиженномъ судьбой, столько разъ разоряемомъ и нынѣ совершенномъ захолустьѣ, есть однакоже замѣчательное, хотя и небольшое собраніе древностей. Исторія этого мѣстнаго музея, совершенно заброшеннаго, такова: нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ Deputy Magistrate изъ Англичанъ, человекъ хотя и безъ большихъ свѣдѣній и безъ надлежащей подготовки, но великій энтузіастъ. Онъ дѣлалъ раскопки на свой счетъ и все, что не находилъ кругомъ въ

окрестностяхъ, все стаскивалъ въ Бихаръ, въ свой домъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; древностей накопилось изрядно при его усердіи къ собиранію, и неизвѣстно до какихъ размѣровъ разросся бы музей любителя археолога; но вдругъ среди этой вполне полезной дѣятельности молва стала обвинять англійскаго чиновника въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи; уликъ было много, и чувствуя себя виновнымъ, археологомъ заблагоразсудилъ бѣжать изъ Индіи, неизвѣстно куда. Передъ этимъ онъ успѣлъ однакоже всѣ собранныя древности вручить на храненіе своему преемнику настоящему Deputy Magistrate. Когда правительство стало требовать ихъ выдачи, сей послѣдній отказался передать древности, утверждал, что онѣ составляютъ частную собственность бѣжавшаго обвиняемаго, но не осужденнаго преступника. Такъ на этомъ дѣло и остановилось; самое собраніе отъ этого много проиграло. Помѣщено оно дурно, да и въ захолустѣ, а благодаря тому, что связано съ опозореннымъ именемъ, вѣроятно, еще долго ни одинъ Англичанинъ не захочетъ обратить на него надлежащаго вниманія, что очень жалко. Въ этомъ собраніи есть и надписи, и барельефы, и колошны, и статуи, и т. д. Многое весьма любопытно и заслуживало бы лучшаго призора и обнародованія въ фотографическихъ снимкахъ. Въ настоящее время всѣ вещи сложены въ саду и такимъ образомъ подвергаются вліянію измѣняющейся погоды; мокнуть подъ дождемъ пылятся и мало по малу гибнуть въ жаркую погоду; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, многое изъ собранія будетъ на всегда утрачено для науки. Уже теперь множество вещей разбито, и куски статуй, даже цѣлые предметы растаскиваются и исчезаютъ. Всѣ предметы музея собраны въ Бихарѣ и принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ буддизма, къ эпохѣ сильнаго развитія миѳологіи; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ цѣнности; съ помощью этихъ образовъ, а еще бо-

лѣ по прочтеніи надписей, является нѣкоторая возможность опредѣлить, какъ долго буддизмъ держался въ Бихарѣ, и какимъ онъ былъ въ послѣднее время своего существованія въ Индіи. Въ художественномъ отношеніи все собраніе далеко уступаетъ таковымъ же предметамъ, находимымъ въ Пенжабѣ и собраннымъ въ Лагорскомъ музеѣ. Убѣжавшій собиратель оставилъ подробный каталогъ всѣмъ предметамъ, котораго однакоже нѣтъ теперь въ Бихарѣ, и это очень важная утрата; самое описаніе предметовъ, конечно, можетъ быть вновь составлено, но никто здѣсь, въ настоящее время, не знаетъ, какой предметъ откуда вывезенъ, или гдѣ, въ какомъ положеніи онъ былъ найденъ.

Но музей этотъ составляетъ не болѣе, какъ временную и совершенно случайную красу города. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, опозоренное имя собирателя станетъ забываться, на самое собраніе обратятъ большее вниманіе, и такъ или иначе его должны будутъ перенести въ другое мѣсто; къ тому времени, нужно надѣяться, отстроится окончательно тотъ роскошный караванъ-сарай, который въ мое время начали только воздвигать на деньги, частью собранныя по подпискѣ, частью пожертвованныя однимъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ; и такимъ образомъ Бихару будетъ чѣмъ похвастать и послѣ отнятія у города музея древностей. Да, никогда не отнимутся у города Бихара его окрестности, замѣчательныя по богатству доставляемаго ими археологическаго матеріала и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Около самаго города Бихара есть небольшой холмъ: на немъ нынѣ возвышаются развалины мечети и нѣсколько мусульманскихъ гробницъ. Здѣсь находили буддійскія статуи и небольшія чайтья, и на этомъ основаніи сдѣлано было весьма основательное предположеніе, что мечеть и кладбище заняли мѣсто, гдѣ до того былъ расположенъ буддійскій монастырь или храмъ.

О томъ, какой здѣсь былъ храмъ, какъ онъ назывался въ древности, археологи до сихъ поръ спорять. Положеніе холма на Ю.-В. отъ Патны и на С.-В. отъ Барагаона или Наланды, даетъ возможность предположить, что холмъ есть именно та уединенная гора, о которой говоритъ Фасьянь въ V ст. Въ этомъ мѣстѣ, по его словамъ, находился монастырь, немногочисленные остатки отъ котораго, собраны теперь въ Бихарскомъ музеѣ. Нѣкоторые изъ образовъ, найденныхъ здѣсь были описаны Бродлеемъ и весьма любопытны по разобраннымъ на нихъ надписямъ, впрочемъ довольно позднимъ.

Въ Индіи, внутри страны, вдали отъ желѣзныхъ и большихъ дорогъ, обыкновенно путешествуютъ въ паланкинѣ на людскихъ плечахъ; лошадей не всюду можно достать, да и не всегда удобно проѣхать нѣсколько часовъ подъ вертикально падающими лучами солнца; часовъ въ десять солнце начинаетъ сильно жечь, даже въ декабрѣ или январѣ, то-есть въ срединѣ холоднаго сезона, позднѣе жара дѣлается еще томительнѣе.

Въ Бихарѣ плата носильщикамъ не высока и установлена мѣстными властями во избѣжаніе всякихъ пререканій между путешественникомъ и носильщиками: впрочемъ, носильщики такъ мало требовательны, что ничтожный *бакшишъ* удовлетворяетъ ихъ вполне, и за него они готовы на лишнюю услугу. Проходятъ они въ часъ отъ трехъ до четырехъ миль; и чѣмъ больше носильщиковъ, тѣмъ скорѣе свершается передвиженіе. На маломъ разстояніи для одного путешественника вполне достаточно четырехъ или шести человекъ. Туземцы весьма часто пускаются и въ дальній путь съ небольшимъ количествомъ носильщиковъ; европейцу, еслибы даже онъ и захотѣлъ такъ путешествовать, никогда это не удастся.

Плата рабочему въ Бихарѣ очень не высока: поденьщикъ получаетъ двѣ *анны*, т. е. $\frac{1}{4}$ шил. Поденьщикъ для земледѣль-

ческих работ получает половину этого, или-же онъ оплачивается рисомъ, что составляетъ еще меньше. Въ прежнее время плата была еще ниже. Женщины получаютъ гораздо меньше.

Положеніе земледѣльца въ этихъ мѣстахъ, около Бихара и Гаи не красиво; онъ не владѣетъ землею и по большей части есть только краткосрочный арендаторъ. Случается часто, что онъ не обезпеченъ никакимъ документомъ и во всякое время можетъ быть лишенъ своей аренды.

За аренду земледѣлецъ платитъ или деньгами или продуктами; въ первомъ случаѣ его аренда называется *накди*, во второмъ *бхаоли*. Аренда можетъ быть *вѣчною*, или *временною*, отъ трехъ до девяти лѣтъ. Рента деньгами платится два раза въ годъ, послѣ жатвы; если земледѣлецъ выплачиваетъ свою ренту продуктами, онъ можетъ быть изгнанъ послѣ каждой жатвы. Хотя въ теоріи земледѣлецъ долженъ получать половину продукта, но на самомъ дѣлѣ ему никогда не достается болѣе одной трети, иногда даже меньше. Обыкновенно за нѣкоторое время до жатвы агенты землевладѣльца производятъ оцѣнку будущей жатвы, и, имѣя въ виду пользу своего хозяина и свою собственную, стараются занести въ свои списки будущій урожай въ возможно большихъ размѣрахъ; земледѣлецъ бываетъ вынужденъ ихъ подкупать, для того чтобы добиться правильной оцѣнки, или же платить больше той половины, которую самъ получаетъ. Цѣны на землю около Бихары, какъ и всюду зависятъ отъ ея качества; лучшая земля сдается отъ 1 ф. 4 ш. за акръ до 4 ф. 17 ш. за ту же мѣру; нѣкоторыя земли около города Бихара сдаются по 6 ф. 4 ш. за акръ, но есть также земли по 6 ш. и по 12 ш. за акръ.

Земледѣлецъ арендуетъ большею частью отъ 2 до 16 акровъ; средняя аренда не превышаетъ шести съ половиною акровъ и земледѣлецъ арендующій такое количество земли, счи-

тается болѣе нежели достаточнымъ. По вычисленію англійскихъ чиновниковъ ежемѣсячный доходъ въ 1 ф. вполне обезпечиваетъ, въ этихъ мѣстахъ, существованіе земледѣльческой семьи, состоящей изъ шести человѣкъ.

Кромѣ земледѣльцевъ арендаторовъ въ округѣ Патны много безземельныхъ батраковъ, и даже поденщиковъ доведенныхъ бѣдностью до рабства. Въ южномъ Бихарѣ весьма часто случается, что должникъ продаетъ или себя, или своихъ дѣтей въ рабство. Эти рабы, не признанные англійскими законами, существуютъ и носятъ здѣсь различныя названія: нафаръ, лаунди и гхуламъ. Свободному батраку жалованье платится натурою и конечно не высоко, какъ уже объ этомъ было выше замѣчено. Рабъ получаетъ не меньше; имѣя это въ виду онъ рѣдко ищетъ свободы и обыкновенно коратаетъ свой вѣкъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, удовлетворяясь пятью-шестью фунтами рису въ день.

Каміа или пахари нанимаются на цѣлый сезонъ. Обыкновенно имъ дается впередъ отъ 1 ф. до 2 ф. и пахарь сдѣлавшій таковой долгъ, обязанъ служить до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ своего долга. Заимодавецъ снабжаетъ его плугомъ и сѣменами и заставляетъ работать на себя около девяти часовъ въ день. Весьма часто случается, что долгъ никогда не уплачивается и онъ переходитъ отъ отца по наследству къ сыну, который продолжаетъ нести тоже ярмо. Въ одномъ отношеніи положеніе раба (гхуламъ) лучше свободнаго поденщика: хозяинъ снабжаетъ его не только пищею, но и одеждою; кромѣ того беретъ на себя расходъ при свадьбѣ его дѣтей.

Путешествіе въ паланкинѣ имѣетъ много неудобствъ, хотя и неутомительно. Въ жаркое время въ паланкинѣ душно и пыльно, двигаешься не быстро, и притомъ очень мало видишь окружающей мѣстности; читать въ паланкинѣ можно, но съ великимъ трудомъ.

Въ Бихарѣ не было выбора, и осматривать окрестности безъ лишней траты времени можно только въ паланкинѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Въ шести миляхъ отъ города къ юго-востоку лежитъ деревенька Барагаонъ, около которой есть нѣсколько значительныхъ искусственныхъ прудовъ и рядъ кургановъ, бывшихъ буддйскихъ ступъ. Прежде нежели археологи принялись здѣсь за раскопки, жители окрестныхъ деревень нещадно попользовались и древнимъ матеріаломъ и вымершею святынею. Изъ кирпичей, песчаника строились дома, иногда трехэтажные; земля кругомъ пахалась, и всякая древность, находимая при этомъ, ежели она оказывалась на что-либо годною, пускалась въ дѣло; притолки, карнизы, столбы стаскивались въ дома, старые идолы окрещивались новыми именами и становились предметами почитанія. Таковая эксплуатія древностей продолжается до сихъ поръ, но благодаря раскопкамъ Кеннингэма и Бродлея, многое спасено и вывезено изъ Барагаона, а самыя развалины были описаны, найдено древнее имя Барагаона.

Въ Барагаонѣ были отысканы два священные изображенія (богини *Vâgesvari* и *Ashta-Sakti*), и изъ надписей на нихъ явствуетъ, что еще въ X вѣкѣ (а можетъ быть и гораздо позднѣе) это мѣсто называлось Наланда. Съ этимъ именемъ связана исторія буддйской учености позднѣйшихъ временъ; на мѣстѣ теперешней деревеньки стоялъ обширный и знаменитый монастырь, возникшій, вѣроятно, между V и VII вѣкомъ по Р. Х., хотя самое мѣсто считалось священнымъ гораздо ранѣе, ибо тутъ родился и умеръ Сâрипутра, одинъ изъ первыхъ и любимыхъ учениковъ Гаутамы; но Фасянь, посѣтившій Барагаонъ или Наланду въ V вѣкѣ, не упоминаетъ еще о монастырѣ, а говоритъ только о ступѣ, воздвигнутой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Сâрипутра. Черезъ двѣсти съ небольшимъ лѣтъ здѣсь жилъ и учился другой китайскій

путешественникъ: Сюанъ-цзанъ нашелъ Наланду въ полномъ блескѣ. Наланда была въ то время и въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій мѣстомъ молитвы и разсадникомъ учености. Въ этомъ мѣстѣ основалось нѣчто подобное нашимъ университетамъ; рядомъ со ста-осьмью храмами здѣсь было столько же школъ, содержавшихся на приношенія отъ царей и богатыхъ людей. Тараната упоминаетъ объ одномъ царѣ, пожертвовавшемъ на школы Наланды сто кувшиновъ золота; другой царь завелъ здѣсь библіотеку, въ которой было громадное количество рукописей: говорятъ, триста двадцать миллионовъ слоговъ были написаны на нихъ. Въ Наланду не только приходили учиться, но являлись также еретическіе учителя оспаривать догматы и философскія положенія буддистовъ. При Арьясангѣ что ни день, то былъ диспутъ. Наланда стала процвѣтать вмѣстѣ съ развитіемъ Махаяны; какъ ни далеко отъ насъ это время, но многіе изъ тогдашнихъ порядковъ учебно-монастырской жизни живы въ современной Индіи. Передъ отъездомъ въ Бихарь мнѣ случилось побывать въ Сомнагарѣ. Здѣсь на высокомъ берегу Ганга, въ виду и прямо противъ французскаго города Чендернагора, ража Тагоръ воздвигъ до шестнадцати храмовъ и завелъ школу, устроилъ нѣчто въ родѣ маленькаго монастыря университета Наланда. Храмы, школы, профессора, студенты содержатся на его счетъ. Большинство храмовъ посвящены Сивѣ, и только два составляютъ исключеніе: одинъ посвященъ богинѣ Кали, и кромѣ того, есть храмъ бога Кришны. Самъ ража Тагоръ не принадлежитъ къ сектѣ Вишнуитовъ, хотя и воздвигъ храмъ богу Кришнѣ; между его разнообразнымъ движимымъ имуществомъ нашелся богатый идолъ Кришны съ супругой и это было поводомъ къ постройкѣ шестнадцатаго храма. Всѣ храмы выстроены въ рядъ на берегу Ганга; за ними возвышается зданіе, гдѣ читаются лекціи и живутъ ученики. Въ школъ изу-

чается исключительно брахманская мудрость и всё студенты брахманы. Кромѣ книгъ священныхъ, философскихъ, грамматическихъ, здѣсь однако читаютъ и комментируютъ и поэтическія произведенія; также точно и въ Наландѣ отцы-отшельники не только умѣли философствовать о пустотѣ, вызывать духовъ, но и писывали разсужденія о мимикѣ, танцахъ и музыкѣ. Зданіе, въ которомъ читаются лекціи, напоминаетъ нѣсколько планы буддійскихъ монастырскихъ построекъ. Средину зданія занимаетъ обширная зала; къ ней съ двухъ сторонъ примыкаютъ маленькія аудиторіи, въ которыхъ собственно читаются лекціи. Профессоръ и ученики сидятъ на полу, на разостланныхъ цыновкахъ; учениковъ у каждаго профессора не много, человекъ пять-шесть, и всѣхъ ихъ считается въ школѣ не болѣе пятидесяти. Мнѣ сопутствовалъ одинъ извѣстный профессоръ философіи изъ Калькутскаго университета; передъ такимъ знаменитымъ посѣтителемъ и профессора, и студенты весьма естественно желали отличиться и показать товаръ лицомъ; въ одной аудиторіи мѣстный профессоръ логики (пуауа) затѣялъ-было даже диспутъ; по поводу одного мѣста разбиравшейся книги онъ сталъ доказывать бытіе Исвары (то-есть, Бога); вмѣшался профессоръ изъ столичнаго университета, и къ сожалѣнію, провинціалъ былъ побитъ, впрочемъ, послѣ долгихъ преній, продолжавшихся чуть ли не цѣлый часъ. Для житія студентамъ отведено особенное зданіе; у каждаго есть своя маленькая спальня; всѣ спальни очень чисты, и во всѣхъ полное отсутствіе всякой мебели; цыновка и подушка—вотъ и все, что требуется для комфорта мѣстнаго студента. Всѣ они стипендіаты и получаютъ, кромѣ квартиры и книгъ, отъ четырехъ до пяти рупи въ мѣсяцъ (то-есть, отъ 8 до 10 шиллинговъ). Жалованіе профессорамъ также умѣренно: есть такіе, которые получаютъ отъ шестнадцати до двадцати рупи въ мѣсяцъ; пятьдесятъ рупи получаетъ только

одинъ, именно профессоръ логики. Плата эта не покажется слишкомъ низкою, если принять въ расчетъ, какъ мало туземецъ можетъ тратить въ Индіи на свое помѣщеніе, одежду и ѣду. Всѣ потребности Европейца не существуютъ для него; онъ живетъ по своему и тратитъ баснословно мало. Въ Наландѣ было такое же учрежденіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и притомъ не брахманское, а буддійское. Тамъ было большое число какъ храмовъ, такъ и коллегій; но учились по тому же методу, какъ и нынѣ въ туземныхъ школахъ; диспутировали также, какъ и нынѣ препираются туземные диалектики.

Въ то отдаленное отъ насъ время въ Наландѣ было, конечно, гораздо болѣе матеріальныхъ средствъ, нежели въ современныхъ намъ подобныхъ учрежденіяхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ учащихъ было гораздо болѣе творческой силы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь именно выработалась окончательно та религіозная система, которая до сихъ поръ крѣпко держится въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ и Монголіи. Долгое время Наландскій буддійскій университетъ былъ центромъ буддійской учености, и до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій объ его окончательномъ разрушеніи; извѣстно только, что Наланда разрушался и возобновлялся нѣсколько разъ; враги не щадили ни его внѣшняго благолѣпія, ни его ученыхъ средствъ; разрушали храмы и другія зданія, сжигали библиотеки, разгоняли ученыхъ отшельниковъ. Разрушали Наланду не только войска еретическихъ царей, нападавшихъ на Магаду: университетъ Наландскій поджигали учителя враждебныхъ сектъ. И это повторялось не разъ въ теченіи многихъ столѣтій его существованія. Мы знаемъ, напримѣръ, что разъ въ Наландѣ происходило освященіе новаго храма, воздвигнутаго частною благотворительностью. Собралось множество народу, и монахи угощали гостей; въ числѣ гостей было два

нищихъ не буддиста; сраманеры, то-есть, ученики-послушники, вздумали надъ ними подшутить; они облили гостей помоями, ущемили ихъ въ дверяхъ и натравили на нихъ собаку; разгнѣванные ниціе отмстили за себя; они подожгли монастырь; погорѣли храмы, школы, кумиры; сгорѣло и книгохранилище. То было однако же не окончательное разрушеніе монастыря; послѣ того онъ возродился, и исторія знаетъ, что не разъ онъ подвергался нападеніямъ; поэтому, нисколько не удивительно, что въ настоящее время въ Барагаонѣ, на мѣстѣ прежняго Наландскаго университета, осталось очень не много отъ прежняго великолѣпія; надъ уничтоженіемъ древностей потрудились не только время, но и люди, ибо Индійцы не умѣютъ цѣнить древности, не смотря на консервативность своего народнаго характера.

Развалины Наланды лежатъ на юго-западъ отъ деревеньки Барагаонъ; когда начинаешь приближаться къ деревнѣ, съ сѣверо-востока, то не видъ развалинъ бросается въ глаза — такъ онѣ незначительны, — а искусственныя озера, окружающія ихъ. Первое озеро, съ котораго я началъ обзоръ развалинъ, называется Диргха-Покхаръ; оно находится на сѣверо-востокъ отъ деревни; съ востока на западъ оно простирается по крайней мѣрѣ на милю, и на четверть мили съ сѣвера на югъ; кругомъ его осѣняетъ прекрасная роща деревъ манго. Нѣсколько южнѣе, къ востоку отъ развалинъ находится другое озеро Пансокаръ-Покхаръ, почти такихъ же размѣровъ, какъ и сейчасъ упомянутое. На югъ отъ развалинъ лежитъ третье большое озеро Индра-Покхаръ. Нѣсколько меньшихъ озеръ виднѣются кругомъ развалинъ въ разныхъ сторонахъ, всѣ эти озера искусственныя, и о нихъ уже говоритъ Сюанъ-цзанъ (VII в. по Р. X.); въ его время они были покрыты лотусами, и тѣнистые сады тянулись по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь среди ровныхъ рисовыхъ полей, отъ сѣвера къ югу, виднѣтъ,

рядъ кургановъ. Обиліе воды и тѣни не составляетъ въ полуденномъ климатѣ только роскошь; то и другое заводится не только ради красоты, но и какъ предметы первой потребности; южанинъ сознаетъ это вполне и вполне умѣетъ цѣнить красоту тѣни и воды. Здѣсь, среди обилія воды и тѣнистой прохлады разсѣяны были высокія башни, разукрашенные навильоны, въ которыхъ производились диспуты, и раздавалось слово поученія; возвышались тѣ зданія и храмы, о которыхъ Сюанъ-цзанъ восторженно говорить, что „ихъ купола достигали поднебесья, а изъ оконъ храмовъ виднѣлось мѣсторожденіе вѣтра и тучъ; луна и солнце показывались на уровнѣ ихъ высокихъ крышъ“.

Подвигаясь отъ озера Диргха-Покхаръ на юго-западъ, прежде нежели дойдешь до ряда бывшихъ ступъ, по дорогѣ встрѣчается нѣсколько остатковъ буддизма, котораго въ настоящее время народъ совершенно не помнитъ и не знаетъ даже по наслышкѣ. Проходишь мимо изображенія Будды; онъ представленъ сидящимъ, какъ бы погруженнымъ въ созерцаніе; кругомъ него стоятъ ученики, и надъ головою cadaго изъ нихъ надписи, изъ которыхъ явствуетъ, что четыре фигуры изображали: 1) Сарипутру, 2) Маудгальяяну, 3) Майтреянипутру и 4) Васумитру. У главной фигуры отколотъ носъ, а лобъ вымазанъ охрою *). Идолъ до сихъ поръ, подъ именами Теліа Бхандаръ и Бхайравы, чтится жителями сосѣднихъ деревень. Не въ далекомъ разстояніи отсюда стоитъ *Ficus religiosa*; дерево окружено маленькою террасой, на которой разставлено нѣсколько изображеній Будды; всѣ они вымазаны охрой, и значить, до сихъ поръ чтутся Индусами подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Рядомъ съ святымъ деревомъ отгороженъ кирпичною новою стѣною небольшой дворикъ;

*) Охрою мажутъ идола во время жертвоприношенія. Это вѣрный признакъ того, что изображеніе считается святымъ и чтится понынѣ.

нѣсколько фигуръ Будды разставлены на немъ въ рядъ, и одна изъ нихъ громаднѣхъ размѣровъ, не менѣе осьми футовъ въ вышину. Будда изображенъ погруженнымъ въ созерцаніе, вымазанъ охрой и въ настоящее время слыветъ подъ именемъ Телиабхандаръ. Кругомъ въ очень многихъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ стоятъ или лежатъ древніе идолы; между ними попадаются изображенія брахманическихъ боговъ, напримѣръ, изображеніе богини Дурги, съ буддійскимъ символомъ вѣры (ye dharma hetu и т. д.) кругомъ головы и съ изображеніемъ созерцающаго Будды въ волосахъ. Не въ далекомъ разстояніи отсюда начинается тотъ рядъ ступъ, о которомъ я упоминалъ выше; шесть изъ нихъ возвышаются одна за другою по одной линіи отъ сѣвера къ югу. Всѣ эти курганы подверглись раскопкамъ и доставили значительное количество идоловъ; часть этихъ идоловъ находится теперь въ Бихарѣ; нѣкоторые видны до сихъ поръ на мѣстѣ, и неизвѣстно, сколько изъ ихъ числа затерялось и погибло. Самый любопытный изъ кургановъ—центральный или четвертый отъ сѣвернаго конца; онъ разчищенъ на столько, что даетъ возможность безошибочно опредѣлить, что здѣсь стоялъ храмъ нижняя часть котораго еще сохранилась; онъ былъ, вѣроятно—на сколько можно судить по сохранившемуся, выстроенъ въ стилѣ храма въ Будда-Гаѣ и по времени относится къ X вѣку или нѣсколько ранѣе; объ этомъ можно заключить изъ надписи, найденной здѣсь у дверей храма, обращенныхъ на востокъ. Ни самой надписи, ни всѣхъ тѣхъ столбовъ и украшеній, о которыхъ говоритъ Бродлей, производившій раскопки, въ настоящее время нѣтъ на мѣстѣ. Можно предположить, что черезъ нѣкоторое время и самыя стѣны храма начнутъ разбираться, и память о барагаонскихъ развалинахъ останется только въ археологическихъ сочиненіяхъ. О самомъ храмѣ я не стану говорить, такъ какъ опишу этотъ стилъ построекъ

въ Будда-Гаѣ. Географическое положеніе и надписи убѣждаютъ въ томъ, что на мѣстѣ Барагаона дѣйствительно стоялъ монастырь Наланда, но необходимо очень значительное усиленіе фантазіи, для того, чтобы среди этихъ раскопанныхъ и ограбленныхъ кургановъ отыскивать слѣды тѣхъ зданій, о которыхъ упоминается въ VII вѣкѣ. Для того, чтобы наивно вѣрить въ таковыя отождествленія, нужно забыть все то малое, что намъ извѣстно изъ исторіи Наланды. Уцѣлѣли отъ того времени озера; такого рода сооруженія трудно уничтожить, да и не къ чему; на югѣ вода особенно дорога каждому. Къ тому-же одинъ изъ здѣшнихъ прудовъ *Сурожэ-талао*, т. е. прудъ Солнца до сихъ поръ считается святымъ. Въ дни праздника Чхатъ ежегодно сюда собираются для купанія до десяти тысячъ женщинъ.

Осмотрѣвъ Барагаонъ, я вернулся назадъ въ Бихаръ, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ Гаю и по дорогѣ побывать въ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ мѣстностяхъ. Ближайшее къ Бихару и наиболѣе примѣчательное есть Ражагриха; въ переводѣ это имя значитъ „царскій домъ“ или даже „царьградъ“, понимая *градъ* въ смыслѣ „городьбы“. Мой любезный хозяинъ, Бенгалець, вызвался доставить меня туда на лошадяхъ. 2-го марта, часовъ въ двѣнадцать, мы выѣхали изъ Бихара на юго-западъ, по большой дорогѣ. Было жарко, но поднятый верхъ экипажа защищалъ насъ отъ палящихъ лучей солнца; путь предстоялъ не долгій и по мѣстности очень красивой; мы безпрестанно проѣзжали мимо деревенокъ, группъ глиняныхъ мазанокъ, сгученныхъ на небольшомъ пространствѣ, съ узкими переулками между отдѣльными дворами. Рисовыхъ полей видно много; но въ деревняхъ не видно большаго довольства; жители были грязны и по обычаю страны совершенно почти раздѣты; самое необходимое прикрытіе наготы было на нихъ и грязно, и въ лохмотьяхъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ со-

бирается одна только жатва и о положеніи земледѣльческаго класса можно судить по тѣмъ немногимъ даннымъ которыя были приведены выше. На половинѣ дороги, у мѣстечки Se-elao (а не Seetao, какъ обыкновенно стоитъ на картахъ) мы свернули съ большой дороги къ югу и около трехъ часовъ были въ Ражагрихѣ. Есть два города этого имени — старый, бывшій въ развалинахъ уже въ V вѣкѣ, и новый, въ которомъ живутъ до сихъ поръ, но гдѣ нѣтъ ничего древняго, ни любопытнаго. Оба города расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга: едва выйдешь изъ новаго города, тотчасъ же на вершинѣ холмовъ показываются остатки древнихъ городскихъ стѣнъ; эти внѣшнія стѣны имѣютъ въ окружности около восьми миль; толщина ихъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ сохранились достигаетъ 13 ф. За этими стѣнами, бывшими въ развалинахъ уже въ VII вѣкѣ, при Сюанъ-цзанъ есть еще внутреннія, гораздо лучше сохранившіяся. Уже недоѣзжая послѣднихъ, необходимо оставить экипажъ и идти далѣе пѣшкомъ; ни одна лошадь и никакія колеса не выдержатъ прогулки по мѣсту, такъ обильно усѣянному старыми кирпичами и всякими осколками. Миновавъ стѣны черезъ узкій проходъ, вступаешь въ долину, гдѣ стоялъ старый городъ и, гдѣ теперь никто не живетъ. Въ буддійскихъ пѣсняхъ, прославлявшихъ первую дѣятельность великаго индійскаго учителя, это мѣсто названо giribbajja или загонъ, образуемый горами. Горы съ пятью выдающимися пиками образуютъ здѣсь долину; наибольшая ея длина отъ запада къ востоку, а наименьшая съ сѣвера на югъ; въ окружности она имѣетъ не болѣе пяти миль; когда глядишь въ нее съ сѣвера, долина кажется окруженною сплошною стѣною крутыхъ, хотя и невысокихъ горъ; по ихъ обрывистымъ склонамъ скудно растетъ кое-гдѣ травка, а на вершинѣ ихъ бѣлѣются новые жайнскіе храмы. По самой долинѣ съ сѣвера на югъ извиивается по

каменистому руслу маленькая рѣчка Сарасвати. Ея берега буквально усѣяны кирпичами,—камнями старыхъ построекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимымъ мелколѣсьемъ изъ колючихъ кустовъ и высокой травы tulsī. Груды кирпичей, небольшіе курганы, остатки бывшихъ ступъ видны со всѣхъ сторонъ. Въ тѣни небольшой рощи, у сѣвернаго входа въ долину, намъ разбили палатку. Къ востоку поднималась гора Випула, съ бѣлымъ жайнскимъ храмомъ на вершинѣ, къ юго-западу гора Байхаръ, гдѣ семь святыхъ теплыхъ источниковъ и нѣсколько новыхъ храмовъ, посвященныхъ Махадевѣ. Нѣсколько далѣе къ юго-востоку видна гора Ратнагири; узенькое ущелье, совершенно незамѣтное издали, отдѣляетъ ее отъ горы Удалгири. На югѣ долина замыкается горою Со-нагирь.

Старый городъ Ражагриха—мѣсто памятное и даже святое не только для однихъ буддистовъ. Начало его исторіи восходитъ въ глубокую древность; здѣсь стояла столица Магадскаго царства, и брахманское преданіе локализовало здѣсь много сагъ изъ великой индійской эпопеи Махабхараты. За брахманами пришли буддисты и говорятъ, что Бимбисара, первый царь, покровительствовавшій ихъ ученію, жилъ здѣсь; сюда явился испрашивать милостыню бѣжавшій изъ отчужденнаго царскіи сына Гаутама. Въ той горѣ, гдѣ теперь стоятъ храмы Махадевы, до сихъ поръ видна естественная пещера, куда онъ удалялся въ полдневный жаръ, на отдыхъ. Въ Ражагриху возвращался Гаутама нѣсколько разъ во время своей проповѣднической дѣятельности; послѣ его смерти сюда собрались его осиротѣлые ученики. За всѣмъ тѣмъ, городъ никогда не пользовался особеннымъ значеніемъ въ буддійскомъ мірѣ. Онъ былъ несомнѣнно хорошо обстроенъ храмами и ступами; были здѣсь и монастыри; но ни одинъ изъ нихъ не пользовался такою громкою извѣстностью, какъ Наланда или бенаресскіе

монастыри. Въ V вѣкѣ городъ былъ уже въ развалинахъ; нужно предполагать, что періодъ его упадка начался задолго передъ тѣмъ и еще въ то время, когда буддисты были сильны своимъ общественнымъ значеніемъ и богатствомъ въ другихъ мѣстахъ Индіи. За буддистами здѣсь стали преобладать брахманы; этихъ послѣднихъ смѣнили мусульмане. Брахманы настроили здѣсь своихъ храмовъ, мусульмане — мечетей и гробницъ; и не нужно большой зоркости, чтобъ убѣдиться, что какъ тѣ, такъ и другія, строились и украшались изъ стараго буддійскаго матеріала; самые кумиры брахманы усвоили себѣ и чтили ихъ. И такъ, почти всюду въ Бихарѣ и въ остальныхъ древнихъ мѣстахъ Индіи совершенно неожиданно можно отыскать остатки глубокой древности въ зданіи выстроенномъ чуть-ли не наканунѣ. Въ Ражагрихѣ, кромѣ того, старымъ буддійскимъ матеріаломъ сильно пользовались Жайны, строившіе храмы по вершинамъ окружныхъ горъ. Хотя Ражагриха—мѣсто святое по настоящее время, но богомольцевъ здѣсь я нашелъ не много; не много ихъ было видно и по дорогѣ сюда; и только рано утромъ по долинѣ замѣтно нѣкоторое движеніе; пилигримы изъ отдаленныхъ мѣстъ Индіи, преимущественно Жайны, иногда изъ средины Пенжаба, сходятся около теплыхъ источниковъ; въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ носилкахъ разносятъ богомолокъ на вершины горъ, по разнымъ храмамъ; долина унылая и совершенно тихая въ остальные часы дня, часовъ въ шесть утра оживляется на короткое время; слышится говоръ у источниковъ; по склонамъ горы издали бѣлѣются чистыя одѣянія предприимчивыхъ богомольцевъ, поднимающихся къ чудотворнымъ слѣдамъ жайнскихъ святыхъ. Во всѣхъ этихъ храмахъ, какъ я уже замѣтилъ, есть непременно что-либо древнее, и къ каждому храму, расположенному на крутой высотѣ, подниматься не легко; подъемъ крутъ, и ничья рука не позаботилась облегчить путь

къ святынѣ. Женщинѣ и стариковѣ обыкновенно вносятъ на горы въ особоустроенныхъ носилкахъ; нельзя не подивиться искусству, выказываемому при этомъ носильщиками, а также и храбрости сидящихъ въ носилкахъ; когда смотришь на поднимающихся носильщиковъ снизу, кажется, что или съдоба они выбросятъ, или носилки соскользнутъ съ ихъ плечъ и полетятъ внизъ по крутизнѣ. Но ни того, ни другаго никогда не случается.

Къ теплымъ источникамъ на Байбарской горѣ поднимаешься по прекрасной каменной лѣстницѣ; у подошвы горы протекаетъ рѣчка Сарасвати, а у самыхъ источниковъ стоятъ нѣсколько брахманскихъ храмовъ, и здѣсь постоянный притонъ множества нищихъ, изъ касты брахмановъ; эти полунагіе попрошайки не даютъ проходу никому, и у Европейца, и у Жайна они вымаливаютъ милостыню, но особенно же привязчивы къ богомольцамъ Индусамъ. За всѣмъ тѣмъ доходъ ихъ не великъ. У этой одной горы теплыхъ источниковъ семь; они называются: Gangâ-Yamunâ-Kund, Anand-Rishi, Markand, Vyâs, Satdvâra Brahma-Kund, Kasîrîth; вода, температура которой въ Brahma-Kund доходитъ до 105° по F., вытекаетъ изъ каменныхъ трубъ, украшенныхъ головами львовъ и тигровъ, и собирается въ каменныхъ бассейнахъ. Уже Сюанъ-цзанъ упоминаетъ объ этихъ скульптурныхъ украшеніяхъ трубъ. Въ храмахъ поражаетъ обиліе буддійскаго наслѣдія; здѣсь даже небольшія чайтѣ *) изъ гранита обращены въ lingam; много и другаго понатаскано сюда изъ бывшихъ буддійскихъ храмовъ и часовень. Къ юго-западу отъ источника Markanda-Kund, на высотѣ 276 футовъ, выдается довольно значительная платформа. Она сложена изъ громадныхъ не обточенныхъ

*) Чайтѣя то же, что ступа; онѣ бываютъ различныхъ величинъ и всегда имѣютъ форму опрокинутой вверхъ дномъ чаши; Иногда бока изукрашены рѣзбой; lingam — phallus: эмблема Сивы или Махадевы.

каменной и называется *Jagasandhakâ baithak*, то есть, тронъ Ж; высота этой платформы 28 футовъ; у ея подножія есть нѣсколько пещеръ, шести и восьми футовъ въ квадратъ. Въ иную пору года въ этихъ пещерахъ бывають временныя жильцы, факиры различныхъ сектъ. Таковое ихъ назначеніе было издревле, и по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь образцы древнѣйшихъ буддійскихъ келій. Двѣ изъ этихъ келій находятся на восточной сторонѣ, пять — на сѣверной. Таковую же пещеру я замѣтилъ къ западу отъ *Brahma-Kund*, шаговъ въ сто съ небольшимъ; она высѣчена въ боку горы, на довольно значительной высотѣ. Еще далѣе къ западу въ гору вѣтается широкая тропинка, сильно поросшая колючимъ кустарникомъ. Плоскость платформы имѣетъ пятьдесятъ квадратныхъ футовъ; сзади ея находится большая пещера, въ которую спускаются по нѣсколькимъ ступенямъ, сложеннымъ изъ кирпича. Проникнуть въ эту пещеру въ мое время было нелегко, такъ она была завалена обрушившимися камнями и кирпичами. Размѣры ея впрочемъ извѣстны: 36 футовъ съ востока на западъ и 26 съ сѣвера на югъ; высота отъ 18 до 20 футовъ. Въ этой пещерѣ Бродлей нашелъ изображеніе Будды изъ чернаго базальта, и эта находка заставляетъ предполагать, что пещера была храмомъ такимъ же не замысловатымъ, какой до сихъ поръ существуетъ ниже, у одного изъ источниковъ (*sâd-dvaga*), и называется храмомъ семи мудрецовъ. Онъ — также искусственная пещера, но гораздо меньшихъ размѣровъ, и кромѣ изображенія семи мудрецовъ, ничѣмъ не украшенъ. На платформѣ передъ пещерою, входъ въ которую обращенъ на востокъ, есть три мусульманскія гробницы. Поднимаясь выше къ вершинѣ, на высотѣ 800 фут. достигаешь второй платформы, очень схожей съ первою; отсюда вверхъ идутъ остатки стѣны отъ 14 до 15 футовъ ширины; по ней, какъ по тропинкѣ, взбираешься къ Жайнскому

храму, стоящему на высотѣ 1300 ф. Къ югу и юго-западу есть развалины двухъ буддійскихъ храмовъ. Особенно замѣчательнъ тотъ, который стоитъ къ юго-западу. Онъ очень хорошо сохранился; его главный ходъ былъ обращенъ на востокъ; на протяженіи пятнадцати футовъ идетъ колоннада, входящая въ квадратную комнату; двѣнадцать высокихъ колоннъ поддерживали нынѣ обвалившійся потолокъ, изъ этой комнаты три ступени вверхъ вели во вторую—меньшую, но болѣе высокую. Притолка двери, ведущей въ эту комнату, украшена скульптурною работою, очень грубою. Надъ дверью есть изображеніе Будды. Едва ли нужно упоминать, что съ этой высоты изъ храма открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ: отсюда видѣнъ новый городъ Ражагриха, Бихаръ и даже барагаонскіе курганы.

На вершинѣ Байбхарской горы есть нѣсколько жайнскихъ храмовъ; отсюда, не спускаясь въ долину, можно пробраться къ пещерѣ Sonbhandar, находящейся на южномъ склонѣ горы; я предпочелъ однакожь сойти внизъ и дойти до пещеры по долинѣ; отъ теплыхъ источниковъ до нея считается не болѣе мили: Сонбхандарская пещера или въ переводѣ „кладовая золота“ есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ остатковъ древностей, видѣнныхъ мною въ Бихарѣ. Она любопытна сама по себѣ, какъ памятникъ глубокой древности, независимо отъ той исторіи, которую навязываютъ ей мѣстные археологи, и которая болѣе нежели сомнительна. Пещера, въ которой — говорятъ — происходилъ первый соборъ буддистовъ, находится на южномъ склонѣ горы. Сюанъ-цзанъ, описывая свое пребываніе въ Ражагрихѣ, говоритъ между прочимъ, что онъ видѣлъ „большой каменный домъ“, гдѣ будто бы происходилъ этотъ первый соборъ и домъ этотъ стоялъ въ такомъ мѣстѣ, которое только съ великими натяжками можно приурочить къ настоящему положенію пещеры. Если въ

VII вѣкѣ по Р. Х. память о первоначальномъ, настоящемъ мѣстѣ собраній святыхъ отцовъ на столько затемнилась, что для ихъ помѣщенія отводится большое зданіе, то не значитъ ли это, что уже тогда пещеры не помнили, и ея не существовало, а потому невѣроятно, чтобъ именно эта пещера отыскалась въ XIX вѣкѣ.

Къ пещерѣ нужно подниматься теперь по тропинкѣ, а первоначально вмѣсто нея, вѣроятно, на верхъ шла лѣсенка. Передъ самою пещерой находится платформа, около 100 футовъ въ квадратъ; часть этой плоскости, можетъ быть, была застроена крытою верандой, ибо на внѣшней стѣнѣ пещеры видны квадратныя правильныя углубленія, куда вставлены были балки. Кучи кирпича и камни разбросаны по платформѣ. Внѣшній фасадъ пещеры такъ гладокъ и ровенъ, что издали кажется полированнымъ, онъ—44 ф. въ длину и 16 ф. въ вышину. Съ западной стороны выдается скала, но на восточной высѣчены двадцать узенькихъ ступенекъ. Совершенно правильно вырубленная дверь ведетъ въ пещеру; ширина двери—3½ ф., высота—6 ф. 4 в. Толщина стѣнъ въ три фута; къ западу отъ двери есть окно, имѣющее три фута въ ширину и высоту. По этому же направленію находится безголовое изображение Будды и коротенькая надпись въ двѣ строки. Азбуку надписи должно отнести къ началу нашей христіанской эры. Какой-то Vairadeva, отшельникъ, пишетъ о себѣ, что онъ здѣсь жилъ и предавался созерцанію. Внутренность пещеры подъ сводомъ имѣетъ 33 фута въ длину и 17 футовъ въ ширину. По стѣнамъ есть нѣсколько надписей новѣйшею азбукою, но которыя, тѣмъ не менѣе, трудно разобрать. Внутри пещеры есть небольшая чайтъя, изукрашенная изображеніями Будды, очень тонкой работы. Эта пещера есть древнѣйшій образецъ индійской архитектуры; нѣсколько подобныхъ безъискусственныхъ пещеръ находятся на островѣ Цейлонѣ. Сонб-

хандарская пещера есть образец древней буддйской кельи, превращавшейся иногда, то-есть, во время „обряда исповѣди“ (упошатхи), въ храмъ; она гораздо древнѣе всего того, что мы находимъ въ ней, какъ надписей, такъ и чайтй; послѣдняя, по всей вѣроятности, занесена сюда очень недавно.

Въ Ражагрихѣ есть много примѣчательнаго; такъ у горы Випулѣ есть нѣсколько другихъ теплыхъ источниковъ. Изъ нихъ одинъ считается святымъ и Индусами, и мусульманами. У горы Удаягирь показываютъ платформу или тронъ Бхимасена. На вершинахъ во всѣхъ почти храмахъ можно найти что-либо древнее. Не всѣ эти древности имѣютъ одинаковую научную цѣнность; но многое давно слѣдовало-бы сдѣлать общедоступнымъ въ фотографіяхъ. Самыя отчетливыя описанія здѣшнихъ древностей далеко не достаточны; если же къ описаніямъ, какъ это часто случается присоединяется еще желаніе отождествить описываемое мѣсто съ какимъ либо монастыремъ или храмомъ, упоминаемымъ въ запискахъ китайскихъ путешественникъ, тогда авторы къ сожалѣнію невольно начинаютъ впадать въ натяжки и описаніе оказывается не вполне правдивымъ.

2.

5-го марта я оставилъ старый городъ Ражагриху и по пути въ Гаю намѣревался осмотрѣть два мѣста—Гирьекъ и Павапури.

Гирьекъ лежитъ на востокѣ отъ Ражагрихи, въ нѣсколькихъ миляхъ. Часовъ въ восемь утра я уже былъ тамъ, и желая попасть въ тотъ же день въ Павапури, тотчасъ же принялся за осмотръ древностей. Здѣсь двѣ археологическія достопримѣчательности: первая—Jarasandhaka baithak, и вторая—пещера Gidha-dvar. Прямо къ трону Жарасанды и принесли мой паланкинъ, но я хотѣлъ осмотрѣть сначала пещеру

и долго проискалъ ее; найти ее впрочемъ очень легко,—не нужно только спрашивать носильщиковъ, которые хоть и знаютъ пещеру, но никакъ не могутъ понять, какъ такая пустая вещь можетъ кого-либо, тѣмъ болѣе са'аба, интересоваться, и на этомъ основаніи отказываются незнаніемъ, полагая, что са'абъ ищетъ, что-либо болѣе цѣнное. Деревенька Гирьекъ расположена на берегу рѣки Панчана; на западномъ, противоположномъ берегу круто поднимаются два пика, которыми замыкаются два параллельные края горъ, тянущихся отъ Гаи въ сѣверо-западномъ направленіи, на протяженіи 36 миль. Пики соединены искусственною террасой, и на томъ и другомъ есть развалины. Повернувъ отсюда на юго-западъ и пройдя около мили, достигаешь узенькой долины, въ которой шумливо извивается р. Банганга; здѣсь на южномъ склонѣ сѣвернаго края, на высотѣ 250 ф., бросается въ глаза совершенно круглое отверстіе; снизу оно кажется небольшою трещиною въ скалѣ, но когда поднимаешься на высоту, то найдешь, что въ пещеру открывается пространный входъ, 10 ф. въ ширину и 17 въ вышину. Самая пещера довольно длинна. Кеннингэмъ насчитываетъ 98 ф. въ длину; высота ея уменьшается къ концу, и сводъ постепенно склоняется къ полу. Высокая температура, отвратительный запахъ, темнота и тысячи летучихъ мышей дѣлаютъ невозможнымъ продолжительное пребываніе въ пещерѣ. Видъ съ верху очень оригиналенъ и какъ-то дико грандіозенъ; кругомъ поднимаются голыя гранитныя скалы, внизу растительность то же скудная; тишина нарушается только крикомъ коршуновъ, — ихъ здѣсь много множество, и уже самое названіе пещеры указываетъ на это (Gidha-dvar, то-есть: врата коршуна). Спустившись назадъ въ долину, усыпанную обломками скалъ, я отправился назадъ къ трону Жарасанды. Въ этомъ мѣстѣ, какъ я уже сказалъ, находятся два пика: на вершину западнаго вела когда-

то лѣстница; кое-гдѣ еще и теперь можно замѣтить ступени; здѣсь, по всей вѣроятности, стоялъ монастырь или храмъ: до сихъ поръ видны остатки стѣны и кое-гдѣ гранитные столбы, и вся продолговатая терраса вымощена. Широкая дорога, родъ террасы, соединяющей оба пика, ведетъ на восточный пикъ, гдѣ находится ступа въ формѣ цилиндра, народомъ называемая „тронъ Жарасанды“. Цилиндръ возвышается на квадратномъ пьедесталѣ, 14 ф. въ вышину; въ діаметрѣ цилиндра ступа имѣетъ 28 ф., а въ вышину — 21 футъ. Эти развалины неизвѣстнаго мнѣ монастыря слѣдовало бы болѣе тщательно осмотрѣть; но недостатокъ времени заставилъ меня скоро спуститься внизъ. Монастырь, который стоялъ здѣсь, и вышеупомянутая пещера во время оно были, вѣроятно, въ связи; здѣсь на этихъ пикахъ стоялъ храмъ и кельи: тутъ жили монахи, совершавшіе обычное буддійское богослуженіе и обряды; туда же въ пещеру, въ тихое уединеніе, отправлялись тѣ изъ нихъ, которые посвящали себя созерцанію или позднѣе, въ пору развитія тантръ, вызванію духовъ, боговъ, бодисатвъ. О томъ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ разыгрывалась фантазія у отшельниковъ, поселявшихся въ глуши въ пещерахъ, подобныхъ Гирьекской, мы знаемъ изъ массы завѣщанныхъ намъ буддійскихъ легендъ; эти легенды и вся система тантрійскаго волхвованія могли развиваться и гнѣздиться именно въ такихъ труппахъ, унылыхъ и дикихъ, вдали отъ всякаго житейскаго шума.

Павалури, мѣсто древнее по преданію, лежитъ на сѣверо-западъ отъ Гирьека; кромѣ нѣсколькихъ новыхъ жайнскихъ храмовъ, здѣсь нѣтъ ничего примѣчательнаго или древняго. Изъ храмовъ самый любопытный по своему богатству — тотъ, который выстроенъ на островѣ, среди большого озера, переполненнаго рыбами; узенькій мостъ (150 ф. длины) перекинуть чрезъ озеро къ храму; доступъ въ храмъ всѣмъ Евро-

пейцамъ воспрещенъ; но священнодѣйствующій въ храмѣ (pujâgi)—не жайнской религии, а Индусъ и принадлежитъ къ брахманской кастѣ. Всѣ храмы отличаются богатствомъ, роскошью внутри, но не красотой. У входа въ одинъ изъ храмовъ я замѣтилъ два громадные lingam, краснаго цвѣта. Эти сиваитскія божества стояли тутъ какъ знакъ компромисса, существующаго здѣсь между Жайнами и Индусами. Храмы въ Павапуре усердно посѣщаются какъ тѣми, такъ и другими. Помѣщеніе для богомольцевъ, выстроенное около одного изъ храмовъ, видимо разчитано на громадное ихъ число. Осмотромъ Павапуре и закончимъ этотъ день (5-го марта). Переночевавъ въ Навадѣ у г. Б., на другой день раннимъ утромъ я отправился въ Гаю.

3.

Городъ Гаю лежитъ на западномъ берегу рѣки Фалгу, у подошвы горы называемой Брахмаіони. Уже по дорогѣ убѣждаешься, что туда стекаются Индійцы отовсюду: такая масса разнообразнаго люда идетъ въ Гаю и изъ Гаи; пѣшеходы, путешественники на *скалахъ* *), верблюдахъ, слонахъ, крытые паланкины съ женщинами, широкія открытыя носилки съ земиндарами и т. д., весь этотъ богомольствующій людъ попадаетъ на встрѣчу или слѣдуетъ за вами во все продолженіе дороги. Ёдутъ въ Гаю свершать *поминальную жертву* а на всѣхъ лицахъ столько радости, точно впереди ожидаетъ не грустный обрядъ, а праздникъ и веселье. Большинство тѣхъ, кто ѣдетъ въ Гаю „помянуть родителей“, — люди съ хорошими матеріальными средствами, ибо свершить въ Гаѣ срадху стоитъ изрядныхъ денегъ: при этомъ нужно задать

*) Екка—мѣстная двуколеска, въ одну лошадь очень неудобная. Туземцы охотно путешествуютъ въ ней.

хорошее угощеніе брахманамъ, а въ Гаѣ столько голодныхъ брахмановъ, что въ концѣ концовъ итогъ расходовъ по поминкамъ можетъ дорости до очень значительной цифры. Въ Калькуттѣ я зналъ одного богатаго Индійца, писателя и археолога; онъ не принадлежалъ въ кастѣ брахмановъ и былъ скорѣе деистомъ, нежели Индусомъ, — тѣмъ не менѣе ради поддержанія своего общественнаго положенія и вліянія онъ считалъ долгомъ соблюдать всѣ индусскіе обряды и въ томъ числѣ, само собою разумѣется—сраддху. Онъ мнѣ говорилъ, что не ѣдетъ въ Гаю, не смотря на сильное желаніе побывать тамъ для полнаго выясненія нѣкоторыхъ соображеній по археологическимъ вопросамъ,—не ѣдетъ, избѣгая тратъ; онъ не свершалъ еще сраддхи по смерти отца, а помянуть родителя въ Гаѣ ему, по его положенію, обошлось бы около четырехъ тысячъ рупи или четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. Махаража Кашмирскій истратилъ здѣсь полторы тысячи фунтовъ на поминки. А дѣдушка Нана-Сахиба говорятъ истратилъ въ Гаѣ по такому-же случаю до десяти тысячъ фунтовъ. Не легко опредѣлить сколько истрачиваетъ на поминки въ Гаѣ бѣднякъ или человекъ безъ большихъ средствъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія удовольствіе побывать у всѣхъ святынь въ Гаѣ бѣдняку обходилось до четырехъ фунтовъ. Въ тѣ времена въ Гаю съ разныхъ сторонъ сходилось въ годъ свыше ста тысячъ богомольцевъ; англичане получивъ въ свое владѣніе Бихаръ долгое время не уничтожали здѣсь особаго рода налога, извѣстнаго подъ именемъ Pilgrim-tax; всякій, отправлявшійся въ Гаю, по дорогѣ туда платилъ за пропускъ казнѣ. Налогъ этотъ собирали коллекторы Остъ-Индской компаніи. Въ настоящее время Pilgrim-tax уничтоженъ, но число богомольцевъ едва-ли увеличилось; за то посѣщеніе всѣхъ святынь Гаи и угощеніе брахманъ несомнѣнно вздорожало.

Въ Гаѣ есть мѣстные брахманы, разбогатѣвшіе насчетъ

наивныхъ богомольцевъ; они извѣстны подъ именемъ Гаяваловъ; Гаяваловъ до 300 семей, и нѣкоторыя семьи имѣютъ ежегодно доходу до 5000 ф. ст. Богачи Гаявалы имѣютъ по всей Индіи агентовъ, которые должны зазывать вѣрующихъ въ Гаю, на богомолье. Гаявалы невѣжественны и ведутъ жизнь праздную и невоздержную. Ихъ старѣйшина Махантъ долженъ по обычаю соблюдать обѣтъ цѣломудрія; но многочисленные потомки различныхъ махантовъ могутъ служить свидѣтельствомъ, что обѣтъ этотъ не всегда строго соблюдается. Гаявалы и масса другихъ брахмановъ живутъ и богатѣютъ на счетъ богомольцевъ. Изъ всего этого можно заключить, сколько денегъ въ Гаѣ истрачивается на угощеніе брахмановъ, а гдѣ угощеніе, тамъ, конечно, есть и своего рода веселіе; а потому когда смотришь по дорогѣ на странниковъ, то невольно думается, что всѣ они спѣшатъ на какое-то веселое торжество.

Гаю видна издали, мили за три. Когда, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, мы достигли восточнаго берега рѣки Фалгу, передъ нами развернулся городъ, окруженный съ западной стороны святыми горами. Не входя въ городъ, на песчаномъ берегу, среди кое-гдѣ виднѣвшихся пальмиръ такая же, какъ и встрѣчавшаяся по дорогѣ пестрая, разнородная толпа, съ своими верблюдами, слонами, екками, паланкинами сдѣлала привалъ; кто отдыхалъ, кто ужиналъ, а кто и молился. Приѣхавшій помянуть родителей и дѣдовъ долженъ начать обрядъ, не вступая въ городъ, при достиженіи рѣки. Отсюда далѣе онъ долженъ идти пѣшкомъ, долженъ разуться и сдѣлать священной рѣкѣ осьмичленное поклоненіе—поклонится ногами, руками, колѣнами, главою, грудью, умомъ, рѣчью, взоромъ; омыть руки и ноги, сдѣлать рѣкѣ посильное приношеніе и сказать извѣстную, краткую молитву. Вступать въ городъ предписывается послѣ омовенія

въ рѣкѣ и облекшись въ чистыя одѣянія. Этимъ омовеніемъ начинается свершеніе сраддхи въ Гаѣ; ему предшествуютъ предварительные обряды, свершаемые дома, до выступленія въ путь и въ день начала путешествія; въ Гаѣ обрядъ свершается въ продолженіи не менѣе семи дней, но по желанію можетъ быть продолжаемъ и большее число дней. Слово сраддха значитъ собственно „вѣра“; приношеніе предкамъ пици, сдѣланное съ вѣрою, съ молитвою называется производнымъ отсюда „сраддха“; обрядъ этотъ состоитъ не только изъ угощенія брахмановъ въ память умершихъ дѣдовъ, но и изъ дѣйствительнаго приношенія пици предкамъ, воды или клѣчки, изготовленной изъ муки, рису, молока, мяса и т. д. Приношеніе дѣлается въ сопровожденіи молитвъ, сила которыхъ такова, что пицца немедленно претворяется: если умершіе дѣдъ или отецъ за свои добрыя дѣла стали богами, брошенная на воздухъ клѣчка претворяется въ amrita или амброзію, а если онъ сталъ скотомъ, то клѣчка претворяется въ траву, и т. д. Свершеніе сраддхи обязательно для правовѣрнаго Индуса всюду, но почему-то считается, что поминальная жертва, принесенная въ Гаѣ, особенно пріятна предкамъ, и самъ свершившій ее получаетъ большую награду. Вообще обрядъ очень не сложенъ, хотя при свершеніи его читается множество различныхъ молитвъ, и въ санскритской литературѣ существуетъ множество ученыхъ трактатовъ о жертвахъ предкамъ, объемистыхъ и краткихъ компендіумовъ въ руководство тѣмъ изъ брахмановъ, которые профессионально являются на всякое такое пиршество—почитаютъ за плату молитвы, да еще наѣдятся при этомъ.

Видъ города съ восточнаго берега очень красивъ; конусообразныя верхушки храмовъ, высокіе каменные дома, изъ которыхъ многіе гнѣзятся на вершинахъ скалъ; многочисленные спуски (ghat) къ рѣкѣ, текущей среди песчаныхъ бере-

говъ, все это представляетъ очень эффектную картину. Перейдя въ бродъ черезъ рѣку, мы миновали туземный городъ и прямо вступили въ англійское предмѣстье съ его широкими тѣнистыми аллеями, садами и одноэтажными бѣлыми домами, окруженными просторными верандами. Въ Гаѣ, какъ и во многихъ большихъ городахъ Индіи, европейскій кварталъ отлично обрисовываетъ англійское умѣнье всюду устраиваться съ комфортомъ; но въ то же время это повсемѣстное въ Индіи стремленіе Англичанъ удалиться отъ туземца, выселиться куда-нибудь подальше отъ шума туземной жизни, занять отдѣльную колонію—все это лучше свидѣтельствуется, что между туземцемъ и Англичаниномъ такая пропасть, чрезъ которую никому теперь не перекинуть моста. Англичане и туземцы живутъ бокъ-о-бокъ, но каждый своею, чуждою и совершенно непонятною другому, жизнью; социальна Англичане и туземцы совершенно разобщены. И что можетъ быть общаго между зауряднымъ Англичаниномъ и таковымъ же туземцемъ? Одинъ явился въ Индію, чтобы было чѣмъ жить и, при возможности нажитья; по скольку необходимо для обиденныхъ исполненій обязанностей, онъ станетъ изучать Индію и Индійцевъ, большаго отъ него нельзя и требовать; воспитанный въ преданіяхъ совершенно иной исторической жизни, Англичанинъ является въ Индію съ понятіями и привычками, привитыми ему западною цивилизаціей и прямо противоположными тѣмъ, которыя имѣетъ или которыхъ держится Индеецъ у себя на родинѣ; онъ выросъ съ понятіями: отчизна, Британское государство, а большинство Индійцевъ отъ иноземцевъ же Англичанъ научились называть свою родину общимъ именемъ „Индустанъ, Индія“, и до сихъ поръ въ ихъ языкахъ слово „Хинду“ (неправильно передаваемое по русски „Индусъ“) не значитъ: Индеецъ, человѣкъ имѣющій своимъ отечествомъ Индію, а выражаетъ понятіе аналогичное съ тѣмъ, что пе-

редается нашими словами „православный“, „католикъ“, то есть, этимъ словомъ обозначается лицо, принадлежащее извѣстной кастѣ и исповѣдующее извѣстную религію. Большинство Индійцевъ вырастаетъ, не усвоивъ себѣ иного, болѣе общаго понятія, чѣмъ каста; Индіецъ заучиваетъ свои религіозныя обязанности, ему съ дѣтства толкуютъ объ обязанностяхъ въ отношеніи къ лицамъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ кастѣ; но его священныя книги молчатъ объ обязанностяхъ гражданина въ отношеніи своего отечества; патриотизмъ—слово не переводимое по санскритски или на мѣстные индійскіе языки. Въ этомъ фактѣ выражается главнѣйшая противоположность между Англичаниномъ и туземцемъ. Разобщеніе идетъ дальше, выражается въ тысячѣ болѣе мелкихъ фактовъ, и вслѣдствіе всего этого для Англичанъ и Индійцевъ возможна только совмѣстная, но не общая жизнь. Солгать, по понятіямъ большинства Англичанъ, есть самоуниженіе; конечно, бываютъ случаи, что и Англичане лгутъ, лгутъ успѣшно и остаются безнаказанными; но вообще лжець уличенный осуждается всѣми и покрывается позоромъ. Въ теоріи и Индійцы высоко цѣнятъ правду и строго караютъ всякое уклоненіе отъ нея; но въ практикѣ жизни установились другія отношенія къ неправдѣ: ложь, подкупъ на судѣ, лжесвидѣтельство, обманъ, осуждаемыя въ теоріи, караемыя закономъ, находятъ въ средѣ мѣстнаго общества полное снисхожденіе; лжець уличенный и не раскаявшійся, — все-таки членъ своей касты и никто отъ него не отворачивается. Англичанинъ въ Индіи хорошій семьянинъ, хорошій мужъ и отецъ по нашимъ европейскимъ понятіямъ; онъ человѣкъ общительный, принимаетъ у себя пріятелей и любитъ задавать *dinning parties*. Индіецъ, если имѣетъ средства, возьметъ себѣ не одну, а двѣ и три жены, и не стыдится держать наложницъ. Онъ считаетъ оскверненіемъ, религіознымъ пре-

ступленіемъ пообѣдать съ человѣкомъ низшей касты и позоветъ пріятелей вечеромъ, устроить для нихъ пас (балетъ), т. е. зоветь въ свой домъ туда же, гдѣ его жены, дочери, сыновья, подь тотъ же кровъ—плясуней, женщинъ завѣдомо вольнаго поведенія, и всю ночь на пролетъ проглядитъ на ихъ сладострастную пляску, прослушаетъ ихъ вольныя пѣсни. Англичанинъ и Индіецъ сходятся въ одномъ, но и это разобщаетъ ихъ еще больше; Англичанинъ въ душѣ считаетъ свою націю „солью земли“; Британскій народъ призванъ быть міродержавнымъ народомъ; все не британское хуже, ниже по достоинству британскаго. О такихъ политическихъ задачахъ для своего народа Индіецъ не думаетъ; во всю продолжительную свою историческую жизнь Индійцы, какъ завоеватели, ни разу не выходили за предѣлы своего отечества; но и для нихъ издревле весь міръ подѣленъ былъ на „четыре касты“, высшую расу, и на иностранцевъ, „mlcscha“, низшія расы. На родинѣ теперъ Индіецъ знаетъ „kal-admi“ „чернаго чловѣка“, и „sa'ab lok“, „господъ“ (то-есть, Европейцевъ). Хотя kal-admi есть переводъ презрительнаго black skin, но „быль молодцу не укорь“, черный чловѣкъ хотя и черенъ, а все-таки выше бѣлаго; быть чернымъ въ умѣ Индійца не можетъ считаться укорительнымъ или не красивымъ. Кришна, индійскій богъ любви, красавецъ изъ красавцевъ, и тотъ черенъ, даже чернѣе всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Въ пѣснѣ поется: „Нигдѣ не видалъ я такого чернаго лица какъ твое“. И это говорится объ идеалѣ красоты, о богѣ любви. Эта твердая увѣренность Индійца въ своемъ превосходствѣ надъ бѣлымъ чловѣкомъ выражается во многихъ религіозныхъ установленіяхъ и иногда наивно и забавно сказывается, помимо его воли, въ разговорѣ съ Европейцемъ.

Итакъ, разобщенные нравственно, презирая взаимно другъ друга, Англичане и Индійцы живутъ хотя и въ одномъ го-

родѣ, но далеко другъ отъ друга; ихъ дома также далеки другъ отъ друга, какъ ихъ жизненные интересы. Индійскіе вопросы интересуютъ Англичанина только по столько, по сколько они касаются его личной жизни, — весьма часто интересъ къ нимъ опредѣляется количествомъ барыша, и весь складъ старой индійской жизни въ общемъ остается неизмѣннымъ, такимъ же, какимъ онъ былъ цѣлый вѣкъ тому назадъ; образованіе, заводимое Англичанами, не раскачало ни одного изъ вѣковыхъ индійскихъ предразсудковъ: касты, политеизмъ также сильны, какъ и прежде, до англійскаго владычества; европейское образованіе привилось къ отдѣльнымъ лицамъ въ меньшинствѣ и не коснулось массъ, не проникло въ индійскую жизнь. А потому нигдѣ, какъ только въ Индіи, не встрѣчается такой двойной жизни: въ одномъ предмѣстьѣ живутъ люди среди всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ европейскою цивилизаціей: постройка домовъ, ихъ украшенія, весь складъ жизни европейскій; пройдите нѣсколько миль — двѣ или три, и предъ вами иной міръ, иная древняя цивилизація, люди съ иными вѣрованіями. И многое изъ этого стараго было уже такимъ въ то отдаленное время, когда новаго, европейскаго еще не было и въ зародышѣ. Именно таковою является Гая индусская рядомъ съ англійскимъ предмѣстьемъ.

Въ Гаѣ я жилъ въ домѣ одного добродушнаго и любезнаго Англичанина; всѣ дни я проводилъ въ индусскомъ городѣ и являлся въ домъ радушнаго хозяина только обѣдать и спать. Это было почти что въ началѣ моего пребыванія въ Индустанѣ, и ни откуда я не вынесъ такого сильнаго и полнаго впечатлѣнія о противоположности индусскаго и англійскаго, какъ изъ Гаи. Гая — новый городъ, выстроенный на старомъ мѣстѣ; онъ существовалъ здѣсь уже во времена Будды, то-есть, въ VI вѣкѣ до Р. Х. Теперь всѣ храмы и постройки здѣсь новыя; но въ этихъ новыхъ зданіяхъ на каждомъ шагу

попадаютъя осколки древности; брахманической культа здѣсь гнѣздилися изстари; какъ встарь, такъ и понынѣ, здѣсь множество храмовъ, часовень, священныя прудовъ, вѣчныхъ деревъ и т. д. Въ архитектурномъ отношеніи нѣтъ ни одного замѣчательнаго храма. Двѣ главныя святыни: храмы Vishnu pad и Солнца расположены въ близкомъ расстояніи другъ отъ друга. Побывъ нѣкоторое время въ одномъ изъ нихъ, получишь весьма опредѣленное понятіе о томъ, что такое религія массъ въ Индіи, символическій или изобразительный культъ (symbolical or representative worship), какъ нѣкоторые бенгальскіе бабу *) называютъ свое идолопоклонство. Читится камень какъ такое-то божество, камень, ничѣмъ не напоминающій то условное представленіе, которое издревлѣ составлено объ этомъ божествѣ. На каждомъ шагу видишь слѣдное невѣжество и наивную вѣру съ одной стороны, со стороны богомольцевъ, и грубый, наглый обманъ—съ другой, со стороны священнодѣйствующихъ (pujâgi) и различныхъ факировъ. Самый храмъ Vishnu pad не лишенъ нѣкоторой оригинальной красоты, но онъ такъ невыгодно помѣщенъ и такъ застроенъ кругомъ различными часовнями, что весь эффектъ его внѣшности теряется среди безобразныхъ маленькихъ построекъ. Здѣсь показываютъ слѣдъ Вишну, то-есть, трещину въ скалѣ, надъ которою выстроена святая святыхъ храма, осьмигранная башня, тридцати-восьми футовъ въ діаметрѣ; высота башни равняется ста футамъ; надъ нею высятся пирамидальный куполь въ 80 футовъ въ вышину. Къ башнѣ подходили черезъ открытый павильонъ (mandaga) со-

*) Бабу,—то же, что *mr. sig. esq.* Всего чаще употребляется въ Бенгаліи. Бенгальскій бабу есть особенный типъ новой Индіи и очень любопытный. Онъ учился въ англійской школѣ, полуобразованъ, говоритъ по англійски, не всегда правильно, но непремѣнно съ изысканными выраженіями. Онъ отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ.

стоящій изъ восьми рядовъ колоннъ и имѣющій 58 футовъ въ квадратѣ. Храмъ выстроенъ изъ сѣраго гранита, и говорятъ, что Махратская царица Ахалья Баи затратила на него девяносто тысячъ рупи, изъ которыхъ семьдесятъ тысячъ пошло на угощеніе брахманъ. Храмъ этотъ далеко не великъ: по измѣренію Кеннингэма, длина его не превышаетъ 82 футовъ и 2 вершковъ, а ширина — 54 футовъ и 4 вершковъ. На дворѣ, окружающемъ храмъ, настроенно множество часовень, храмовъ, павильоновъ для богомольцевъ; изъ послѣднихъ особенно замѣчательнъ по своей величинѣ Solabedi; тутъ же рядомъ Akshaya-bat, вѣчное древо, буквально: не гибнущее древо. Богомольцевъ и въ храмѣ, и на дворѣ всегда много множество; одни сидятъ въ павильонахъ, другіе закупаютъ тутъ же на дворѣ продающіеся, жертвенные цвѣты, нѣкоторые обходятъ святилище подъ руководствомъ брахмана, читающаго молитвы на санскритскомъ языкѣ. Суетня на дворѣ страшная, и она мѣшаетъ спокойному разсматриванію собранныхъ здѣсь древностей, то-есть, буддійскихъ идоловъ, барельефовъ, маленькихъ ступъ; послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ настоящее время исправляютъ должность lingam; измазаны масломъ и окрою. Храмъ Солнца выстроенъ у пруда Surya kund, обнесеннаго каменною стѣной; обходя эту стѣну поражаешься, какъ много здѣсь старинныхъ камней съ рѣзбою, съ такими узорами и фигурами, смысла которыхъ теперь брахманы не знаютъ, хотя иной изъ нихъ и не задумается растолковать любое изображеніе. Стѣны эти окружаютъ пространство длиною въ 292 фута и шириною въ 156: кругомъ рядъ ступеней выходитъ внизъ къ водѣ. Храмъ Солнца стоитъ тутъ же рядомъ. Въ самое святилище, тамъ, гдѣ стоитъ изображеніе солнца, напомнившее Кеннингэму Аполлона, входъ Европейцамъ возбраненъ: но изображеніе можно хорошо разсмотрѣть изъ открытыхъ дверей. Я засталъ въ храмѣ хоръ

пѣвиць; онѣ сидѣли на полу, и крикливо взвизгивая, тянули какой-то гимнъ. Въ сѣняхъ, снявъ башмаки, можно свободно разхаживать; но кромѣ одной любопытной надписи, тутъ нѣтъ ничего примѣчательнаго; сѣни украшаются четырьмя рядами столбовъ, по пяти столбовъ въ каждомъ ряду.

Другія святыни находятся въ нѣкоторомъ отдаленіи отсюда *). Въ городѣ есть нѣсколько священныхъ холмовъ: *Brahma uonî* (450 фут.), *Preta sila* (541 фут.), *Râm-sîla*. Между послѣдними двумя холмами выстроена прекрасная дорога. Подъемъ на холмъ *Brahma uonî* очень крутъ; но Гвальборскій ража воздвигъ для богомольцевъ широкую каменную лѣстницу; она начинается у самой подошвы, не вдалькѣ отъ пруда *Savitri-kund*, и восходитъ до самой вершины. Вершина вымощена и обнесена оградой. Въ небольшомъ, полуразрушенномъ храмѣ стоитъ изображеніе Ханумана, бога-обезьяны, въ другомъ храмѣ, побольше, — изображенія *Sakti*, *Çiva* и *Parvatî*.

4.

Въ пяти миляхъ къ югу отъ Гаи, на западномъ берегу р. Фалгу, лежитъ Будда-Гая: мѣсто древнее и примѣчательное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Всѣ буддисты знаютъ и чтутъ это мѣсто; любой монахъ на Цейлонѣ скажетъ, что здѣсь стоитъ державное древо Бо (*ficus religiosa*), что здѣсь пупъ земли, здѣсь Будда прозрѣлъ святыя истины и сюда онъ опять долженъ явиться. „Черезъ двѣ тысячи пятисотъ лѣтъ“, говорилъ мнѣ одинъ монахъ въ Коломбо — „всѣ мощи Будды соберутся у древа Бо, въ Магадѣ; соберутся тамъ и пріймутъ образъ вѣщаго учителя. Богамъ и людямъ станеть учитель проповѣдывать!“ Что будетъ затѣмъ — монахъ

*) Какъ напримѣръ, *Akshaya Vat*, съ храмомъ Махадевы. Древо, на видъ, судя по его величинѣ и толщинѣ, не можетъ быть очень старымъ.

или не зналъ, или не хотѣлъ объявить. По понятіямъ буддистовъ, особенно тѣхъ, которые не бывали въ Бихарѣ, Будда-Гая—какой-то рай земной; тутъ и рѣки текутъ чистыя какъ кристалль, и зелень и цвѣты необыкновенные; здѣсь вѣчный праздникъ природы, и престолъ Будды понынѣ существуетъ. Но, увы! на самомъ дѣлѣ, около „древа знанія“ запустѣніе, и оно доживаетъ послѣдніе дни своей долгой жизни. Въ мѣстѣ буддійскомъ по преимуществу все буддійское въ упадѣ и загонѣ; здѣсь свиль гнѣздо иной культъ; иные боги здѣсь прославляются, и развѣ только на время зашедшій буддистъ съ юга или сѣвера помнитъ о томъ, какіе трагическіе моменты, по сказанію легенды, переживалъ подь этимъ деревомъ великій учитель. Здѣсь онъ побѣдилъ демона, начало вожделѣнія и мученія, и точно надломленный этою внутреннею борьбою, впалъ въ сомнѣніе и говорилъ себѣ: „Не время возвѣщать законъ, съ трудомъ постигнутый. Люди, грѣха и страсти исполненные, скажутъ: Этотъ законъ не разумень. Исполненные страсти и тьмою объятые люди не узрятъ закона“.... И явился ему Брахма, богъ боговъ, и говорилъ: „Возри, безскорбный, на людей, въ скорбь погруженныхъ, рожденію и старости подчиненныхъ! Встань, герой, побѣду одержавшій! Гряди въ міръ, вождь каравана...“

Легенда говоритъ; что здѣсь въ VI вѣкѣ до Р. Х. созрѣла мысль о міровой проповѣди во спасеніе страждущаго человечества. Отправляясь отсюда, по дорогѣ въ Гаю, новый учитель говорилъ о себѣ: „Я все оставилъ и свободенъ; исчезло во мнѣ вожделѣніе. Я самъ уразумѣлъ, кому же во слѣдъ мнѣ идти? Нѣтъ у меня учителя; нѣтъ мнѣ подобнаго; ни въ мірѣ людей, ни между богами нѣтъ мнѣ подобнаго!... Иду я въ градъ Касійскій (то-есть, въ Бенаресъ) вращать колесо закона, ударю въ барабанъ, возвѣщающій спасеніе міру, тьмою ослѣпленному!“

Двѣ тысячи и нѣсколько столѣтій существуетъ Будда-Гая этотъ „отрадный уголокъ земли“, какъ его величаютъ буддисты, и за такое долгое время намъ извѣстно очень мало фактовъ изъ его исторіи; нѣтъ сомнѣнія, она во многомъ прояснится, когда всѣ существующія на мѣстѣ древности будутъ собраны, описаны и въ вѣрныхъ фотографическихъ снимкахъ обнародованы; тогда сличая надписи, рассматривая украшения на колоннахъ, пилястрахъ, барельефахъ явится возможность, хотя и далеко не вполне, возстановить внутреннюю исторію мѣстности и дополнить по монументальнымъ памятникамъ отрывочныя извѣстія письменныхъ источниковъ. Уже теперь можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что святое мѣсто стало считаться таковымъ и начало обстраиваться очень рано, то-есть, около III или II вѣка до Р. Х. Буддійскія исторіи утверждаютъ, что царь Асока былъ первымъ, начавшимъ украшать и обстраивать эту мѣстность; случайная находка двухъ столбовъ изъ песчаника, около древа Бо, убѣждаетъ, что въ данномъ случаѣ мѣстная исторія не вдалась въ преувеличенія древности. На столбахъ, найденныхъ у святаго дерева, сохранились коротенькія надписи: на одномъ, какаля-то „достопочтенная Kaudiniya“ начертала свое имя, на другомъ таковомъ же — какой-то Цейлонець; оба столба были принесены ими въ даръ. Трудно рѣшить, входили ли эти столбы въ колоннаду вокругъ какой-нибудь нынѣ болѣе не существующей ступы, или же они были воздвигнуты около самаго древа; то и другое одинаково вѣроятно; ступъ было нѣсколько въ этомъ мѣстѣ, а изъ Таранаты извѣстно, что столбы и монолиты окружали когда-то древо. Несомнѣнно однако же, что столбы эти были иссѣчены и водружены около какой-нибудь святыни въ то время, когда еще въ Индіи читали древнѣйшую азбуку и умѣли ею писать, то-есть, въ III или II вѣкѣ до Р. Х. Но отъ этого древняго періода, боль-

шинство, если не всё, памятники исчезли. Здѣсь, въ Будда-Гаѣ нѣтъ ни той лѣсной тѣнистой мѣстности, о которой говоритъ Фасинъ, и само собою разумѣется, невозможно ожидать, что увидишь здѣсь тѣ роскошныя многочисленныя зданія или тѣ сады, которые живописалъ Сюанъ-цзанъ. Враги, еретики и даже дикіе слоны не разъ разрушали какъ самое древо, такъ и окружавшіе его монастыри и храмы. Но Будда-Гая возрождалась всякій разъ послѣ того, и извѣстно, что послѣднее возобновленіе храма относится къ XIV вѣку.

Съ какой бы стороны ни подойти къ Будда-Гаѣ, она не видна издали; знаменитый храмъ Гандхола бросается въ глаза только тогда, когда находишься отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Гандхола—высокая башня (160 ф.), выстроенная въ видѣ четырехгранной пирамиды изъ голубовато-краснаго кирпича; она стояла среди обширнаго двора и имѣла нѣсколько крытыхъ пристроекъ съ восточной стороны, отъ которыхъ теперь сохранились только столбы. Около храма набралось столько мусора, что порогъ его входа гораздо ниже уровня окружающей мѣстности. Войдя черезъ восточныя врата на бывший дворъ храма, прямо передъ входомъ находишь изображеніе „слѣда Будды“. Этотъ камень съ изображеніемъ помѣщенъ подъ крытымъ павильономъ; гранитныя столбы гораздо древнѣе самой постройки, и такъ какъ они не одинаковы по рисунку, то были, вѣроятно, набраны изъ разныхъ мѣстъ. Налѣво отъ воротъ есть три часовни: одна называется храмомъ пяти Пандавовъ: пять идоловъ буддійскихъ изображаютъ здѣсь пять братьевъ-героевъ Пандавовъ; двѣ другія часовни посвящены Махадевѣ, но не лишены также буддійскихъ украшеній; таковой же храмъ Махадевы находится направо отъ воротъ. Гандхола хотя и находится теперь въ вѣдѣніи брахмана, но осматривать ее можно свободно, и всюду можно проникать. Внутренность храма не обширна и имѣетъ въ длину

20 ф. 4 в., а въ ширину 13 ф. На западномъ концѣ стоитъ широкій пьедесталь изъ чернаго базальта; онъ занимаетъ всю западную стѣну и имѣетъ въ ширину 5 ф. 9 в., а въ высоту 4 ф. Здѣсь стоялъ, вѣроятно, тотъ знаменитый кумирь Махабодхи, о которомъ такъ много рассказываетъ Тараната; вмѣсто него теперь среди нѣсколькихъ изображеній Будды стоитъ lingam и статуя бога Вишну. Полъ вымощенъ гранитомъ и покрытъ весьма грубою рѣзбою; изображены богомольцы съ приношеніями. Потолокъ разбитъ на множество небольшихъ панелей, содержащихъ въ себѣ кое-гдѣ вытѣпленные изображенія Будды. Съ внѣшней стороны въ стѣнахъ храма были подѣланы ниши; теперь онѣ пусты, но въ нѣкоторыхъ еще остались сложенные крестъ на крестъ ноги статуй; по всей вѣроятности, это остатки тѣхъ золоченыхъ статуй Будды, которыми украшался и славился храмъ встарь. Въ верхній этажъ я не умѣлъ проникнуть. Нижний имѣетъ въ высоту 22 ф. 1 в.

Къ дереву Бо, непосредственно стоящему къ западу отъ храма, поднимаешься по лѣстницѣ; съ обѣихъ сторонъ входа во храмъ есть по лѣсенкѣ, и къ дереву можно подняться, не входя въ храмъ. Терраса, на которой растетъ Бо, находится на одномъ уровнѣ съ верхнимъ этажемъ храма, то-есть, на высотѣ $25\frac{1}{2}$ ф., считая отъ пола нижняго этажа, или на высотѣ 18 ф., считая отъ уровня накопившагося вокругъ храма мусора. Обходя снизу террасу, можно ясно различить до шести этажей; терраса воздвигалась мало по малу; по мѣрѣ того какъ засыхали нижнія вѣтви дерева, являлась необходимость поддерживать одну изъ главныхъ верхнихъ, и вслѣдствіе того воздвигался одинъ этажъ надъ другимъ. Платформа, на которой растетъ теперь дерево, имѣетъ въ ширину 29 ф.; кругомъ дерева сложена уступами круглая пирамида; по этимъ уступамъ можно обходить вокругъ дерева, то-есть, молиться

ему, что и совершается одинаково буддистами и брахманами. Брахманы при этомъ читаютъ между прочимъ слѣдующее: „Царь деревъ: Нârâйна пребываетъ на тебѣ превѣчно! Оттого между деревъ ты превѣчно чистъ! Ты богатъ, и дурные сны прогоняешь!“ Настоящее дерево въ очень жалкомъ видѣ; полузасохшая, чахлая вѣтвь растетъ какъ-то въ бокъ, а не вверхъ.

Другія, меньшія свѣтлыни, видѣнныя мною, я прохожу молчаніемъ и не стану также описывать всѣхъ древностей, разсѣянныхъ здѣсь всюду — во дворѣ, въ стѣнахъ домовъ, въ храмахъ здѣшнихъ новыхъ госаинскихъ монастырей, на ихъ кладбищахъ. Описаніе всего этого, не снабженное рисунками, было бы совершенно бесполезно; прибавлю только, что множество предметовъ, имѣющихъ высокій научный интересъ, важныхъ для исторіи религіи, индійской архитектуры, искусства и даже для бытовой исторіи, разсѣяны безъ всякаго призора и гибнутъ, не щадимые ни временемъ, ни людьми.

Странное впечатлѣніе выносишь, осматривая бихарскія древности: онѣ не поражаютъ васъ величіемъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ отличаются изяществомъ, хотя въ Будда-Гаѣ найдется не одно мастерское скульптурное изображеніе различныхъ звѣрей, слоновъ и обезьянъ, деревъ и даже человѣческихъ фигуръ; эти остатки прошлаго не восходятъ въ такую глубокую древность, какъ египетскія пирамиды или постройки Ахеменидовъ; они не разсѣяны, какъ на Цейлонѣ, среди грандіозной природы, подъ сѣнью роскошнѣйшей тропической растительности; и не смотря на то, помимо спеціальнаго интереса, который они должны имѣть для желающаго прослѣдить развитіе одной изъ древнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ религій, бихарскія древности любопытны именно среди своей теперешней обстановки, въ новыхъ храмахъ и монастыряхъ. Глядишь на эти статуи, обожаемыя до сихъ поръ,

но подъ другимъ именемъ, на теперешній культъ, такой же какъ и тотъ, что былъ за тысячу лѣтъ тому назадъ и ранѣе, на толпы богомольцевъ, сходящихся отовсюду чтить старыя кумиры подъ новыми именами, и спрашиваешь себя: въ чемъ же состоялъ прогрессъ въ Индіи?

Въ Гаѣ я собственно окончилъ свое странствіе по Бихару. Отсюда я отправился въ Патну. Въ Патнѣ или древнемъ городѣ Паталипутра, нынѣ считается 158,900 жителей, и немного больше одной пятой изъ этого числа масульманъ. Ни древняго или чего-либо примѣчательнаго въ городѣ нѣтъ. Около города показываютъ *Гола* или высокую куполообразную житницу, выстроенную въ концѣ прошлаго столѣтія англичанами. Самый городъ грязенъ и не красивъ.

Самое любопытное въ Патнѣ, нѣкоторая, но далеко не значительная, часть населенія. Я разумѣю Вахабитовъ, съ которыми, впрочемъ, я не сходилъ и не видѣлся. Вахабиты, какъ извѣстно, явные враги англичанъ. Они живутъ, твердо уповая, что пророкъ ихъ Сеидъ Ахмедъ вернется и уничтожить всѣхъ невѣрныхъ; пока же, готовясь къ жихаду, они собираютъ особый фондъ на священную войну. Всякій богачъ вноситъ извѣстный процентъ съ своихъ доходовъ въ этотъ фондъ. Земледѣлецъ жертвуетъ туда же два съ половиною процента съ каждой жатвы. Таковымъ же налогомъ обложены мясники, ремесленники и даже нищія; послѣдніе жертвуютъ по одной пригоршнѣ отъ своей скудной пищи.

Изъ Патны я отправился въ Непаль.

II.

Н е п а л ь .

1.

Большая Непальская долина, гдѣ было нѣсколько европейскихъ путешественниковъ, и на изученіе которой Б. Ходжсонъ посвятилъ многіе годы своего долгаго пребыванія въ Катманду, извѣстна намъ сравнительно болѣе, нежели части Непала, лежащія къ западу, сѣверу и востоку отсюда.

Непаль, находится къ югу отъ Тибета, между р. Кали на западѣ, и р. Тистой на востокѣ, или между британскимъ Камаономъ на западѣ и Сиккимомъ на востокѣ и весьма удобно можетъ быть раздѣленъ по системамъ орошающихъ его рѣкъ на три части: западный, центральный и восточный.

Въ западномъ Непалѣ система р. Карнали состоитъ изъ слѣдующихъ рѣкъ: Кали (или Сарда) Свети-ганга, Карнали, Бхеи, Саржу и Рапути. Источники этихъ рѣкъ лежатъ между Нандадеви (25,693 ф.) и Давалагирскимъ пикомъ (27,600 ф.). Въ этой части главнаго Гималайскаго кряжа извѣстенъ одинъ проходъ изъ Непала въ Тибетъ; проходъ этотъ ведетъ въ тибетскую провинцію Ари, ущельемъ р. Карнали, чрезъ Таклакхаръ. Рѣки Кали и Карнали вытекаютъ изъ центрального гималайскаго кряжа и пробиваются черезъ южный Гималайскій кряжъ. Верхняя часть бассейна занята областью Жамла или Юмилла; ниже находится бывшая Страна двадцати-двухъ ца-

рей (Байси-ража). Рѣки, сливаясь въ индустанскихъ равнинахъ, образуютъ р. Гхагру (или Гогру).

Центральный Непалъ орошается рѣчною системою семи Гандаковъ (Саптъ Гандаки): рр. Нараяни Сети Гандакъ, Марсьянghi, Баріа Гандакъ, Трисуль-Гандакъ и еще двумя менѣе значительными рѣками. Источники этихъ рѣкъ находятся между Давалагирскимъ пикомъ (27,600 ф.) и Даябангомъ (23,762 ф.): слившись въ горахъ не далеко отъ Лорагхата, онѣ текутъ далѣе въ Гангъ подъ названіемъ р. Гандакъ. Четыре изъ этихъ рѣкъ, именно: Кали Гандакъ, Карнали Гандакъ, Баріа Гандакъ и Трисуль-Гандакъ, вытекаютъ изъ центрального края, остальные изъ южнаго Гималайскаго. По ущельямъ рѣкъ извѣстны три прохода черезъ центральный край въ Тибетъ: проходъ Муктинатхъ по рѣкѣ Нараяни въ Мантанъ (Мустанъ?), проходъ Но-ла, по рѣкѣ Баріа-Гандакъ и проходъ Трисуль-Гандакъ. Страна, орошаемая этою рѣчною системою, въ прежнее время извѣстна была подъ именемъ Страны двадцати-четырехъ царей (Чаубиси-Ража).

Въ восточномъ Непалѣ находится рѣчная система Коси, состоящая также изъ семи главныхъ рѣкъ: Миламчи, Бхотіа Коси, Тамба Коси, Ликху, Дудъ-Коси, Арунъ и Тамбуръ или Таморъ. Источники этихъ рѣкъ находятся между Даябангомъ (23,762 ф.) и Камчаномъ (28,158 ф.); гора же Еверестъ находится на лѣвомъ берегу р. Арунъ. Рѣки этой системы, по орошеніи страны Кирантіевъ въ восточномъ Непалѣ, и областей Кхатанъ, Чаянцуръ, образуютъ въ горахъ одну рѣку, текущую черезъ Герраи. Рѣки Бхотіа Коси и Арунъ берутъ начало въ центральномъ краѣ; р. Арунъ долгое время течетъ по Тибету, а затѣмъ, прорвавшись черезъ южный Гималайскій край, слѣдуетъ на югъ, въ Гангъ. Въ восточномъ Непалѣ находятся четыре прохода въ Тибетъ: первый проходъ ведетъ по р. Бхотіа Коси, черезъ Ниламъ и Кути, второй по

р. Арунъ, черезъ Хатіа, третій по долинѣ р. Тамбуръ, мимо Валланчунъ, черезъ Типта-ла, четвертый по ущелью Янг-ма, горнаго притока р. Тамбуръ и чрезъ Кан-ла-чанъ.

Между рр. Гандакъ и Коси находится большая Непальская долина, орошаемая р. Багмати.

Альпійскій бассейнъ Карнали простирается отъ пика Нандадеви до пика Дхавалагири, или между $79^{\circ} 50'$ до 83° ; альпійскій бассейнъ Гандака—отъ пика Дхавалагири до пика Госаинъ-тханъ, или между 83° и 86° ; альпійскій бассейнъ Коси—отъ пика Госаинъ-тханъ до Канчанъ, между 86° и $88^{\circ} 10'$. Страна, орошаемая этими тремя рѣчными системами (Карнали, Гандакъ, Коси), простирается на 800 миль и есть центральная и самая характерная часть Гималаевъ.

Рѣчные бассейны раздѣляются между собою вертикальными хребтами, обыкновенно отдѣляющимися отъ высокихъ пиковъ. Такъ отъ пика Канъ-чанъ тянется кряжъ Сангилела, раздѣляющій воды Коси и Типты; подобный же кряжъ Даябханъ, направляющійся на югъ отъ пика Госаинъ-тханъ, раздѣляетъ воды Коси и Гандака, кряжъ отъ пика Дхавалагири раздѣляетъ воды Гандака и Карнали, кряжъ отъ пика Нандадеви разграничиваетъ воды Ганга и Карнали.

Наиболѣе удалены другъ отъ друга бассейны Коси и Гандака. Промежуточное пространство между ними орошается р. Багмати и особенно богато долинами. Кромѣ большой долины Непала, здѣсь же находятся долины Читлонга, Банепа и Панаути.

Климатъ здѣсь тропическій, и соотвѣтственно съ сѣверовосточными и юго-западными муссонами, погода отъ октября до марта холодная и сухая, отъ апрѣля до сентября жаръ и сырость. Климатъ весною и осенью, отъ половины марта до половины мая, и отъ половины сентября до половины декабря особенно пріятенъ. Самая непріятная часть года продолжается

съ половины декабря до половины февраля. Въ это время бываетъ тучно, дождливо и идетъ снѣгъ, и сырая погода при холодѣ очень непріятна. Но вообще климатъ можетъ считаться здоровымъ. Вѣтры умѣренны, за исключеніемъ марта, когда дуетъ Пхагва изъ сѣверо-западныхъ равнинъ. Количество электричества вообще умѣрено, и грозы бывають обыкновенно въ началѣ и въ концѣ дождливаго сезона. Эпидеміи очень рѣдки, и трудно назвать какуо-либо чисто гималайскую болѣзнь.

Поверхность главнымъ образомъ характеризуется непрерывною послѣдовательностью кряжей съ узкими ущельями между ними. Долины, въ собственномъ смыслѣ этого слова, рѣдки. Отъ Гильгита до Брахмакунда есть только двѣ большія долины: Кашмирская и Непальская. Также точно рѣдки озера: нѣсколько ихъ (три или четыре) находятся въ Камаонѣ, да одно въ западномъ Непалѣ (Покра).

Въ этнографическомъ отношеніи Непаль представляетъ необыкновенное богатство разнородныхъ племенъ: въ сѣверной части, какъ и на всемъ протяженіи южнаго кряжа Гималаевъ, по ту и по сю стороны, живутъ Бхотійскія племена, извѣстныя подъ различными именами (Палусень, Ронгбо, Серпа, Сиена; Катх-бхотія и т. д.) и родственныя имъ Тхакора, Пакія. Въ срединной полосѣ—Лимбу или Яктхумба, Якха, Кхомбо или Киранти, Мурми или Тамары, Пахи или Падхи, Невары, Сунвары, Чепаны, Кусунда, Ваю или Хаю, Гуруны, Магары, Кхасы. Въ южной полосѣ—Кичаки, Палла, Тхару, Денвары; Кумха, Бхраму, Дахи или Дари, Кусвары, Тхами, Ботія.

Каждый изъ этихъ народцевъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто находенія или мѣсто рожденія (жанма-бхуми); только Кхасы, Гуруны и Магары въ настоящее время разсѣяны по всему Непалу; но первоначально, и они заселяли опредѣленные и болѣе ограниченныя пространства: они жили на западѣ

отъ большой Непальской долины; въ самой же долинѣ и по сосѣдству живутъ Мурми и Неварцы; области на востокъ отъ долины до Сиккима заселены народцами Киранти и Лимбу. На западъ отъ большой долины и къ сѣверу отъ Гуруновъ и Магаровъ находятся Сунвары въ сосѣдствѣ съ Бхотійцами.

Географическое распредѣленіе этихъ народовъ въ общихъ чертахъ можетъ быть представлено такимъ образомъ: въ бассейнѣ Карнали живутъ Бхотійцы, въ бассейнѣ Гандака—Сунвары, Гуруны, Магары, въ бассейнѣ Коси—Киранти и Лимбу. Между бассейнами рр. Гандакъ и Коси живутъ Неварцы и Мурми.

Гористый характеръ мѣстности, затрудняя сообщеніе между этими племенами, способствовалъ развитію діалектовъ. Роскошныя пастбища, дѣйствуя дурно на стада, заставили эти народы заниматься преимущественно земледѣліемъ; жаръ и влажность ослабили ихъ мускулы и затемнили цвѣтъ ихъ лица. Эти народы сѣютъ злаки и питаются ими же главнымъ образомъ. Народы по сю сторону Гималаевъ, въ сравненіи съ Тибетцами, меньше ростомъ, не такъ мускулисты, и цвѣтъ ихъ кожи гораздо темнѣе. Ходжсонъ описываетъ физическій типъ Гималайцевъ такимъ образомъ: Голова и лицо очень широки; обыкновенно наибольшая ширина замѣчается между скулами. Лобъ широкъ, но часто къ верху суживается; подбородокъ небольшой; ротъ великъ и выдается; глаза широко отставлены другъ отъ друга; носъ длинный и высокій, но сдавленный у переносицы и съ широкими ноздрями. На головѣ волосы прямые и въ обилии; на лицѣ и на тѣлѣ волосъ мало. Ростъ не великъ, но сложеніе крѣпкое и мускулистое. Ихъ нравственный характеръ таковъ: они флегматики, мыслятъ и чувствуютъ медленно; добродушны, веселы и общительны; къ продолжительному труду неспособны. Полиандрія еще существуетъ между ними, но обычай этотъ начинается

вымирать. Женское цѣломудріе до брака цѣнится низко; пьянство и неопрятность развиты въ горахъ болѣе, нежели въ индійскихъ равнинахъ. Преступленія рѣдки, горцы любятъ правду, и характеръ ихъ вообще пріятенъ. Они индифферентны въ дѣлахъ религіи. Родовой бытъ сильно развитъ у нихъ: кастъ, въ строгомъ смыслѣ слова, они не знаютъ. Народы эти большею частью кочевые земледѣльцы; нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, Неварцы, давно стали осѣдлыми, другіе, Гуруны — главнымъ образомъ до сихъ поръ занимаются пастушествомъ.

Народы Чепанъ и Кусунда, живущіе на западѣ отъ большой Непальской долины, стоятъ на самой низшей степени развитія. По физическому типу они отличаются также отъ другихъ народовъ: имѣютъ большіе животы и очень тонкія ноги. Цвѣтъ ихъ кожи очень теменъ. Въ Непалѣ, по увѣренію Ходжсона, ихъ считаютъ автохтонами.

Тамъ, гдѣ съ марта до ноября свирѣпствуетъ малярія, откуда бѣгутъ всѣ другіе народы, тамъ селятся народы: Денвары, Дари, Бхраму, Кумха и Манжхи, Ботіа. Они живутъ или деревнями или въ отдѣльныхъ хижинахъ, выстроенныхъ изъ нетесаннаго камня. Народы эти суть земледѣльцы, горшечники, рыбаки и паромщики. Нѣкоторые изъ народовъ Непала очень малочисленны; такъ, на примѣръ, отъ народа Ваю или Хаю, по словамъ Ходжсона, осталось не болѣе какъ нѣсколько тысячъ, но у того же народа сохранилось преданіе о томъ, что нѣкогда онъ былъ силенъ и многочисленъ.

Ни одинъ изъ этихъ народцевъ, населяющихъ Непалъ, за исключеніемъ осѣдлыхъ въ большой долинѣ Неварцевъ и Горкинцевъ, не имѣетъ своей исторіи; весьма вѣроятно, что со временемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ отыщутся какія-нибудь устныя преданія о прошломъ; въ настоящее время извѣстны только генеалогіи царей, владѣвшихъ въ большой Непальской долинѣ. Генеалогіи эти первоначально были составлены не-

варскими авторами на неварскомъ языкѣ; затѣмъ во время политическаго преобладанія Горкинцевъ, онѣ были переведены на горкинскій языкъ. На этомъ языкѣ и извѣстны намъ въ настоящее время генеалогіи непальскихъ царей. Ихъ, какъ кажется, существуетъ нѣсколько редакцій; въ бытность мою въ Катманду мнѣ удалось тамъ достать два списка: одинъ, — написанный буддистомъ, другой индусомъ; первый списокъ гораздо полнѣе втораго. Но въ Катманду меня увѣрили, что въ Лалитапатанѣ существуютъ оригиналы этихъ исторій на неварскомъ языкѣ.

О судьбахъ страны и народа узнается очень мало изъ Вансавали или царскихъ генеалогій; Непаль, наравнѣ съ Кашмиромъ и Бенаресомъ, считается индусами и буддистами страною святою, и частью вслѣдствіе того, частью также и потому, что исторія писалась лицами духовными, въ этихъ генеалогіяхъ, кромѣ длиннаго списка царскихъ именъ, главнымъ образомъ сообщается масса легендъ и свѣдѣній о сооруженіи царями храмовъ и идоловъ. Нѣкоторыя изъ легендъ любопытны однакоже потому, что страннымъ образомъ напоминаютъ библейскія сказанія, хотя и въ искаженномъ видѣ. О времени ихъ перваго появленія ничего не извѣстно, а потому весьма трудно объяснить ихъ происхожденіе, хотя и несомнѣнно, что христіанская пропаганда проникала въ Непаль. Въ одной изъ легендъ сообщается слѣдующее о происхожденіи р. Багмати: Въ глубокой древности въ Непаль пришелъ буддха Кракучханда; онъ поселился въ горахъ, окружающихъ долину, и сталъ поучать и проповѣдывать народу; многіе изъ народа пожелали сдѣлаться монахами и просили посвятить ихъ. Для совершенія обряда необходима была вода... „Видя, что на той горѣ нѣтъ воды, онъ, славя имена Буддхы самосущаго, лучезарнаго, а также богини Гухьесвари, произнесъ таковыя слова: „Да изойдетъ вода изъ этой горы!“ И просвер-

лилъ ту гору большимъ пальцемъ“. Богиня Гангадеви, пріѣвъ видимый образъ, съ раковиною въ рукѣ явилась изъ того отверстія. Выйдя оттуда, она сдѣлала приношенія буддхѣ. И потекла она, превратившись въ воду, прославленную подѣ именемъ Багмати“.

Нельзя не видѣть въ этой легендѣ отдаленнаго сходства съ библейскимъ сказаніемъ объ одномъ изъ подвиговъ Моисея. Въ другой легендѣ какъ будто сохранилось смутное воспоминаніе о чудѣ Иисуса Навина; легенда имѣетъ мѣстную, буддійскую окраску; извѣстно, что буддійскіе монахи могутъ ѣсть только до полудни, и вотъ что разсказывается объ одномъ святомъ, по имени Вирупакша: „Послѣ этого увидѣль онъ, что настало время, когда солнце склоняется къ западу. Для того, чтобъ имѣть возможность поѣсть и попить, онъ обратился къ солнцу со словами: „Я не могъ есть и пить, ибо созерцалъ Господа и свершалъ ему служеніе. Свѣти и не заходи!“ Остановивъ одною рукою солнце и продолжая созерцаніе, онъ умеръ около Пасупати и сдѣлался чудотворцемъ.

Неварцы по физическому типу и по характеру языка должны быть причислены къ великой тибетской расѣ. Яснаго воспоминанія о своемъ сѣверномъ происхожденіи у нихъ не сохранилось: но они разсказываютъ нѣсколько легендъ, въ которыхъ можно отыскать бессознательную, смутную память о древнихъ связяхъ и отношеніяхъ къ сѣвернымъ народамъ, по ту сторону Гималаевъ.

На западъ отъ Катманду, въ разстояніи около полуторы мили, возвышается на 250 ф. надъ уровнемъ долины священный холмъ Самбхунатхъ или Сваямбхунатхъ. Около четырехъ сотъ ступень ведутъ на вершину холма, застроенную большою ступой и множествомъ храмовъ, часовенъ. Здѣсь показываютъ важру—скипетръ Индры, и въ одномъ храмѣ неугасимый свѣтъ лампы.

Холмъ этотъ есть главное мѣсто культа самосущаго, перваго буддхы (ади-буддха), называемаго также лучезарнымъ, ибо здѣсь послѣ того какъ долина изъ озера стала сущью и обитаемою для людей, на этомъ холмѣ проявился ади-буддха въ образѣ луча: и съ тѣхъ поръ свѣтъ не угасалъ на холмѣ.

Ади-буддха, по представленію теперешнихъ непальскихъ буддистовъ, есть богъ творецъ. Его описываютъ такъ: Въ началѣ, въ великой пустотѣ, когда еще не возникали пять элементовъ, возникъ лучезарный Ади-буддха не запятанный. Возсталъ тотъ, въ комъ три качества, великій образъ и образъ всеобщій, тотъ, кто самосущъ, великій буддха, первый вождь, великій владыка. Онъ — причина возникновенія міра и причина мірской благодати; и самъ владыка міра погрузился въ созерцаніе міръ-творящее (*Гуна каранда-вѣжа*). Погрузившись въ созерцаніе, именуемое „возникновеніемъ міра“ (*тамже*), Ади-буддха сотворилъ міръ. Отъ его очей возникли луна и солнце, Махесваръ ото лба, отъ плечъ Брахма четвероликій, отъ рукъ Нараяна, отъ зубовъ Сарасвати (богиня краснорѣчія), Ваю (вѣтеръ) отъ рта, отъ ногъ земля, отъ живота Варуна (океанъ), огонь отъ пупа, отъ лѣвой колѣни Лакшми (богиня счастья), отъ правой Срида (тоже). Всѣ эти боги и другіе подчинены Ади-буддхѣ; отъ него каждый изъ нихъ получилъ специальное назначеніе и область непосредственнаго вѣдѣнія.

Ученіе о первомъ буддхѣ, о буддхѣ творцѣ міра, по словамъ непальскихъ буддистовъ, было принесено въ долину изъ страны Махачина, находящейся къ сѣверу отъ Непала, свѣтымъ Манжусри, жившимъ на горѣ Панчасирша или пятиглавой. Самый фактъ они относятъ въ періодъ глубокой древности и не опредѣляютъ, когда именно и откуда явилось въ Непалѣ это ученіе. Ученіе о буддхѣ творцѣ существовало здѣсь, по всей вѣроятности, уже до VII в. (до Р. Х.), ибо

въ китайской исторіи Тханской династіи сохранилось такое извѣстіе о непальской религіи: „молятся духу неба“ (см. Юкинаеа, Собрание свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи, ч. III, 207). Духъ же неба, о которомъ говорится здѣсь, есть несомнѣнно то же, что лучезарный самосушій первый Буддха. Трудно опредѣлить, какую именно страну понимали буддисты подъ именемъ Махачина. Не слѣдуетъ непременно отождествлять ее съ Китаемъ; мы знаемъ объ этой странѣ, что она лежала къ сѣверу Индіи, за Гималаями, гдѣ по не опроверженнымъ свидѣтельствамъ китайскихъ путешественниковъ, было много странъ, въ которыхъ уже въ V в. (по Р. X.), и по всей вѣроятности, ранѣе господствовалъ буддизмъ и распространена была индійская культура; и изъ любой изъ этихъ странъ могло явиться въ Гималаѣхъ преобразованное буддійское ученіе; китайцы, упоминая о распространеніи буддизма въ странахъ внѣ индійскихъ, въ средней Азіи и въ восточномъ Туркестанѣ, сообщаютъ въ то же время, что во многихъ странахъ, рядомъ съ буддизмомъ, существовала религія духа неба; ее-то въ Непалъ и принесъ съ сѣвера, изъ-за горъ какой-то благочестивый странникъ, названный именемъ Манжусри, именемъ бодхисатвы, которому молились и молятся въ Китаѣ, въ Тибетѣ и даже на островѣ Явѣ.

Если въ этой легендѣ намъ сохранилась смутная память о до историческихъ связяхъ Непала съ странами по ту сторону Гималаевъ, за то въ другой легендѣ мы имѣемъ полу-сознательный намекъ на племенное родство неварцевъ съ тибетцами. Вансавали, рассказывая о другой буддійской святынѣ Бодх-натхѣ, сообщаетъ: „По мнѣнію бхотійцевъ, бхотійскіе ламы по смерти переродились непальскими царями; эти цари выстроили буддійскій храмъ, а потому Бхотійцы много почитаютъ этотъ храмъ“.

Бодх-натхъ находится въ трехъ съ половиною миляхъ отъ

Катманду; въ настоящее время это небольшая деревенька выстроенная кругомъ ступы. Самая ступа окружена оградой, входъ въ которую европейцамъ не дозволенъ.

Другихъ болѣе ясныхъ извѣстій объ эмиграціи племень съ сѣвера въ Непаль Вансавали не сообщаетъ. На первыхъ же страницахъ исторіи Непала (т. е. большой Непальской долины) говорится объ арійскихъ колоніяхъ и арійскихъ царяхъ изъ страны Гаура (т. е. Бенгалии) и Пенжаба. Послѣдніе, т. е. цари изъ Пенжаба, принесли съ собою и распространили въ долинѣ культы бога Сивы и брахманическое уваженіе къ коровѣ. О нихъ сообщается, что они уважали коровъ и молились богу Пасупати, проявившемуся въ образѣ огня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ стоитъ храмъ Пасупати. Храмъ этотъ находится на сѣверо-востокѣ отъ Катманду, въ разстояніи трехъ миль; онъ со всѣми своими окружными постройками расположенъ на западномъ берегу рѣки Багмати. Европейцамъ позволено любоваться на него издали, съ противоположнаго берега. Сюда, на берегъ рѣки, приносятъ умирающихъ, здѣсь же сжигаютъ мертвыя тѣла, и иногда сжигаются вѣрующія и благочестивыя вдовы. Тысячи богомольцевъ изъ равнины Индіи сходятся сюда въ февралѣ для совершенія омовеній въ священныя волнахъ Багмати.

Послѣ сей часъ упомянутыхъ царей, въ началѣ Калијуги (т. е. за 3102 до Р. Х.) Непальскою долиною владѣли Кираты; хроника приводитъ послѣдовательно двадцать девять Киратскихъ царей. Потомки этого народа подъ именами Кирата, Киранти, Кхвомбо, Кхомбо и Кирова до сихъ поръ живутъ на востокъ отъ большой долины. Они дробятся на множество родовъ и имѣютъ нѣсколько различныхъ нарѣчій; теперь ихъ не болѣе четверти милліона, но въ древности ихъ было гораздо больше. Своихъ царей они называли ханами или хосаками, а старшинъ — пасунами. Въ настоящее время они

подчинены Горкинцамъ и не имѣютъ собственныхъ царей, но до сихъ поръ старшина пользуется большимъ авторитетомъ у своего народа: онъ собираетъ подати и разбираетъ споры. Кираты народъ земледѣльческій: между ними много свободныхъ землевладѣльцевъ, платящихъ опредѣленные поземельныя горкинскому правительству. Они не пашутъ плугомъ; не имѣютъ своихъ собственныхъ ремесленниковъ и не охотно идутъ въ военную службу. Ихъ жены прядутъ и ткутъ бу-мажныя ткани для домашняго обихода. Они производятъ для себя нѣсколько опьяняющихъ напитковъ и любятъ напиваться.

Религіозныя представленія Киратовъ не ясны, слово манъ выражаетъ у нихъ понятіе божества, — кхиммо или кхьимманъ обозначаетъ пената. Наслѣдственнаго духовенства не имѣютъ; всякій по вдохновенію можетъ свершать служенія домашнему пенату или несложныя брачныя и погребальныя обряды; такого священнодѣйствующаго они называютъ Накчхонъ. Разъ въ годъ Накчхонъ свершаетъ жертвоприношеніе предкамъ и всѣмъ умершимъ. Въ году они имѣютъ два праздника: одинъ — посвященный домашнему пенату, другой — душамъ умершихъ. Имѣютъ своихъ колдуновъ и врачей.

Женъ Кираты покупаютъ, часто платя не деньгами, а орудіями необходимыми для домашняго обихода. Несостоятельные зарабатываютъ за жену у ея отца. Разводъ очень легко получается по желанію той или другой стороны; но если развода ищетъ жена, ея родные должны отдать все, что за нее заплачено; дѣти остаются съ отцомъ во всякомъ случаѣ.

Мертвыхъ хоронятъ на вершинахъ горъ, и надъ могилами воздвигаютъ памятники, складывая камни въ кучу. Хоронятъ въ день смерти. Оставшееся послѣ покойника достояніе дѣлится поровну между сыновьями; дочери, замужнія, и не замужнія не получаютъ никакой доли. Многоженство допускается

обычаемъ и хотя не часто, но встрѣчается между Киратами, полиандрія же совершенно неизвѣстна у нихъ.

Сосѣди считаютъ Киратовъ гордыми и скорыми на ссору и драку, особенно въ нетрезвомъ видѣ.

Таковы, слѣдуя Ходжсону, Кираты въ настоящее время. Они-то, по сказанію непальской Вансавали, владѣли Непаломъ въ продолженіи тысячи восьми сотъ десяти лѣтъ. За ними называются двѣ династіи: сперва царствовала династія Лунная (Сомаванса), затѣмъ Солнечная (Суржаванса); цари той и другой династіи были западнаго происхожденія; о нихъ сообщается, что въ ихъ время въ Непалѣ поселились четыре индійскія касты. И хотя въ то отдаленное время буддизмъ еще не появлялся, но цари эти молились Пасупати, обстраивали его храмъ, въ то же время строили буддійскіе монастыри и издавали уложенія для монаховъ. Несомнѣнно, что въ этомъ мѣстѣ исторіи, также во многихъ другихъ, мы имѣемъ перенесеніе въ отдаленную древность фактовъ позднѣйшихъ временъ. О послѣднемъ царѣ Лунной династіи Бхаскаравармѣмъ разсказывается, что онъ въ своихъ походахъ доходилъ до Рамесвара въ южной Индіи и съ великою добычею вернулся, домой въ Непаль.

Цари обѣихъ династій носили санскритскія имена, и господство второй Солнечной династіи продолжалось (слѣдуя Вансавали) до начала II в. по Р. X. Слѣдующая династія называется династіей Вайсьевъ. При царяхъ этой династіи были выстроены города Лалитануръ и Кантипуръ или Катманду. О первомъ царѣ этой послѣдней династіи упоминаетъ Сюанъ-цзанъ: „Въ эти послѣднія времена“, говоритъ китайскій путешественникъ, (то-есть, не задолго до VII ст. по Р. X.),— „здѣсь былъ царь по имени Ансуварма. Онъ отличался большими познаніями и остроуміемъ. Онъ самъ сочинялъ грамматическіе трактаты; уважалъ науку и почиталъ добродѣтель.

Слава его была распространена во всѣхъ странахъ“. При одномъ изъ его преемниковъ, при царѣ Виradeвѣ, въ концѣ V в. по Р. X. былъ выстроенъ городъ Лалитапуръ, при другомъ при царѣ Гунакамадевѣ, въ началѣ VIII в. по Р. X., — городъ Кантипуръ или Катманду. Въ томъ же столѣтїи непальскою долиною овладѣли пришельцы изъ Нувакотской горной страны. Вансавали называетъ пять царей этой династїи; владѣли они страну въ продолженїи пятидесяти лѣтъ. Вамадева, потомокъ Ансувармы, прогналъ послѣдняго царя этой династїи и воцарился самъ въ большой долины. При внукѣ его Садасива-девѣ былъ выстроенъ Кирти-пуръ. Тотъ же царь сталъ бить монету. Вансавали говорить о немъ: Онъ сдѣлалъ то, чего прежде не бывало въ Непалѣ: смѣшавъ мѣдь съ желѣзомъ и выѣвивъ изображенїе льва, пустилъ въ обращенїе монету сукхи. Послѣдній царь этой династїи Ананда Малла выстроилъ городъ Бхактапуръ или Бхатгаонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была незначительная деревушка.

При этомъ царѣ произошла новая переимѣнная династїи: въ 889 г. по Р. X. Непаломъ овладѣлъ Нанѣадева, пришлецъ изъ Карнатаки. По словамъ Вансавали, онъ пришелъ въ Непаль съ большимъ войскомъ; между его солдатами были Невары изъ деканской страны Нѣжаваръ; то была особая каста ачарьевъ (то-есть, учителей), происшедшая отъ брахмановъ и кшатриянокъ. Весьма вѣроятно, что эти Невары, пришедшіе въ Непаль въ IX столѣтїи съ юга, суть остатки тѣхъ Непальцевъ, которыхъ водилъ съ собою на югъ до Рамесвара царь Бхаскара Варма. Нанѣадева, овладѣвъ Непаломъ, изгналъ царей послѣдней династїи въ Тирхуть. Вансавали называетъ пять царей этой династїи; при пятомъ царѣ, по имени Рѣмасинха, Непаль подвергся новому нападенїю: изъ города Палпы и Ватола пришелъ царь Мукунда Сена съ полчищами Кхасовъ и Магаровъ. Нападенїе было страшное, но кратко-

временное. Между войскомъ показались болѣзни, солдаты умирали, и одинъ только царь пробрался въ свою страну, передѣтый факиромъ. Послѣ этого погрома Непальская долина долгое время не оправлялась: ею овладѣлъ Вайсѣи изъ Нувакота; по словамъ хроники, въ каждомъ городскомъ кварталѣ было по два цари. И такой порядокъ дѣлъ подѣ владычествомъ Вайсѣевъ продолжался двѣсти двадцать-пять лѣтъ. Въ XIV ст. Непаломъ овладѣлъ Хари Синха Дева, происходившій изъ царскаго рода Рамачандры и бѣжавшій изъ Ауда отъ мусульманъ. Въ его царствованіе Непаль подвергся нападению Бхотійцевъ. Династія эта владѣла Непаломъ недолго. Вансавали называетъ только четырехъ царей этой династіи. Ее смѣнила династія Малловъ; въ Непалѣ воцарились потомки царей, прогнанныхъ Нанѣдевою въ Тирхуть. Династія Малловъ господствовала надъ Непаломъ до завоеванія страны Горкинцами. При осьмомъ царѣ Якна Маллѣ царство большой Непальской долины раздѣлилось на три независимыя царства: въ Лалитанурѣ, Катманду, Бхактанурѣ царствовали независимые другъ отъ друга цари. Такое положеніе дѣлъ въ Непальской долинѣ застали Горкинцы.

Нынѣ царствующая въ Непалѣ Горкинская династія производитъ себя отъ владѣтелей Читаургарха въ Ражалутанѣ. Одинъ изъ этихъ царей, по имени Бхупаль Рана-жи, въ царствованіе Акбара (1494 г.), бѣжалъ отъ преслѣдованія мусульманъ въ горы и поселился въ Кхилумѣ (въ области Бхиркотѣ). Здѣсь онъ занимался земледѣіемъ и воздѣлалъ обширное пространство. У него родились два сына: Кханча и Мича. Старшій Кханча отправился въ Дхоръ, покорилъ Мангратъ и вообще владѣлъ Гархономъ, Сатхуномъ, Бхиркотомъ и Дхоромъ. Младшій же, Мича, владѣлъ Нувакотомъ. Владѣнія нувакотской отрасли этой фамиліи мало по малу расширились; они овладѣли областями Каски, Ламжунъ и въ

XVI в. (1559 г.)—областью Горкха, Дрѣвѣ-Сахъ завоевалъ Горкху при помощи Магаровъ и всѣхъ тѣхъ, на комъ былъ жертвенный снурокъ, то-есть, людей, исповѣдывавшихъ брахманизмъ; до него здѣсь владѣли Кхасы. Въ слѣдующемъ столѣтїи Притхиви Нараянъ-Сахъ овладѣлъ Непальскою долиною; его преемники распространили свое владѣтельство на востокъ и на западъ отъ большой долины. До 1815 г. или до войны съ Англичанами, они владѣли не только Непаломъ въ теперешнихъ его границахъ, но и Камаономъ и Гарваломъ.

Въ началѣ XVIII столѣтїя цари Бхатгаона, Лалитпатаны и Кантипура враждовали между собою; ихъ разладомъ воспользовались Горкинцы: Нарбхупалъ Сахъ, царившїй въ Горкхѣ, перешелъ черезъ Трисуль-Гангъ, но въ Нувакотѣ онъ былъ остановленъ правившими тамъ независимыми царями Вайсьями. Горкинцы, потерпѣвъ пораженїя, должны были удалиться; но отступая, Нарбхупалъ приказалъ сжечь мостъ на рѣкѣ Трисуль-Гангѣ.

Хотя горкинцы были прогнаны у самаго входа въ большую долину; но въ народѣ, по словамъ Вансавали, было убѣжденїе, что скоро они овладѣютъ долиною. Одному землевладѣльцу было пророческое видѣнїе: Однажды онъ отправился на свое поле, и поработавъ тамъ легъ спать; въ то время, когда онъ собирался заснуть, ему представилось, что на полѣ возсіялъ свѣтильникъ. Пришелъ какой-то неизвѣстный человекъ и постлалъ возлѣ свѣтильника коверъ. Затѣмъ пришелъ второй неизвѣстный и сѣлъ на коверъ.

„Ступай, позови!“ говоритъ первый неизвѣстный второму.

Все это слышалъ засыпавшїй землевладѣлецъ. Скрылся одинъ изъ сидѣвшихъ, но, вскорѣ вернувшись, сказалъ:

„Сегодня не придетъ, а сказалъ, что завтра!“

На другую ночь хозяинъ явился снова на свое поле. Опять

тамъ же появились коверъ и свѣтильникъ; пришли двое и сѣли на коверъ.

„Позови!“ отдалъ приказаніе одинъ изъ сидѣвшихъ другому.

Пришелъ богъ Маччхендранатхъ и сѣлъ на коверъ. Затѣмъ пришелъ богъ Бхайрава.

„Дай мнѣ поѣсть!“ просилъ Бхайрава.

„Отсюда на западъ въ горномъ царствѣ есть городъ Горкха, гдѣ живетъ Горкханатхъ. Ступай туда и царствуй!“ отвѣтилъ ему Маччхендрапатхъ.

„Пойду, коль отдашь мнѣ Непальское царство!“ говорилъ Бхайрава.

„И Непальское царство отдамъ!“ отвѣчала Маччхендранатхъ.

Поговоривъ такъ, боги скрылись. Послушавъ ихъ рѣчи, хозяинъ поля узналъ, что Непальское царство будетъ принадлежать Горкинцамъ.

Видѣніе это было извѣстно народу большой долины. Между тѣмъ Горкинцы продолжали усиливаться и вѣсти, о ихъ силѣ доходили до царей большой долины черезъ факировъ.

У царя Нарбхупала, сдѣлавшаго неудачную попытку овладѣть большою долиною, были двѣ жены: младшая видѣла разъ во снѣ, что она проглотила солнце. Проснулась царица и рассказала о своемъ снѣ царю. Царь, выслушавъ сонъ, ударилъ царицу. Огорченная царица не заснула во всю ночь; когда разсвѣло, царь разъяснилъ царицѣ причину своего поступка;

„О, царица, ты видѣла прекрасный сонъ; будетъ преуспѣніе нашего царства. Я ударилъ тебя для того, чтобы ты опять не заснула!“

Отъ этой царицы родился Притхиви-Нарајана, завоевавшій Непальскую долину. До вступленія на престоль, онъ

жилъ долгое время гостемъ въ Бхактапурѣ и на самомъ мѣстѣ развѣдалъ положеніе дѣлъ.

Притхиви-Нарајана не съ разу овладѣлъ большою Непальскою долиною: сначала онъ напалъ на Нувакотъ и былъ прогнанъ оттуда, затѣмъ онъ доходилъ до Киртипура уже въ самой долинѣ, но потерпѣвъ неудачу тутъ, долженъ былъ удалиться. И такимъ образомъ въ продолженіи осмнадцати лѣтъ Горкинцы тревожили жителей большой долины; много кровавыхъ битвъ было дано съ той и другой стороны. Наконецъ Притхиви-Нарајану удалось овладѣть Бхатгаономъ; онъ взялъ городъ при помощи измѣны: незаконнорожденные сыновья Ранжитъ Малла передались на его сторону и впустили его войско въ городъ; измѣною же онъ овладѣлъ передъ тѣмъ двумя главными городами — Лалитанатаномъ и Кантипуромъ. Со взятіемъ Бхатгаона завоеваніе большой долины завершилось: династія Малловъ перестала владѣть Непаломъ; случилось это въ началѣ 1769.

Бхатгаонскій царь былъ отпущенъ побѣдителемъ въ Бенаресъ; но царя Лалитанатана онъ считалъ опаснымъ и содержалъ его въ темницѣ до самой смерти. Бывшій царь Катманду пользовался свободой и умеръ у храма Пасупати. Вансавали передаетъ весьма характерное объясненіе, происшедшее между Горкинскимъ завоевателемъ и царемъ.

По взятіи города Бхатгаона, Притхиви-Нарајана спросилъ царя о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Царь просилъ отпустить его къ храму Пасупати, и это желаніе падшаго царя было исполнено завоевателемъ.

Отпустивъ царя, Притхиви-Нарајана послалъ спросить его опять, не желаетъ ли онъ еще чего, какого-либо имущества для раздачи милостыни. Царь попросилъ зонтика и пару башмаковъ. Это умѣренное желаніе встревожило завоевателя: услышавъ его, онъ долго молчалъ, къ великому удивленію

своей свиты. Наконецъ онъ объяснилъ своимъ приближеннымъ, что зонтикъ обозначаетъ царскую корону, а бапки—землю, что царь, прося то и другое, выражаетъ желаніе родиться сыномъ Притхиви-Нарајаны и снова царствовать!

Но такъ какъ обѣщанное должно было исполниться, то Притхиви-Нарајана даровалъ царю то, что онъ требовалъ, и при этомъ сказалъ: „Дарую тебѣ то, чего ты желаешь, но пользоваться этимъ ты будешь не при моей жизни, а при моемъ внукѣ“.

Царь, впрочемъ, скоро послѣ того умеръ.

Въ то время, какъ Притхиви-Нарајана завоевывалъ Непальскую долину, сюда пробрался одинъ италіанскій іезуитъ, по имени Джіузеппе. Его правдивое описаніе состоянія, въ которомъ онъ нашелъ страну, какъ нельзя лучше дополняетъ сухое перечисленіе фактовъ туземныхъ хроникъ. Онъ нашелъ раздоръ и разладъ между царями великой долины и между ихъ знатными, а потому полное безсиліе, не смотря на храбрость народа, противостоять наплыву жестокаго врага, который обложилъ всю долину, заперъ всѣ проходы и вѣшалъ всякаго, кто приносилъ въ долину какую-либо пищу. „Когда я пришелъ сюда“, говоритъ Джіузеппе, — „страшное зрѣлище представилось мнѣ, столько труповъ висѣло на деревьяхъ по дорогѣ“. Измѣна въ средѣ знатныхъ и приближенныхъ къ царямъ помогала Горкинцамъ овладѣвать однимъ городомъ за другимъ.

Овладѣвъ большою долиною, Притхиви-Нарајана распространилъ свое владѣтельство на востокъ до Бижапюра, на западъ — до Сапта-Гандаки, на югъ — до Макванпура и Терраевъ, на сѣверъ — до Кирона и Кути.

Его внукъ Ранъ Бахадуръ Сахъ овладѣлъ на западѣ Страною двадцати-четырехъ царей (Чаубиси-Ража), а на востокъ — всю страну Кирантіевъ; на югѣ его владѣнія про-

стирались до Ганга. Онъ же воевалъ съ Тибетомъ и Китайцами. И хотя война эта, по туземнымъ сказаніямъ, была удачна, но съ другой стороны извѣстно, что Непаль до сихъ поръ признаетъ себя вассаломъ Китайскаго императора. При томъ же царѣ Непальцы овладѣли Камаономъ, Гарваломъ и частью Кангры. Но при его сынѣ Гирванѣ Жуддха Викрам-Сахѣ возгорѣлась война съ Англичанами, вслѣдствіе которой Горкинцы потеряли свои послѣднія, сейчасъ упомянутыя завоеванія.

Послѣ этой войны Непальцы жили вообще въ ладу съ Англичанами, хотя и умѣли сохранить полную независимость; во время индійскаго возстанія Непальцы даже помогали Англичанамъ. На сколько эти мирныя отношенія измѣнятся теперь, по смерти Жанга Бахадура, покажетъ будущее.

Непаль есть одна изъ немногихъ странъ въ Индіи, гдѣ сохранился буддизмъ, среди населенія смѣшаннаго, полуарійскаго, не смотря на наплывъ брахманическихъ и ражпутскихъ колоній; колоніи ражпутовъ и брахмановъ извѣстны не только въ большой долинѣ, но и къ западу отсюда въ бывшихъ владѣніяхъ двадцати-четырехъ царей (Чоубиси Ража) и двадцати-двухъ (Байси Ража). Здѣсь кое-гдѣ, особенно въ странахъ ближайшихъ къ тибетской границѣ, буддизмъ до сихъ поръ сохранился, хотя ближайшихъ подробностей о томъ, какой онъ тамъ принялъ характеръ, мы не имѣемъ. Наплывъ разнообразныхъ колоній, смѣна различныхъ династій, изъ которыхъ каждая приходила со своими богами и съ своими служителями, должны были повліять на религиозное сознание Непальскаго народа. Буддизмъ удержался здѣсь потому, что населеніе индифферентно, не фанатично по природѣ своей и въ то же время на столько суевѣрно, что всегда, по всякому поводу готово молиться и чтить всякаго бога. Образчикомъ народнаго суевѣрія можетъ служить слѣдующій фактъ, зане-

сенный въ мѣстную хронику: Въ началѣ XVII в. въ Непаль случайно былъ занесенъ изъ равнинъ маисъ. „Никто не видалъ его прежде, и такъ какъ то была вещь, прежде не виданная, то показавъ маисъ умнымъ людямъ, народъ спрашивалъ ихъ: „Это что за вещь?“ „Эта вещь производитъ голодъ!“ рѣшили мудрые люди и приказали отослать туда, откуда онъ былъ принесенъ. Для превращенія зла свершали служенія разнымъ богамъ, приносили жертвы и кормили брахмановъ!

Даже въ Индіи не всюду такой фактъ можетъ повториться нынѣ, а въ Непалѣ онъ возможенъ по сіе время.

Богатство и разнообразіе непальскаго пантеона поразительно, даже въ сравненіи съ бенаресскимъ или другого какого-либо города, гдѣ нынѣ гнѣздится индуизмъ. Буддизмъ, удержавшись здѣсь, принялъ оригинальный характеръ. О Непальцахъ нашего времени можно съ большею справедливостью повторить слова Сюанъ-цзана: „Они не имѣютъ литературныхъ познаній; но ловки и способны къ искусствамъ... Между ними есть еретики и истинно вѣрующіе. Монастыри и храмы боговъ стоятъ рядомъ“.

То и другое до сихъ поръ существуетъ въ Непалѣ рядомъ; но въ монастыряхъ живутъ женатые монахи, и въ брахманическихъ храмахъ стоятъ буддхи и бодхисатвы, и на оборотъ, въ буддійскихъ храмахъ стоятъ брахманическіе боги. Буддійское духовенство здѣсь отлично отъ цейлонскаго: они посвящаются иначе, читаютъ (очень рѣдко) инныя книги, молятся не тому, чему поклоняются на югѣ. Ихъ храмы выстроены по другому плану и украшаются совершенно оригинально; ихъ ступы совершенно не похожи ни на цейлонскія, ни на древнія, извѣстныя нынѣ въ развалинахъ. Здѣсь и другіе праздники, и другія процессіи въ честь мѣстныхъ божествъ.

Къ сожалѣнiю, нѣтъ возможности прослѣдить исторiю развитiя религiознаго сознанiя въ Непалѣ: изъ Вансавали мы не узнаемъ даже, когда введенъ былъ сюда буддизмъ, но за то въ этой мѣстной исторiи имѣется множество извѣстiй о томъ, какъ разрастался непальскiй пантеонъ: если о какомъ-либо царѣ что-либо говорится, то сказанное, за немногими исключенiями, относится или къ сооружеию имъ новаго храма, или къ приведенiю въ Непалъ новаго божества. Откуда бы ни пришло это божество, кѣмъ бы оно ни было приведено, божество становилось желаннымъ и многотимымъ гостемъ страны.

Боги привозимы были и съ сѣвера, отъ озера Манасаровара въ Тибетъ (богиня Жажабагесвари), и съ юга, изъ Декана (богиня Туржа), изъ Бенареса (Аннапурна) и т. д., отовсюду, откуда являлись въ Непалъ въ различное время разные завоеватели и сподвижники ихъ, брахманы. Культъ развивался и усложнялся вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ число боговъ разрасталось въ Непалѣ. Вансавали упоминаетъ о множествѣ процессiй, устроенныхъ разными царями въ честь различныхъ боговъ; во время этихъ процессiй по улицамъ городовъ носили изображенiе бога, плысали или пѣли и даже бывали драматическiя представленiя: изображали, какъ Буддха состязался съ Марою (чертомъ). Выше было упомянуто, что одно время въ продолженiи двухсотъ двадцати-пяти лѣтъ въ большой Непальской долинѣ правило множество царей; при этихъ царяхъ въ Непалѣ былъ введенъ особенный культъ десяти безусловныхъ совершенствъ. Буддисты признаютъ, что буддха обладаетъ десятию безусловными совершенствами (пáрамита), и въ честь пáрамить устроено было празднество. Въ любомъ монастырѣ выбирали десять старцевъ; каждый изъ нихъ изображалъ собою какую-нибудь пáрамиту, и каждый чтился какъ божество, то-есть, приходилъ царь, собственноручно омы-

валь имъ ноги и затѣмъ угощалъ старцевъ рисомъ варенымъ въ молокѣ.

По извѣстіямъ Таранаты, въ древности въ Непалѣ буддизмъ процвѣталъ: здѣсь являлись мужи глубокой учености, и сюда также приходили изъ равнинъ, изъ Магадхы многіе буддійскіе ученые. Мѣстная хроника рассказываетъ, что Санкарачарья положилъ конецъ процвѣтанію буддизма здѣсь; весьма вѣроятно, что эта религія вымирала и преобразовывалась въ продолженіи десятковъ поколѣній: не одинъ Санкарачарья, но были и другіе учителя, нынѣ чтимые какъ боги, напримѣръ, Горакшанатхъ, Маччхендра-натхъ, и которые видоизмѣняли буддійское ученіе. Внѣшнія политическія обстоятельства и самый народный характеръ способствовали развитію той религіи, которая существуетъ теперь въ Непалѣ; странная смѣсь брахманизма и буддизма, высокихъ идей и грубаго идолослуженія.

2.

Непаль мало извѣстенъ въ Индіи, и еще менѣе интересуются имъ и знаютъ эту страну въ Европѣ. Въ Индіи о Непалѣ помышляютъ и часто говорятъ одни охотники. Терраи, т.-е. непальскія равнины, прилегающія къ британскимъ владѣніямъ — обѣтованная страна для завзятаго спортсмена. Лихорадка свирѣпствуетъ здѣсь круглый годъ, особенно-же съ наступленіемъ жаркихъ мѣсяцевъ; но это неудобство вполне вознаграждается обиліемъ лютыхъ звѣрей въ терраяхъ; доступъ сюда очень легокъ; въ терраихъ иногда охотятся не испросивъ на то разрѣшенія непальскаго правительства.

Въ силу трактатовъ съ Англіею, непальское правительство вынуждено было открыть европейцамъ часть своихъ владѣній, т.-е. большую непальскую долину, около двадцати миль съ востока на западъ и пятнадцати съ сѣвера на югъ; и сюда

можно явиться по одному только пути, испросивъ предварительно разрѣшеніе правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Индіи задумали издать карту Непала, и былъ посланъ для этой цѣли въ Непаль съемщикъ; онъ былъ индѣецъ, кажется родомъ изъ Бенгаліи, а потому могъ бродить безвозбранно по странѣ, и такимъ образомъ высмотрѣть все, что ему нужно было; съемщикъ однакоже не успѣлъ высмотрѣть многого; по пріѣздѣ въ Катманду онъ явился въ домъ англійскаго резидента и тѣмъ испортилъ все дѣло. Непальское правительство узнало, конечно, что новопріѣзжій индусъ былъ у резидента, заподозрило, что онъ не простой индусъ, явился не ради богомольства, а состоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ къ британскому правительству, стало за нимъ присматривать и въ скоромъ времени выпроводило его обратно въ Индію. Съемщикъ пріѣхалъ къ посланшему его, не исполнивъ своего порученія. Карту Непала англичане послѣ того все-таки издали, и даже не одну, а двѣ; сомнительно однакоже, чтобы то были вѣрныя карты. Присылался сюда и другой еще индусъ, поискать рѣдкихъ рукописей; и онъ уѣхалъ, не достигнувъ своей цѣли, а между тѣмъ непальское правительство не запрещаетъ индусамъ, англійскимъ подданнымъ, бродить по всей странѣ; даже сипаи, почетная стража резидента, имѣютъ право ходить на богомолье, за предѣлы большой долины. Непальское правительство подозрительно только къ европейцамъ, и въ Непалѣ сложился мнѣ о какомъ-то европейскомъ путешественникѣ. Рассказываютъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Тибета въ долину явился какой-то европеецъ, передѣтый факиромъ. Непальцы, конечно, не дались въ обманъ, европеецъ былъ узнанъ и слѣдъ его исчезъ. И народъ, и правительство въ Непалѣ одинаково подозрительны; въ Калькуттѣ существуетъ убѣжденіе, что въ Непалѣ нельзя ничего увидать, ничего узнать и ничего рѣд-

каго вывезти оттуда. Къ сожалѣнію, это мнѣніе только отчасти преувеличиваетъ подозрительность непальскаго правительства и оказывается справедливымъ во многихъ отношеніяхъ. Получить разрѣшеніе на проѣздъ въ большую непальскую долину не представляетъ никакихъ затрудненій. Разрѣшеніе непальское правительство дастъ какъ-будто и охотно, но въ то же время постарается обставить его разными формальностями. Если европеецъ ѣдетъ туда самъ по себѣ, не гостемъ англійскаго резидента, — кромѣ разрѣшенія, ему нужно имѣть паспортъ. Пріѣхавъ такимъ образомъ въ Непаль, не легко ему найти себѣ жилище въ долинѣ. Гдѣ жить? Нанять домъ или часть дома у туземца? Невозможно; непальское правительство не разрѣшитъ этого. И не одинъ туземецъ не пуститъ къ себѣ въ домъ нечистаго европейца. Остается привезти съ собою палатку и жить въ ней? Но и въ такомъ случаѣ могутъ встрѣтиться непредвидѣнныя затрудненія относительно выбора мѣста, гдѣ поставить палатку. Легко можетъ случиться, что правительство не позволитъ раскинуть палатку, а потому всѣ бывавшіе въ Непалѣ пріѣзжали гостями или резидента, или его помощника.

Хотя номинально въ Непалѣ царствуетъ Сурендра Викрама-сахъ; на самомъ же дѣлѣ неограниченная власть сосредоточена въ рукахъ перваго министра, извѣстнаго сэра Жанга-Бахадура *). Въ то время, когда я собирался въ Непаль и хлопоталъ о дозволеніи проѣхать туда, непальскій баронетъ вмѣстѣ съ англійскимъ резидентомъ былъ на пути въ Европу. Въ половинѣ февраля я двинулся въ Непаль. Между тѣмъ сэръ Жангъ, прогуливаясь по Бомбею, упалъ съ лошади и долженъ былъ отложить свою поѣздку въ Европу. Когда, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Бихарѣ, я доѣхалъ

*) Нынѣ уже умершаго.

до Дайнаура, въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда въ Банкепурѣ временно пребывали непальскій первый министръ и англійскій резидентъ. Я счелъ не лишнимъ побывать у послѣдняго хотя имѣлъ и разрѣшеніе на проѣздъ, и ѣхалъ въ Непаль гостемъ официального лица, временно исправлявшаго должность резидента. Въ настоящемъ резидентѣ я нашелъ очень любезнаго человѣка и, въ первое же свиданіе съ нимъ, узналъ много любопытныхъ подробностей о Непалѣ. Резидентъ не поспешилъ также дать мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и поспѣшилъ спросить, не намѣреваюсь ли я пробраться переряженнымъ въ Тибетъ. — Вы конечно даете слово, что не будете пытаться проникнуть въ Тибетъ, или Даржайлинъ или куда бы то ни было, за предѣлы той части Непала, которая открыта европейцамъ? — спросилъ онъ меня. Успокоенный на этотъ счетъ, резидентъ сталъ описывать непальцевъ народомъ дикимъ, грубымъ, независимымъ. Мнѣ припомнилось при этомъ китайское описаніе Непала, такъ же мало похожее на правду, какъ и слова резидента. Всякаго рода столкновенія съ ними слѣдуетъ избѣгать, говорилъ онъ; и тутъ же прибавилъ впрочемъ, что эти совѣты совершенно бесполезны для не-англичанина; онъ былъ какъ будто подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшествія, случившагося незадолго до нашей встрѣчи: какой-то храбрый англичанинъ, на границѣ одного независимаго царства въ Индіи, погрозилъ разбить голову начальнику пограничной стражи за то, что тотъ не могъ достать ему молока къ чаю.

Въ тотъ же вечеръ я двинулся къ сѣверу, въ Непаль. Дорога въ Непаль, отъ Дайнаура по британскимъ владѣніямъ и далѣе по непальскимъ равнинамъ, скучна и однообразна. Двигаешься медленно, потому что не ѣдешь, а странствуешь на плечахъ людей, т.-е. въ паланкинѣ; кругомъ стелется песчаная, въ февралѣ и мартѣ совершенно голая, рав-

нина, кое-гдѣ торчатъ худощавыя пальмы и даже Гангъ, черезъ который переправляешься у Дайнапура, не поражаетъ величіемъ; его мутныя, грязныя воды текутъ среди плоскихъ, совершенно лишенныхъ растительности береговъ. Постоялыхъ дворовъ нѣтъ по этой дорогѣ; британское правительство не выстроило ихъ, такъ какъ число путешествующихъ по этому направленію ничтожно. Странствуя отъ Дайнапура къ сѣверу, путешественникъ принужденъ искать убѣжища въ домахъ плантаторовъ; гостепріимство въ этихъ глухихъ мѣстахъ развито на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Не спрашивая его приказанія, носильщики несутъ путешественника въ домъ европейца, гдѣ онъ находитъ радушный приѣмъ, кровъ, обѣдъ и всѣ удобства, неоцѣнимыя при путешествіи въ жаркой странѣ, среди пыльных равнинъ. Миновавъ факторію Хардія, вступаешь черезъ полторы или двѣ мили въ границы Непала; характеръ мѣстности остается прежнимъ, передъ глазами все та же пыльная равнина и та же сухая и тщедушная растительность, и такъ съ малыми видоизмѣненіями вплоть до Бичакау. Отсюда до Хетаура считается двѣнадцать миль. Около половины дороги пролегаетъ по каменистому руслу рѣки, среди совершенно отвѣсныхъ скалъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. Эта часть пути очень затруднительна для носильщиковъ, даже въ сухое время, когда русло совершенно безводно. Черезъ миль шесть дорога покидаетъ русло рѣки и вступаетъ въ густой лѣсъ громадныхъ деревьевъ (sal). Лѣсъ тянется до рѣки Курру, черезъ которую перекинутъ прекрасный мостъ. На восточномъ берегу рѣки лежитъ деревенька Хетаура, гдѣ есть непальскій казенный постоялый дворъ. Это громадное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ и портиками кругомъ всего двора, было выстроено непальскимъ правительствомъ для путешественниковъ. Внутри дома полное отсутствіе всякой мебели, но въ каждой комнатѣ есть каминъ и окна, хотя безъ

стеколь, плотно закрывающіяся ставнями; такъ какъ по ночамъ здѣсь бываетъ холодно, то иногда затопить каминъ необходимо даже въ мартѣ. Съ наступленіемъ жары, начиная съ апрѣля, деревенька совершенно пустѣетъ; жители убѣгаютъ въ горы отъ лихорадокъ, которыя начинаютъ свирѣпствовать здѣсь въ апрѣлѣ; говорятъ, въ это время провести даже часть ночи небезопасно въ Хетаурѣ. Въ февралѣ и мартѣ терраи относительно здоровое мѣсто; и я не схватилъ здѣсь лихорадки, хотя провелъ всю ночь въ Хетаурѣ, и только на другой день, рано утромъ, отправился въ Бимфеди. Паланкинъ оставляется у Хетаура; отсюда далѣе, до Бимфеди, можно или ѣхать верхомъ, если имѣешь свою лошадь, или же въ люлькѣ, на носильщикахъ. Къ двумъ огромнымъ, твердымъ палкамъ привѣшивается люлька, въ которую ложится путешественникъ, и четыре приземистыхъ неварца, два впереди и два сзади, вскинувъ палки на плечи, несутъ его; они двигаются мѣрно и съ постоянною скоростью, хотя и не такъ быстро, какъ носильщики паланкина: послѣдніе иногда въ часъ проходятъ до четырехъ миль. Лежать въ люлькѣ очень спокойно и путешествовать такимъ образомъ было бы даже пріятно, если бы вмѣсто носильщиковъ можно было запрягать воловъ или лошадей. Неварцы очень выносливы; увѣряютъ, что ноша одного человѣка нисколько не отяготительна для четырехъ неварцевъ; гораздо бѣльшій вѣсъ не превышаетъ ихъ силу. Но ихъ вздохи, охи, безпрестанное перекидываніе палки съ одного плеча на другое, все это въ началѣ производитъ томительное впечатлѣніе и заставляетъ подозрѣвать, что проташить въ продолженіи нѣсколькихъ миль на своихъ плечахъ, хотя бы даже одного человѣка, не такъ-то легко. Отъ Хетаура до Бимфеди дорога вѣтся по долинѣ рѣки Рапути, среди горной, а по тому самому уже красивой мѣстности; дорога прекрасная и устроена въ послѣдніе годы теперешнимъ

непальскимъ первымъ министромъ. Черезъ Рапути, течение которой очень извилисто, перекинута нѣсколько мостовъ; мы двигались по направленію къ сѣверо-западу, безпрестанно переходя съ одного берега на другой. Рапути съ шумомъ и быстро вьется среди горъ, покрытыхъ роскошною растительностью; особенно выдаются яркіе рододендроны, въ полномъ цвѣту; они покрываютъ всѣ склоны горы до самой подошвы. Когда на утро выступишь изъ Хетаура и, пройдя длинный мостъ на Рапути, взойдешь въ долину, переходъ отъ равнинъ къ горной странѣ такъ неожиданъ и такъ разительна перемѣна въ окружающей обстановкѣ: и люди, и природа совершенно не похожи на то, что еще видѣлъ вчера, по ту сторону непальской границы. Даже архитектура другая: на домахъ, часовняхъ крыши въ китайскомъ стилѣ; дома болѣею частью двухъ-этажные; нижній этажъ состоитъ изъ портика, въ верхнемъ—жилые. Такъ какъ это единственный путь, открытый въ Непаль, то по всей дорогѣ отъ Хетаура до Катманду сильное движеніе; болѣе всего видно неварцевъ, носильщиковъ; перевозъ товаровъ, весь ввозъ и вывозъ здѣсь производится болѣею частью черезъ посредство человеческой спины; рѣдко, и только въ послѣднее время стали употреблять въ большой долиинѣ воловъ для этой цѣли. Неварець тащить въ гору бревно; онъ же переносить товары изъ Индіи въ Непаль, приносить почту въ резиденцію и бѣлый хлѣбъ резиденту; ношу, и довольно значительную, онъ укрѣпляетъ на спинѣ, придерживая ее, кромѣ того, — веревкою, обвивающею лобъ. Этимъ промысломъ занимаются и мужчины и женщины. Плата носильщику ничтожная; въ Катманду она въ день не превышаетъ девяти копѣекъ. Кромѣ неварцевъ, часто встрѣчаются по дорогѣ факиры. Въ Непалѣ много святыхъ мѣстъ, привлекающихъ толпы тунеядцевъ изъ Тибета и всѣхъ мѣстъ Индіи, даже съ юга. изъ Мадраса. Го-

лые, безобразные, покрытые пепломъ, съ взерошенными волосами, эти божьи люди быстро двигаются по дорогѣ, не озираясь по сторонамъ и шепча молитву: Хари! Рамъ! Хари! Рамъ! Изрѣдка проѣдетъ на слонѣ, окруженный толпою грязной прислуги, какой-нибудь непальскій магнатъ. Путешественниковъ, т. е. не-носильщиковъ и не-богомольцевъ очень немного на этомъ пути; всякій европеецъ здѣсь, конечно, какъ рѣдкая птица, возбуждаетъ сильное любопытство; и факиръ и носильщикъ глазѣютъ на него, какъ будто недоумѣвая о томъ, откуда онъ могъ явиться и зачѣмъ его принесло сюда? — Пятнадцать миль отъ Хетаура до Бимфеди, среди мѣняющихся картинъ природы и мелькающихъ разнообразныхъ типовъ непальцевъ, проходятся легко и почти-что незамѣтно. Въ Бимфеди есть также казенный постоянный дворъ, и отсюда нужно подниматься на Сисагхари; передъ началомъ путешествія въ гору носильщики обыкновенно требуютъ отдыха и завтрака. Неварцы, какъ и всѣ почти индѣйцы, не знаютъ и не понимаютъ прелести ѣды вмѣстѣ съ ближнимъ. Въ Непалѣ, какъ и въ Индіи, каждый туземецъ обѣдаетъ, завтракаетъ самъ по себѣ, гдѣ-нибудь въ углу, въ сторонѣ отъ людей. Въ Калькуттѣ мнѣ рассказывали про одного ученаго брахмана, что въ продолженіи сорока лѣтъ онъ ни разу не пообѣдалъ даже вмѣстѣ съ своею женою, и въ продолженіи всего этого времени, каждый день самъ готовилъ свой обѣдъ, конечно далеко не изысканный, хотя брахманъ этотъ человѣкъ очень состоятельный. Неварецъ-носильщикъ носить съ собою свой рисъ, привязывая мѣшечекъ къ поясу; у нѣкоторыхъ, кромѣ того, есть свои ложки, деревянные или желѣзные; но чаще всего они обходятся безъ ложекъ, забивая въ ротъ рисъ пригоршнями. Ѣдятъ они хотя въ одиночку и не разговаривая другъ съ другомъ, но очень долго, затѣмъ сядутъ къ ближайшему колодцу пить и мыть ротъ; при со-

вершеніи послѣдняго не замѣтно особенной тщательности. Сисагхари возвышается надъ уровнемъ долины на тысячу шестьсотъ футовъ, и дорога вьется въ гору на протяженіи двухъ миль: во все время идешь въ тѣни, среди густой растительности. Подъемъ очень труденъ, хотя далеко не продолжительенъ; мы взбирались не болѣе полутора часа. На вершинѣ горы крѣпость и таможня. Крѣпость очень незначительная и полуразрушенная; рядомъ съ таможеню стоитъ домъ для приѣзжихъ, низенькое зданіе съ тремя просторными комнатами; изъ оконъ открывается широкій видъ на горы и долину; но снѣжныхъ горъ отсюда не видно. Отъ Сисагхари до Катманду одинъ день пути, и дорога отъ крѣпости вьется далѣе въ гору. Мы поднимались съ полчаса и затѣмъ стали спускаться къ долинѣ рѣки Панаути. Рѣка не видна съ вершины, но какъ только начинаешь спускаться, шумъ быстро текущей рѣчки явственно слышенъ. Спускъ очень крутъ и продолжается болѣе двухъ часовъ. Панаути протекаетъ у самой подошвы горы; рядъ набросанныхъ глыбъ, ничѣмъ не скрѣпленныхъ и легко размываемыхъ, образуетъ нѣчто подобное мостику, черезъ который слѣдуетъ переправиться на другой берегъ; теченіе этой рѣки, также какъ Рапути, очень извилисто и приходится переходить ее нѣсколько разъ; затѣмъ, перееваливъ черезъ горы, въ долины рѣкъ Тамракхана, Марку, изъ долины Читлонгъ поднимаешься на гору Чандаргири. Подниматься на эту гору также затруднительно, какъ и спускаться; дорога изъ долины Читлонгъ вверхъ то же крута, какъ и внизъ, въ большую долину, которая отсюда съ вершины видна вполне; въ ясный день отсюда видны также снѣжныя вершины Гималая. У подошвы Чандаргири, въ большой долинѣ расположенъ городокъ Танкотъ, отъ котораго вплоть до Бхатгаона (на ю.-в. долины) черезъ Катманду идетъ шоссе; другая шоссеная дорога проходитъ также

черезъ непальскую столицу и, начинаясь у города Лалита-Патана, оканчивается у загороднаго дворца, Бхалажи. Обѣ дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усажены деревьями и на рѣкахъ воздвигнуты прочные мосты. Въ долину двѣ главныя рѣки: Вишнумати и Багмати; обѣ вытекають въ сѣверной части долины, у горы Шеопури; первая вытекаетъ съ юга горы и течетъ на югъ, вторая съ сѣвера, и течетъ сперва на югъ, затѣмъ на ю.-з. При слияніи двухъ рѣкъ стоитъ столица Непала, Катманду или Кантипуръ ($27^{\circ}42'$ с. ш. и $85^{\circ}36'$ в. д.). Туземцы увѣряють, что въ ихъ столицѣ пять-десять тысячъ жителей; эта цифра, конечно, только приблизительно точная, хотя нѣтъ основанія предполагать, что число жителей преувеличено. Напротивъ, при первомъ вѣздѣ долина поражаетъ своимъ многолюдствомъ и разнообразіемъ встрѣчающихся типовъ. Кромѣ Катманду, здѣсь есть и другіе болѣе или менѣе значительные города; такъ, по дорогѣ изъ Танкота въ Катманду проходишь мимо города Киртипура; въ трехъ миляхъ къ ю.-в. отъ столицы стоитъ древній неварскій городъ Лалитатанъ; нѣсколько далѣе къ востоку, въ десяти миляхъ, Батгаонъ; другіе города, поменьше, деревни, деревеньки, оди-ночные постоялые дворы разсыпаны во множествѣ и въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, по всей долинѣ; словомъ, вся долина кажется однимъ большимъ городомъ, пере-сѣченнымъ во многихъ мѣстахъ въ неодинаковой степени значительными огородами и пустырями. Множество построекъ воздвигается въ мѣстахъ пустынныхъ, и кругомъ по горамъ количество обрабатываемой почвы растетъ съ каждымъ го-домъ; на большей части окружныхъ горъ виднѣются обрабо-танныя поля, расположенныя по склону горъ, террасами. Кли-матъ здѣсь необыкновенно пріятный и здоровый, и ря-домъ съ тропическою растительностью, видишь произведенія умѣреннаго климата. Кое-гдѣ въ сторонѣ отъ дороги попа-

даются полуразвалившіеся и оставленные дома; но число ихъ ничтожно въ сравненіи съ ново-строющимися домами, храмами и другими зданіями. По дорогамъ и тропинкамъ сильное движеніе: оно замѣчается и невольно останавливаетъ вниманіе при первомъ вступленіи въ долину, даже послѣ оживленной дороги отъ Хетаура до Танкота. Число и разнообразіе встрѣчающихся здѣсь типовъ по истинѣ поразительно: неварецъ, исконный владѣтель Непала, пришельцы бхотія, тибетецъ, индусъ, завоеватель горкинецъ и другіе народцы Непала отличаются другъ отъ друга типомъ лица, покроемъ костюмовъ и украшеніями. На тибетцахъ и тѣхъ изъ неварцевъ, которые побывали въ Тибетѣ, совершенно русскія поярковыя шапки; на тибетскихъ ламахъ верхнее платье сильно напоминаетъ русскій зипунъ. Неварецъ одѣтъ, по большей части, въ нѣчто подобное бѣлой рубахѣ, съ косымъ воротомъ и разрѣзомъ у ляжекъ; панталонъ неварецъ не носитъ и ходитъ босикомъ; и даже утромъ, когда бываетъ иногда очень холодно (35° по Ф.) неварецъ кутаешь голову, оставляя ноги обнаженными. Типъ неварца монгольскій и некрасивый, хотя у большей части очень добродушное выраженіе лица и всѣ они кажутся какъ будто неумытыми. А между тѣмъ воды здѣсь вдоволь; кромѣ двухъ главныхъ рѣкъ, въ долинѣ есть нѣсколько меньшихъ рѣчекъ. Въ Катманду и окрестностяхъ насчитываютъ 2733 храма и часовень, и почти у каждаго храма и каждой часовни есть или прудъ, или источникъ, или колодезь. Словомъ была бы только охота, а умыться есть гдѣ; а между тѣмъ нечистота—самая характерная черта непальцевъ и непальскихъ городовъ. Бѣдный классъ рѣдко моется у себя, въ домѣ; по утрамъ и мужчины и женщины идутъ къ часовнямъ или храмамъ,—совершать туалетъ. Тибетцы еще грязнѣе неварцевъ: и въ жаръ и холодъ тибетецъ не снимаетъ теплыхъ сапогъ и теплаго зипуна; моется рѣдко: непальцы

увѣряють, что тибетець мѣть разъ въ жизни, при рожденіи. По поводу тибетской нечистоты между неварцами, ихъ едино-вѣрцами и родственными имъ по языку и происхожденію, сложилась легенда: они рассказываютъ, что во дни оны въ Индіи явился великій противникъ буддистовъ, Санкара; разбивъ индійскихъ буддистовъ во всѣхъ спорахъ, онъ явился въ Непаль и здѣсь его встрѣтилъ тотъ же успѣхъ: буддисты частью перешли на его сторону, частью уступили и присмирѣли. Воодушевленный такою удачею, Санкара перебрался черезъ горы, въ Тибетъ; здѣсь однакоже злой врагъ буддизма неожиданно потерпѣлъ сильное пораженіе. Ламы, съ которыми онъ вступилъ въ состязаніе, были такъ грязны и такъ сильно заражали своими испареніями воздухъ кругомъ, что опрятный индусъ вынужденъ былъ отказаться отъ спора. „Почему вы не моетесь?“ спросилъ онъ своихъ оппонентовъ. Святые отцы отвѣчали: „мы чисты внутри, и не заботимся о наружности: ты же грязенъ въ сердцѣ, хотя наружно и чистъ!“ На это Санкара не нашелся что отвѣчать и ушелъ изъ Тибета. Два-три тибетца въ комнатѣ окончательно невыносимы; воздухъ остается зараженнымъ нѣкоторое время послѣ ихъ ухода. Они являются во множествѣ въ Непаль, частью по торговымъ дѣламъ или ради богомолья. Тибетцы охотники лечиться, не чуждаются европейскаго медика и великіе охотники также прививать себѣ оспу; есть между ними любители, готовые подвергаться этой операциі ежедневно, или по крайней мѣрѣ черезъ день. На грязное тѣло и грязный нарядъ тибетець, посостоятельнѣе, любить вывѣшивать ожерелья, четки изъ драгоценныхъ камней. Особенно много видно на нихъ бирюзы. Горкинецъ, аріецъ по языку и происхожденію, часто имѣетъ монгольскій типъ лица; онъ завоеватель здѣсь, и главнымъ образомъ солдатъ; въ рукахъ горкинцевъ все управленіе страны: ими занимаются высшіе посты; между солдатами нѣтъ не-

варцевъ, хотя и есть другіе народы, напр., гуруны и магьяры. Чистокровный горкинецъ красивъ, мужественъ на видъ; онъ имѣеть свѣтлый, почти европейскій цвѣтъ лица, невысокъ ростомъ, но строенъ и ловокъ. Всѣ они брахманисты, но не особенно религіозны и не особенно учены, по-своему. Неварцы, владѣвшіе Непаломъ до послѣдняго горкинскаго завоеванія, въ настоящее время не у дѣлъ; неварецъ не бываетъ ни солдатомъ, ни чиновникомъ; горкинцы презираютъ ихъ частью какъ слабѣйшую расу, частью потому, что большинство неварцевъ буддисты, хотя буддизмъ здѣсь какъ выше было сказано совершенно отличенъ отъ буддизма другихъ странъ и очень многое заимствовалъ отъ брахманизма. Въ Непалѣ нѣтъ безбрачнаго духовенства, нѣтъ монастырей и нищенствующихъ монаховъ; есть наслѣдственное званіе банра; этимъ именемъ обозначается буддійское духовенство; банра хотя и лицо духовное, но въ то же время занимается какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ; банра бываетъ плотникомъ, столяромъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; рѣдко между ними встрѣчаются люди свѣдующіе, и горкинцы увѣряютъ, что всѣ банра великіе мошенники.

Катманду виднѣется издали; какъ минуешь Киртипуръ, такъ въ глаза бросится громадная бѣлая колонна. Этотъ столбъ (250 ф.) былъ воздвигнутъ однимъ изъ прежнихъ первыхъ министровъ Непала, Бхимсеномъ. Бхимсенъ воздвигъ его самъ себѣ, желая увѣковѣчить память о себѣ. Столбъ стоитъ на площади, гдѣ ежедневно бываетъ разводъ и ученье непальскихъ войскъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ столба стоитъ довольно просторный павильонъ, съ плоскою крышею; у павильона, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стояла мѣдная статуя теперешняго перваго министра Жанга-Бахадуръ. Побывавъ въ Европѣ и насмотрѣвшись тамъ на монументы великимъ монархамъ и полководцамъ, Жангъ-Бахадуръ вздумалъ оказать

себѣ такой-же почетъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ статую убрали съ виднаго мѣста; говорятъ, Жангъ-Бахадуръ приказалъ убрать свое слабое подобіе, опасаясь, что, по его смерти, будущій правитель Непала обойдется непочтительно со статуей. Чѣмъ ближе подвигаешься къ городу, тѣмъ болѣе и болѣе выступаетъ золотыхъ макушекъ храмовъ. Ихъ въ городѣ множество: буддійскихъ, брахманическихъ и смѣшаннаго характера, одинаково священныхъ для буддиста и брахманиста, куда и тотъ, и другой ходитъ молиться и совершать приношенія. Передъ каждымъ храмомъ или бассейномъ, или колодезь. Большихъ домовъ въ городѣ немного, и всѣ таковыя новой постройки, неоригинальны и некрасивы. Вообще, Катманду болѣе оригинальный, нежели красивый городъ. Улицы узки, плохо вымощены кирпичами и грязны. Дома въ два и три этажа, но не велики; нѣкоторые, болѣе старой постройки, очень красивы. Китайская крыша и обиліе рѣзбы по дереву на окнахъ, нижнихъ столбахъ портика и верхнихъ столбикахъ, поддерживающихъ крышу, придаютъ непальскимъ постройкамъ очень оригинальный характеръ. Въ окнахъ стеколь нѣтъ; ихъ видишь только въ немногихъ домахъ мѣстныхъ тузовъ; въ большей же части домовъ стекла замѣняютъ ставнями съ сквозной рѣзбой. Эта рѣзба, также какъ украшенія на столбахъ, очень красива. Фигуры звѣрей, птицъ, людей вырѣзаны необыкновенно отчетливо; въ нѣкоторыхъ домахъ въ каждомъ окнѣ стоитъ рѣзной павлинь съ распущеннымъ хвостомъ. Не всегда однакоже сюжетъ изображеній отличается достаточною скромностію: часто видишь такія группы, выставятыя которыя на столбахъ или окнахъ, во всякомъ другомъ городѣ, считалось-бы оскорбленіемъ общественной нравственности; но здѣсь артистъ свободно и безнаказанно вырѣзываетъ такого рода изображенія и лѣпитъ ихъ кругомъ домовъ и храмовъ. Наружныя стѣны домовъ покрываются, кромѣ

того, картинами, изображеніями боговъ, текстами изъ священныхъ книгъ, или разными символическими знаками; между послѣдними есть одинъ знакъ (viçvavaṅga) совершенно подобный византійскому кресту; этотъ-же знакъ вырѣзывается на извѣстныхъ молитвенныхъ машинкахъ, употребляемыхъ буддистами въ Тибетѣ. Храмы выстроены также въ томъ же стилѣ китайской архитектуры; нѣкоторыя, изъ болѣе старыхъ, совершенно подобны индусскимъ; передъ болѣе значительными храмами находятся базарныя площади. Базарная площадь—самая любопытная часть города; ихъ нѣсколько въ Катманду, наиболѣе значительныя находятся передъ царскимъ дворцомъ и передъ храмомъ Матсьендранатха. Во всякое время дня на этихъ площадяхъ фланируетъ, торгуется густая разноплеменная толпа. Но особенно любопытны площади утромъ. Городская жизнь начинается здѣсь рано; въ пять часовъ городъ проснулся; кучки мужчинъ и женщинъ видны у бассейновъ, колодцевъ, на площадяхъ; кто моется, переговариваясь съ сосѣдомъ или сосѣдкой, кто наскоро ополоснувъ руки, идетъ въ храмъ молиться. Площадь въ этотъ часъ переполнена корзинами цвѣтовъ; всякій богомолецъ передъ тѣмъ, какъ идти въ храмъ, покупаетъ себѣ букетъ. Масса разнородныхъ цвѣтовъ придаетъ площади очень красивый видъ и благоуханіе отъ нихъ бываетъ такъ сильно, что запахъ тутъ-же продающагося лука совершенно заглушается. До лука всѣ непальцы большіе охотники. Рѣдко гдѣ можно видѣть такъ много лука въ продажѣ, и врядъ-ли гдѣ еще такъ часто попадаются прохожіе, лакомящіеся сырымъ лукомъ. Тутъ-же, на площади, выставляется сырое мясо. Конечно, говядина здѣсь не продается, въ Непалѣ ея нельзя достать ни за какія деньги: коровъ, какъ священныхъ существъ, непальцы не бьютъ. Убить корову считается здѣсь важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Коровъ здѣсь множество; обыкновенно, въ тотъ годъ, когда

ихъ наплодится слишкомъ много, даже для такой благочестивой страны; какъ Непаль, Жангъ-Бахадуръ приказываетъ выгнать часть коровъ за предѣлы Непала, въ британскія владѣнія, гдѣ, ихъ конечно, англичане перебьютъ и поѣдятъ: Жангъ-Бахадуръ прекрасно знаетъ это, но для него важно уже то, что скандалъ произошелъ, хотя по его винѣ, да не въ Непаль. Туземцы, даже буддисты, бьютъ и ѣдятъ буйволовъ, свиней, овецъ, козъ, куръ. Мясо разрубается съ кожей и шерстью, и въ такомъ видѣ продается. Постоянныхъ лавокъ немного на площади, гораздо болѣе подвижныхъ; обыкновенно, купецъ приноситъ свой товаръ на площадь и не стѣсняется выборомъ мѣста. Часто видишь мясную лавочку у входа часовни или храма.

Тутъ-же, рядомъ съ торгашемъ, какой-нибудь благочестивый человѣкъ, расположившись на землѣ, совершаетъ утреннія моленія. Богомолецъ является къ храму, омывъ руки у ближайшаго колодца, съ приношеніями, молитвенникомъ и другими снарядами. На немъ четки, оканчивающіяся четырьмя бусами, расположенными крестообразно. Обойдя трижды вокругъ храма, онъ садится на землю и прикладываетъ пять пальцевъ правой руки ко лбу, груди, лѣвому и правому плечу: затѣмъ, позвонивъ въ колоколь, какъ-бы призывая вниманіе божества, онъ разставляетъ вокругъ себя приношенія, назначаемыя божеству: цвѣты, яйца, какія-то печенья, чашечку съ водою, и начинаетъ читать какой-нибудь гимнъ. Такихъ гимновъ множество въ обращеніи между буддистами. Всѣ они на санскритскомъ языкѣ, и хотя усердно читаются, но рѣдко понимаются народомъ. Обыкновенно богомолецъ бормочетъ гимнъ, слѣпо вѣря въ какую-то таинственную силу произносимыхъ словъ. Вотъ начало одного изъ гимновъ къ покровителю страны, богу Авалокитесвара. Гимнъ этотъ особенно любимъ богомольцами и всего чаще читается ими:

1. И небо и люди у ногъ твоихъ. О ты, не рождающийся, не старѣющийся и не умирающій. Владыка міра, меня, беззащитнаго, охрани. Ты, любвеобильный, будь ко мнѣ сострадательнъ.

2. Поддержи меня, въ житейское море потонувшаго, океаномъ скорби разбитаго.

Спаси меня, плачущаго, ты, многострадающій. Молюсь тебѣ, о Господи!

3. Ослѣпли мои глаза отъ тьмы желаній и трасется тѣло отъ великаго страха смерти.

4. Жену ближняго я соблазнялъ и въ невѣдѣніи вредилъ тысячѣ существъ.

Нынѣ, о Господи, убей во мнѣ тѣлесный грѣхъ.

5. Владыка міра, уничтожь во мнѣ ту ложь, мірскую, невѣчную, что говорила ради жизни и почета.

Долго терзался я муками ада!

6. Я плачу, о Господи! вырви изъ моего ума грѣховные помыслы, мнѣ-ли пріятные, другому-ли полезные, но ближнему вредные.

7. Не ты-ли мнѣ вѣщаль: все сущее, вѣчно мучающееся, и въ небѣ, и человѣка, и звѣря, и адъ, я охраняю!

8. Взгляни-же на мое дряхлое тѣло и будь ко мнѣ сострадательнъ.

Внемли, о Господи! къ тебѣ взываю: да не буду я въ аду.

9. За малость ты творишь добро. Спаси-же меня, Господи! Не видимо-ли ты рождалъ безгрѣшность, въ твоей сострадательности, постоянно ожидая чистоту.

10. Однимъ памятованіемъ ты бываешь доволенъ, и отвергалъ-ли ты видимо грѣшнаго?

О Господи, податель благъ, не отвергни меня, и нынѣ охрани меня и т. д.

Около читающаго молитвы или совершающаго приношенія

обыкновенно собирается кучка праздных зрителей. Они не молятся, а только смотрятъ, громко разговаривая другъ съ другомъ о предметахъ житейскихъ.

Катманду, увѣряютъ, существуетъ болѣе тысячи лѣтъ; другіе города долины, напр., Лалитапатана, Бхатгаонъ, почти также древни по преданію. Но ни древнихъ зданій, ни древнихъ храмовъ; ни древнихъ надписей я не видалъ въ долинѣ. Надписей здѣсь много, у храмовъ, по дорогамъ, у постоялыхъ дворовъ; надписи бывають на разныхъ языкахъ: по-санскритски, на неварскомъ и даже на тибетскомъ языкѣ,—такъ какъ многія свята мѣста усердно, почти исключительно, посѣщаются тибетцами. Города долины наружно похожи одинъ на другой; кто видѣлъ Катманду, видѣлъ и другіе: тотъ-же китайскій стиль архитектуры, тѣ же узенькія, грязныя улицы, широкія площади передъ двумя-тремя храмами. Бхатгаонъ какъ будто древнѣе прочихъ городовъ долины; въ немъ такіе же дома, съ китайскими крышами, какъ и въ прочихъ городахъ, но они на видъ кажутся болѣе древними и рѣзныхъ украшеній кругомъ оконъ и по столбамъ какъ-будто больше здѣсь. Въ каждомъ городѣ есть, кромѣ того, своя мѣстная святыня, храмъ или часовня, привлекающая паломниковъ изъ разныхъ странъ.

Въ половинѣ марта, въ Катманду, какъ и во всей Индіи, празднуется новый годъ; здѣсь празднество продолжается нѣсколько дней. Всѣ классы населенія принимаютъ участіе въ однородныхъ потѣхахъ. По-утрамъ, прохожіе бросаютъ другъ на друга какой-то красный порошокъ. Въ продолженіи недѣли послѣ праздника, на улицахъ встрѣчаются люди въ бѣлыхъ костюмахъ съ красными пятнами: то слѣды прошлой праздничной забавы. По вечерамъ, люди состоятельные устраиваютъ въ своихъ домахъ тамашы, т.е. національные балеты и драматическія представленія. Балеть въ Непалѣ не процвѣ-

таеть; мѣстныя танцовщицы неискусны и некрасивы; привозныя изъ Кашмира обходятся слишкомъ дорого. Самая плохая кашмирская плясунья требуетъ за недѣлю представленія около тысячи рупи, или семьсотъ рублей на наши деньги. Правда, трудовъ ей предстоитъ много въ недѣлю. Балетъ начинается рано и продолжается до поздней ночи; и все это время плясать, пѣть—и такъ ежедневно, въ продолженіи недѣли,—не легко. Драматическія представленія обыкновенно отличаются самымъ грубымъ цинизмомъ, и чѣмъ циничнѣе актеръ въ своихъ выходкахъ, тѣмъ вѣроятнѣе и полнѣе бываетъ его успѣхъ. Во дворцѣ, обыкновенно, въ одинъ изъ дней праздника, счастливый по опредѣленію дворцоваго астролога, устраивается большой выходъ или дарбаръ. О дарбарѣ даютъ знать англійскому резиденту за нѣсколько дней, и въ назначенный день въ резиденцію присылается дворцовая коляска съ однимъ изъ военныхъ чиновъ, какимъ-нибудь генераломъ или полковникомъ. Резиденція (т.-е. домъ резидента, домъ врача, лечебница и нѣсколько другихъ построекъ) находится внѣ города, къ сѣверу, въ разстояніи одной мили, и дорога во дворецъ пролегаетъ черезъ весь почти городъ. На всѣхъ улицахъ въ такой торжественный день массы зрителей; народъ и солдаты переполняютъ улицы; изъ всѣхъ оконъ торчитъ по нѣскольку головъ, и на всѣхъ стѣнахъ, портикахъ, крышахъ есть зрители. На дворцовомъ дворѣ выстраиваются шпалерами солдаты. Какъ только коляска вѣдетъ во дворъ, тотчасъ раздаются оглушительные звуки плохого европейскаго оркестра вмѣстѣ съ безобразнымъ національнымъ пѣніемъ. У подъѣзда резидента встрѣчаютъ высшіе чины: главнокомандующій со свитою. По узенькой, темной, крутой лѣстницѣ чины ведутъ резидента и его свиту въ залу дарбара. Зала дарбара—длинная, просторная комната, убранная поевропейски; въ противоположномъ отъ выхода концѣ стоитъ тронъ, отъ

котораго идутъ два ряда кресель, занимаемыхъ исключительно военными; непальцы, несостоящіе на военной службѣ, не допускаются въ дарбаръ. Его непальское величество Сурендра Викрамасахъ встрѣтилъ резидента стоя. Сдѣлавъ селамъ, его величество пожалъ руку резиденту и свитѣ послѣдняго. Несчастный непальскій монархъ имѣетъ совершенно европейскій типъ лица; его продолговатое блѣдное лицо было-бы даже красиво, еслибъ не имѣло такого полоумнаго выраженія; въ день дарбара царь былъ въ сильномъ волненіи; онъ говорилъ быстро, заикаясь, припрыгивалъ на тронѣ. Его величество жаловался, что его не пустили въ Калькутту, хоть онъ и желалъ побывать тамъ. „G.-сахибъ (т.-е. г-нъ G.) уѣхалъ съ махаражей (т.-е. первымъ министромъ), не простившись со мною!“ говорилъ немощное величіе. Аудіенція продолжалась очень недолго, къ великой, вѣроятно, радости окружающихъ его величество, ибо неизвѣстно до чего могъ договориться непальскій царь, находясь въ такомъ волненіи и почти-что въ состояніи невмѣняемости. При прощаніи его величество, покротивъ какихъ-то духовъ въ платки резидента и его свиты, одѣлилъ всѣхъ бетелемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дарбара, громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ намъ пріѣздъ въ Катманду настоящаго владыки, махаражи, сэра Жанга-Бахадура. Вскорѣ по пріѣздѣ, сэръ Жангъ назначилъ дарбаръ у себя, во дворцѣ Таппаталѣ. Первый министръ Непала и полномочный владыка страны, лицо замѣчательно умное и въ то же время историческое. Ему теперь около шестидесяти лѣтъ; политическая карьера министра началась въ сороковыхъ годахъ. Сынъ незначительнаго офицера онъ началъ военную службу подъ покровительствомъ дяди Мартабана-Синха, бывшаго въ то время первымъ министромъ; но весьма скоро дядя сталъ завидовать и побаиваться ловкаго племянника. Умный, ловкій, любимецъ

солдаты, Жангъ могъ дѣйствительно внушать опасенія непопулярному дядѣ. Племянникъ, свѣдущій въ военномъ дѣлѣ и еще болѣе искусный въ придворныхъ интригахъ, легко могъ попытаться свергнуть дядю и занять мѣсто благодѣтеля. Къ тому же одна изъ царицъ, наиболѣе умная и вліятельная при дворѣ, благоволила къ Жангъ-Бахадурю; не любя Мартабана и въ тайнѣ питая властолюбивые замыслы, царица задумала отдѣлаться отъ перваго министра. Нелюбимый при дворѣ, непопулярный между народомъ, Мартабанъ-Синхъ ясно сознавалъ невыгоды своего положенія и, имѣя смутныя извѣстія о какихъ-то ковахъ, видѣлъ, что всѣ шансы на сторонѣ его молодого противника; остается неизвѣстнымъ, подозрѣвалъ ли онъ, что развязка потаенной борьбы наступитъ скоро. 18 мая, въ 1845 году, Мартабанъ-Синхъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Приглашеніе было на аудіенцію къ царю, и Мартабанъ явился во дворецъ; едва онъ переступилъ за порогъ залы совѣта, какъ откуда-то сверху, съ хоръ, раздался выстрѣлъ, и несчастный палъ замертво. Его враги были милостивы къ нему по смерти; мертвое тѣло было брошено въ священную рѣку Багмати, протекающую не вдали отъ теперешняго дворца Жанга-Бахадура. Нѣкоторое время и британское правительство и народъ подозрѣвали царя въ совершеніи гнуснаго убійства; но вскорѣ обнаружилось, кто именно повиненъ въ этомъ дѣлѣ. Молва указывала на Жангъ-Бахадура и на царицу. Начиная съ этихъ поръ, Жангъ принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи, хотя двери государственнаго совѣта были для него еще закрыты и званіе перваго министра получилъ не онъ, а другъ царицы Гаганъ-Синхъ. Положеніе дѣлъ было переходное, и такимъ оно сознавалось всѣми заинтересованными. Царица, царь, первый министръ подозрѣвали Жангъ-Бахадура въ новыхъ интригахъ и дальнѣйшихъ замыслахъ, но съ своей стороны ничего не предпринимали; а

онъ, какъ человѣкъ рѣшительный и твердый, между тѣмъ дѣйствовалъ и готовилъ себѣ путь если и не къ престолу, то къ фактическому полновластію. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ катастрофы, однажды ночью, въ домъ англійскаго резидента явился самъ непальскій царь; въ страхѣ, онъ объявилъ изумленному резиденту, что не ручается ни за спокойствіе страны, ни за свою жизнь; готовится переворотъ. Резидентъ принялъ это къ свѣдѣнію; связанный трактатами и не имѣя въ своемъ распоряженіи военной силы, онъ не могъ ничѣмъ помочь царю, совершенно упавшему духомъ. Опасенія царя оправдались очень скоро. Черезъ нѣсколько дней произошелъ *coup d'état*, или, говоря проще, въ залу совѣта явился съ вооруженною силою Жангъ-Бахадуръ, убилъ перваго министра и перерѣзалъ до тридцати членовъ совѣта. Ставъ фактически послѣ того полновластнымъ господиномъ Непала, онъ безпощадно уничтожалъ все ненавистное и подозрительное ему. Рѣзня продолжала производиться съ изумительнымъ и варварскимъ хладнокровіемъ. Царь, царица бѣжали въ Бенаресъ. Ихъ малолѣтній сынъ (понынѣ царствующій) былъ объявленъ царемъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того продолжались попытки свергнуть или отравить Жангъ-Бахадура; но онъ оставался цѣль и невредимъ и, конечно, не былъ мягкосердеченъ къ своимъ врагамъ. Жангъ-Бахадуръ, милостью ея британскаго величества возведенный въ баронеты, никогда не задумывался совершить убійство. Болѣе счастливые изъ его враговъ спаслись бѣгствомъ. Говорятъ, понынѣ бродить по святымъ мѣстамъ Индіи царскій братъ. Онъ пытался когда-то отравить Жангъ-Бахадура; попытка не удалась—царскій братъ бѣжалъ изъ Непала и сдѣлался факиромъ. Шопотомъ передаютъ другъ другу непальцы, побывавшіе у святыхъ мѣсть въ Индіи, о томъ, что видѣли принца-факира тамъ-то или тамъ-то. И онъ долженъ былъ смириться передъ силою непальскаго прави-

теля: нагъ и нищъ, питаюсь подаваніями, онъ бродитъ отъ одного святаго мѣста къ другому, проводя ночи на голомъ каменномъ полу какого-нибудь храма. Неопасныхъ членовъ противной партіи Жангъ-Бахадуръ оставилъ въ покоѣ; многіе изъ нихъ живутъ въ самой столицѣ; они присмирѣли и противъ правителя никто не смѣетъ поднять голоса. Конечно, по смерти Жанга остатки противной ему партіи не упустятъ случая попытать снова свое счастье; но въ настоящее время все управленіе страны въ рукахъ многочисленныхъ членовъ его семьи: его братьевъ, сыновей, племянниковъ. Они самые богатые люди здѣсь; лучшіе дома, лошади, экипажи принадлежатъ имъ. Англичане увѣряютъ, что непальцы довольны своимъ правителемъ. Но англичане въ настоящее время оставили въ Индіи политику присоединенія и о Непалѣ не думаютъ. Народъ въ Непалѣ поетъ, пьетъ водку, богомольствуетъ и дѣйствительно кажется довольнымъ. Жангъ построилъ мосты, провелъ кое-гдѣ дороги, не отягощая народъ налогами, усилилъ армію, ладитъ съ англичанами, а потому, можетъ быть, непальцы и довольны своимъ настоящимъ положеніемъ. Къ тому же неварцы такой добродушный и невѣжественный народъ.

Дворецъ правителя находится къ ю.-в. отъ города, на берегу рѣки Багмати, напротивъ храма Пасупати; онъ окруженъ садомъ и занимаетъ громадное пространство; кромѣ главнаго зданія, въ оградѣ много другихъ домовъ поменьше. Здѣсь живетъ Жангъ-Бахадуръ и нѣкоторые изъ его сыновей. Живетъ онъ по-азіатски; запросто сидитъ на коврѣ, поджавъ ноги; изъ комнаты въ комнату переносится на спинѣ слуги и никто не знаетъ, въ какой комнатѣ онъ спитъ, гдѣ и что ѣстъ. Когда, въ день дарбара, коляска съ резидентомъ и его свитой подъѣхала при звукахъ оркестра ко дворцу, Жангъ-Бахадуръ, окруженный многочисленными сыновьями и родственниками, стоялъ на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ съ восточ-

ною роскошью; все блестяло и сияло на немъ: глазетовый кафтанъ, головной уборъ, усыпанный различными драгоценными камнями. Его свита, т.-е. братья и сыновья, были въ европейскихъ костюмахъ; кругомъ него были и моряки и гусары, и многіе другіе полки виднѣлись на заднемъ планѣ. Флота нѣтъ въ Непалѣ, и нѣтъ также гусаровъ; но сыновья Жангъ-Бахадура очень любятъ военные наряды; шьютъ и покупаютъ мундиры всевозможныхъ полковъ, благо носить ихъ не воспрещается въ Непалѣ; такъ, въ день большого выхода начальникъ артиллеріи щеголялъ въ гусарскомъ мундирѣ. На видъ Жангу-Бахадуру, при его крашенныхъ волосахъ, нельзя дать и пятидесяти лѣтъ. Онъ очень бодръ, хотя недавно былъ серьезно боленъ, послѣ паденія съ лошади; типъ лица его монгольскій; ничего звѣрскаго не замѣтно ни въ глазахъ, ни въ выраженіи лица; онъ кажется добродушнымъ человѣкомъ, говорить тихо и мягко, очень любезенъ. Смотря на его вкрадчивое обращеніе съ европейцами, никому и въ голову не придетъ, что у этого старика такое кровавое прошедшее. Для своихъ многочисленныхъ сыновей сэръ Жангъ-Бахадуръ нанимаетъ гувернера, англичанина. Многіе изъ нихъ говорятъ по-англійски, и очень любятъ щеголять знаніемъ англійскаго языка; всѣ они безъ всякаго образованія, хотя и не безъ нѣкотораго европейскаго лоска. У cadaго изъ сыновей есть свое довольно значительное состояніе; но отецъ держитъ ихъ въ ежовыхъ рукахъ и не даетъ воли тратить; такъ-какъ каждый изъ нихъ занимаетъ высокій постъ въ арміи, то, кромѣ того, сынки получаютъ значительное содержаніе изъ казны. Мальчики лѣтъ пятнадцати, сыновья Жанга-Бахадура или его племянники, часто имѣютъ чинъ полковника. Одинъ изъ его сыновей, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, уже генераль и начальникъ артиллеріи. Молодой генераль очень добродушный человѣкъ, хотя и съ нѣкоторою придурью; говорить по-англій-

ски, бывалъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ и считаетъ себя европейски образованнымъ. Калькутта для *jeunesse dorée* Непала то же, что Парижъ для разгульной молодежи у насъ, въ Европѣ. Въ Калькуттѣ они вырываются на полную свободу; не страшась бдительнаго надзора отцовъ, здѣсь они упиваются шампанскимъ, вкушаютъ бифштексъ; въ Калькуттѣ, вдали отъ женъ, отъ отцовъ, не опасаясь потерять касту, они безъ разбора и безъ мѣры предаются тѣмъ удовольствіямъ, коими изобилуютъ всѣ большіе города вообще, и восточные въ особенности. Женятся въ Непалѣ очень рано; въ шестнадцать лѣтъ юноша бываетъ главою семьи и отцомъ. Рѣдкій состоятельный человѣкъ удовлетворяется двумя-тремя женами; число женъ, рабынь и случайныхъ наложницъ иногда, какъ напр. у сэра Жанга-Бахадура, достигаетъ чудовищной цифры. А сэру Бахадуру около шестидесяти лѣтъ. Женъ и дочерей непальцы не прячутъ; на дарбарѣ онѣ не бываютъ, но часто показываются на улицахъ. Самъ Жангъ-Бахадуръ выѣзжаетъ иногда въ публичныя мѣста съ двумя-тремя женами. Конечно, непальскія дамы далеко не пользуются тою свободою, какую имѣютъ европейскія. Эту свободу непальцы, побывавшіе въ британской Индіи и видѣвшіе тамъ англійскихъ дамъ, совершенно не понимаютъ. Объ европейскихъ женщинахъ, публично танцующихъ на балахъ, разговаривающихъ съ посторонними имъ мужчинами, непальскіе принцы вывели самыя безобразныя представленія. Поумнѣе изъ нихъ подозрѣваютъ какую-то разницу между европейскою дамою, танцующею на балѣ, и кашмирской плясуньей, нанимаемой въ праздничные дни для мѣстнаго балета. Но рассказываютъ, что даже Жангъ-Бахадуръ въ первую бытность въ Парижѣ, при всемъ его умѣ, сдѣлалъ разъ грубѣйшій, совершенно непозволительный и неизвинительный промахъ. Восточный властелинъ воображалъ, что его золото всемогуще.

Зала дарбара во дворцѣ перваго министра очень красива и гораздо лучше и великолѣпнѣе убрана, нежели большая зала въ царскомъ дворцѣ; но лѣстница также темна, узка и крута, какъ и тамъ. Дарбаръ продолжался довольно долго. Жангъ-Бахадуръ былъ разговорчивъ и любезенъ; въ заключеніе дарбара онъ показалъ присутствующимъ отрядъ стрѣлковъ. Солдаты въ Непалѣ носятъ мундиры, подобные английскимъ, и всѣ слова команды английскія. Говорятъ, армія Непала немногочисленна, не болѣе двадцати тысячъ человекъ, но во всякое время дня по улицамъ встрѣчается очень много войска, а потому весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ непальская армія гораздо многочисленнѣе. На видъ солдаты не воинственны: они малы ростомъ, грязноваты и врядъ ли хорошо дисциплинированы. Конечно, въ случаѣ нападенія изъ равнинъ, въ горахъ и эта разнокалиберная армія трудно побѣдима. Бахадуръ сильно заботится о вооруженіи своей арміи. Англичане, живущіе у непальскихъ границъ, увѣряютъ, что подъ видомъ разныхъ машинъ цѣлыя транспорты усовершенствованныхъ ружей провозятся въ Непаль.

Непаль какъ государство независимое и въ то же время полузакрытое для европейцевъ, очень мало подвергся вліянію западной цивилизаціи. Путешественниковъ здѣсь бывало очень мало; английская колонія въ Катманду и теперь, и прежде съ начала настоящаго столѣтія всегда бывала малочисленна, никогда здѣсь не бывало болѣе трехъ европейцевъ, постоянныхъ жителей: резидентъ, его помощникъ и врачъ, и эти три человека живутъ внѣ города, не имѣютъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами и даже гулять выходятъ подъ прикрытіемъ непальскаго полицейскаго. Къ резиденту приставленъ непалецъ адъютантъ, черезъ посредство котораго происходятъ всѣ сношенія съ правительствомъ и туземцами; каждый туземецъ, желающій видѣть резидента или кого бы то ни было въ резиденціи, дол-

женъ предварительно испросить у правительства разрѣшеніе на то. Каждый шагъ европейца, находящагося подъ постояннымъ присмотромъ полиціи, замѣчается; каждый вопросъ европейца возбуждаетъ какъ-будто подозрительность, и почти на каждый вопросъ онъ получаетъ одинъ отвѣтъ: „не знаю“. Въ Катманду есть даже живая иллюстрація правительственной подозрительности. Главный конюхъ правителя безъ рукъ; лѣтъ двадцать тому назадъ его заподозрили, какъ англійскаго шпіона, и, не разобравъ хорошенько дѣла, бѣдняку отрубили руки; впослѣдствіи подозрѣніе оказалось вполне неосновательнымъ; Жангъ-Бахадуръ взялъ его къ себѣ въ наѣздники и положилъ ему хорошее жалованье. Однажды мнѣ представилась необходимость побывать у одного мѣстнаго ученаго; Бахадуръ не было въ городѣ, и его братъ, исправлявшій должность правителя на то время, не разрѣшилъ мнѣ посѣтить моего знакомаго; онъ прислалъ мнѣ сказать черезъ адъютанта резидента, что мой знакомый будетъ бывать у меня каждый день, а потому мнѣ незачѣмъ беспокоиться и ходить къ нему. Но справедливость заставляетъ меня тутъ же прибавить, что если я вывезъ кое-что любопытное отсюда, то это благодаря содѣйствію непальскихъ властей; англичане при всемъ желаніи не могутъ оказать здѣсь существенной помощи. Едва ли есть еще другая страна, гдѣ ихъ такъ мало любятъ и такъ сильно боятся. А между тѣмъ немного странъ въ Индіи, представляющихъ такое богатое поле для этнографическихъ изслѣдованій, начиная съ языковъ различныхъ народовъ Непала и кончая народными суевѣріями, сохранившимися здѣсь въ первоначальной неприкосновенности; въ этой горной странѣ, между арійскою Индією и тибетскими племенами, къ сѣверу, все оригинально и любопытно. Здѣсь и вдовы еще имѣютъ полное право сожигаться, хотя Бахадуръ и не поощряетъ таковое самоотверженіе. Въ Катманду и бо-

гатыи, и бѣдный вѣрятъ, что если искупаешься въ такомъ-то мѣстѣ, у такого то храма, то получишь то-то, а купанье въ другомъ мѣстѣ, у другого храма, доставляетъ другое житейское благо. Здѣсь еще гвозди въ стѣнахъ и столбахъ извѣстныхъ храмовъ изцѣляютъ отъ зубной боли, и старый и малый ходять тереть больные зубы объ эти гвозди; въ Катманду и духи, обитающіе на перекресткахъ, до сихъ поръ врачуютъ. Заболѣетъ ли кто въ домѣ, на перекрестокъ выносятся тарелочка съ рисомъ, цвѣтами, зажженною свѣчкою и бумажными флагами. И съ этого начинается врачеваніе и въ домѣ столяра и въ семьѣ генерала, съ того разницею однако же, что генераль въ случаѣ, если эта попытка вылечиться не удалась, на другой день посылаетъ за англійскимъ врачомъ, въ резиденцію.

Непальцы народъ добродушный и веселый; они подозрительны по внушенію свыше, охотники повеселиться и всѣ, за малымъ исключеніемъ, непрочъ выпить; высшіе классы, сынки генераловъ особенно падки на шампанское и коньякъ. Случается, что гувернеръ непальскаго баронета занимается не столько обученіемъ своихъ питомцевъ, сколько доставленіемъ имъ запретнаго плода, т.-е. коньяку. Въ Катманду называютъ одного изъ бывшихъ гувернеровъ, который обогатился корчемствомъ. На улицахъ Катманду и въ праздникъ, и въ будни попадаются пьяные и люди на-веселѣ. Всякое паломничество къ святымъ мѣстамъ оканчивается обыкновенно шумною пирушкою тутъ же, у святыни. На одной изъ такихъ пирушекъ мнѣ пришлось присутствовать, наканунѣ отъѣзда изъ Катманду. Къ западу отъ города, въ разстояніи двухъ миль, возвышается холмъ Самбхунатхъ (250 ф. надъ уровнемъ долины). На вершинѣ стоитъ знаменитый и древнѣйшій храмъ долины. Около четырехъ-сотъ ступеней, по крутому склону холма, ведутъ къ нему; по сторонамъ, во всю

дорогу виднѣются часовни, храмы, ступы. Не доходя до вершины, на половинѣ дороги у одной изъ часовень, на довольно просторномъ уступѣ холма, я нашелъ десятка два мужчинъ и столько же женщинъ; расположившись на травкѣ рядомъ, и мужчины, и женщины попивали мѣстную водку; всѣ они были въ праздничныхъ одѣяніяхъ, съ цвѣтами на головахъ, и необыкновенно чисты для непальцевъ. Пикникъ былъ въ полномъ разгарѣ; они смѣялись, кричали и всѣ были видимо сильно на-веселѣ. Какой-то старикъ, почтенный на видъ и не совсѣмъ твердый на ногахъ, съ бутылкою въ рукахъ, угощая, обходилъ пирующихъ. Вдругъ они запѣли всѣ разомъ, криливо и несогласно, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ и мѣстныхъ тарелочекъ. Они пѣли пѣсню, не совсѣмъ приличную для мѣста, гдѣ находились; пѣли нехорошо, кто въ лѣсъ, кто по-дрова; но слова пѣсни не лишены были смысла и поэтической прелести. Они пѣли:

1. Не вичись, красавица! Вѣдь люди знаютъ, какъ мы жили съ тобою. Безъ меня тебѣ не наслаждаться.

2. Молодость—свѣжій ростокъ; молодость—мгновеніе для наслажденія! Теперь ли намъ съ тобою разставаться?

3. Дни уходятъ, дни исчезаютъ. И затѣмъ, на что же молодость?

4. То слово было сказано въ минуту гнѣва. Забудь мою страсть!

5. Станемъ жить, станемъ вмѣстѣ наслаждаться. Безъ тебя не дышать мнѣ.

Непальцы очень пѣвучій народъ, хотя пѣніе ихъ и не мелодично и множество пѣсень занесено сюда изъ Индіи, факирами. Попадаютъ, впрочемъ, оригинальныя, съ мѣстнымъ оттѣнкомъ, и даже переводныя съ тибетскаго.

Во время моего пребыванія въ Катманду я получилъ отъ одного буддиста небольшое собраніе народныхъ пѣсень, изъ

котораго извлекаю какъ образчики неварскаго творчества слѣдующія четыре пѣсни.

Пѣсни факира.

1.

1) Не видишь твоего образа, и сердце не трепещетъ. Бродилъ я и смотрѣлъ въ Ялдесъ ¹⁾ и Кхопадесъ ²⁾. Нигдѣ тебѣ подобнаго перла существа я не видѣлъ.

2) Въ Матхурѣ ³⁾, въ Бриндаванѣ, въ Гокулѣ я смотрѣлъ. Нигдѣ не видѣлъ такого чернаго лица, какъ твое.

3) Днемъ ночью я творю молитвы и тебя созерцаю! Гдѣ увижу тебя, о Кришна? Гдѣ мы встрѣтимся?

4) На берегу Ямуны на свирѣли играетъ Кришна! Толпою пастушекъ окруженный онъ поплясываетъ!

5) Сыны, дочери, домочадцы суть сѣти обмана. Нѣтъ мочи быть въ сѣтяхъ: я странствующій подвижникъ!

6) Моимъ рѣчамъ не внимали, и нѣтъ мочи говорить! Я старался и не было мнѣ удачи.

7) Этой моей скорби не сострадали! Мечъ схватилъ ребенка, что у груди!

8) Какъ случилось, что въ сердцѣ моемъ нѣтъ нѣжности, нѣтъ состраданія. Для чего нибудь ты дышишь?!

9) О дыханіе, заключенное въ злыхъ людскихъ узахъ, ты старайся, старайся!

10) Были предостереженія,—и не предостережены; были увѣщанія—и не послушались ихъ. Ребенокъ въ объятяхъ стонетъ; стонетъ!

¹⁾ Т. е. Лалитапатанъ—городъ въ Непальской долинѣ.

²⁾ Т. е. Бхатгаонъ—городъ тамъ-же.

³⁾ Объ этихъ мѣстахъ см. главу VI.

11) Смотрѣль, смотрѣль и не видѣль: не въ мочь мнѣ
смотрѣть. Смотрѣль и не могъ узрѣть Господа.

12) Днемъ и ночью нѣжно сердце мое къ тебѣ.

2.

1) О духъ живой, кому я скорбь эту повѣдаю? Видѣнь
въ мірѣ огонь, что на вершинѣ горы горить, но кто увидить
пламень, въ сердцѣ возженный?

2) Полетить-ли лѣсная птица и увидятъ ее въ мірѣ. Но
кто узритъ пареніе сердца человѣческаго?

3) Желѣзнымъ посохомъ коня и слона укрощай, но сты-
домъ и совѣстью сердце человѣческое обуздывай!

4. Ночью прошлоу мнѣ коробочку дали, раскрыла я коро-
бочку на другой день и увидѣла исписанную бумажку!

5) Не лежитъ мое сердце къ странѣ, отцемъ-матерью да-
рованной, а какъ уйду отсюда, то врага найду!

6) И коль увидишь меня пришедшую, ты сдѣлай такъ: у
твоихъ ногъ ты даруй мнѣ жить, и мою ты рѣчь скорбную
выслушай!

3.

1) О Хари, о Сива! уже-ли мнѣ быть безбрачнымъ? Въ
четырехъ странахъ свѣтъ я смотрѣль и не видѣль я жены
для себя. О Хари, о Сива, кто обережетъ теперь меня?

2) Жены въ чьемъ домѣ нѣтъ, словно лѣсъ тотъ домъ! О
Хари, о Сива! бесплодно мое рожденіе исчезнетъ!

3) Мой удѣлъ—факира! Да сердце не вынесетъ самоотре-
ченія! О Хари, о Сива! Божья имени не могу я призывать!

4) Чисто то слово лишь у ногъ учителя! О Хари, о Сива!
Даруй мнѣ жить у ногъ твоихъ!

Покинутая жена.

4.

1) Въ Тибетъ ушелъ супругъ, не трепещетъ мое сердце!
Изъ Тибета пришло письмо, прыгнуло сердце на цѣлый локоть! Развернула письмо прочла и обрадовалась.

2) На утро выйду на порогъ: зиму вижу; и какъ увижу я зиму, не трепещетъ мое сердце.

3) Стану-ли ѣсть: съ другими дѣтьми отцы говорятъ, посмотрю на свое дитя, и не трепещетъ мое сердце.

4) Ночью пойду въ опочивальню и взгляну на ложе; и какъ увижу я ложе, не трепещетъ сердце и кровь приливаетъ!

5) Не цвѣтетъ древо безъ листьевъ, сохнетъ тѣло мое какъ то древо!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
Отъ издателя	I
НА ЦЕЙЛОНЪ:	
I. Отъ Галле до Гамбаноты.	1
II. Коломбо и буддiйскiе монахи.	35
III. Журунегала и серебряный монастырь.	63
IV. Анурадхапура и окрестности.	79
V. Канди.	138
VI. Поѣздка въ Алуть-Нувару и цейлонскiе черты.	158
Очерки Инди:	
I. Въ Бихарѣ.	187
II. Непаль	231

Изданія Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

(Невскій пр., д. № 30, кв. № 7.)

НЕДАВНО ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Ф. Ф. Эрисманъ. Общедоступная гигиена. Цѣна
1 р. 75 к.

Тоже на веленовой бумагѣ. 2 р.

Общедоступный Космосъ: Роско. Изъ чего составлена
земля. Локаерьъ. Почему таковъ составъ земли. Уиль-
ямсонъ. Послѣдовательность жизни на землѣ; съ 50
рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

Фостеръ. Начальный Практическій Курсъ Физиологii, пер.
С. В. Пантелѣвой. Цѣна 1 р. 50 к.

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ

ЦЕЙЛОНА И ИНДИИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна за двѣ части 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1878.

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ

ЦЕЙЛОНА И ИНДИИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1878.

ОЧЕРКИ ИНДИИ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

III.

Въ Камаонѣ: Алмора и алморскіе пѣвцы.

1.

Въ концѣ мая жара въ Бенаресѣ становилась невыносимою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ни на минуту, ни днемъ, ни ночью, ни въ комнатѣ, ни на дворѣ нельзя было отыскать прохлады. Среди дня, выходить изъ дому не было никакой возможности; солнце палило и ослѣпляло своимъ блескомъ; отъ стѣнъ, отъ блага песку несло жаромъ; отъ отражающихся лучей становилось больно глазамъ. Вѣтеръ душилъ, обдавая облакомъ пыли. Даже утромъ, въ половинѣ шестого или въ шесть часовъ становилось жарко и душно; недолгая прогулка утомляла и расслабляла. Ни зонтикъ, ни индійскій шлемъ, ничто не спасало отъ вліянія лучей индійскаго солнца; изъ всѣхъ поръ точился потъ; и послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мокрое платье липло къ разгоряченному тѣлу, тѣмъ самымъ связывая движеніе и вызывая во всемъ существѣ какое-то очень неприятное чувство не-по-себѣ. Черезъ двѣ-три мили утомленіе брало верхъ надъ любопытствомъ; на диковинки, на разнovidные курьезы начинаешь тупо и безучастно смотрѣть; позываетъ къ себѣ, въ полутемный покой, гдѣ подъ вліяніемъ панка возможно было найти

временный отдыхъ. До тѣхъ поръ, пока панка двигался, въ районѣ его вѣянія дышалось легко; но, лишь задремлетъ рабочий, погоняющій зефиръ, и панка остановится, мгновенно все тѣло, съ головы до ногъ, покрывалось обильною испариною; ночью, къ этому присоединялись мириады москитовъ. И откуда только они брались! Не успѣетъ панка остановиться, какъ они тутъ: жужжать и снуютъ, и кусаютъ и спать не даютъ. Но въ Индіи жара все-таки сноснѣе, нежели на Цейлонѣ: здѣсь всюду, во всѣхъ комнатахъ, водятся панка; всюду возможно отыскать чистую воду, а въ большихъ городахъ даже ледъ. Въ отеляхъ; въ Дакъ-бангаловъ (т. е. казенныхъ постоялыхъ дворахъ), при каждой комнатѣ есть купальни. На Цейлонѣ всѣ эти удобства не всегда доступны; путешественникъ большею частью принужденъ жить среди болѣе первобытныхъ условій; не только ледъ, но и чистая вода тамъ рѣдкость; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ центрѣ острова, и грязной воды не обильно. Въ Коломбо, въ лучшемъ отелѣ, на сотни живущихъ тамъ всего двѣ-три купальни; расположены онѣ въ дальнемъ разстояніи отъ комнатъ и за всякое купанье взимается шиллингъ, т. е. 35 копѣекъ.

Несмотря, однакоже, на обиліе воды въ даровой купальнѣ, на ледъ, на вѣяніе панка, въ Бенаресѣ было все-таки душно и несносно, и такъ каждый день, отъ полуночи до полуночи: казалось, что живешь въ постоянной банѣ. Трудно вообразить себѣ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развивалась лѣнь, подъ влияніемъ этой температуры: среди дня являлась возможность заснуть за книгой, полной новизны и интереса. Сонъ въ неурочный часъ не только не освѣжалъ, но еще болѣе располагалъ къ ничего-недѣланію; заставить себя написать нѣсколько строкъ стоило не малыхъ усилий. Туземцы чувствовали себя отлично въ эту погоду и предрекали, что въ іюнѣ будетъ потеплѣе. Я рѣшился ѣхать на

сѣверъ, въ Гималаи, не дожидаясь іюня, и въ концѣ мая, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный, день бѣжалъ изъ священнаго града; утро, какъ-бы на зло, въ тотъ день было сравнительно съ прежними прохладно. Накрапывалъ небольшой дождь и не было вѣтра. Въ вагонѣ былъ панка, и какъ только поѣздъ двинулся по направленію къ Лакноу, явился рабочій двигать панка; при закрытыхъ окнахъ и вѣяніи панка внутри вагона не только было сносно, но даже пріятно послѣ бенаресской жары.

Къ сожалѣнію, все это продолжалось не долго; въ девять часовъ жаръ сталъ чувствителенъ; поднялся вѣтеръ, и столбы дыма, пыли врывались въ вагонъ, чрезъ жалюзи. Отъ панка не было никакой прохлады, искусственный зефиръ обдавалъ путешественника горячимъ пескомъ и ѣдкимъ дымомъ. Поѣздъ двигался довольно быстро, но съ безпрестанными, продолжительными остановками; и такъ какъ въ это время года мало кто изъ европейцевъ ѣздитъ, то на всемъ пути отъ Бенареса до Лакноу нельзя было достать никакой ѣды. Кое-гдѣ, на станціяхъ чуть не совершенно нагіе мальчишки продавали полугнилые бананы, и необыкновенно великіе и аппетитные арбузы. Англичанинъ, житель Индіи, знаетъ какъ путешествовать по Индіи; на буфеты онъ не рассчитываетъ, а беретъ съ собою всякаго рода продовольствія и даже постель и подушки; ѣдетъ за нѣсколько миль съ своимъ домкомъ и двумя-тремя слугами разныхъ исповѣданій. Одного слугу,—мусульманина, англичанинъ беретъ за обѣдомъ служить, такъ какъ ни одинъ индійецъ не согласится подать ѣду европейцу или присутствовать за его обѣдомъ. То и другое оскверняетъ индійца и лишаетъ его касты. Другого—индійца, онъ беретъ въ должности valet; и, конечно, чѣмъ важнѣ англичанинъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; двое, трое слугъ всего чаще сопровождаютъ путешествующаго здѣсь англичанина. Слуги здѣсь, въ сѣверной Индіи, рѣдко

говорить по-англійски, но всѣ понимаютъ ломанный и коверканный урду европейцевъ. Это не мало, и по всей вѣроятности достигается ими не безъ нѣкотораго труда и навыка, такъ какъ извѣстно, что англичане не мастера изъясняться на иностранныхъ языкахъ. Не имѣвъ всѣхъ этихъ удобствъ при себѣ: ни слугъ, ни запасовъ, и проголодавъ въ продолженіи двѣнадцати часовъ, я былъ очень радъ, когда наконецъ мы добрались поздно вечеромъ до Лакноу; нашъ поѣздъ опоздалъ нѣсколькими часами по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Лакноу, какъ большинство городовъ Индіи, если безусловно вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, существуетъ тысячи лѣтъ. Говорятъ, что городъ былъ выстроенъ Лакшманомъ, братомъ Рамы (воспѣтаго въ Рамаянѣ); увѣряютъ, что городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестьдесятъ тысячъ мудрецовъ подвизались въ лѣсу Наймиши. Вѣрно однакоже одно, съ 1775 года Лакноу стала столицею Ауда и всѣ наиболѣе замѣчательныя зданія города воздвигнуты были послѣ того. Въ настоящее время (и вѣроятно также было и прежде) городъ представляетъ странную смѣсь нищеты, грязи и тяжелой, безобразной роскоши. Городъ дворцовъ, мечетей, индусскихъ храмовъ, мавзолеевъ, величественныхъ воротъ, и въ то же время съ узенькими улицами, плохо вымощенными и грязными; въ срединѣ города попадаются полуразвалившіеся заборы, на бокъ покачнувшіяся хижины, крытыя соломой; европейская часть города т. е. *cantonments*, представляетъ, какъ и по всюду въ Индіи, разительный контрастъ съ туземнымъ городомъ: всюду широкія улицы, обиліе зелени, просторъ и чистота. Аудъ былъ присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ въ 1856; послѣдній аудскій король до сихъ поръ живетъ около Калькутты. Его громадныя дворцы, съ пространными садами, бросаются въ глаза при приближеніи къ Калькуттѣ; здѣсь падшій король проживаетъ ежегодно свои двѣнадцать лаковъ (т. е. сто

двадцать тысячъ фунтовъ), никогда не сводя концы съ концами и постоянно должая. Домены теперешняго ех-короля Ауда расположены на берегу Хугли; онѣ обнесены стѣною и этотъ маленькій городокъ поражаетъ путешественника своею чистотою и безобразною роскошью.

Не много нужно проникательности, чтобы понять, почему надшему величію не хватаетъ десяти тысячъ фунтовъ въ мѣсяць, и ех-король постоянно въ долгу. За этими стѣнами у него шесть тысячъ вѣрно - подданныхъ, готовыхъ постоять за него, но къ сожалѣнію только пятьдесятъ человекъ изъ нихъ вооружены. Его окружаетъ такой же многочисленный и раболѣпный дворъ, какъ въ старыя годы въ Аудѣ. Число его женъ достигаетъ до полутораэта, изъ нихъ двѣ жены считаются царицами; другія суть поставщицы дѣтей. Дѣтей у ех-короля пятьдесятъ шесть человекъ: тридцать одинъ сынъ и двадцать пять дочерей.

За этими стѣнами находится нѣсколько дворцовъ, въ которыхъ попеременно проживаетъ ех-король, а кругомъ дворцовъ въ садахъ расположенъ звѣринецъ несомнѣнно самый громадный во всемъ мірѣ. Въ немъ насчитываютъ болѣе двадцати тысячъ птицъ, звѣрей и змій. Въ центрѣ звѣринца находится обширный прудъ въ 300 ф. длины и 240 ф. ширины; здѣсь живутъ разнообразнѣйшія рыбы. Холмъ тридцати футовъ въ вышину, изрытый норами и ходами, служитъ мѣсто-пребываніемъ для разнообразныхъ и многочисленныхъ змійныхъ породъ. Болѣе опасныя зміи, напр. *cobra* содержатся отдѣльно отсюда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ех-король выписалъ откуда-то тысячи различныхъ змій, но къ великому его огорченію, партія змій не достигла его звѣринца, а была перехвачена по приказанію британскаго правительства.

Ех-король рисуетъ и пишетъ стихи; пѣсни имъ сочиненныя распѣваются на всѣхъ *начатъ* по всей Индіи. Онъ со-

держитъ на свой счетъ танцовщицъ, пѣвицъ, музыкантовъ. Его садами завѣдываютъ болѣе трехъ-сотъ садовниковъ. На одинъ кормъ его звѣрнца истрачивается въ мѣсяцъ болѣе пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ, и никто не можетъ вычислить даже съ приблизительною точностью, что стоитъ содержаніе всѣхъ его дамъ.

Присоединеніе Ауда, какъ извѣстно, считается одною изъ главныхъ причинъ послѣдняго возстанія (1857), и осада Лакноу до сихъ поръ свѣжо помнится старожилами. Худо жилось аудцамъ при собственныхъ царяхъ, но быть присоединенными къ владѣніямъ остъ-индской компаніи имъ также не хотѣлось. По свидѣтельству правдивыхъ наблюдателей, народъ, когда ему говорили о присоединеніи къ владѣніямъ остъ-индской компаніи высказывали такъ: „мы несчастны, но да минуетъ насъ это большее изъ всѣхъ несчастій!“

Народъ, высшій и нисшій классы, не хотѣли присоединенія и какъ объясненіе своего нежеланія приводили одно: „тогда исчезнетъ самое имя Ауда, и мы перестанемъ существовать какъ отдѣльный народъ!“

Мнѣнія и нежеланія аудцевъ раздѣлялись многими въ Ауда. Аудская династія не была древнимъ царскимъ родомъ, но индусы вѣрили, что лакноускіе цари возсѣдаютъ на тронѣ самого Рама.

Эта вѣра въ древность столицы Ауда окружала въ ихъ глазахъ особымъ поэтическимъ ореоломъ лакноускіе дворцы и сады. Но купцы и торгоши въ Leadenhall street Рамааны не читали и такъ же какъ ихъ „великій проконсулъ“ въ Калькуттѣ были людьми не застѣнчивыми и не сентиментальными. Присоединеніе Ауда было выгодно, и въ февралѣ 1856 г. Лордъ Дальхаузи объявилъ, что королевство Аудъ не существуетъ болѣе: низложенъ былъ король и унижено его воинственное феодальное дворянство. Весь Аудъ былъ противъ

англичанъ и неудовольствіе также распространилось далеко за предѣлами присоединенной страны. Англичане замѣчали это тогда же, но не зная народа, они не могли рассчитать до какихъ ужасныхъ размѣровъ доростетъ народное негодованіе. Бунтъ засталъ англичанъ неприготовленными; они дорого поплатились за свое незнаніе народа, но, нужно отдать имъ справедливость, мужественно отстаили свои права. Въ Лакноу разыгрался одинъ изъ геройскихъ эпизодовъ этой кровавой драмы. Здѣсь, въ такъ-называемой резиденціи (т. е. въ домѣ, гдѣ жилъ британскій резидентъ, до присоединенія Ауда) около тысячи англичанъ, солдатъ и женщинъ выдержали тяжелую осаду съ 30-го мая 1857 по 22-е ноября того же года. „The Residency“ самое любопытное мѣсто въ Лакноу: домъ былъ выстроенъ въ 1800 г., стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи и окруженъ большимъ садомъ, въ которомъ нѣсколько меньшихъ зданій; теперь зданія въ полуразвалившемся состояніи; вполнѣ сохранилось подземелье, въ которомъ прятались жены и дѣти осажденныхъ, да садъ, кругомъ зданій, поддерживается съ большимъ тщаніемъ.

Кромѣ резиденціи, въ Лакноу, городѣ мусульманскомъ, есть нѣсколько другихъ примѣчательныхъ зданій: Имамбара, бывшая мечеть, а теперь мѣсто склада для пушекъ, ружей и т. д.; Кайзеръ-Багъ, дворецъ, выстроенный послѣднимъ королемъ, а нынѣ занимаемый англійскими солдатами и ихъ женами, множество другихъ дворцовъ и зданій съ громкими именами: „домъ солнца“ „радость сердца“ и т. д. Древнихъ зданій въ городѣ нѣтъ; стиль всѣхъ почти построекъ полуитальянскій съ примѣсью восточной тяжелой роскоши. Древнѣйшимъ образцомъ итальянской архитектуры здѣсь считается домъ, выстроенный французскимъ генераломъ Клодъ-Мартеномъ (Claude-Martin), и въ которомъ теперь помѣщается La Martinière College. Населеніе города (295 т.)

главнымъ образомъ мусульманское, и какъ мнѣ привелось услышать на мѣстѣ, не считается англичанами „*лояльнымъ*“: это не значитъ однакоже, чтобы лакноуцы подумывали о новомъ бунтѣ. Послѣ 1857 англичане стали гораздо предусмотрительнѣе и врядъ ли дадутъ себя захватить врасплохъ.

Я провелъ въ Лакноу нѣсколько дней; послѣ Бенареса, лакноуская жара казалась сносною. Безъ панка и здѣсь нельзя было жить, но по утрамъ бывало прохладно и около шести часовъ вечера жаръ значительно спадалъ.—Отъ Лакноу до Барелли продолжается та же линія желѣзной дороги (*Oude and Rohilkund*) и тѣ же порядки: безпрестанныя и продолжительныя остановки, станціи съ буфетами и безъ всякой ѣды. Въ Барелли желѣзная дорога кончается; далѣе, съ Ранибагомъ, у подошвы горъ, сообщеніе производится посредствомъ *Horse dak*. Отъ Барелли до Ранибага считается семьдесятъ-пять миль; за тридцать рупи (т. е. три фунта) путешественнику дается индійская карета и пара лошадей (мѣняющіяся чрезъ каждыя пять-шесть миль). Индійская карета (гари) наружно мало чѣмъ отличается отъ европейской; но въ гари можно только лежать, а не сидѣть, что въ дорогѣ большое удобство. Ранибагъ въ гидахъ обозначается „*at the foot of the hills*“; на самомъ дѣлѣ нужно пройти около трехъ миль, и затѣмъ начинается подъемъ въ гору, къ Найни-Талу. Дорога не представляетъ ничего любопытнаго, но сама по себѣ замѣчательно хороша; гладкое широкое шоссе ведетъ вплоть до Найни-Тала (10 миль).

Найни-Таль—небольшой городъ на высотѣ семи тысячъ футовъ, и его озеро, какъ круглое зеркало, положенное среди высокихъ горъ, грандіозно-красиво. Всюду по горамъ густая зелень, изъ-за которой выглядываютъ бѣлыя стѣны домовъ и домиковъ, разбросанныхъ по склонамъ. Къ каждому дому вьется подъ густою тѣнью дорожка, прекрасно вымощенная;

широкое шоссе огибаетъ все озеро. Климатъ на такой высотѣ совершенно какъ въ южной Европѣ; жары нѣтъ даже въ полдень; панка, зонтикъ, шлемъ здѣсь не нужны; здѣсь бродить можно цѣлый день, не уставая и не въ потѣ лица. Вечеромъ, когда солнце начинаетъ заходить, на озеро, на ярко освѣщенныя вершины горы съ ихъ вѣковыми деревьями нельзя достаточно налюбоваться. Предъ глазами—одна изъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя такъ глубоко вліяли на развитіе индійскаго религіознаго міросозерцанія; живы среди такой природы, первобытный индѣецъ, не разгадывая ея тайнъ, но глубоко чуя ея красоты, сталъ обожать гималайскія рѣки и озера. Въ этотъ часъ по озеру снуютъ лодки; изъ всѣхъ домиковъ показываются носилки (седаны, жампаны) съ дамами. Найни-Таль, какъ всѣ такъ-называемыя hill-stations въ Индіи, мѣсто модное, начиная съ апрѣля до конца октября; на это время сюда пріѣзжаетъ губернаторъ сѣверо-западной провинціи, его штатъ,—всякій, кому посчастливилось получить отпускъ; множество военныхъ живутъ здѣсь въ это время. Вечеромъ, начиная съ пяти и до обѣда, словомъ—въ модные часы, шоссе около озера превращается въ Роттенъ-роу Гайдъ-парка. Такъ какъ въ экипажахъ здѣсь ѣздить нельзя, то дамы разносятся кругомъ озера въ седаннахъ, жампанахъ, т. е. въ носилкахъ; толпы туземной прислуги окружаютъ каждый жампанъ; это восточное заимствование западнымъ человѣкомъ сначала, съ непривычки, кажется очень страннымъ. Около иного жампана, въ которомъ сидитъ щедущая англичанка, человѣкъ двадцать носильщиковъ; при этомъ иногда случается, что супругъ по болѣзни или старости не можетъ ѣздить верхомъ и сопровождаетъ супругу въ другомъ жампанѣ, съ такимъ же числомъ прислуги. Во все продолженіе сезона удовольствія не прекращаются; главнымъ образомъ крикѣтъ и бадмингтонъ зани-

мають публику; объ отличившихся въ этихъ играхъ да о boat-race говорится неустанно, и почти-что ежедневно пишется въ газетахъ; но, кромѣ того, въ сезонъ здѣсь бывають любительскія драматическія представленія, балы, концерты и т. д. Здѣсь есть также библіотека, очень изрядная по количеству томовъ; странно однакоже, что большинство книгъ не относится до Индіи, и число выписываемыхъ индійскихъ газетъ въ сравненіи съ лондонскими ничтожно. Послѣднее отчасти понятно: большинству индійскія газеты нужны для того, чтобы слѣдить за производствами, переимѣненіемъ официальныхъ лицъ, и т. д.; для такой цѣли, конечно, достаточно одной, много двухъ газетъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Найни-Таль, Симла и т. п., всего труднѣе видѣть настоящую, туземную Индію; колонія сагибовъ, пріѣзжающихъ сюда, старается по возможности забыть на время объ Индіи и окружить себя, насколько силъ хватаетъ, европейской обстановкой; мѣстный характеръ склада жизни, конечно, вполне не исчезаетъ, и бросается въ глаза челоуѣку непривычному къ мѣстнымъ порядкамъ; но весь складъ англо-индійской жизни такъ мало интересенъ, что жить въ Найни-Таль для изученія этого было бы по меньшей мѣрѣ скучнымъ дѣломъ; къ тому же, дождливое время должно было скоро наступить, а потому, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, я пустился далѣе къ сѣверу, въ Алмору. Отъ Найни-Тала до Алмору считается по кратчайшей дорогѣ двадцатьдевятъ миль; дорога на всемъ протяженіи отличная, но такъ какъ она частью вьется въ гору, и къ тому же багажъ, а иногда и путешующій вынужденъ передвигаться на плечахъ носильщиковъ, то переѣздъ изъ Найни-Тала до Алмору занимаетъ около двухъ дней. На поль-пути, въ Кернѣ, выстроенъ просторный Даку-бангалюу. Первая половина пути до Керна самая легкая и приятная, какъ только переберешься чрезъ горы, стѣною окружающія

Найни-Тальское озеро, во всю дорогу двигаешься подъ гору; до Керна то же обиліе зелени и тѣни, что и въ Найни-Талѣ: горы покрыты густымъ лѣсомъ; характеръ мѣстности вдоль рѣки Коси напоминаетъ долину рѣки Рапути. въ Непалѣ. Въ Кернѣ, въ продолженіи шести миль, тоже роскошная обстановка; идешь вдоль шумливой рѣки (Коси) подъ тѣнистымъ сводомъ; по склону горъ. у самой дороги кое-гдѣ цвѣтутъ рододендроны, попадаются дубы, а у самой вершины виднѣется ель. Послѣ шестой мили дорога поворачиваетъ на востокъ; лѣсъ исчезаетъ; скудная трава и по временамъ совершенно обнаженные склоны горъ длятся во всю дорогу, вплоть до Алморя. Шоссе продолжается, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно такъ узко, что двѣ лошади съ трудомъ могутъ разойтись. Мѣстность, кругомъ, не густо населенная, кое-гдѣ виднѣются одиночные домики, и, кромѣ носильщиковъ съ чаемъ, никто по дорогѣ не встрѣчается.

Алмора, главный городъ провинціи Камаонъ, расположенъ на высотѣ 5340 ф. Городъ выстроенъ на вершинѣ крыжа, направляющагося отъ востока къ западу, и базаръ, главная улица города, растянута на цѣлую милю. Городъ населенъ исключительно туземцами; дома европейцевъ, всѣ безъ исключенія, внѣ города, и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ ближайшей окрестности по склонамъ горъ. Городъ не красивъ; но съ вершинъ нѣкоторыхъ ближайшихъ горъ открывается широкой видъ; вся страна кругомъ представляется перерѣзанною различными крыжами, безъ широкихъ долинъ; крыжи, взаимно другъ друга пересѣкая, вьются въ разныхъ направленіяхъ. Къ сѣверо-западу, въ ясное утро, послѣ дождя, обрисовываются отдаленныя снѣжныя вершины. Всѣ ближайшія горы, насколько онѣ видны изъ города, безъ лѣса, но въ обиліи покрыты травою; по склонамъ множество домовъ, туземныхъ и европейскихъ; какъ тѣ, такъ и другіе исключи-

тельно каменные и крыты каменными плитами; архитектура туземныхъ домовъ имѣетъ отдаленное сходство съ непальскою; но въ рѣдкихъ туземныхъ домахъ, кое-гдѣ, попадаетъ рѣзба, довольно грубая. Ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ нѣтъ ни замѣчательныхъ храмовъ или другихъ какихъ-либо зданій; нѣтъ также какихъ-либо памятниковъ глубокой древности; исторія Камаона извѣстна въ обрывкахъ, и начинается очень поздно (XII в.). У здѣшнихъ брахмановъ попадаются списки древнихъ царей, списки брахманскихъ семей, съ обозначеніемъ, кто откуда пришелъ и какими землями владѣлъ. Изъ этихъ немногочисленныхъ данныхъ можно вывести одно заключеніе: арійская колонизація этихъ гималайскихъ странъ шла съ юга, частью изъ Ражпутаны; Камаонъ, также какъ Гарвалъ, повидимому, никогда не принадлежалъ одной династии, а былъ раздѣленъ между множествомъ мелкихъ владѣтелей; каждый такой ража владѣлъ своимъ клочкомъ земли, жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ, разбойничалъ и воевалъ съ сосѣдями. Такъ продолжалось до конца прошлаго столѣтія (1790) или до завоеванія Камаона непальцами. Непальцы владѣли Камаономъ до 1816, и до этого года Камаонъ былъ совершенно неизвѣстенъ; въ Алмору англичанъ не пускали, здѣшній фортъ считался непальцами непокоримою твердынею. Въ 1815 г. между англичанами и Непаломъ возникли недоразумѣнія; переговоры не уладили затрудненій, а повели къ войнѣ. Непальцы дрались храбро, и въ началѣ кампаніи всюду били англичанъ, совершенно незнавшихъ горной страны, въ которой имъ пришлось дѣйствовать. Въ концѣ-концовъ, однакоже, умѣнье и искусство взяли верхъ надъ храбростью; непальцы были побѣждены и изгнаны изъ Камаона. Камаонъ вмѣстѣ съ Гарваломъ были присоединены къ британскимъ владѣніямъ; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, исчезла всякая тѣнь камаонской самостоятельности; алморскій ража

былъ низложенъ и зажилъ какъ частный человѣкъ, получал пенсію отъ остъ-индской компаніи. Его внукъ до сихъ поръ живетъ въ Алморѣ; больной, развращенный и совершенный невѣжда, Бхимъ-Сенъ не имѣетъ никакого значенія и нисколько не опасенъ англичанамъ. Даже въ послѣднее возстаніе камаонцы остались вѣрными англичанамъ, и теперь никто изъ нихъ не думаетъ о возстановленіи старой, туземной династіи. Представитель этой династіи не богатъ и народъ почитаетъ его за полусумасшедшаго. Его бывшіе вѣрно-подданные не оказываютъ ему даже наружнаго почтенія: при встрѣчѣ съ нимъ алморцы не кланяются такъ низко и подобострастно, какъ англійскому барасагибу (великому господину). Словомъ, Камаонъ можетъ считаться вѣрною провинціею британской короны и провинціею очень важною; здѣсь множество чайныхъ плантацій, и сѣверные предѣлы провинціи касаются Тибета. Изъ Камаона въ Тибетъ чрезъ Гималаи ведутъ нѣсколько проходовъ, хотя быть можетъ и не самыхъ удобныхъ или выгодныхъ для торговаго пути. Въ Тибетъ въ настоящее время европейцу ходу нѣтъ; но что такой порядокъ не будетъ продолжителенъ, есть основаніе предполагать. Въ 1873 г. нѣсколько туземцевъ-топографовъ, по порученію англійскаго правительства, проникли до Тенгринора и частью обошли это озеро. Сотни спортсменовъ англичанъ ежегодно подходятъ къ самымъ границамъ Тибета, иногда иной предприимчивый охотникъ добирается и до Манасаровара. Объ этихъ поѣздкахъ въ печати ничего неизвѣстно, онѣ затѣваются обыкновенно съ увеселительною цѣлью; отъ наблюденій большинства этихъ путешественниковъ наука не можетъ ожидать какихъ-либо новыхъ фактовъ; затѣваются эти поѣздки болѣею частью лицами военной профессіи; объ успѣхѣ какихъ бы то ни было знаній путешественники не заботятся; ихъ цѣль при-

итно провести свободное время, отдохнуть отъ жары индустанскихъ равнинъ; они поспыряютъ въ Гималаяхъ, пострѣляютъ, и послѣ временной отлучки вернутся опять къ своему посту, къ отправленію своихъ обычныхъ занятій. Сумма свѣдѣній, приобретаемыхъ въ эти поѣздки, не велика; но такъ какъ этими свѣдѣніями обладаетъ не одинъ и не два человека, а десятки и сотни, то практическое значеніе ихъ неоспоримо; такимъ образомъ, нельзя отрицать, что въ Англіи новое предпріятіе или новая идея объ открытіи новыхъ путей въ сердце Азіи, или объ открытіи новыхъ рынковъ застаютъ публику интересующуюся и отчасти подготовленную къ оцѣнкѣ всего этого. Значеніе англичанъ въ Азіи растетъ съ каждымъ годомъ, хотя сами англичане отрицаютъ это и въ газетахъ толкуютъ о противномъ, о какихъ-то проискахъ и контрминахъ Россіи. Но неопровержимые факты разъясняютъ всего лучше настоящее положеніе предпріимчивой націи въ Азіи. До 1870 года въ Капгарѣ не бывало англійскихъ торговыхъ людей. На послѣдней Капгарской выставкѣ (въ 1875) въ Калькуттѣ, устроенной по возвращеніи изъ Кашгара сэра Д. Форсайта, большинство кашгарскихъ вещей, матерій, было русскаго издѣлья. Теперь въ Капгарѣ на время англійскій резидентъ, и неизвѣстно, послѣ новаго трактата съ Англіей, въ будущемъ русскіе товары найдутъ ли въ Кашгарѣ такой же сбытъ. Поговариваютъ, что и въ Кабуль скоро будетъ назначенъ англійскій резидентъ. Недоразумѣнія съ Бирмою покончены и открытію пути въ Юнань, чрезъ Бирму и Бамо, бирманскій король врядъ-ли посмѣетъ теперь противиться. Непаль и Тибетъ пока закрыты; индійскій чай до сихъ поръ не ввозился въ Тибетъ, гдѣ, какъ извѣстно, потребление чая громадное. Новый переворотъ въ Непалѣ, который всѣми, кто знаетъ хорошо положеніе дѣлъ тамъ, признается неминуемымъ, откроетъ англичанамъ весь Непаль, а съ этимъ

вмѣстѣ тѣсно связано и открытіе Тибета. Каково будетъ ихъ торговое значеніе въ Азіи послѣ того—не требуетъ никакихъ разъясненій. Но англичане, ревниво слѣдящіе за успѣхами Россіи въ Средней Азіи, въ душѣ убѣждены, что вся азіатская торговля должна быть въ ихъ рукахъ; они не хотятъ и не желаютъ понять, что другіе народы въ свою очередь могутъ сомнѣваться въ справедливости такихъ притязаній. Отсюда ропотъ и крики противъ всякаго кажущагося посягательства на англійскую прерогативу—всюду проникать, всюду заводить факторіи и т. д. Въ Индіи едва ли кто серьезно боится или серьезно вѣрить въ возможность проникновенія сюда русскаго войска: даже образованные туземцы подготовлены англійскою прессою смотрѣть на Россію враждебно. Россіи здѣсь, какъ и всюду, не знаютъ, и самый дикій слухъ, самое невѣроятное описаніе русскихъ порядковъ и людей считается за истину. Англичане очень хорошо знаютъ, что послѣ нихъ европейское господство здѣсь едва ли возможно, хотя-бы на короткое время; они знаютъ, или по крайней мѣрѣ толкуютъ о томъ, что ихъ владычество здѣсь, несмотря на то, что они сильнѣе въ Индіи, нежели всѣ прежніе завоеватели, далеко не прочно. Народъ ихъ не любитъ и не понимаетъ. *Nigger's* (такъ бѣлый британецъ зоветъ чернаго индійца) англичане сильно не любятъ и мало знаютъ. Но, нелюбимые народомъ, мало знающіе его, англичане въ Индіи все-таки сильны; они сильны здѣсь не потому, чтобы опирались на массы войска; несильны они и народною любовью. Индійецъ не выноситъ иноземнаго господства. Онъ кое-какъ ладилъ съ мусульманами, и терпѣлъ ихъ, потому что побѣдители смѣшивались съ побѣжденными; развитіе магометанства въ Индіи и порожденіе такого страннаго языка, какъ „урду“, доказываютъ неопровержимо, что между мусульманами-побѣдителями и индусами-побѣжденными была

возможна амальгамація, и при всемъ томъ это владычество не было мирное и никогда не охватывало всей Индіи. Сліяніе европейскихъ завоевателей-англичанъ съ индусами немислимо; pigger молчитъ, но владычество христіанъ онъ ненавидитъ сильнѣе, нежели мусульманскихъ деспотовъ. Англичане сильны здѣсь, конечно, до поры до времени, своею упорною энергією; сильны тѣмъ, что важность Индіи для Англій отлично сознается не одними оффиціальными лицами, а всѣми : нгличанами вообщѣ; англійское вліяніе въ сильной мѣрѣ распространяется частною предприимчивостію, безъ всякаго содѣйствія правительственной инициативы. И при всемъ томъ англичане въ Индіи не пустили глубокихъ корней; они здѣсь какъ-бы наносный элементъ. Много добра они сдѣлали Индіи, и, нужно надѣяться, успѣютъ сдѣлать еще болѣе; но здѣсь нѣтъ колонистовъ, здѣсь нѣтъ осѣдлыхъ англичанъ, третье поколѣніе англичанъ въ Индіи — рѣдкость. Совершенно отчужденное отъ туземцевъ, англійское общество здѣсь передвижное; нужда, исканіе наживы пригоняетъ сюда англичанина, и какъ только онъ нажился, онъ уходитъ домой.

2.

Въ Алморѣ я пожилъ нѣкоторое время; здѣсь нашлось дѣло и много любопытнаго для наблюденія. Въ Найни-Талѣ многое напоминаетъ Европу, нашу дачную жизнь или жизнь на германскихъ водахъ; въ Алморѣ, въ тридцати миляхъ оттуда, глушь и вмѣстѣ съ этимъ все разнообразіе диковинокъ индійскаго захолустья. Здѣсь живутъ многіе англійскіе чиновники съ ихъ семьями, стоитъ полкъ горкинцевъ, есть и миссіонерскія школа и библіотека, но большинство тузем-

цевъ осталось не тронутымъ европейскою цивилизаціею; близкое сосѣдство съ европейскою колоніею не повліяло глубоко даже на тѣхъ камаонцевъ, которые прошли чрезъ миссіонерскую школу; въ школѣ около сотни мальчиковъ, и едвали одинъ христіанинъ. Какъ всѣ горцы, камаонцы народъ сுவѣрный и поэтической. Ихъ устная литература необыкновенно богата и разнообразна; кромѣ сказокъ фантастическаго содержания и историческихъ пѣсней, здѣшній народъ выработалъ для лирической поэзіи нѣсколько совершенно оригинальныхъ формъ. Изъ всей этой массы народнаго творчества, пѣсни про старину наиболѣе любопытны; множество такихъ пѣсней знаютъ мѣстные мелкіе землевладѣльцы (земиндары). Во дни независимости Камаона, каждый ража; сильный и менѣе значительный, имѣлъ своего пѣвца, *бхати*. Бхатъ пѣвалъ царямъ или про ихъ дѣдовъ, или вычислялъ ихъ предковъ; онъ былъ необходимымъ членомъ всякаго пиршества, всюду слѣдовалъ за царемъ, возвѣщая народу, какъ силенъ его господинъ и какъ славны предки владыки. Въ старинныхъ пѣсняхъ, древній бхатъ обыкновенно рисуется такъ: „перекинулъ онъ черезъ плечо дорогой платъ, въ руки взялъ остроконечный посохъ и запѣлъ про славу царскаго рода!“ Теперь ражи обѣднѣли, потеряли всякую независимость, и вмѣстѣ съ этимъ профессія пѣвца стала неприбыльна. Бхатовъ здѣсь, въ настоящее время, немного, и почти всѣ они изъ низкой касты, *думъ*. Происхожденіе этой касты очень загадочно. Думы всѣ пѣвцы и барабанщики, во всѣхъ религіозныхъ процессіяхъ они бьютъ въ барабаны и распѣваютъ нѣкоторые гимны. Наружно они отличаются отъ остальныхъ жителей Камаона: ихъ цвѣтъ лица гораздо темнѣе и волосы курчавы. До прихода англичанъ сюда, думы были рабами, и происхожденія этого рабства ни бывшіе рабы, ни ихъ бывшіе владѣтели не умѣютъ объяснить. Весьма возможно, что думы—остатки пер-

воначальнаго населенія этой части Гималаевъ, порабощеннаго арійскими пришельцами изъ равнинъ. Память въ началѣ этого порабощенія совершенно исчезла. Думы говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и остальные камаонцы, но это можетъ служить доказательствомъ только того, что арійское господство здѣсь очень древне и что языкъ думовъ вымеръ тѣмъ же процессомъ, какимъ вымираютъ въ настоящее время въ Гималаяхъ другіе не арійскіе языки, съ начала переполняясь чуждыми арійскими словами, но удерживая при этомъ свою грамматику, и наконецъ уподобляя свою грамматику арійской. Каждая такая ступень вымиранія можетъ быть пояснена примѣрами. Религія думовъ та же, что и у остальныхъ камаонцевъ: индуизмъ и множество мѣстныхъ суевѣрій и чтимыхъ боговъ, которыхъ священныя индійскія книги не знаютъ. Трудно сказать, откуда все это взялось, и насколько это нужно считать слѣдствіемъ смѣшенія арійскаго и не арійскаго населенія. Одного изъ такихъ думовъ-пѣвцовъ мнѣ случилось часто видѣть въ Алморѣ: своимъ видомъ онъ не напоминалъ вѣщаго пѣвца. Онъ былъ малъ ростомъ. очень худъ и очень грязенъ, безъ дорогой шали чрезъ плечо и въ какихъ-то старыхъ отрепьяхъ. Грязное полотенце обвивало его голову и служило ему вмѣсто турбана. Онъ не былъ представителемъ, говорилъ сильно заикаясь, складъ рѣчи былъ восточный: почтительно-униженный. Въ этомъ отчасти сказывался придворный челоуѣкъ: пѣвецъ состоялъ на жалованьи у аскотскаго ражи; за пятнадцать рупи въ годъ (т. е. около 10 руб.) онъ обязанъ былъ пѣть въ правдники, передъ ражею. Жилъ онъ постоянно въ Аскотѣ (къ ю.-в. отъ Алмору), и въ Алмору явился искать суда на своего тестя. Изъ его несвязнаго разсказа можно было вывести, что тесть увелъ его жену и вмѣстѣ съ тѣмъ забралъ ея наряды; зять, т. е. пѣвецъ, пожаловался въ судъ, или кахчери, и выигралъ дѣло: жена верну-

лась къ нему, но безъ нарядовъ. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ новымъ распрямъ между тестемъ и зятемъ, семейный разладъ длился три года и судъ до сихъ поръ не рѣшилъ, кто правъ, кто виноватъ. Пѣвецъ утверждаетъ, что тесть отобралъ всѣ наряды, что были у жены, и сказалъ ему: „ступай, жалуйся въ качхери!“ Тестъ же показываетъ, что онъ не давалъ за дочерью никакихъ нарядовъ, а потому, конечно, и не могъ ничего отобрать, такъ какъ зять его бѣднѣе факира, а слѣдовательно не въ состояніи покупать нарядовъ женѣ. Дѣло пѣвца до сихъ поръ въ качхери, и не рѣшено, но онъ сильно и настойчиво хлопочеть, и грозитъ дойти до комисіонера, т. е. губернатора провинціи, и жалѣеть, что спора нельзя рѣшить по старинному, посредствомъ воззванія къ богу, Вира-Ветала. Богъ этотъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ какой-то черный камень на вершинѣ одного холма у деревни Сироли, близъ Алморя. Исторію бога и самого бога пѣвецъ зналъ отлично, такъ какъ служеніе черному камню составляло его наслѣдственное занятіе.

„Вира-Ветала богъ,—говорилъ онъ,—великій судья! Когда сагибъ Тилиаръ (т. е. Traill) былъ здѣсь комисіонеромъ, послалъ онъ разъ истца и отвѣтчика судиться туда къ богу, Вира-Веталу. Пришли они къ храму и стоятъ.

— Зачѣмъ пришли? спрашиваетъ ихъ богъ.

— Разсуди ты нашъ споръ! отвѣчаютъ оба вмѣстѣ.

Затрясся тутъ бѣснующій Калу-Силу, что богу служить и говорить:

— Если сагибъ Тилиаръ васъ прислалъ за рѣшеніемъ, то я, спросясь бога, дамъ рѣшеніе. Кто солжетъ, на того отмѣтку положу!

Разсказали они свой споръ, все какъ было.

Забили тогда въ барабаны. Пришелъ богъ. Трясса, трясса

Калу-Силу и зачалъ пить. Выпилъ онъ двадцать два горшка воды да горшекъ коровой урины.

И говоритъ онъ отвѣтчику:

— Ты лжешь!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не лгу!

— Смотри, говоритъ ему богъ, я тебя накажу!

А онъ отвѣчаетъ:

— Хорошо! пришелъ къ тебѣ судиться, такъ да будетъ твое рѣшеніе!“

И заболѣлъ у лжеца животъ. Потекла кровь и покрыла всю землю, кругомъ. Узналъ объ этомъ сагибъ Тилиаръ и наказалъ лжеца!

Тогда Богъ Вира-Ветала сталъ очень могущъ.

Тилиаръ былъ здѣсь коммисіонеромъ, вскорѣ послѣ присоединенія Камаона къ британскимъ владѣніямъ. Сомнительно, чтобы онъ посылалъ когонибудь судиться такимъ первобытнымъ способомъ, но былъ этотъ сагибъ очень популяренъ здѣсь. Жилъ онъ по старинному, какъ англійскіе чиновники живали въ Индіи во дни остъ-индской компаніи, со всею восточною роскошью и придерживаясь нѣкоторыхъ восточныхъ обычаевъ. Алморскіе старики увѣряютъ, что у него былъ гаремъ; одна изъ его подругъ до сихъ поръ жива и пребываетъ въ Алморѣ.

Богъ Вира-Ветала имѣетъ многочисленныхъ поклонниковъ здѣсь, къ нему прибѣгаютъ для рѣшенія затруднительныхъ споровъ. Обыкновенно богъ изрекаетъ свои рѣшенія, вселяясь въ тѣло какогонибудь изъ своихъ слугителей. Избранный начинаетъ трястись и громко вопить, иногда бессмыслицу, иногда какуюнибудь молитву. Пѣвецъ утверждалъ, что разъ богъ вселился въ него; случилось это въ дни какого-то

праздника. Наитіе нашло на него вдругъ, онъ сталъ трястись, прыгать, бить въ барабанъ и вопилъ:

Богъ чистой горы, подай мнѣ даръ!
Хо! хо! подай мнѣ даръ!
Милліоны боговъ! подайте мнѣ даръ!
Хо! хо! подайте мнѣ даръ!

Служеніе этому богу очень просто; ему приносятъ въ жертву козъ, въ извѣстные дни, по ночамъ. Жертвоприношеніе совершается при закрытыхъ дверяхъ, и постороннія лица, а тѣмъ болѣе европейцы, не допускаются. Тутъ читаются нѣкоторыя молитвы. Одну изъ молитвъ къ богу Вира-Ветала пѣвецъ сообщилъ мнѣ, послѣ нѣкотораго колебанія и не безъ содѣйствія презрѣннаго серебра. Эту молитву не читаютъ однакоже при ночныхъ жертвоприношеніяхъ; ее произноситъ тотъ, кто пришелъ почтить бога и принесъ ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ или какую нибудь їду; при этомъ онъ говоритъ:

„Чудотворецъ-царь! Міръ ты возвращаешь! Изъ суши зелень творишь! Изъ зелени сушь творишь! Пустошь наполняешь! Изобиліе въ пустошь обращаешь! Глину въ золото превращаешь. Изъ злата глину дѣлаешь! На землѣ живешь, и земли ты царь! Въ лѣсу живешь, и лѣса ты царь!“

Пѣть, бить въ барабанъ, всему этому бхатъ научился отъ отца или, вѣрнѣе, отъ отцовъ, ибо онъ помнилъ мать и говорилъ, что на ней были женаты два брата близнеца, т. е. его родители, одинъ дядя и другой отецъ, или оба дяди и оба отца. Пѣть, играть оба были, по его словамъ, великіе мастера; пѣсенъ, сказокъ знали болѣе нежели кто-либо въ настоящее время. До женитьбы на матери пѣвца, братья близнецы странствовали по свѣту; были въ Тибетѣ и въ такихъ странахъ, о которыхъ не упоминается ни въ одной европейской географіи: они были въ странѣ, гдѣ у жителей

такія длинныя уши, что на одномъ челоѣкъ спалъ, а другимъ покрывался, видѣли людей съ лошадиными и собачьими мордами. Родились близнецы чудеснымъ образомъ. О дѣдѣ и бабкѣ пѣвецъ разсказывалъ слѣдующее: девять разъ рожала его бабка, и ни одинъ ребенокъ не оставался въ живыхъ. Родила она въ десятый разъ, и на двадцать второмъ днѣ ребенокъ померъ. Сказала она тогда мужу: — „Не живутъ дѣти у того, кто чититъ бога Ветала. Положу мертвого ребенка въ храмъ бога.

Взяла подъ мышку мертвого ребенка и пошла. Стала она подходить къ храму и въ четырехъ-пяти шагахъ оттуда слышала голосъ.

— Читра! (имя бабки) меня ты хочешь осквернить! Не носи ко мнѣ мертвого ребенка! Дамъ тебѣ близнецовъ. Ступай домой, въ деревню; когда по дорогѣ, что за моимъ храмомъ, справа и слѣва выростетъ по дереву *devadaru* (*Pinus devadaru*), тогда родятся и твои близнецы! Ты сперва покروпи молокомъ тѣ два дерева, и затѣмъ корми своихъ близнецовъ. И заплачутъ тогда твои близнецы!“

На десятый мѣсяцъ родила Читра близнецовъ.

Оставила ребятъ дома и побѣжала къ тѣмъ деревьямъ. По дорогѣ сказалъ ей богъ Вира-Ветала:

— Слушай, Читра, покروпи своимъ молокомъ съ начала правое дерево, и станетъ оно твоимъ старшимъ сыномъ, затѣмъ покروпи лѣвое дерево, и будетъ оно твоимъ младшимъ сыномъ!

Читра такъ и сдѣлала: покропила своимъ молокомъ дерева и пришла домой. Правую грудь дала старшему сыну, лѣвую младшему.

Дѣдъ пѣвца былъ также барабанщикомъ при храмѣ бога Ветала. Какъ и внукъ, былъ онъ бѣднѣе факира, а потому

неожиданная милость бога, приращеніе семьи, заставила его задуматься. Но милости бога этимъ не покончились.

И вотъ, ночью видитъ онъ сонъ. Въ то время Камаономъ владѣлъ непальскій царь. Говориль дѣду богъ Ветала:

— Встань утромъ и иди къ рѣкѣ. Въ рѣкѣ найдешь вещицу!

Всталъ на утро дѣдъ, подумалъ о снѣ и пошелъ къ рѣкѣ. И случилось, что пришелъ въ тотъ день богатый горкинецъ въ рѣкѣ купаться. Снялъ онъ съ руки золотой перстень и уронилъ его въ рѣку. Вымылъ руки, лицо и ушелъ, забывъ о перстнѣ.

Дѣдъ все это видѣлъ. Нырнулъ въ рѣку, вытащилъ перстень и ушелъ къ себѣ. И была тому перстню цѣна шестьдесятъ рупи.

Таково было происхождение пѣвца и таковы обрывки его религіи. Пѣвалъ онъ про старое время не отлично, монотоннымъ речитативомъ подъ звуки маленькаго барабана; онъ рассказывалъ о томъ, какъ въ старинное время дрались цари, увозили красавицъ, пировали, были храбры и были богаты. Только эти черты старины сохранились въ народной памяти: войны царей и ихъ богатство. На вычисленіи этихъ богатствъ онъ любилъ останавливаться. Онъ при этомъ какъ будто воодушевлялся и, скромно опустивъ глаза, возвышалъ голосъ, и ускореннымъ речитативомъ перечислялъ что было у такогото царя.

„Было у него двѣнадцать дюжинъ коровъ, да буйволовъ столько же.

„Принадлежали ему равнины Билъхари. Былъ у него буйволъ Чарува и буйволъ Багува.

„Были у него козлы съ четырьмя рогами и для двадцати дюжинъ козъ загонъ.

„Была у него лохматая собака и кошка пушистая.

„Въ равнинахъ Бильхари висѣли колосья его рису.

„Были у него двѣ пары мельницъ, дичь въ горахъ и рыба въ рѣкахъ“ и т. д.

Нѣкоторые изъ его пѣсенъ вѣроятно пѣвались предъ лицомъ старыхъ царей. Разказъ прерывался послѣ каждого стиха обращеніемъ къ слушателю: „о, славный мой герой!“ или: „о, другъ! матери доблестной сынъ! или просто, „о, отецъ!“ Но такихъ пѣсенъ онъ зналъ только двѣ. И вообще многое пѣвецъ перезабылъ; многое умѣлъ разказать и не умѣлъ спѣть, и такихъ разказовъ онъ зналъ достаточно. Зналъ онъ также множество различныхъ генеалогій, царскихъ и именитыхъ родовъ. Одна изъ любимѣйшихъ пѣсенъ въ Камаонѣ есть сказаніе о какомъ-то царѣ Малу-саи, похитившемъ красавицу изъ Тибета. Народъ здѣсь вѣритъ, что Тибетъ населенъ красавицами и серьезно увѣряетъ, что бхотійцы притворились не-индусами, невѣрующими въ индійскихъ боговъ, съ цѣлю воспрепятствовать похищенію своихъ женъ и дочерей и ихъ браку съ индусами. Въ настоящее время бхотійцы считаются индусами за низшую касту. Ни одинъ индусъ не выпьетъ воды, поданной тибетцемъ. Въ старинной пѣснѣ царь Малу-саи и шилъ и ѣлъ съ тибетцами, и увезъ тибетскую красавицу. Пѣснь эта начинается такъ:

„Въ полночь отчего Малу-саи не спалъ?

„Стала мать ему говорить:— „ты не спишь? или семь царицъ не при тебѣ? или нѣтъ съ тобою дѣтей?

„У воротъ твоихъ не стоитъ ли голодный странникъ?

„Или твоего буйвола Чарувъ въ хлѣвѣ нѣтъ?

„Не одинъ ли ты у меня сынъ? не одинъ ли свѣтъ въ глазу? какая кручина у тебя?

— „И сказалъ бы я матери, да сказать стыдно?“.

„Нѣтъ стыда предъ матерью родною! какъ во чревѣ я носила тебя, не стыдился ты тогда! и какъ родился, не сты-

дился ты въ ту пору! десять мѣсяцевъ грудью поила тебя, и въ пеленкахъ цѣлый годъ берегла тебя, дорогой мой! дорогой мой, ты признайся мнѣ теперь!“

— Мать! мать! въ полночь мнѣ приснилась Калу-саукели, изъ тибетской страны, дочь тибетца Калу. Съ горящимъ свѣтильникомъ въ одной рукѣ и чашею благоуханій въ другой чрезъ окно она вошла.

„Въ ногахъ, у ложа моего стояла Калу-саукели; пестро разряженная стояла у ложа моего.

„Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ она вытерла меня благоуханіями. И страшно мнѣ стало; говорила она уходя:—„ты полюбишь меня, и придеши ко мнѣ, въ чудный Тибетъ, коль мужа ты сынъ. Въ домѣ будешь сидѣть, коль рабыни ты сынъ! слышишь мать, или нѣтъ!“

За этимъ діалогомъ слѣдуютъ нѣжныя увѣщанія матери; они остались тщетными. Малу-саи отправился въ Тибетъ. Перерядившись факиромъ и захвативъ съ собою свирѣль, онъ явился въ домъ красавицы. Пльбненная его игрою, красавица сама научила возлюбленнаго, какъ похитить ее. Малу-саи вернулся домой, женился на тибеткѣ, устроилъ великое пиршество, одарилъ своихъ подданныхъ и жилъ счастливо.

3.

Хотя пѣвцовъ по профессіи въ Камаонѣ, около Алмору, немного, но народъ здѣшній знаетъ много пѣсенъ, любовныхъ, грустныхъ и т. д.; такія пѣсни творятся понынѣ, по образцу старинныхъ; въ нихъ мало поэзіи и нѣтъ смысла весьма часто; сочинитель подбираетъ рѣзны, не заботясь о содержаніи и связи одного стиха съ другимъ. Для каждаго рода старинныхъ пѣсенъ обычай установилъ особое время, когда онѣ должны распѣваться. Такъ, есть пѣсни для извѣстныхъ празднествъ, или во время полевыхъ работъ; есть

пѣсни, которыя поются мужчинами и женщинами вмѣстѣ; пѣвцы и пѣвицы, взявшись за руки, тихо двигаются стѣною и поютъ, нѣчто въ родѣ нашего хоровода. Въ юнѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ оканчиваются полевая работы; за этимъ слѣдуетъ праздникъ *Харьяли* (въ честь боговъ Кришны, Махадевы и богини Парвати), и неумолкаемое пѣніе слышится въ продолженіи нѣсколькихъ дней; большинство пѣсенъ имѣютъ какой-то грустный оттѣнокъ, и не лишены своего рода прелести, хотя содержаніе и бѣдно. Вотъ буквальный переводъ одной пѣсни; въ оригиналѣ каждый стихъ отдѣляется отъ слѣдующаго ничего незначащими слогами: *ве* или *хо*.

У дороги поле—ве!
 Поросло поле травкою—хо!
 О, мой свекоръ!
 Ужъ настала—ве!
 Праздникъ Харьяли—хо!
 О, мой свекоръ!
 Пойду я свекоръ—ве!
 Къ матушкѣ, домой—хо!
 О, мой свекоръ!
 Состарѣлись батюшка съ матушкой—ве!
 Пойду я къ матушкѣ, домой, о, свекоръ—хо!
 О! мой свекоръ!
 Натаскай ты семь ведеръ воды, постави ихъ—хо!
 Сноха моя!
 А потомъ ты иди, сноха!
 Къ матушкѣ домой—хо!
 Сноха моя!
 Семь ведеръ сбей масла,
 А потомъ ты иди, сноха!
 Къ матушкѣ, домой—хо!
 Сноха моя!
 Семь ношъ травы ты нарѣжь,
 А потомъ ты иди, сноха!
 Къ матушкѣ, домой—хо!

Сноха моя!

Не ѣдятъ быки травки съ низей,
 Не ѣдятъ телята травки съ верхняго поля,
 Принеси, сноха, травки съ горь!
 Свѣтъ ушелъ за вершины горь, свекорь!
 Уйду, свекорь, къ матушкѣ, домой!
 О, свекорь мой!

Съ наступленіемъ холоднаго времени и длинныхъ вечеровъ камаонцы любятъ потѣшаться разсказываніемъ сказокъ и мѣстныхъ побывальщинъ. Толпа слушателей собирается или у когонибудь въ домѣ, или же всего чаще на базарѣ, у какой-нибудь лавки. Купцы (банья) славятся здѣсь умѣньемъ разсказывать сказки комическаго содержанія и всякаго рода мѣстные скандалы. Цѣлыя ночи проводятся за такою потѣхою, если разсказчикъ сумѣетъ овладѣть вниманіемъ своихъ слушателей. Одного изъ мастеровъ сказывать сказки мнѣ пришлось узнать здѣсь. Онъ былъ банья, т. е. купецъ. Лавки своей не имѣлъ, но занимался розничною торговлею; хаживалъ по домамъ европейцевъ и умѣлъ добывать всякаго рода вещи: кожи, ножи, шали, камни, птицъ, рукописи, все у него было, или все онъ умѣлъ добыть. За все запрашивалъ въ три-дорога и очень легко сдавался. Видомъ, цвѣтомъ лица, онъ напоминалъ итальянца, носилъ постоянно плисовую куртку, европейскаго покрою и на голомъ тѣлѣ. Старины, пѣсенъ о дѣяніяхъ древнихъ царей и силачей онъ не зналъ, но сказки комическаго содержанія умѣлъ разсказывать мастерски; въ большинствѣ его сказокъ дѣло шло о купцахъ и купеческихъ женахъ, и послѣднихъ онъ не падалъ; женскую лживость рисовалъ самыми мрачными красками. Зналъ онъ также пѣсни, но пѣсни нѣжнаго содержанія, и пыталъ самъ сочинять. Одну изъ своихъ эпиграммъ „Красный Хари“ (такъ его звали) особенно цѣнилъ; она была сочинена на одного писца изъ бенгальцевъ; писецъ этотъ до

сихъ поръ существуетъ въ Найни-Талѣ. Въ этой эпиграммѣ поэтъ говорить: „ты извѣстенъ, Говарданъ; у тебя на кашмирскихъ шальварахъ, полотняныя заплаты. Будь же милостивъ къ намъ, или дѣла ты оставь, или подругу покинь!“ Какъ пѣвецъ и комикъ, Красный Хари принималъ большое участіе въ драматическихъ представленіяхъ, въ праздникъ Холи. Здѣсь народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ женскій демонъ, Жвара, получаетъ необыкновенную силу и старается вредить младенцамъ; драматическія представленія, особенно съ нескромными выходками, умилоствляютъ демона и предотвращаютъ зло, какое демонъ въ состояніи сдѣлать. Большинство драматическихъ представлений, импровизируемыхъ на базарѣ, подъ открытымъ небомъ, полны циническихъ выходокъ; но, среди разгара необузданной веселости и нескромныхъ шутокъ, народъ весьма часто откровенно высказываетъ, какъ онъ смотритъ на разныя явленія своей жизни, а потому эти представленія въ извѣстной степени любопытны. Красный Хари игралъ обыкновенно или факира, или англичанина. По-англійски онъ не говорилъ, хотя и пытался, но кромѣ: Yes! или I go! у него ничего не выходило. Но публика не требовала глубокихъ познаній англійскаго языка или англійской жизни. Если англичане мало знаютъ народъ, то народъ еще менѣ знаетъ и понимаетъ ихъ; многіе, по деревнямъ, до сихъ поръ убѣждены, что принадлежатъ не королевѣ Викторіи, а какой-то баснословной, непонятной компаніи. Монета (рупи) съ изображеніемъ ея величества до сихъ поръ зовется во многихъ мѣстахъ „компанейской“. Народъ знаетъ англичанъ по тѣмъ податямъ, которыя они наложили на землю, и врядъ ли подозрѣваетъ, что англичане пришли сюда, для его же блага, завести въ Индіи порядокъ, пріучить индійцевъ къ самоуправленію; игнорируя гуманную цѣль своихъ предприимчивыхъ господъ, онъ кое-гдѣ ропщетъ

на эти подати. Бѣдняга знаетъ англичанина въ судѣ и твердо убѣжденъ, что сагибъ душою не кривить, взятокъ не беретъ, судъ и расправу творить по-своему справедливо, весьма часто не зная ни народныхъ обычаевъ, ни народнаго міровоззрѣнія; знаетъ также бѣдняга, что въ судѣ, около сагиба, много ему родственнаго, чернокожаго народа, голодныхъ писцовъ, бабу, мунши и т. д., и коль хочешь не кривого суда, каждому дай; туземецъ подаркомъ не гнушается. Сагибъ говоритъ на родномъ языкѣ; всѣ сагибы изъясняются на ломаномъ урду, и рѣдкій умѣетъ читать какой-либо восточный алфавитъ, но за то у каждаго сагиба большой запасъ ругательствъ на чистѣйшемъ урду; это народъ, конечно, понимаетъ, особенно если такое краснорѣчіе сопровождается толчкомъ, пинкомъ. Англичане, гордые, свободолюбивые, преисполненные собственнаго достоинства, — англичане въ Индіи зачастую прибѣгаютъ къ ручной расправѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось улыбаться, когда какой-нибудь пожившій въ Индіи англичанинъ характеризовалъ жителей Пенджаба или сѣверо-западныхъ провинцій такъ: „тотъ народъ совсѣмъ иной. Попробуйте ударить кого-нибудь тамъ: всякій сдачи дастъ!“ Слушающій могъ заключить изъ этого, что въ иныхъ мѣстахъ Индіи драться можно, и если не безнаказанно, то съ нѣкоторою свободою; и кто, наслушавшись такого рода этнологическихъ характеристикъ, побывавъ на различныхъ плантаціяхъ, тотъ собственными глазами могъ убѣдиться, что заключеніе его вѣрно. Видитъ народъ, какъ сагибы, ихъ жены, дочери по вечерамъ играютъ въ крикэтъ, бадмингтонъ, какъ тѣ и другія ѣздить верхомъ, смѣются и разговариваютъ между собою, совершенно свободно. Конечно, все это непонятно коренному индійцу, и далъ онъ своему просвѣтителю и господину кличку—*бандара*, т. е. обезьяна, и говорить, что на головѣ у сагиба *дала* (т. е. корзина, въ

которой скотинѣ приносятъ траву и всякій кормъ), а на плечахъ рубище. Выводить сагиба въ импровизированныхъ драматическихъ представленіяхъ—общелюбимая потѣха. Глубокой сатиры тутъ, конечно, нельзя ожидать, но самый фарсъ подается отлично, каково взаимное пониманіе между побѣдителями и побѣжденными, и какъ они другъ друга любятъ. Актеры обыкновенно натираютъ мѣломъ лицо и руки и предъ публику выходятъ: сагибъ, мэмъ-сагибъ (его жена) и бэби. Сначала, при громкомъ хохотѣ зрителей, сагибъ начинаетъ разговаривать съ мэмъ-сагибомъ; говоритъ онъ бессмысленный наборъ звуковъ: есь, но, дейсь, нештъ, гогъ. гогъ, топъ, топъ! Затѣмъ сагибъ и мэмъ-сагибъ начинаютъ танцовать по-англійски, а бэби въ это время поетъ: „папа, мама енгиризи (english); мама, папа жолли (jolly)“. Представленіе заключается уродливымъ изображеніемъ англійскаго обѣда; балмаки на блюдѣ изображаютъ бифштексъ, является и необходимая бренди и, какъ финалъ, драка сагиба съ поваромъ, при звукахъ пѣсни: „Рень комъ инъ, (rain come in) на базарѣ воды много! Полись сайдъ (police said), нога поскользнулась доромъ-домъ!“ Поваръ въ концѣ-концовъ повергаетъ сагиба на землю.

Такого сагиба игралъ Красный Хари на базарѣ города Алмору, потѣшая алморскую публику, и самъ говорилъ, что игралъ хорошо; всѣ, кто ни былъ на базарѣ, много смѣялись. Игралъ онъ также факира. Факиромъ или Юги въ Индіи называютъ монаховъ различныхъ орденовъ. Начало этихъ странствующихъ, монашествующихъ, безстрастныхъ, нищенствующихъ, словомъ, подвизающихся святыхъ людей теряется въ глубокой древности. Въ Индіи ихъ всегда было обиліе, болѣе, нежели нужно было такой роскоши. Ихъ существованіе объясняется глубоко религіознымъ настроеніемъ массы индійцевъ, какъ въ древности, такъ и понинѣ. До сихъ поръ мно-

жество людей здѣсь уважають всякаго факира, относится къ нему съ подобострастнымъ почтеніемъ и считаютъ голаго, вымазаннаго пепломъ шатуна, невѣжественнаго и глупаго, за святого человѣка. Въ святость факира вѣрятъ не только женщины, живущія взаперти и внѣ всякаго вліянія европейской цивилизаціи, но весьма часто люди, знающіе по-англійски, читающіе англійскія газеты и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ агличанами.

— Какъ не святой? Какъ обманщикъ? говорилъ мнѣ горячась одинъ изъ такихъ туземцевъ. Представьте, что онъ еще сдѣлалъ: сижу я въ своей палаткѣ и пишу письма. Входитъ онъ (т. е. факиръ) и садится на землю, у моего стола. „Что ты дѣлаешь?“ спрашиваетъ онъ меня. „Письма пишу“, говорю я ему. Помолчалъ онъ, и говоритъ опять: „дай мнѣ бумажку!“ Далъ я ему чистый листокъ почтовой бумаги. Взялъ онъ этотъ листокъ, развернулъ его на свѣтъ и показываетъ мнѣ. Вижу, чистый листокъ, ничего на немъ не написано. Сталъ онъ складывать этотъ листокъ тутъ же при мнѣ, не отходя отъ стола. Сложилъ его въ маленькій пакетъ, потеръ пакетикомъ лобъ и отдаетъ мнѣ: „Разверни и читай!“ говоритъ. Развернулъ я пакетикъ и вижу—тамъ молитва написана. И это не чудо?

Но рядомъ съ вѣрующими есть и невѣрующіе или колеблющіеся въ вѣрѣ. Уже въ древности поэтъ съ отрицательнымъ направленіемъ нарисовалъ не совсѣмъ лестный образъ нищенствующаго: „святые тексты онъ громко распѣваетъ, много старинныхъ nobyвальцинъ помнитъ. Онъ съ женами болтливъ, ребячь ихъ ласкаетъ, мужей восхваляетъ и въ восторгѣ отъ ихъ стряпни... Умеръ ли кто, или родился, гдѣ поминки справляютъ, сто радостей ему во дню, и такъ онъ бѣгаетъ... Онъ первый за обѣдомъ и послѣдній на молитвѣ. Придетъ ли на кухню, онъ ораторъ, лишь бы

кухарю угодить "... Живетъ большинство факировъ не особнякомъ отъ народа и не всякій изъ нихъ умѣетъ хоронить свои слабости отъ зоркихъ глазъ невѣрующихъ или колеблющихся въ вѣрѣ. Ихъ жадность до денегъ и слабость къ прекрасному полу современная сатира уловила отлично. Не трудно было народу разглядѣть, что безстрастный не навсегда умирилъ въ себѣ страсти; въ его низкую, душную келью, гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ житейскаго шума, у святаго храма знаютъ дорогу въ сумерки не одни богомольцы или богомолки; не всегда святой человѣкъ соблюдаетъ здѣсь, у святаго храма, обѣты уединенной и цѣломудренной жизни. И не диво! Стоить только взглянуть на этихъ подвижниковъ по вечерамъ, въ часъ молитвы, когда они собираются у какого-нибудь храма, напримѣръ, въ Бенаресѣ, у храма богини плодородія. Здоровый, рослый народъ; иной хотя и вымазанъ пепломъ, и нагъ, и волосы упряталъ подъ мочалки, а все-таки не лишень нѣкоторой мужественной красоты; идетъ, тяжело ступая и громко бормоча священные тексты. У столькихъ святыхъ мѣсть перебивалъ иной, такъ сладко умѣетъ поразсказать о видѣнномъ,—какъ тутъ устоять противъ обаянія святости!

Красный Хари не чтить факировъ; во что онъ вѣрилъ, я не умѣлъ ни разспросить, ни разгадать, онъ не боялся даже чертей, которыхъ всѣ алморцы боятся и чтутъ. Игралъ онъ факира отлично: маленький, худенькій, въ факирскомъ дезабилье, онъ походилъ на факира болѣе, нежели другой откормленный безстрастный, настоящій факиръ. Игра въ факира самая длинная; факиръ поетъ нѣсколько пѣсенъ съ циническими выходками противъ чтимыхъ въ Индіи боговъ; народъ смѣется, хотя на другой день послѣ того идетъ въ храмы чтить тѣхъ же боговъ. Во все продолженіе игры факиръ предается самому необузданному цинизму; въ его пѣс-

няхъ, въ діалогахъ съ публикою осмѣивается народная свѣтыня, религіозные обряды, семейныя отношенія, и все это дѣлается передъ лицомъ всего народа, при громкомъ, одобрительномъ смѣхѣ всѣхъ. Его спрашиваютъ, какъ его зовутъ. „Дѣдушка всѣхъ!“ отвѣчаетъ онъ, и тутъ же поясняетъ, какого рода, недуховное родство онъ понимаетъ. Онъ, чтимый массаами, живущій общественными подалніями, эксплоатирующій религіозное чувство тысячъ и тысячъ, выводится на сцену при слѣдующемъ пѣніи хора:

„О, матушка! пришелъ факирь! съ востока пришелъ плутъ въ красномъ плащѣ! Пришелъ факирь!

„Что же принесъ плутъ въ красномъ плащѣ?

„Трость да чашу принесъ веселый факирь отъ Кедараната!“—Кедаранатъ одна изъ свѣтынь Индіи, къ сѣверу отъ Алморя.

Такъ индійцы смѣются надъ своими *сагибами* (господами) и надъ своею свѣтынею. Смѣясь надъ тѣмъ, что обожаютъ, и надъ своими религіозными обрядами, они не подпускаютъ въ то же время къ своимъ храмамъ европейца; не пускаютъ его туда, куда впускается и корова, и обезьяна, и даже собака; считаютъ европейца не чище собаки, но кланяются ему въ полъ; безъ бапкамовъ входятъ къ нему въ комнату, т. е. разуваяются предъ его дверьми, также, какъ и передъ дверьми храма.

4.

Камаонъ — англійская провинція, лежитъ къ сѣверу отъ Рохилкханда; къ востоку она граничитъ съ Непаломъ, на западѣ рр. Кали и Алакананда отдѣляютъ ее отъ Гарвала, а на сѣверѣ высокіе Гималаи отъ Тибета. Я провель въ Камаонѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но видѣлъ только незначительную часть этой красивой горной провинціи. Я прошелъ отъ

Найни-Тала до Алморе и отъ Алморе чрезъ Сринагаръ и Тихари до Мансури, такимъ образомъ видѣлъ средній кряжъ, въ иныхъ мѣстахъ возвышающійся до 8000 ф., ту часть Камаона и Гарвала, въ которой теперь почти исключительно одно только арийское населеніе. Весь Камаонъ гористъ и тамошнія горы, естественно, не одинаковой высоты; онѣ начинаются у сѣверной границы Рохилкханда: первый кряжъ не превышаетъ четырехъ тысячъ трехъ сотъ футовъ, второй, прозванный въ народѣ Гагаромъ, доходитъ до семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; чѣмъ сѣвернѣе горы, тѣмъ выше онѣ дѣлаются и у границъ Тибета достигаютъ двадцати пяти тысячъ футовъ: за десятки миль виднѣются ряды этихъ гигантскихъ пиковъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; даже изъ равнинъ они видны въ ясное утро. Та часть древняго Камаона и Гарвала, въ которой теперь владѣютъ и живутъ англичане и по которой мнѣ пришлось пройти, въ послѣднее время сильно измѣнилась: многого изъ того, что въ началѣ настоящаго столѣтія видѣли здѣсь путешественники, теперь уже нѣтъ, и самый образъ путешествія не остался тѣмъ же, ибо страна приняла въ себя зачатки европейской культуры: такъ, не говоря уже о другихъ путяхъ на югъ, отъ Алморе до Сринагара проложена отличная дорога; мнѣ привелось проходить по ней въ дождливый сезонъ и, несмотря на то, что въ августѣ 1875 года дожди были довольно сильны, нигдѣ я не видѣлъ поврежденія дороги; прочно выстроенное шоссе устояло передъ напоромъ горныхъ потоковъ и обваловъ, образуемыхъ ежедневными ливнями. По всей дорогѣ, чрезъ каждыя 10 — 15 миль, стоятъ казенные бангалу; въ большей части этихъ домиковъ кромѣ кроватей нѣтъ другой мебели, но уже и то хорошо, что отъ непогоды не приходится укрываться подъ сѣнью деревъ и во весь путь можно разсчитывать на теплый ночлегъ; въ нѣкоторыхъ домикахъ

есть даже каминны. Обработанныя поля по уступамъ и террасамъ горъ и мѣстами чайныя плантаціи видишь во всю дорогу; деревни не рѣдки, но не велики: домика два, три и до пяти лѣплятся по склонамъ горъ или виднѣются въ глубинѣ долинъ, окруженные террасами съ посѣвами. Обыкновенно кругомъ такой деревушки всякая гора, роца, пещера, источникъ имѣетъ свою легендарную исторію; наивная фантазія горцевъ заселила всѣ эти мѣста бхутами (демонами). Въ Гарвалѣ, кромѣ того, нерѣдко встрѣчаешь по дорогѣ — катпатія, маленькіе алтарики, посвященные богинѣ хранительницѣ путешественника: „мой путь охрани, богиня, дрова и камни пожирающая, ты, (мудрецомъ) Сакаля поставленная, и (мудрецомъ) Яжनावалкья почтенная!“ такъ молится передъ этими камнями туземецъ путешественникъ. По дорогѣ отъ Алмору до Сринагара я не замѣтилъ большаго движенія и кромѣ туземцевъ, да и тѣ рѣдко, никто не встрѣтился мнѣ въ цѣлый мѣсяць; отчасти это объясняется тѣмъ, что погода стояла неудобная для путешествія: дожди были ежедневныя—но и вообще по этому пути никогда нѣтъ большаго движенія, ибо англичане не любятъ этой дороги въ Мансури: они или отправляются охотиться въ страны болѣе сѣверныя, или же собираются до Мансури изъ равнинъ, по пути болѣе удобному и оживленному. Сринагаръ и Алмора соединены шоссейнымъ путемъ, но между отдѣльными деревушками пути остались прежніе: тропинки чрезъ горы и доли; потребности въ болѣе удобныхъ путяхъ не ощущается: жители отдѣльныхъ деревень рѣдко сообщаются другъ съ другомъ, они живутъ замкнуто и такой образъ жизни необходимо долженъ отражаться на ихъ народномъ характерѣ, а также способствовать тому, что среди этого народа, преимущественно земледѣльческаго, по разнымъ закоулкамъ сохранилось много всякой старины, стародавнихъ обычаевъ, перво-

бытныхъ повѣрій. Отыскать все это не трудно: нужно только желаніе и время, и не слѣдуетъ пугаться первыхъ неудачъ.

Путь, мною избранный, можетъ быть интересенъ для того, кто бы захотѣлъ видѣть народъ, а не однѣ грандіозныя прелести Гималаевъ; общій характеръ мѣстности напоминаетъ Швейцарію, хотя по моему крайнему разумѣнію Камаонъ красивѣе Швейцаріи. Самое путешествіе неустойчиво: переходы отъ бангалюу до бангалюу рѣдко бываютъ выше пятнадцати миль; во всю дорогу можно также ѣхать верхомъ, но я предпочелъ идти пѣшкомъ и такъ сдѣлалъ весь путь отъ Алмору до Мансури. Въ этой части Гималаевъ почти вся дорога пролегаетъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ, по берегамъ шумливыхъ и быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, или слѣдуетъ вдоль по берегу рѣчки, или если и удаляется отъ одной, то съ тѣмъ, чтобы переваливъ чрезъ гору, приблизиться къ другой, столько же шумливой, точно также дробящей свои волны по каменистому руслу. Около Алмору, въ сторонѣ отъ дороги, на вершинахъ обрывистыхъ пиковъ виднѣются развалившіяся крѣпости, о которыхъ рассказываются легенды, и эта часть пути, ближайшая къ главному городу, сравнительно гораздо люднѣе: въ каждый переходъ отъ одной стоянки къ слѣдующей непременно встрѣтишь кого нибудь, или попадетъ свадебный поѣздъ съ путникомъ впереди, распѣвающимъ и расплясывающимъ, или какой нибудь курьезный типъ мѣстнаго жителя. Такъ, около Доракхата я встрѣтилъ стараго брахмана, распѣвавшаго Бхагаватпурану; въ звучныхъ санскритскихъ стихахъ повѣствовалъ онъ мнѣ и моимъ ничего непонявшимъ носильщикамъ о міросозданіи. Мы остановились отдохнуть на открытомъ воздухѣ, у источника, — свѣтлой струйкѣ, сочившейся съ веру изъ скалы; носильщики „пили тамаку“, иначе, курили табакъ: просверливъ въ землѣ два отверстія, у основанія взаимно сообщавшіяся, въ одно они положили табакъ и подожгли его,

къ другому поочередно припадали губами и втягивали дымъ. Такъ мы сидѣли; вдругъ откуда-то снизу раздался старческій, не громкій голосъ; среди окружавшей насъ тишины явственно слышалось, что кто-то распѣвалъ и распѣвалъ по санскритски. Недолго продолжалось наше недоумѣніе: самъ пѣвецъ показался скоро, онъ оказался старымъ, выжившимъ изъ ума брахманомъ, жителемъ Дорагхата, куда онъ и направлялся. Мы пошли вмѣстѣ, но отъ брахмана, къ сожалѣнію, ничего нельзя было узнать: онъ былъ полусумаспешнымъ, и хотя по-санскритски говорилъ очень бойко, на всѣ разспросы отвѣчалъ санскритскими стихами, рѣдко однакоже отвѣчалъ впопадъ.

Горцы по большей части средняго роста; высокіе встрѣчаются рѣдко. Цвѣтъ ихъ лица гораздо свѣтлѣе, нежели у индусовъ равнинъ; почти всѣ они брюнеты; говорятъ, между ними есть и рыжіе, но я видѣлъ въ Мансури только рыжихъ уроженцевъ Кашмира. Камаонцы грязны; нарядъ простого, небогатаго класса не изященъ и никогда не бываетъ чистъ. Красивыя лица, между ними не рѣдкость. Высокій лобъ, тонко очерченный овалъ лица, правильныя черты и прекрасныя черныя глаза; все это не рѣдко встрѣчается даже между кули (рабочими). Красивыхъ женщинъ сравнительно мало. Во все время моего пребыванія въ Камаонѣ я не встрѣтилъ ни одной красивой женщины по дорогѣ или на улицѣ. Ранній бракъ и затѣмъ жизнь, полная лишеній и труда, рано старить и безобразить камаонскихъ женщинъ низшихъ кастъ, т. е. тѣхъ кастъ, женщинамъ которыхъ не возбранено открыто показываться на улицахъ и по дорогамъ; исхудалыя, истомленныя, онѣ еще неопрятнѣе мужчинъ; свои головы онѣ уродуютъ безобразными, неопрятными шиньонами; на боссы, грязныя ноги надѣваютъ тяжелыя мѣдныя или серебряныя кольца; лицо, съ пугливо смотрящими глазами, всегда

не умыто и украшено кольцемъ, вдѣтымъ въ одну ноздрю; худой станъ горбится подъ тяжестью ноши. Таковъ общій видъ камаонской женщины, вызывающій какое-то смѣшанное чувство: она жалка и можетъ показаться отвратительною самому не брезгливому человѣку. Камаонцы, какъ мужчины, такъ и женщины, народъ очень выносливый и умѣренный; какъ тѣ, такъ и другія очень наивны, добродушны: всякое доброе слово, ласку они высоко цѣнятъ. Они очень честны. У нихъ есть обычай „бить по рукамъ“ (хаткъ марна): стороны, условившіяся въ какой нибудь сдѣлкѣ и ударившія по рукамъ, въ точности исполняютъ принятыя на себя обязательства, безъ всякихъ документовъ. Камаонецъ хоропій семьянинъ: любить своихъ дѣтей, свою родню. Нерѣдко приходилось слышать о случаяхъ супружеской невѣрности; брахманы говорятъ, что таковыя случаи не рѣдки въ семьяхъ торговцевъ, а торговцы (банья) утверждаютъ, что они часты въ семьяхъ брахмановъ. Будучи суевѣрны, трепеща передъ бхутомъ, живущимъ чуть ли не на каждой горѣ, у каждаго ручья, камаонцы въ то же время не лишены личнаго мужества; между ними есть отважные охотники, они высоко цѣнятъ физическую силу и любятъ заниматься пахлаванскимъ дѣломъ, т. е. дѣломъ силачей: развивать свою силу борьбою и всякаго рода физическими упражненіями. Много чертъ въ ихъ характерѣ общи всѣмъ туземцамъ въ Индіи: они любятъ лгать, и всегда почти лгутъ неумѣло, безъ нужды и безъ всякой пользы для себя; они любопытны и тщеславны.

Сринагаръ—бывшая столица Гарвала, лежитъ въ долинѣ (1500 ф. надъ уровнемъ моря), на берегу рѣки Алакананды. Въ городѣ не живетъ ни одинъ европеецъ; онъ не великъ и въ страшномъ заустѣннѣ; дома строились безъ всякаго порядку; переулки между ними такъ узки, что въ ихъ мѣстахъ двумъ человѣкамъ едва можно разойтись, не толк-

нувъ другъ друга. Самая широкая улица занята базаромъ. Въ срединѣ города стоятъ развалины дворца древнихъ гарвалскихъ царей; эта массивная четырехъ-этажная постройка свидѣтельствуесть, что гарвальскіе древніе цари были не такими бѣдняками, какими иные изъ нихъ старались прикинуться. Рассказываютъ, что когда Акбаръ потребовалъ дань съ Гарвала, гарвальскій царь, случившійся въ то время при дворѣ падишаха, съумѣлъ прикинуться бѣднякомъ и выпросить отмѣненія дани; онъ привелъ предъ ясныя очи падишаха тощаго верблюда и сказалъ: „Такова моя страна; горы да доли и всюду худоба!“ Улыбнулся Акбаръ и отмѣнилъ дань. Въ городѣ есть кромѣ того знаменитый храмъ Камалесвара, англійская школа, гдѣ учителя, по словамъ мѣстныхъ брахмановъ—настики (нигилисты) и гдѣ ученики (по моему собственному наблюденію) плохо читали по-англійски, не твердо знали англійскую исторію и совсѣмъ не знали географіи Индіи. Сринагаръ, хотя и очень скученъ, но заинтересовалъ меня и я пробылъ въ немъ нѣсколько дней; въ эти дни я принималъ у себя всѣхъ мѣстныхъ властей и именитыхъ людей; то были все туземцы, брахманы, какіе-то мелкіе чиновники британской службы. Гости сходились обыкновенно подъ вечеръ и такъ какъ въ бангалюу, гдѣ я остановился, кромѣ кровати и одного стула, не было другой мебели, то тотъ, кто считалъ себя поважнѣе другихъ, являлся съ собственнымъ стуломъ или скамьею. Разсѣвшись по чинамъ и обмѣнявшись привѣтствіями, мы начинали разговоры: спроси слышались со всѣхъ сторонъ; иные вопросы формулировались такъ не ясно, что я долженъ былъ просить разъясненія; обыкновенно ихъ давалъ одинъ брахманъ, человекъ ученый, умный, но по несчастью обиженный по службѣ, а потому кипѣвшій злобою на училищное начальство и завидовавшій учителямъ *настикамъ* (нигилистамъ), т. е. тѣмъ, которые го-

ворили по-англійски и читали англійскія книги. Но и этотъ умный брахманъ ухитрился задавать головоломные вопросы; онъ спросилъ меня разъ: въ какой дѣлѣ Русія десь (т. е. русская страна)? Для того, чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, нужно перестроить всѣ наши географическія карты: накроить, согласно съ индійской географической системой, изъ нашихъ материковъ острововъ или дѣлѣ и къ одному изъ нихъ приурочить Россію. Узнавъ, что Россія лежитъ порядочно далеко отъ Гарвала, онъ перешелъ къ вопросамъ, лично касающимся меня. Индійцы никогда не путешествуютъ тамъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ другіе народы; путешествіе, предпринятое не по торговымъ дѣламъ и не для богомолья, для нихъ безцѣльное бродяжничество; чловѣка, захватившаго къ нимъ Богъ вѣсть за чѣмъ издалека, они готовы считать за празднаго и страннаго богача, а такъ какъ въ Индіи почти у каждаго богача есть нѣсколько женъ и вообще онъ немислимъ неженатымъ, то весьма естественно мой брахманъ полюбопытствовалъ узнать: сколько у меня женъ? и оставилъ ли я ихъ дома или гдѣ либо въ Индіи, м. б. въ Калькуттѣ? Отвѣтъ, который онъ услышалъ, привелъ его въ сильное недоумѣніе. Мы перешли, впрочемъ, скоро къ болѣе важнымъ и интереснымъ вопросамъ. Въ Гарвалѣ и Камаонѣ слыхивали, что существуетъ Россія и русскій царь, но объ отношеніяхъ нашего обширнаго отечества къ Куинь Викторіа (такъ туземцы называютъ ея британское величество) наивные жители Сринагара имѣютъ очень смутное представленіе; правда, и до нихъ доходили извѣстія о томъ, что существуетъ какое-то родство между двумя царственными домами, и по этому поводу мнѣ задавали разнообразнѣйшіе, весьма непонятные вопросы: кто кому платитъ дань: Куинь Викторіа русскому царю, или на оборотъ, русскій царь Куинь Викторіи? Меня спрашивали, какъ нужно называть русскаго

царя: Ражадхиража или Падишахъ? Первый титулъ хотя и значить: царь надъ царями, но въ глазахъ туземца не такъ важенъ, какъ Падишахъ; ибо только Падишаху другіе цари платятъ дань. Рядомъ съ такими и болѣе нелѣпыми вопросами о томъ, самъ ли царь судить свой народъ или у него есть на то особые слуги, проскакивали соображенія, точно взятые изъ послѣдняго номера какой нибудь индійской газеты: правда ли, что русскій царь взялъ Кабулъ? Скоро ли онъ возьметъ Кабулъ? На что Кабулъ нуженъ русскому царю? разсуждали мои собесѣдники. Ихъ интересовалъ также вопросъ о томъ, есть ли касты въ Россіи и какія? Обѣдаютъ ли русскіе вмѣстѣ съ англичанами? или же русскіе, подобно брахманамъ, гнушаются ѣсть за однимъ столомъ съ англичанами? Есть ли въ Россіи *настики* (нигилисты), *веданиндики* (отрицатели ведъ)? „Американцы, замѣчалъ при этомъ вышеупомянутый брахманъ, всѣ настики, всѣ отрицатели ведъ!“ А изъ американцевъ онъ зналъ одного только миссіонера и безъ ужаса и отвращенія не могъ говорить о школѣ этого миссіонера, вертепѣ крайняго нигилизма.

На западъ отъ Сринагара чрезъ нѣсколько миль начинается независимый Гарвалъ; характеръ мѣстности остается прежнимъ: та же роскошь растительнаго царства, тѣ же шумящія рѣки и горные ручьи, такая же благословенная страна, но самый путь значительно хуже; чувствуешь, что бдительное око британца не присматриваетъ за нимъ. По дорогѣ нѣтъ бангаловъ; на первомъ переходѣ въ Тиколи я остановился въ сиваитскомъ монастырѣ и совершенно неумышленно оскорбилъ своимъ появленіемъ святыхъ отшельниковъ: они сочли мое присутствіе подъ ихъ кровомъ за оскверненіе самаго крова и дозволили переночевать въ грязной, вонючей конурѣ лишь послѣ долгихъ пререканій и по полученіи бакшиша въ четыре рупи. Слѣдующую ночь я провелъ въ Ти-

хари. Столица независимаго Гарвала, такъ же какъ и Сринагаръ, лежитъ въ долинѣ, но длнна гораздо обширнѣе и самый городъ гораздо красивѣе; роскошныя бананы растутъ кругомъ города; подъ ихъ тѣнью поставлены маленькія скамьи для усталыхъ путниковъ. Для европейскихъ путешественниковъ Гарвальскій ража выстроилъ бангалу, но вдали отъ города и въ мѣстѣ глухомъ. Онъ выстроенъ на берегу рѣки Бхагирахти, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ среди совершенно отвѣсныхъ, скалистыхъ береговъ; кое какъ высѣченныя ступени въ отвѣсной скалѣ ведутъ къ небольшому домику, назначенному для странствующихъ сахабовъ. Едва я добрался до бангалу, какъ явился чупрасси (полицейскій) узнать мое имя и вслѣдъ за этимъ, по заведенному обычаю, гарвальскій ража прислалъ европейскому путешественнику: барана, муки, фруктовъ и т. д. Отъ Тихари до Мансури два перехода или два дня пути. Въ Мансури я закончилъ мои странствія по Камаону и Гарвалу.

О Мансури также какъ Найна-Тилъ, я имѣю сказать очень немного. Эта hill station менѣе красива въ сравненіи съ Симлой или Найни-Таломъ; здѣсь нѣтъ стройныхъ девадаровъ Симлы и въ одномъ только мѣстѣ можно видѣть рядъ снѣжныхъ вершинъ. Но за то въ Мансури открывается великолѣпный видъ на югъ, на Дехри-дунъ, на Севаликскіе холмы и индустанскія равнины.

Дома въ Мансури расположены по горамъ на краю обрывовъ—здѣсь нѣтъ болѣе или менѣе обширнаго плато. На протяженіи около пяти миль вьется дорога, по которой съ удобствомъ можно разѣзжать верхомъ, не рискуя свалиться въ обрывы. Здѣсь есть прекрасный, едва ли не лучший во всей Индіи, отель Himalayan Hotel и всѣ обычныя въ англійскомъ мѣстопребываніи учрежденія: club-house, читальная, бібліотеки и т. д.

Мансури расположенъ на кряжѣ, имѣющемъ въ вышину около 7,000 ф.; но нѣкоторые дома выстроены на высотѣ 7,200 ф.

Здѣшній климатъ немногимъ отличается отъ европейскаго; и видѣлъ Мансури въ дождливый сезонъ въ сентябрѣ: здѣсь было тогда сыро и холодно.

IV.

Сѣверная и сѣверо-западная граница Индіи.

1.

На пространствѣ почти полутора милліоновъ квадратныхъ миль (1.499,149 кв. м.) въ Индіи насчитываютъ свыше двухъ сотъ сорока милліоновъ жителей, (241.390,902). Это населеніе не составляетъ одной націи, не имѣетъ общаго языка и не исповѣдуетъ одной религіи.

Индія есть цѣлая страна свѣта: населяющія ее расы, трибы, роды и т. д., разобщенныя по языку и религіи, весьма часто взаимно-враждебныя, имѣющія различныя преданія и не одинаковые обычаи, составляютъ одно политическое цѣлое, съ тѣхъ поръ, какъ признали власть или гегемонію британскаго правительства. Извѣстно, что хотя далеко не вся Индія составляетъ Англо-Индійскую имперію, но и такъ-называемыя союзныя или туземныя владѣнія (Native states of India), за немногими исключеніями, находятся въ сильной зависимости отъ британскаго правительства; зависимость ихъ и отношенія къ верховной власти не одинаковы; всѣ они признаютъ главенство британскаго правительства; но одни владѣнія считаютъ себя обязанными, или поставлены

въ необходимость во всемъ слушаться англійскаго правительства, тогда какъ во внутреннія дѣла другихъ, сами англичане избѣгаютъ вмѣшиваться; нѣкоторыя изъ этихъ „туземныхъ государствъ“ платятъ дань и обязаны содержать военный контингентъ; есть такія владѣнія, въ которыхъ туземная верховная власть не имѣетъ права надъ жизнью и смертию своихъ подданныхъ и всѣ наиболѣе важныя внутренніе вопросы разрѣшаются англійскимъ правительствомъ.

Неограниченная власть англичанъ распространяется надъ 191.065,445 населенія на пространствѣ 909,834 кв. англ. мил. Владѣнія другихъ европейцевъ въ Индіи ничтожны: французамъ принадлежитъ 196 кв. мил. съ населеніемъ 259,981, а португальцамъ 1,610 кв. мил. съ населеніемъ 587,517.

Нѣкоторыя изъ населяющихъ Индію расъ пришли туда въ глубокой древности, на зарѣ исторіи человѣчества, другія были относительно недавними гостями въ Индіи въ то время, когда по индійскимъ берегамъ предприимчивые европейцы стали заводить свои факторіи.

И все это громадное населеніе, столь же пестрое и разнообразное, какъ природа и климатъ его родной страны, само не додумалось до идеи національности и въ нашъ вѣкъ наильно объединено въ одну имперію, созданную горстью пришлецовъ. Англичанъ въ Индіи ни многимъ болѣе 64 тысячъ (64,061) да почти столько же англійскаго войска (64,985). Это малочисленное, издали пришлое племя, предприимчивое и энергичное, но совершенно чуждое туземному населенію, по своей религіи, обычаямъ и законамъ мало-по-малу, безъ большихъ усилій распространило свою власть, начиная на востокѣ отъ болотистыхъ равнинъ Бенгаліи, населенныхъ изнѣженными, слабосильными, переимчивыми индусами, хиндуизировавшимися аборигенами и омусульманившимися индусами, по

всему Индустану до песчаныхъ равнинъ Пенжаба; перешло за Виндхья на югъ и захватило почти весь южный полуостровъ; присоединило къ своимъ владѣніямъ часть Гималаевъ, а надъ остальною распространило свое покровительство. Та же сильная разница, которая существуетъ между восточною и западною окраиною Англо-Индійской имперіи, замѣчается между природою и жителями южной Индіи, въ сравненіи съ природою Гималаевъ и гималайскихъ горцевъ. Пестрота индійскаго населенія всего лучше выясняется при помощи нѣсколькихъ статистическихъ данныхъ объ языкахъ и религіяхъ Индіи.

Въ Индіи можно съ большимъ вѣроятіемъ принять пять группъ языковъ не родственныхъ ни въ своихъ грамматикахъ, ни въ своихъ словаряхъ.

Между Гималаями на сѣверѣ и Виндхья на югѣ господствуетъ арійская рѣчь; она переступаетъ впрочемъ за Виндхья и имѣетъ своихъ представителей по западному берегу.

Но арійцы въ Индіи не говорятъ однимъ языкомъ, ни даже различными нарѣчіями одного первоначальнаго языка, ибо на сѣверо-западѣ Индіи въ предѣлахъ Англо-Индійской имперіи часть населенія говоритъ иранскими языками. Пушту есть родной языкъ части населенія въ округахъ Пешауэра, Деражата, Раваль-пинда и въ провинціи Пенжабъ. Въ Деражатѣ же и въ Синдѣ есть населеніе говорящее на языкѣ Вилучи.

Индійская семья арійскихъ языковъ раздѣляется на семь главныхъ языковъ, на нѣсколько второстепенныхъ по своей численности и множество мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ.

Въ Пенжабѣ индусское и мусульманское населеніе въ шестнадцать милліоновъ говоритъ на языкѣ Пенжаби и его многочисленныхъ нарѣчіяхъ. По обоимъ берегамъ нижняго Инда, въ провинціи Синдъ мусульманское и индусское насе-

леніе почти въ два милліона говоритъ на языкѣ Синдхи. Этотъ же языкъ преобладаетъ между населеніемъ въ полъ-милліона полуострова Качъ. Синдхи, также какъ и Пенжаби, дробится на многочисленныя нарѣчія.

Подвигаясь далѣе на востокъ, мы становимся лицомъ къ лицу съ семидесяти-милліоннымъ населеніемъ, говорящимъ на Хинди. Хинди и населеніе, говорящее на немъ, занимаетъ центральное положеніе. Рѣчь эта распространяется въ части Пенжаба, по всѣмъ сѣверо-западнымъ провинціямъ (North-West Provinces), въ Аудъ, въ части Бенгаліи, въ части центральныхъ провинцій, въ Бандалькандѣ, въ горныхъ Ражпутскихъ владѣніяхъ, въ Индорѣ и въ Гваліорѣ. Урду или Индустани, одно изъ нарѣчій этого языка, благодаря мѣропріятіямъ правительства стало *lingua franca* Индіи. Масса населенія плохо понимаетъ эту господскую ломанную рѣчь; но на ней ведется все дѣлопроизводство, а въ большихъ городахъ имъ владѣетъ та часть населенія, которая приходитъ въ столкновение съ европейцами. Еще далѣе на востокъ начинается область бенгальскаго языка и его нарѣчій. На немъ говоритъ населеніе въ 37 милліоновъ, частью индусское, частью магометанское. На югъ отсюда начинается языкъ Урія, на которомъ говоритъ населеніе въ 8 милліоновъ, преимущественно индусовъ. Языкъ этотъ и его нарѣчія распространены частью въ Бенгаліи, частью въ Мадрасѣ и въ центральныхъ провинціяхъ.

На другой сторонѣ Индійскаго полуострова, въ Бомбейскомъ президентствѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и въ независимомъ владѣніи Низама распространены Маратхи и его нарѣчіе Конкани; насчитываютъ до 10 милліоновъ населенія, говорящаго этими языками. Населеніе въ 6 милліоновъ, главнымъ образомъ индусское, частью въ Бомбейскомъ президент-

ствѣ, частью въ независимомъ Гузератѣ говоритъ языкомъ Гузерати.

Кромѣ этихъ распространенныхъ арійскихъ языковъ, въ Индіи есть и другіе представители арійскаго слова—на которыхъ говорятъ менѣе численныя населенія, напр., языкъ Дардовъ, Кашмири, языкъ Горкинскій въ Непалѣ и т. д. Къ сѣверу и къ югу отъ широкаго пояса арійской рѣчи, обхватившаго Индію отъ сѣверо-западной границы до дельты Ганга и Брахмапутры, отъ южныхъ отроговъ Гималая до хребта Виндхья и далѣе къ югу въ Деканъ, начинаются области не-арійскихъ языковъ.

Значительнѣйшіе не арійскіе языки принадлежатъ къ Дравидской семьѣ и распространены въ южной Индіи. Дравидскихъ языковъ насчитываютъ двѣнадцать: Тамильскій, Телегу, Канарезскій, Малаялимскій, Тулу, Кудагу, Туда, Кота, Кхондъ, Гондъ, Ораонъ, Ражмахали. Тамильскимъ языкомъ, распространеннымъ въ Мадрасскомъ президентствѣ и въ сѣверной части Цейлона, говоритъ населеніе въ 14¹/₂ милліоновъ, главнымъ образомъ индусское. Въ томъ же Мадрасскомъ президентствѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и въ независимомъ владѣніи Низама населеніе въ 15¹/₂ милліоновъ говоритъ на языкѣ Телегу.

Населеніе, свыше девяти милліоновъ, распространенное въ Бомбейскомъ президентствѣ и въ Мадрасскомъ, въ независимомъ Мейсорѣ и во владѣніяхъ Низама, говоритъ на языкѣ канарезскомъ. На языкѣ малаялитъ говоритъ почти четырехмилліонное населеніе въ Мадрасскомъ президентствѣ, въ независимыхъ владѣніяхъ Кочинъ и Траванкоръ.

Сейчасъ названные языки суть важнѣйшіе изъ дравидскихъ; остальные восемь принадлежатъ къ наименѣе распространеннымъ. На языкѣ Гондъ говоритъ населеніе (около полутора милліоновъ) по границамъ Бенгаліи, Мадрасскаго пре-

зидентства и центральных провинцій. Остальными языками говоритъ немногочисленное населеніе въ полмилліона, разсѣянное небольшими группами по Бенгальскому и Мадрасскому президентству и по центральнымъ провинціямъ.

Отдѣльную группу отъ языковъ дравидскихъ составляютъ семь языковъ, образующихъ коларійскую семью; на этихъ языкахъ говоритъ немногочисленное населеніе, не доходящее до милліона и распространенное въ сейчасъ названныхъ мѣстахъ.

Еще меньшее количество населенія на южной границѣ Ассама—всего около 85,000 душъ—говоритъ на языкѣ кхасія, не родственномъ ни съ дравидскими, ни съ коларійскими.

Съ сѣверу отъ Арійской области начинается область многочисленныхъ, до сихъ поръ весьма мало изученныхъ гималайскихъ языковъ. Число ихъ весьма вѣроятно доходитъ до сорока; численность же населенія, говорящаго этими языками, до сихъ поръ не приведена въ извѣстность.

Это разноязычное индійское населеніе, какъ уже выше было замѣчено, не исповѣдуетъ одной религіи. Кромѣ ислама и хиндуизма различныхъ оттѣнковъ и расколовъ, въ Индіи множество религій самыхъ разнообразныхъ. Исповѣдующихъ хиндуизмъ насчитываютъ въ британскихъ владѣніяхъ почти до ста сорока милліоновъ (139.248,568); они распространены всюду въ Индіи; исповѣдующіе хиндуизмъ говорятъ почти на всѣхъ языкахъ Индіи, арійскихъ и не арійскихъ. Не слѣдуетъ полагать, однакоже, чтобы хиндуизмъ составлялъ одну религію: это собирательное имя для множества самыхъ противоположныхъ ученій, сектъ и расколовъ.

Послѣ хиндуизма, религію, наиболѣе распространенною въ Индіи, нужно считать исламъ. Мусульманъ въ Индіи болѣе сорока милліоновъ (40.882,537). Наибольшее количество

мусульманъ находится въ Бенгаліи, гдѣ ихъ насчитываютъ 19.553,836 на 38.975,418 индусовъ, 84,974 буддистовъ и 90,763 христіанъ. Въ Пенжабѣ мусульмане (9.337,685) преобладаютъ численностью надъ другими религіями: индусами—6.125,460, жайнами—36,190 и христіанами—22,154.

Изъ всѣхъ религій наименѣе распространено христіанство: число христіанъ въ британской Индіи не достигаетъ даже одного милліона (897,216) и наибольшее количество ихъ находится въ Мадрасскомъ президентствѣ (533,760).

Изъ другихъ религій наиболѣе распространены буддизмъ и жайнизмъ (2.832,851) и ученіе сикховъ (1.174,436).

Населеніе Индіи, какъ извѣстно, дѣлится на множество кастъ; кромѣ брахмановъ, находимыхъ всюду въ болшемъ или меньшемъ числѣ, да немногочисленныхъ потомковъ касты воиповъ или вшатріевъ, представителями которыхъ считаютъ себя нѣсколько царственныхъ индійскихъ династій, въ Индіи каждое ремесло, профессія, кланъ или триба могутъ развиваться и въ различныя времена дѣйствительно развились въ касты; члены такой общественной группы заключаютъ браки только между собою, внутри своей группы, имѣютъ свой особый предметъ культа и ѣдятъ только вмѣстѣ другъ съ другомъ.

Распределеніе населенія въ такой громадной странѣ, какъ Индія, не одинаково; такъ напр., половина Бенгальскаго президентства состоитъ изъ горныхъ округовъ: Чота Нагпура и Ассама, гдѣ на одну квадратную милю приходится отъ 63 до 87 душъ; въ другой части того же президентства мы находимъ напротивъ въ Бардванѣ 573 души на одну квадратную милю, въ Патнѣ 553, въ Ражшахи 500, въ Бихарѣ 465. Къ густо населеннымъ частямъ нужно отнести также Ауд- (468), сѣверо-западные провинціи, (378), Мадрасское президентство (243) и Бомбейское (131). Къ числу менѣе насе-

ленныхъ относятся кромѣ вышепоименованныхъ Кургъ (84: и центральныя провинціи (97)..

Къ весьма важной характеристикѣ индійскаго населенія нужно отнести еще слѣдующій фактъ: изъ 57.508,150 мужскаго взрослого населенія въ Англо-Британской имперіи 37.462,220 занимаются земледѣліемъ.

2.

Отъ Кашмира до мыса Коморина круглымъ числомъ насчитывается около тысячи девятисотъ британскихъ миль; отъ устьевъ Инда на западѣ до горъ къ в. отъ Брахмапутры считаютъ гораздо болѣе 1,500 миль. Съ востока на западъ полуостровъ пересекается хребтомъ Виндхья, тянущимся отъ пустыни къ с.-з. отъ Гузерата до Ганга на востокъ.

Хребетъ Виндхья раздѣляетъ полуостровъ на двѣ части сѣверную или Индустанъ и южную или Деканъ. Въ той и другой части, въ Индустанѣ и въ Деканѣ есть какъ британскія, такъ и независимыя владѣнія.

Одна треть Индіи (т. е. 589,315 англ. кв. миль) и одна пятая индійскаго населенія (т. е. 50.325,457) составляютъ такъ называемыя союзныя туземныя владѣнія (Feudatory or Native states).

Независимыхъ владѣній болѣе 460; они разсѣяны по всей Индіи и всюду окружены британскими владѣніями, простирающимися по западному и восточному берегу и захватившими двѣ трети всей Индіи.

Отношенія британскаго правительства къ независимымъ владѣніямъ опредѣлены различными договорами, трактатами и т. д. Собраніе этихъ документовъ составляетъ нѣсколько довольно толстыхъ томовъ; и вся совокупность ихъ все-таки не опредѣляетъ точно взаимныхъ отношеній туземныхъ госу-

дарствъ и британскаго правительства. Быть можетъ англичане и не желаютъ этой точности.

Они признали за принципъ своихъ отношеній къ туземнымъ государствамъ невмѣшательство и непрестанно, тамъ гдѣ могутъ, вмѣшиваются во внутреннія дѣла своихъ союзниковъ.

Они позволили туземнымъ государямъ содержать войска для защиты своихъ государствъ, но не позволяютъ имъ вести войны.

Англичане хлопочутъ о томъ, чтобы въ независимыхъ государствахъ заводились суды; но въ этихъ судахъ европейцевъ (т. е. англичанъ) судить не дозволяютъ.

Владѣтели туземныхъ государствъ признаны независимыми государями; но генераль-губернаторъ издаетъ приказы этимъ государямъ и требуетъ безусловнаго повиновенія. По волѣ генераль-губернатора владѣтель можетъ быть низложенъ, надъ нимъ можетъ быть учреждена опека; ему можетъ быть слѣлано внушеніе, наставленіе; онъ можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ знаковъ почета, напр. опредѣленнаго числа салютовъ.

Въ силу трактатовъ, нѣкоторыя изъ туземныхъ владѣній имѣютъ право содержать собственное войско, и войско союзныхъ государствъ нѣсколько превосходить численностью англійское. Англичане имѣютъ въ Индіи 62,652 европейскаго войска и 190,108 туземнаго.

Во всѣхъ независимыхъ владѣніяхъ насчитываютъ 315,000 человекъ. Конечно, войска независимыхъ владѣній гораздо хуже вооружены и обучены нежели англійское. Ихъ артиллерія несомнѣнно не можетъ соперничать съ англійскою, а пѣхота не имѣетъ ружей новѣйшихъ системъ. И съ нынѣшняго года по всей вѣроятности всякая реформа по вооруженію войскъ независимыхъ владѣній будетъ сопряжена съ боль-

шими противъ прежняго трудностями и громадными затратами для туземныхъ владѣтелей. Англичане провели билль, по которому всякое ружье, ввозимое въ Индію, подлежитъ оплатѣ пошлины въ 20 рупій (около двухъ фунтовъ стерлинговъ).

Правда, въ Индіи указываютъ на Гваліоръ, гдѣ независимый владѣтель ввелъ у себя нѣчто подобное прусской системѣ: его армія обновляется черезъ каждые два-три года, и современемъ все населеніе его владѣній обратится въ солдатъ, населеніе, которое и помимо того считалось всегда воинственнымъ.

Но пока еще эта страна сдѣлается опасною для британскаго владычества въ Индіи, въ томъ же самомъ Гваліорѣ мы имѣемъ одинъ изъ характерныхъ примѣровъ отношеній британскаго правительства къ туземнымъ владѣніямъ.

Извѣстно, что Гваліоръ и Индоръ остались вѣрными британскими союзниками во время возстанія сипаевъ. Услуга, оказанная Гваліоромъ англичанамъ, была одна изъ наиболѣе вѣскихъ; Ража оставался вѣренъ британскому правительству даже въ то время, когда часть его войска открыто присоединилась къ возставшимъ. Ража бѣжалъ изъ Гваліора и искалъ спасенія у британскихъ властей. Его министръ сэръ Динкаръ Рао, ревностный приверженецъ англичанъ, призвалъ на помощь ражпутовъ. Съ помощью ихъ гваліорскій ража усмирилъ возставшихъ подданныхъ и былъ восстановленъ на своемъ престолѣ. Онъ имѣлъ однако же несчастіе вернуться во дворецъ своихъ предковъ съ англійскимъ войскомъ.

Союзники тогда же заняли гваліорскую крѣпость и не оставляютъ ее до сихъ поръ, не оставляютъ не въ силу новыхъ трактатовъ, а потому, что Гваліоръ имѣетъ великое стратегическое значеніе. Рассказываютъ, что сэръ Динкаръ Рао, тотъ самый сторонникъ англичанъ, который въ 1858 году

удержалъ гваліорскаго ражу отъ возстанія и тѣмъ самымъ конечно, оказалъ англичанамъ немаловажную услугу, теперь говорить: „англичане не держатъ своего слова; они обѣщаютъ и не исполняютъ своихъ обѣщаній“.

Слова эти въ устахъ такого человѣка, какъ гваліорскій министръ, знаменательны. Динкаръ Рао, возведенный въ баронеты ея британскимъ величествомъ, одна изъ крупныхъ личностей Индіи по своему уму, значенію и вліянію среди туземнаго общества.

Но самодержавная власть англичанъ по отношенію къ туземнымъ владыкамъ сказывается не только въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, весьма часто она проявляется въ мелочахъ и даже не безъ комизма,

На одномъ изъ дарбаровъ лорда Мэо въ Ажмирѣ, между двумя царями Удейпурскимъ и Жодпурскимъ возникли пререканія о томъ, кому идти впередъ. Верховная власть рѣшила этотъ вопросъ въ пользу Удейпурскаго ражи; Жодпурскій обидѣлся и заблагодарасудилъ не показываться на большихъ выходахъ индійскаго вице-короля; но потому ли, что по молодости лѣтъ, выходы эти его интересовали, или въ силу какой-либо другой причины, по истеченіи нѣкотораго времени царь, надумавшись, показался вновь въ присутствіи вице-короля, на дарбарѣ. Ему приказано было удалиться и выѣхать изъ Ажмира. Мало того, его лишили на время салютовъ.

А между тѣмъ оба владѣнія, Удейпуръ и Жодпуръ независимы. Ихъ царскіе роды ведутъ свою генеалогію отъ мифическихъ героевъ, владѣнія ихъ не велики, но независимы и имѣютъ собственныя войска. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ первомъ т. е. въ Удейпурѣ: 538 пушекъ, 15,100 пѣхоты и 6,240 кавалеріи, во второмъ—220 пушекъ, 4,000 пѣхоты, 5,600 кавалеріи.

Со времени синайскаго возстанія, съ тѣхъ поръ какъ была оставлена политика воссоединеній,—неразъ и ни одинъ вице-король Индіи увѣрялъ туземныхъ владѣтелей, что всѣ заботы британскаго правительства клонятся къ тому, чтобы упрочить за ними ихъ права и авторитетъ, что англичане желаютъ чтобы они были сильны, а потому хлопочутъ о томъ, чтобы они были богаты, справедливы и воспитанны. Но имъ говорилось въ то же время, что Индія ежечасно становится все ближе и ближе къ престолу королевы. Съ каждымъ годомъ желѣзныя дороги и пароходы все тѣснѣе и тѣснѣе сжимаютъ Индію въ своихъ объятіяхъ, и цѣль англичанъ,—не накладывая желѣзныхъ оковъ, прикрѣпить Индію къ далекой метрополю золотыми цѣплями мира и любви. Дни завоеванія прошли, говорилось имъ,—насталъ вѣкъ преуспѣнія.

На сколько эти обѣщанія согласны съ видами индійскихъ независимыхъ владѣній—пока трудно рѣшить, но уязвимая пята Англій не тутъ, не въ независимыхъ владѣніяхъ — а внутри своихъ собственныхъ и по границамъ. Англичане, когда-нибудь дорого заплатятся за то, что при всемъ своемъ желаніи не дѣлать зла индійцамъ, они не знаютъ ихъ и не хотятъ уважать въ нихъ то, что такъ высоко и зачастую совершенно несправедливо цѣнятъ въ своей средѣ. Для большинства англичанъ не существуетъ между индійцами того типа, который они на своемъ языкѣ обозначаютъ словомъ „gentleman“ и неуклонно проводя свои начинанія, они не хотятъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, благодаря имъ же, въ Индіи все громче и громче заявляетъ свои права.

Было время, когда индійскіе неограниченные властелины прислушивались къ „гласу народа“, творя открыто „судъ и расправу“ въ своихъ роскошныхъ чертогахъ, куда всякій могъ имѣть доступъ. Англичане этому конечно не могутъ подра-

жать, да въ нашъ вѣкъ „гласъ народа“ ясно звучить даже въ Индіи въ газетахъ и въ публичныхъ митингахъ.

Пока не рѣшено на сколько этому гласу внемлютъ правители.

Дѣло Бароды въ 1875 году показываетъ, что они могутъ оставаться къ нему совершенно глухи.

Въ 1870 году на престолѣ Бароды Мулхаръ Рао наследовалъ своему брату. Черезъ три года, въ мартѣ 1873, къ нему былъ назначенъ въ качествѣ британскаго резидента полковникъ Фейръ. Резидентъ весьма скоро открылъ, что Мулхаръ Рао не хорошій правитель, что онъ деспотъ и расточителенъ.

Британское правительство вслѣдствіе донесенія своего резидента послало къ Бароду слѣдственную комиссію. Коммисія естественно пришла къ тому же заключенію, какъ и резидентъ. Она закончила свою работу въ февралѣ 1874 и въ своемъ докладѣ подтвердила предшествующія показанія британскаго резидента.

Верховное правительство пригласило Гайквара, т. е. бародскаго царя исправиться и назначило ему срокъ въ 18 мѣсяцевъ. Между тѣмъ отношенія Гайквара не могли быть дружественными къ резиденту; онъ просилъ даже у вице-короля назначить ему другого резидента. Вице-король согласился и былъ назначенъ новый резидентъ въ Бароду сэръ Л. Пелли.

Въ промежутокъ времени, между вступленіемъ въ должность новаго резидента и отъѣздомъ изъ Бароды полковника Фейра, была сдѣлана попытка отравить послѣдняго. Полковникъ Фейръ подозрѣвалъ самого Гайквара и въ этомъ смыслѣ донесъ своему правительству.

Вице-король назначилъ судъ надъ Гайкваромъ. Судъ состоялъ изъ трехъ англичанъ и трехъ индійцевъ: Махаражи Жайпура, Махаражи Сциндія и сэра Динкаръ Рао.

Судъ надъ Гайкваромъ продолжался болѣе мѣсяца, съ

23-го февраля по 31-е марта 1875 г. и пришелъ къ такому рѣшенію: трое англичанъ признали Гайквара виновнымъ, Махаража Жайпурскій считалъ его не виновнымъ въ взводимомъ на него обвиненіи; двое другихъ индійцевъ полагали, что обвиненіе не доказано. Индійское правительство, взвѣсивъ всѣ мнѣнія и всѣ показанія и снесшись съ правительствомъ ея величества, положило низложить Гайквара, что и было исполнено въ апрѣлѣ 1875 года; онъ былъ низложенъ и увезенъ изъ Бароды. Въ Индіи въ то время никто изъ туземцевъ не пытался защищать Гайквара какъ правителя; всѣмъ было хорошо извѣстно, что Гайкваръ имѣлъ всѣ слабости и пороки, обычные у восточнаго деспота. Но пытался ли онъ отравить своего недруга, хорошо ли было придираться къ такому недоказанному факту, для того чтобы провести уже ранѣе созрѣвшее намѣреніе,—мнѣнія обо всемъ этомъ расходились. Туземцы, и притомъ лучшіе, наиболѣе просвѣщенные, чувствовали какъ бы нѣкоторый стыдъ и позоръ; символъ родной власти былъ потоптанъ чужеземцами; пришла власть наряжаетъ судъ надъ ихъ царемъ, и даже какъ будто не вполне внемля рѣшенію суда, дѣйствуетъ по заранѣе начертанному плану.

Англо-индійская печать при этомъ высказывалась своеобразно; она была недовольна отозваніемъ по желанію Гайквара полковника Фейра; ее возмущало назначеніе смѣшаннаго, изъ англичанъ и изъ индійцевъ, суда, и она требовала низложенія, ссылки или повѣшенія Гайквара безъ суда, на основаніи одного показанія полковника Фейра.

Можно было бы привести гораздо болѣе такихъ примѣровъ, какъ низложеніе Гайквара, или насильственное удержаніе крѣпости въ Гваліорѣ—указывающихъ, что независимыя владѣнія въ Индіи не сильны и пока не въ состояніи оказывать англичанамъ мощной оппозиціи.

Но если мы обратимся къ границамъ Индіи, къ сѣверной и сѣверо-западной окраинѣ, то увидимъ, что тутъ положеніе британской власти нѣсколько отлично.

3.

Къ сѣверу отъ индустанскихъ равнинъ, на протяженіи около тысячи восьмисотъ миль тянется непрерывный рядъ снѣжныхъ пиковъ, отдѣляющій Индію отъ сѣверныхъ странъ Азіи; здѣсь беретъ начало большинство значительныхъ рѣкъ орошающихъ сѣверную Индію. Къ сѣверу отъ истоковъ Инда и Санпу поднимается второй кряжъ снѣжныхъ горъ, образующій южную границу Тибетскаго плато. Этотъ кряжъ извѣстенъ намъ всего лучше, хотя далеко недостаточно, въ своемъ западномъ протяженіи; Каракорумъ непрерывно тянется на протяженіи около трехъ сотъ миль и составляетъ водораздѣлъ между бассейнами озера Лоба и Инда. Значительнѣйшія вершины Каракорума достигаютъ 28,278 ф. (Пикъ К. 2).

Рядъ вершинъ, достигающихъ до 14,300 ф., тянется къ западу отъ Кашмира до Инда; между Индомъ и р. Читраль или Кунаръ эта гряда достигаетъ высоты отъ 14,800 до 17,000 ф.; высота этого кряжа не уменьшается и далѣе на западъ на пространствѣ отъ западнаго берега р. Читраль до ея впаденія въ р. Кабуль и далѣе до перевала Хавакъ въ Гиндукушѣ; въ этой части горъ, тянущихся параллельно р. Кабулу высоты достигаютъ 15,337 ф.

Такимъ образомъ рядъ высокихъ горъ составляютъ сѣверную и сѣверо-западную границу индустанскихъ равнинъ.

Подъ прямымъ угломъ къ нимъ тянутся Сулейманскія горы; онѣ начинаются у Пешауэра, гдѣ Хайберская гряда, достигающая 5700 ф., раздѣляетъ пешауэрскую долину отъ Желалабадской; горы эти далѣе къ югу достигаютъ до 11,580 ф.,

а между 29 и 30 с. ш. онѣ круто поворачиваютъ на западъ; удерживая это направленіе на протяженіи 150 миль, затѣмъ у Боланскаго прохода онѣ опять принимаютъ меридіональное направленіе.

Вдоль сѣверной границы Индіи, по долинамъ и ущельямъ Гималаевъ расположены нѣкоторыя изъ туземныхъ владѣній. Ихъ весьма удобно можно раздѣлить на два отдѣла: 1) Независимыя владѣнія восточныхъ Гималаевъ, и 2) таковыя же западныхъ. Между тѣми и другими находятся британскія владѣнія.

Въ восточныхъ Гималаяхъ наиболѣе сильнымъ, но можетъ быть самымъ значительнымъ изъ этихъ владѣній нужно считать Непаль. Непальскія владѣнія занимаютъ пространство въ 54,000 кв. мили съ населеніемъ въ 3.000,000.

На востокъ отъ Непала въ долинѣ р. Тиста находится Сиккимъ, на пространствѣ 2,550 кв. миль съ незначительнымъ населеніемъ въ 50,000. Въ 1835 году сиккимскій ража уступилъ англичанамъ долину Даржайлинъ за ничтожную ежегодную плату въ 300 ф. стерлинговъ; съ 1846 года эта плата была удвоена, а въ началѣ семидесятыхъ годовъ она доросла до 1,200 ф. въ годъ.

На востокъ Сиккимъ соприкасается съ Бхутаномъ, свѣдѣнія о которомъ до нынѣшняго времени остаются весьма скудными. Къ югу отъ Бхутана находится небольшое владѣніе Кучь-Бихаръ съ населеніемъ 532,565 на пространствѣ 1,292 кв. миль, а на востокъ земли Таванъ Бхотіевъ, черезъ территорію которыхъ ведется торговля между Ассамомъ и Тибетомъ.

Между Бхутаномъ и Бирмою британская граница занята дикими племенами; нѣкоторымъ изъ нихъ англо-индійское правительство платитъ ежегодно опредѣленную пенсію, желая удержать ихъ отъ пограничныхъ разбоевъ. Весьма часто слу-

чается, что разбойники берутъ пенсію, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ грабить.

Туземныя владѣнія по склонамъ западныхъ Гималаевъ были возстановлены англичанами послѣ непальской войны 1814 года. Горкинцы простерли свои завоеванія до Сатлежа и большинство мѣстныхъ владѣтелей принуждено было искать спасенія въ бѣгствѣ. Трактатомъ 1814 Непаль отказывался отъ своихъ завоеваній къ западу отъ р. Кали; часть этой территоріи англичане присоединили къ своимъ владѣніямъ, въ другой была возстановлена власть туземныхъ ражей. Всѣхъ западно-гималайскихъ владѣній насчитываютъ 32; всѣ они за исключеніемъ Кашмира очень не велики и не имѣютъ никакого политическаго значенія.

Кашмиръ неоспоримо имѣетъ не малое политическое значеніе по своему географическому положенію. Торговые пути въ восточный Туркестанъ и въ Тибетъ пересѣкаютъ эту горную страну.

Кашмирское владѣніе было образовано Галльбъ Синхомъ, однимъ изъ сподвижниковъ Ранжитъ Синха. Кашмиру принадлежитъ Ладакъ и Кашмирскій ража имѣетъ 26,975 войска; ему подвластны 1.537,000 на пространствѣ 79,784.

4.

Гималаи или естественная грань, отдѣляющая съ сѣвера Индію отъ остальной Азіи, до сихъ поръ остается мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ неизслѣдованной.

Извѣстно, что есть пути, выводящіе черезъ эти высокія горы на востокъ изъ Индіи въ Тибетъ и затѣмъ въ Китай, на западѣ, изъ кашмирскихъ и другихъ владѣній идетъ нѣсколько дорогъ въ Тибетъ, въ восточный Туркестанъ и т. д. до границъ Русской имперіи.

Дороги эти вслѣдствіе естественныхъ условій должны быть

отнесены къ самымъ труднымъ на всемъ земномъ шарѣ. По нѣкоторымъ изъ этихъ путей, вѣроятно, никогда не ходили завоеватели и весьма сомнительно, чтобы по нимъ производились или производятся оживленные торговыя сношенія.

Для удобнаго обозрѣнія этихъ путей, ихъ можно раздѣлить на два разряда: дороги изъ восточныхъ Гималаевъ ведутъ непосредственно въ Тибетъ и затѣмъ въ Китай, пути изъ западно-гималайскихъ странъ ведутъ также въ Тибетъ, но кромѣ того, въ Восточный Туркестанъ.

Для насъ конечно, наибольшее значеніе имѣютъ послѣднія дороги, такъ какъ онѣ ведутъ къ нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ и затѣмъ даже въ наши владѣнія.

О путяхъ изъ восточныхъ Гималаевъ въ Тибетъ въ послѣднее время англичанами было сдѣлано нѣсколько розысканій. Розысканія эти производились, конечно, не исключительно съ одною научною цѣлью: мысль о болѣе тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ Индіи съ Тибетомъ зародилась еще у В. Гастингса и никогда не оставлялась англо-индійскимъ правительствомъ. Но первыя и послѣдующія попытки завязать эти сношенія не увѣнчались никакимъ успѣхомъ: В. Гастингсу пришлось разочароваться въ результатахъ своихъ начинаній, также точно и позднѣйшія усилія по этому дѣлу не давали до сихъ поръ болѣе утѣшительныхъ результатовъ. Въ настоящее время на торговлю Индіи съ Тибетомъ въ самой Индіи существуютъ два прямо противоположныхъ воззрѣнія.

Одни говорятъ, Тибетъ страна горная, не плодородная и малонаселенная; большой иноземной торговли въ ней никогда не было, да и не можетъ быть: что можно везти туда, въ чемъ нуждается это населеніе? И если бы даже потребности этого населенія были узнаны и со временемъ искусственно развиты, даже при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, не

нужно забывать тѣхъ путей, которыя связываютъ Индію съ Тибетомъ. Защитники тибетской торговли указываютъ на проходъ въ Сиккимъ (Желеп-ла), который легко обратить въ удобный путь сообщенія; но для того, чтобы выстроить мосты по этому пути, проложить въ горахъ тропинку для одного всадника, необходимо истратить болѣе десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

Защитники индо-тибетской торговли указываютъ на то, что тибетская торговля, ничтожная въ настоящее время, можетъ развиться со временемъ, хотя по всей вѣроятности не скоро: свободный путь въ Тибетъ и оттуда далѣе въ западный Китай, въ будущемъ можетъ имѣть для англичанъ громадное значеніе. Хотя для торговли съ Китаемъ они имѣютъ Гонгконгъ и Шанхай, и казалось бы имъ излишне отыскивать новыя пути туда же; но, несомнѣнно, имъ весьма важно имѣть на случай возможной войны или при болѣе сильномъ развитіи американской или германской торговли съ Китаемъ, исключительно въ своихъ рукахъ такой путь, гдѣ для нихъ немислимы никакіе соперники. И, само собою разумѣется, такой путь есть дорога, правда очень трудная, чрезъ Тибетъ.

Теперь, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, торговля съ Тибетомъ существуетъ: изъ Даржайлина и Сиккима въ Тибетъ вывозится разнаго товару на 18,554 фунт. стерлинговъ, а изъ Тибета вывозъ доходитъ до 11,063.

Торговля производится чрезъ проходъ Желеп-ла (16,000 фут.). Дорога эта считается кратчайшею и лучшею; она ведетъ къ перевалу, проходимому круглый годъ и находящемуся въ наименѣе возвышенной грядѣ Чола. Перевалъ приводитъ въ тибетскую провинцію Чумби и отъ перевала до Хлассы говорятъ отъ 250 до 300 миль; до другихъ торго-

выхъ пунктовъ еще менѣе: до Жхонсу-Жонъ въ восточномъ Тибетѣ только 150 м., до Тешу-Лумбо 200 м.

Путь этотъ считается лучшимъ, но конечно сравнительно съ другими тибетскими дорогами: ибо только на разстояніи 37 миль, отъ Даржайлина до Федона, онъ проходимъ для вьючныхъ пони; далѣе товары перевозятся на людяхъ.

Пути въ Тибетъ имѣютъ одну хорошую сторону, отличающую ихъ отъ дорогъ, выводящихъ изъ Индіи по сѣверо-западной границѣ. Сами тибетцы народъ, сколько извѣстно, мирный и честный; страна ихъ въ продолженіи многихъ вѣковъ хорошо управлялась и наслаждалась миромъ; по Тибету есть хорошія дороги и протекаютъ судоходныя рѣки. Извѣстно также, что между Тибетомъ и Китаемъ существуетъ довольно значительная торговля. Китайцы ввозятъ въ Тибетъ между прочимъ чай, бумажныя матеріи, фарфоръ и т. д.; изъ Тибета они вывозятъ серебро, соль, шерстяныя матеріи, мѣха и мускусъ. Главный предметъ ввоза есть кирпичный чай, и по свѣдѣніямъ англичанъ, количество этого чая (четыре кирпича или всего 20 ф.) стоющее на мѣстѣ въ Китаѣ пять или четыре пенса, въ Хлассѣ продается за одинъ фунтъ, четыре или восемь шиллинговъ; въ странахъ отдаленныхъ отъ главнаго торговаго пути *то же* количество чая еще дороже.

Понятно, что англичане, имѣющіе чайныя плантаціи въ Сиккимѣ, Камаонѣ, Дехридунѣ, Кангрѣ, должны хлопотать о такомъ выгодномъ сбытѣ своего продукта. Извѣстно, что въ одномъ Даржайлинѣ чайныя плантаціи въ 1874 г. занимали 18,888 акровъ и доставляли 3.927,911 фунтовъ чаю.

Кромѣ того по слухамъ извѣстно, что въ Тибетѣ много золотой руды, которая не разрабатывается самими тибетцами и китайцы вывозятъ изъ Тибета значительное количество серебра.

Всѣ желанія и начинанія англичанъ открыть сбытъ сво-

имъ продуктамъ на тибетскихъ рынкахъ, парализируются китайскою политикою.

По послѣднимъ извѣстіямъ, кажется Китай разрѣшилъ англичанамъ свободный доступъ въ Тибетъ: въ конвенціи, заключенной въ Че-фу британскимъ посланникомъ сэромъ Томасомъ Уедомъ, есть статья, разрѣшающая англичанамъ свободный проходъ чрезъ Тибетъ въ Китай. До послѣдняго же времени отношенія китайскихъ властей къ попыткамъ англичанъ пробираться въ Тибетъ были до крайности оригинальны: въ 1873 году по Сиккиму путешествовало съ цѣлью разузнать о лучшихъ путяхъ въ Тибетъ лицо официальное (J. Ware Edgar), онъ добрался до прохода Желеп-ла, но проникнуть въ Тибетъ не могъ. Какъ только объ его развѣздахъ узнали китайскіе амбани, они прислали сиккимскому ражѣ внушеніе; въ этомъ любопытномъ документѣ, приводимомъ въ официальномъ отчетѣ о путешествіи г-на Едгара, говорится между прочимъ: „согласно съ золотымъ писаніемъ китайскаго императора и порядками, доселѣ существовавшими, поддерживать которыя мы поклялись, не одинъ изъ англичанъ не смѣетъ переступить границы.

Вы (т. е. ража) должны это объяснить англичанину и употребить всѣ усилія, чтобы убѣдить его вернуться назадъ, не входя въ Тибетъ“. Г. Едгаръ такъ и сдѣлалъ, какъ ему приказали китайскіе амбани; онъ вернулся назадъ. И позднѣе то же самое повторилось съ бенгальскимъ губернаторомъ сэромъ Ричардомъ Темплъ. Его попытки перейти тибетскую границу также не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

Китайцы разставили по тибетской границѣ стражу, которая очень добросовѣстно исполняетъ свои обязанности.

Разсказываютъ объ одномъ англичанинѣ, которому удалось какъ-то провести эту бдительную стражу и пробраться въ заповѣданный край.

Разъ переступивъ за строго охраняемую границу, ему казалось, что дальнѣйшихъ препятствій къ слѣдованію по странамъ пустыннымъ не можетъ предстоять. И дѣйствительно все обстояло благополучно, пока онъ не наткнулся на второй отрядъ стражи.

Солдаты изумленно посмотрѣли на него и ничего не сказавъ, стали за нимъ слѣдомъ идти. Путешественнику даже нравился этотъ молчаливый и вѣжливый конвой; въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ они мирно подвигались впередъ, пока не дошли до какой-то рѣчки, клубящейся въ глубокомъ ущельи.

Черезъ рѣчку былъ перекинутъ оригинальный тибетскій мостъ, по которому путешественникъ не могъ перейти, и долженъ былъ перетаскиваться въ корзинѣ, свободно двигающейся по веревкѣ, привязанной къ двумъ шестамъ, на томъ и на этомъ берегу рѣки.

Часть стражи перешла въ бродъ чрезъ рѣку и обязательно предложила путешественнику перетащить его на тотъ берегъ, въ корзинѣ. Не безъ нѣкотораго колебанія сълъ англичанинъ въ корзину; потянули корзину на веревкѣ и совершенно свободно дотащили до середины рѣки.

Дотащивъ корзину до середины рѣки, солдаты бросили свое дѣло, преспокойно съли, закурили свои трубки и стали поглядывать на англичанина.

— Тащи, кричитъ англичанинъ; а они молчатъ, покуриваютъ, да посматриваютъ на него.

Такъ продолжалось довольно долго, пока той и другой сторонѣ потѣха не надоѣла. Начались переговоры; китайцы предложили англичанину одно изъ двухъ: или вѣчно сидѣть въ корзинѣ, или отправляться назадъ.

Предпріимчивый путешественникъ выбралъ конечно послѣднее.

Кромѣ сейчасъ упомянутаго пути въ Тибетъ по Сиккиму, чрезъ переваль Желеп-ла, есть еще нѣсколько дорогъ туда же, какъ по Сиккиму, такъ и въ Бхутанѣ, и въ Непалѣ. Но на этихъ путяхъ или приходится встрѣчаться съ еще большими естественными трудностями, или же они проходятъ по странамъ столь же мало извѣстнымъ, какъ и самъ Тибетъ. Быть можетъ въ Непалѣ отыщется еще болѣе удобный путь въ Тибетъ, такъ какъ извѣстно, что тибетскія и китайскія войска въ разныя времена доходили до большой Непальской долины, откуда дорога въ Индустанскія равнины открыта. Но пока наши свѣдѣнія объ этихъ дорогахъ очень скудны: Непаль или Бхутанъ страны столь же недоступны европейцамъ, какъ и самый Тибетъ.

5.

Уже выше было сказано, что наибольшее значеніе имѣютъ пути, ведущіе изъ Кашмира за индійскіе предѣлы—въ Восточный Туркестанъ и въ Тибетъ. О послѣднихъ мы не станемъ говорить, такъ какъ о путяхъ въ Тибетъ было уже упомянуто сейчасъ.

Пути ихъ отсюда къ сѣверо-западу двоякаго рода: или они идутъ черезъ Ладакъ въ Яркендъ и т. д., или же черезъ Гильгитъ и Ясинъ въ Ваханъ и т. д.

Кашмиръ, какъ уже было сказано выше, есть независимое горное владѣніе; пути изъ равнинъ въ Кашмиръ не представляютъ никакихъ трудностей, хотя не всѣ они, по причинѣ снѣговъ, открыты круглый годъ.

Изъ Кашмира на сѣверо-западъ въ Гильгитъ и Ясинъ извѣстны два пути.

На одномъ пути (22 перехода или $233\frac{1}{2}$ мили) находятся два высокихъ перевала: одинъ Раджіанганъ (11,800 ф.), другой Камри, еще выше (13,160 ф.). Большая часть дороги

очень дурна и неудобна для вьючныхъ пони. Съ половины ноября до половины мая она непроходима по причинѣ снѣговъ.

Второй путь черезъ переваль Дарикунъ (13,500 ф.) немногимъ длиннѣе предыдущаго (23 перехода или $238\frac{1}{2}$ миль); но эта дорога осенью открыта на нѣсколько недѣль долѣе, а весною становится проходимою ранѣе. Въ продолженіи пяти мѣсяцевъ и она непроходима для лошадей, хотя пѣшеходамъ безъ клади она доступна зимою.

Отъ Гильгита до Ясина насчитываютъ 80 миль или 5 переходовъ.

Изъ Ясина есть путь въ Ваханъ черезъ Даркотскій переваль, непроходимый зимою; по этому пути ведется торговля бадакшанцами и ваханцами; изъ Ясина же есть путь въ Читраль и въ Мастужъ черезъ Шундурскій проходъ.

Отъ Ясина до Вахана (Кила-Пянжа) насчитываютъ 177 миль или 15 переходовъ; до Читраля 326 миль или 27 переходовъ. Часть пути пролегаетъ по необитаемой, гористой странѣ.

Изъ Вахана есть дороги на Большой и Малый Памиръ—мѣста, извѣстныя нашимъ изслѣдователямъ и отчасти нашимъ войскамъ.

Дорога изъ Кашмира въ Ладакъ есть тѣ торговые пути въ Восточный Туркестанъ, о которыхъ англичане такъ много хлопотали въ послѣдніе годы.

Для открытія новыхъ рынковъ они снаряжали двѣ экспедиціи, но пока достигли далеко не блестящихъ результатовъ. Въ 1875 году сумма вывоза и ввоза не достигала восьмидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ (вывозъ 45,444, ввозъ 34,270 фунтовъ стерлинговъ, — итого 79,714). Но снаряжая экспедиціи и завязывая сношенія съ Якубъ-бекомъ, англичане имѣли въ виду не одни свои торговые интересы. Насколько

неудачны были эти экспедиціи во всякомъ другомъ отноше- нии—ясно доказали послѣднія событія въ Восточномъ Туркестанѣ.

Не останавливаясь теперь на этомъ вопросѣ, мы обратимся къ обзору путей, ведущихъ изъ Индіи въ Восточный Туркестанъ.

Торговья пути изъ индустанскихъ равнинъ въ Восточный Туркестанъ частью сходятся въ Ле столицѣ Ладака, или направляются въ Яркендъ, минуя Ле.

Ле есть значительнѣйшій рынокъ для обмѣна товаровъ между Средней Азіей и Индустаномъ. Кратчайшій путь туда направляется черезъ Кашмиръ, и отъ Сринагара до Ле считается не болѣе 256 миль. Дорога пролегаетъ черезъ проходы болѣе низкія и доступныя въ продолженіи большаго числа мѣсяцевъ; на 15 переходахъ она доступна для верблюдовъ. Путь черезъ Куллу не многимъ длиннѣе, но менѣе удобенъ нежели кашмирскій.

Эта часть пути, отъ индустантскихъ равнинъ до Ле представляетъ наименьшія трудности и къ тому же она постоянно улучшается и дѣлается все болѣе доступною для слѣдованія каравановъ.

Изъ Ле въ Яркендъ есть нѣсколько путей. О характерѣ этихъ путей можно составить себѣ приблизительно точное представленіе, припомнивъ только высоту переваловъ и малонаселенность тѣхъ странъ, черезъ которыя пролегаютъ эти дороги.

По дорогѣ черезъ Чанъ-ченъ-мо отъ Ле до Яркенда насчитывается 610 миль, или 40 переходовъ; дорога пролегаетъ черезъ восемь переваловъ, изъ которыхъ высшій достигаетъ 18,200 ф. (Сукетъ), а нисшій (Чучу) 11,850. Двугорбые верблюды удобно проходятъ по этой дорогѣ. Топлива и травъ нѣтъ,

только на двухъ-трехъ стоянкахъ. Зимую дорога не проходима.

Путь, открытый Геувордомъ, проходитъ черезъ Линъ-зитанское плато (17 т. ф.) и нѣсколько короче предъидущаго, (546½ миль). Третій путь самый восточный,—тотъ, по которому слѣдовали А. Шлагинтвейтъ и нѣсколько позднѣе Джексонъ въ Хатанъ, немногимъ длиннѣе перваго (628 миль, или 43 перехода); и по этому пути также приходится подниматься на высоты до 17,700 ф.

Отъ Ле до Яркенда черезъ Каракорумъ (18,300 фут.) есть двѣ дороги: лѣтняя, кратчайшая (515 миль, 35 переходовъ) пролегаетъ черезъ проходы выше семнадцати и восемнадцати тысячъ футовъ. На этомъ пути нужно переправляться въ лодкахъ черезъ р. Шаюкъ, и онъ открытъ въ продолженіи четырехъ-пяти мѣсяцевъ въ году; хотя въ это время по немъ удобно проходятъ вьючные пони, но черезъ Санжу (16,760 ф.) и Сасерь (17,500 ф.) необходимо перебираться на якахъ. На нѣсколькихъ переходахъ травы и топлива мало; на другихъ ни того, ни другого совсѣмъ нѣтъ.

Зимній путь нѣсколько длиннѣе лѣтняго, пролегаетъ черезъ четыре перевала и открытъ съ ноября до февраля. Недостатокъ въ травѣ и топливѣ терпится и на этомъ пути.

Изъ Кангры есть два пути въ Яркендъ, минуя Ле: наиболѣе длинный (923 мили, 65 переходовъ) проходитъ по долинѣ Чанъ-ченъ-мо и такимъ образомъ частью совпадаетъ съ первымъ изъ вышеописанныхъ; второй, кратчайшій, (870 миль, 62 перехода) пролегаетъ чрезъ Каракорумъ и три мѣсяца въ году по причинѣ снѣговъ не доступенъ.

Изъ Яркенда въ Кашгаръ дорога извѣстная и хорошо описанная членами послѣдней форсайтовской экспедиціи. Отъ Кашгара же до Кокана не многимъ болѣе двухсотъ верстъ.

Хотя настоящій очеркъ не имѣетъ цѣлью описывать

военныя дороги въ Индію, считаю не лишнимъ однакоже замѣтить, что все, доселѣ сказанное о путяхъ въ Индію, относилось къ торговымъ путямъ. Изъ исторіи намъ извѣстно дѣйствительно, что и черезъ Гималаи проходили войска; такъ на примѣръ, Ладакъ былъ завоеванъ Сикхами, въ Непалѣ проникали тибетскія войска. Но все это единичные факты: пути, по которымъ всего болѣе направлялись завоеватели, идутъ не черезъ Гималай.

6.

Англичане провели свою сѣверозападную границу въ ближайшемъ разстояніи отъ равнинъ, во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ непокорными горцами, засѣвшими вдоль границы на протяженіи восьмисотъ миль.

Насколько эта мѣра привела къ желанной цѣли, ясно доказали ихъ прошедшія, весьма частыя столкновенія съ пограничными разбойничьими племенами. Набѣги этихъ горцевъ, какъ извѣстно, повторились въ самое послѣднее время, и вызвали въ правительственныхъ сферахъ различныя проекты. Въ газетахъ даже поговаривали о перенесеніи границы далѣе къ западу, иными словами о захватѣ земель независимыхъ горцевъ.

Вдоль сѣверо-западной границы находятся: Гильгитское губернаторство, часть вассальнаго владѣнія Кашмира, и англійскія области (Commissionerships) Пешауэръ, Деражатъ и Синдъ.

Каждая изъ сейчасъ упомянутыхъ англо-индійскихъ областей дѣлится на три уѣзда (districts): такъ, Пешауэръ имѣетъ три уѣзда: Хазара, Пешауэръ и Кохатъ; Деражатъ дѣлится на: Банну, Дера-Измаль-ханъ и Дера-Гази-ханъ; Синдъ дѣлится на: Верхній Синдъ, Шикарпуръ и Карачи.

Цѣпь независимыхъ разбойничихъ племенъ начинается у

сѣверо-западной окраины Кашмирской территоріи, идетъ вдоль сѣверо-западной границы Хазара, переступаетъ за Индъ, вьется по сѣверной и сѣверо-западной границѣ Пешауэрской равнины. вплоть до Хайберскаго ущелья. Отсюда далѣе таковое же разбойническое население продолжается по афридскимъ холмамъ до Кохата, вдоль западной границы послѣдняго, по холмамъ Вазириевъ къ Банну и до Сулейманскихъ горъ: далѣе тѣ же непріятные сосѣди засѣляютъ подошвы Сулейманскихъ горъ до границъ Синда.

Это разбойничье население тянется на протяженіи восьмисотъ миль.

Перечисленіе всѣхъ пограничныхъ племенъ съ ихъ подраздѣленіями было бы весьма затруднительно, и пожалуй даже излишне; но нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на свою малочисленность, имѣютъ не малое политическое значеніе.

На границѣ уѣзда Хазири, на правомъ берегу Инда, находится гора Махабанъ, у подошвы которой расположена Ситана, или колонія отчаянныхъ фанатиковъ, имѣющихъ многочисленныя связи по всей Индіи и завѣдомо враждебно расположенныхъ къ англичанамъ.

Исторія этой колоніи восходитъ къ началу настоящаго столѣтія, когда въ эпоху процвѣтанія Сикхскаго владычества въ Пенжабѣ, въ Индіи проявился новый масульманскій пророкъ Хазретъ-Сейдъ-Ахметъ, проповѣдывавшій жигады противъ Сикховъ и объявившій, что онъ ниспосланъ истребить всѣхъ невѣрныхъ, начиная отъ сикховъ и кончая китайцами. На призывъ къ священной войнѣ откликнулись его многочисленные ученики по всей сѣверной Индіи и война возгорѣлась въ октябрѣ 1826. Годы длились отчаянныя стычки между мусульманами и сикхами, но наконецъ въ 1831 г. сикхи овладѣли особою пророка и убили его.

Но ученіе его не исчезло безслѣдно, и его послѣдователи

не погибли; они преумножились и распространились по всей сѣверной Индіи, перенесли прежнюю ненависть къ сикхамъ на гауровъ-англичанъ, нынѣ владѣющихъ двумя третями всей Индіи съ Пенжабомъ включительно.

Послѣ смерти пророка настало затишье; послѣдователи его, послѣ погрома, разсѣялись по всей Индіи; часть ихъ пробралась за Индъ въ горы, гдѣ и основала колонію въ Ситанѣ, нынѣ, какъ выше было упомянуто, завѣдомо враждебную англичанамъ.

Въ сосѣдствѣ съ Ситаною находится сватская долина, отдѣленная отъ британской границы грядою высокихъ горъ. Населеніе Свата не превышаетъ ста тысячъ, но изъ этого числа около двадцати тысячъ—воиновъ.

Населеніе дѣлится на нѣсколько клановъ, подчиняющихся выбранному старшинѣ и ахунду или первосвященнику. Послѣдній изъ ихъ старшинъ былъ избранъ между ситанскими фанатиками.

Вокругъ этихъ двухъ гнѣздъ фанатизма по горамъ разсѣяны трибы, разбойничьи по своимъ занятіямъ, невѣжественныя, легко возбуждаемыя и всегда готовыя на грабежъ. Но вліяніе ахунда сватскаго простирается еще далѣе въ глубь самой Индіи, всюду, гдѣ есть беспокойные масульманскіе элементы. Въ прошломъ году были извѣстія, что недавно умершій ахундъ сватскій хотѣлъ объявить жигадъ противъ англичанъ. Въ нынѣшнемъ году въ индійскихъ газетахъ сообщалось о томъ, что новый ахундъ Мянъ-Гуль высказывалъ нѣкоторую склонность войти въ мирныя сношенія, но это самое возбудило противъ него его же подданныхъ.

Отъ границы Свата до р. Кабула живутъ Моманды и далѣе Афридіи, въ рукахъ которыхъ находятся перевалы (Хайберскій, Тартара и Абкхана), связывающіе Пешауэрскую равнину съ Желалабадской долиной. Территорія Афридіевъ врѣ-

зывается между Пешауэромъ и Кохатомъ; въ этомъ мѣстѣ есть два прохода черезъ горы: Кохатъ, Жеваки; оба они также заняты афридіями. Афридіи—самое значительное изъ пограничныхъ племенъ, самое беспокойное и самое предательское. Противъ нихъ, еще въ нынѣшнемъ году англичане снаряжали экспедицію.

Южнѣе отсюда въ проходѣ Гомаль и въ другихъ проходахъ Сулейманскихъ горъ, въ мѣстахъ до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ, хотя и очень близкихъ къ британской столицѣ, находятся Вазири. Это значительное разбойничье племя владѣетъ тѣми проходами, черезъ которые ведется торговля между Индіей и Средней Азіей. Средне-азіятская торговля ведется въ этихъ мѣстахъ такъ называемыми Повинда, т. е. бѣгунами; это купцы изъ племенъ Лохани съ оружіемъ въ рукахъ прокладываютъ себѣ дорогу, чрезъ страну Вазириевъ. Повинда доходятъ до Бухары, а при переходѣ черезъ Сулейманскія горы постоянно подвергаются нападеніямъ со стороны Вазириевъ. Число воиновъ въ племени Вазири доходитъ до 43,900.

Разнообразныя разбойничьи племена засѣляютъ Сулейманскія горы и далѣе къ югу, но они менѣе важны и не столь многочисленны, какъ сейчасъ названныя.

Географическое положеніе пограничныхъ разбойничьихъ племенъ поставляетъ ихъ въ особенно выгодныя условія; внутри Индіи независимыя владѣнія всюду окружены англоиндійскими владѣніями и такимъ образомъ парализованы во всѣхъ своихъ враждебныхъ англичанамъ начинаніяхъ; англичане правы, утверждая, что здѣсь безъ ихъ согласія и позволенія не выпалитъ ни одна пушка. А если уже выпалитъ, такъ въ отвѣтъ ей раздадутся выстрѣлы по всей Индіи, что при разобщенности индійскихъ мѣстныхъ интересовъ трудно ожидать.

Отношеніе же британскаго правительства къ горцамъ свѣрозападной провинціи совершенно иное. Эти племена засѣли въ горахъ, мало и плохо извѣстныхъ англичанамъ, ибо до послѣдняго времени англичане избѣгали и даже запрещали географическое изученіе этихъ мѣстъ, во избѣжаніе столкновенія съ горцами.

На западъ же, по ту сторону пограничныхъ горъ, находятся Авганистанъ и Белучистанъ,—страны, несомнѣнно, не имѣющія особыхъ причинъ быть благосклонно расположенными къ англичанамъ и въ силу послѣднихъ событій имѣющія много основаній недолго любить ихъ. Авганы когда то владѣли Индією и послѣ того не разъ грабили ее; ни того, ни другого они конечно не забыли; еще тверже помнитъ Ширъ-Али-ханъ тѣ годы, когда онъ боролся съ своими братьями, и какъ тогда на всѣ просьбы о помощи англичане твердили одно: „побѣди, одолѣй своихъ противниковъ,—и тогда только, не ранѣе мы признаемъ тебя эмиромъ и придемъ къ тебѣ на помощь“. Затѣмъ англійское правительство дѣйствительно признало его эмиромъ, давало ему субсидію, настраивало враждебно къ Россіи, хлопотало о присоединеніи къ его владѣніямъ Бадакшана и Вахана, отъ чего теперь само не прочь отказаться. Ширъ-Али-ханъ, по словамъ самихъ англичанъ, бралъ субсидію, просилъ больше и больше денегъ, и при этомъ не вѣрилъ ни въ чемъ англичанамъ. Ѣздилъ въ Индію на свиданіе съ вице-королемъ и когда, могъ, сносился и заискивалъ въ Россіи.

Келатскій ханъ конечно не такъ опасенъ, какъ Кабульскій эмиръ, но Сардары его, непокорные и вѣроломные, не многимъ лучше Авганъ; занятіе же Кветты и Боланскаго прохода врядъ ли поселить въ нихъ дружелюбіе къ англичанамъ.

Затѣмъ извѣстно также, что по с.-з. границѣ, въ горахъ, находятся два прохода, черезъ которые врывалась въ инду-

станскія равнины, въ историческіе времена, большая часть завоевателей. Пути, ведущіе черезъ проходы, суть слѣдующіе: чрезъ Хайберское ущелье они или ведутъ на с.-з. черезъ Сватъ, Бажоуръ, Диръ, Читралъ и т. д. въ Бадакшанъ, т. е. въ долину Аму-дарьи, или же проходятъ черезъ Кабуль, откуда есть дороги черезъ Баміанъ на сѣверъ, къ долини Аму-дарьи, и черезъ Кандахаръ и Гириштъ къ Герату.

Первый путь, какъ извѣстно, пролегаетъ по странамъ, мало населеннымъ и гористымъ, черезъ высокіе перевалы, до 17,000 ф. (Нукшанъ къ с. отъ Читрала), и конечно врядъ ли можетъ быть выбранъ для военныхъ цѣлей.

По второму, а также по прямой дорогѣ отъ Герата на Боланскій проходъ и затѣмъ къ индійскимъ границамъ не разъ двигались войска, что хорошо извѣстно англичанамъ, такъ какъ они сами предпринимали походы и въ Авганистанъ и въ Белучистанъ.

Отъ Герата до Кандахара считается 300 миль, отъ Кандахара чрезъ Боланскій проходъ до Суккури, на индійской границѣ 393 мили; всего 693 мили. Что къ Герату и къ Баміану есть нѣсколько дорогъ съ сѣвера, объ этомъ помнятъ и хорошо знаютъ не только владѣтели Индіи, но и всего болѣе сосѣди и подданные индійской императрицы.

Но конечно англичанамъ пока можно и не бояться нашествія съ сѣвера; границы державы, опасной для нихъ, границы Россіи пока еще всетаки слишкомъ отдалены отъ Индіи, и о дорогахъ въ Индію до сихъ поръ имѣются болѣе или менѣе смутныя свѣдѣнія.

Россія имъ страшна не потому, чтобы дѣйствительно русскій походъ въ Индію могъ состояться въ скоромъ времени, а потому, что въ возможность и успѣшность этого похода вѣрятъ ихъ сосѣди подданные.

И эта наивная вѣра на столько сильна, что заставила

англо-индійское правительство совершенно измѣнить его политику относительно с.-з. границы; изъ „мастерского бездѣйствія“ оно перешло къ активной и суетливой политикѣ,—замышляетъ рядъ энергическихъ мѣръ къ умиротворенію этихъ границъ; вице-король Индіи недавно предложилъ рядъ реформъ по управленію сѣверо-западной окраиной, и между прочимъ настаиваетъ на необходимости обезоружить все пограничное населеніе.

Государственный секретарь по дѣламъ Индіи, принявъ въ принципѣ прозктъ вице-короля, высказываетъ между прочимъ слѣдующее: „многія причины вызвали раздраженіе и волненія между непокойнымъ масульманскимъ населеніемъ, нашими близкими и отдаленными сосѣдями.

Критическое положеніе перваго въ мірѣ магометанскаго государства обновило силу фанатизма, который въ этихъ странахъ никогда вполнѣ не успокоивается. Въ то же время военная дѣятельность Россіи и ея великія территоріальныя пріобрѣтенія несомнѣнно взволновали населенія, находящіяся внѣ сферы ея непосредственнаго вліянія, и могли породить въ умахъ иллюзіи о томъ, что столкновеніе Россіи и Британіи не такъ безнадежно, какъ то было прежде“.

На этихъ знаменательныхъ словахъ мы можемъ успокоиться: Индія изъ сейчасъ представленнаго краткаго очерка индійскихъ окраинъ, очевидно, защищена отъ внѣшнихъ завоевателей громадными пространствами и естественными границами; пути туда есть, но они сопряжены съ большими трудностями; всякое нашествіе должно необходимо дорого обойтись тому, кто затѣялъ бы его; потребовало бы громадныхъ затратъ людей и денегъ; и въ концѣ-концовъ оно было бы совершенно бесполезно для того, кто не можетъ и не хочетъ удержать за собою Индіи. И зачѣмъ затѣвать дѣло трудное, когда по словамъ самихъ англичанъ, въ самой Индіи, по ея

границамъ и можетъ быть даже внутри страны есть такіе элементы, которые готовы вспыхнуть отъ нѣкоторыхъ слуховъ, и безъ дорого стоящихъ нашествій? Не таковъ ли смыслъ словъ самихъ правителей Индіи.

V.

Англійскіе законы въ Индіи.

1.

Наша исторія въ Индіи, говорятъ иногда англичане, есть исторія нѣжной любви къ законамъ и правамъ, существовавшимъ до насъ, исторія всегда присущаго намъ сознанія отвѣтственности предъ народомъ, управленіе надъ которымъ ввѣрило намъ провидѣніе.

Насколько справедливы ихъ слова, покажетъ послѣдующее изложеніе, которому считаемъ необходимымъ предпослать краткій очеркъ механизма англійскаго управленія Индіей.

Англійское управленіе Индій есть гражданское, опирающееся на военную силу, которая при своей незначительности не можетъ принимать дѣятельнаго участія въ цѣлой системѣ управленія.

Верховное управленіе Индіи состоитъ изъ кабинета, съ президентомъ Вице-королемъ, неограниченнымъ въ Индіи, но подвѣдомственнымъ въ Англии государственному секретарю по дѣламъ Индіи, и назначаемымъ въ Англии же правительствомъ.

Президентъ или вице-король завѣдуетъ двѣнадцатью провинціальными управленіями и туземными владѣніями.

Всякій указъ исходитъ отъ имени президента и совѣта, и въ заголовкѣ имѣетъ такое условное выраженіе Governor General in Council.

Во времена остъ-индской кампаніи всякое дѣло переходило отъ одного члена совѣта въ руки другого, и само собою разумѣется такимъ образомъ не могло быстро подвигаться къ разрѣшенію, но вызывало многообразное писаніе очень выработанныхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ кабинета. Всѣ они въ совокупности дѣлали меньше дѣла, нежели въ настоящее время одинъ помощникъ секретаря.

Преобразованія, имѣющія силу въ настоящее время, были введены лордомъ Кэннингомъ. Лордъ Кэннингъ образовалъ нѣчто подобное министерскому кабинету съ президентомъ генераль-губернаторомъ.

Всякій членъ верховнаго совѣта, стоящій во главѣ департамента, есть какъ бы министр. Онъ отвѣтственъ за всякое дѣло заурядное; дѣла-же болѣе важныя обязанъ представлять вице-королю.

Обыкновенно, кромѣ того вице-король завѣдуетъ лично однимъ какимъ-либо департаментомъ, всего чаще, департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

Все управление дѣлится на семь департаментовъ: 1) Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, (Foreign Department) 2) Общественныхъ работъ, (Public Works Department) 3) Департаментъ внутреннихъ дѣлъ (Home Department) 4) Департаментъ доходовъ, земледѣлія и торговли (Department of Revenue, Agriculture and Commerce) 5) Департаментъ финансовъ (Financial Department) 6) Военный департаментъ (Military Department) 7) Законодательный департаментъ (Legislative Department).

Главноуправленіемъ каждаго департамента завѣдуютъ членъ совѣта и его главный секретарь.

Всѣ бумаги наиболѣе важныя изъ каждаго департамента представляются завѣдующимъ имъ членомъ совѣта съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе генераль-губернатора. Вице-король или принимаетъ такое мнѣніе безъ видоизмѣненій, или же утверждаетъ его съ нѣкоторыми исправленіями и добавленіями.

Если мнѣніе члена совѣта такъ или иначе утверждено, онъ передаетъ его своему главному секретарю, который выработываетъ изъ него резолюцію, обнародываемую какъ приказъ генераль-губернатора въ совѣтъ.

Въ дѣлахъ болѣе важныхъ вице-король, даже будучи согласенъ съ мнѣніемъ члена совѣта, можетъ спросить мнѣніе другихъ членовъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ; въ такомъ случаѣ дѣло пересылается отъ одного члена къ другому или обходить всѣхъ членовъ совѣта.

Если мнѣнія вице-короля и члена совѣта расходятся по какому либо дѣлу, оно по приказанію вице-короля препровождается на разсмотрѣніе всѣхъ членовъ или же вносится въ совѣтъ.

Дѣла, нетерпящія отлагательства главный секретарь департамента имѣетъ право непосредственно представлять на разсмотрѣніе генераль-губернатора; сей-же послѣдній или самъ издаетъ приказъ или-же предварительно испрашиваетъ мнѣніе члена совѣта, находящагося во главѣ департамента.

Обязанности вице-короля тройкаго рода: еженедѣльно онъ принимаетъ доклады отъ своихъ главныхъ секретарей; еженедѣльно же собираются а) исполнительный совѣтъ вице-короля и б) его же законодательный совѣтъ.

Каждый изъ семи секретарей имѣетъ свой день для доклада вице-королю. Въ этотъ день онъ представляетъ вице-королю дѣла наибольшей важности, отвѣчаетъ на вопросы,

касающіе этихъ дѣлъ, и принимаетъ приказанія по какимъ-либо новымъ дѣламъ.

Разъ въ недѣлю собирается исполнительный совѣтъ; онъ состоитъ изъ вышеупомянутыхъ членовъ совѣта и главнокомандующаго, какъ дополнительнаго члена. Въ этомъ совѣтѣ обсуждается все относящееся въ общей политикѣ; совѣщанія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

Секретари департаментовъ находятся въ сосѣдней залѣ и каждый изъ нихъ вызывается въ залу совѣщанія въ то время, когда членъ докладываетъ или когда происходятъ обсуждения дѣла того департамента, при которомъ секретарь состоитъ.

Обыкновенно пренія не велики, такъ какъ члены собираются на совѣтъ, вполне познакомившись съ подробностями дѣлъ, о которыхъ предстоятъ обсуждения, и выработавъ свои опредѣленные мнѣнія о нихъ.

Дѣла рѣшаются или голосованіемъ, или же стараются достигъ соглашенія противоположныхъ мнѣній. Воля вице-короля есть рѣшающая и въ исключительныхъ случаяхъ вице-король можетъ издавать приказы, вопреки мнѣніямъ членовъ совѣта.

Процедура засѣданій совѣта въ большей части случаевъ бываетъ такова: вице-король, обсудивъ съ членомъ совѣта дѣло департамента, подвѣдомственнаго сему послѣднему, вноситъ его въ совѣтъ и оба высказываютъ свои воззрѣнія на дѣло, подлежащее обсужденію.

Мнѣнія какъ того, такъ и другаго извѣстны уже всѣмъ членамъ совѣта, такъ какъ до совѣщанія дѣло съ обоими мнѣніями обошло всѣхъ членовъ.

Когда въ совѣтѣ начинается обсужденіе дѣла, пренія уже не могутъ выяснять подробностей его, извѣстныхъ всѣмъ совѣщающимся, а потому и неываютъ продолжительны. При разногласіи, и послѣ попытокъ соглашенія, если

последнее не состоялось, въ докладѣ государственному секретарю по дѣламъ Индіи отдѣльные мнѣнія членовъ несогласныхъ излагаются или въ извлеченіи, или по желанію несогласной стороны исполнѣ.

Разъ въ недѣлю собирается также законодательный совѣтъ.

Въ этомъ совѣтѣ принимаютъ участіе вице-король, члены исполнительнаго совѣта, губернаторъ той провинціи въ которой вице-король имѣетъ свое мѣстопробываніе и также нѣсколько неофициальныхъ членовъ представителей туземнаго и европейскаго обществъ.

Предсѣдательствуетъ вице-король.

Настоящее устройство законодательнаго совѣта было введено въ 1861. Тогда же были учреждены законодательные совѣты для Бенгаліи, въ Мадрасѣ и въ Бомбаѣ, и генерал-губернатору дано право назначать сверхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ членовъ отъ шести до двѣнадцати дополнительныхъ членовъ (Additional Members), на половину изъ лицъ неофициальныхъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время законодательный совѣтъ имѣетъ слѣдующій составъ: 1) вице-король, 2) главнокомандующій, какъ чрезвычайный членъ совѣта; 3) шесть обыкновенныхъ членовъ, 4) губернаторъ или Chief Commissioner той провинціи, гдѣ совѣтъ засѣдаетъ; 5) не менѣе шести и не болѣе двѣнадцати дополнительныхъ членовъ, на половину состоящихъ изъ лицъ неофициальныхъ.

Въ полномъ составѣ совѣтъ состоитъ изъ двадцати членовъ; изъ нихъ вице-король, главнокомандующій и шесть обыкновенныхъ членовъ совокупно представляютъ исполнительную власть.

Каждый членъ совѣта имѣетъ право предлагать новые законы. Но законодательный совѣтъ весьма рѣдко беретъ

на себя инициативу въ какихъ либо законодательныхъ мѣропріятіяхъ.

Совѣтъ вырабатываетъ законы; инициатива исходитъ отъ двѣнадцати провинціальныхъ управленій; отъ нихъ поступаютъ въ совѣтъ предложенія ввести то или другое законоположеніе.

Эти предложенія обсуждаются во-первыхъ вице-королемъ и тѣмъ членомъ его кабинета, который находится во главѣ законодательнаго департамента.

Затѣмъ предложеніе обходитъ всѣхъ членовъ исполнительнаго совѣта, вносится въ этотъ совѣтъ: тутъ обсуждается и наконецъ поступаетъ въ законодательный совѣтъ, какъ предположительное узаконеніе (draft act).

Въ законодательномъ совѣтѣ избирается коммисія изъ членовъ для обсужденія билля; и послѣ обнародованія его въ „*Gazette*“ билль отвергается, измѣняется или же переходитъ въ законъ.

Законодательный совѣтъ открытъ для публики: о всемъ, происходящемъ на его засѣданіяхъ, публикуется въ журналахъ и въ „*Gazette*“ помѣщаются отчеты, записанные офиціальнымъ стенографомъ.

Большинство вопросовъ общей политики правительства, вопросовъ не связанныхъ съ внѣшними дѣлами или военными, проходятъ черезъ законодательный совѣтъ.

Кромѣ законодательнаго совѣта въ Индіи есть еще законодательный департаментъ; онъ былъ учрежденъ при лордѣ Лауренсѣ; до него законодательный департаментъ не существовалъ отдѣльно, а былъ частью департамента внутреннихъ дѣлъ.

Инициатива законодательства не исходитъ однакоже изъ этого департамента.

Департаментомъ завѣдуютъ одинъ изъ шести членовъ ис-

полнительнаго совѣта, секретарь, прежде называвшійся Secretary to the Council of the Viceroy for the purpose of making Laws and Regulations и помощникъ секретаря (Deputy Secretary).

Секретарь и членъ совѣта, завѣдующій департаментомъ изготовляютъ *биллы* и вносятъ ихъ въ совѣтъ; за тѣмъ если законопроектъ касается всей Индіи, онъ пересылается на разсмотрѣніе по всѣмъ мѣстнымъ управленіямъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ *биллы* пересылается чрезъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ къ британскимъ агентамъ и резидентамъ при туземныхъ государяхъ. Билль, касающійся части Индіи, пересылается только къ мѣстнымъ управленіямъ, непосредственно заинтересованнымъ.

Мѣстныхъ управленій въ Индіи 10: Бенгалія (1), Мадрасъ (2), Бомбай (3), Сѣверо-западные провинціи (4), Пенджабъ (5), Аудъ (6), Центральныя провинціи (7), Бирма (8), Майсоръ и Кургъ (9), Ассамъ (10).

Мѣстныя управленія пересылаютъ копіи билля къ областнымъ начальникамъ и ко всѣмъ лицамъ, пользующимся ихъ довѣріемъ и непосредственно заинтересованнымъ биллемъ.

Кромѣ того областнымъ начальникамъ вмѣняется въ обязанность прислушиваться къ мнѣнію о биллѣ—какъ европейцевъ, такъ и туземцевъ, всѣхъ тѣхъ, кого непосредственно касается новый законопроектъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ билль вполне печатается въ „*Gazette*“ Такимъ образомъ дается весьма широкая возможность обсуждать и критиковать его.

Какъ скоро соберутся мнѣнія мѣстныхъ управленій и ихъ агентовъ, выбирается комитетъ для обсуждения этихъ мнѣній. Затѣмъ пересмотрѣнный и видоизмѣненный *билль* вновь вносится въ совѣтъ, гдѣ онъ вновь обсуждается и опять обнародуется въ измѣненномъ видѣ въ „*Gazette*“.

Для того чтобы билль сталъ закономъ необходимо согласіе вице-короля; но и послѣ того онъ можетъ быть отвергнутъ въ совѣтъ государственнаго секретаря по дѣламъ Индіи.

Результатомъ многолѣтней законодательной дѣятельности верховнаго англо-индійскаго управленія была масса законовъ, узаконеній и т. д., не разъ подававшая поводъ къ жалобамъ въ Индіи. И туземцы, и англичане иногда не прочь утверждать, что законодательная дѣятельность выказываетъ слишкомъ большую энергію, и при этомъ законодатели не всегда проявляютъ полное знаніе страны и потребностей туземцевъ. Случается въ Индіи слышать остроты, что самую благодѣтельною реформою для Индіи было-бы уничтоженіе законодательнаго департамента.

2.

Вся совокупность законовъ въ Индіи состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1. Парламентскія узаконенія (acts of Parliament); 2. Regulations введенныя генераль-губернаторомъ въ совѣтъ, Бенгальскимъ, Мадрасскимъ и Бомбайскимъ губернаторами въ совѣтъ между 1793 и 1834; 3. Узаконенія генераль-губернатора въ совѣтъ (acts of Governor General in Council) для части или для всей Индіи, начиная съ 1834; 4. Узаконенія законодательнаго совѣта въ Бенгаліи, Мадрасѣ и Бомбаѣ, начиная съ 1861 г.

Парламентскія узаконенія очень многочисленны, но многія изъ нихъ въ настоящее время уже не имѣютъ законной силы и были замѣнены узаконеніями генераль-губернатора въ совѣтъ.

Regulations явились въ промежутокъ времени между 1792 и 1834. Къ нимъ относится знаменитое Regulation I 1793, о чемъ будетъ сказано нѣсколько словъ дальше.

Большинство ихъ замѣнено въ настоящее время болѣе новыми законоположеніями.

Наибольшее значеніе имѣютъ узаконенія генералъ-губернатора въ совѣтъ. Законодательство губернаторовъ въ совѣтъ относится только къ ихъ отдѣльнымъ провинціямъ.

По содержанію своему всѣ эти узаконенія могутъ быть распределены на пять отдѣловъ: 1. Узаконенія, въ коихъ ясно сказываются основные общіе принципы британскаго управленія; 2. Узаконенія кодифицирующія части неписаннаго закона; 3. Узаконенія, относящіяся къ судебной процедурѣ, гражданской и уголовной; 4. Узаконенія, относящіяся къ собиранію доходовъ, напр. поземельнаго; 5. Смѣшанныя узаконенія. Наиболѣе многочисленны узаконенія третьяго и четвертаго отдѣла.

Узаконенія перваго отдѣла немногочисленны; они любопытны, какъ идущія въ разрѣзъ съ туземными обычаями и принципами. Сюда относятся узаконенія, воспрещающія *sati*, т. е. самосожиганіе вдовъ, узаконеніе 1870 (act VIII, 1870) воспрещающее убіеніе младенцевъ женскаго пола. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство преслѣдовало то, что было противно и оскорбляло общественную нравственность по европейскимъ понятіямъ. Возрѣнія огромнаго большинства туземцевъ были прямо противоположны правительственнымъ: индусы считаютъ саможиганіе вдовъ исполненіемъ святаго долга, и какъ актъ высокаго самоотверженія, оно читается у нихъ. На убіеніе младенцевъ женскаго пола туземцы смотрѣли нѣсколько иначе, но и это преступное по европейскимъ понятіямъ дѣйствіе, невозбуждало въ нихъ негодованія: имъ было совершенно понятно, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи родители рѣшаются на дѣтоубійство: иногда, въ иныхъ мѣстахъ по укоренившимся законамъ, касть дочери не легко могли быть выданы за мужъ; да къ тому-же свадьбы обхо-

дидись слишкомъ дорого, при такихъ условіяхъ индусу казалось убіеніе младенца дочери не такимъ большимъ грѣхомъ, какъ выдача его за представителя высшей касты, или же представлялось еще преступнѣе—заставить дочь, за неимѣніемъ нужныхъ средствъ, скоротать вѣкъ дѣвственницею. Узаконеніемъ 1843 (Act. V 1843) уничтожалось рабство въ Индіи: никто не могъ быть проданъ въ рабство для удовлетворенія какого бы то нибыло взысканія, и суды Остъ-Индской компаніи перестали признавать прежнее рабство. Узаконеніемъ 1850 (Act. XXI. 1850) уничтожилось легальное значеніе нѣкоторыхъ туземныхъ обычаевъ и законовъ, въ силу коихъ человѣкъ могъ быть лишень касты или наслѣдства, напр. за перемѣну религіи; таковыя постановленія въ судахъ Остъ-Индской компаніи не имѣли законной силы и игнорировались. Иными словами правительство доровало индусамъ *свободу совѣсти* и отказывалось преслѣдовать *отступничество* отъ старой религіи; законъ въ началѣ вызвалъ страшную оппозицію въ средѣ туземцевъ, которая не повліяла однако же на правительство. Узаконеніемъ 1856 (act. XV, 1856) дозволялось замужество индусскихъ вдовъ, а въ силу узаконенія 1866 (act. XXI 1866) туземецъ или туземка обратившіяся въ христіанство имѣли право искать развода; если жена или мужъ отказывались отъ супружескаго сожителства на основаніи перемѣны религіи. Узаконеніе 1872 (act. III. 1872) имѣло въ виду установить форму брака для нехристіанъ и не исповѣдующихъ ни одной изъ господствующихъ религій Индіи т. е. для непринадлежащихъ по религіи къ евреямъ, мусульманамъ, индусамъ, жайнамъ или сикхамъ. Всѣ эти послѣднія узаконенія суть естественныя слѣдствія узаконенія 1850 и по отношенію къ туземному обществу имѣютъ громадное революціонное значеніе.

Ко второму отдѣлу узаконеній относятся 1) The Indian

Penal Code, act. XLV. 1860; 2) The Indian Succesion act. X. 1865; 3) The Indian Evidence act. I 1872; 4) The Indian Contract Law IX. 1872.

Третій отдѣлъ узаконеній весьма обширенъ. Вся система судопроизводства, начиная отъ учрежденія судовъ, была введена англичанами на новыхъ основаніяхъ; по мѣрѣ разростанія англійской имперіи въ Индіи и накопленія различныхъ результатовъ практики въ этой системѣ производились измѣненія и законодательство по гражданской и уголовной процедурѣ стало очень сложнымъ; всѣ узаконенія (acts) какъ по гражданской, такъ и по уголовной процедурѣ клонятся къ упрощенію этой системы; они имѣютъ въ виду облегчить усвоеніе всей системы. Сюда относятся 1) act VIII. 1859, The Code of Civil procedure, 2) act. X. 1872 the Code of criminal procedure, 3) The civil Courts Act.

Узаконенія, относящіяся къ четвертому отдѣлу, наиболѣе важны и обще-интересны. Вопросы о поземельной собственности были первыми вопросами, занимавшими англійское законодательство въ Индіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Но прежде, нежели я перейду къ краткому очерку сдѣланнаго англичанами по этимъ вопросамъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ туземцы смотрятъ на англійскую систему судопроизводства. Современное судопроизводство туземцы совершенно справедливо называютъ *англійскимъ*, занесеннымъ извнѣ и не вполнѣ соотвѣтствующимъ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ. По ихъ мнѣнію, въ немъ много недостатковъ; то, что въ Англійи создавалось въ продолженіи вѣковъ, все это вдругъ было пересажено на индійскую почву и при этомъ совершенно упущено изъ виду, что одна и та же система судопроизводства среди разныхъ условій необходимо должно дать различные результаты. Въ Индіи весьма часто раздаются жалобы на судъ присяжныхъ.

Наши присяжные, говорится обыкновенно, необразованы: эти мелкіе лавочники и торгаши весьма часто ослѣплены грубыми предразсудками и находятся подъ вліяніемъ неразумныхъ симпатій и антипатій, а вслѣдствіе этого они не судятъ и не могутъ судить по совѣсти. Они ни за что не осудятъ брахмана, или человѣка брагороднаго и со связями. Заручиться ихъ симпатіей не трудно, и очень часто несомнѣнный преступникъ, благодаря ихъ вердикту, освобождается. О *большыхъ* присяжныхъ туземецъ также не высокаго мнѣнія; они, по его мнѣнію приносятъ справедливость также въ жертву національнымъ предразсудкамъ. *Большой* подсудимый обыкновенно оправдывается ими; и въ то, что *больше* присяжные судятъ по совѣсти, туземецъ никакъ не хочетъ вѣрить.

Еще болѣе поражаетъ туземцевъ англійское судебное слѣдствіе: имъ кажется страннымъ, какимъ образомъ на судѣ не выясняется тотъ фактъ, который вполне и всѣмъ извѣстенъ тамъ, гдѣ онъ свершился и не только тамъ, но и въ окрестности на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль. Подкупленные свидѣтели, ходатаи и защитники сбиваютъ окончательно съ толку производящаго слѣдствіе сахаба, окруженнаго толпою продажныхъ паразитовъ въ образѣ амловъ и мелкихъ членовъ полиціи. Болѣе просвѣщенные изъ туземцевъ увѣряютъ, что англійскій способъ производить судебное слѣдствіе деморализируетъ туземцевъ: народъ, узнавъ что судъ требуетъ показаній такъ называемыхъ очевидцевъ, сѣумѣлъ за деньги поставлять таковыхъ въ судъ. Европейская адвокатура, пересаженная на индійскую почву, принесла неожиданные плоды: обманъ и подкупъ, всегда практиковавшіеся въ Индіи, возросли еще болѣе; судья обманывается; свидѣтели подкупаются, и всѣмъ въ судѣ, кому только можно, конечно, не самому судѣ, даются взятки. Эта не свѣтлая сторона англійскихъ поряд-

ковъ породила довольно значительную туземную литературу. Въ Бенгаліи объ этомъ писалось не только по-бенгальски, но и по-англійски; такъ какъ въ этомъ президентствѣ англійскій языкъ болѣе распространенъ, нежели въ другихъ мѣстахъ Индіи, и очень многіе туземцы, прошедшіе англійскую школу, владѣютъ англійскимъ языкомъ вполне. Многое изъ этой обличительной литературы ниже всякой критики и страдаетъ преувеличеніемъ; но основная мысль, что суды и вообще англійскіе порядки худы, потому что все это заведено иностранцами, не вполне изучившими строй и потребности туземной жизни, несомнѣнно вѣрна.

3.

На землѣ въ Индіи сосредоточены троякаго рода интересы: 1) интересъ правительства, какъ собственника извѣстной доли доходовъ съ земли, 2) сборщиковъ этой доли доходовъ, отвѣтственныхъ передъ правительствомъ за правильность сбора и 3) интересъ земледѣльцевъ.

Отношенія этихъ трехъ сторонъ не всюду въ Индіи одинаковы. Формы землевладѣнія и системы сбора правительственнаго поземельнаго дохода въ Индіи весьма разнообразны. Не смотря на весь интересъ этого предмета и всю его важность для уразумѣнія современнаго состоянія Индіи и положенія тамъ англичанъ, авторъ, сознавая свою не подготовленность къ изложенію поземельнаго вопроса въ Индіи, вынужденъ ограничиться нѣсколькими бѣглыми указаніями на то, что было сдѣлано англичанами по поземельному вопросу въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной Индіи: въ Бенгаліи и въ сѣверозападныхъ провинціяхъ. Такъ какъ ниже приводимые факты касаются только одной части Индіи, то, конечно, они ни какъ не могутъ считаться вполне достаточными для полной характеристики англійскихъ законоположеній по аграр-

нымъ вопросамъ, и произносить на основаніи однихъ этихъ фактовъ общій приговоръ англійской политикѣ было бы несомнѣнно несправедливо.

Въ Индіи, слѣдовательно, такъ же и въ Бенгаліи, есть земли называемыя *Лакхи ражъ* не платящія никакого налога правительству.

Затѣмъ въ Бенгаліи идутъ земиндарства. Земиндаръ есть безусловный собственникъ земли, обязанный выплачивать извѣстную часть своихъ доходовъ правительству. Если доля не доставлена своевременно правительству, земиндарство подлежитъ продажѣ съ аукціона. Земиндарство переходитъ по наслѣдству; оно можетъ быть продаваемо въ цѣломъ и по частямъ; можетъ быть закладываемо. Земиндаръ имѣетъ право сдавать свои земли на вѣчное время и на срокъ; ему выплачивается вся рента земель его земиндарства.

За земиндарами слѣдуютъ разные виды его арендаторовъ:

1) *Талукъ*; рента талукдаровъ не можетъ быть возвышена, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, поименованныхъ въ Regulations. Талуки передаются по наслѣдству, могутъ быть продаваемы и иначе отчуждаемы.

Если талукдаръ запустилъ свою ренту, онъ не подлежитъ изгнанію, но его *талукъ* подлежитъ продажѣ съ аукціона. Талуки съ своей стороны сдаютъ земли въ аренду; слѣдующіе арендаторы повторяютъ тоже и такимъ образомъ между земиндаромъ и земледѣльцемъ въ настоящее время является цѣлый рядъ посредствующихъ лицъ.

2) *Исталрари* и 3) *Мукаррари* суть только разновидности *Талука*. Первая есть аренда на вѣчныя времена, а во второй рента не можетъ быть возвышена. Въ настоящее время обѣ формы аренды соединены вмѣстѣ; обѣ онѣ могутъ быть отчуждаемы и наслѣдственны.

За этими арендаторами слѣдуютъ земледѣльцы:

1) Земледѣлецъ, воздѣлывающій землю около той деревни, гдѣ онъ живетъ, называется *кхудкаштъ райя*. Историческія права этого рода земледѣльцевъ до сихъ поръ не приведены въ ясность и конечно неодинаковы въ различныхъ мѣстахъ Индіи.

Обыкновенно права этого рода земледѣльцевъ опредѣляются такимъ образомъ: тамъ, гдѣ было въ обилии невоздѣланой земли, а населеніе не густо, тамъ не земледѣльцы соперничали изъ-за земли, а земиндары соперничали изъ-за рукъ рабочихъ. Земледѣлецъ, разъ привлеченный въ деревню на жительство, начиналъ пользоваться различными льготами, и обыкновенно аренда переходила отъ отца къ сыну; земледѣлецъ лишался аренды только въ томъ случаѣ, когда онъ не исполнялъ своихъ обязанностей или за нимъ оставался неуплаченнымъ правительственный налогъ; но случаи лишенія аренды бывали рѣдки, ибо рабочія руки были не многочисленны и мало по малу установился обычай, по которому кхудкаштъ-райя не можетъ быть лишень аренды до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ свою ренту.

2) *Пайкаштъ-райя* воздѣлываетъ землю по сосѣдству съ своей деревней; это временные арендаторы, не имѣющіе достаточнаго количества земли въ своей собственной деревнѣ и принужденные искать ее по сосѣдству.

Узаконенія 1859 (Act. X. 1859), не употребляя этихъ двухъ терминовъ, различаютъ однакоже два рода земледѣльцевъ: *постоянныхъ* и *срочныхъ*.

Если Райя воздѣлывалъ одну и ту же землю въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока рента аккуратно выплачивается имъ, право его вѣчно занимать эту землю не подлежитъ спору и можетъ быть передано по наслѣдству; рента же не можетъ быть возвышена.

Она можетъ быть возвышена только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если рента за землю того же качества гораздо ниже существующихъ въ сосѣдней мѣстности; 2) если цѣна на продукты и производительность земли возвысились по мимо стараній райи; 3) если по измѣренію окажется что райя занимаетъ большее количество земли.

Таково въ общихъ чертахъ настоящее положеніе и отношенія землевладѣльца и его различныхъ арендаторовъ.

Положеніе земледѣльческихъ классовъ въ отдаленный періодъ индійской исторіи до мусульманскаго владычества весьма мало разъяснено. Вѣроятно, однакоже, что положеніе это было не одинаково въ различныхъ частяхъ Индіи и немногимъ отличалось отъ положенія, въ которомъ застаеть эти классы исторія при первыхъ мусульманскихъ завоевателяхъ.

Въ Бенгаліи уже при первыхъ мусульманскихъ правителяхъ *земиндарская* система землепользованія была вполне развита; весьма вѣроятно, она уже существовала подъ другимъ именемъ въ предшествующій періодъ, и тогда уже начали разлагаться сельскія общины. Послѣднее явленіе отчасти можетъ быть объяснено народнымъ характеромъ бенгальцевъ, совершенно противоположнымъ характеру того населенія, среди котораго сельскія общины упорно удержались до нашихъ дней.

Земиндарская система, необходимо связанная съ нѣкотораго рода гнетомъ и притѣсненіями для земледѣльцевъ, легко могла развиться среди населенія мягкаго, податливаго и безпечнаго, не думавшаго о копѣйкѣ на черный день и перебывавшагося кое-какъ изо дня въ день. Но при правительствахъ болѣе или менѣе патріархальныхъ, тяжелый гнетъ властелина надъ подвластнымъ, самоуправство перваго по отношенію къ послѣднему, всегда смягчаются взаимною привязанностью, существующею между обѣими сторонами, раз-

общенными по общественному положенію, но близкими другъ къ другу по цѣлому своему міросозерцанію. Такъ было вѣроятно и въ Бенгаліи; и положеніе райи въ эти отдаленныя времена было, конечно, не грустнѣе, нежели теперь, а можетъ быть даже легче.

Въ XII ст. Патаны завоевали Бенгалію; они властвовали здѣсь до появленія Монголовъ въ XVI ст. При патанскомъ владычествѣ страна дѣлилась на нѣсколько округовъ; нѣкоторыми изъ нихъ владѣлъ самъ царь, другіе онъ отдавалъ своимъ соратникамъ, которые обязывались помогать ему во время войны войскомъ и деньгами. Отношенія царя къ своимъ сподручникамъ бывали не одинаковы въ разные времена. Иногда они вполне признавали верховную власть и безусловно подчинялись всѣмъ его требованіямъ; но по временамъ они настолько усиливались,—и тогда случилось, что низлагали своего царя и выбирали себѣ новаго.

Туземное населеніе никогда, какъ кажется, не было воинственно; но оно обладало ловкостью и всѣми талантами, необходимыми для дѣловой дѣятельности. Талантами этими и воспользовались иностранные правители.

Изъ индусовъ выбирались земиндары, т. е. сборщики податей и налоговъ; индусовъ назначали на отвѣтственные должности, за ними правители ухаживали, когда нуждались въ деньгахъ, и вообще индусы при этихъ правителяхъ имѣли значеніе немаловажное.

Отношеніе земиндара къ райѣ было очень просто; земиндаръ былъ полновластнымъ господиномъ райи, а тотъ его покорнымъ рабомъ. Если земиндаръ былъ добръ и человѣколюбивъ, райѣ жилось хорошо; противъ жестокостей и притѣсненій земиндара райя не была ограждена закономъ и ему оставалось одно—покорятся невзгодѣ.

Земиндары разрѣшали всѣ споры между райями; они на-

казывали воровъ и преступниковъ, охраняли миръ въ странѣ и на самомъ дѣлѣ были полновластными господами. Райя приэтомъ жилъ также, какъ онъ живетъ теперь; засѣвалъ землю занятыми сѣмянами въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ, существовалъ на занятый капиталъ, расплачивался на двѣнадцатый съ тѣмъ, чтобы начать на слѣдующій годъ тотъ же финансовой оборотъ, который былъ своего рода протестомъ противъ жадности земиндара. Земиндару райя былъ нуженъ: поддерживать эту рабочую силу было необходимо, но кромѣ труда съ нее взять было нечего. Что можно было взять у существа, проживавшаго и проживающаго до нынѣ въ хижинѣ изъ глины, выстроенной на гроши въ нѣсколько дней и питающагося двумя-тремя пригоршнями злаковъ въ день? Какую движимость можно найти въ его скороспѣлой хижинѣ? Для его домашняго обихода совершенно достаточно нѣсколькихъ глиняныхъ горшковъ и цыновокъ. Онъ бося и нагъ; тряпьемъ препоясалъ чресла, увиль голову тѣмъ же: и доволенъ,—поетъ и пляшетъ.

Монголы, завоевавъ Бенгалію, дѣлали нѣсколько попытокъ ограничить права и притязанія земиндаровъ: Тодаръ-Маль, знаменитый министръ финансовъ, при императорѣ Акбарѣ желалъ даже вполне устранить земиндаровъ, какъ посредниковъ при сборѣ правительственнаго поземельнаго дохода, и пытался собирать этотъ доходъ непосредственно съ райевъ. Но въ странѣ, отдаленной отъ центральнаго пункта мусульманскаго правленія, земиндары успѣли и послѣ реформъ Тодаръ-Мала мало по малу вернуть себѣ свое прежнее значеніе. Позднѣе въ періодъ разложенія мусульманскаго владычества земиндары еще болѣе усилились.

Тодаръ-Маль ввелъ особые порядки, при немъ и во время ближайшее послѣ него назначенные правительствомъ чиновники вели списки урожаямъ,—рентамъ и всему собираемому съ

райи; при такихъ условіяхъ земиндаръ не могъ вполнѣ неограниченно притѣснять райю; но въ послѣдствіи тѣ же чиновники стали вѣрными слугами земиндара и они же помогали грабить земледѣльца.

Такъ продолжалось до XVIII столѣтія; при Муршидъ-Кули-ханѣ, пожелавшемъ увеличить правительственный доходъ, земиндарамъ выпало опять тяжелое житіе. Но и то была временная невзгода; земиндары вновь оправились и передъ началомъ британскаго владычества они стали походить болѣе на самостоятельныхъ владѣтелей и союзниковъ слабого мусульманскаго правительства, нежели на его простыхъ сборщиковъ податей. До тѣхъ поръ, пока этотъ правительственный доходъ правильно доставлялся въ казну, — земиндаръ былъ полновластнымъ господиномъ въ своей территоріи, обремененнымъ гражданскими и военными полномочіями.

Въ половинѣ XVIII ст. (1765) собраніе доходовъ съ Бенгаліи перешло въ руки юной остъ-индской компаніи. Въ началѣ англичане собирали доходы черезъ посредство туземныхъ коллекторовъ. Заморскіе торгаши не умѣли предстать въ роли администраторовъ обширной и малоизвѣстной имъ страны, и они положились на искусство туземцевъ; но вскорѣ выяснилось, что таковая система не выгодна для компаніи; назначены были надсмотрщики надъ коллекторами; надсмотрщики изъ англичанъ были немногочисленны и болѣе или менѣе люди новые въ странѣ, незнакомые ни съ характеромъ народа, ни съ его обычаями; коллекторы, разгадавъ это весьма скоро, естественно стали ихъ обманывать самымъ наглымъ и безнаказаннымъ образомъ. Дѣла компаніи шли вслѣдствіе этого не блестяще; доходы собирались плохо. Такой неудовлетворительный порядокъ дѣлъ продолжался до В. Гастингса. Съ 1772 года англичане въ Индіи перестаютъ

быть исключительно торговцами и впервые являются мощными правителями обширной восточной имперіи.

Но и при В. Гастингсѣ дѣла по поземельному доходу не улучшались. Первые административныя попытки англичанъ были весьма неудачны. Мусульмане знали страну и народъ и, соображаясь съ обстоятельствами, предъявляли свои требованія. Они запрашивали быть можетъ гораздо больше, нежели англичане, но и дѣлали скидку, когда видѣли, что земиндаръ не могъ дѣйствительно выплатить всего требуемаго съ него. Зная хорошо настоящее положеніе каждаго земиндарства, они конечно не могли быть обмануты. Послѣдняго знанія недоставало англичанамъ, и къ тому же они приступили къ дѣлу съ европейскими идеями; среди населенія восточнаго, жившаго иными традиціями, они искали такого же точнаго соблюденія обязанностей, какъ у себя, въ Англии; не зная хорошо страны въ частностяхъ, они иногда запрашивали слишкомъ много; земиндаръ отказывался платить, и за тѣмъ слѣдовали разныя строгости и даже жестокости; земиндары, не выплатившіе налога, отсылались въ Калькутту, заключались подъ стражу; ихъ земиндарства продавались съ аукціона и переходили въ руки людей новыхъ, не связанныхъ ни какими преданіями, никакою привязанностью съ помѣстьями. Райи оттого жили не лучше; новый земиндаръ щадилъ его меньше прежняго, уже въ силу одного желанія избѣжать участи своего предшественника. Хотя со временъ В. Гастингса англичане перестаютъ быть исключительно купцами, но не съ разу вывели они къ новой роли правителей и по прежнему заботились о своихъ торговыхъ выгодахъ болѣе, нежели о пользѣ народа, управлять которымъ были призваны.

При мусульманскихъ правителяхъ всѣ гражданскія дѣла рѣшались рѣдко въ судахъ, которыхъ было немного, и только по центральнымъ пунктамъ управленія. По деревнямъ

судъ и расправу творили земиндары или же *мірскіе* суды т. е. панчаяты, существующіе понынѣ, разрѣшали по совѣсти и на основаніи обычаевъ споры между земледѣльцами. До 1772 англичане не брали на себя судебной администраціи; но въ этомъ году они стали заводить гражданскіе суды, и коллекторы были облечены судебною властью. При этомъ главною обязанностью коллектора также, какъ главною цѣлью Остъ-Индской компаніи, по прежнему оставалось собираніе доходовъ. При многообразныхъ и весьма трудныхъ своихъ обязанностяхъ коллекторъ могъ удѣлять весьма мало времени для отправленія должности судьи. Суды хотя были заведены, но на самомъ дѣлѣ въ странѣ царила полная анархія; несчастные, привлеченные въ судъ, годы ждали рѣшенія. Дѣла уголовныя не подлежали вѣдѣнію англичанъ: ихъ долженъ былъ разрѣшать набобъ, бравшій за это по трактату 1765 г. 360,000 ф. ст. и весьма мало заботившійся о правильномъ выполненіи своихъ обязанностей. Такъ продолжалось до 1790, когда уголовная администрація перешла также въ вѣдѣніе чиновниковъ Остъ-Индской компаніи.

Конецъ XVIII ст., или начало британскаго господства въ Индіи, былъ временемъ тяжкимъ для всей страны. Горсть чужеземцевъ, овладѣвъ обширною странюю, нашла, что всѣ ея учрежденія, какъ соціальныя, такъ и политическія, не нравятся ей и не могутъ быть ею терпимы; пришлецы не задумались разрушать все это, имъ не любезное и не понятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не умѣли воздвигнуть новаго зданія на мѣстѣ стараго, частью разшатаннаго, частью сломаннаго. До прихода англичанъ въ странѣ былъ судъ; англичанамъ онъ не понравился, и они отняли у земиндаровъ судебную власть и присвоили ее себѣ, но вскорѣ же должны были сами убѣдиться въ томъ, что для всякаго дѣла мало однихъ добрыхъ намѣреній, нужно еще и знаніе. Юные чиновники

компаніи плохо или даже совсѣмъ незнакомые съ страной, вполне не разумѣвшіе или полупонимавшіе народную рѣчь, явились творить справедливый судъ; ихъ окружили толпы пройдохъ, необходимыхъ посредниковъ между заморскимъ судьей и ему непонятнымъ туземцемъ. Справедливый судъ сталъ вещью продажною; и самый честный судья, вполне сознавая зло, не умѣлъ и не былъ въ силахъ пресѣчь его. Разбои, упадокъ торговли и промышленности, развитіе бѣдности все это слѣдовало за водвореніемъ англичанъ, какъ правителей Бенгаліи.

Такой порядокъ дѣлъ среди всякаго другого народа непремѣнно привелъ бы къ насильственному перевороту; но бенгалцы, неэнергичные и кроткіе, выдержали пассивно тяжеля времена чужеземнаго господства.

Не нужно однакоже думать, что чужеземная власть въ заботахъ о своей выгодѣ и пользѣ, не желала бы въ то же время добра опекаемому населенію. Нѣкоторыя изъ мѣропріятій, задуманныя В. Гастинсомъ, ясно указываютъ, что онъ имѣлъ въ виду улучшить бытъ сельскаго населенія, защитить его отъ притѣсненій и вымогательствъ земиндаровъ. Но ему не суждено было привести въ исполненіе своихъ плановъ. За В. Гастингомъ слѣдовалъ лордъ Корнваллисъ. Лордъ Корнваллисъ, говорятъ, былъ человекъ великодушный и мягкосердечный; онъ сильно и искренно возмущался, когда ему описывали положеніе бенгалскаго райи, но традиціи англійскаго аристократа и совершенное незнаніе страны заставили его сдѣлать ошибку по нынѣ неисправленную англичанами и врядъ ли поправимую.

Англичане, задумавъ поправить финансовое положеніе страны, увеличить доходы компаніи и улучшить бытъ земельческіхъ классовъ, пришли къ вопросу: кому принадлежить земля въ Индіи?

Люди, которымъ пришлось рѣшать этотъ вопросъ путемъ законодательныхъ мѣръ, были или владѣтели помѣстій въ Англіи, или знакомые съ дѣтства съ одною англійскою формою землевладѣнія; ни тѣмъ, ни другимъ не приходило въ голову, что кромѣ имъ знакомыхъ формъ землевладѣнія могутъ быть и другія, совершенно отличныя; что землевладѣніе въ Индіи, не имѣетъ ничего сходнаго съ англійскою системою землевладѣнія. Не догадываясь объ этой, въ настоящее время всѣмъ ясной, простой истинѣ, они стали отыскивать въ Индіи землевладѣтеля на англійскій образецъ, и плохо понимая условія мѣстной жизни и будучи совершенно не знакомы съ прошедшими судьбами народа, остановились на *земиндаръ*.

Вопросъ о томъ, кому въ Индіи принадлежитъ земля, разсматриваемый съ исторической точки зрѣнія, полонъ большихъ трудностей и едва-ли можетъ по нынѣ считаться вполне разрѣшеннымъ. Индійскіе туземные законодатели разрѣшаютъ его не одинаково; они говорятъ, что царь есть безусловный владыка земли, и въ то же время утверждаютъ, что земля принадлежитъ тому, кто срубилъ лѣсъ, кто вспахалъ и засеялъ ее.

При мусульманахъ земля считалась собственностью правительства; земиндары были только сборщиками податей, хотя и полновластными господами въ своихъ земиндарствахъ; но субадары Бенгаліи были еще сильнѣе земиндаровъ и имѣли право изгонять земиндаровъ изъ ихъ территоріи, лишать ихъ должности сборщиковъ податей, заключать ихъ въ темницу. Безъ сомнѣнія многіе изъ земиндаровъ принадлежали къ мѣстной аристократіи, были людьми вліятельными въ своихъ мѣстностяхъ, но имъ ли принадлежала земля тѣхъ земиндарствъ, во главѣ которыхъ они поставлены были субадарами Бенгаліи—вопросъ объ этомъ принадлежалъ къ числу

трудно разрѣшимыхъ для людей не предубѣжденныхъ. И такіе люди были около лорда Корнаваллиса, главнаго творца Permanent Settlement'a 1793.

Аристократическія предубѣженія англійскаго лорда преодолѣли однакоже всё представленія, и право собственности было признано проконсуломъ торговой компани не за земледѣльцами, которымъ оно могло также принадлежать, а за притѣснителями послѣднихъ, и при этомъ выражалось наивное убѣжденіе, что вѣковые притѣснители земледѣльца, ставъ еще сильнѣе и безнаказаннѣе, перестанутъ угнетать райю, оказавшагося еще безпомощнѣе по новому законоположенію. Права райи лордъ Корнваллисъ забылъ оградить. Уже при Акбарѣ его министръ Тодаръ Малъ думалъ о томъ, какъ защитить сираго земледѣльца отъ притѣсненія; на той же мысли останавливался В. Гастингсъ. Но лордъ Корнваллисъ уничтожилъ даже то малое, что было сдѣлано послѣднимъ, и всё свои заботы обратилъ на то, чтобы создать въ Бенгаліи нѣчто, подобное англійской аристократіи.

Едвали на страницахъ исторіи Индіи найдется много примѣровъ такой крупной, вопіющей несправедливости, подобно содѣянной человѣкомъ благонамѣреннымъ и гуманнымъ, но предубѣжденнымъ и незнакомымъ съ условіями той среды, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать; и зло, явившееся какъ необходимое послѣдствіе ложнаго разрѣшенія вопроса, не уничтожено до сихъ поръ. До сихъ поръ англичанамъ приходится бороться съ неправдою, созданною законоположеніемъ 1793.

Притѣсненія земиндаровъ не прекратились до нашихъ дней; антогонизмъ между райей и земиндаромъ съ годами возросъ. Пространство воздѣлываемой земли увеличилось, но земледѣлецъ не сталъ богаче; обѣднѣлъ и созданный ино-

странною властью классъ праздныхъ земиндаровъ; не смотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, и райя, и земиндаръ не стали цивилизованнѣе.

Ошибки и неправда законоположенія 1793 были очевидны, и въ скоромъ времени они были признаны весьма многими какъ въ Индіи, такъ и въ Англии. Въ непогрѣшимость Permanent Settlement'a хотѣли вѣрить и дѣйствительно вѣрили только проконсулы торгашей изъ Leadenhall street. За лордомъ Корнваллисомъ слѣдовали сэръ Джонъ Шоръ. Сэръ Д. Шоръ былъ противникомъ мѣропріятія своего предшественника въ то время, когда эти мѣропріятія обсуждались въ генераль-губернаторскомъ совѣтѣ; назначенный на мѣсто лорда Корнваллиса генераль-губернаторомъ, сэръ Дж. Шоръ успѣлъ однакоже сдѣлать весьма мало для огражденія правъ райи. Онъ опредѣлилъ, въ какихъ именно судахъ должны были разбираться споры между земиндаромъ и райей и по поводу поземельной платы указалъ, на основаніи какихъ существующихъ цѣнъ эта плата, должна была опредѣляться; къ сожалѣнію, слишкомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, уже въ половинѣ настоящаго столѣтія англичане сами открыли, что такихъ существующихъ цѣнъ на землю, могущихъ быть мѣркою для требованія земиндара, въ странѣ нѣтъ. За Шоромъ слѣдовалъ лордъ Уеллеслей, державшійся по отношенію къ тому же вопросу радикально противоположной политики. Во время его правленія территория остъ-индской компаніи значительно расширилась; то было время войнъ съ Майсоромъ и Махратами,—эпоха захвата, присоединенія и безпокойнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ владѣній. Среди этихъ крупныхъ дѣяній у правительства не было досуга много заботиться о райѣ, и всѣ узаконенія за это время имѣли въ виду не столько защитить земледѣльца отъ притѣсненій земиндара, сколько поддержать авторитетъ

послѣдняго. Правительство въ виду множества споровъ, возникшихъ между райями и ихъ земиндарами, пришло къ заключенію, что земледѣльцы, обращаясь въ судъ и находя тамъ часто защиту, причиняютъ землевладѣльцу нескончаемыя безпокойства, вовлекаютъ его въ процессы и заставляютъ доказывать тѣ изъ его правъ, которыя уже признаны правительствомъ и не должны бы были подлежать никакому спору или сомнѣнію. Словомъ—всѣ симпатіи главы правительства были на сторонѣ земиндара, а не райи. При слѣдующемъ вице-королѣ подумывали распространить законоположеніе лорда Корнвалисса на всѣ вновь захваченныя территоріи; но, благодаря оппозиціи и протестамъ тѣхъ изъ чиновниковъ остъиндской компаніи, которые сталкивались лицомъ къ лицу съ земледѣльческимъ населеніемъ, эта мѣра была оставлена правительствомъ. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выяснялось тяжелое положеніе земледѣльца, и правительство вынуждено было рядомъ законодательныхъ мѣръ защитить ихъ отъ притѣсненій земиндаровъ. При этомъ не обходилось безъ крупныхъ ошибокъ; нѣкоторыя законоположенія, введенныя съ гуманною цѣлью защитить райю, на самомъ дѣлѣ ухудшали его положеніе. Когда эти ошибки обнаруживались, правительство обыкновенно находилось въ великомъ затрудненіи: при искреннемъ желаніи оградить райю отъ обидъ оно не знало, какъ это сдѣлать, ибо въ то же время не желало ограничивать правъ земиндаровъ; между тѣмъ земиндары далеко не процвѣтали. Обширныя земиндарства вслѣдствіе долговъ и дурного управленія дробились; недоборъ правительственнаго поземельнаго дохода повторялся ежегодно, за этимъ слѣдовала продажа земиндарства съ аукціона; въ десять лѣтъ, начиная съ 1793 г., большинство владѣній перешло въ другія руки. Правительство, весьма естественно, радѣя о своихъ доходахъ, вскорѣ послѣ 1793 г. постаралось рядомъ узакон-

неній обезпечить правильность ихъ сбора и даровало обширныя права земиндарамъ. Земиндаръ въ силу законовъ 1799 и 1812 гг. имѣлъ надъ райею неограниченную власть; онъ могъ заключать его въ темницу, произвольно возвышать цѣну за его участокъ, отбирать его собственность въ случаѣ не уплаты послѣднимъ аренды. И при всемъ томъ окончательнымъ результатомъ законоположенія 1793 г. и послѣдующихъ мѣропріятій, оффиціально засвидѣтельствованнымъ въ 1872—73 г., не былъ созданъ классъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ; напротивъ, въ настоящее время извѣстно, что въ Бенгаліи количество помѣстій значительно увеличилось и большинство ихъ не превышаетъ 500 акровъ. Помѣстій, имѣющихъ 20,000 акровъ и болѣе, сравнительно очень немного. Дробленіе большихъ и малыхъ помѣстій главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, было необходимымъ слѣдствіемъ вынужденной продажи за недоимки и долги. По оффиціальнымъ даннымъ извѣстно, что за послѣднія десять лѣтъ ежегодно продается до семи сотъ помѣстій (686) и съ 1793 г. почти всѣ помѣстья перешли въ новыя руки.

Можно сказать безъ преувеличенія, что до правленія лорда Кэннинга ничего существеннаго не было сдѣлано въ огражденіе интересовъ земледѣльца; всѣми было признано, что положеніе его тяжело; правительство постоянно думало, какъ улучшить это положеніе, и если всѣ его мѣропріятія не достигали своей цѣли, то этотъ печальный результатъ его стараній нужно объяснять главнымъ образомъ плохимъ знакомствомъ чужеземныхъ правителей съ управляемою страной. Правительство заботилось едва ли не исключительно о „правѣ собственности“, совершенно превратно понятомъ, и, уничтоживъ прежнія отношенія между земиндаромъ и райею, на самомъ дѣлѣ не создало новыхъ, не оградило сторону слабѣйшую отъ произвола сильнѣйшей, предоставивъ самой слабѣй-

шей сторонѣ позаботиться о своихъ нуждахъ и правахъ. Во всякой другой странѣ такое законоположеніе, отдавшее во власть одного класса массу населенія, вызвало бы оппозицію среди закрѣпленнаго въ рабство населенія, но въ Бенгаліи среди населенія мягкаго, въ продолженіи столѣтія угнетаемаго, ничего подобнаго не случилось и не могло случиться до тѣхъ поръ, пока само законодательство не позаботилось о созданіи среди земледѣльческаго населенія оппозиціи земиндарамъ.

Важнѣйшимъ законодательнымъ актомъ послѣ законоположенія 1793 г. нужно считать актъ X. 1859 г.; въ этомъ актѣ нельзя не видѣть стремленія существенно измѣнить положеніе земледѣльца. Правительство открыто заявило, что оно серьезно желаетъ улучшить положеніе райи, даровать ему свободу и независимость, чего онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ, опредѣлить его права и ограничить власть земиндаровъ.

Законоположеніемъ 1859 впервые создавались и ясно опредѣлялись взаимныя права и обязанности земиндара и райи. Правительство признало три разряда земледѣльцевъ:

1. Райи, занимающіе однѣ и тѣ же участки земли со времени законоположенія 1793 (Permanent Settlement).

2. Райи, занимавшіе однѣ и тѣ же участки земли въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и болѣе.

3. Райи, занимавшіе участки земли въ продолженіи болѣе короткаго времени. Плата за участки земель земледѣльцевъ перваго разряда не можетъ быть увеличена; плата за участки втораго разряда можетъ быть увеличена, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) если будетъ доказано, что плата эта ниже существующихъ цѣнъ, 2) если производительность земли увеличилась помимо стараній райи, 3) если будетъ выяснено, что райя пользуется на самомъ дѣлѣ участкомъ большимъ противъ того, за который платитъ. Третій классъ райевъ, самый

многочисленный оставался въ полной зависимости земиндаровъ. Относительно ихъ земиндаръ не былъ стѣсненъ новымъ законоположеніемъ. Онъ могъ по прежнему запрашивать за землю все, что ему угодно, и сгонять ихъ съ участковъ по своему произволу; тогда какъ первые два разряда земледѣльцевъ до тѣхъ поръ, пока они платятъ исправно за свои участки, не могутъ быть изгнаны земиндаромъ.

Законодательною мѣрою 1859 года, если даже отношенія земледѣльца и земиндара неопредѣлялись окончательно, то получали законченный характеръ; дальнѣйшему законодательству предстояло разрѣшать уже частные вопросы, касательно сбора—поземельной аренды, ея возвышенія и множество другихъ составляющихъ индійское право собственности.

Не нужно думать, чтобы законодательный актъ 1859 года, нѣсколько измѣненный въ 1869, вполне разрѣшалъ всѣ трудности, созданныя ошибочною мѣрою лорда Корнваллиса. Въ настоящее время какъ кажется имъ недовольны какъ райи, такъ и земиндары. Ихъ интересы радикально расходятся на одномъ пунктѣ, именно по вопросу о возвышеніи ренты. Второй разрядъ райевъ, о которомъ сейчасъ было говорено, соврѣмени законодательной мѣры 1869 значительно увеличились; но отношенія между земиндаромъ и его арендаторами не улучшились за послѣдніе годы; споры по поводу возвышенія ренты продолжаютъ возникать. Законъ, оградивъ райю отъ произвола, даровалъ однакоже земиндару право возвышать ренту въ извѣстныхъ условіяхъ; условія эти были поименованы выше; одно изъ нихъ изложено законодательствомъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что можетъ всегда подавать поводъ къ распрямъ между заинтересованными сторонами; доказать, что производительность земли возвысилась помимо стараній райи или не на счетъ затратъ его капитала, не всегда легко. Съ другой стороны вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ возрос-

шій въ послѣдніе годы, значительно поднялъ на нихъ цѣну, и само собою разумѣется земиндару желательно имѣть свою долю въ этой прибыли; онъ находитъ кромѣ того, что законодательство даетъ ему возможность облечь свои требованія въ законную форму.

Отсюда проистекають многочисленные споры и пререканія между земиндарами и райями. Послѣдніе сдѣлали нѣкотораго рода стачку между собою и образовали капиталъ взаимнаго вспомошествованія для веденія судебныхъ процессовъ противъ земиндаровъ. Но кромѣ того ежегодно повторяются частые беспорядки; въ 1875 въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они достигли довольно значительныхъ размѣровъ.

Финансовое положеніе земледѣльца далеко не блестяще: большая часть бенгальскихъ райевъ въ долгу или у мѣстныхъ деревенскихъ банкировъ махажановъ, или у своихъ-же земиндаровъ. Райя платитъ тому или другому отъ 37¹/₂ процентовъ до 50. Долги дѣлаются частью для покупки скота и земледѣльческихъ орудій, частью райя бываетъ вовлеченъ въ нихъ судебными издержками или затратами на свадьбу, которыя въ Индіи для всякаго класса, даже бѣднѣйшаго, довольно значительны.

Въ 1876 году правительство признало благоразумнымъ окончательно регулировать повышеніе ренты, иными словами оно задумало рѣшить вопросъ о томъ, по сколько рента можетъ быть возвышена безъ ущерба для райи. Признано было за правило, что рента платимая третьимъ разрядомъ земледѣльцевъ (см. выше) представляетъ рыночную цѣну и эта рента, съ уступкою 20 или 25 процентовъ, можетъ быть потребована отъ втораго разряда райи, получившаго извѣстные права на землю. Или-же правительство полагало, что рента должна составлять отъ 15 до 25 процентовъ валового

дохода съ земли. Въ такомъ смыслѣ былъ внесенъ билль въ законодательный совѣтъ.

4.

Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ доходы съ Бенгалии стали собственностью ость-индской компаніи, и черезъ двѣнадцать лѣтъ по введеніи Permanent Settlement въ Бенгалии, Бихарѣ и Ориссѣ территория сѣверо-западныхъ провинцій была также приобрѣтена тою же компаніей.

Здѣсь англичане нашли другія формы землевладѣнія, изучая которыя они вскорѣ убѣдились, что Permanent Settlement было громадною ошибкою.

Формы землевладѣнія въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ гораздо разнообразнѣе, нежели въ Бенгалии. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ—новѣйшаго происхожденія, другія существовали за долго до появленія англичанъ въ Индіи.

Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ бенгальскимъ земиндарамъ соотвѣтствуютъ талукдары. Талукдары—двойкаго происхожденія: нѣкоторые изъ нихъ суть потомки военачальниковъ или другихъ лицъ, занимавшихъ высокіе посты въ древности. Другіе были въ началѣ только сборщиками податей и затѣмъ мало по малу, въ періодъ упадка мусульманскаго владычества, приобрѣли наслѣдственные права на землю. Права эти никогда не были точно опредѣлены и въ разныхъ частяхъ сѣверо-западныхъ провинцій были не одинаковы.

Иногда талукдаръ, считая себя наслѣдственнымъ посредникомъ между правительствомъ и земиндаромъ, не имѣлъ притязаній на поземельную собственность. Онъ допускалъ, что земиндаръ занимаетъ землю съ незапамятныхъ временъ и имѣетъ полное право по желанію дарить, продавать и закладывать свою землю.

Бывали случаи, однакоже, когда талукдары считали себя полными собственниками земли въ силу продажи или залога сдѣланныхъ въ ихъ пользу первоначальными земиндарами.

Ошибку, сдѣланную въ Бенгаліи англичане не повторили въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ.

Чиновникамъ, которымъ было поручено дѣло Settlement'a, въ то же время сдѣлано было предписаніе точно разслѣдовать, кто владѣеть землею деревни: талукдаръ, или на землю имѣютъ наслѣдственные права и другія лица? Въ первомъ случаѣ Settlement заключался съ талукдарами, во-второмъ съ деревенскими земиндарами, а талукдаръ получалъ только часть изъ сбора доходовъ, обыкновенно $22\frac{1}{2}\%$.

Англичане нашли въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ сельскую общину въ полномъ процвѣтаніи: Settlement дѣлались не со всѣми земиндарами членами общины, каковыхъ было много, а съ однимъ изъ нихъ, который уже являлся лицомъ отвѣтственнымъ за сборъ поземельныхъ доходовъ. Лицо это получило названіе *Sádr-malguzar*, т. е. главнаго плательщика доходовъ, или *Lumberdar* передѣланное изъ англійскаго слова number „число“. Остальные земиндары называются *Pattidár*. Правительственный сборъ разверстывался между всѣми паттидарами и община была отвѣтственна за неисправнаго плательщика.

Бхаячара, или братчина, есть форма землевладѣнія, сходная съ сейчасъ описанною. Особенности ея будутъ указаны въ слѣдующей главѣ.

Кадастрація такъ называемыхъ нынѣ North West Provinces была окончательно завершена при императорѣ Акбарѣ. Опредѣлены были точныя границы каждой деревни, измѣрены были земли обрабатываемыя и пустыющія; земли были подраздѣлены по качеству почвы на разряды: вычислена была за десять лѣтъ средняя производительность зе-

мель каждого разряда, и одна треть валового дохода считалась рентою. Отвѣтственнымъ лицомъ за правильную уплату ренты правительству, по законоположенію Акбара, была сельская община, а не отдѣльный земледѣлецъ.

Англичане, овладѣвъ сѣверо-западными провинціями и наученные опытомъ въ Бенгаліи, не сразу ввели здѣсь Permanent Settlement. Этому законоположенію предшествовало нѣсколько временныхъ мѣръ до 1842; права различныхъ сельскихъ общинъ и формы землевладѣнія тщательно были обслѣдованы и затѣмъ уже было введено законоположеніе 1842 на тридцать лѣтъ. Признано было за правило, что двѣ трети ренты составляютъ государственный поземельный доходъ. Одна треть ренты и всѣ будущія приращенія дохода съ земли составляли собственность владѣтеля. Такъ какъ Акбаръ бралъ всю ренту, какъ собственность правительства, англичане же ограничились двумя третями, то въ этомъ отношеніи ихъ система поземельнаго дохода была облегченіемъ для земледѣльцевъ и землевладѣтелей. Отвѣтственнымъ лицомъ за правильность уплаты поземельнаго дохода они признали не только сельскую общину, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другихъ собственниковъ, когда таковые доказали свои права на поземельную собственность.

По новому законоположенію, чрезъ тридцать лѣтъ, правительство понизило свои требованія до половины ренты; но при этомъ тщательно было изслѣдовано, насколько вообще рента возвысилась вслѣдствіе конкуренціи, возвышенія цѣнъ на продукты и законоположенія 1859 (act. X), о которомъ было выше сказано.

Кромѣ сейчасъ поименованныхъ главныхъ формъ землевладѣнія въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ есть еще нѣсколько другихъ формъ различнаго происхожденія. Формы эти носятъ различныя названія въ разныхъ частяхъ страны.

Онѣ образовались частью вслѣдствіе купли или родства съ коренными владѣтелями. Или-же коренной владѣтель подъ гнетомъ необходимости утрачивалъ часть своихъ правъ на землю, передавая ихъ новому на разныхъ условіяхъ. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, образовался цѣлый классъ особаго рода владѣтелей; отъ этого класса развился еще слѣдующій, находящійся въ зависимости отъ него и получившій начало подобно предыдущему въ силу тѣхъ-же обстоятельствъ. Развитие формъ землевладѣнія не остановилось на этомъ классѣ и пошло еще дальше.

Нѣкоторыя изъ этихъ формъ землевладѣнія наследственны и могутъ быть передаваемы отъ одного лица другому. Люди, близко знакомые съ поземельнымъ вопросомъ въ Индіи, признаютъ, что почти всюду, особенно же въ Аудѣ, въ центральныхъ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ, въ настоящее время совершается въ громаднхъ размѣрахъ переходъ поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Старинныя богатая фамиліи, коренные владѣтели поземельной собственности, или вынуждены бывають лишаться ее черезъ продажу и другія сдѣлки, или же находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Въ Индіи образовался цѣлый классъ ех-владѣтелей, созданный англійскими мѣропріятіями.

Обыкновенно выставляется двѣ причины этому явленію: поземельный налогъ и способы его сбиранія.

Въ старыя годы, до англичанъ, правительственный поземельный доходъ собирался, напр. въ Аудѣ, такимъ образомъ: доходъ этотъ опредѣлялся ежегодно передъ осеннею жатвою и отъ землевладѣльцевъ отбиралось письменное обязательство въ уплатѣ; передъ весеннею жатвою доходъ этотъ подлежалъ новому пересмотру: онъ увеличивался, уменьшался или оставался въ тѣхъ же размѣрахъ, смотря по тому, что обѣщаль предстоящій урожай.

Землевладѣлецъ могъ и не соглашаться на требованія правительства, въ такомъ случаѣ его деревня отдавалась на откупъ.

Если землевладѣлецъ соглашался на требованія правительства и подписывалъ договоръ, онъ долженъ былъ, кромѣ того, доставить правительству надежное ручательство въ томъ, что дѣйствительно уплѣтитъ все, что съ него требовалось. Поручку брали на себя или тѣже официальные сборщики податей, банкиры, или же сосѣдніе крупные землевладѣльцы.

Поручитель въ случаѣ неуплаты землевладѣльцемъ правительственнаго налога платилъ за него и имѣлъ право заключить его въ темницу, гдѣ несостоятельный должникъ содержался до тѣхъ поръ, пока не выплачивалъ своего долга. Случалось, что несостоятельный должникъ, во избѣжаніе заключенія, убѣгалъ изъ своихъ владѣній; тогда поручитель овладѣвалъ его собственностью и собиралъ доходъ съ нея.

Если у землевладѣльца не было поручителей и онъ оказывался несостоятельнымъ, тогда правительственные сборщики податей сами расправлялись съ нимъ. Въ его помѣстьѣ посылался отрядъ войска съ полномочіями собирать невыплаченный правительственный доходъ. Отрядъ этотъ являлся въ деревню, изгонялъ оттуда собственника и собиралъ съ земледѣльцевъ все, что могъ. Если послѣдніе оказывали сопротивление, солдаты жгли дома, угоняли скотъ и забирали всю движимую собственность.

На слѣдующій годъ деревня стояла необитаемою; собственники прятались по лѣсамъ; поля оставались необработанными. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣла было уменьшеніе правительственнаго дохода, а потому правительство черезъ своихъ сборщиковъ шло на сдѣлку: собственники вызывались назадъ и имъ обѣщалось пониженіе налога. Они возвращались, земля же въ этотъ промежутокъ

времени отдохнувь нѣсколько, доставляла хорошіи урожай и, деревня черезъ нѣкоторое время становилась вновь цвѣтущею.

Обѣ стороны, землевладѣлецъ и сборщикъ податей, извлекали изъ этой экзекуціи на будущее время полезный практическій совѣтъ: одна сторона т. е. землевладѣлецъ становился болѣе аккуратенъ въ своихъ платежахъ, сборщикъ же податей убѣждался на самомъ дѣлѣ, что радикальныя мѣры имѣютъ свои неудобства.

Система туземнаго сбора правительственнаго дохода имѣла свои хорошія стороны; размѣръ налога опредѣлялся сообразно съ тѣмъ, что обѣщаль предстоящій доходъ; запущенная недоплата налога прощалась, если полная несостоятельность была доказана. Близость лѣса и опасность уменьшенія правительственныхъ доходовъ сдерживали чрезмѣрное усердіе сборщиковъ налога.

Англійская система сбора правительственнаго дохода не имѣетъ конечно и отдаленнаго сходства съ сейчасъ описанною; она гораздо мягче, но тѣмъ не менѣе она оказывается не легкою для землевладѣльцевъ. Туземнаго землевладѣльца особенно пугаетъ эта неуклонность, съ которою налогъ собирается, и тѣ грустныя, но неизбѣжныя послѣдствія, которыя предстоятъ для того, кто бы не заплатилъ вполнѣ или отчасти налогъ. Въ прежнее время несостоятельный собственникъ спасался въ лѣсъ, страдалъ отъ выжимательства и притѣсненій сборщиковъ податей, но въ концѣ концовъ онъ не лишался своей собственности и возвращался въ свои владѣнія такимъ же хозяиномъ, какимъ былъ до погрома. А теперь, при болѣе мягкой, но послѣдовательной и строгой системѣ, онъ при малѣйшей неаккуратности въ уплатѣ налога можетъ лишиться всего своего достоянія. Свою неаккуратность же землевладѣлецъ готовъ объяснить цѣлымъ рядомъ причинъ, совершенно разумныхъ съ его точки зрѣнія.

Онъ говоритъ напр., что болѣе половины того что самъ получаетъ онъ отдаетъ правительству. Налогъ былъ установленъ англичанами сообразно съ предполагаемымъ его доходомъ; а этотъ предполагаемый доходъ гораздо выше его настоящаго. Settlement Officers не берутъ въ расчетъ пустующей земли, неурожая, потравы посѣвовъ дикими звѣрями, убытковъ отъ наводненій и т. п.; и съ другой стороны различаютъ такія качества земли, которыя неизвѣстны народу; не берутъ въ расчетъ того, что землевладѣлецъ землю одного и того же качества сдаетъ гораздо дешевле наемщикамъ высшихъ кастъ, нежели нисшихъ, получаетъ весьма часто свою ренту продуктами и при этомъ терпитъ убытки, каковыя игнорируются правительствомъ.

При устройствѣ поземельнаго вопроса въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ англичане едва ли не впали въ ошибку, совершенно противоположную той которую они сдѣлали въ Бенгаліи; въ Бенгаліи всѣ права земледѣльцевъ были пожертвованы для созданія класса крупныхъ землевладѣльцевъ; въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, желая поддержать сельскую общину и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже создать ее, они весьма часто игнорировали права талукдаровъ.

Этотъ фактъ вполне раскрылся во время возстанія 1857 г. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ права талукдаровъ на деревни были отвергнуты и уничтожены англичанами, сузерентство талукдара совершенно добровольно было признано сельчанами во время возстанія, когда авторитетъ англійскихъ властей не регулировалъ болѣе отношеній сельчанъ къ талукдару. Изъ этого факта очевидно вытекало, что сельчане признавали свои права подчиненными правамъ талукдара, и что талукдарство есть форма землевладѣнія очень древняя, туземная и любимая въ странѣ. Открытіе это не осталось безъ вліянія на послѣдующія мѣропріятія правительства.

Заканчивая эти отрывочныя замѣтки о томъ, какъ англичане дѣйствовали въ Индіи по поземельнымъ вопросамъ, я долженъ еще сказать, что поземельный доходъ есть главный источникъ индійскихъ доходовъ и не многимъ менѣе половины всей суммы доходовъ. При такой финансовой важности поземельнаго вопроса, весьма естественно ожидать, что онъ постоянно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ законодателей Индіи; дѣйствительно поземельный вопросъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Британская Индія, такъ или иначе постоянно волнуетъ умы громаднаго большинства туземнаго населенія, и до нынѣ не перестаетъ доставлять не мало хлопотъ и заботъ англичанамъ.

5.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ англійскихъ узаконеній, выше названныхъ смѣшанными. Большая часть этихъ узаконеній имѣетъ въ виду областныхъ чиновниковъ. Правительство путемъ законодательныхъ мѣръ хотѣло даровать областнымъ чиновникамъ извѣстнаго рода права, необходимыя для администраціи края. При этомъ имѣлось въ виду также ограничить повторявшееся самоуправство.

Нежелая утомлять вниманія читателя перечисленіемъ различныхъ узаконеній, считаю не лишнимъ упомянуть, что часть англоиндійскихъ областей, напр. Пенжабъ, Аудъ, центральныя провинціи, Бирма и часть Бенгаліи носятъ названія *Non-regulation provinces*.

Первыя по времени бенгалскія *Regulations* имѣли силу закона въ части нижней Бенгаліи; по присоединеніи сѣверо-западныхъ провинцій эти *Regulations* съ нѣкоторыми видоизмѣненіями были распространены и въ новой области. Съ теченіемъ времени они разрослись значительно и стали весьма

неудобны для тѣхъ областей, гдѣ было не много чиновниковъ, занимавшихъ весьма разнообразныя должности. Правительство находило сверхъ того, что изданныя имъ Regulations не всюду и не всегда соотвѣтствуютъ первобытному состоянію управляемаго общества. Когда какая-нибудь область становилась очень безпокойною, случалось весьма часто, что правительство объявляло ее *Non-regulation*, т. е. въ ней администрація могла обходиться и дѣйствовать безъ *regulations*; областной чиновникъ становился самодержавнымъ въ своей области.

Въ настоящее время главное отличіе областей, именуемыхъ *Non-regulation provinces* состоитъ въ томъ, что тамъ все судопроизводство подчинено губернатору (*Leutenant Governor*) а не „Высшему суду“ (*High Court*), какъ въ остальныхъ провинціяхъ.

Когда въ 1849 г. былъ присоединенъ Пенжабъ, само собою возникъ вопросъ о томъ, какими законами слѣдуетъ руководствоваться при управленіи этой провинціи. Англичане по собственному сознанію, хотѣли имѣть мощную, энергическую, но дешовую администрацію и объявили Пенжабъ областью *Non-regulation*. Судебная власть и собираніе доходовъ были отданы въ руки немногочисленныхъ чиновниковъ. Индійское правительство, считая свою власть въ Пенжабѣ неограниченною, устроило тамъ *Board of Administration*, и передало ему свою неограниченную власть—какъ законодательную, такъ исполнительную.

Учрежденіе это (*Board of Administration*) состояло въ началѣ изъ трехъ лицъ: лорда Лауренса, сэра Генри Лауренса и г. Мансель. Они управляли Пенжабомъ, сообразуясь съ обстоятельствами и руководясь своими понятіями о справедливости.

Лордъ Лауренсъ издалъ для Пенжаба кодексъ законовъ,

извѣстный подъ именемъ *Penjáb Civil Code*; книга эта содержитъ въ себѣ важнѣйшіе гражданскіе законы, гражданское и уголовное судопроизводство. Кромѣ того въ разное время и по различнымъ поводамъ были изданы многія другія узаконенія, имѣвшія силу закона. Обращено было вниманіе на правильное собраніе доходовъ и по этому поводу издано нѣсколько узаконеній для разныхъ частей страны. Хотя поземельный доходъ собирался по той-же системѣ, какъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, но вообще Пенжабъ управлялся своими законами, изданными мѣстными чиновниками.

Съ теченіемъ времени однакожѣ въ средѣ самого англо-индійскаго правительства возникло сомнѣніе въ полной легальности такого рода администраціи, и въ 1861 г. правительство, давъ силу закона всѣмъ прошедшимъ узаконеніямъ мѣстнаго управленія, на будущее время запретило ему издавать таковыя.

Подобнымъ же образомъ управлялся Аудъ по присоединеніи этой области въ 1856 г., центральныя провинціи по образованіи изъ нихъ отдѣльнаго административнаго округа, Бирма и т. д.

Съ 1861 г. законы остальныхъ областей британской Индіи имѣли одинаковую силу и въ Non-regulation provinces, но кромѣ того каждая изъ послѣднихъ областей имѣла свои собственныя узаконенія; иными словами въ каждой изъ Non-regulation provinces были свои собственныя *regulations*, очень запутанныя и очень многочисленныя. Масса распоряженій, узаконеній имѣла своего рода практическія неудобства для управленія этими областями; неудобства эги были устранены въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во время управленія лорда Мео рядомъ новыхъ законоположеній (act XXXIII 1870 и act IV 1872).

Къ настоящему отдѣлу узаконеній относятся кромѣ сей-

часть названныхъ еще много другихъ, но я прохожу ихъ молчаніемъ, такъ какъ большинство ихъ не могутъ имѣть общаго интереса.

Уже въ предыдущей главѣ было упомянуто, что часть Индіи признается независимою и тамъ же было говорено объ отношеніяхъ британской власти къ туземнымъ владѣніямъ, здѣсь же въ заключеніе очерка англо-индійскаго. управленія считаю не лишнимъ сказать объ устройствѣ департамента иностранныхъ дѣлъ, вѣдѣнію котораго подлежатъ сношенія съ туземными владѣніями.

Образованіе департамента иностранныхъ дѣлъ относится къ концу прошлаго столѣтія и до 1842 онъ носилъ названіе „департаментъ секретныхъ и политическихъ дѣлъ“ (Secret and Political Departement); съ самого начала своего существованія онъ раздѣлялся на три отдѣленія: 1) *секретное* отдѣленіе занималось войнами, переговорами и миссіями; 2) *политическое* отдѣленіе имѣло въ своемъ вѣдѣніи территоріи союзныхъ государствъ въ Индіи; 3) иностранное завѣдывало сношеніями остъ-индской компаніи съ азіатскими и европейскими державами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разрасталась Британская имперія въ Индіи, количество дѣлъ по второму отдѣленію уменьшалось, сфера же дѣятельности третьяго увеличивалась.

Теперешнее устройство департамента иностранныхъ дѣлъ въ сущности весьма мало отличается отъ первоначальнаго и вѣдѣнію его подлежатъ:

Вопервыхъ, внутренняя администрація новоприсоединенныхъ провинцій. Когда туземное владѣніе присоединяется къ Британской имперіи, оно переходитъ въ вѣдѣніе департамента внутреннихъ дѣлъ, но нѣкоторыми частями администраціи по прежнему завѣдуетъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ.

Вовторыхъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ завѣдуетъ всѣми союзными или туземными владѣніями Индіи.

Наконецъ въ третьихъ его вѣдѣнію подлежатъ сношенія съ внѣшними государствами, напр.: съ Авганистаномъ, восточнымъ Туркестаномъ, Персидскимъ заливомъ, Занзибаромъ, Авою.

Сношенія съ этими государствами производятся черезъ мѣстныя управленія, ближайшія къ нимъ по географическому положенію. Такъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ сносится съ Авганистаномъ, черезъ посредство пенжабскаго губернатора, съ Авою черезъ посредство Chief Commissioner британской Бирмы.

6.

Финансовое положеніе Индіи, о которомъ имѣются обстоятельныя и правдивыя оффиціальныя свѣдѣнія, можетъ быть предоставлено такъ: побѣды и присоединенія привели британскую власть къ слѣдующимъ результатамъ: подданныхъ ея британскаго величества считается въ Индіи 191.065,445, населеніе союзныхъ государствъ доходитъ до 50.325,457; годовой доходъ въ 1876 г. равнялся 51.310,063 фунт. стерл., а долгъ возросъ до 134.058,644 фунт. стерл.

Этотъ долгъ опредѣляетъ, чего стоило Индіи упроченіе вполне британской власти. Происхожденіе долга тройкое: часть его была сдѣлана въ старыя годы при завоеваніяхъ; другая вызвана реорганизаціею имперіи послѣ возстанія 1857 г., и наконецъ остальная доля была истрачена на желѣзныя дороги, каналы и другія общественныя работы, т. е. на эти деньги были проведены въ Индіи дороги, построены желѣзныя дороги, покрывающія Индію на протяженіи около семи тысячъ миль (6,938); проведены были каналы въ предотвращеніе голода на большихъ пространствахъ, выстроены

были зданія судовъ и другія общественныя зданія, тюрьмы, казармы, госпитали, школы. Всего этого послѣдняго англичане не нашли въ странѣ, и должны были заводить съизнова.

Доходъ въ 1875—1876 г. доходилъ до 51.310,063. Главныя источники его суть слѣдующіе:

Поземельный сборъ	21.503,742 ф. ст.
Опіумъ.	8.471,425 " "
Соль.	6.244,415 " "
Акцизъ.	2.493,232 " "
Таможни	2.721,389 " "
Гербовая пошлина.	2.885,368 " "

Расходы индійскаго правительства двоякаго рода: 1) уплачиваемые въ Индіи и 2) уплачиваемые въ Англіи. Первыя въ 1876 году достигали 44.008,789 ф. ст., вторые 9.902,958. Сумма всѣхъ расходовъ равнялась 53.911,747 ф. ст.

Весьма поучительно разсмотрѣніе нѣкоторыхъ рубрикъ этихъ расходовъ; такъ армія въ 1876 году стоила 15.308,460 ф. ст.

Уже выше было сказано, что въ Индіи собственно двѣ арміи: европейская (64,985) и туземная (125,123).

На жалованіе, пенсію, и т. д. обѣихъ армій истрачивается 7.226,030; и эта цифра дѣлится такъ:

64,985 выплачивается	3.998,529 ф. ст.
125,123 выплачивается	3.227,501 ф. ст.

Кромѣ того 24,575 ф. ст. истрачивается на Chaplains to the Army.

Расходы по администраціи въ 1876 году доходили до 1.697,365 ф. ст. Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Генераль-губернаторъ получаетъ жалованія	25,080 ф. ст.
На содержаніе его штаба и дома	7,457 " "
На большіе приемы (Durbar Fund).	12,000 " "

Поѣздки генераль-губернатора по Индіи ежегодно обходятся 27,864 " "

Жалованіе членовъ верховнаго совѣта 38,824 " "

Законодательный совѣтъ 15,930 " "

Губернаторы (Leutenant Gouvernor) получаютъ такое содержаніе:

Бенгальскій: жалованія 9,653 ф. ст.

На содержаніе штаба и дома 2,568 " "

На разѣздъ 4,349 " "

Онъ стоитъ во главѣ цѣлаго управленія и все это включительно съ предъидущими цифрами обходится 169,458 ф. стерл.

Губернаторъ сѣверо-западныхъ провинцій получаетъ жалованія 9,535 ф. ст.

На содержаніе штаба и дома 2,628 " "

На разѣзды 9,555 " "

Все управленіе обходится 120,678 " "

Жалованіе пенджабскому губернатору 9,600 " "

На штабъ и домъ 1,894 " "

На разѣзды 6,802 " "

Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится 110,318 " "

Жалованіе мадраскому губернатору 12,800 " "

На штабъ и домъ 13,028 " "

Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится 127,091 " "

Жалованіе бомбейскому губернатору 12,800 " "

На содержаніе его штаба, дома и разѣзды ассигнуется 19,416 " "

Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится 163,330 " "

Всѣ эти цифры взяты изъ East India (Finance and Revenue Accounts) 1876.

Commissioner'ы, т. е. завѣдывающіе отдѣльными областями, напр. Аудомъ, Центральными провинціями, Британскою Бирмою, Ассамомъ, получаютъ жалованія. 5,376 ф. ст.
и кромѣ того особья развѣздныя.

На судебное вѣдомство въ 1876 году истрачивалось 2,336,477 „ „

И по этому вѣдомству встрѣчается такое неравномѣрное распределение содержанія: большее жалованіе присвоено тому мѣсту, которое можетъ занимать англичанинъ, а не туземецъ.

Не лишено интереса также, что 161,724 ф. ст. индійскихъ денегъ истрачивается на англійское духовенство; изъ этихъ денегъ епископъ всей Индіи получаетъ одного жалованія. 4,598 ф. ст.

Мадраскій 2,560 „ „

Бомбейскій. 2,425 „ „

Между туземцами часто раздаются голоса, указывающіе, хотя и вотьще, на незаконность послѣдней траты; болѣе умѣренные и просвѣщенные допускаютъ, что христіанство, конечно, принесло много пользы Индіи; но миссіонеры, потрудившіеся на пользу просвѣщенія индійскаго населенія, ни когда не оплачивались за это англо-индійскимъ правительствомъ; изъ налоговъ же, падавшихъ на бѣдняковъ не христіанъ, шло жалованіе болѣе нежели хорошее, за воскресныя проповѣди исключительно англичанамъ.

Въ Индіи провинціальныя управленія и начальники отдѣльныхъ департаментовъ представляютъ элементъ инициативы, секретаріатъ же—критическій элементъ правленія.

Начальникъ департамента ex-officio есть тотъ человѣкъ, который долженъ предлагать какія-либо нововведенія и улучшенія; то и другое по дѣли своей можетъ быть прекрасно и очень экономично, но въ то же время то и другое необходимо клонится къ увеличенію расходовъ. Это послѣднее обстоятельство и вызываетъ критическую дѣятельность секретаріата; задача секретаріата—разбить на части новый проектъ, отыскать и поставить кому слѣдуетъ на видъ его слабыя стороны, задержать его приведеніе въ исполненіе.

Примирителемъ двухъ враждебныхъ силъ является дѣятельность вице-короли. По каждому вопросу обѣ стороны должны высказать свои мнѣнія и привести надлежащія доказательства, спорные пункты должны быть выяснены,—и послѣ того вице-король высказываетъ свой рѣшающій приговоръ.

Индійскій бюджетъ не задолго до окончанія финансоваго года представляется въ законодательное собраніе и публикуется въ „*Gazette*“. Бюджетъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части, именуемой *Actuals*, излагаются результаты, окончательно опредѣленные за предшествующій годъ. Во второй (*Regular Estimate*) приводятся результаты за текущій годъ, и въ третьей—предположительное исчисленіе доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ.

Не смотря на то, что предположительное вычисленіе доходовъ и расходовъ производится весьма старательно, рѣдкій годъ не оканчивается болѣе или менѣе значительнымъ дефицитомъ; и за десять лѣтъ 1867—1876 г. только два года составляютъ исключеніе: въ 1871 и 1872 г. не было дефицита.

Изъ пятидесяти пяти лѣтъ, начиная съ 1814—15 и оканчивая 1868—69 г., тридцать девять лѣтъ заключались дефицитомъ и шестнадцать составляли исключенія, и въ концѣ ихъ оказывался остатокъ. Но сумма остатковъ достигала толь-

ко 12¹/₂ милліоновъ фунт. стерлинговъ; сумма же дефицита за тотъ же промежутокъ времени достигала 75¹/₂ милліоновъ фунт. стерлинговъ. Возстаніе 1857 года увеличило долгъ Индіи на тридцать милліоновъ.

Причины этого хроническаго дефицита объясняются различно: говорятъ, что отчасти онъ является вслѣдствіе невозможности точно опредѣлить доходъ, напริมѣръ, доходъ съ опиума, находящійся въ зависимости отъ состоянія иностраннаго рынка, или поземельный сборъ, постоянно колеблющійся и обусловливаемый весьма малымъ измѣненіемъ въ количествѣ выпавшаго дождя; частью также дефицитъ есть непремѣнное слѣдствіе широкихъ затратъ на общественныя работы, армію и нѣкоторыя части гражданскаго управленія. Многіе члены провинціального управленія позволяютъ себѣ смотрѣть на финансовый департаментъ, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ главнаго управленія и враждебное всякому преуспѣянію въ Индіи; отсюда являются попытки чрезмѣрныхъ смѣтъ и упорное отстаиваніе ихъ.

Но главною причиною того, что англичане не сѣумѣли до сихъ поръ сводить въ Индіи концы съ концами, нужно считать ихъ преобладающую цѣль: задача, которую они пытаются разрѣшить, повторяется во всѣхъ отрасляхъ ихъ управленія. Они хотятъ завести въ Индіи такую же администрацію, такіе же суды, тюрьмы, школы, пути сообщенія и т. д.—все то, что есть въ Англіи и притомъ такого же качества. Но въ Англіи все это заведено на налоги, доходящіе до 48 ш. 3 пенсовъ съ головы, а въ Индіи они не превышаютъ 3 ш. 4 пенсовъ. И всякое возвышеніе налоговъ, какихъ бы то ни было, опасно въ Индіи: туземецъ не понимаетъ разницы между налогомъ муниципальнымъ, провинціальнымъ или имперскимъ. Для него всякій налогъ тяжелъ и ненавистенъ; онъ видитъ въ немъ зло, исходящее отъ британскаго прави-

тельства, и готовъ думать, что его гроши идутъ исключительно на нужды англичанъ.

Исторія индійскихъ финансовъ, различныхъ мѣропріятій послѣдовательныхъ генераль-губернаторовъ весьма назидательна, но изложеніе ея мы считаемъ неумѣстнымъ въ настоящей книгѣ очерковъ.

Считаемъ не лишнимъ, однакоже, упомянуть о двухъ источникахъ англо-индійскихъ доходовъ: одинъ, подоходный налогъ, недавно уничтоженъ; другой, налогъ на соль, судя по газетамъ, въ нынѣшнемъ году возвышенъ.

Послѣ возстанія 1857 г. индійскіе финансы были сильно потрясены.

Въ 1860 году былъ введенъ въ первый разъ подоходный налогъ (income tax); это мѣропріятіе не вызвало сначала большой оппозиціи въ англо-индійскомъ обществѣ; опасности, недавно пережитыя, громадныя затраты на дѣло усмиренія, какъ бы приготовили индійскихъ капиталистовъ къ безропотному принесенію жертвъ, и введеніе подоходнаго налога въ 4⁰/₁₀₀ не вызвало даже большого шума: налогъ былъ принятъ, какъ неминуемое зло. Но какъ только индійскіе финансы пришли въ лучшее состояніе, такъ стали раздаваться голоса противъ income tax. Противъ этого налога были люди, занимающіе высоко-оффиціальное положеніе. И въ первыя же пять лѣтъ по введеніи налогъ былъ пониженъ до 2⁰/₁₀₀ и затѣмъ совершенно уничтоженъ.

Вновь введенъ этотъ налогъ былъ лордомъ Мэо и тогда же онъ былъ пониженъ до 1⁰/₁₀₀; затѣмъ, однакоже, опять повышенъ до 2¹/₂⁰/₁₀₀; въ слѣдующемъ финансовомъ году 1870—71 онъ дошелъ до 3¹/₈⁰/₁₀₀, но въ 1871—72 г. онъ былъ опять пониженъ, а при лордѣ Нортсбрукѣ налогъ былъ вновь уничтоженъ. На малые доходы этотъ налогъ не падалъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ во все время своего существованія тя-

жель для индійскаго бѣднѣйшаго населенія. По показанію самихъ англійскихъ чиновниковъ, онъ падалъ на меньшинство состоятельное и былъ источникомъ разнаго рода тяжелыхъ притѣсненій для значительнаго большинства бѣдняковъ, которые должны были давать взятки для того, чтобы ихъ имена не попадали въ списки лицъ, подлежащихъ налогу. Высказывалось предположеніе, что сумма выплачиваемаго какъ income tax правительству равнялась суммѣ вынужденныхъ взятковъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ индійскихъ доходовъ доставляется налогомъ на соль. Въ послѣднемъ году (1875—76) онъ принесъ казнѣ 6.244,415 ф. ст. Налогъ этотъ падаетъ главнымъ образомъ на массы народа, и въ защиту его обыкновенно приводятъ одно соображеніе: народъ привыкъ къ этой тяготѣ и несетъ ее безсознательно и безропотно; но никто изъ англичанъ не станетъ отрицать, что налогъ на соль, падая на бѣднѣйшее населеніе, можетъ быть терпимъ, какъ необходимое зло, но ни какъ оправдываемъ потому только, что народъ не противится ему.

VI.

Матхура и Вишнуиты.

1.

Махтура, „городъ боговъ“, былъ извѣстенъ уже Птоломею, но не онъ конечно его прозвалъ такимъ именемъ. Матхура и въ туземныхъ источникахъ именуется „градомъ божьихъ сыновъ“.

И назывался городъ такъ, потому что имъ владѣли индоскиескіе цари, титуловавшіе себя „сынами боговъ“. Городъ лежитъ на берегу рѣки Ямуны между Делги и Агрою, двумя блестящими столицами бывшихъ мусульманскихъ властителей Индіи. Агра и Делги съ своею прошлою славой, о которой свидѣтельствуютъ понынѣ ихъ мраморные дворцы, мечети, гробницы, совершенно затмѣваютъ небольшой городокъ. Индія въ нашъ вѣкъ, изъ конца въ конецъ перехваченная желѣзными дорогами, и соединенная съ центрами европейской культуры телеграфами и пароходами, перестала быть въ глазахъ большинства романтической страной великаго Могола: она слишкомъ близка къ Европѣ, слишкомъ доступна и не волнуетъ фантазіи современнаго челоука. Но кто хочетъ видѣть сказочный востокъ, Индію тысячи и одной ночи, тотъ пусть ѣдетъ въ Агру или въ Делги;

здѣсь развалины, разбросанныя на пространствѣ десятковъ миль, мавзолеи, оставленные мечети, разграбленные дворцы наглядно перескажутъ ему фантастическую повѣсть о томъ, какъ жили великіе Моголы въ Индіи; нигдѣ онъ не увидитъ такой гробницы, какъ Тажъ, такого дворца, какъ агрскій, такой мечети, какъ моти-мечеть. Въ Индіи нѣтъ архитектурнаго памятника, такъ часто описывавшагося, какъ Тажъ: онъ смѣренъ, разобранъ и описанъ по частямъ; съ него снятъ планъ въ цѣломъ. Многочисленные рисунки и фотографіи сдѣлали его очертанія общеизвѣстными.

Но лучшія, вѣрнѣйшія описанія и фотографіи подготовляютъ къ впечатлѣнію производимому Тажомъ въ дѣйствительности также мало, какъ недостаточны цифры, показывающія чего онъ стоилъ, для полнаго выясненія, почему онъ кажется всѣмъ, кто его видѣлъ, столь привлекательнымъ.

Гробница строилась семнадцать лѣтъ и на ея постройку было затрачено около двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Она вся изъ мрамора; ея стѣны выложены драгоценными камнями, а врата—какъ кружева сквозныя.

Если бы кто, не зная, что тутъ, на берегу широкой рѣки, среди роскошнаго сада подъ сводомъ покоится прахъ Мумтажъ-и-Махалы, въ ясную лунную ночь бросилъ бы взглядъ на эти простыя очертанія мраморнаго купола, бѣлѣющаго среди густой зелени, на башни и минареты облитые луннымъ свѣтомъ, и кругомъ на кущи пальмъ, длинныя аллеи, высоко бьющіе фонтаны, на кусты розъ, отовсюду льющіе благоуханія, навѣрное ему показалось бы, что передъ нимъ не гробница, а волшебный замокъ какой нибудь пэри.

Таково дѣйствительно созданіе Шахъ-Жехана. Великому Моголу точно хотѣлось воздвигнуть чертогъ обожаемой женщины, а не гробницу супруги.

Въ этой красѣ Мавзолея, женственной и неуловимой; ска-

зался вполнѣ человѣкъ, любившій женскую красу до опьяненія, мужъ сотни женъ и любовникъ своей дочери, рожденной отъ той же самой Мумтажъ-и-Махалы, которую онъ безумно любилъ при жизни и такъ роскошно почитилъ по смерти, воздвигнувъ надъ ея прахомъ волшебный чертогъ, полный чарующей прелести, гдѣ точно нѣтъ мѣста плачу и скорби, а все напоминаетъ вѣчный праздникъ беззаботной, безпечальной жизни.

Съ какой бы стороны вы не смотрѣли на Делги или Агру, предъ вами открывается цѣлый лѣсъ куполовъ и минаретовъ, бѣлыхъ и красныхъ, среди зелени никогда не исчезающей въ Индіи. Делги была столицею мусульманъ въ продолженіи шестисотъ пятидесяти лѣтъ; и здѣсь же у гробницы хумаюна были перестрѣлены англичанами въ 1857 году, послѣдніе отпрыски великаго Могола.

На пространствѣ сорока пяти миль во всѣ стороны отъ новаго города Делги разбѣяны примѣчательности; изобиліе и изящество этихъ памятниковъ обыкновенно на столько поглощаютъ вниманіе путешественника, что о Матхурѣ, городѣ древне-индусскомъ, который мусульмане разрушали и грабили, но не обстраивали, совершенно забывается. Онъ оригиналенъ, но не блестящъ, не поражаетъ фантазіи, лежитъ въ сторонѣ, до послѣдняго времени не связанъ былъ желѣзною дорогою съ Делги и Агрою, и вотъ почему его объѣзжаютъ.

1.

Делги и Агра связаны желѣзною дорогою. Отъ станціи Хатрасъ идетъ боковая линія въ Матхуру. Линія эта была открыта только въ 1875 году. Я ѣхалъ въ Матхуру черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ началось движеніе по новой линіи. Нашъ поѣздъ тронулся со станціи Хатрасъ: все въ немъ было оригинально; открытые пассажирскіе вагоны, по-

добные тѣмъ, въ которыхъ возятъ кладъ и дрова; пестрая и шумная толпа пассажировъ, исключительно состоящая изъ туземцевъ, индѣйцевъ; уже при отправленіи поѣзда ихъ было гораздо болѣе, нежели мѣстъ въ вагонахъ; многимъ пришлось стоять, и они безропотно покорялись своей участи; всѣ были довольны и радостны; говоръ, смѣхъ и крики не умолкали во весь переѣздъ, длившійся часа три съ половиною. Въ вагонахъ стояли и сидѣли жители со всѣхъ концовъ Индіи; тутъ были представители всякой страны; изъ Гузерата, Бомбея, Декана, Бенгаліи и т. д.; отовсюду ѣхали поклонники бога Кришны, игриваго любовника многочисленныхъ пастушекъ. Мы двигались медленно, подолгу стояли на каждомъ полустанкѣ, повсюду забирали новыхъ пассажировъ. Мы стояли иногда, поджидая пассажировъ, даже замедляли ходъ въ виду опоздавшихъ.

Путь выстроенъ почти безъ всякихъ уклоненій прямо отъ востока на западъ и пролегаетъ по тѣнистой аллеѣ, которая, впрочемъ, не защищала насъ отъ ѣдкой пыли, столбами поднимавшейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мы ѣхали по мѣстности, воспѣтой древними индѣйскими поэтами, въ октябрѣ, когда въ Индіи даже песчанья равнины зеленѣютъ, но и въ это время страна не казалась роскошно одаренною природою; деревни, у которыхъ приходилось останавливаться, издали казались очень грязными; вблизи, говорятъ, они еще грязнѣе. Большинство деревенскаго населенія — жаты и гужары. Около Матхуры общинное владѣніе землею сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминомъ *bhauâsagî*, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ: „братскій обычай“ или „братчина“. Но рядомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ есть и земиндарства. Увѣряютъ, что деревни, въ которыхъ удержалась *братчина*

процвѣтають болѣе нежели тѣ, въ которыхъ земли принадлежать одному владѣльцу.

На видѣ, дѣйствительно, деревни съ общиннымъ землевладѣніемъ гораздо красивѣе земиндарскихъ; онѣ легко узнаваемы по обилію зелени, окружающему ихъ поля. Отдѣльные участки обсажены различными, большею частью быстро растущими деревьями. Деревя эти хотя и рубятся, но тотчасъ же послѣ этого насаживаются новыя; зелень и тѣнь по полямъ вокругъ деревни служатъ почти всегда вѣрнымъ признакомъ того, что здѣсь не властвуетъ земиндаръ или его повѣренный.

Въ земиндарскихъ деревняхъ хозяева по большей части не живутъ; повѣренный же владѣтеля заботится только о скоромъ и какъ можно большемъ доходѣ. Лѣса и всякія деревья рубятся и не подсаживаются ни хозяиномъ, ни его арендаторами; послѣдніе не заботятся объ этомъ, такъ какъ не имѣютъ права пользоваться ни лѣсомъ вообще, ни даже кустомъ отдѣльнымъ; хозяинъ же, какойнибудь случайно разбогатѣвшій купецъ или даже ростовщикъ, совершенно не печется о пользѣ своихъ арендаторовъ или о приумноженіи производительныхъ силъ въ своемъ помѣстьѣ. Его цѣль вернуть поскорѣе затраченный капиталъ, и какъ только онъ выжалъ весь сокъ изъ земли, онъ съ легкимъ сердцемъ расстаётся съ помѣстьемъ, доставшимся ему за недорогою цѣну.

Деревни, въ которыхъ существуетъ *братчина*, дѣлятся на тхоки, которыя подраздѣляются на бехри; земледѣлецъ вноситъ свою часть поземельнаго налога бехривару; бехриваръ, собравъ всѣ части со всѣхъ земледѣльцевъ своего бехри, передаетъ всю сумму *тхокедару*; тхокедаръ, собравъ налогъ со всѣхъ бехри, передаетъ его лумбердару.

Лумбердаръ, какъ уже выше было указано, есть тотъ со-

владѣтель, который былъ избранъ правительствомъ какъ лицо отвѣтственное за правильный сборъ налога. Названіе это произошло отъ англійскаго слова *number*. Случается, что въ одной деревнѣ нѣсколько лумбердаровъ.

Если какой нибудь землевладѣлецъ окажется несостоятельнымъ при сборѣ налога, *бехриваръ* не уполченную долю раскладываетъ на всѣхъ членовъ своего *бехри*; также точно поступаетъ *тхокедаръ* при несостоятельности *бехри* и невыплаченное раскладывается на весь *тхокъ*.

Первоначальные совладѣтели, одной деревни, обыкновенно производятъ себя отъ одного предка, основателя деревни, и принадлежать одной кастѣ; землю надѣляется каждый членъ общины, то есть, каждый житель деревни есть въ то же время землевладѣлецъ. Ежегодно они производятъ частнымъ образомъ, для себя разверстку налога; такъ какъ количество обработанной земли съ теченіемъ времени измѣняется по *тхокамъ* и *бехри*; въ иныхъ оно возросло, въ другихъ уменьшилось, то отъ времени до времени производится новая разверстка участковъ. Но противъ этого обычая очень часто въ деревнѣ образуется оппозиція; весьма естественно, что тѣ, которые увеличили количество обработанной земли, не желаютъ передавать плоды своихъ трудовъ менѣе трудолюбивымъ односельчанамъ. По закону (act XIX 1873) коллекторъ имѣетъ право сдѣлать обязательнымъ для деревни передѣлъ, если давнее существованіе этого обычая въ той мѣстности будетъ доказано.

Первоначально для обработки земель деревни совершенно достаточно было рукъ коренныхъ совладѣтелей, потомковъ основателя деревни; когда количество обработанной земли возросло, коренные совладѣтели стали призывать на помощь чужихъ и въ деревнѣ образовалось два разряда землевладѣльцевъ: *кхудкаитъ* т. е. живущихъ въ самой деревнѣ, и

пайкаитъ, иначе пришлыхъ изъ по сосѣдству. Нѣкоторые изъ послѣднихъ куплею приобрѣли себѣ участки въ общинѣ; но община сохранила за собою право противиться и не допускать вступленія новыхъ членовъ.

Поѣздъ остановился мили за полторы отъ города, такъ какъ настоящаго моста на Ямунѣ не успѣли еще выстроить, то перекинуть былъ временной деревянный. Городъ тянется мили на полторы по правому берегу рѣки; видъ его съ мосту очень красивъ и оригиналенъ, онъ расположенъ на нѣкоторомъ возвышеніи; вдоль берега тянутся остатки бывшаго форта, и рядъ ступеней (*ghât*) спускается къ рѣкѣ; кромѣ минаретовъ мечети Жамы, изъ всей массы строеній не выдается ни одна башня, ни верхушка храма; отсутствіе этихъ обыкновенныхъ украшеній индійскихъ городовъ придаетъ виду Матхуры нѣкоторую своеобразность. Внутри она еще болѣе отличается отъ всѣхъ индійскихъ городовъ; правда, и въ Матхурѣ множество храмовъ и часовенъ; но ни тѣ, ни другіе не поражаютъ такъ, какъ необыкновенно опрятныя и прекрасно вымощенныя улицы города. Всюду такая чистота, какую рѣдко увидишь въ индійскихъ городахъ, и какой нѣтъ даже въ Жайпурѣ, славящемся правильнымъ построеніемъ и широкими улицами.

Матхура—городъ древній: уже во времена Птолемея о немъ слыхивали на западѣ; но въ этомъ древнемъ городѣ все ново; онъ даже стоитъ на новомъ мѣстѣ и рѣка измѣнила нѣсколько свое теченіе; дома, храмы и идола въ храмахъ, все здѣсь ново и все какъ-то блеститъ и сияетъ новизной; улицы подметены и гладки, какъ полъ; дома выкрашены заново и разукрашены изящною рѣзбою по камню; этимъ искусствомъ Матхура по нынѣ славится. Не смотря на эту видимую новизну, у города есть свое длинное прошлое. Когда заговариваешь объ исторіи какогонибудь индій-

скаго города или человѣка, то невольно приходитъ на память слѣдующій анекдотъ, слышанный мною въ Бенаресѣ: ража Судамапура въ Катхияварѣ искалъ руки дочери царицы Удайпурской. Дѣло стало идти на ладъ, и царица потребовала отъ искателя его родословную. Ража въ свою очередь потребовалъ свою родословную отъ придворныхъ пѣвцовъ; извѣстно, что у каждаго ражи есть придворный бардъ, воспѣвающій его родъ, его самого и его дѣянiя. Какъ ни старались пѣвцы судамапурскаго ражи, болѣе десяти поколѣнiй они не могли отыскать въ своей памяти; для аристократической невѣсты такой родословной было мало, и ража настаивалъ на томъ, что пѣвцы должны припомнить большее число его предковъ; а пѣвцы не знали, что и начать. Выискался наконецъ пѣвецъ мудрый и уладилъ все дѣло; доложилъ этотъ пѣвецъ ражѣ: „Молился я Деви (то-есть, богинѣ); семь дней постился, ни ѣлъ, ни пилъ, и въ осьмой день во снѣ явилась мнѣ богиня и открыла, что родъ твой, царь, происходитъ отъ Ханумана (богъ-обезьяна). Хануманъ, отправляясь въ Цейлонъ, летѣлъ черезъ океанъ и сильно вспотѣлъ: одна изъ священныхъ капель упала въ воду и была проглочена морскимъ чудовищемъ. Отъ этого чудовища родился ребенокъ съ хвостомъ, родоначальникъ судамапурскихъ князей. И всѣ предки твои были съ хвостами; твой родъ лишился этого украшенiя только въ послѣднiя, грѣховныя времена!“ Судамапурскiй ража остался доволенъ такою генеалогiей, наградилъ мудраго пѣвца и послалъ свою генеалогiю къ невѣстѣ. Но, увы, царица Удайпурская отклонила исканiя, приказавъ сказать судамапурскому ражѣ, что Удайпурскiя царевны не выдаются за потомковъ обезьяны и аллигатора.—Подобная миѣическая исторiя есть и у города Матхуры; любой богомолецъ, явившiйся сюда, знаетъ ее твердо, ибо онъ пришелъ сюда за тѣмъ,

чтобы побывать и помолиться во всёхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ богъ Кришна родился, игралъ, отличался, наслаждался съ женами, побѣждалъ враговъ и т. д. Другой исторіи города онъ или не знаетъ, или не признаетъ; даже мѣстные ученые изъ туземцевъ не помнятъ иной исторіи своего города. А между тѣмъ у города было другое прошлое, дѣйствительно историческое, и о немъ мы начинаемъ по немногу узнавать, откапывая вещественные памятники древности въ курганахъ, ближайшихъ къ городу. Разсматривая находимыя здѣсь статуи, надписи, монеты въ связи съ извѣстіями буддійскихъ легендъ и китайскихъ путешественниковъ, мы можемъ сдѣлать нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ выводовъ относительно древней исторіи Матхуры.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ III вѣкѣ до Р. Х. Матхура была городомъ большимъ и цвѣтущимъ; городъ и тогда былъ расположенъ на берегу рѣки Ямуны; но Ямуна текла нѣсколько западнѣе. Имъ владѣли въ различныя времена Греки, Индо-Скионы и какіе-то Сатрапы съ туземными и индійскими именами. Въ этотъ періодъ иноземнаго владычества въ городѣ процвѣтали буддизмъ и сходное ученіе жайновъ. Еще въ VI вѣкѣ по Р. Х. рядомъ съ брахманизмомъ здѣсь держался буддизмъ. Затѣмъ о Матхурѣ мы ничего не знаемъ до завоеванія города мусульманами (XI в.). Издревле Матхура была городомъ торговымъ и имѣла водяное сообщеніе съ Паталитрой, или нынѣшнею Патной. Сюда купцы съ сѣвера пригоняли табуны лошадей на продажу; какъ въ городѣ большомъ и торговомъ, въ Матхурѣ жилось, вѣроятно, весело. Буддійскія легенды повѣствуютъ о матхурскихъ красавицахъ, за дорогую цѣну продававшихъ свои чары, а одна жайнская легенда рассказываетъ, что встарь, въ Матхурѣ въ октябрѣ праздновалось какое-то событіе и бывалъ въ это время постъ, но справлялся онъ очень оригинально: въ ночь полнолунія

Матхурскій царь, собравъ съ собою всѣхъ своихъ и чужихъ женъ, отправлялся изъ города поститься въ лѣсъ: мужья же забранныхъ и уведенныхъ женъ не смѣли выходить изъ городу.

Въ 1836 году въ Матхурѣ была сдѣлана первая находка древности; находка эта тотчасъ же была описана и по счастью уцѣлѣла до нынѣ въ Матхурѣ, въ саду у коллектора. Найдена была здѣсь плита изъ песчаника съ рельефными изображеніями; на той и другой сторонѣ плиты представлены сцены, которыхъ теперь не встрѣчаешь въ Индіи, но онѣ могли имѣть мѣсто и весьма часто повторяться въ городѣ торговомъ, куда прихаживали иностранцы съ сѣвера, гдѣ владѣли и Греки, и Индо-Скиѳы. На лицевой сторонѣ изображенъ пьяный человѣкъ; онъ полулежитъ на низенькомъ сѣдалищѣ: съ одной стороны его поддерживаетъ женская фигура, съ другой — юноша; двѣ маленькія фигуры поддерживаютъ его снизу, за колѣна. Опьяненіе выражено съ большою точностью и, сказываясь во всѣхъ деталяхъ, производитъ очень цѣлостное впечатлѣніе: вы видите, какъ будто гуляка сейчасъ упадетъ: голова поникла, губы отвисли, изъ окоченѣвшихъ рукъ выпала чаша и валяется тутъ-же, у ногъ. По костюму этотъ гуляка Индіецъ. На оборотной сторонѣ изображена цѣлая сцена—гулянка въ лѣсу: подъ тѣнью деревъ расположены четыре фигуры: двѣ женщины и двое мужчинъ, а у ногъ ихъ стоятъ чаши. И тутъ намѣреніе артиста было изобразить попойку въ началѣ: всѣ еще держатся на ногахъ. Фигуры какъ мужчинъ, такъ и женщинъ изображены въ индійскихъ костюмахъ. Ученый Принсепъ, описывавшій эту находку, предполагалъ, что плита греческой работы, и что на ея лицевой сторонѣ изображенъ Силенъ; предположеніе совершенно невѣроятно. Индійцы, вообще народъ трезвый и умеренный въ наши дни, не были всегда таковымъ; они пивали и даже воспѣли въ Махабхаратѣ, какъ ихъ боги и святые мудрецы

упивались на богомольяхъ. Въ Индіи былъ даже „винный праздникъ“ (surâchana), когда мужчины и женщины не считали грѣхомъ упиваться. Индійцы имѣютъ свои сказанія о происхожденіи крѣпкихъ напитковъ. А потому, такъ какъ здѣсь изображены люди въ тѣхъ же костюмахъ, въ которые Индійцы одѣваются понынѣ, то всего вѣроятнѣе предположить, что на плитѣ изображена праздничная сцена изъ индійской жизни и представлены Индійцы. Гораздо труднѣе опредѣлить, какое было назначеніе этой плиты. Невѣроятно, чтобъ ею украшался храмъ или какая-нибудь ступа; она помѣщалась, конечно, въ частномъ домѣ, можетъ быть даже, въ домѣ, гдѣ продавались крѣпкіе напитки, и куда сходились пировать; здѣсь она могла составлять часть ограды вокругъ веранды или же стоять у входа, на подобіе нашихъ вывѣсокъ.

Въ настоящее время только часть древностей, найденныхъ въ Матхурѣ, находится на мѣстѣ и собрана въ саду у лектора. Многія изъ находокъ вывезены въ Агрскій музей, другія собраны въ Аллахабадскомъ музеѣ и даже въ Калькуттскомъ; къ востоку и юго-востоку отъ города находится нѣсколько кургановъ, не одинаковой величины; въ нихъ-то и были найдены матхурскія древности, подробно описанныя Кеннингэмомъ и Гроузомъ (Growse). Хотя число найденныхъ здѣсь древностей не велико, но многія изъ надписей на пьедесталахъ очень важны, не смотря на свою краткость, а нѣкоторыя изъ статуй отличаются изяществомъ, что и заставило Кеннингэма считать эти статуи за греческія произведенія, на примѣръ, статую, названную имъ: dancing girl. Предположеніе это, также какъ и Принсепово о Силенѣ, осталось не доказаннымъ. Танцовщица изображена съ необыкновеннымъ изяществомъ и хотя въ позѣ, нѣсколько напоминающей позу Венеры Милосской, но съ индійскими украшеніями на головѣ

и рукахъ и у пояса. Это одна изъ тѣхъ небесныхъ плясуней, о которыхъ такъ много говорится въ буддѣйскихъ „видѣнїяхъ неба“; онѣ плясали не на землѣ, а на небѣ въ грандіозныхъ чертогахъ, разукрашенныхъ высокими башнями и хрустальными колоннами,—въ тѣхъ чертогахъ, гдѣ подь звуки не умолкающей музыки блаженствовали по смерти добродѣтельные люди. Изображенія такихъ танцовщицъ-богинь ставились буддистами у дверей храмовъ и у вратъ оградъ кругомъ ступы.

Изъ надписей на пьедесталахъ *) мы узнаемъ, что уже въ послѣднія столѣтія до Р. Х., въ эпоху владычества Индо-Скивовъ, въ Матхурѣ рядомъ съ буддистами жили и Жайны; этими несомнѣнными данными подтверждаются извѣстія какъ буддѣйскихъ, такъ и жайнскихъ легендъ, и доказываются существованіе жайнской секты въ эпоху, близкую съ началомъ распаденія буддѣйской общины на нѣсколько враждебныхъ другъ другу сектъ. Въ одной жайнской географіи или точнѣе „Описаніи святынь“, о Матхурѣ, говорится, какъ о городѣ святомъ для Жайновъ; здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ священныхъ изображеній, секта имѣла священное древо Kalpadruma и необыкновенно великую ступу. Ступа была такъ великолѣпна и роскошна, что еретики, не жайны, буддисты и брахманы называли ее своею; но ступа была жайнскою и украшалась громадною статуей жайнскаго святого. О существованіи громадныхъ статуй въ Матхурѣ мы узнаемъ изъ раскопокъ Чаубарскаго кургана, гдѣ найдены были: голова 14 вершковъ въ длину; ступня, большой палецъ, который имѣетъ 8 вершковъ въ длину; ладонь футъ въ длину. Жайны, нынѣ въ Индіи повсюду называемыя сарауги (отъ скр. сравака, слушатель), немногочисленны въ Матхурѣ. Этой

*) Найденныхъ въ Kankali Tila къ юго-западу отъ города, на мѣстѣ бывшаго жайнскаго монастыря.

секты главнымъ образомъ держится каста купеческая (банья). Ихъ религіозныя процессіи и голые идолы составляютъ предметъ отвращенія для правовѣрныхъ Индусовъ, и въ Делги брахманы добились того, что правительство запретило Жайнамъ религіозныя процессіи; это запрещеніе сильно взволновало всю жайнскую общину: составился адресъ, который и былъ поданъ deputy commissioner'у. Требуя отмѣны запрещенія, Жайны приводятъ въ доказательство законности своей просьбы подлинныя слова манифеста королевы отъ 1-го ноября 1858 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „We declare it to be our Royal will and pleasure, that none be in anywise favored, none molested, or disquieted by reason of their religious faith or observances, but that all shall alike enjoy the *equal and impartial protection of the Law*“. Далѣе просители говорятъ, что процессіи имъ не запрещены ни въ Бенаресѣ, ни въ Гаѣ, гдѣ брахманическій элементъ гораздо сильнѣе, нежели въ Делги, и даже дозволены въ независимыхъ владѣніяхъ, „гдѣ законъ и порядокъ едва утверждены“ (where law and order are scarcely established). Адресъ, написанный такъ убѣдительно, былъ поданъ въ февралѣ 1875 года, но еще въ октябрѣ того же годѣ запрещеніе не было отмѣнено, и Жайны въ Делги сильно приуныли.

Это столкновение двухъ сектъ въ XIX вѣкѣ есть слабое подражаніе длинному ряду столкновений, раздоровъ, преній, повторявшихся между буддистами и Жайнами, или между тѣми и другими съ одной стороны и брахманами съ другой. О Жайнахъ буддійскія легенды говорятъ часто и всегда враждебно относятся къ этимъ еретикамъ, называя ихъ различными именами: голыми, „безъ узъ“, то-есть безъ одѣяній. Называя противниковъ такими именами, буддисты имѣли въ виду самую выдающуюся внѣшнюю особенность жайнской

секты. Жайны учать: „Нагота всѣмъ людямъ присуща... нага рождается душа; нага уходитъ она въ другое бытіе. Не тотъ нагъ, кто хотя и раздѣтъ, но въ покровѣ нравственности облаченъ; кто безнравственъ и одѣтъ, тотъ нагъ!“ Въ британской Индіи нагіе Жайны не встрѣчаются, но и до сихъ поръ жайнскіе монахи (изъ секты Дигамбары) вкушаютъ ѣду, хотя бы даже въ чужомъ домѣ и на глазахъ у многихъ, не иначе какъ совершенно раздѣвшись и освободившись отъ всякихъ покрововъ. За исключеніемъ этой особенности Жайны очень схожи съ буддистами, которыхъ они впрочемъ сильно презираютъ и увѣряютъ, что буддисты ѣдятъ всякаго рода мясо, что, конечно, справедливо только относительно непальскихъ. Въ своихъ преданіяхъ и монашескихъ учрежденіяхъ Жайны имѣютъ много общаго съ буддистами. Жайнскій монахъ въ своемъ красномъ плащѣ съ виду совершенно схожъ съ цейлонскимъ бикшу въ желтой чиварѣ. Но Жайны нетерпимы и скрытны, чего никакъ нельзя сказать о южныхъ буддистахъ. Имѣя много общаго съ буддистами, Жайны въ то же время не составляли одного цѣлаго съ буддійскою общиной; въ началѣ, въ древности различія между двумя сектами не могли быть многочисленны или значительны, но ихъ было однако совершенно достаточно для нарушенія взаимнаго согласія между ними. Обѣ стороны одинаково свидѣтельствуютъ, что разладъ и вражда существовали въ старь между ними. Этотъ разладъ, имѣвшій нѣкогда весьма печальныя послѣдствія для той или другой стороны, начинался иногда съ дѣтскихъ выходокъ. Въ Паталипутрѣ (то-есть, въ нынѣшней Патнѣ) во время царя Асоки было много буддистовъ, а также и еретиковъ, расхаживавшихъ всюду нагими, не брившихъ волосъ, а выдерживавшихъ ихъ, пившихъ воду изъ пригоршни и не употреблявшихъ никакихъ сосудовъ. Эти еретики, то-есть, Жайны,

овладѣли разъ статуей Будды и повергли ее къ ногамъ статуи, изображавшей ихъ учителя. Буддисты, узнавъ объ этомъ, взволновались и подняли крикъ; донесли о святотатствѣ царю; Асока, покровительствовавшій буддистамъ, воздвигъ гоненіе на еретиковъ; онъ оцѣнилъ голову Жайна въ динаръ, и произошло великое избіеніе еретиковъ. Такъ разказывается легенда буддистами; съ своей стороны, Жайны также не умалчиваютъ о притѣсненіяхъ буддистовъ. Объ одномъ гоненіи рассказываетъ Хемачандра въ своей исторіи жайнскихъ патріарховъ: въ городѣ Жахапури въ одно время жило много какъ буддистовъ, такъ и Жайновъ. Царь покровительствовалъ буддистамъ, и Жайны были въ загонѣ; но этого было мало буддистамъ, и они захотѣли номѣшать Жайнамъ совершать служеніе. Такъ какъ при всякомъ богослуженіи необходимы цвѣты, то буддисты уговорили цвѣточниковъ возвысить цѣну на цвѣты; Жайны были богаты и покупали цвѣты, не смотря на высокую цѣну. Тутъ въ дѣло вмѣшался царь и запретилъ продавать цвѣты Жайнамъ. Раздоры между буддистами и Жайнами, случавшіеся въ другихъ городахъ, весьма естественно могли повторяться въ Матхурѣ, гдѣ ступы и храмы тѣхъ и другихъ были многочисленны и стояли почти рядомъ; въ Матхурѣ также, какъ и въ другихъ индійскихъ городахъ, происходили религіозныя препирательства; диспуты интересовали обыкновенно всѣхъ горожанъ и самого царя. Являлся въ городѣ странствующій философъ и на перекресткѣ или на базарѣ, возжегши факель, посылалъ вызовъ мѣстнымъ ученымъ. Если вызовъ бывалъ принятъ, то назначался день диспута; и въ тотъ день, въ назначенный часъ на арену состязанія являлись горожане и царь во главѣ своего двора. Эти диспуты были однимъ изъ мѣстныхъ общественныхъ увеселеній и по сказанію легендъ, въ нихъ принимали участіе и женщины.

На юго-востокъ отъ Матхуры, за cantonments, то-есть, европейскимъ кварталомъ, находится курганъ, прозванный Кеннингэмомъ jail-mound. На этомъ мѣстѣ стоялъ или храмъ, или ступа значительныхъ размѣровъ. Раскопки обнаружили нѣсколько столбовъ, на которыхъ находились цифры; цифрами, вѣроятно, обозначался порядокъ, въ которомъ стояли столбы, и назначены онѣ были каменщиками въ руководство, какъ ихъ разставлять. На колоннахъ сохранились надписи, свидѣтельствующія, что ихъ приносили въ даръ отдѣльныя лица; такъ, напримѣръ, кругомъ пьедестала одной колонны вырѣзаны извѣстія о томъ, когда и кѣмъ колонна была принесена въ даръ; надпись не сохранилась вполне, а изъ уцѣлѣвшей части явствуетъ, что приношеніе было сдѣлано монастырю, выстроенному „великимъ царемъ, царемъ царей, сыномъ боговъ (Индо-Скиѳомъ) Хувишкою“. Монахъ, воздвигшій столбъ, заканчиваетъ свою дарственную словами: „Да будетъ (мой даръ) во благо всѣмъ существамъ и духовенству четырехъ странъ свѣта“. На другомъ столбѣ, найденномъ тутъ же, какой-то брахманъ, по фамиліи Гажавара, состоявшій въ какихъ-то отношеніяхъ къ сатрапу Саудасу, разказываетъ, что онъ подарилъ тому же монастырю прудъ, колодезь и столбъ. Саудаса, упоминаемый въ этой надписи, называется сатрапомъ; изъ чего слѣдуетъ, что онъ владѣлъ Матхурою, будучи вассаломъ какого-то царя, имя котораго исчезло изъ надписи; но онъ имѣлъ право бить монету: въ Матхурѣ найдена одна мѣдная монета съ его именами. На одной сторонѣ монеты вырѣзано, кромѣ имени, свастика, буддійскій знакъ благополучія, или крестъ съ загнутыми концами, а на другой сторонѣ представлена женская фигура, которую два слона съ двухъ сторонъ поливаютъ изъ хоботовъ. Тутъ, очевидно, изображена Мая, мать Будды, въ моментъ омовенія, послѣ безболѣзненныхъ родовъ. Изобра-

женіе Маи, матери Будды, было найдено въ Матхурѣ еще въ другомъ мѣстѣ: около мечети Жамы Кеннингэмъ открылъ въ 1853 году барельефъ, изображающій царицу Маю подъ деревомъ Sal. Изъ этихъ двухъ изображеній мы можемъ заключить, что уже до начала нашей эры легенда о чудесномъ рожденіи Будды въ главныххъ чертахъ была выработана, то-есть, Мая святая, непорочно зачавшая, изображалась на монетахъ, а повѣсть о безболѣзненномъ рожденіи въ лѣсу, безъ людской помощи, изображалась въ храмахъ торговаго многочисленнаго города. Барельефъ былъ найденъ въ Катра; тамъ гдѣ теперь стоитъ мечеть Жамы, и гдѣ при Тавернье еще стоялъ брахманскій великолѣпный храмъ, а ранѣе того—буддискій монастырь. Тутъ же была найдена статуя Будды, нынѣ находящаяся въ агрскомъ музеѣ; на пьедесталѣ этой статуи была надпись, въ которой значилось, что статуя принесена въ даръ монастырю, по имени *Yaso*. Тараната упоминаетъ, что нѣкій брахманъ *Yasika* (санскр. форма) выстроилъ храмъ въ Махтурѣ; его-то храмъ, вѣроятно, прозывался *Yaso* въ народномъ говорѣ и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ центръ стараго города и гдѣ послѣдовательно воздвигались брахманскій храмъ и мечеть. *Katra*, мѣсто, о которомъ сейчасъ было упомянуто, находится на западной окраинѣ города. Въ 1650 году здѣсь еще стоялъ храмъ бога Кришны. Тавернье видѣлъ его въ этомъ году и подробно описалъ; въ 1669 году Ауранзэбъ разрушилъ храмъ и на его мѣстѣ выстроилъ нынѣшнюю мечеть; она не отличается красотой и безъ всякихъ архитектурныхъ достоинствъ; зданіе стоитъ среди загорода, имѣетъ 804 фут. въ длину и 653 фут. въ ширину, на двухъ террасахъ; нижняя терраса имѣетъ 286 фут. въ длину и 268 въ ширину; на высотѣ пяти футовъ находится другая терраса, меньшая, 172 фут. въ длину и 86 фут. въ ширину. Мѣсто, теперь со всѣхъ сторонъ застроенное незначитель-

ными зданіями, не красиво; по преданію, Ямуна текла встарь у подножія террасъ, на которыхъ возвышался храмъ, и конечно, совершенно измѣнила общій характеръ мѣстности.

2.

Современный городъ полонъ воспоминаній о событіяхъ изъ жизни бога Кришны; онъ считается святымъ потому, что въ окрестностяхъ родился Кришна, жилъ, царствовалъ и наслаждался. Ежегодно въ мѣсяцъ *Bhadon* (августъ-сентябрь) сходятся въ Матхурѣ тысячи индійцевъ различныхъ вишнуитскихъ сектъ. И въ день рожденія Кришны начинается *parikrama*, или молитвенное обхожденіе Матхуры и ея окрестностей. Съ начала XVI вѣка, со времени появленія въ Матхурѣ Вишнуитовъ, здѣсь нѣтъ рощи, нѣтъ пруда, которые не были-бъ освящены памятью о какомъ нибудь событіи изъ жизни Кришны; богомольцы исхаживаютъ до 140 миль по городу и окрестностямъ. Иногда какой нибудь богачъ устраиваетъ на свой счетъ *Râslila*, драматическое представленіе; разыгрываются сцены изъ жизни Кришны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приурочила ихъ миѳическая исторія; поютъ, играютъ и пляшутъ въ тѣни тѣхъ же рощъ, гдѣ плясывалъ богъ-пастухъ съ своими пастушками. Въ Матхурѣ и въ окрестныхъ деревняхъ есть множество брахмановъ, мастеровъ устраивать драматическія представленія. Эти *Râs-dhâri* не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни. Большая часть Рась-дхаріевъ живетъ въ деревняхъ: Карахла или Писаю. *Расъ-мила*—не записанная религіозная драма, которую они разыгрываютъ передъ богомольцами, весьма сходна по содержанію съ средне-вѣковыми мистеріями. Въ этомъ драматическомъ представленіи актеры изображаютъ различныя событія изъ жизни бога Кришны. Представленіе въ полномъ составѣ длится болѣе мѣсяца; каждая сцена, какъ сейчасъ было сказано, изображается на томъ

самоу мѣстѣ, куда событіе приурочивается преданіемъ. Иногда представленія даются ночью при свѣтѣ факеловъ или же при лунномъ освѣщеніи.

Потѣха эта сопряжена съ значительными расходами и обыкновенно устраивается какимъ нибудь богачемъ богомольцемъ, не пожалѣвшимъ отъ пяти до шести тысячъ рупи.

Труппа состоитъ изъ дѣтей, изображающихъ Кришну и Радху, пѣвцовъ и музыкантовъ, составляющихъ хоръ подъ управленіемъ Расъ-дхари и какого нибудь Госайна, пользующагося репутаціею святаго человѣка.

Исторія Кришны совершенно затемнѣна мифическими подробностями поздняго происхожденія. Сказанія о немъ, неизвѣстно когда начавшіяся, разрослись съ усиленіемъ Вишнуитовъ въ громадную эпопею. Изъ первоначальнаго типа великодушнаго героя Вишнуиты сдѣлали теперь всемогущаго бога любви и воспѣваютъ его любовныя похождения, придавая своимъ рассказамъ мистическій смыслъ. Въ массѣ легендъ, связанныхъ съ именемъ Кришны, есть одинъ циклъ, относящійся къ его дѣтству, который особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе европейскаго читателя, ибо, не смотря на всѣ тривіальныя преувеличенія, которыхъ такъ трудно избѣжать восточному поэту, онъ можетъ быть сближаемъ съ первыми главами Евангелія отъ св. Матѳея. Генеалогія Кришны ведется отъ матери по восходящей линіи; при его рожденіи происходитъ избіеніе младенцевъ; его родители спасаются бѣгствомъ, онъ воспитывается среди пастуховъ, и пастухамъ объявляетъ въ первые свою божественную природу. Въ образахъ Кришны на колѣнахъ у кормилицы замѣтно сходство съ образами Богородицы. Появленіе всѣхъ этихъ чертъ въ позднѣйшемъ индійскомъ эпосѣ объясняютъ христіанскимъ вліяніемъ; указываютъ на преданіе о путешествіи св. Ѳомы въ Индію и на занесеніе св. апостоломъ въ Индію евангелія

отъ св. Матоея; такимъ образомъ сказанія о дѣтствѣ Кришны суть ни что иное, какъ неумѣлая брахманская передѣлка св. Слова. Противъ такого объясненія нельзя было бы ничего возразить, еслибы предварительно доказали, что до Р. Х. не существовало въ Индіи ни культа Кришны, ни сказаній о немъ, что самое имя его было неизвѣстно, и что сказанія о дѣтствѣ Кришны начались со времени позднѣйшихъ вишнуитскихъ пуранъ. Такъ какъ всего этого до сихъ поръ не было сдѣлано, то и объясненіе сходства легендъ о Кришнѣ съ евангельскимъ рассказомъ путемъ христіанскаго вліянія можетъ пока считаться преждевременнымъ. До сихъ поръ нѣтъ положительно вѣрныхъ извѣстій о Матхурѣ до появленія здѣсь буддизма, который былъ силенъ здѣсь еще въ VII вѣкѣ; Сюанъ-цзанъ нашелъ въ Матхурѣ до трехъ тысячъ буддійскихъ монаховъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ въ Матхурѣ и брахманскую религію. Брахманизмъ существовалъ здѣсь, по всей вѣроятности, до буддизма, потому что одновременно съ нимъ и пережилъ его до нашихъ временъ. О процвѣтаніи брахманизма въ этихъ мѣстахъ, послѣ буддизма, мы узнаемъ изъ исторіи мусульманскихъ войнъ и грабежей. Въ 1017 году Махмудъ - Газневидъ овладѣлъ городомъ; храмы были сожжены и срыты; на сотни верблюдовъ вывезли серебро и золото отъ поломанныхъ истукановъ. Городъ обстроился затѣмъ, но извѣстно, что подвергся еще два раза такой же участи въ XV и XVII столѣтіяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ извѣстій можно считать несомнѣнно вѣрнымъ, что брахманизмъ существовалъ встарь въ Матхурѣ, начало же теперешнихъ святынь, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, относится къ XVI столѣтію, то-есть, послѣ того, какъ въ Вриндабанѣ поселились послѣдователи Бенгальца Чайтани, а въ Гокулѣ другая вишнуитская секта Валлабхачаревъ. Оба мѣста находятся въ близ-

комъ разстояніи отъ Матхуры и первое изъ нихъ, Вриндабанъ, примѣчательно и помимо тѣхъ историческихъ воспоминаній, которыя связаны съ его именемъ. Городъ лежитъ въ шести миляхъ къ сѣверу отъ Матхуры. Дорога туда скучна и пролегаетъ по однообразной мѣстности. Самый городъ напоминаетъ свою чистотой и правильностью постройки Матхуру; въ немъ 21,000 жителей и болѣе тысячи храмовъ. Городъ быстро разрастается и хотя новъ съ виду, но стоитъ на мѣстѣ, изстари считавшимся святымъ; Вишнуниты даже выдумали мифъ въ объясненіе его имени, хотя это имя и произошло отъ *vrindā*, то же что *tulsī*, *Ocimum sanctum*. До поселенія послѣдователей Чайтаніи здѣсь былъ непроходимый лѣсъ, такой же, какой видѣется до сихъ поръ на противоположномъ берегу Ямуны, у *Bhandir-ban'a*: отъ лѣса и произошло имя города— „лѣсъ изъ *vrindā*“.

Замѣчательнѣйшій храмъ здѣсь, и можетъ быть, даже во всей сѣверной Индіи выстроенъ былъ въ царствованіе Акбара. Храмъ этотъ, называемый храмомъ Гобиндъ-девы, построенъ въ видѣ креста; срединное пространство имѣетъ сто футовъ въ длину и столько же поперекъ. Надъ нимъ возвышается куполь, четыре конца креста прикрыты сводами, толщина стѣнъ почти всюду не менѣе десяти футовъ, онѣ перерѣзаны на два этажа, причемъ верхній есть совершенно правильный *trifogium*; по внутренней лѣстницѣ въ стѣнѣ поднимаешься на верхъ. Входъ въ срединное пространство съ востока; на западной сторонѣ, между двухъ нишей и подъ роскошнымъ скульптурнымъ навѣсомъ, есть ходъ въ *chora*, комнату футовъ двадцать въ длину; за ней находится *garbhagriha*, то-есть, *sacrarium*, съ двумя боковыми придѣлами; всѣ три отдѣла одинаковыхъ размѣровъ съ хоромъ; высокіе купола прикрываютъ четыре отдѣла. Говорятъ, что прежде надъ куполами возвышались башни; ихъ было пять надъ купо-

поломъ срединнаго пространства, и четыре надъ четырьмя отдѣленіями къ западу. При нападеніи Ауранзеба онѣ были снесены, а сасгаіиум срытъ; въ настоящее время его замѣняетъ другой, грубо построенный изъ кирпичей, въ которомъ стоятъ изображенія Кришны, Чайтаньи и его ученика Нитьянанды. Подъ юго-западнымъ придѣломъ есть подземная часовня; она посвящена богинѣ Râtâl Devî, и говорятъ, что это древнѣйшая вишнуитская часовня въ городѣ. Храмъ выстроенъ изъ краснаго песчаника; его высокіе купола, строгая простота и живописная комбинація вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій, красивыя высокія окна производятъ очень пріятное и сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ его въ то время, когда онъ реставрировался, а потому не могъ вполнѣ оцѣнить красоты извнѣ.

Храмъ былъ выстроенъ въ 1590 году, на средства предка Жайпурскаго ражи; но уже при Ауранзебѣ величественное зданіе сильно пострадало—одинъ только образъ Кришны успѣли вывезти въ Жайпуръ. До 1873 г. храмъ стоялъ такимъ, какимъ оставилъ его Ауранзебъ; по стѣнамъ стали расти деревья, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣсколько лѣтъ онъ развалился бы совершенно. Теперь, благодаря вмѣшательству англійскаго правительства, храмъ реставрируется на деньги, пожертвованныя Жайпурскимъ ражою; для полной реставраціи потребна громадная сумма, свыше ста тысячъ рупи или болѣе семидесяти-пяти тысячъ рублей. Храмъ имѣетъ свои собственные доходы съ довольно значительной поземельной собственности въ Алварѣ, Жайпурѣ и въ городѣ Вриндабанѣ, но всѣ эти деньги поглощаются на содержаніе новаго храма, воздвигнутаго подъ тѣмъ же именемъ, рядомъ со старымъ.

Въ Вриндабанѣ есть еще нѣсколько большихъ храмовъ; но они поражаютъ не столько своею красотою, сколько сум-

мами денегъ, затраченными на ихъ постройку; такъ прямо противъ сейчасъ описаннаго храма стоитъ храмъ, выстроенный банкирами, братьями Гобинъ-дасомъ и Радха Кришаномъ; на его построение было затрачено 45 лакховъ рупи. Каждый лакхъ равняется семидесяти-пяти тысячамъ рублей. Ежегодная поддержка храма стоитъ пятьдесятъ-семь тысячъ рупи; изъ этихъ денегъ болѣе половины, тридцать тысячъ рупи, истрачивается на кормленіе священнодѣйствующихъ и богомольцевъ. Доходъ этого храма свыше лакха рупи.

Изъ другихъ окрестностей Матхуры я былъ только въ двухъ—въ Гокулъ и Махабанъ. Гокулъ лежитъ на противоположномъ берегу; огромныя лодки перевозятъ туда богомольцевъ; лодки съ сотнями странниковъ безпрестанно отчаливаютъ; переправа свершается очень медленно, при неумолкаемыхъ воззваніяхъ народа къ рѣкѣ: „Ямуна-жи, Ямуна-жи!“ Городъ издали кажется красивымъ, но разочарованіе начинается при приближеніи къ противоположному берегу и вполне наступаетъ, какъ только взойдешь въ узенькія, пыльныя, потоками дождя изрытыя улицы. Въ городѣ нѣтъ ничего любопытнаго: его дома не красивы и грязны; храмовъ много, но всѣ они новы и не отличаются красотой. Множество странниковъ-богомольцевъ встрѣчается тутъ во всякое время года; они снуютъ по улицамъ, толпятся въ храмахъ, бродятъ по базару. Мѣстные жители очень не дружелюбно поглядываютъ на европейца и даже неохотно подпускаютъ его къ храмамъ.

Отъ Гокула до Махабана не болѣе мили; дорога идетъ въ гору по печальнѣйшей мѣстности. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, на берегу Ямуны стоитъ ассикхамба, то есть, восемьдесятъ столбовъ, или дворецъ Нанды, воспитателя Кришны, мужа его кормилицы. Судя по стилю колоннъ, зданіе это должно быть отнесено къ IX или X вѣку. Колон-

ны расположены пятью рядами, по семнадцати въ ряду; открытая съ трехъ сторонъ колоннада имѣеть совершенно плоскую кровлю. Небольшое изображеніе будды находится на внутренней стѣнѣ. Сюда являются матери для свершенія обряда очищенія, на шестой день послѣ родовъ. Ассикхамба не считается храмомъ, а потому осматривать зданіе можно безъ всякихъ затрудненій. Въ день рожденія Кришны сюда собираются массы богомольцевъ на поклоненіе выставляемой здѣсь колыбели бога и изображенію его кормилицы. Махабанъ былъ разрушенъ Махмудомъ Газневидомъ и съ тѣхъ поръ нисколько не оправился и не обстроился. Его храмы не значительны, и всѣ постройки грязны и безвкусны. Хотя Махабанъ и значить „великій лѣсъ“, но окрестность примѣчательна именно отсутствіемъ растительности. Весьма вѣроятно, что Махабанъ есть древній городъ Clisobora, упоминаемый Арріаномъ и Плиніемъ; около Ассикхамбы, говорятъ, находили буддійскіе идолы, что, конечно, указываетъ на древность мѣстности.

3.

Въ Вриндабанѣ и Гокулѣ живутъ и имѣютъ свои храмы двѣ первенствующія секты вишнуитскія. Поклонники бога Вишну дробятся на множество сектъ и подраздѣленій, и хотя весьма часто держатся діаметрально противоположныхъ ученій, но всѣ носятъ общее названіе „Вайшнава“ (Вишнуиты, или поклонники бога Вишну), оттого что всѣ признаютъ за главное божество Вишну, что однакоже не исключаетъ различій какъ въ формѣ, такъ и въ предметъ культа. Начало этихъ сектъ очень позднее; ранѣе XI столѣтія нѣтъ слѣдовъ ихъ самостоятельнаго существованія; наиболѣе же распространенныя и наиболѣе живучія, какъ на примѣръ, послѣдователи Чайтаньи или Валлабхаচারья явились даже только въ XVI вѣкѣ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о современномъ социальномъ значеніи слова „Вайшнава“ или вишнуиты.

Вайшнава въ Бенгаліи, гдѣ ихъ всего болѣе, обозначаетъ не только религіозную секту, но и касту. Какъ каста,—вишнуиты дѣлятся на шесть классовъ: 1) Санжоги, 2) Байраги, 3) Сахиби, 4) Дарвешъ, 5) Саинъ и 6) Баулъ. Къ первымъ тремъ классамъ принадлежатъ богатые женатые люди, занимающіеся торговлею или какимъ нибудь промысломъ. Они держатся одного изъ четырехъ религіозныхъ толковъ: Рамать, Нимать, Мадхавачарья или же Срисампрадая. Къ остальнымъ классамъ принадлежатъ отшельники и нищіе.

Вишнуиты, держащіеся толковъ Рамать или Нимать,—брахманы по происхожденію. Хотя Чайтанья не признавалъ кастъ и училъ равенство, нынѣ Вишнуиты образовали изъ себя отдѣльную общественную группу или касту; ѣдятъ только другъ съ другомъ и браки заключаютъ только внутри своей собственной общины.

Вишнуиты отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ другихъ Индусовъ. Они считаютъ себя отдѣльною кастою, и за таковую признаются другими; но у нихъ нѣтъ строгой и послѣдовательной исключительности, необходимой принадлежности касты. Всякій индеецъ можетъ сдѣлаться вишнуитомъ, къ какой бы онъ не принадлежалъ кастѣ, высшей или низшей; но брахманы, каястхи и другія высшія касты рѣдко дѣлаются вишнуитами; брахманъ дѣлается вишнуитомъ въ большей части случаевъ только тогда, когда лишается своей собственной касты, напр. за любовную связь съ женщиною низшей касты; такому отверженному брахману остается только одно—пристать къ вишнуитамъ, которые легко примутъ его въ свою среду.

Вишнуиты не ѣдятъ мяса, не пьютъ крѣпкихъ напитковъ

и хоронять, а не сжигаютъ своихъ мертвецовъ. Они дозволяютъ своимъ вдовамъ выходить за мужъ. Брахмановъ они не уважаютъ предпочтительно предъ другими людьми, но ихъ Госайны, или духовные учителя непременно принадлежатъ къ этой кастѣ.

Наружно они отличаются отъ другихъ индусовъ особымъ знакомъ (тилака) на носу, проведеннымъ бѣлою глиною: этою-же глиною (гопичанданъ) они мажутъ сви тѣла.

Между вишнуитами много нищихъ и бродячихъ музыкантовъ. Эти нищѣ и музыканты, мужчины и женщины, сбриваютъ волосы на головѣ, оставляя на темени не большой пучекъ волосъ.

Поступленіе въ секту очень легко; лицо, желающее сдѣлаться Вишнуитомъ, обыкновенно обращается съ просьбою къ Госайну, платитъ ему смотря по своимъ средствамъ отъ полтины до нѣсколькихъ рублей. Съ помощью того же Госайна новый членъ общины устраиваетъ празднество (махотсабъ) для паствы Госайна. Послѣ вкушенія пищи вмѣстѣ съ паствою новобранецъ становится вишнуитомъ. Очень многія проститутки становятся такимъ образомъ вишнуитками. Обыкновенно это случается такъ: несчастная и одинокая женщина, сильно заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, посылаетъ за Госайномъ; платитъ ему, что слѣдуетъ за свое принятіе въ паству и уговаривается относительно празднества (махотсабъ). Празднество устраивается; больная вкусивъ пищи вмѣстѣ съ паствою Госайна, становится Вайшнава и успокаивается. По смерти таже паства позаботится прилично похоронить ее.

По ученію Чайтанья вишнуиты должны были соблюдать обѣтъ безбрачія: но нынѣ большинство ихъ женато, а тѣ, кто не женатъ, завѣдомо не цѣломудренны.

Положеніе Госайновъ въ этой сектѣ совершенно оригина-

нально; они, брахманы по происхожденію, считаются вишнуитами за членовъ ихъ касты, но въ то же время не ѣдятъ пищи, приготовленной вишнуитами. Госайнъ часто имѣетъ свой собственный храмъ (матхъ), гдѣ молится богу Кришнѣ. Въ такомъ случаѣ онъ называется *махантомъ* и паства его бываетъ довольно значительною. *Матхи* бываютъ очень богатые, владѣютъ землями, въ такомъ случаѣ Госайнъ не только поддерживаетъ бѣднѣйшихъ своей паствы, но и матхъ его служитъ странно-пріемнымъ домомъ для всѣхъ *байраги*. *Байраги* въ смыслѣ касты значить тоже, что *вайшнава*, и въ такомъ случаѣ этимъ словомъ обозначаются не одни только нищіе и странники; этимологически это слово значить „без-страстный“ и имъ всего чаще обозначаютъ нищихъ, странниковъ. Байраги славятся какъ пѣвцы и весьма часто занимаются для распѣванія священныхъ гимновъ при сраддахъ, пужахъ и другихъ празднествахъ.

Ученіе и стремленія позднѣйшихъ индійскихъ реформаторовъ были не болѣе какъ видоизмѣненныя попытки идти по тому же пути и къ той же цѣли, по которому шли и къ каковой стремились болѣе древніе индійскіе реформаторы; несомнѣнно, что Чайтанья въ своихъ реформатскихъ замыслахъ во многомъ сходится съ Буддой, а потому въ извѣстномъ смыслѣ современные вишнуитскіе теологи и правы, утверждая, что ихъ „*sampradāya* (слово значить и церковь, и секта) безначальна, ибо ведетъ свое начало отъ Бога, который безначаленъ“.

Изъ двухъ толковъ, о которыхъ я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ, послѣдователи Чайтаньи имѣютъ свои главнѣйшіе храмы въ Вриндабанѣ; сюда они являются на богомолье, родина же ихъ главнымъ образомъ—Бенгалія, гдѣ поклонниковъ Чайтаньи насчитываютъ до десяти миллионовъ; въ Бенгалии же родился Чайтанья (1485—1527 гг.). Городъ

Надія (въ старину Навадвипа), мѣсто его родины, до сихъ поръ считается индійскимъ Оксфордомъ. Онъ былъ основанъ въ 1063 году и считался столицею Бенгаліи до 1203 года; слава его мѣстныхъ ученыхъ и коллегій (толь) пережила политическое значеніе города, и въ наше время отъ Лагора до Калькутты высоко уважается тотъ пандитъ, который учился въ Надіи, въ городкѣ, лежащемъ въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги. Въ его коллегіяхъ встрѣчаются и старцы, и юноши, ученики съ противоположныхъ концовъ Индіи, изъ Лагора, изъ Декана, изъ Пури. Здѣсь удержались еще до нашихъ дней многіе старинные порядки; напримѣръ, студенты не имѣютъ печатанныхъ книгъ, а изучаемое сочиненіе должны сами списывать. Учатся по долгу; выбравшій своею спеціальностью „законы“ (smṛiti) долженъ проучиться этому въ коллегіи по крайней мѣрѣ лѣтъ восемь, а срокъ для изученія логики опредѣляется въ десять лѣтъ. Вакаціи здѣсь длинны и часты; въ это свободное время студенты бродятъ по окрестностямъ и живутъ милостынею. Но этотъ обычай выводится въ настоящее время также точно, какъ и другой, столь же древній; въ прежнее время пандитъ учитель не только училъ, но кормилъ, одѣвалъ, отводилъ квартиру ученикамъ, и все это дѣлалось безвозмездно. Его наградою была слава какъ учителя, обезпечивающая ему приглашенія на религіозныя церемоніи, и подарки въ это время отъ сосѣднихъ помѣщиковъ; въ наши дни пандиты даромъ только отводятъ квартиры ученикамъ; за все остальное требуютъ платы. Плата эта, конечно, ничтожна; живутъ студенты чуть не подъ открытымъ небомъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, тѣснящихся кругомъ аудиторіи, высокой платформы, едва прикрытой съ трехъ сторонъ и совершенно открытой съ четвертой.

Въ этомъ-то ученомъ городѣ въ концѣ XV столѣтія и родился въ брахманской семьѣ Чайтанья; по обычаю страны,

онъ женился рано и до двадцати четырехъ лѣтъ прожилъ семьяниномъ; затѣмъ сдѣлался вайраги, то есть, оставилъ домъ, принялъ обѣты воздержанія и цѣломудрія и сталъ бродить по богомольямъ; шесть лѣтъ онъ провелъ въ странствіяхъ, переходя изъ Матхуры въ Жаганнахъ; къ этому времени относится начало его проповѣднической дѣятельности, продолжавшейся до конца его жизни (1527 г.). Отъ Чайтаньи не осталось никакихъ литературныхъ произведеній, а объ его проповѣднической дѣятельности и ученіи мы узнаемъ изъ писанія его непосредственныхъ учениковъ. Чайтанья проповѣдывалъ „вѣру“ въ бога Кришну, бога сущаго и верховнаго, причину всѣхъ причинъ, безначальнаго и безконечнаго, не умаляющагося, не возрастающаго, не преходящаго, творца, охранителя и разрушителя міра, для спасенія людей по временамъ рождающагося между ними; спастись можно, только увѣровавъ въ Кришну. Послѣдователямъ онъ предписывалъ: „Вѣруйте и славьте Кришну, и будете спасены“. Обязанности были немногосложны: требовалось, чтобы вѣра росла, крѣпла въ сердцѣ, развиваясь постепенно отъ спокойной увѣренности въ бытіе бога до рабскаго отношенія къ богу; и переходя затѣмъ въ дружбу и любовь къ богу, вѣра завершала свое развитіе, становясь страстью. „Слава Кришнѣ Слава Кришнѣ! и только! Въ нашъ вѣкъ (буквально въ періодъ Кали) иного спасенія нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!“ Такъ славятъ бога поклонники Чайтаньи. Его проповѣдь сопровождалась громаднымъ успѣхомъ; въ короткое время число поклонниковъ возросло до значительной цифры; старцы и юноши шли за нимъ вслѣдъ, увлекаемые его экстазомъ. Рассказываютъ, что ни одна проповѣдь не обходилась безъ ргânapalâra. Съ Чайтаньи дѣлались конвульсіи, и онъ впадалъ въ забытѣе; въ продолженіи цѣлыхъ часовъ онъ, оставаясь нечувствительнымъ ко всему окружающему, лежалъ восклицая

время отъ времени: „Кришна! Кришна!“ Разказы о мистическихъ видѣнiяхъ, бывшихъ ему въ это время, дѣйствуя на фантазiю толпы, увлекали ее за нимъ, и эта болѣзнь, какъ зараза, распространилась между его учениками. За нимъ шли многiе, ибо вѣра доступна каждому, и онъ не отворачивался ни отъ кого, принимая въ число своихъ учениковъ индiйцевъ всѣхъ кастъ и мусульманъ. „Милосердiе божье не разбираетъ ни рода, ни семьи! Чандалъ (то-есть, низшей касты человѣкъ), въ комъ грѣхъ рожденiя огнемъ пречистой вѣры уничтоженъ, прославленъ мудрымъ... Не рабъ, кто въ Господа вѣруетъ, тотъ Господомъ превозвышенъ“... Таковыя и подобныя изреченiя приводятся учениками Чайтаньи, какъ его собственныя слова. Онъ установилъ особый обычай: его поклонники вкушали жертвенныя приношенiя Богу (prasad) всѣ вмѣстѣ безъ различiя кастъ и происхожденiя. Современные вишнуиты держатся того же обычая въ извѣстныхъ только случаяхъ, о чемъ было говорено выше; и въ своихъ возрѣнiяхъ на касты, они не такъ исключительны, какъ прочiе индусы, но отъ кастъ они не счумѣли вполнѣ отказаться. Они легко допускаютъ въ свою секту всѣ касты, но равенство остается теоретическою аксиомой; брахманъ вишнуитъ, какъ уже выше было замѣчено, ни за что не поѣстъ вмѣстѣ съ мусульманиномъ и хотя твердитъ: „Не тотъ, кто изучилъ четыре веды, мой поклонникъ! Мнѣ милѣе чандалъ, вѣрующiй въ меня! Ему даруй и отъ него прiемли! Сей долженъ быть чтимъ такъ же, какъ и я!“ Но при этомъ брахманъ вишнуитъ не прiиметъ воды изъ рукъ европейца.

Сдѣлавъ изъ Чайтаньи аватару Кришны, его послѣдователи развили ученiе о значенiи гуру (учителя) до уродства. Ихъ учителя суть потомки учениковъ Чайтаньи; у Чайтаньи было два главныхъ ученика: Адвайтанандъ Госвами изъ Сантiпура и Нитьянандъ изъ Надiя. Объ нихъ разсказываютъ, что они обла-

дали чудотворною силою и каждый изъ нихъ имѣеть титулъ „*нрабху*“ господа. Шестъ другихъ учениковъ Чайтаньи назывались: Рупъ, Санатанъ, Жибъ, Рагхунатхъ-бхатта, Рагхунатхъ-дасъ и Гопаль-бхатта. Они имѣли титулъ „гуру“, наставника, который удержался и за ихъ потомками. Современныя гуру, или учителя имѣютъ своихъ агентовъ по всей Индіи; агенты эти носятъ названіе „фауждаровъ“ или „Чхаридаровъ“ и рассылаются учителями для сбора подати съ вишнуитовъ и для пропаганды. Отъ гуру поклонникъ получаетъ мантру и становится членомъ секты, дѣлается вайшнава; какъ бы онъ ни вѣровалъ, но безъ мантры ему грозятъ муки ада; мантру же (то-есть, мистическія слова: *kling*, Кришна!) можетъ сообщить только гуру, потомокъ Чайтаньи. Отсюда значеніе учителей: и эта секта подобно всѣмъ вишнуитамъ утверждаетъ: „Сперва почти учителя, а потомъ Кришну! Коль Кришна разгнѣвается, учитель спасетъ; никому не спасти, коль учитель разгнѣвается!“ И каждый поклонникъ принадлежитъ всецѣло учителю, передаетъ учителю и себя, и все свое.

Значеніе учителя, понимаемое въ такихъ широкихъ, почти что безграничныхъ размѣрахъ, на практикѣ можетъ доходить до безобразнѣйшихъ явленій, и новѣйшая исторія секты Махараджей или Валлабхарьевъ доказала это вполне. Ученіе этой секты извѣстно очень неудовлетворительно, впрочемъ не по недостатку письменныхъ источниковъ—Валлабхары имѣютъ громадную литературу,—а потому, что сектанты, какъ бы чувствуя уродливость нѣкоторыхъ изъ своихъ ученій, тщательно скрываютъ отъ постороннихъ глазъ свою письменность; съ большимъ трудомъ можно достать кое-какіе болѣе невинные и менѣе значительные памятники. Случившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ секты скандалъ повелъ къ процессу, во время котораго разоблачены были многія изъ

тайныхъ и тщательно скрываемыхъ ученій Валлабхачарьевъ. Основатель этой секты Валлабхачарья, сынъ брахмана изъ Телинганы, былъ современникомъ Чайтаньи (1479—1531 гт.) и родился въ Сѣверной Индїи около Бенареса, въ глухой мѣстности, во время бѣгства родителей отъ преслѣдованія мусульманъ. Воспитывался въ Гокулѣ и говорятъ былъ очень ученъ; проведя всю жизнь въ странствїяхъ и въ проповѣди культа младенца Кришны (*Bâl-gopal*), онъ не былъ аскетомъ и не увлекалъ за собою примѣромъ строгой, постнической жизни и восторженнымъ словомъ о спасенїи чрезъ вѣру въ милосердаго Бога. Свое ученіе онъ назвалъ *pushti mârگا*, „путемъ къ процвѣтанію“, и его потомки, наслѣдственные учителя секты, развили это ученіе до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Основной догматъ, на которомъ построено все ученіе секты, есть „единеніе съ Богомъ“ (*Brahma sambandha*); самъ Валлабхачарья излагаетъ его такъ: „1. Въ глубокую ночь, одиннадцатаго числа первой половины мѣсяца *çravana*, во очію мнѣ Господомъ рѣченное, дословно передаю: 2. Отъ единенія съ Господомъ исчезнетъ грѣхъ тѣла и души у всякаго... 3. Безъ этого откровенія не исчезнетъ грѣхъ!...“ Единеніе же съ Богомъ есть, по ученію этой секты, передача себя и всего того, что считаешь своимъ, Господу, или же—что по ихъ понятїямъ одно и то же—учителю; ибо не только объ учителѣ Валлабхачарѣ они говорятъ, что для „выщаго единенія съ собою свой ликъ Господь объявилъ на землѣ“, но и всѣ его потомки, нынѣшніе махараджи, учителя секты суть то же, что и онъ: „земли желанная краса, асуровъ (то есть, ихъ ученій демоническихъ) порицанія, причина достиженія блаженства, огонь на сожженіе грѣховъ!“ На практикѣ этотъ догматъ выражается слѣдующими двумя обрядами, обязательными для каждаго члена секты: когда ребенка дости-

гаеть двухъ-трехъ лѣтъ, онъ приносится къ махараджѣ, или учителю, который даруетъ ему первую молитву: „Кришна мое убѣжище!“ и повязываетъ на шею снурокъ изъ tulsi (осумum sanctum). Этимъ заканчивается церемонія, составляющая только предварительное посвященіе; когда мальчикъ достигаетъ одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, тогда наступаетъ время для самаграпа, то-есть, полного посвященія себя Кришнѣ или его инкарнаціи, учителю. Обрядъ этотъ обязателенъ и для женщинъ: онѣ подвергаются ему передъ вступленіемъ въ бракъ. „*Единеніе съ Господомъ*“ есть точное и неуклонное исполненіе словъ молитвы, полученной при второмъ, полномъ посвященіи. Эту молитву вѣрующій долженъ повторять ежедневно, нѣсколько разъ; слова ея слѣдующія: „Омъ! Сри Кришна мое убѣжище! Истомленный безмѣрными муками и страданіями, происходящими отъ тысячелѣтіями измѣряемой разлуки съ Кришной, я посвящаю Господу Кришнѣ тѣло, чувство, дыханіе, сердце съ его способностями, жену, домъ, достояніе и себя. Я есмь твой рабъ, о Кришна!“ Принявъ это посвященіе, человекъ становится полнымъ членомъ секты, и на него налагается рядъ обязанностей въ отношеніи къ живому представителю бога на землѣ, вполне отождествляемому съ небеснымъ.

Махаражѣ служатъ какъ богу, припадая къ его стопамъ; прахъ изъ-подъ его ногъ ѣдятъ; вода отъ его омовенія считается цѣлебною; остатки его пищи, изжеванный имъ бетель принимаются и вкушаются, какъ святыня. Прикосновеніе его ноги къ груди умирающаго освобождаетъ отъ грѣха; тысячи рупій платятся за такую милость учителя. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, что махаражи, люди по большей части очень невѣжественные, до сихъ поръ сумѣли удержать такую власть надъ своими адептами. Ихъ значеніе ни сколько не уменьшается; и по прежнему эти богатые и

развращенные потомки Валлабхачарьи суть полновластные заправители дѣлъ секты. Въ дѣйствительности имущество и семья сектаторовъ принадлежать учителямъ, и бывали очень гнусныя злоупотребленія наивною вѣрою невѣжественныхъ поклонниковъ. Махаража не есть лицо духовное; онъ женатъ, семьянинъ и вполне принадлежитъ жизни, не отказался ни отъ житейскихъ удовольствій, ни отъ преслѣдованія житейскихъ цѣлей. Онъ весьма часто занимается торговлей, и благодаря своему исключительному положенію, всегда очень богатъ; источникъ его доходовъ неизсякаемъ: это—*lâgâ*, или пошлина на всѣ товары, продаваемые сектаторами; нѣкоторые изъ учителей произвольно возвышаютъ эту пошлину, и все-таки вѣрующіе безропотно оплачиваютъ ее.

Секта распространена главнымъ образомъ въ Гузератѣ и въ Бомбеѣ, среди торговаго и зажиточнаго класса, въ такихъ мѣстахъ Индіи, къ которымъ названіе захоlustья вовсе не приложимо, и до сихъ поръ она живуча и многочисленна.

VII.

Мусульмане въ Индіи.

1.

Восемь столѣтій властвовалъ Исламъ въ Индіи. Появился же онъ впервые тамъ еще ранѣе того. Сперва арабы производили набѣги на Синдъ; грабили и разрушали города и храмы; затѣмъ тюркскія полчища въ нѣсколько походовъ покорили часть Индіи. За турками владычествовали авганы; ихъ смѣнили монголы, уступившіе власть англичанамъ.

Арабы стали появляться въ Индіи уже въ первомъ столѣтій хиджры; ихъ полчища не оставались по долгу въ Индіи, удовлетворяясь грабежами и увозомъ индійскихъ женъ, плѣнявшихъ своею красотою арабскихъ пиратовъ. Объ этихъ первыхъ набѣгахъ арабовъ сохранились извѣстія, отличающіяся удивительнымъ однообразіемъ; содержаніе всѣхъ разсказовъ сводится къ тому, что такой-то плѣнилъ, грабилъ, разорилъ и т. д. Индія мало привлекала арабовъ; они знали главнымъ образомъ Синдъ. Развѣдчики Калифа Омара отзывались о странѣ такимъ образомъ: „воды тамъ мало, плоды плохи, разбойники дерзновенны; если послать туда мало войска, оно будетъ побито,—большое же войско умретъ тамъ съ голоду!“

Въ VIII ст. произошло первое сильное столкновение между арабами и индусами. Рассказываютъ, что какой-то цейлонскій царь послалъ въ подарокъ губернатору Ирана нѣсколько мусульманскихъ дѣвушекъ. Суда съ этимъ драгоценнымъ даромъ были захвачены пиратами изъ Девала или Дебала. Деваль, большой приморскій городъ, стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Карачи.

Арабы, услышавъ о захватѣ судовъ, потребовали ихъ выдачи. Индійскій ража Дахаръ далъ уклончивый отвѣтъ Деваль, говорилъ онъ, не подвластенъ ему. Раздраженные отвѣтомъ, арабы выслали противъ царя небольшое войско и потерпѣли неудачу.

Тогда подъ предводительствомъ Махмеда Касима изъ Ши-раза выступила значительная сила. Войско, достигнувъ Девала, обложило сильно укрѣпленный городъ. Жители долго не сдавались; въ городѣ стоялъ священный храмъ, и жители вѣровали, что до тѣхъ поръ, пока воздвуженное на храмѣ знамя цѣло и развѣвается, никому не взять ихъ твердыни.

Махмедъ Касимъ, узнавъ объ этомъ народномъ суевѣрїи, направилъ свои бойницы прямо на храмъ. Однимъ удачнымъ выстрѣломъ знамя было снесено. Жители, пораженные паникой, скорѣ сдались.

По взятїи города арабы стали дѣйствовать такъ же, какъ они всюду и всегда поступали. Завоеватель, занявъ городъ, предложилъ побѣжденнымъ брахманамъ и служителямъ храма принять обрѣзаніе. Его предложеніе было отвергнуто и въ слѣдъ затѣмъ началась расправа: мужчины свыше шестнадцати лѣтъ были перебиты; женщины же и молодое поколѣніе обращены въ рабство. — Взятіе Девала было первымъ крупнымъ актомъ мусульманъ въ Индіи. Затѣмъ арабы доходили до Мултана и до Малвы. Свѣдѣнія объ этихъ походахъ очень скудны; несомнѣнно однакоже, что арабы не покоряли

Индіи, а производили только набѣги; не ими также исламъ былъ утвержденъ въ Индіи.

Покореніе Индіи мусульманскому владычеству началось нѣсколько позднѣе, уже при Газневидахъ.

Первый сильный ударъ, нанесенный Индіи мусульманами, былъ въ 1001 г. Разрушеніе Сомнатскаго истукана есть начало мусульманскаго владычества. Въ 1193 г. былъ завоеванъ Делги.

Около 1202 г. мусульманскія войска покорили всѣ сѣверо-западные провинціи, Бихаръ и Бенгалію.

Патаны и монголы, приходившіе побѣждать, не сумѣли въ Индіи истребить стараго населенія, съ его вѣрованіями и обычаями. Тѣ и другіе селились въ Индіи массаами; особенно въ сосѣдствѣ съ Делги. Но исламъ въ Индіи никогда не достигалъ преобладающаго господства; ни старой вѣры, ни старыхъ обычаевъ онъ не разрушилъ тамъ. Въ другихъ странахъ политическое господство мусульманъ имѣло необходимымъ слѣдствіемъ уничтоженіе старой вѣры побѣжденныхъ. И въ Индіи всякое сопротивленіе со строгостью и безъ состраданія наказывалось мусульманами; они разрушали и уничтожали храмы забранныхъ городовъ, расхищали ихъ богатства, но политеизма онѣ не умѣли уничтожить въ Индіи, онъ пережилъ ихъ господство. Можетъ быть это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что между мусульманскими властелинами въ Индіи изувѣровъ было не много. Хиндуизмъ, обложенный налогами, былъ терпимъ. Побѣдители, живя и умирая среди побѣжденныхъ, должны были оказывать социальное вліяніе на нихъ; привлекаемые житейскими выгодами индусы обращались въ мусульманство; но и исламъ въ Индіи принялъ въ себя много терпимости. Военственные искатели приключеній, основывавшіе новыя династіи въ сѣверной Индіи или выкраивавшіе себѣ царства въ Деканѣ, весьма мало заботились о

религіозныхъ вопросахъ: большинство ихъ не имѣло ни досуга, ни охоты или умѣнья заниматься прозелитизмомъ. Грубые монголы были сами не тверды въ догматахъ вѣры Магомета и къ тому же имъ недоставало того семитическаго энтузіазма, коимъ были воодушевлены арабы, поднявшіе впервые знамя пророка.

Ихъ владычество было военное и поддерживалось побѣдами; они были настолько сильны, что могли мѣшать и отвращать религіозную амальгамацію индусовъ, или развитие изъ трибъ націй, но обратить въ мусульманство всю Индію они не могли, ибо исламъ въ ихъ собственной средѣ не имѣлъ политическаго преобладанія или авторитета. Они успѣли поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій абсолютизмъ, но самый тронъ не былъ вполне наслѣдственнымъ.

Такое правительство, поддерживаемое внутри и извнѣ силою и побѣдами, не могло имѣть духовнаго вліянія.

Вся исторія Индіи до временъ Ауранзеба состояла въ постепенномъ расширеніи и укрѣпленіи мусульманской власти; въ промежуткахъ происходили возстанія индійскихъ ражей и мусульманскихъ правителей, интриги или заговоры при императорскомъ дворѣ. Иногда случалось, что индусу или мусульманину удавалось создать независимое царство и удержаться въ немъ. Многіе изъ индійскихъ владѣній оставались непокоренными. Всѣ эти движенія не касались сердцевины общества и возмущали только его поверхность. Земледѣлецъ отрывался отъ поля и становится солдатомъ, жнитвы уничтожались и появлялись грабители, мѣшавшіе правильному развитію промышленности. Полиціи не было и кулачное право царило. Но и при всѣхъ неурядицахъ жизнь текла по старому; общественный строй не измѣнялся.

Высшей славы мусульманское правленіе достигло во время

царствованія Акбара (1556—1605), потомка Тимура и Чингисъ-хана. Современные ему правовѣрные считали Акбара чуть-ли не за нечестивца. При немъ монгольскій дворъ занимался религіозными и философскими вопросами. Духовные всѣхъ вѣръ, даже христіане находили покровительство при дворѣ: объясняли и защищали свои религіи передъ лицомъ Великаго Могола.

Акбаръ въ числѣ своихъ женъ имѣлъ дочь Рижпутскаго царя и даже одну христіанку; въ Фатехпуръ-Сикри около Агры до сихъ поръ указываютъ домъ послѣдней, украшенный христіанскими эмблемами.

При немъ правленіе получило окончательную организацію во всѣхъ частяхъ. Администраторами избирались способнѣйшіе люди: индусы и мусульмане безразлично. Податная система, выработанная его министромъ финансовъ, до сихъ поръ лежитъ въ основаніи англійской податной системы.

Въ его царствованіе и въ царствованіе его наслѣдниковъ Жахангира и Шахъ-Жагана Индія покрылась сѣтью большихъ дорогъ. Эти тѣнистыя аллеи и общественныя зданія до сихъ поръ составляютъ красу Индіи и возбуждаютъ изумленіе путешественника.

Деваниехасъ въ Делги, волшебная прелесть Тажа въ Агрѣ и всѣ другіе архитектурныя памятники двухъ монгольскихъ столицъ—донныя поражаютъ своимъ величіемъ и великолѣпіемъ. Почти одновременно съ монгольской властью возникъ особый языкъ Индустани или Урду, до сихъ поръ удержавшійся въ Индіи и завѣщанный мусульманами современнымъ владѣтелямъ Индіи.

За царствованіемъ Акбара и его непосредственныхъ наслѣдниковъ наступили тяжкія времена безграничнаго фанатизма: Ауранзебъ былъ неуклонный, неустойчивый преслѣдователь всего индусскаго: по всей сѣверной Индіи древніе

храмы были грабимы и уничтожаемы. Но и ему не удалось подчинить Индію исламу.

Великій изувѣръ, проведшій долгіе годы въ войнѣ съ независимыми царствами въ Деканѣ, умеръ въ 1707 г. и одновременно съ этимъ остъ-индская компанія укрѣпилась въ фортѣ Вильямъ, въ нынѣшней Калькуттѣ.

При наслѣдникахъ Ауранзеба (1707—1761) власть моголовъ постепенно склонялась къ упадку.

Въ 1765 г. англичане получили право на диванъ или на финансовое управленіе Бенгаліей, Бихаромъ, Ориссою; вмѣстѣ съ этимъ въ Индіи появляется новая болѣе грозная для старыхъ порядковъ сила.

2.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ была приведена численность мусульманъ въ Индіи; изъ этой цифры (40.882,537) почти половина приходится на Бенгалію (19.553,831); значительное количество мусульманъ находится также въ Пенжабѣ (9.337,685) и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ (4.189,348); почти половина населенія Ассама также исповѣдуетъ исламъ (1.104,601); въ Синдхѣ они составляютъ 81,43 процентъ всего населенія, за то въ остальныхъ частяхъ Индіи хотя также есть мусульмане, но они составляютъ тамъ ничтожный процентъ; можно принять, какъ приблизительно точное, таковое распредѣленіе индійскаго населенія по религіямъ: 14,20 мусульманъ, 78,69 индусовъ, 7,10 другихъ религій.

Въ Бенгаліи, въ центральныхъ и восточныхъ частяхъ этой провинціи, половина населенія исповѣдуетъ исламъ; въ нѣкоторыхъ округахъ мусульмане даже составляютъ значительное большинство населенія. Мусульмане въ Бенгаліи суть не только потомки прежнихъ завоевателей Индіи, но главнымъ образомъ индусы низшихъ кастъ, обращенные въ

исламъ; они говорятъ особымъ языкомъ, отличнымъ и отъ Урду и отъ *Бенгали* индусовъ и имѣютъ оригинальную литературу на этомъ языкѣ. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ хотя мусульманъ свыше четырехъ милліоновъ, но они составляютъ ничтожный процентъ всего населенія. Нѣкоторые изъ мусульманъ Рохилханда производятъ себя отъ арабовъ, древнихъ завоевателей Индіи. Въ Синдхѣ и въ Пенжабѣ мусульманское населеніе частью потомки различныхъ завоевателей, частью также какъ и въ Бенгалии суть индійскіе туземцы, обращенные въ исламъ.

Болѣе ста лѣтъ истекло съ тѣхъ поръ, какъ власть мусульманскаго правительства въ Индіи стала мало по малу переходить въ руки христіанъ; весьма естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ социальное положеніе исповѣдниковъ ислама въ Индіи значительно измѣнилось; говорятъ, что исламъ до нашихъ дней все болѣе и болѣе распространяется въ Индіи; фактъ этотъ неслѣдуетъ объяснять особою живучестью религіи или тѣми обстоятельствами, въ силу которыхъ индусы обращались въ исламъ встарь, когда въ Индіи неограниченно господствовали мусульмане и когда за обращеніемъ въ вѣру пророка человѣку открывалась перспектива жизненныхъ успѣховъ.

Въ исламъ обращаются тѣ, кому хиндуизмъ отвелъ презрѣнное положеніе въ своемъ общественномъ строѣ; обращаются представители низшихъ кастъ и отверженные члены хиндусскаго общества. Единственная выгода, извлекаемая новообращеннымъ, состоитъ въ томъ, что его общественное положеніе измѣняется: онъ становится членомъ общины не столь презрѣнной, какъ та которую онъ оставилъ и кромѣ того приравнивается къ остальнымъ членамъ той же общины. Другихъ выгодъ мусульманская община въ настоящее время не можетъ доставить новообращенному,

ибо эта община при британскомъ правительствѣ утратила свое прежнее значеніе, съѣдаема хроническимъ недугомъ глухаго неудовольствія противъ современнаго порядка вещей, подозрѣваема правительствомъ, и какъ бы находится не у дѣль. Мусульмане сознають, что въ настоящій моментъ у нихъ неотъемлемы преданія о блестящемъ прошломъ, но пока предъ ними не открывается блестящаго будущаго; мусульманская аристократія лишилась всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя доставляли ей въ старыя годы богатство; при англичанахъ конечно не мыслимы грабежъ и насиліе; въ старыя года мусульмане были господами въ странѣ; мусульманинъ, заручившійся поддержкою сильныхъ міра сего не рѣдко безнаказанно грабилъ своего сосѣда; высылалъ стаи вооруженныхъ слугъ на мирныя деревни, собиралъ пошлину съ странствующихъ торговцевъ, если могъ—не выплачивалъ поземельнаго сбора; обкладывалъ особымъ налогомъ свершеніе индусскихъ обрядовъ при свадьбахъ, родинахъ и другихъ житейскихъ случаяхъ, собиралъ въ свою пользу акцизъ съ крѣпкихъ напитковъ.

Сборъ имперскихъ налоговъ былъ монополіей мусульманской аристократіи. Полицейская власть была также въ ея рукахъ и составляла также источникъ доходовъ. Суды были исключительно въ рукахъ мусульманъ. Затѣмъ передъ ними же была военная карьера.

Мусульмане были завоеватели и все управление было въ ихъ рукахъ. За сто съ небольшимъ лѣтъ передъ каждымъ благорожденнымъ мусульманиномъ открывались три поприща: онъ могъ сдѣлаться военнымъ или избрать дѣятельность сборщика податей, обильный источникъ богатства, могъ заняться судебнымъ дѣломъ также прибыльнымъ; кромѣ того для мусульманина были открыты еще другіе дороги, напр., придворная служба.

Всѣ эти поприща закрыты благородному мусульманину въ настоящее время. Индійскій туземецъ можетъ поступить въ британскую армію только солдатомъ; случаи повышенія на столько рѣдки для него, что могутъ считаться исключительными. Такимъ образомъ армія въ настоящее время не можетъ привлекать мусульманина-аристократа; военная дѣятельность не можетъ доставить ему ни славы, ни почестей, ни богатства; и вслѣдствіе этого мусульманинъ - аристократъ не идетъ служить въ британскую армію. При мусульманскихъ правителяхъ сборъ налоговъ былъ въ рукахъ мусульманской аристократіи. Завоеватели считали своимъ не только самый налогъ, но и въ сборѣ его видѣли источникъ дохода и потому признали должности сборщиковъ податей своею неотъемлемою монополіей; храбрые и не практичныя, они презирали подробности дѣла, и вслѣдствіе этого взяли индусовъ для непосредственныхъ сношеній съ земледѣльцемъ; но высшія должности сборщиковъ оставались въ рукахъ мусульманъ; изъ индусовъ былъ образованъ персоналъ второстепенныхъ сборщиковъ; высшіе же чиновники, непосредственно сносившіеся съ центральною властью, были мусульманами; послѣдніе были лицами отвѣтственными передъ высшимъ правительствомъ за полный сборъ всего налога: налогъ, какъ уже выше было указано, собирался мечемъ; если за какой либо деревней оказывалась недоимка,—въ нее высылался отрядъ разбойниковъ, которые грабили и жгли до тѣхъ поръ, пока было что грабить у земледѣльца. Земледѣлецъ и родной ему по происхожденію второстепенный сборщикъ налога постоянно пытались всего требуемаго не доплатить, часть утаить—каждый въ свою пользу. Высшій чиновникъ мусульманинъ старался напротивъ взять побольше... Когда Остъ-Индская компанія сдѣлалась *диваномъ* великаго Могола, т. е. главнымъ сборщикомъ поземельнаго и

всякаго другого налога, въ началѣ мусульманская система сбора налога и мусульманская администрація были вполне удержаны. Мусульманскіе чиновники сохраняли свои должности: преобразованія и замѣненіе мусульманъ исполнителями другихъ вѣроисповѣданій вводились англичанами весьма осторожно; но тѣмъ не менѣе реформы начались: сперва осторожно и даже робко англичане мѣняли старое на свое новое, затѣмъ они становились все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ преобразованіяхъ, и наконецъ въ 1793 узаконеніе лорда Корваллиса (Permanent Settlement) нанесло окончательный ударъ всей мусульманской системѣ налога. Законоположеніе 1793 игнорировало должность высшихъ мусульманскихъ чиновниковъ, посредниковъ между правительствомъ и второстепеннымъ сборщикомъ податей, или земиндаромъ; на мѣсто этихъ посредниковъ съ ихъ войсками компанія назначила своихъ коллекторовъ съ немногочисленнымъ и невооруженнымъ полицейскимъ штатомъ. Мусульманская аристократія была устранена отъ прибыльной для нея должности; часть ея осталась заинтересованною въ дѣлѣ сбора поземельнаго налога, но уже—какъ земиндары.

О Permanent Settlement было говорено въ одной изъ предъидущихъ главъ; въ дополненіе къ сообщенному тамъ слѣдуетъ замѣтить еще, что главнѣйшею цѣлію этого мѣропріятія было признаніе поземельной собственности за земиндарами, т. е. за такими лицами, которые при мусульманскихъ владѣтеляхъ занимали второстепенныя должности въ администраціи,—то были не болѣе какъ мѣстные агенты, собиравшіе налогъ непосредственно съ земледѣльца. Англійское законоположеніе признавало и обращало вниманіе только на три звѣна мусульманской системы: государство, земиндара и земледѣльца. Посредствующія звѣнья мало по малу были устранены. Законоположеніемъ 1793 г. создавался классъ собственниковъ изъ сбор-

щиковъ податей индусовъ и уничтожался классъ, верховныхъ наблюдателей за этимъ сборомъ, существовавшій при мусульманскомъ правленіи; послѣднихъ замѣнили коллекторы, чиновники компаниі. Мусульманская аристократія до сихъ поръ жалуется и упрекаетъ англичанъ въ томъ, что они не сдержали даннаго слова; великій Моголь передалъ компаниі администрацію Бенгаліи, но при этомъ подразумѣвалось само собою, что новые администраторы удержатъ старую систему; англичане-же, почувствовавъ себя достаточно усилившимися, разбили эту систему. Старая система, несомнѣнно, была создана для обогащенія немногихъ, притѣснявшихъ большинство; англичане, уничтоживъ ее, были совершенно правы съ своей точки зрѣнія; они были правы также, устранивъ для самозащиты мусульманскую аристократію изъ арміи; но ихъ точки зрѣнія непонимаетъ мусульманская аристократія, до сихъ поръ считающая англичанъ выскочками, зазнавшимися и непомятими благодѣяній Великаго Могола.

До англичанъ все гражданское управленіе было въ рукахъ мусульманъ; въ настоящее время они какъ бы остались за штатомъ. Само собою разумѣется, мусульманамъ это кажется очень обиднымъ, и они указываютъ на то, что эту власть у нихъ отобрали хитростью, изъ-подтишка. Нѣкоторое время послѣ того, какъ Бенгалія была занята англичанами, гражданское управленіе оставалось въ рукахъ мусульманъ. Изъ мусульманъ назначались сборщики налоговъ, или коллекторы; полиція была въ вѣдѣніи Фауждаровъ и Гхатваловъ изъ мусульманъ; уголовное судопроизводство было отдано въ вѣдѣніе Низама въ Муршидабадѣ. Тюрьмами управляли мусульмане. Кади засѣдали въ гражданскихъ судахъ, и даже тогда, когда стали изрѣдка появляться судьи изъ англичанъ Страна управлялась мусульманскими законами; судопроизводство велось на персидскомъ языкѣ, извѣстномъ главнымъ образомъ

только мусульманамъ. И такой порядокъ дѣлъ продолжался въ первые пятьдесятъ лѣтъ англійскаго управленія. Во второй половинѣ перваго столѣтія англо-индійскаго владычества мало по малу положеніе мусульманъ начинаетъ измѣняться. Оставленъ былъ языкъ, чуждый для массы населенія и понятный единственно бывшимъ мусульманскимъ властителямъ; разныя второстепенныя должности новые правители стали замѣщать индусами, мусульмане-же устранялись и въ концѣ концовъ мусульмане увидѣли себя совершенно вытѣсненными изъ управленія страной; должности клерковъ, должности въ судахъ и въ полиціи въ настоящее время замѣщаются индусами, прошедшими черезъ англійскія школы. Въ 1871 году статистика показываетъ такое распредѣленіе должностей по вѣроисповѣданіямъ: въ Бенгаліи на 681 индуса, занимающихъ различныя офиціальныя должности, приходится только 92 мусульманина. Въ главныхъ городахъ президентства есть департаменты, гдѣ нѣтъ ни одного мусульманина, занимающаго хотя бы какую-нибудь самую низшую должность; во всѣхъ профессіяхъ, напр. медицинской или юридической мусульмане оказываются въ меньшинствѣ.

Мусульмане остались такимъ образомъ не у дѣлъ и какъ бы за штатомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что они не могутъ соперничать съ индусами, которые забиваютъ ихъ, не потому что даровитѣе ихъ, а въ силу своей переимчивости, умѣнія принаравливать къ обстоятельствамъ времени и извлекать изъ нихъ возможно большую для себя пользу. При господствѣ мусульманъ индусы помирились съ своей судьбою; то же самое повторилось и теперь при британской гегемоніи; тогда успѣхъ въ жизни зависѣлъ отъ усвоенія себѣ мусульманской цивилизаціи и знанія персидскаго языка; индусы выучивались персидскому языку также точно, какъ въ настоящее время они выучиваются англійскому. Они тогда

и теперь пошли охотно на сдѣлку и выиграли, обезпечивъ за собою житейскій успѣхъ, хотя и не особенно значительный. Мусульманъ англичане въ началѣ своей индійской исторіи застали въ другомъ положеніи: они были не только политическою, но и умственною силою въ то время; сознавая это, бывшее господствовавшее населеніе не приняло англійской системы воспитанія; оно отказалось отъ воспитанія, которое не давало ему преимуществъ надъ презрѣнными съ его точки зрѣнія рабами и идолопоклонниками. Мусульмане не хотѣли учиться у идолослужителей, да еще на языкѣ невѣрныхъ. Съ теченіемъ времени часть, хотя далеко не значительная, вынуждена была помириться съ совершившимся фактомъ и стала понемногу пользоваться благодѣяніями англійскихъ школъ; но значительное большинство все еще держится въ сторонѣ отъ англійскаго воспитанія и разобщило себя окончательно съ индусскимъ населеніемъ; отъ котораго оно отличается въ настоящее время одеждою, способомъ пріѣзства и другими внѣшними признаками.

Мусульмане не идутъ въ правительственныя школы, напр. въ Бенгаліи, вслѣдствіе трехъ главныхъ причинъ: они указываютъ съ неудовольствіемъ на то, что преподаваніе въ школахъ ведется на бенгальскомъ языкѣ, который они презираютъ; не менѣе того они презираютъ и ненавидятъ учителя бенгальца, который изъясняется на урду, какъ на языкѣ усвоенномъ, а не родномъ. Въ этихъ школахъ, говорятъ они далѣе, мусульманскій мальчикъ не можетъ научиться ни языку, ни всему тому, что необходимо для мусульманина, какъ для религіозныхъ цѣлей; такъ и для того, чтобы мусульманское общество считало его за человѣка образованнаго; всякій образованный мусульманинъ долженъ знать по-персидски, но персидскій языкъ не преподается въ правительственныхъ школахъ. Всякій мусульманинъ долженъ читать

свои молитвы или по-персидски, или по-арабски; но въ тѣхъ же школахъ этому не учать. Правительственныя школы, ропцеть мусульманинъ, совершенно игнорируютъ религіозное воспитаніе мусульманскаго юношества; индусское юношество точно также не получаетъ религіознаго воспитанія въ школахъ; но этотъ пробѣлъ не можетъ быть чувствителенъ для индусовъ въ такой же степени, какъ для мусульманъ; индусы имѣютъ многочисленную касту, на попеченіи которой находится религіозное воспитаніе народа. Такой касты мусульмане не имѣютъ.

Такимъ образомъ школы, не удовлетворяя потребностямъ мусульманъ, до сихъ поръ весьма мало посѣщаются ими и они имѣютъ полное основаніе жаловаться на то, что англійское правительство обираетъ съ нихъ деньги для школъ враждебныхъ имъ идолопоклонниковъ; наши деньги, твердятъ они часто, завѣщанныя на доброе дѣло, на религіозное воспитаніе мусульманъ, присваиваются невѣрными и употребляются для цѣлей враждебныхъ исламу; при этомъ указывается на англійскую колледжъ въ Хугли, содержащуюся на деньги, завѣщанныя однимъ мусульманиномъ.

Но мусульмане жалуются не только на то, что ихъ деньги идутъ на школы, которыми они не могутъ и не хотятъ пользоваться; они ропщутъ еще на большее зло, содѣянное имъ англійскимъ правительствомъ; они говорятъ, что у нихъ отнята всякая возможность воспитывать юношество въ духѣ ихъ религіи.

Съ незапамятныхъ временъ въ Индіи туземные правители имѣли обычай дарить земли храмамъ, монастырямъ или отказывать ихъ на воспитаніе юношества. Съ этихъ земель не собирався въ казну налогъ, и онѣ до сихъ поръ извѣстны въ Индіи подъ названіемъ „лакхиражъ“.

Въ періодъ упадка Монгольской имперіи, при ослабленіи

центральной власти, правомъ изыятія земель изъ общей повинности стали пользоваться также губернаторы отдаленныхъ провинцій и даже подчиненные послѣднимъ начальники отдѣльныхъ областей; поземельный налогъ былъ на откупѣ, и губернаторъ, получивъ полное количество налога, причитавшееся съ отдѣльнаго округа, мало заботился о томъ, какъ этого достигалъ подчиненный ему начальникъ того округа, была ли тамъ обложена налогомъ вся земля, или же часть ея была отчуждена въ пользу какого нибудь храма или мечети; такимъ образомъ случалось весьма часто, что суровый сборщикъ податей замаливалъ передъ смертью грѣхи тѣмъ, что отказывалъ часть подвѣдомственной ему земли въ пользу храма или мечети. Кромѣ того при прежнихъ правительствахъ, предшествовавшихъ англійскому, часть поземельнаго дохода нерѣдко отчуждалась правительствомъ въ пользу какого-нибудь лица, оказавшаго услуги государству или пріобрѣтшаго милость и благоволеніе верховнаго правителя.

Земли отчуждались правительствомъ на различныхъ условіяхъ: иногда они отдавались только въ пожизненное пользованіе, или-же дарственная дѣлалась на вѣчныя времена съ правомъ передавать землю по наслѣдству. Когда Бенгалія перешла въ вѣдѣніе англичанъ, оказалось, что одна четвертая земель всей провинціи была отчуждена такимъ образомъ отъ государства. Ни В. Гастингсъ, ни лордъ Корнваллисъ не рѣшались на конфискацію отчужденнаго добра. Англичане признали законность такого рода землевладѣнія, и въ Бенгаліи въ 1793 г., въ періодъ знаменитаго узаконенія или *Mogha Charta* земиндаровъ, земли „лакхиражъ“ оставались не тронутыми. Такъ продолжалось нѣскольکو лѣтъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія англійское правительство вдругъ почувствовало, что оно терпитъ отъ земель лакхиражъ значительный ущербъ въ своихъ доходахъ. Столько до-

бра отчуждено и—для какой же цѣли? Массы лѣнтыевъ и негодяевъ ведутъ праздную жизнь, полную довольства на счетъ государства, пользуются привилегіями въ ущербъ правительству и народу. Правительство признало это за скандалъ, за оскорбленіе общественной нравственности; нѣкоторые изъ чиновниковъ, проникнувшись убѣжденіемъ правительства, стали даже проводить параллель между Бенгаліей и до-революціонной Франціей; вслѣдствіе всѣхъ таковыхъ соображеній вопросъ о конфискаціи земель лакхиражъ былъ поднятъ уже въ 1828 году. Отъ владѣтелей земель лакхиражъ потребованы были документы, въ силу которыхъ они владѣли этими землями. Требованіе правительства было конечно совершенно законно, и во всякой другой странѣ, но не въ Индіи, большинство владѣтелей могло бы удовлетворить ему безъ всякихъ затрудненій. Въ Индіи, тамъ, гдѣ дома такъ часто горятъ и разваливаются, гдѣ климатъ сыръ, гдѣ массы бѣлыхъ муравьевъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ такъ много истребляютъ всякихъ рукописей, для большинства владѣтелей было совершенно невозможно отыскать старинные документы. Послѣ столькихъ лѣтъ спокойнаго пользованія отъ нихъ потребовали доказательствъ законности этого пользованія. Началось разслѣдованіе; съ одной стороны отбирались земли и сотни семей ввергались въ нищету; съ другой стороны, многіе изъ владѣтелей, въ продолженіи долгаго времени совершенно законно пользовавшіеся землями лакхиражъ, но утративъ настоящія старинныя, дарственныя, приобѣгали къ обману и поддѣлкѣ. Поддѣлка, обманы, производившіеся очень неумѣло, скоро открывались; правительство ни того, ни другого не могло оставить безнаказаннымъ, и жестоко преслѣдовало.

Это мѣропріятіе англійскаго правительства доставило ему лишнихъ триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; но

приращеніе дохода было куплено дорогою цѣною. Ни для кого не тайна въ настоящее время, что конфискація земель была мѣрою очень не политичною; противъ нея были раздражены одинаково индусы и мусульмане, владѣтели земель лакхиражъ и люди не собственники, но религіозные; ибо земли отбирались одинаково отъ частныхъ лицъ, богатыхъ и старинныхъ фамилій, и отъ храмовъ, мечетей и т. д. Въ Бенгаліи большинство пострадавшихъ отъ этой мѣры семей было мусульманскихъ: и тамъ же большая часть земель лакхиражъ принадлежала или мечетямъ и была отдана въ пользу воспитанія мусульманскаго юношества. Понятно, почему еще теперь мусульмане жалуются, что англичане ихъ обобрали. Та же мѣра была распространена и на другія части Индіи, гдѣ пострадали собственники другихъ религій. Но всего болѣе пострадали отъ этой мѣры мусульманскія аристократическія семьи и мусульманское воспитаніе.

Жалобамъ мусульманъ въ Индіи нѣтъ конца; лишенные возможности занимать то же общественное положеніе, какъ въ старь, они говорятъ теперь, что англичане притѣсняють ихъ въ отправленіи религіозныхъ обязанностей: правительство въ 1863 г. отказалось назначать *кади* и предоставило самому мусульманскому обществу выбирать изъ своей среды это полудуховное, полусвѣтское должностное лицо: мусульманское же общество считаетъ такое избраніе незаконнымъ; кади, по понятіямъ индійскихъ мусульманъ, долженъ быть назначаемъ правительствомъ, и только до тѣхъ поръ, пока правительство назначаетъ кади, Индія не перестаетъ быть „страною ислама“, „въ противномъ случаѣ по толкованію мусульманскихъ законниковъ она становится „страною враждебною“.

Англичане, въ концѣ прошлаго столѣтія занявъ Бенгалію, признали кади въ должности судьи; рядомъ правительственныхъ распоряженій опредѣлялись его обязанности: со-

временное распоряженіе англійскаго правительства, по собственному сознанию англичанъ, явилось вслѣдствіе недоразумѣнія, но тѣмъ не менѣе оно оскорбляетъ религіозное чувство мусульманъ, которые ропщутъ еще, что правительство игнорируетъ ихъ праздники; признавъ табельными днями пятьдесятъ два индусскихъ празднества, оно даровало мусульманамъ не болѣе одиннадцати табельныхъ дней.

И такъ мусульмане имѣютъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе основательныхъ причинъ жаловаться на современные порядки. Но это недовольство, поставляя мусульманское населеніе въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ правителямъ Индіи, не сближаетъ ихъ съ другими соотечественниками; разбирая причины мусульманскаго недовольства, легко убѣдится, что интересы мусульманъ и индусовъ разобщены; какое дѣло индусу до жалобъ родовитаго мусульманина? Онѣ не трогаютъ индуса, ибо не понятны ему; индусъ не можетъ сочувствовать мусульманину: все святое и чтимое однимъ оскорбляетъ религіозное чувство другого; они, живя въ одной и той части Индіи, говорятъ различными нарѣчіями, пишутъ различными азбуками, держатся различныхъ обычаевъ; одѣваются не одинаково, не ѣдятъ другъ съ другомъ; за оскверненіе, за грѣхъ почтеть индусъ принять воду или ѣду изъ рукъ мусульманина.

При такихъ условіяхъ возможна ли общность интересовъ? И вся современная исторія Индіи показываетъ, что ея нѣтъ. Вахабиты возмущались противъ англичанъ, но они же предварительно рѣзались съ Сикхами, и конечно это движеніе ненавистно индусамъ въ такой же степени, какъ и англичанамъ.

Начало всѣхъ распрей между индусами и мусульманами коренится въ ихъ религіозныхъ ученіяхъ; празднества, всѣ мелкія подробности культа однихъ оскорбительны для дру-

гихъ. Въ глазахъ индуса корова „священное существо“; въ Бенаресѣ есть громаднѣйшій храмъ, посвященный коровѣ, мусульманинъ же рѣжетъ корову, и какъ истѣй иконоборецъ старается свершить это грѣховное по понятіямъ индуса дѣло публично, на улицѣ, передъ глазами тѣхъ, кто обожаетъ священное существо. Индусъ, видя это святотатство и не находя защиты и покровительства у „любителя бифштекса“, скорбитъ въ душѣ и исполняется глубокою ненавистью къ мусульманину. Англичане стараются быть при этомъ безпристрастными; но до тѣхъ поръ, пока распря не перешла въ открытѣйшій и шумнѣйшій беспорядокъ,—ихъ симпатіи, конечно, на сторонѣ мусульманъ. Скорбь и жалобы индуса имъ не могутъ быть понятны, и какъ на все непонятное, чуждое и далекое, такъ и на это у англичанина одинъ отвѣтъ: but how stupid!! или What a nonsense!!

Тайная и глухая ненависть, разобщающая индуса и мусульманина, весьма часто переходитъ въ открытую вражду и сопровождается шумными волненіями. Такъ бывало въ старь и такъ повторяется до нашихъ дней.

Разсказы объ этихъ столкновеніяхъ ярко характеризуютъ отношенія двухъ враждебныхъ общинъ, ихъ фанатизмъ и общее міросозерцаніе.—Въ началѣ настоящаго столѣтія (1809) въ Бенаресѣ, въ кварталѣ, заселенномъ ткачами, жили два брата Достъ-Махамедъ и Фатехъ-Махамедъ; они пользовались неограниченнымъ авторитетомъ въ средѣ своей касты, всѣ дѣла касты подлежали ихъ вѣдѣнію. Всякое собраніе созывалось отъ ихъ имени, и они предсѣдательствовали на всѣхъ совѣщаніяхъ.

Въ томъ же кварталѣ среди населенія, главнымъ образомъ мусульманскаго, жило разсѣянно нѣсколько индусовъ. Случилось, что одинъ изъ тамошнихъ индусовъ по имени Мадху-Рай заболѣлъ. Во время болѣзни Мадху-Раю было видѣніе:

боги объявили ему, что онъ одержимъ демономъ (бхутомъ). Мадху-Рай далъ обѣщаніе, что если демонъ оставитъ его, то онъ выстроитъ новый каменный храмъ Хануману, или богу обезьянѣ, на томъ самомъ мѣстѣ подъ деревомъ Пипаль, у святаго храма Висвесваръ, гдѣ до того богъ имѣлъ только маленькую глиняную часовеньку. Мадху-Рай выздоровѣлъ и во исполненія своего обѣщанія принялся собирать камни и другой строительный матерьялъ у сказаннаго мѣста.

Мѣсто это было спорнымъ между мусульманами и индусами; оно находилось между мечетью Ауранзеба и святымъ храмомъ Висвесваръ и могло одинаково принадлежать той и другой святынѣ. Мусульмане, увидѣвъ, что Мадху-Рай собираетъ строительный матерьялъ у ненавистной имъ часовни, старались отклонить его отъ благочестиваго дѣла и говорили ему, что они не допустятъ сооруженія новаго храма на этомъ мѣстѣ; Мадху-Рай приостановилъ свое дѣло; но упорно стоялъ на своемъ, и грозился воздвигнуть новый храмъ. Для обсужденія положенія дѣлъ Достъ-Мохамедъ собралъ всѣхъ ткачей на совѣтъ въ Имамбара или мечеть Ауранзеба; всѣ мусульмане явились на призывъ, они наполнили весь дворъ мечети, спорное мѣсто и даже забрались туда, гдѣ были исключительно индускія святыни. По свершеніи моленія стали разсуждать о дѣлѣ; неизвѣстно, что говорилось при этомъ, какъ Достъ-Мохамедъ представилъ дѣло толпѣ;— по собственному ли побужденію, или подстрекаемая вожаками, толпа двинулась на индускія святыни и осквернила ихъ: деревья вырывались съ корнями, надъ идолами безобразничали, били ихъ башмаками и всячески неистовствовали.

Свидѣтелями всѣхъ безобразій и неистовствъ мусульманъ были три индуса: Мадху-Рай и двое факировъ. Въ ужасѣ они бѣжали оттуда,—и вѣсть о святотатствѣ мигомъ обошла весь городъ. На другой день, на разсвѣтѣ, массы индусовъ,

вооруженныхъ ражпутовъ, собрались у храма Висвесваръ и не долго думая, оплатили мусульманамъ оскверненіемъ ихъ мечети. Когда мусульмане узнали объ этомъ, они порѣшили отмстить индусамъ раззореніемъ храма Висвесваръ, и дѣйствительно толпа правовѣрныхъ съ воплями—Хассанъ! Хуссейнъ! двинулась по этому направленію. На встрѣчу имъ со всѣхъ концовъ Бенареса стали сбѣгаться ражпуты, вооруженные съ ногъ до головы, а за ними брахманы—съ молитвенными обращеніями къ „Господу всѣхъ“ и съ воплями отчаянія; у святыни обѣ толпы встрѣтились, и произошло великое избіеніе. Обѣ стороны дрались отчаянно, но мусульмане должны были уступить численности и отступили. Отступая, они задумали нанести новое, еще болѣе тяжкое оскорбленіе религиозному чувству своихъ противниковъ: они отправились къ другой святынѣ индусовъ, и тамъ передъ святою колонною бога Сивы зарѣзали корову, окропили ея кровью всѣ мѣста кругомъ, обмазали ею же святую колону, а самое тѣло бросили въ находящійся по сосѣдству священный прудъ; самая колонна была повержена и разбита въ куски.

Когда объ всемъ этомъ узнали индусы,—они были ошеломлены, и не смѣли двинуться къ оскверненному мѣсту. Городъ не спалъ всю ночь, во всю ночь раздавался звонъ колоколовъ во всѣхъ храмахъ; по базару была такая же бѣготня и суетня, какъ днемъ. Всѣ дома были освѣщены, никто изъ индусовъ не смыкалъ глазъ, а по домамъ главнѣйшихъ вожаковъ изъ ражпутовъ обсуждался образъ дѣйствій на слѣдующій день. На другой день индусы надумавшись, выступили рѣшительно съ тѣмъ, чтобы нанести мусульманамъ окончательный ударъ, они сожгли Имамъ-бара, окропили все это мѣсто свиною кровью и произвели избіеніе мусульманъ. Всякій мусульманинъ, старецъ или младенецъ, попадавшійся на глаза,

избивался безопадно. Волненія и безпорядки продолжались еще нѣсколько дней. Потребовалось вмѣшательство вооруженной силы для укрощенія враждующихъ сторонъ.

Подобныя волненія, быть можетъ не въ такихъ же размѣрахъ, повторяются до нашихъ дней. Въ половинѣ семидесятаго года во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Пенжаба произошло избіеніе многихъ мясниковъ мусульманъ. Слѣдствіе показало, что преступленіе было совершено послѣдователями новой сикхской секты, основанной нѣкимъ Рамъ-Сикхомъ - Кука. Секта эта особенно чтитъ корову. Убийцы были найдены и казнены. Но Куки не успокоились послѣ того; въ январѣ 1872 г. вся секта открыто возмутилась противъ англійскаго правительства. Возстаніе было усмирено очень скоро, хотя съ помощью военной силы. Въ 1871 году въ Амритсарѣ произошло новое волненіе: какой-то мясникъ мусульманинъ, желая насолить индусамъ, бросилъ въ прудъ послѣднихъ коровью кость. Индусы взволновались и не только въ Амритсарѣ, но и по другимъ мѣстамъ Пенжаба дѣло дошло до стычекъ и пролитія крови. Въ нѣкоторыхъ туземныхъ газетахъ въ то время отъ англійскаго правительства требовалось запрещеніе убивать коровъ.

Въ началѣ 1874 года въ Бомбеѣ, среди бѣлаго дня, произошло волненіе мусульманъ, поразившее многихъ своею неожиданностью. Какой-то Парсъ напечаталъ гузератскій переводъ книги В. Ирвинга „Жизнь Магомета“; мусульмане сочли себя оскорбленными: они считали эту книгу пасквилью, и всѣ мусульмане понимавшіе по-гузератски, и не понимавшіе, поднялись какъ одинъ человекъ, къ фанатикамъ пристало нѣсколько арабовъ съ судовъ, бывшихъ тогда у Бомбея. 13-го февраля того же года, толпа мусульманъ произвела нападеніе на дома парсовъ; дома разрушались, имущество расхищалось, владѣтели избивались, и такъ продолжалось

нѣсколько часовъ среди бѣлаго дня, въ многолюдномъ городѣ; только вмѣшательство вооруженной силы утомило и разогнало бунтовщиковъ.

Таковыя факты очень хорошо обрисовываютъ отношеніе индусовъ къ мусульманамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вражда эта вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія должна сама собою или прекратиться, или принять менѣе острый характеръ. Но пока мусульманская община всего менѣе поддается вліянію Запада и сторонится отъ англійскихъ школъ.

VIII.

Молодая Индія и Брахмаисты.

1.

Англичане овладѣвъ Индію, задумали переустроить индійское общество по своему образцу: они захотѣли извнѣ внести въ это общество и быстро создать для него все то, что англійское общество само создавало въ продолженіи столѣтій. Англичане въ Индіи взяли въ свое вѣдѣніе и на свое попеченіе военную защиту, гражданское и уголовное судопроизводство. По инициативѣ правительства страна покрылась желѣзными дорогами, проведены были каналы, дороги, всѣ общественныя предпріятія, начиная отъ постройки общественныхъ зданій и кончая осушкою болотъ около деревень, воспитаніе народа, больницы, тюрьмы, — все въ Индіи находится подъ покровительствомъ правительства. Всякое научное и промышленное розысканіе предпринимается правительствомъ, и оно же руководить имъ; оно приняло на себя обязанность отыскивать мѣры для прекращенія зла отъ періодически повторяющагося голода. Безъ содѣйствія и надзора правительства ни одно изъ муниципальных учреждений Индіи не проживаетъ и одного дня. Учрежденія эти были заве-

дены англичанами и ими же съ великою заботливостью поддерживаются. Правительство не только въ теоріи, но на самомъ дѣлѣ владѣетъ всею землею въ Индіи и постоянно вмѣшивается въ дѣла своихъ арендаторовъ; такое широкое вмѣшательство правительства въ частныя дѣла, какое дѣйствительно существуетъ въ Индіи, на родинѣ англичанъ было бы вполне немислимо. Во главѣ общества туземнаго и англійскаго стоятъ высшія оффиціальныя лица. Всѣ не оффиціальныя англичане къ какому бы они не принадлежали общественному классу, какъ представители господствующей расы, самими туземцами, быть можетъ, и не совсѣмъ добровольно, почитаются за привелигированное сословіе, за „господъ“—сахабъ-локъ, за лицъ авторитетныхъ. Несомнѣнно, что значеніе и вліяніе англичанъ въ Индіи громадно: они явились дѣйствовать среди народа, который весьма немногіе изъ нихъ до сихъ поръ понимаютъ, и еще меньшее число любятъ; большинство ненавидитъ ту среду, куда оно призвано дѣйствовать и преобразовать которую оно захотѣло, принявъ на себя обязательство не оскорблять туземной религіи и невмѣшиваться въ туземныя обычаи. Насколько это обязательство исполнено англичанами, отчасти можно было усмотрѣть изъ нѣкоторыхъ фактовъ, сообщенныхъ на предъидущихъ страницахъ.

Но съ какимъ бы предубѣжденіемъ не посмотрѣлъ на англійское владычество въ Индіи посторонній наблюдатель, со стороны, онъ долженъ однакоже признать: подѣ владычествомъ англичанъ страна наслаждается миромъ и порядкомъ, чего она не знала въ продолженіи многихъ столѣтій до нихъ. Онъ долженъ признать кромѣ того, что общественная организація, созданная и поддерживаемая англичанами, принесенная имъ цивилизація ни гдѣ не пустила глубокихъ корней въ индійскомъ обществѣ; ибо конечно нельзя назвать то об-

щество вполне цивилизованнымъ, гдѣ грубое суевѣріе и общественная неправда въ видѣ кастъ вполне господствуютъ. Въ Индіи, дѣйствительно, есть слой общества или вѣрнѣе незначительное меньшинство образованныхъ, неспособныхъ взволноваться изъ-за оскверненія священнаго пруда коровьею костью или не усматривающихъ въ развратномъ учителѣ инкарнаціи бога; но это меньшинство, искусственно созданное англичанами, пока еще не сильно ни численностью, ни умственною производительностью и не вліятельно.

Масса народа, не смотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, осталась въ Индіи такою же, какою она была до ихъ пришествія, а потому англичане вправѣ утверждать, что какъ скоро они оставятъ въ настоящей моментъ Индію, британскіе порядки погибнуть,—и страна опять впадетъ въ ту же анархію, въ какой застали ее европейцы въ XVIII ст.

Какъ ни незначительно въ настоящее время образованное меньшинство въ Индіи, но самый фактъ его существованія несомнѣненъ, и несомнѣнно также, что это меньшинство, благодаря англійскому правительству, съ каждымъ годомъ увеличивается; англійскіе порядки вообще и англійскія школы въ частности все болѣе и болѣе измѣняютъ тѣ условія, среди которыхъ фанатизмъ и идолопоклонство растутъ и развиваются.

Мало по малу и въ Индіи старая вѣра какъ бы стала таять на нашихъ глазахъ; подгниваютъ корни этого непродолимаго лѣса.

Все то, что было порождено невѣжествомъ и косностью до англійскаго владычества, поддерживалось политическими смутами и происходившею отсюда общею неувѣренностью и небезопасностью. Но вотъ закончился воинственный періодъ англійскаго владычества, продолжавшійся съ 1846 по 1856 г.

Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ англичане успѣли раз-

сѣять двѣ арміи, разрушить два ново-нарождавшихся царства.

Они смирили суевѣрное бѣшенство индусовъ и безповоротный энтузіазмъ мусульманъ.

На тѣхъ и другихъ они наложили свое ярмо, разоружили Индію. Военственный періодъ закончился, и началось царство закона и своего рода преуспѣянія. Они даровали туземцамъ личную безопасность. Заведя школы и стараясь о распространеніи образованія, англичане принесли въ Индію высшіе дары цивилизаціи: научный методъ и критическій духъ; они открыли врата, въ которыя хлынули потоки западнаго знанія.

Столкновеніе съ Европою должно было сказаться на развитіи такого даровитаго и умнаго племени, какъ индусы. Толчекъ былъ данъ и—движеніе началось.

Духъ безпокойства сказывается и среди мусульманъ, и среди индусовъ. Старые боги и старыя вѣрованія не исчезли еще и попрежнему дороги массамъ; но передъ вѣяніемъ новаго времени трепещуть уже косность и невѣжество.

А между тѣмъ юная Индія, Индія пропешдая черезъ англійскія школы, хотя и медленно, но постоянно численно увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ духъ отрицанія все болѣе и болѣе развивается и распространяется.

Какъ ни слабо это настроеніе, какъ ни мало оно распространено въ настоящее время, никто не сумѣетъ предсказать, какой интенсивности оно достигнетъ съ теченіемъ времени, если англійскіе порядки будутъ продолжаться въ Индіи.

И въ этомъ заключается особенный интересъ современной Индіи и быть можетъ опасность положенія англичанъ въ Индіи.

Туземцы, по крайней мѣрѣ въ меньшинствѣ, утратили гармонію между тѣмъ, что они знаютъ и во что вѣрятъ.

Отсюда—появленіе множества попытокъ возстановить утра-

ченное, возникновение множества сектъ, стремленіе образовать вѣру болѣе возвышенную, появленіе такого отвлеченнаго, по формѣ не національнаго ученія, какъ Брахма-самаонъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, правда, пока еще глухо и неясно, туземцы начинаютъ заявлять свои права на самоуправленіе. Лучшіе изъ нихъ задумываются о благосостояніи „Индіи вообще“, а не отдѣльной касты или отдѣльной религіозной общины. И эти стремленія и высокія думы въ Индіи существуютъ бокъ о бокъ съ тѣми странными явленіями первобытнаго и суевѣрнаго общества, упоминать о которыхъ мнѣ приходилось такъ часто на предъидущихъ страницахъ.

Есть нѣкоторая аналогія между святыми градами Индіи и современнымъ индійскимъ обществомъ.

Столѣтія блуждали индійцы по духовной пустынѣ; вся ихъ исторія прошла въ исканіи религіозной истины, въ постоянныхъ стремленіяхъ и усиліяхъ выработать высшій идеаль, въ непрестанныхъ попыткахъ подняться къ чему-то болѣе выпреннему, и въ концѣ концовъ они не сумѣли придать своей религіи католическаго характера, не сумѣли создать скинии, куда бы сходились всѣ индійскія расы и трибы.

До сихъ поръ страна покрыта множествомъ храмовъ, часовень, монастырей, различными мѣстами молитвъ и жертвоприношеній.

Среди всѣхъ этихъ зданій наблюдатель совершенно теряется: онъ не находитъ ни единства плана, ни прогресса въ религіозномъ сознаніи; присматриваясь къ народнымъ вѣрованіямъ и религіознымъ церемоніямъ, онъ выноситъ впечатлѣніе какой-то мозаики старыхъ и новыхъ суевѣрій.

Этотъ общій характеръ народной религіи сказался и въ большинствѣ индійскихъ храмовъ. Многіе изъ нихъ выстроены на мѣстѣ старыхъ зданій и изъ ихъ остатковъ. Рѣзные колонны съ эмблемами одного бога вставлены въ храмы другого;

фаллическіе символы разставлены по тѣмъ же нишамъ, гдѣ нѣкогда стояли статуи Будды. Мусульманскіе купола покоятся на колоннахъ индійскаго стиля, награбленныхъ изъ храмовъ индійскихъ боговъ. Такіе храмы мы видѣли во множествѣ въ Бихарѣ, и таковъ весь Бенаресъ, „святой городъ“ для множества индузовъ, съ незапамятныхъ временъ ихъ Іерусалимъ.

Бенаресъ—городъ древній, городъ святой, выстроенъ амфитеатромъ на берегу рѣки; изъ конца въ конецъ, на протяженіи болѣе четырехъ миль, надъ спусками (гхатъ) къ святой рѣкѣ тянется вереница храмовъ, многоэтажныхъ дворцовъ, надъ ними выше опять храмы и высокіе дома среди вѣчно зеленыхъ деревъ. Рѣка во всякое время дня усыпана лодками, а по гхатамъ толпы разнообразныхъ странниковъ, богомольцевъ торгашей, лодочниковъ. Здѣсь у этихъ святынь процвѣтають торговля, религія и удовольствія. По узкимъ улицамъ старога города толпы народа съ цвѣтами въ рукахъ стремятся къ алтарямъ и святымъ источникамъ. Дикія изувѣры стоятъ или сидятъ на перекресткахъ, не измѣняя въ продолженіи цѣлыхъ годовъ разъ принятаго положенія. Всюду толпы нищихъ, шутки и смѣхъ у алтарей и святыхъ ключей. Это городъ—тысячелѣтіями считающій свою исторію, городъ легіона боговъ, гдѣ чтутъ корову и обезьяну, куда умирать стремится всякій индусъ, — на самомъ дѣлѣ представляетъ весьма мало древняго, и все древнее является среди новой оригинальной обстановки; онъ весь напоминаетъ тѣ индійскіе храмы, о которыхъ сейчасъ было говорено. Снуга по городу, любопытный антикварій, дѣйствительно, можетъ отыскать нѣсколько высоко изящныхъ колоннъ и карнизовъ въ подновленныхъ храмахъ, напр. у Висвесвара, обломки буддійскихъ статуй и святынь въ мусульманскихъ мечетяхъ и новобрахманическихъ храмахъ, но пусть тотъ же антикварій броситъ

взглядъ на грандіозный рядъ дворцовъ и храмовъ по набережной Ганга,—здѣсь все ново, ибо все древнее погибло еще во времена Ауранзеба, и высокіе минареты его мечети, невольно бросающіеся въ глаза, какъ бы говорятъ о новомъ періодѣ въ исторіи Индіи.

Рядомъ съ этимъ идолопоклонствомъ, въ Бенаресѣ есть свободная пресса, „Government college“, есть туземцы, зачитывающіеся англійскими книгами и газетами, умѣренно-либерально, но иногда умно и съ толкомъ критикующіе своихъ правителей. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и онъ вамъ скажетъ, что одного образованія имъ (туземцамъ) мало, что они жаждутъ еще большаго отъ правительства, именно самоуправленія. Они ищутъ знанія, не изъ одной отвлеченной любви къ нему; имъ нужна осязательная награда за ихъ трудъ, т. е. участіе въ управленіи страной.

Толчекъ, данный Индіи изъ Европы, произвелъ тамъ странныя явленія. Индія стремительно развивается; едва ли въ жизни другой какой страны бывалъ такой быстрый переходъ изъ одного фазиса развитія въ другой.

Англичане настроили въ Индіи желѣзныхъ дорогъ прежде, нежели сами индійцы додумались до сознанія пользы и необходимости шоссейныхъ. Такой же прыжокъ они заставили индійца сдѣлать въ его умственномъ развитіи, подъ вліяніемъ ихъ школъ, отъ пуранъ и тантръ онъ перешелъ прямо къ Дарвину и Беклю.

2.

Новое индійское религіозное движеніе и умственное состояніе индійской молодежи есть невольное созданіе англичанъ, ихъ законоположеній и системы воспитанія, революціонно дѣйствующихъ на индійское общество.

Съ 1854 въ основаніи народнаго просвѣщенія принята новая система, которой правители Индіи держатся по сіе

время; они преслѣдуютъ двоякую цѣль: массамъ народа доставить начальное образованіе и высшее достаточнымъ классомъ. Европейское знаніе распространяется на языкахъ, доступныхъ большинству народа; и хотя изученіе англійскаго языка всячески поощряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ обращено должное вниманіе и на изученіе мѣстныхъ языковъ и литературы.

Въ каждомъ президентствѣ и губернаторствѣ есть особый департаментъ просвѣщенія, управляемый *директоромъ*, и кромѣ того есть *инспекторы просвѣщенія*, ихъ помощники, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ школы и коллегіи, поддерживаемыя или управляемыя правительствомъ; на обязанности инспекторовъ лежитъ наблюдать за экзаменами и руководить преподавателями. Одновременно съ введеніемъ этой системы были основаны университеты. Университеты Индіи не имѣютъ никакого сходства съ нашими; они устроены по образцу лондонскаго; то суть учрежденія для оцѣнки воспитанія, полученнаго въ школахъ и коллегіяхъ и для раздачи ученыхъ степеней. Такихъ университетовъ три въ Индіи: въ Калкуттѣ, Бомбеѣ и Мадрасѣ. Въ то время уже т. е. въ 1854 г. въ Бенгаліи было пять коллегій (Government Colleges), кромѣ того Sanskrit College и Мусульманское Медресе; въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ пять коллегій. Въ бомбейскомъ президентствѣ было три коллегіи: Elphinstone Institution, Poona Callege и Grant Medical Callege; въ Мадраскомъ: Высшая школа (High School).

За этими высшими учебными заведеніями учреждены были высшія *Zillah school*, т. е. школы приготовляющія къ вступительному экзамену въ университетъ, иными словами къ поступленію въ одну изъ названныхъ коллегій. Каждое изъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько стипендій (scholarship), назначенныхъ для поощренія

тѣхъ, кто поступаетъ въ коллегіи и за тѣмъ ищетъ ученыхъ степеней.

Но кромѣ того правительство, какъ выше было сказано, преслѣдовало еще другую цѣль; оно желало доставить массѣ народа возможность пріобрѣтать запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для людей находящихся въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеніяхъ. Правительство желало придти на помощь къ тѣмъ, кто безъ этой помощи не могъ бы образоваться. Съ этой цѣлью устроены были двоякаго рода школы: въ однѣхъ преподаваніе велось на англійскомъ языкѣ, въ другихъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ; въ тѣхъ и другихъ были стипендіи, учрежденныя съ цѣлью привлекать учениковъ къ высшему образованію, доставлять имъ возможность переходить въ высшія учебныя заведенія.

Правительство, проводя эту систему народнаго просвѣщенія, не могло игнорировать зачатковъ туземнаго народнаго просвѣщенія. Въ Бенгаліи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Индіи уже въ старь были туземныя начальныя школы (патсала), высшія—для изученія санскрита и священной индусской литературы (толь), школы для изученія корана.

Патсалы до сихъ поръ существуютъ въ Бенгаліи; преподаваніе въ нихъ ведется на мѣстномъ нарѣчій и исчерпывается слѣдующими предметами: чтеніе, письмо и элементарная ариметика. Учитель получаетъ въ мѣсяцъ около пяти рупи (т. е. немного менѣе полфунта стерлинговъ). Число учениковъ не одинаково въ различныхъ школахъ; въ нѣкоторыхъ оно не превышаетъ 10 или 12, въ другихъ доходитъ до 50 или 60. Количество этихъ школъ, находящихся нынѣ въ вѣдѣніи помощниковъ инспектора въ Бенгаліи, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1872 ихъ было 2,719, въ слѣдующемъ году число ихъ доросло до 10,787, а число учащихся достигло 255,728; въ 1874—75 было открыто 1050 новыхъ

школь и число учащихся увеличилось на 36,095; въ 1875—76 году было открыто только 376 новыхъ школь, но число учащихся повысилось на 30,891. Въ это число не включены школы, не находящіяся въ вѣдѣніи правительства.

Расходы по народному просвѣщенію въ Бенгаліи достигаютъ 400,000 ф. ст.; около половины этой суммы (190,000 ф. ст.) собирается съ народа, остальное доплачивается государствомъ.

Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ нисшія народныя школы называются *халкабанди*; онѣ устраиваются въ центрѣ и въ ближайшемъ разстояніи отъ нѣсколькихъ деревень, и бываютъ троякаго рода: 1) правительственныя, число которыхъ въ 1875 году доходило до 4,080 съ 146,184 учащихся; 2) *частныя*, получающія субсидію отъ правительства; 58 и 2,299 учащихся; 3) *частныя*, не получающія правительственной субсидіи: 5,109 и 62,889 учащихся. Учитель въ школахъ, именуемыхъ халкабанди, получаетъ отъ 10 ф. ст. до 11 ф. ст. въ годъ. Преподаваніе ведется на Хинди или Урду и обнимаетъ исторію, географію и ариметику. Въ нѣкоторыхъ школахъ преподается персидскій языкъ.

Таковыя же элементарныя школы подъ другими названіями и съ нѣкоторыми измѣненіями разсѣяны по всей Индіи; въ 1872—73 году число всѣхъ элементарныхъ школь въ Британской Индіи достигало 30,477, а число учащихся 963,000. Съ тѣхъ поръ число какъ тѣхъ, такъ и другихъ возросло. Въ нѣкоторыхъ независимыхъ владѣніяхъ заводятся также элементарныя школы по образцу существующихъ въ британской Индіи.

Элементарныя школы главнымъ образомъ назначены для сельскаго населенія; средніе же школы устроены для городского населенія. Въ Бенгаліи въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ школахъ преподаваніе ведется на англійскомъ язы-

къ, въ другихъ на мѣстномъ языкѣ. Въ 1872—73 г. всѣхъ такихъ школъ было 1,374 съ 66,545 учащимися. Изъ этого числа 432 школы съ 22,038 учащимися принадлежали къ первому разряду, т. е. имѣли преподаваніе на англійскомъ языкѣ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, школы эти наиболѣе поддерживаются народомъ; но и правительство даетъ имъ также субсидію. Плата за посѣщеніе классовъ этихъ школъ отъ 11 рупи 12 анна до 16 рупи 3 анна. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ среднія школы не учатъ англійскому языку. Но школы съ англійскимъ языкомъ встрѣчаются въ Пенжабѣ. Общее число ихъ въ Британской Индіи, въ 1872—73 г. было 2,506 съ 144,538 учащихся.

Затѣмъ идутъ высшія школы, имѣющія своею цѣлью готовить къ вступительному экзамену въ университетъ; въ высшихъ школахъ не только учатъ англійскому языку, но и все преподаваніе ведется на этомъ языкѣ. Онѣ устроены во всѣхъ главныхъ городахъ округовъ и при всѣхъ университетскихъ коллегіяхъ. Высшія школы бываютъ не только правительственныя, или получающія правительственную субсидію, но устраиваются также и на частныя средства.

Для подготовленія преподавателей во всѣ эти школы въ Индіи заведены особыя нормальныя школы. Въ 1872—73 году въ Бенгаліи было 28 такихъ школъ съ 1,319 учащихся. Изъ этихъ школъ выходятъ *Гуру*, или сельскіе учителя, и *Пандиты*, т. е. учителя для среднихъ школъ. Въ нормальной школѣ Патны преподается также англійскій языкъ. Курсъ въ этихъ школахъ продолжается три года и обнимаетъ слѣд. предметы: географію, исторію, геометрію и другія части математики. Число нормальныхъ школъ пока незначительно, но онѣ заведены по всей Индіи: въ трехъ президенствахъ, въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, гдѣ въ

12 школахъ приготовляются учителя и учительницы, и даже въ Пенжабѣ есть девять нормальныхъ школъ.

Высшее образованіе доставляютъ университетскія коллегіи. Таковыхъ коллегій въ Бенгаліи 15; десять коллегій учреждены правительствомъ; пять на частныя средства и получаютъ субсидію отъ правительства. Въ этихъ коллегіяхъ, черезъ два года по выдержаніи вступительнаго экзамена учащій держитъ экзаменъ, именуемый *First Arts*; черезъ два года послѣ того онъ держитъ экзаменъ на степень *Bachelors*. Въ девяти изъ Бенгальскихъ коллегій изучается юриспруденція; для изученія медицины въ 1835 году была основана лордомъ Бентинкомъ *Medical College of Bengal*. Санскритская коллегія (*Calcutta Sanskrit College*) была основана въ 1824 г. Въ этихъ же коллегіяхъ производятся экзамены для поступленія на гражданскую службу. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ четыре коллегіи правительственныя, четыре учреждены на частныя средства и получаютъ правительственную субсидію. При всѣхъ этихъ коллегіяхъ учреждены стипендіи; стипендіи эти не одинаковы, — такъ студенты до выдержанія перваго экзамена получаютъ отъ 4 до 5 рупи въ мѣсяцъ, выдержавшій первый экзаменъ можетъ получать стипендію въ 10 рупи (т. е. одинъ фунтъ ст. въ мѣсяцъ); получившій степень *Bachelor* имѣетъ право на стипендію въ 18 рупи. Для имѣющихъ степень *Master of Arts* есть также стипендія въ 25 рупи.

Нѣкоторыя изъ индійскихъ коллегій даютъ спеціальное образованіе, напр. *Agra Medical College* или *Rurki Civil Engineering College*. Въ Пенжабѣ двѣ коллегіи, подчиненныя Лагорскому университету. Бомбейскому университету подчинено шесть коллегій, мадрасскому—тринадцать.

Число выдержавшихъ экзаменъ въ университетъ въ десять лѣтъ измѣнилось такимъ образомъ: въ 1865—66 г. въ калькуттскомъ университетѣ выдержало 510 вступительный

экзаменъ; 202—First Arts Examination; 79—В. А., черезъ десять лѣтъ (1874—75) цифры эти измѣнились такимъ образомъ: 1) 966, 2) 193, 3) 90.—Въ Мадрасскомъ университетѣ въ 1865—66 г. вступительный экзаменъ выдержало 229, First Arts Examination—76; В. А.—6. Въ 1874—75 первыхъ было—784; вторыхъ—184; третьихъ—55. Въ Бомбейскомъ университетѣ въ 1865—66 г. вступительный экзаменъ держало—111; First Arts Examination—46; В. А.—12; въ 1875—76 г. первыхъ было—212; вторыхъ—74; третьихъ—30.

Индійскіе университеты были учреждены въ 1857 г. въ приснопамятный годъ индійскаго возстанія. Въ Калькуттскомъ университетѣ держатъ экзамены изъ всей Бенгаліи, Сѣверо-Западныхъ провинцій, Ауда и Центральныхъ провинцій. Университетъ управляется Синдикатомъ, состоящимъ изъ Vice-Chancellor, и шести членовъ Сената; это правленіе разсматриваетъ учебники, назначаетъ предметы преподаванія и распоряжается экзаменами. То же устройство и та же система экзаменовъ какъ въ Калькуттскомъ университетѣ существуютъ и въ двухъ другихъ университетахъ: Бомбейскомъ и Мадрасскомъ. Оба послѣднихъ были основаны въ одинъ годъ съ первымъ, но располагаютъ не одинаковыми средствами.

Въ 1872—73, въ британской Индіи включительно съ Бирмой было 40,700 учебныхъ заведеній, 1,280,940 учащихъся и на все это затрачено было 758,337 ф. ст.

Всего менѣе процвѣтаетъ женское образованіе въ Индіи. Въ 1873 году въ Бенгаліи было 245 школъ для дѣвочекъ; всѣ онѣ за исключеніемъ одной были учреждены на частныя средства. Въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ въ томъ же году было 420 школъ и 8,130 ученицъ. Въ Бомбейскомъ президентствѣ было 11,000 ученицъ, а въ Мадрасскомъ 14,330. Во всей британской Индіи насчитывалось 1,640 женскихъ школъ съ 57,000 учащимися.

Кромѣ школъ англичане завели по большимъ городамъ музеи для распространенія въ народѣ разнообразныхъ познаний. Калькуттскій Indian Museum, или Бомбейскій Government Central Museum пользуются общею извѣстностью, обладаютъ обширными библіотеками и богатыми разнообразными коллекціями. Независимо отъ правительства, много школъ по Индіи заводится различными христіанскими миссіонерами, число которыхъ въ 1872 г. достигало 606. Кромѣ переводовъ священнаго писанія ими было издано множество учебныхъ книгъ и пособій, для изученія мѣстныхъ языковъ. Заслуги миссіонеровъ по части народнаго образованія такъ значительны, что не отрицаются даже тѣми туземцами—не христіанами, для которыхъ дѣло народнаго образованія близко и дорого.

3.

Даровавъ Индіи такую систему народнаго образованія, англичане не ограничились однимъ этимъ. По ихъ же инициативѣ, въ Индіи явилась почти всюду новая литература; на всѣхъ главнѣйшихъ нарѣчіяхъ Индіи существуетъ учебная литература. Результаты европейской науки дѣлаются доступными туземцамъ въ переводахъ и болѣе или менѣе умѣлыхъ компиляціяхъ.

Въ послѣднее время въ европейскихъ газетахъ весьма много говорилось о цензурѣ въ Индіи. Новое законоположеніе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду прессу на туземныхъ языкахъ, которая такъ же, какъ и все европейское въ Индіи, была заведена тамъ англичанами. 23 мая 1818 года начала издаваться первая газета на туземномъ языкѣ; газета *Дарпанъ*, печаталась въ Серампурѣ. Инициатива всего дѣла исходила отъ миссіонеровъ. Появленіе первой газеты на туземномъ языкѣ было встрѣчено очень благосклонно англо-индійскимъ правительствомъ. Тогдашній генераль-губерна-

торъ Маркизь Гастингсъ въ письмѣ къ издателямъ выразился такъ: It is salutary for the supreme authorety to look to the control of public scrutiny.

Англичане, заводя въ Индіи газеты, поступали въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ и при всѣхъ своихъ реформахъ въ Индіи; основывая туземную прессу, они имѣли въ виду ассимилировать индійское общество своему родному. Англичанину необходимо свободное обсужденіе общественныхъ дѣлъ; утвердивъ британское правленіе въ Бенгаліи, онъ заводитъ тамъ же прессу, даруетъ покоренному народу право свободно высказывать свое мнѣніе, по поводу общественныхъ событій. При этомъ упускалось только изъ виду, насколько этотъ народъ дѣйствительно жаждетъ этого права; на сколько оно ему нужно и могъ-ли онъ вполне оцѣнить даръ и воспользоваться имъ. Туземная пресса, заведенная англичанами въ Бенгаліи, въ настоящее время по всей Индіи развилась и разраслась до довольно значительнаго числа различныхъ періодическихъ изданій. Большинство изданій конечно не могутъ считаться представителями общественнаго мнѣнія; они не серьезны и удовлетворяютъ главнымъ той народной потребности, которая заставляетъ индійца идти на базаръ и подбирать тамъ всѣвозможные вѣроятные и невѣроятные слухи.

Одновременно съ газетою Дарпанъ въ Серампурѣ сталъ издаваться журналъ Дигдашанъ. Вскорѣ послѣ того появился *Brahmanical Magazine*, издававшійся знаменитымъ Рамъ-Маханъ Ройемъ. Періодическая литература несомнѣнно оказала одну великую услугу: она обогатила, очистила бенгальскій языкъ и создала литературный стиль. Пресса сдѣлала въ Индіи относительно языка то же, что было сдѣлано въ Италіи Данте или въ Германіи Лютеромъ.

Съ внѣшней стороны, индійскія газеты отличаются отъ

европейскихъ громкими названіями, въ родѣ слѣдующихъ: Полнолуніе, Благожелатель Народа, Солнце Бенгаліи, Совершенство Благополучія, Связка Любопытнаго, Благодѣтель, и т. д.

На листахъ этихъ газетъ съ громкимъ названіемъ, издающихся частью внутри страны, читатель найдетъ картины и описанія жизни не девятнадцатаго столѣтія. Онъ убѣдится, что Британское вліяніе не затронуло еще весьма многого въ Индіи. Деревня осталась еще такою же, какою она была нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Всѣхъ періодическихъ изданій въ Индіи (въ 1874—75) насчитываютъ 382 на мѣстныхъ языкахъ и 166 на англійскомъ. Всего болѣе таковыхъ изданій въ Бенгаліи, именно 102; 88—на бенгальскомъ языкѣ; 49—на англійскомъ; 14—на двухъ языкахъ, англійскомъ и бенгальскомъ. Въ Мадраскомъ президентствѣ число періодическихъ изданій—58; въ бомбейскомъ—86; въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ—65; въ Пенжабѣ—32. Въ остальныхъ частяхъ Индіи число періодическихъ изданій ничтожно.

Среднимъ числомъ, газеты имѣютъ около четырехъ сотъ подписчиковъ, но конечно число читателей гораздо значительнѣе, такъ какъ газеты выписываются въ складчину и изъ рукъ въ руки передаются, или же читаются однимъ подписчикомъ въ слухъ нѣсколькимъ другимъ. Сельское населеніе, земледѣльцы и рабочіе мало читаютъ газеты; они удовлетворяются тѣмъ, что имъ другіе поразкажутъ изъ газетъ. Но лавочники, старшины, школьные учителя, мелкіе люди по судамъ и въ качхари зачитываются газетами. Туземная пресса особенно страшна для мелкихъ чиновниковъ изъ туземцевъ: ея обличенія безпощадны и обыкновенно бываютъ очень рѣзки. Многіе изъ тѣхъ-же чиновниковъ любятъ

популярничать и бывают весьма довольны, когда какая нибудь газета скажетъ о нихъ доброе слово.

Въ Бенгаліи большинство газетъ издается людьми, прошедшими черезъ университетъ и знающими кое что и внѣ Индіи; бенгальскія газеты поэтому распространены среди болѣе или менѣе образованнаго класса. Бомбейскія газеты не многими отличаются отъ бенгальскихъ; Мадрасская же туземная пресса нѣсколько слабѣе.

Въ лучшихъ изъ туземныхъ газетъ весьма часто встрѣчаются очень длинныя передовыя статьи по мѣстнымъ вопросамъ. Къ такимъ газетамъ въ Бенгаліи нужно отнести издающуюся съ 1853 г. еженедѣльную газету по-англійски *The Hindu Patriot*. Газета эта вполне независимая, но не враждебная британскому правительству; она считается весьма многими за національный органъ всей Индіи; *The Hindu Patriot* съ достоинствомъ высказываетъ нужды, желанія и чувства туземцевъ. Правительство и общество съ должнымъ вниманіемъ прислушиваются къ мнѣніямъ этого органа. Наиболѣе распространенною газетою въ Бенгаліи нужно считать Амрита-базаръ-Патрика; число ея подписчиковъ достигаетъ до 1,500. Эта газета очень враждебна англичанамъ. Къ числу лучшихъ газетъ Бенгаліи, принадлежитъ также Муршедабадъ-Патрика, отличающаяся либеральнымъ направлениемъ и религіознымъ индеферентизмомъ.

Въ бомбейскомъ президентствѣ туземная пресса—главнымъ образомъ въ рукахъ Парсовъ, сильно англизированныхъ. Лучшими газетами считаются три *Растъ-Гофтаръ*, *Инду Пракашъ*, *Гузертъ Митра*. Послѣдняя газета издается Динь-шахъ-ардеширомъ, извѣстнымъ индійскимъ публицистомъ. Въ Мадрасскомъ президентствѣ, при очень хорошихъ англійскихъ газетахъ, туземная пресса, какъ уже выше было сказано, очень слаба. Она находится въ рукахъ Му-

сульманъ, урожденцевъ Южной Индіи. Туземныя газеты въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ весьма часто именуются фамиліями бывшихъ англійскихъ генераль-губернаторовъ или губернаторовъ, напр.: Lawrence Gazette, Muir Gazette, Strachey Gazette, Mayo Gazette. Въ этихъ газетахъ, весьма плохенькихъ и не имѣющихъ большого вліянія, очень много говорится объ Авганистанѣ, о русскихъ успѣхахъ въ Средней Азіи. и т. п.

4.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ современной Индіи несомнѣнно нужно считать Брахмаизмъ. Брахмаизмъ есть какъ бы необходимое слѣдствіе реформаторской политики англичанъ; по своимъ конечнымъ цѣлямъ и задачамъ онъ долженъ почитаться полнымъ отрицаніемъ старой Индіи. Можно спорить о томъ, насколько эта секта живуча и сильна, но едвали возможно отрицать знаменательность ея появленія среди индійскаго общества.

Брахмаизмъ, новая индійская секта деистовъ, возникла въ началѣ настоящаго столѣтія въ Бенгаліи среди лицъ, получившихъ европейское образованіе, знакомыхъ съ англійскою литературой и ученіемъ корана. Исторія ея начинается съ Рамъ-маханъ-роя (1774—1833 гг.), брахмана высоко образованнаго и богато одареннаго отъ природы. Онъ родился въ области Бардванъ, въ городѣ Радханагарѣ. Отецъ его, человѣкъ очень богатый и занимавшій официальное положеніе при мусульманскихъ властителяхъ, задумалъ дать сыну такое образованіе, какое тогда требовалось въ Индіи отъ туземцевъ, желавшихъ поступить на правительственную службу. Съ этою цѣлью молодой Рамъ-маханъ-рой былъ отправленъ въ Патну, для изученія арабскаго и персидскаго языка. Здѣсь, читая коранъ, Аристотеля и Евклида въ арабскихъ переводахъ, онъ сталъ задумываться о смыслѣ окружавшаго его

идолопоклонства. Позднѣе отецъ послалъ его въ Бенаресъ изучать санскритскій языкъ; изученіе священной индійской литературы дало результаты, совершенно неожиданные отцомъ и всею семьею. На шестнадцатомъ году Рамъ-маханъ-рой выступилъ съ полемическимъ трактатомъ противъ родной религіи. Эта выходка глубоко оскорбила отца, строгаго индуса; между нимъ и сыномъ произошло охлажденіе, онъ запретилъ сыну возвращаться домой. Рамъ-маханъ-рой отправился путешествовать. Четыре года странствій онъ употребилъ на ближайшее ознакомленіе съ различными религіями, извѣздилъ всю сѣверную Индію и заходилъ даже въ Тибетъ. Наконецъ, настоянія матери убѣдили отца; старикъ простилъ сына и призвалъ его къ себѣ. На двадцать-второмъ году Рамъ-маханъ-рой сталъ учиться англійскому языку, которымъ впослѣдствіи владѣлъ въ совершенствѣ; его важнѣйшіе трактаты написаны по-англійски. Вскорѣ по возвращеніи домой онъ поступилъ на службу Остъ-Индской компаніи, на которой и состоялъ до 1814 года. Въ этомъ году онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ Калькутту, гдѣ предался осуществленію своихъ завѣтныхъ плановъ. Въ Калькуттѣ онъ прожилъ до 1831 года: здѣсь написаны имъ были важнѣйшія изъ его сочиненій, какъ по религіознымъ, такъ и по социальнымъ вопросамъ.

Въ это время Англичане задумали уничтожить извѣстное индусское установленіе, *сати*, то-есть, сожиганіе вдовъ; реформа эта встрѣтила сильную оппозицію въ мѣстномъ обществѣ, и особенно между брахманами. Рамъ-маханъ-рой, человѣкъ независимый по своему положенію и богатству, не состоя уже болѣе на службѣ англійскаго правительства, объявилъ себя его сторонникомъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, появившемся еще до уничтоженія жестокаго обычая, онъ пишетъ, обращаясь къ защитникамъ сожиганія вдовъ,

слѣдующее: „Недостатки, которые вы приписываете женщинамъ, не природою вкоренены въ ихъ характеръ, а потому было бы весьма преступно, вслѣдствіе одной предосторожности, осуждать этотъ полъ на смерть. Приписывая женщинамъ всякаго рода неприличное поведеніе, вы, дѣйствительно, съ успѣхомъ убѣдили индійское общество смотрѣть свысока на нихъ, какъ на существа презрѣнныя и зловредныя, и оттого онѣ были подвержены постояннымъ бѣдствіямъ. По этому поводу я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вообще женщины физически слабы и менѣе энергичны, нежели мужчины; вслѣдствіе того, мужчины общины, воспользовавшись ихъ тѣлесною слабостью, стали отрицать у женщинъ тѣ высокія достоинства, на которыя онѣ имѣютъ притязанія по природѣ; и затѣмъ они были готовы говорить, что женщины, по своей природѣ, не способны приобрести эти способности. Но по зрѣломъ обсужденіи вопроса, легко удостовѣриться, согласуется или нѣтъ ваше обвиненіе съ истиной. Что касается до ихъ низшаго пониманія, когда вы честно давали имъ случай выказывать природныя способности? Какъ же вы можете обвинять ихъ въ недостаткѣ пониманія? Если лицо, которому передавалось знаніе и мудрость, не можетъ обнять и удержать всего того, что ему передавалось, такое лицо мы можемъ считать недостаточно умнымъ; но такъ какъ вообще вы лишаете женщинъ воспитанія и познанія, а потому, по справедливости, вы не можете объявлять ихъ низшими... Вы обвиняете ихъ въ недостаткѣ рѣшительности, и я очень удивленъ этимъ; ибо не безпрестанно ли видимъ мы въ странѣ, гдѣ слово „смерть“ заставляетъ содрогаться мужчину, женщина, отъ крѣпости духа, предлагаетъ себя на сожженіе вмѣстѣ съ тѣломъ ея умершаго мужа; и все-таки вы обвиняете этихъ женщинъ въ недостаткѣ рѣшительности!“

(The last days in England of the Rajah Rammohun Roy. Cal-

cutta. 1866), стр. 87. Эта важная реформа и многія другія были проведены правительствомъ не безъ содѣйствія Рамъ-маханъ-роя. Къ нему обращалось ость-индское правительство постоянно за разъясненіями по разнымъ вопросамъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Англии, куда онъ поѣхалъ въ 1831 году, и гдѣ умеръ въ 1833 году, въ Бристолѣ.

Рамъ-маханъ-рой, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ Англичанами, поддерживая правительство во всѣхъ прогрессивныхъ начинаніяхъ, остался при всемъ томъ Индусомъ, не сдѣлался христіаниномъ, не лишился своей касты и не порвалъ связей съ роднымъ обществомъ, въ которомъ у него было болѣе враговъ, нежели друзей. Онъ стоялъ на рубежѣ между старымъ и новымъ и искалъ оправданія и поддержки своимъ новымъ начинаніямъ въ древнихъ индійскихъ книгахъ. Эта смѣсь новаго, не индійскаго, съ старыми предразсудками поражала его современниковъ; онъ писалъ, напри-мѣръ, слѣдующее: „Изъ личнаго опыта я выношу убѣжденіе, что чѣмъ болѣе будетъ общенія между нами и Европейцами, тѣмъ болѣе будетъ успѣха въ литературныхъ, общественныхъ и политическихъ цѣляхъ“ (ibid., стр. 99). Но въ то же время онъ держался нѣкоторыхъ предписаній касты: ни разу не пообѣдалъ съ Европейцемъ, хотя и сиживалъ за обѣдами Европейцевъ. Стараясь всею душой о распространеніи деизма въ Индіи, онъ завелъ въ своемъ домѣ общество Брахма-сабха (божье общество); въ этомъ обществѣ изучались, между прочимъ, и Веды, но въ отдѣльной комнатѣ и въ присутствіи однихъ брахмановъ, остальные члены общества не допускались туда; можетъ быть, это и было причиною того, что брахмаисты такъ долго искали въ Ведахъ деизма.

Рамъ-маханъ-рой не написалъ ни одного сочиненія, въ которомъ излагались бы его вѣрованія вполне и систематично; но онъ издалъ многіе переводы древнихъ санскритскихъ

философскихъ трактатовъ (упанишадъ) съ болѣе или менѣе обширными предисловіями и напечаталъ нѣсколько антологій, напимѣръ: „Selections from several books of the Vaidanta“. Такой родъ сочиненій всего ближе подходилъ къ его задачѣ, какъ онъ ее понималъ: „Ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій или въ словесныхъ разсужденіяхъ, говоритъ онъ, — я не притязалъ на преобразование или открытіе ученія о единствѣ Бога, а также не принималъ названія реформатора или открывателя; чуждый такимъ притязаніямъ, въ каждомъ обнародованномъ мною трудѣ я настаивалъ, что ученіе о единствѣ Бога есть настоящій хиндуизмъ, какъ эта религія понималась нашими предками и какъ она извѣстна и въ настоящее время многимъ ученымъ брахманамъ“ (A Defence of Hindoo Theism, стр. 2). Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, онъ утверждаетъ, что не только Веды, но и Пураны, Тантры суть „састры“, то-есть, книги священныя, и ихъ изреченія для него имѣютъ значеніе авторитета. Онъ деиствъ, потому что, по его словамъ, „тексты Ведъ единогласно доказываютъ божественность того существа, которое виѣ пониманія и превыше всякаго описанія“ (Preface to the translation of the Ishopanishad, стр. 1). Правда, „Веды, Пураны, Тантры очень часто утверждаютъ множество боговъ и богинь... но эти мѣста нужно понимать въ иносказательномъ смыслѣ“ (ibid., стр. 4)... „Я, говоритъ онъ о себѣ, — былъ первый указавшій безсмысленность идолопоклонства и настаивавшій на необходимости чистаго божественнаго служенія, предписываемаго Ведами, Смрити и Пуранами“.

Сильно нападая на идолопоклонство своихъ соотечественниковъ, Рамъ-маханъ-рой рисовалъ мрачными красками ихъ современную религію: „Индійцы нашего времени крѣпко вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе многочисленныхъ боговъ и богинь, изъ коихъ каждый обладаетъ полною и не-

зависимою мощью въ своей области; для умилоствленія ихъ, а не истиннаго Бога, воздвигаются х́рамы, совершаются обряды... На образа боговъ они взираютъ не только какъ на средство возвысить умъ до уразумѣнія этихъ предполагаемыхъ существъ; образа суть сами по себѣ предметы почитанія; ибо всякій индусъ, купившій на базарѣ идола, или создавшій его своими руками, или заставившій подъ своимъ наблюденіемъ содѣлать таковой, не уклоняется отъ обычая совершать обряды, называемые *Prānpratishtha*, или „дарованіе дыханія“; черезъ эти обряды, онъ вѣруеть, природа идола становится отличною отъ матеріала, изъ котораго онъ былъ созданъ; идолъ не только оживаетъ, но и начинаетъ обладать сверхъестественными силами. Черезъ короткое время послѣ того, если идолъ мужского пола, его женятъ на идолѣ женскаго пола, съ торжественностью и великолѣпіемъ не меньшими, чѣмъ при празднованіи брака собственныхъ дѣтей, Таинственный процессъ этимъ заканчивается; богъ и богиня начинаютъ считаться полновластными заправителями судебъ и постоянно пользуются пламеннымъ обожаніемъ. Въ то же самое время поклонникъ образовъ приписываетъ имъ заодно природы человѣка и сверхъестественныхъ существъ. Заботясь о ихъ предполагаемыхъ потребностяхъ, какъ живыхъ существъ, каждое утро и вечеръ, онъ видимо кормитъ или предполагаетъ, что кормитъ ихъ; какъ въ жаркое время онъ заботливо опахиваетъ ихъ, такъ въ холодное, одинаково внимательный къ ихъ удобствамъ, днемъ прикрываетъ идола теплыми одѣянiями, а на ночь кладетъ въ уютную кровать. Суевѣріе еще не здѣсь находитъ свой предѣлъ: о дѣйствiяхъ, рѣчахъ идоловъ, о принятiи ими различныхъ формъ и цвѣтовъ важно рассказываютъ брахманы, обольщенные же поклонники, крѣпко, со всѣми знаками почтенiя, вѣрують въ это (*ibid.*, стр. 8). „Много ученыхъ брахмановъ вполне со-

знають безразсудство идолопоклонства и очень хорошо знают природу болѣе чистаго богопочитанія. Но такъ какъ въ обрядахъ, церемоніяхъ и празднествахъ они обрѣтають источникъ своихъ удобствъ и богатства, то не только не упускають случая защищать идолопоклонство отъ нападокъ, но и поддерживаютъ и распространяють его всѣми силами, скрывая отъ остального народа знаніе писанія“ (ibid., стр. 6).

Изданія Рамъ-маханъ-роя, не смотря на свою малую притязательность, производили сильное впечатлѣніе и сразу вызвали сильную оппозицію, подъ знамя которой соединились всѣ доселѣ разъединенные члены индійскаго общества. Его не столько старались опровергать, сколько запугать; были даже покушенія на его жизнь. Родственники удалились отъ него; мать, плохо понимая его замыслы, ушла въ Пури, гдѣ и умерла, скорбя о пропавшей душѣ любимаго сына, который слылъ между индусами нигилистомъ (настика), человѣкомъ безбожнымъ, стремящимся къ разрушенію религіи и всего того, во что твердо должно вѣровать; а между тѣмъ онъ не отказывался отъ брахманизма и не хотѣлъ его разрушенія,—онъ желалъ только, чтобъ его сограждане возвратились къ ихъ же родному, но болѣе древнему ученію. Не менѣе, едва ли не болѣе раздражены были противъ него мѣстные миссіонеры. Рамъ-маханъ-рой, не бывъ христіаниномъ, но зная еврейскій и греческій языки, прочелъ и Библию, и Евангеліе въ подлинникахъ. Какъ результатъ своихъ занятій Священнымъ Писаніемъ, онъ издалъ въ 1820 году: „The precepts of Jesus the Guide to Peace and Happiness“. Эта книга вызвала яростныя нападки со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ, хотя брахманъ и относился съ глубокимъ и полнымъ уваженіемъ къ практической сторонѣ христіанства, высоко чтить нравственное содержаніе Библии и не сомнѣвался, что Библия

есть одинъ изъ возвышеннѣйшихъ, чистѣйшихъ кодексовъ. И такихъ воззрѣній онъ держался до конца жизни.

У него были однакожь и послѣдователи, люди, раздѣлявшіе его воззрѣніе на религіозное состояніе Индіи. Изъ нихъ и образовалось въ 1828 году „Божье общество“. Это общество собиралось еженедѣльно по средамъ, вечеромъ. Тутъ читались и объяснялись древнія ведантическія (философскія) произведенія; произносились проповѣди на бенгальскомъ языкѣ. Происходили пренія по вопросамъ религіознымъ и нравственной философіи. Собранія были открыты для людей всѣхъ религій и всякій разъ заканчивались пѣніемъ гимновъ, сочиненныхъ самимъ Рамъ-маханъ-роемъ или его друзьями. Общество занималось также изданіемъ небольшихъ сочиненій по вопросамъ религіи и нравственной философіи; печатало древнія санскритскія философскія (ведантическія) произведенія. Дѣятельность общества хотя и оставалась въ этихъ узкихъ предѣлахъ, но возбуждала сильное негодованіе между индусами-старовѣрами; ихъ раздражало, что судры и млечхи т. е. варвары, или иностранцы слушаютъ слова святого писанія и вмѣстѣ съ брахманами призываютъ святое имя Брахмы и молятся ему. Непрїязнь старовѣровъ къ Рамъ-маханъ-рою усилилась еще болѣе, когда онъ высказался, что отъ чтенія Библии въ туземныхъ школахъ онъ ожидаетъ много добра для своихъ соотечественниковъ и не видитъ въ этомъ никакого зла.

Въ юные годы умъ его былъ пораженъ зломъ, проистекающимъ отъ слѣпой и слишкомъ большой вѣры; въ пору полной зрѣлости онъ видѣлъ, какъ въ Бенгаліи народилась партія юныхъ скептиковъ, отказавшихся отъ старой вѣры и не замѣнившихъ ее никакою новою; ихъ онъ чуждался болѣе, нежели самыхъ суевѣрныхъ старовѣровъ, считая принципы юной Бенгаліи пагубою для всякой нравственности. А въ его время этотъ скептицизмъ только-что нарождался. Съ тѣхъ

порь онъ значительно усилился, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ англійское воспитаніе сдѣлало по всей Индіи громадныя успѣхи. По всюду въ ней нерѣдко встрѣчаются люди, прошедшіе англійскую школу, начитавшіеся Дарвина, Бѣкла, Тиндаля, Фарадея и многихъ другихъ, изучавшіе учебники на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ христіанство называется или *самдхармъ* т. е. истиннымъ ученіемъ, или же *Попка жхутматъ*, папскимъ лжеученіемъ; они не вѣрятъ христіанскимъ миссіонерамъ, не хотятъ быть христіанами; смѣются надъ Кешабомъ (современнымъ верховникомъ брахмаистовъ) и слишкомъ далеко ушли впередъ отъ своихъ кандитовъ и гуру.

Эта странная раса бенгальскихъ и всякихъ другихъ *бабу*, прикрывающая риторическою фразеологіею бѣдность мысли разрастается съ каждымъ годомъ. Они не мыслятъ самостоятельно и, заучивая чужія мысли, думаютъ прикрыть этимъ свою незрѣлость. Юная Индія народилась въ странѣ благодаря заведеннымъ тамъ европейскимъ порядкамъ. Вліяніе Европы на Индію было двоякое: промышленное и научное. Англія заботилась и заботится въ Индіи объ одномъ, — построить прочную политическую систему; подъ защитою такой политической системы, по мнѣнію англійскихъ правителей, всѣ соціальныя отношенія могутъ безопасно развиваться. Они забываютъ только, что всѣ азіятскія общества до сихъ поръ всегда сплачивались религіею; только соединенные этимъ цементомъ, они находили свой покой. Но преслѣдуя разъ намѣченную цѣль, Англія оказываетъ свое вліяніе на Индію только въ промышленномъ и въ научномъ отношеніи. Она эмансипируетъ индійца, и не задаетъ себѣ вопроса, о томъ, что предприметъ этотъ индійскій умъ, вполне освободившійся отъ всякихъ стѣснительныхъ узъ?

Задавалъ-ли себѣ этотъ вопросъ Рамъ-маханъ-рой — неизвѣстно; онъ былъ далекъ отъ юной Бенгаліи, которая въ

настоящее время едва-ли не сильнѣе самихъ брахмаистовъ.

Десять лѣтъ по смерти Рамъ-маханъ-роя „Божье общество“ пережило, не дѣлая никакихъ успѣховъ; это было самое глухое время его жизни; оно поддерживалось на пожертвованія друзей покойнаго учителя, но въ его средѣ не было животворящей силы, и казалось, ему суждено умереть раннею смертию. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока во главѣ общества не стали новые способные дѣятели. Изъ нихъ особенно выдаются двое и оба они—Дебендра-Натхъ-Тагоръ и Кешабъ-Чандеръ-Сенъ—до сихъ поръ живы.

Дебендра-Натхъ-Тагоръ родился въ 1818 году и принадлежитъ къ кастѣ Пирали Брахмановъ *). Отецъ его Дварканатхъ - Тагоръ былъ извѣстенъ въ индійскомъ обществѣ и торговомъ мѣрѣ подъ именемъ восточнаго Креза. Молодой Дебендра воспитывался среди великой роскоши. О юныхъ годахъ своей жизни и своемъ обращеніи онъ самъ повѣствуетъ въ одной проповѣди; она начинается такъ: „Если въ этомъ храмѣ Бога есть кто-либо, жаждущій праведности и истинной мудрости, если здѣсь есть кто-либо искренно и ревностно ищущій спасенія, тому я говорю: прими спасительныя истины „божія закона“ (брахма Дхарма)..... Я проповѣдую не сухую доктрину, выбранную изъ книгъ, а живую истину, выработанную среди торжественной дѣйствительности моего собственнаго опыта. Я объявляю то, что глубоко чувствую, а не то только, что я знаю. Для меня это—искреннее убѣжденіе, а не холодный, безжизненный богословскій догматъ; для меня это—верховная истина всей моей духовной жизни, а не логическій выводъ изъ моихъ умственныхъ иска-

*) Объ этой кастѣ см. Memoir of Dwarkanath Tagore. Calcutta. 1870, стр. 3. Одинъ изъ предковъ фамиліи женился на царевнѣ изъ касты судра. Отъ этого брака и произошла новая каста.

ній. Изъ внутреннѣйшей глубины сердца я говорю: если вы ищете спасенія, идите и пріймите чистую вѣру „божія закона“. Софизмы не могутъ потрясти, антагонизмъ міра не можетъ уничтожить этой драгоцѣнной тайны моей жизни..... .
Вся моя исторія представляетъ поразительное свидѣтельство о спасительномъ дѣйстви чистоты вѣры. Рожденный отъ богатыхъ родителей, воспитанный въ домѣ, полномъ всякаго избытка, среди царственной роскоши, пышности и великолѣпія, я выросъ безъ всякой мысли о Богѣ. Свѣтъ обильно изливалъ на меня свои почести и блага. Когда я искалъ удовольствія, неизчислимые наперсники стремились на мою службу; если меня смущало желаніе, на его удовлетвореніе текли деньги, какъ непрерывный морской приливъ; когда я жаждалъ роскоши, тысячи средствъ и способовъ, подчиненныхъ царственному имуществу или изыскиваемыхъ силою, мгновенно являлись къ моимъ услугамъ. Рѣдко я видывалъ препятствіе между желаніемъ и пользованіемъ. Мнѣ нужно было только издать приказъ, выразить желаніе—и являлось немедленное удовлетвореніе. Изобиліе и покой принесли съ собою искушенія, и мое слабое сердце стало ихъ добычей. Я заботился только о наслажденіи настоящими мгновеніями и мало думалъ о томъ, что будетъ за тѣмъ. Свѣтъ очаровалъ меня своими прелестями, и я служилъ ему какъ рабъ. Я предался чувственности и не внималъ святымъ внутреннимъ увѣщаніямъ. Я отрѣшилъ совѣсть отъ ея высокаго служенія и на ея мѣсто возвелъ свою причудливую волю. Въ лихорадочномъ возбужденіи моего свѣтлаго поприща я распутно и несдержанно презиралъ религію, нравственность и не внималъ имъ. Опьяненный удовольствіями плоти, не внимая духовнымъ потребностямъ, мертвъ для совѣсти и Бога,—такъ я прожилъ пять лѣтъ, съ шестнадцатаго года по

двадцатый. И было угодно Господу открыть мнѣ свою любящую доброту чудеснымъ и неизъяснимымъ образомъ. Совершенно случайно было вмѣшательство Промысла въ спасеніе моей души, и вполне не приготовленъ былъ я къ этой благовременной помощи. Однажды, въ пору семейнаго бѣдствія, когда я, изнемогая и сѣтуя, лежалъ въ уединеніи, Господь Славы открылъ Самого Себя въ моемъ сердцѣ; такъ всѣцѣло очаровалъ Онъ меня и смягчилъ мое сердце и душу, что нѣкоторое время я продолжалъ быть восхищеннымъ — погруженнымъ въ потокъ небеснаго сіянія. Міръ внѣшній и міръ внутренній, казалось, оба купались въ сладостномъ и ясномъ потокѣ небеснаго блеска... Долго я пребывалъ въ этомъ блаженномъ экстазѣ, широко упиваясь сладостью божественнаго общенія; ни временныя заботы, ни безпокойства не осмѣливались прервать этого сладкаго блаженства. Но радость была проходящая. Воспарившее сердце и переполненная душа постепенно осѣдали. И еще разъ я очутился въ моемъ уединенномъ и печальномъ положеніи; блуждающими взорами взглянулъ я на пасмурный міръ кругомъ... Такъ началась въ моей душѣ великая борьба ради прогресса... Дни, недѣли, мѣсяцы, годы проходили, — моя душа продолжала быть сценою непрерывной борьбы между страстями и совѣстью, между мракомъ и свѣтомъ, между міромъ и Богомъ... Съ Его святою помощью я вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и испытанія, преодолѣлъ искушенія, осаждавшія мой путь, очистилъ душу отъ неправды, накопившейся за прошлую жизнь... Божій законъ (Брахма Дхарма), какъ добрая мать, наполнилъ мой умъ спасительными истинами, мое сердце любовью къ Богу, и помогъ мнѣ исполнять многообразныя жизненныя обязанности... Я повторяю поэтому вразумительно, поддерживаемый поразительнымъ свидѣтельствомъ собственнаго опыта:

да прийметъ тотъ, кто ищетъ спасенія, истинную и спасительную вѣру Божія закона“ *).

Къ „божьему обществу“, нынѣ называемому Брахма самажъ, Д. Н. Тагоръ присоединился только въ 1842 году. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно въ октябрѣ 1839 года, онъ учредилъ „общество для познанія истины (Tattvabodhini sabhâ)“. Цѣль этого общества была такова: поддержать дѣятельность умершаго Рамъ-маханъ-роя, то-есть, стараться о постепенномъ распространеніи между туземцами монотеистическаго богопочитанія, предписываемаго первоначальными индійскими писаніями. Общество собиралось еженедѣльно въ домѣ Дебендра-Натха; при этомъ произносились проповѣди: сверхъ того, были и мѣсячныя собранія, на которыхъ, кромѣ произнесенія молитвъ, читались и объяснялись Упанишады. При обществѣ учреждена была школа; она просуществовала нѣсколько лѣтъ и была закрыта за недостаткомъ средствъ на ея содержаніе. Въ 1843 году общество соединилось съ прежде основаннымъ „божьимъ обществомъ“; мѣсячныя собранія обоихъ обществъ происходили одновременно и въ одномъ мѣстѣ; но „общество для познанія истины“ продолжало отдѣльно свою издательскую дѣятельность: издавало ежемѣсячный журналъ („Tattvabodhini Pattrikâ“), печатало Упанишады и новыя изданія сочиненій Рамъ-маханъ-роя. Въ обоихъ обществахъ не было пока опредѣленной организаціи члены занимались ведантическою философіей и ничѣмъ не отличались, какъ отдѣльная, самостоятельная секта. Необходимость выяснить и формулировать то, что составляло особенность общества, какъ секты, чувствовалась всѣми членами, и Д. Н. Тагоръ взялся написать и дѣйствительно приготвилъ „брахманическій завѣтъ“; онъ состоитъ изъ нѣсколь-

*) *The Theistic Annual*, january, 1872.

нихъ заповѣдей, предписывающихъ отказаться отъ идолопоклонства, чтить единого Бога и жить добродѣтельно. Въ декабрѣ 1843 г. Дебендра-Натхъ-Тагоръ и двадцать его друзей торжественно исповѣдали свою вѣру, согласно съ этимъ завѣтомъ; они и образовали ядро брахмаической общины; въ 1847 году число принявшихъ завѣтъ возросло уже до 707.

Вскорѣ послѣдовало другое важное измѣненіе въ молодомъ обществѣ; брахмаисты и ранѣ ихъ Рамъ-маханъ-рой постоянно толковали о Ведахъ, какъ о непогрѣшимомъ словѣ Бога. Неизвѣстно, на сколько Рамъ-маханъ-рой зналъ Веды; относительно же новыхъ членовъ общества не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они не только не читали Ведъ, но даже не видѣли полного ихъ собранія, такъ какъ такового не имѣлось въ то время въ Калькуттѣ. Въ 1845 году общество отправило четырехъ пандитовъ въ Бенаресъ; имъ предписано было списать четыре Веды и изучить ихъ. Пандиты выполнили это порученіе добросовѣстно и привезли въ Калькутту всѣ четыре Веды вполнѣ; немного нужно было брахмаистамъ читать, чтобъ убѣдиться, что ихъ ученіе прямо противоположно тому, что содержится въ Ведахъ; но общество отказалось отъ ведъ не вдругъ и не безъ внутренней борьбы; многіе члены и послѣ знакомства съ Ведами утверждали, что онѣ—непогрѣшимое слово Божье; но наконецъ истина взяла верхъ: на мѣсто Ведъ общество признало четыре основныхъ члена теистической вѣры (brahmadharmabijam). Всякій вступающій въ это общество долженъ былъ принять ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ октябрѣ 1850 г.) Дебендра-Натхъ-Тагоръ издалъ Брахма Дхарма, то есть, Божій законъ; эту книгу калькуттское „Божье общество“ считаетъ полнымъ изложеніемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется ихъ вѣра; она состоитъ, кромѣ четырехъ правилъ завѣта, еще

изъ изреченій, тщательно избранныхъ въ Упанишадахъ и въ другихъ позднѣйшихъ санскритскихъ сочиненіяхъ. Въ 1859 г. „общество для познанія истины“ прекратило свое существованіе; все его имущество—библіотека, типографія, журналъ, было передано въ „Божье общество“.

Другой изъ выдающихся современныхъ дѣятелей той же секты, Кешабъ-Чандеръ-Сенъ родился въ 1838 г. и принадлежалъ къ кастѣ Вайды, врачей. Его дѣдъ, говорятъ, былъ въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ оріенталистомъ Вильсономъ, но при этомъ оставался строгимъ Вишнуитомъ, и такова же была вся семья, въ которой родился К. Ч. Сенъ. Дома онъ росъ среди правовѣрныхъ индусскихъ идей и въ душевной атмосферѣ обрядовъ, переполняющихъ, какъ извѣстно, всю жизнь старовѣра-индуса. Затѣмъ онъ попалъ въ калькуттскую Presidency College, гдѣ подъ вліяніемъ англійской литературы и наукъ отрѣшился отъ стараго, научился отрицать складъ родной жизни и не вынесъ никакихъ положительныхъ убѣжденій. По его собственнымъ словамъ, такое настроеніе владѣло и тяготѣло надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не присталъ въ 1858 году, къ „Божьему обществу“.

Между тѣмъ „Божье общество“ сдѣлало значительные успѣхи; новые послѣдователи считались сотнями, въ различныхъ частяхъ Бенгаліи открыты были отдѣлы общества. Но во виѣшней жизни многіе члены мало отличались отъ своихъ соотечественниковъ-старовѣровъ; случалось не рѣдко, что лица, принявшія „завѣтъ“ и „четыре члена вѣры“, свершали, не смотря на то, всѣ религіозные обряды, предписываемые индусскимъ священнымъ законоположеніемъ. Это обстоятельство возмущало другихъ членовъ, державшихся болѣе крайнихъ мнѣній; молодые брахмаисты созывали собранія; на нихъ обсуждалось отступничество нѣкоторыхъ, что подавало

поводъ къ долгимъ и оживленнымъ спорамъ; искали средства положить конецъ этому, съ точки зрѣнія теистовъ, предосудительному образу дѣйствій; но консервативная часть общества брала верхъ, старалась примирить противоположныя требованія, и въ концѣ концовъ старый порядокъ удерживался. Такъ продолжалось до вступленія въ общество К. Ч. Сена; прогрессивная часть общества приобрѣла въ немъ смѣлаго и рѣшительнаго борца, человѣка способнаго безбоязненно проводить самыя крайнія новизны. Но въ началѣ онъ не принималъ на себя инициативы этихъ нововведеній. Отвѣтственность за первое рѣзкое нововведеніе пала на Дебендра-Натха-Тагора; въ іюлѣ 1861 года онъ выдалъ дочь замужъ, и бракъ свершался безъ индусскихъ обрядовъ, по новому ритуалу, сочиненному брахмаитами; передъ тѣмъ Дебендра-Натхъ-Тагоръ удалилъ изъ своего дома всѣ идола и снялъ съ себя „уајпоравити“, жертвенный снурокъ, внѣшнее священное отличіе брахмана. Для обрядовъ при рожденіи и смерти былъ изданъ также новый ритуалъ. Завелась новая воскресная школа (1859—1862 гг.), въ которой преподавалась теологія и этика новой секты; Д. Н. Тагоръ читалъ на бенгальскомъ языкѣ, К. Ч. Сенъ по-англійски. Около этого времени К. Ч. Сенъ издалъ рядъ брошюръ на англійскомъ языкѣ; въ нихъ излагалось ученіе новой секты примѣнительно къ пониманію юнаго возраста, а въ 1862 г. онъ же устроилъ Calcutta-College для воспитанниковъ младшаго возраста; школа эта просуществовала до 1868 года.

Въ 1862 году К. Ч. Сенъ былъ сдѣланъ „учителемъ„ (ачарья, то есть, священно-дѣйствующимъ, священникомъ); при этомъ въ домѣ у Дебендра-Натха-Тагора былъ обѣдъ, на который К. Ч. Сенъ явился вмѣстѣ съ женой. Въ глазахъ индусовъ такой поступокъ былъ выщимъ скандаломъ, ибо Д. Н. Тагоръ принадлежалъ по происхожденію къ брах-

манамъ отлученнымъ (Pigali) и, сверхъ того, самъ снялъ съ себя „жертвенный снурокъ“. Отъ К. Ч. Сена отвернулась вся его семья, и онъ былъ изгнанъ изъ дому. Примиреніе между ними состоялось впрочемъ скоро. К. Ч. Сенъ опасно заболѣлъ, и ему дозволено было вернуться въ родной домъ, гдѣ послѣ того онъ пользовался полною свободой дѣйствій. То, что случилось съ К. Ч. Сеномъ, до сихъ поръ повторяется съ новыми прозелитами его церкви. Внутри Индіи, народъ нетронутый европейской цивилизаціей, относится къ брахманамъ очень враждебно. Весьма часто они принуждены тайкомъ собираться вмѣстѣ и украдкою молиться. Пойманые за этимъ дѣломъ старовѣрами, юные брахмаисты зачастую поголовно отлучаются отъ касты, изгоняются изъ отчужаго дома, иногда даже гдѣ нибудь въ глуши селяне не прочь и побить индійскихъ реформаторовъ. Когда у К. Ч. Сена родился первый ребенокъ, *jat-karma*, обряды при рожденіи свершались по ритуалу брахманическому.

Около пяти лѣтъ Д. Н. Тагоръ и К. Ч. Сенъ дѣйствовали дружно на одномъ и томъ же поприщѣ; но мало по малу между ними сталъ сказываться разладъ вслѣдствіе неодинаковости взглядовъ на нѣкоторые частные вопросы; рядомъ взаимныхъ уступокъ они сумѣли протянуть совместную дѣятельность до 1864 г. Въ этомъ году несходство возрѣвнѣе повело къ полному разрыву между двумя главными дѣятелями, и, какъ слѣдствіе этого, явился расколъ въ самой сектѣ. Главнѣйшимъ поводомъ къ разногласіямъ были два обстоятельства, случившіяся около этого времени: Д. Н. Тагоръ, снявшій самъ „жертвенный снурокъ“, допускалъ однакожъ священнодѣйствовать въ „Божьемъ обществѣ“ такихъ лицъ, которыя упорно держались за это внѣшнее отличіе высшей касты въ Индіи; многіе не отказывались отъ „жертвеннаго снурка“ не вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій,

а потому, что усматривали въ этомъ внѣшнемъ признакѣ нѣкоторое общественное отличіе; для многихъ, особенно же для невѣрующихъ „жертвенный снурокъ“ имѣлъ значеніе и цѣнность, одинаковую съ нашею дворянскою короною, выставлемою на визитныхъ карточкахъ; носившій снурокъ принадлежалъ необходимо къ одной изъ высшихъ кастъ и не отказывался отъ него вслѣдствіе мелочного тщеславія, а не потому, чтобъ еще колебался въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ. К. Ч. Сенъ относился къ „жертвенному снурку“ со всею строгостью и нетерпимостью неудержимаго прогрессиста; онъ считалъ его позорнымъ остаткомъ индусской исключительности и требовалъ отъ всѣхъ немедленнаго и обязательнаго снятія его. Жертвенный снурокъ въ глазахъ индійца—такая святыня, до которой коснуться не всегда безопасно. Вѣрующій индусъ рѣшится скорѣе умереть, нежели лишиться этого снурка. Въ Борелли по поводу этой святыни разгорѣлся года три тому назадъ цѣлый бунтъ въ тюрьмѣ.

Какой-то ревностный смотритель изъ англичанъ, желая сравнять между собою всѣхъ заключенныхъ, приказалъ съ нихъ снять жертвенныя снурки. Они поднялись всѣ, даже тѣ, у кого никакого снурка не было; потребовалась военная сила для усмиренія взбунтовавшихся. Англичанинъ же былъ отставленъ отъ своей должности.

К. Ч. Сенъ зналъ очень хорошо значеніе жертвеннаго снурка въ глазахъ всѣхъ индусовъ и тѣмъ не менѣе, не побоялся сдѣлать этотъ вызовъ старому обществу. Другой вопросъ, по которому главы секты не сходились во мнѣніяхъ, былъ еще болѣе важенъ: въ октябрѣ 1864 года К. Ч. Сенъ повѣнчалъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ; черезъ допущеніе браковъ между всѣми кастами безъ различія онъ думалъ достигнуть постепеннаго уничтоженія кастъ, Д. Н. Тагоръ считалъ такой шагъ преждевременнымъ, опаснымъ, ибо

браки между разными кастами хотя и случались въ Индіи встарь, но никогда не были въ обычаяхъ страны. Юная прогрессивная партія добивалась для Индіи радикальнѣйшей реформы. И они достигли своей цѣли черезъ нѣсколько лѣтъ. Правительство пришло къ ней на помощь. Для англичанъ Брахмаисты была такая же секта, какъ секта Куковъ чтителей коровъ; люди эти хотѣли особаго законнаго брака, не желали вѣнчаться по старымъ обрядамъ, и правительство въ концѣ концовъ нашло, что нѣтъ причины отказывать имъ въ ихъ желаніи. Ихъ браки были признаны законными, хотя бы они и не заключались по старо-индускимъ обрядамъ. Брахмаисты добились того, что бракъ между сикхомъ и бенгальскою уроженкою, между бомбейцемъ и жительницей Мадраса, между уроженцами разныхъ мѣстностей, принадлежащими къ различнымъ кастамъ, теперь могутъ заключаться совершенно законнымъ порядкомъ. Нельзя не видѣть въ этомъ не только шага къ уничтоженію кастъ, но и начала объединенія всей Индіи, хотя бы въ далекомъ будущемъ.

До сихъ поръ впрочемъ, несмотря на законъ 1872 (Native Marriage, act 1872 г.), браки по обряду брахмаистовъ заключаются рѣдко, такъ какъ социальная борьба не была прекращена закономъ. По статистическимъ даннымъ 1877 г. въ Бенгаліи въ 19 мѣсяцевъ такихъ браковъ свершено только 18; изъ нихъ 14 были заключены между членами различныхъ кастъ и кромѣ того четыре вдовы вступили во вторичный бракъ, что опять противно старо-индійскимъ обычаямъ.

Множество другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ вызвали безпрестанныя столкновения между Д. Н. Тагоромъ и его партіей съ одной стороны и К. Ч. Сенормъ и его приверженцами съ другой. Наконецъ, въ октябрѣ 1865 г. огромное число юныхъ брахмаистовъ покинуло калькуттское

„Божье общество“ и через годъ, въ ноябрѣ 1866 г., съ К. Ч. Сеномъ во главѣ они устроили новое общество, назвавъ его „Индійскимъ божьимъ обществомъ“. Съ этого года въ Индіи появилось два „божьихъ общества“: одно—подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Тагора называется „первымъ“ и отличается консервативнымъ характеромъ, другое общество, прогрессивное, носитъ названіе „индійскаго“ и не имѣетъ предсѣдателя; прогрессисты говорятъ, что Богъ есть глава ихъ Самажа; К. Ч. Сенъ, хотя и полномостный заправитель всѣхъ его дѣлъ, считается только секретаремъ общества, какъ бы намѣстникомъ Бога. Раздоры между двумя партіями не прекратились съ образованіемъ новаго общества; годы не изгладили различій между ними и повели еще къ большому разъединенію.

5.

Противъ старѣйшаго „божьаго общества“ партія прогрессистовъ выставляетъ цѣлый рядъ обвиненій; она обвиняетъ консерваторовъ: 1) въ сухомъ раціонализмѣ, 2) въ національной исключительности, 3) въ удержаніи древне-индійскихъ формъ проповѣди, 4) во враждебномъ отношеніи ко всякимъ реформамъ общественнымъ, 5) въ желаніи удержать систему кастъ. Обвиненія эти высказывались путемъ печати, что и дало возможность обвиняемому, отвѣчая на нападенія, выяснить основные мотивы и отличительный характеръ своей дѣятельности. Разъясненія эти весьма любопытны, такъ какъ даны лучшими представителями либеральной Индіи, людьми, пользующимися глубокимъ уваженіемъ даже въ средѣ, не раздѣляющей ихъ мнѣній. Брахмаизмъ, по убѣжденію старѣйшаго „божьаго общества“, есть міровая религія; она не принадлежитъ исключительно какому-нибудь времени, избранному народу, сектѣ или личности; она не

есть исключительное достояніе народовъ древнихъ или новыхъ, индійцевъ или млечховъ (варваровъ), Вьясы или Христа, Зороастра или Конфуція; истины этой религіи находят-ся въ писаніяхъ всѣхъ народовъ, въ сочиненіяхъ благочестивыхъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ странъ; но, будучи міровою религіей, брахмаизмъ не можетъ пока имѣть міровой формы; въ каждой странѣ онъ долженъ имѣть національную форму; пусть каждый народъ развиваетъ свободно дарованія, данныя ему отъ Бога. Наша ѣда, одежда, жизнь національны; мы чувствуемъ и мыслимъ национально. Какъ невозможно человѣку измѣнить цвѣтъ своего лица, также трудно ему чувствовать и думать не национально. Умъ, лишенный національной окраски, можетъ сдѣлаться тако́вымъ только послѣ предварительной сильной испорченности и есть уродство природы. Религіозныя мысли человѣка естественно должны принимать національныя оттѣнки. Согласно съ этими воззрѣніями, сторонники Дебендра Натха-Тагора, для проповѣди теизма между индійцами усвоили индійскій образъ дѣйствія. Съ этою цѣлью они: 1) приняли книгу избранныхъ текстовъ изъ своихъ састръ; 2) удержали на столько изъ древне-индійскаго ритуала, на сколько это не противорѣчило ихъ религіознымъ убѣжденіямъ; 3) употребляютъ при богослуженіи санскритскій языкъ. Ихъ цѣль дѣйствовать въ родномъ обществѣ, обращать Индійцевъ, главнымъ образомъ тѣхъ, которые не получили европейскаго образованія; щадя національныя чувства этого слоя общества и въ интересахъ самого дѣла, они должны были дѣлать уступки; они отказались отъ индусскаго идолопоклонства, но не хотятъ порвать связь съ Индусами; ихъ цѣль—быть теистами, оставаясь въ то же время Индусами, быть народными въ своихъ міровыхъ замыслахъ. Они заботятся главнымъ образомъ объ Индійцахъ, остаются въ своихъ дѣйствіяхъ Индійцами, потому что считаютъ такой

путь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ къ своей цѣли: для успѣха проповѣди среди чужого народа, нужно хорошо знать его духовныя потребности и особенности, безъ этого невозможно ожидать успѣха дѣлу. Практическая необходимость заставляетъ ихъ быть проповѣдниками единственно для своего народа. Не смотря на обвиненіе въ недостаткѣ сочувствія и даже во враждебномъ отношеніи къ социальнымъ реформамъ, консерваторы заявляютъ, что цѣль ихъ общества — стараться объ уничтоженіи идолопоклонства и распространять нравственныя идеи; эта главная цѣль не мѣшаетъ и не мѣшала никогда отдѣльнымъ членамъ принимать живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ во всѣхъ реформахъ. Они не отрицаютъ, что удерживаютъ касты, признаютъ ихъ необходимость какъ общественнаго учрежденія и не хотятъ нарушать его, дабы не оторваться окончательно отъ національной почвы. Словомъ, старѣйшее „божье общество“ остается индійскимъ и хочетъ быть таковымъ; прогрессивное же „индійское божье общество“ состоитъ исключительно изъ членовъ, понимающихъ свою задачу гораздо шире; для ихъ дѣятельности мало Индіи, они обращаются ко всему міру, проповѣдуютъ и пишутъ главнымъ образомъ по-англійски, посылаютъ даже миссіонеровъ въ Европу; свой символъ вѣры они издали на англійскомъ языкѣ. Вотъ достословный переводъ его:

Богъ. Богъ есть первая причина вселенной. Собственною волей и творческою силой Онъ создалъ изъ ничего всѣ предметы и всѣ живыя существа и поддерживаетъ ихъ въ первоначальной силѣ и жизни. Онъ—духъ, а не матерія. Онъ—совершенень, безконечень и вѣченъ. Онъ—вездѣсущъ, всемогущъ, всевѣдущъ, всемилосердъ, всеблаженъ и святъ. Онъ—нашъ отецъ, хранитель, Владыка, Царь и Спаситель. Онъ—единъ и не имѣетъ себѣ подобнаго.

Безсмертіе. Душа безсмертна. Смерть есть только разло-

женіе тѣла; душа живетъ вѣчно въ Богѣ. По смерти нѣтъ новаго рожденія; будущая жизнь есть только продолженіе и развитіе настоящей жизни. Каждая душа отходитъ изъ этого міра съ своими добродѣтелями и пороками и постепенно преуспѣваетъ на пути вѣчнаго совершенствованія.

Писаніе. Истинныхъ писаній, начертанныхъ рукою Бога, два: книга природы и естественныя идеи, вкорененныя въ разумъ. Мудрость, сила и милосердіе Творца начертаны золотыми буквами во вселенной. Изучая Его дѣла, ты познаешь Его. Всѣ основныя истины о Богѣ, безсмертіи и нравственности утверждены въ природѣ человѣка, какъ первичныя и очевидныя убѣжденія. Созерцательная вѣра есть корень „божьяго закона“ (Брахма Дхармы).

Почитаніе. Почитаніе духовно; оно не имѣетъ внѣшнихъ обрядовъ. Любовь, вѣра, смиреніе и самообладаніе суть необходимые составы почитанія. Почитаніе состоитъ изъ четырехъ элементовъ: *обожаніе* великаго и святаго Бога, созерцаніе Верховнаго Духа въ сокровенной душѣ, *благодареніе* милосердаго Отца за блага, полученныя, и *молитвы* къ Спасителю объ освобожденіи отъ грѣха. Ежедневнымъ почитаніемъ мы входимъ въ общеніе съ Богомъ.

Пророки. Самъ Богъ никогда не дѣлается человѣкомъ, облакался въ человѣческую плоть. Его божественность обитаетъ въ каждомъ человѣкѣ и выказывается болѣе ярко въ нѣкоторыхъ: Моисей, Иисусъ, Магометъ, Нанакъ, Чайтанья и другіе являлись въ опредѣленныя времена и даровали великія блага вѣрующему міру. Они поэтому имѣютъ право на міровую благодарность и любовь. Они не были безусловно святы и не были непогрѣшимаы, но были людьми одаренными.

Путь ко спасенію. Почитаніе есть главное средство къ достиженію спасенія; другія же средства также должны быть употребляемы — хорошее общество, хорошія книги, изученіе

природы, созерцаніе Бога въ уединеніи, подчиненіе страстей, раскаяніе во грѣхахъ. Для спасенія необходимы стараніе человѣка достигъ святости, согласно съ вышеозначенными средствами, и вліяніе Божьей благодати.

Отношеніе къ другимъ вѣрамъ. Брахма Дхарма отличенъ отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ системъ, но есть сущность всѣхъ. Онъ не вполне враждебенъ другимъ вѣрамъ. Онъ принимаетъ все, что есть истиннаго въ нихъ, и только отвергаетъ ошибки каждой. Онъ основанъ на природѣ человѣка, а потому—древенъ, вѣченъ и всеміренъ. Онъ не есть расколъ и не ограниченъ временемъ и мѣстомъ. Люди всѣхъ странъ и расъ, вѣрующіе въ эту естественную религію, суть брахмаисты, или теисты.

Каста. Все человѣчество принадлежитъ къ одной кастѣ и всѣ одинаково имѣютъ право принимать (Брахма Дхарма) „божій законъ“; онъ не признаетъ различій между брахманами и судрами, между индійцами и яванами (то есть европейцами). Кто вѣруетъ въ эту религію, тотъ можетъ быть допущенъ въ „божье общество“. Богъ не пріемлетъ или не отвергаетъ людей извѣстныхъ кастъ. Кто вѣруетъ и справедливъ, того Онъ пріемлетъ. Цѣль брахмаической религіи—уничтожить вражду и неприязнь между кастами и соединить человѣчество въ единую семью.

Обязанности. Обязанности брахмаиста четырехъ родовъ: 1) Обязанности къ Богу: вѣровать, любить, почитать и служить единому и истинному Богу. 2) Обязанности къ себѣ: сохранять тѣлесное здоровье, пріобрѣтать знаніе и святить душу. 3) Обязанности къ другимъ: истинность, исполненіе обѣщаній, справедливость, благодарность, любовь къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣтямъ, роднымъ, и увеличеніе благосостоянія всего человѣчества. 4) Обязанности къ жи-

вотнымъ: доброта къ птицамъ, животнымъ и всѣмъ низшимъ тварямъ.

Искуплёніе. Всякій грѣшникъ долженъ выстрадать слѣдствія своихъ собственныхъ грѣховъ, рано или поздно, въ здѣшнемъ мірѣ или томъ; ибо нравственный законъ неизмѣненъ, и Божья справедливость не отмѣняема. Но Его милосердіе должно имѣть также свои пути. Какъ справедливый царь, Онъ посѣщаетъ душу сообразными муками, и когда грѣшникъ, будучи такъ наказанъ, послѣ того слезно молится, Онъ, какъ милосердый отецъ, освобождаетъ и пріемлетъ его: раскаявшееся чадо такимъ образомъ примиряется съ Нимъ. Такое примиреніе есть единственное искреннее искупленіе.

Спасеніе. Истинное спасеніе есть освобожденіе души не только отъ всѣхъ грѣшныхъ желаній и дѣлъ, но также отъ самаго корня порчи, и ея постоянное преуспѣваніе въ чистотѣ. Такой ростъ продолжается чрезъ всю вѣчность, и душа становится все болѣе и болѣе божественною и счастливою въ томъ, кто есть источникъ безконечной святости и радости. Сообщество съ Богомъ есть небо брахмаиста. (*The Theist's Creed. Calcutta. 1874.*)

Прогрессисты, выйдя изъ первоначальнаго „божья общества“, не знали, что начинать. „Словами нельзя описать уныніе и упадокъ духа, послѣдовавшіе за этимъ въ періодъ 1865 и 1866 годовъ. Но окончательный результатъ былъ по милости Божьей полонъ мира и радости. По основаніи въ 1866 году индійскаго „божьяго общества“, между прогрессивными брахмаистами явился необыкновенный приливъ набожности, и онъ измѣнилъ навсегда ихъ характеръ и опредѣлилъ будущее ихъ учрежденіе“ (см. *The Theistic Annual for 1874*, стр. 42). Эта набожность, напавшая на прогрессистовъ, вызвала рядъ нововведеній: все, связывавшее ихъ внѣшнимъ образомъ со старымъ обществомъ, или было совершенно

оставлено, или сильно измѣнено. У нихъ явились новыя молитвы; отъ писанія „Брахма Дхарма“ они отказались и издали свою книгу по-англійски: „A Compilation of Theistic Texts from the Hindu, Jewish, Christian, Mahometan and Parsee Scriptures“; вмѣсто принятія четырехъ членовъ брахмаической вѣры, они требовали отъ нововступавшихъ въ ихъ общество произнесенія такой формулы: „Сегодня я (имя рекъ), имѣя полную вѣру въ основные принципы божьяго закона (Брахма Дхарма), становлюсь членомъ индійскаго Божья общества. Да поможетъ мнѣ Милосердый Богъ!“ Они завели у себя особый праздникъ подъ названіемъ Брахмотсабъ (ликованіе Господа), ходили въ этотъ день торжественными процессіями, съ пѣніемъ гимновъ, по улицамъ; выстроили особый храмъ, гдѣ совершалось богослуженіе, весьма сходное съ унитаріанскимъ. И всѣ эти начинанія предпринимались и приводились въ исполненіе по инициативѣ К. Ч. Сена. Онъ былъ офиціально только секретаремъ общества, но на дѣлѣ маленькимъ непогрѣшимымъ палой. Его умъ, энергія, краснорѣчіе, совершенно выходящее изъ ряду, сдѣлали его полновластнымъ господиномъ общества; одно время члены общества, входя къ нему, падали ницъ къ его стопамъ; изъ Кешаба могло образоваться въ Индіи новое божество. Но враги узнали какъ-то о восточномъ почитаніи секретаря общества, и въ обществѣ, въ газетахъ заговорили о новомъ *культѣ Кешаба*; эти толки во - время образумили поклонниковъ новаго бога. Во всѣхъ нововведеніяхъ, во всей суетливой дѣятельности новаго индійскаго Божья общества поражаетъ странное отсутствіе всякой оригинальности; они говорятъ, пишутъ по большей части на чужомъ языкѣ; въ ихъ книгахъ и проповѣдяхъ — чужія слова и чужія мысли. Лучшіе изъ членовъ сами это чувствуютъ и потому весьма часто берутся объяснять стороннимъ зрителямъ, въ чемъ

состоить отличительный характер ихъ „Божья общества“, чѣмъ оно отличается отъ христіанства съ одной стороны и отъ индуизма съ другой.

Выясняя свои отношенія къ двумъ противоположнымъ системамъ, индійскіе теисты откровенно признаютъ, что своимъ происхожденіемъ и всѣми идеями они обязаны христіанству и индуизму. Основатель „Божья общества“ сдѣлалъ великое дѣло; общество, учрежденное имъ, могло безконечно развиваться, и въ немъ заключалась вся будущность моральной, соціальной и религіозной страны. Но это общество, по мнѣнію членовъ, отдѣлившихся отъ него, сдѣлало сначала великую ошибку, считая себя ведантическимъ, а затѣмъ, когда сознало свою ошибку, вступило въ компромиссъ съ туземцами, приписывая себѣ такой характеръ, котораго не должно было имѣть. Оно утверждало, что все его ученіе основано на индусскомъ священномъ писаніи. Говорилось это съ цѣлью польстить народу и примирить его съ собою. Цѣль была прекрасна, но не таковы были средства: называть свою религію индуизмомъ не могли тѣ, кто проповѣдывалъ о братствѣ міровомъ. Эта идея существенно противорѣчитъ духу индусской религіи. Идея братства и равенства всего чловѣчества передъ Богомъ не находится въ индійскихъ книгахъ, ибо никогда не была признана Индійцами. Эта идея чуждая, западная, христіанская (см. *The Theistic Annual for 1873*, стр. 28). Такъ говорятъ прогрессисты, и, бросая камень въ старое индусское общество, они грѣшатъ противъ исторіи; утверждая западное происхожденіе идеи братства и равенства, они видимо игнорируютъ тѣхъ великихъ своихъ учителей, которые имъ предшествовали; затѣмъ перебирая всѣ свои основныя идеи, они приходятъ въ тому же выводу относительно большинства ихъ: мы взяли ихъ съ запада, отъ христіанъ;—и въ заключеніе ставится такой вопросъ: „Христіане ли мы? Нѣтъ,

мы не христіане. Если людей, не признающихъ божественность Христа, непогрѣшимость Библии, историческое откровеніе, чудеса, пророчества, таинства, можно называть христіанами, вы можете такъ называть насъ. Да, вы можете такъ называть насъ; но сомнительно, чтобы тѣ, кто придаетъ этому имени какое-нибудь значеніе, захотѣли бы раздѣлять его съ нами! Индусы ли мы? Да, въ смыслѣ народа и общества!“ (ibid. стр. 41). Брахмаисты гордятся называть себя Индусами до тѣхъ поръ, пока этимъ именемъ обозначается ихъ страна, ихъ предки или современные соотечественники. Но въ религіозномъ смыслѣ названіе Индусовъ не приложимо къ нимъ.

Коренные индійцы до сихъ поръ не примирились съ брахмаизмомъ и особенно недружелюбно относятся къ прогрессивному „Божьему обществу“. Индусъ въ разговорѣ о брахмаистахъ непремѣнно осмѣетъ прогрессистовъ; они для него странны своимъ рабскимъ подражаніемъ европейскимъ порядкамъ. К. Ч. Сентъ, не удавшійся богъ, разыгрываетъ теперь роль епископа; брахмаисты толкуютъ о своей церкви, чего на индійской почвѣ никогда доселѣ не было; рассылаютъ миссіонеровъ, даже Европѣ преподносятъ сознательно выкраденное изъ европейскихъ книгъ. Но это—смѣшная сторона ихъ дѣятельности, именно та, которую любятъ выставлять ихъ враги. Въ ихъ дѣятельности есть однакожь и другая, болѣе привлекательная сторона: они стараются о воспитаніи своихъ женщинъ, выхлопотали для себя новое законоположеніе о бракахъ, заводятъ школы. Брахма самажь въ Калькуттѣ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи двѣ женскія школы: 1) The Native Ladies Normal School. 2) The Bengal Ladies School. Таковая же школа есть въ Даккѣ The Dacca Female Adult School, гдѣ въ 1877 г. было 47 ученицъ.

Въ Барисалѣ въ 1871 г. по иниціативѣ брахмаистовъ открылась The Barisal Female Improvement Association; цѣль этого учрежденія также воспитательная, и оно дѣйствуетъ такимъ образомъ: въ началѣ каждаго года обнарудуется списокъ учебниковъ, время и предметы экзаменовъ. На эти экзамены могутъ являться женщины и дѣвушки: всѣхъ кастъ; неизвѣстно однакоже, много-ли пользуются этимъ правомъ. The V. F. I. Association поддерживается по подпискѣ и на правительственную субсидію въ 100 рупи или десять фунтовъ. Таковыя же ассоціаціи находятся и въ другихъ мѣстахъ Бенгаліи. Секта имѣетъ свою богословскую школу: *Brahmo Theological School* основана въ 1871. К. Ч. Сеномъ; здѣсь онъ читалъ лекціи о *сравнительномъ богословіи*. Въ школѣ изучались: Tulloch's Theism, Morell's Philosophy of Religion, Me Cosh's Intuitions, Кузена исторія философіи, Butler's Apologie, Новый завѣтъ и т. д. *Бхаратъ-Асрамъ* и *Брахмо-Никетанъ* есть два другихъ учрежденія прогрессивной партіи: первое есть домъ для совмѣстнаго жительства единовѣрцевъ обоихъ половъ ради нравственнаго и умственнаго совершенствованія; второй есть пристанище для бѣдныхъ учениковъ коллегій. Въ томъ и другомъ мѣстѣ Брахмаисты дѣятельно пропагандируютъ. О Бхаратъ-Асрамѣ въ Калькуттѣ одно время ходили очень не красивые слухи; оскорбленные Брахмаисты призывали даже нѣкоторыхъ журналистовъ къ суду.

Въ 1877 г. среди прогрессистовъ явилось новое учрежденіе General Representative Council of all the Brahmo Samajes in India. Каждый провинціальный *самажъ* посылаетъ въ это учрежденіе своихъ представителей. Цѣль и занятія этого учрежденія суть слѣдующія: 1) Собраніе статистическихъ данныхъ; 2) изданіе книгъ; 3) изготовленіе кадикса обрядовъ; 4) попечительство о недостаточныхъ единовѣрцахъ.

Прогрессивные проповѣдуютъ, что „Индусъ“ не есть обозначеніе человѣка по религіи, а слово можетъ быть понимаемо въ другомъ болѣе широкомъ смыслѣ брахмаисты. Секта эта однакоже немногочисленна, и точное число брахмаистовъ трудно узнать даже въ самой Индіи. Индусы говорятъ, что ихъ не болѣе 250 человѣкъ, сами же сектанты насчитываютъ сорокъ тысячъ и болѣе своихъ единомышленниковъ. Число всѣхъ самажей въ 1877 г. достигало 107; нѣкоторыя изъ провинціальныхъ общинъ очень незначительны, но онѣ разсѣяны по всей Индіи и въ послѣднее время бывали попытки проповѣди къ народу, къ сельскому населенію; неизвѣстно однакоже, какимъ успѣхомъ увѣнчались онѣ. Изъ отчетовъ, которые они печатаютъ ежегодно („*The Theistic Annual*“) видно, что „Божье общество“ Индіи не располагаетъ большими средствами; ихъ едва хватаетъ на скудное содержаніе миссіонерамъ и на изданіе небольшихъ трактатовъ. Общество имѣетъ однако же нѣсколько періодическихъ изданій на англійскомъ и на туземныхъ нарѣчійхъ: большинство этихъ изданій очень мало распространено, а потому и очень не долговѣчно и не можетъ быть особенно вліятельно. Брахма-самажъ имѣетъ три газеты на англійскомъ языкѣ, пять на бенгальскомъ, двѣ на англійскомъ и бенгальскомъ, одну на Хинди и одну на Маратхи.

Въ одной изъ книжекъ брахмаическаго ежегодника (годъ 1874, стр. 66) одинъ изъ сектантовъ нарисовалъ нѣсколько различныхъ типовъ брахмаистовъ. „Есть“, говоритъ онъ, — одинъ классъ брахмаистовъ, не вѣрующій въ индуизмъ, но на практикѣ соблюдающій обряды и церемоніи, предписываемые этою религіей. Они поютъ и внимаютъ гимнамъ, распѣваемымъ въ „Божьемъ обществѣ“, но когда купаются, скороговоркою произносятъ санскритскіе стихи. Они едва знаютъ разницу между ведантизмомъ и брахмаизмомъ. Эти

люди суть немногочисленные остатки временъ Рамъ-махантроя; они рѣдко или никогда не присутствуютъ на богослуженіи въ „Божьемъ обществѣ“. Слѣдующій классъ брахмаистовъ сравнительно болѣе ученъ и не имѣетъ предрасудковъ относительно ѣды и питья; но они утверждаютъ, что брахмаизмъ есть индуизмъ, и восхищаются правовѣрными обычаями и нравами Индусовъ-идолопоклонниковъ. Они объявляютъ, что вѣрятъ въ систему касты, но втайнѣ нарушаютъ ее; они удаляются отъ такихъ реформъ, какъ бракъ вдовъ и пр. Ихъ цѣль—отожествить „Божье общество“ съ индусскимъ. Эти люди вѣрятъ, что идолопоклонство есть ступень къ брахмаизму. Они называютъ себя „брахмаистами Индусами и поддерживаютъ то, что они именуютъ „первое (Божье) общество“. Есть другіе брахмаисты, исполненные молитвъ и набожности; они не говорятъ, что брахмаизмъ есть индуизмъ; они желаютъ общественныхъ реформъ; но равнодушны и неспособны произвести какое либо измѣненіе въ этомъ направленіи; имъ недостаетъ храбрости на это; они только присутствуютъ на богослуженіяхъ „Божьяго общества“. Есть и еще брахмаисты,— нѣкоторые изъ нихъ молоды и воспитаны, они не присоединяются къ общественному богослуженію и, можетъ быть, присутствуютъ только на годичномъ; они не молятся дома, но всегда находятъ удовольствіе судить характеръ другихъ людей. Ихъ вѣра, возрѣнія, доктрины неопредѣленны. Они плывутъ по вѣтру господствующихъ мнѣній, и неизвѣстно, что они могутъ сказать или сдѣлать. Иногда ихъ энтузіазмъ доводитъ до обнаруженія своихъ мнѣній въ газетахъ; но они исчезаютъ, какъ скоро вопросъ касается духовнаго усовершенствованія или дѣйствительно практическаго дѣла. Они образуютъ классъ, который можетъ быть названъ классомъ брахмаческихъ рационалистовъ. Есть еще иной классъ лю-

дей, удаляющихся отъ всякаго общенія съ другими. Они высказываютъ, что ходить въ „Божье общество“ не нужно, Богу молиться можно также хорошо дома, ибо, говорятъ они религія есть предметъ внутренній, а не внѣшній. Нѣтъ необходимости выдавать міру то, что у кого въ сердцѣ. Ихъ едва ли слѣдуетъ называть брахмаистами, но ихъ можно отнести къ числу сочувствующихъ. Есть нѣкоторые весьма разумные и добропорядочные; эти люди усвоили себѣ предрасудительные обычаи Индусовъ и ложно объясняютъ причину, породившую эти обычаи. Они не боятся индусскаго общества, но не дѣйствуютъ вполне свободно, по своему убѣжденію. Они поддерживаютъ всякое общественное совершенствованіе и даже являются на полѣ дѣйствія, но практически не смѣшиваются и не отождествляютъ себя съ движеніемъ. Они не имѣютъ предрасудковъ относительно ѣды и питья. Главная цѣль ихъ жизни—удержать общественное положеніе, заслужить благосклонность правительства и большинства общества. Брахмаизмъ они считаютъ великою помощью для достиженія этихъ цѣлей. Возможно однакожъ утверждать, что они вполне неискренни и только показываютъ болѣе, нежели дѣйствительно имѣютъ. Есть нѣкоторые брахмаисты, весьма склонные производить общественныя реформы, и они вполне нравственные люди. Но они не видятъ никакой необходимости въ духовныхъ упражненіяхъ. Иногда они приходятъ въ „Божье общество“, иногда молятся дома, но они совершенно равнодушны къ преусибіянію благочестія и чистоты внутри души. Ихъ цѣль не спасеніе души, а упрочиваніе мірскаго счастья. Поэтому его именно они ищутъ и въ общественныхъ сношеніяхъ, и въ религіозныхъ упражненіяхъ. Есть наконецъ нѣкоторые истинныя брахмаисты; Богъ есть единственный путеводитель ихъ. Вся ихъ жизнь посвящена повиненію ему. Ихъ—идея, что мужчины и женщины обра-

зують святу ю семью для умственнаго, нравственнаго и духовнаго развитія; всѣ возможныя усилія они рѣшили употребить для достиженія этого. Религія для нихъ значитъ жизнь, цѣль которой достиженіе Бога. Они неравнодушны ни къ какому прогрессу и всякую истину преемлютъ. Но они считаютъ молитву и самоочищенія единственными средствами къ достиженію совершенствованія. Они живутъ, надѣются и трудятся для спасенія“.

6.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ дать нѣсколько образцовъ изъ священнаго писанія брахмаистовъ. Ихъ первая священная книга называется „Брахма Дхарма“; въ ней собраны изреченія изъ различныхъ древнихъ санскритскихъ писаній; книга раздѣляется на два отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ сто пятьдесятъ шесть изреченій, размѣщенныхъ въ шестнадцать чтеній; во второмъ отдѣлѣ—сто тридцать восемь изреченій и шестнадцать чтеній. Книга начинается съ изложенія четырехъ коренныхъ правилъ или четырехъ членовъ вѣры:

1. „Въ началѣ единъ Богъ былъ; ничто иное не существовало. Онъ сотворилъ все сіе.“

2. „Онъ вѣченъ, разуменъ, безконеченъ, благъ, всесвободенъ, безформенъ, единъ, не имѣетъ себѣ подобнаго, вездѣсущъ, правитъ надъ всѣмъ, убѣжище для всего, всевѣдущъ, всемогущъ, безусловенъ, всесовершенъ, несравненъ.“

3. „Чрезъ служеніе ему одному (получается) благо въ здѣшнемъ и въ томъ мірѣ.“

4. „Служеніе ему есть любовь къ нему и свершеніе дѣлъ, имъ возлюбленныхъ“.

Затѣмъ идетъ изложеніе „божьяго закона“:

Отдѣлъ первый. Чтеніе первое:

1. „Омъ! Брахмаисты говорятъ:

2. „Отъ кого эти существа рождаются, и родясь, къмъ живутъ, куда возвращаются, входятъ, того старайся познать: сей есть Богъ!

3. „Отъ всеблагого рождаются эти существа, и, родясь имъ живутъ. Къ всеблагому возвращаются, входятъ.

4. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится нигдѣ.

5. „Онъ есть утоленіе. Блаженъ, кто утоленіе пріялъ.

6. „Кто бы дышалъ, кто бы двигался, еслибы въ тебѣ не было всеблагого. Онъ дѣлаетъ всѣхъ счастливыми.

7. „Когда въ этомъ незримомъ, безтѣлесномъ, неописуемомъ, не поддерживаемомъ, кто обрѣтетъ неустрашимый устой, неустрашимъ тогда тотъ.

8. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится никогда.

9. „Онъ высшій путь для души, высшее счастье, высшій міръ, высшее благо. Всѣ существа живутъ этимъ благомъ.

Чтеніе второе. 10. „Сей міръ въ началѣ безусловно не существовалъ. Въ началѣ былъ сущій, прекрасный, единъ, безъ другого. Онъ великъ, не рожденъ, духъ, безъ старости и смерти, безсмертный, безъ страха.

11. „Онъ подвизался (то-есть, по толкованію, созерпалъ область творчества); и, свершивъ подвижничество, создалъ все сіе, что ни есть.

12. „Отъ него рождается дыханіе, разумъ и всѣ чувства, небо, вѣтры, свѣтъ, вода, земля, все содержащая

13. „Его страшась жжетъ огонь и солнце грѣтъ. Его страшась, индра, вѣтеръ и пятая смерть стремятся.

Чтеніе третье. 14. „Познать его грядетъ къ наставнику. Ему подошедшему, съ спокойною мыслью, успокоившемуся, мудрецъ вполнѣ выскажетъ то истинное божественное знаніе, чрезъ которое онъ самъ постигъ вѣчное совершенство.

15. „Не цѣнно знаніе ведъ, фонетики, ритуала, граматики, словаря. метрики, астрономіи. Высоко то знаніе, чрезъ которое постигается превѣчный.

16. „Того, кто невидимъ, неосязаемъ, безъ потомства, безъ цвѣта, безъ зрѣнія и слуха, безъ рукъ и ногъ, вѣчнаго, все проникающаго, вездѣсущаго, безформеннаго, не проходящаго, атомовъ начало созерцають мудрые.

17. „О Гърги! Превѣчнымъ его называютъ брахманы. Онъ не громаденъ и не атомъ; не кратокъ и не дологъ, не красенъ, не влаженъ, безъ тѣни, безъ мрака, безъ вѣтра, безъ воздуха, уединенъ, безъ вкуса, безъ запаха, безъ ока, безъ слуха, безъ рѣчи, безъ ума, безъ сіянія, безъ дыханія, безъ лица, безъ мѣры.

18. „О Гърги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ луна и солнце.

19. „О Гърги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ небо и земля.

20. „О Гърги! Въ власти превѣчнаго подчинены пребываютъ мгновенія, минуты, день и ночь, полмѣсяцы, мѣсяцы, времена года.

21. „О Гърги! Во власти превѣчнаго текутъ рѣки отъ свѣтлыхъ горъ, съ запада и иные съ востока.

22. „О Гърги! Кто, не познавъ превѣчнаго, въ этомъ мірѣ дѣлаеть приношенія, жертвы и многія тысячелѣтія подвижается, того выгода конечна.

23. „О Гърги! Убогъ тотъ, кто, не познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого міра. О Гърги! Брахманъ тотъ, кто, познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого міра.

24. „О Гърги! Превѣчный незримъ и незрящъ, неслышимъ и не слышитъ, неразумѣемъ и неразуменъ, непознаваемъ и не познаеть. Въ немъ превѣчномъ, о Гърги, пространство заключено.

25. Страшась его вѣтъ вѣтеръ, солнце выходитъ, огонь, индра и пятая смерть стремятся.

26. „Весь трепещущій міръ, что ни есть, вышелъ отъ духа. Безсмертны познавшіе многострашный подъятый жезлъ“.

Книга заканчивается „завѣтомъ“, о которомъ было упомянуто выше:

„Омъ! Сегодня, въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣсяцѣ, въ такой-то день приѣмлю божій законъ:

1. „Возлюбя творца, хранителя, разрушителя, спасенія подателя, премудраго, вездѣсущаго, въ полной благодати счастливаго, нераздѣльнаго, единаго и себѣ подобнаго не имѣющаго, великаго бога, и свершая дѣла имъ возлюбленныя, стану чтить его.

2. „Творецъ всего—великій богъ. Не стану чтить ничего созданнаго.

3. „Безболѣзненъ и не скорбенъ, ежедневно мысленно сосредоточившись, съ вѣрою и любовію стану размышлять о великомъ богѣ.

4. „Буду стараться о нахожденіи добраго.

5. „Буду стараться о прекращеніи зла.

6. „Впавъ по неразумѣнію въ грѣхъ и спасенія желая, не согрѣшу съ-изнова.

7. „Ежегодно отъ успѣшнаго мірскаго дѣла полученное стану жертвовать „божью обществу“.

„О великій духъ, даруй мнѣ способность сохранить этотъ великій законъ.

„Омъ! Единъ и себѣ подобнаго не имѣющій“.

Образцомъ брахмаическихъ гимновъ можетъ служить слѣдующій, взятый изъ *Brahma sangita*, стр. 5:

„Богатствомъ, родомъ, молодостію не гордись. Уносить мгновенно время все. Отвергни все призрачное это, и, познавъ, спѣши къ стопамъ Бога.

„Трепещетъ капля на листѣ лотуса, такъ и жизнь чрезмѣрно не постоянна.

„Связь съ добрымъ, хоть бы и на мгновеніе, есть ладья для переправы чрезъ океанъ бытія.

„День и ночь, вечеръ и утро, осень и весна опять и опять приходятъ. Играетъ время, и жизнь уходитъ, но всякія надежды не покидаютъ.

„Ребенокъ къ игрушкѣ привязанъ, въ красавицу юноша влюбленъ, и старецъ въ свои мысли погруженъ; а къ благу всевышнему никто не прибѣгъ“.

Гимны брахмаистовъ кратки и всѣ написаны въ подражаніе болѣе древнимъ санскритскимъ образцамъ или же христіанскимъ молитвамъ. Этимъ послѣднимъ характеромъ отличается пѣснопѣніе прогрессивнаго „божья общества“.

7.

Брахмаизмъ обоихъ видовъ, какъ уже не разъ было выше замѣчено, есть результатъ столкновенія Индіи съ западною цивилизаціею, хотя этотъ фактъ и не всегда признается самими брахмаистами. Многіе изъ нихъ въ послѣднее время склонны отрицать западное и христіанское вліяніе, для не предубѣжденнаго ясно сказывающееся въ ихъ ученіи, книгахъ, обрядахъ, и во всѣхъ учрежденіяхъ. То, что они проповѣдуютъ, имъ кажется новостью, а между тѣмъ все это вычитано изъ европейскихъ писателей и даже изъ не лучшихъ представителей западной мысли и науки.

Но наченіе брахмаизма черезъ это самое нисколько не уменьшается: явленіе это важно уже потому, что не единично въ Индіи; тотъ же духъ отрицанія старыхъ порядковъ и стремленіе къ чему-то доселѣ совершенно неизвѣстному въ Индіи сказывается не только въ религіозной сферѣ, но и въ другихъ. Въ Индіи въ нашъ вѣкъ народилась туземная прес-

са, правда, пока еще неумѣлая, и нынѣ отчасти стѣсняемая правительствомъ явились политическія общества, изъ нихъ важнѣйшее (British Indian Association) пока строго консервативное въ англійскомъ духѣ и защищаетъ интересы землевладѣльцевъ. Неизвѣстно, однакоже, какое направленіе приметъ индійскій народный духъ вполне эманципированный. А между тѣмъ понять это направленіе несомнѣнно важно для настоящихъ правителей Индіи.

Они познакомили Индію съ современною европейскою мыслью, преисполненною сомнѣніями и отрицаніями, внесли туда свою цивилизацію, которая была для индійской жизни силою разрушающею. Никогда Индія не знала проявленія такого отчаяннаго радикализма, какъ всѣ начинанія англо-индійскаго правленія, разшатывающія старыя порядки, предрасудки и вѣрованія.

И этотъ радикализмъ на мѣстѣ разрушеннаго не успѣлъ еще создать ничего прочнаго своего. Индія наканунѣ тревожнаго переходнаго состоянія; когда она почувствуетъ, что ей не во-что вѣрить, что все старое плохо, а до новаго она еще не додумалась и не доросла, тогда дѣйствительно эта зіяющая пропасть будетъ страшна англичанамъ.

Возвышаясь надъ управляемыми своею старою культурою и будучи ненавистны имъ гордымъ сознаніемъ своего культурнаго превосходства англичане, Богъ знаетъ, смогутъ-ли тогда руководить юнымъ отрицающимъ обществомъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ:

Очерки индіи (продолженіе).

III. Въ Камаонѣ: Алмора и алморскіе пѣвцы	1
IV. Сѣверная и сѣверо-западная граница Индіи; проходы въ Индію	44
V. Англійскіе законы въ Индіи	78
VI. Махтура и Вишнуиты	128
VII. Мусульмане въ Индіи	161
VIII. Молодая Индіи и Брахмансты	184

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ИЗДАНІЯ

Д. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

1877—1878 гг.

(Невскій проспектъ, домъ № 30, кв. № 7.)

- Генсли и Мартинъ. Практическія работы по Ботаникѣ и Зоологіи, пер. А. Я. Герда 1—25
Книга эта признана Уч. Ком. М. Н. Пр. «полезнымъ учебнымъ пособіемъ для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ».
- А. Я. Гердь. Учебникъ Зоологіи для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія.
1-я часть, Безпозвоночныя; съ 239 рисунками въ текстѣ. 2— »
Уч. Ком. М. Н. Пр. постановилъ: «одобрить оную въ качествѣ учебнаго пособия для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и для основныхъ и ученическихъ бібліотекъ гимназій».
- Смайльсъ. Исторія Шотландскаго натуралиста Т. Эдварда, пер. С. И. Смирновой. 2— »
Уч. Ком. М. Н. Пр. постановилъ: «допустить ее въ учебныя бібліотеки гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, преимущественно для старшаго возраста».
- Ф. Ф. Эрисманъ. Гигіена умственнаго и физическаго труда (Профессиональная гигиена) 2— »
Тѣтъ. О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаний, пер. подъ редакціей И. М. Съченова; съ 24 рис. въ текстѣ. 2—50
- В. А. Манассѣинъ. Означеніи психическихъ вліяній (изъ курса читаннаго въ М. Х. Академіи). 1—25
- Гейни. Учебникъ физической географіи, пер. А. Я. Герда; съ 78 рисун. въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи 2— »
Ф. Ф. Эрисманъ. Общедоступная гигиена. 1—75
Тоже на веленовой бумагѣ 2— »
- Общедоступный Космосъ: Роско. Изъ чего составлена земля. Докаеръ. Почему таковъ составъ земли. Уильямсонъ. Последовательность жизни на землѣ; съ 50 рис. въ текстѣ. 1—25
- И. П. Миндѣвъ. Путешествіе по Индіи и Цейлону. 2—50
- Фостеръ. Начальный Практическій Курсъ Физиологіи, пер. С. В. Пантелъевой 1—50

ПЕЧАТАЮТСЯ.

- А. Я. Гердь. Учебникъ Зоологіи, часть II. Позвоночныя
Топинаръ. Антропология, перев. съ франц. изд. 1877 г. подъ ред. проф. И. И. Мечникова.
А. Я. Гердь. Краткій курсъ Естествознанія.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- А. Я. Гердь. Практическія работы по Физикѣ.
Прентерь: Популярный курсъ Астрономіи, персв.
съ 4-го англ. изданія.
- В. А. Манассеимъ: Лекціи Общей Терапіи
- Барухъ Спиноза: Этика, пер. съ латинскаго М. А. Антоно-
вича.
- С. Диевансъ: Основы Науки. Трактатъ о Логикѣ и Науч-
номъ методѣ.

Учебныя заведенія и другія общественныя учрежденія обра-
щающіяся непосредственно къ издателю при требованіи на 25 р.
пользуются бесплатной пересылкой.

Изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢВА.

(Невскій пр., д. № 30, кв. № 7.)

НЕДАВНО ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Ф. Ф. Эрисманъ. Общедоступная гигиена. Цѣна
1 р. 75 к.

Тоже на веленовой бумагѣ. 2 р.

Общедоступный Космосъ: Роско. Изъ чего составлена
земля. Локаеръ. Почему таковъ составъ земли. Уиль-
ямсонъ. Послѣдовательность жизни на землѣ; съ 50
рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

Фостеръ. Начальный Практическій Курсъ Физиологiи, пер.
С. В. Пантелѣвой. Цѣна 1 р. 50 к.